

3583

370

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

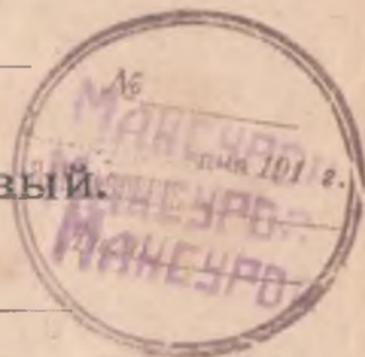
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ВОЗВРАТИТЬ
БИБЛИОТЕКУ
М. И.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МАКСИМОВЪ

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1902.

150

Типография А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

Бюджетно-учреждение
города Омска
«Омские муниципальные библиотеки»

43 ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА

208870²

Николай Семеновичъ Лѣсковъ.

Чтобы оцѣнить писателя по достоинству, надо прежде всего его понять. Это элементарное правило здоровой критики соблюдается очень рѣдко. Обыкновенно критикъ, придерживаясь извѣстныхъ воззрѣній и подвергая даннаго писателя оцѣнкѣ, только удостоверяется, подходит ли этотъ писатель подъ его воззрѣнія, и если подходит, то одобряетъ его, если не подходит — высказываетъ ему порицаніе. Такимъ образомъ господствующій методъ критики мало выясняетъ духовную фізіономію писателя: писатель остается въ тѣни, а на первый планъ выступаетъ личность критика.

Николай Семеновичъ Лѣсковъ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ нашихъ писателей. Если мы назовемъ Гончарова, Тургенева, Островскаго, Достоевскаго, Писемскаго, Салтыкова, Л. Толстого, то Лѣсковъ присоединяется къ этой блестящей плеядѣ, какъ талантъ не во всемъ имъ равный, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имъ не уступающій и превосходящій ихъ въ другихъ. Но, какъ всѣ эти выдающіеся представители нашей литературы, и Лѣсковъ имѣетъ свою собственную, рѣзко обозначенную фізіономію. Онъ сказалъ свое самостоятельное слово. Вся образованная Россія это сознаетъ. Одинъ изъ нашихъ наиболее добросовѣстныхъ литературныхъ критиковъ, г. Венгеровъ, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ Лѣскова: «Подходи нѣкоторыми сторонами своего таланта къ Островскому, Писемскому и Достоевскому, онъ ни одному изъ этихъ великихъ мастеровъ русскаго слова не уступаетъ по чисто-художественнымъ силамъ... Ни у одного русскаго писателя нѣтъ та-

кого неисчерпаемаго богатства фабулы... Въ тѣсной связи съ богатствомъ фабулы находится сконцентрированность беллетристической манеры Лѣскова... Наконецъ не много знаешь Лѣсковъ соперниковъ въ русской литературѣ по колоритности и оригинальности своего языка». Но тотъ же критикъ прибавляетъ, что «критика мало имъ занималась, и только успѣхъ въ публикѣ полнаго собранія его сочиненій скрасилъ это несоотвѣтствовавшее размѣрамъ его художественнаго дарованія положеніе».

Въ послѣднихъ словахъ есть преувеличеніе. О Лѣсковѣ очень много писали, имъ очень много занимались, быть-можетъ, въ общемъ не менѣе, чѣмъ нѣкоторыми другими первоклассными писателями, напр. Гопчаровымъ. Были моменты, когда вся Россія говорила о Лѣсковѣ, и никогда читавшая публика о немъ не забывала. Но слова названнаго критика вѣрны въ томъ отношеніи, что духовный обликъ Лѣскова, своеобразность котораго всѣ чувствуютъ, не отмѣченъ и не разъясненъ еще никѣмъ. Вся Россія читаетъ Лѣскова, наслаждается его произведениями, знакомится по нимъ со многими сторонами русской дѣйствительности, изображенными покойнымъ писателемъ съ неподражаемымъ мастерствомъ, находятъ себѣ въ нихъ перѣдко утѣшеніе, черпаютъ въ нихъ бодрость,—а русская литературная критика до сихъ поръ не дала ни біографіи, ни сколько-нибудь обстоятельной оцѣнки этого столь заслуженнаго писателя. Правда, Лѣсковъ отчасти раздѣляетъ въ этомъ отношеніи участь другихъ выдающихся представителей русскаго слова. Но врядъ ли кому-либо изъ нихъ посчастливилось менѣе Лѣскова. И Тургеневъ, и Островскій, и Салтыковъ только еще ожидаютъ своего безпристрастнаго критика, но каждому изъ этихъ писателей посвящены обстоятельныя изслѣдованія, въ которыхъ сдѣлана, по крайней мѣрѣ, попытка установить ихъ уметвенный обликъ. Лѣскову же, кромѣ журнальной полемики *) , бѣглыхъ рецензій,

*) Наиболѣе обширныя статьи этого рода принадлежатъ гг. Протопопову и Слабичевскому («Больной талантъ» и «Чѣмъ отличается направление въ искусствѣ отъ партійности», — «Русская Мысль» и «Сѣверный Вѣстникъ» 1891 г.).

воспоминаній *), посвящена только одна болѣе серьезная критическая статья, принадлежащая г. Венгеру, да и то это — статья энциклопедическаго словаря (Брокгауза и Ефрона), слѣдовательно удовлетворяющая по своей цѣли и размѣрамъ только требованіямъ, которыя вообще предъявляются статьямъ подобнаго рода.

Спрашивается, почему столь выдающагося писателя, какъ Лѣсковъ, постигла такая участь? Ключъ къ разгадкѣ этого вопроса заключается въ первыхъ строкахъ нашей характеристики. Русская литературная критика до сихъ поръ не задавалась цѣлью *понять* нашего автора: къ нему прикладывали лишь мѣрку собственныхъ воззрѣній и симпатій тѣ или другіе критики, и такъ какъ Лѣсковъ по причинамъ, которыя мы впоследствии разъясимъ, подъ эту мѣрку не подходилъ, то оцѣнка его не могла быть ни справедливою, ни убѣдительною. Надъ Лѣсковымъ до сихъ поръ произносила судъ не русская литературная критика, а та или другая партія. Попытаемся же установить его умственный обликъ, руководствуясь не голосомъ представителей разныхъ партій, а анализомъ его произведеній. Осмыслить наслажденіе, которое Лѣсковъ доставляетъ читателю, выяснить, за что онъ боролся и страдалъ, указать на ту высшую цѣль, къ которой онъ стремился всѣми силами своего блестящаго дарованія, отмѣтить, почему онъ на ряду съ другими выдающимися нашими писателями вызывалъ и много злобы, и много любви, словомъ, понять его, вотъ — задача немногихъ, къ сожалѣнію, строкъ, которыя мы можемъ посвятить ему въ этой вступительной статьѣ къ его произведеніямъ.

I.

«Чтобы понять писателя (поэта), надо побывать въ его странѣ». Это извѣстное и во многихъ отношеніяхъ глубокое изреченіе можетъ быть понято и въ томъ смыслѣ, что надо изучить всю обстановку, въ которой родился, воспитывался и провелъ свою молодость писатель, чтобы должнымъ образомъ его оцѣ-

*) «Памяти Н. С. Лѣскова» и «Поминка Н. С. Лѣскова» г. Фарсова («Историческій Вѣстникъ» 1895 г. и «Книжки Недѣли» 1896 г.).

нить. По крайней мѣрѣ по отношенію къ Лѣскову это безусловно вѣрно. Если мы будемъ его оцѣнивать съ точки зрѣнія разныхъ взглядовъ, стремленій и вѣяній, господствовавшихъ въ нашемъ обществѣ въ періодъ 35-лѣтней литературной дѣятельности Лѣскова, то мы его врядъ ли поймемъ, т.-е. уяснимъ себѣ осуществленную имъ крупную литературную задачу. Съ точки зрѣнія этихъ вѣяній онъ постоянно былъ, что называется, не ко двору: ни одна изъ нашихъ партій не признавала его своимъ человѣкомъ, и если онъ повидимому примыкалъ то къ одной, то къ другой, то очень скоро пропеходилъ разрывъ. Примкнувъ въ началѣ своей литературной дѣятельности къ либеральной партіи, онъ вскорѣ разошелся съ нею и снова какъ бы примкнулъ къ ней подъ конецъ своей жизни. Одно время могло казаться, что онъ прочно присоединился къ консервативной партіи, но и консерваторы вскорѣ отшатнулись отъ него. Если теперь предположить, что воззрѣнія либеральной и консервативной партій составляютъ нѣчто болѣе или менѣе неизмѣнное, то логически получается тотъ выводъ, что самъ Лѣсковъ сильно колебался въ своихъ воззрѣніяхъ. Такимъ и изображаетъ его ходячая литературная критика. Но если изучить добросовѣстно его произведенія, то мы придемъ къ совершенно другому выводу: мы убѣдимся, что воззрѣнія Лѣскова въ общемъ необычайно устойчивы, что онъ остался самимъ собою съ начала до конца, что многое измѣнялось вокругъ него, но что онъ самъ не измѣнялся.

Какъ же объяснить это на первый взглядъ совершенно непонятное явленіе,—какъ объяснить себѣ, что казавшееся неизмѣннымъ измѣнялось, а неизмѣнное казалось измѣнчивымъ? Не происходилъ ли тутъ обманъ зрѣнія, напоминающій известное явленіе, когда при встрѣчѣ двухъ поѣздовъ пассажирамъ движущагося поѣзда кажется, что движется другой поѣздъ, на самомъ дѣлѣ стоящій неподвижно. На первый разъ мы оставляемъ этотъ вопросъ неразрѣшеннымъ, потому что убѣдительный отвѣтъ на него можетъ получиться лишь послѣ того, какъ мы вдумаемся въ жизнь Лѣскова и въ его дѣятельность. Онъ, какъ мы увидимъ, представляютъ нѣчто цѣльное, однолитное и ко-

релятся не въ тѣхъ или другихъ вѣяніяхъ или настроеніяхъ нашего общества, а въ русской дѣйствительности, въ тѣхъ условіяхъ нашей общественной и обще-народной жизни, которыя Лѣсковъ изучилъ очнь глубоко даже по признанію лицъ, укоряющихъ его въ измѣчивости настроенія, взглядовъ и убѣжденій.

Лѣсковъ началъ писать, въ отличіе отъ многихъ другихъ литераторовъ, сравнительно поздно: ему было уже почти тридцать лѣтъ, когда появилась первая его статья въ печати. Но и это конечно не имѣло бы большого значенія, если бы Лѣсковъ прошелъ обыкновенный курсъ образованнаго человѣка, т.-е. кончилъ бы курсъ сперва въ гимназій, а потомъ въ университетѣ. Его жизнь сложилась бы тогда такъ, какъ слагается жизнь громаднаго большинства интеллигентныхъ людей: примѣрно до 24 лѣтъ онъ посвятилъ бы себя книжнымъ занятіямъ въ четырехъ стѣнахъ городской квартиры, а затѣмъ вступилъ бы уже въ жизнь, если не былъ бы обреченъ на канцелярскую работу въ какомъ-нибудь присутственномъ мѣстѣ. Но жизнь Лѣскова сложилась совершенно иначе: свои впечатлѣнія онъ черпалъ гораздо меньше изъ книгъ, чѣмъ изъ живой дѣйствительности, съ которой онъ сталкивался въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ и непосредственная связь съ которой у него не прерывалась до того времени, какъ онъ окончательно посвятилъ себя писательству. Только шесть лѣтъ своей молодости онъ провелъ въ стѣнахъ гимназій: съ 10 до 16 лѣтъ, да и то пребываніе въ гимназій постоянно прерывалось поѣздками на каникулы и рождественскія вакаціи въ деревню, съ которой онъ поддерживалъ постоянную связь. Родился онъ въ деревнѣ (4-го февраля 1831 г. въ селѣ Гороховѣ, орловской губерніи), затѣмъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Орлѣ, чтобы опять на нѣсколько лѣтъ переселиться въ деревню. Тутъ слѣдовало пребываніе въ гимназій въ томъ же Орлѣ, смѣнившись службою въ орловской уголовной палатѣ. Но уже 18 лѣтъ отъ роду онъ переселяется въ Кіевъ, поступаетъ на службу въ тамошнюю казенную палату, имѣетъ общеніе со студентами, пользуется руководительствомъ нѣкоторыхъ изъ кіевскихъ профессоровъ, въ то же время

разъѣзжаетъ по уѣздамъ, знакомится съ народнымъ бытомъ, затѣмъ посвящаетъ себя коммерческой службѣ и въ качествѣ агента англичанина Шкота страпствуеъ по Россіи въ теченіе пяти-шести лѣтъ. За все это время онъ постоянно сталкивается съ людьми самыхъ разнообразныхъ профессій, видитъ другіе края, прислушивается къ тому, что занимаетъ, волнуетъ, озабочиваетъ людей въ самомъ различномъ положеніи. За границей Лѣскова побывалъ три раза, посетилъ Германію, Францію, бывалъ въ славянскихъ странахъ. Словомъ, Лѣскова по всей справедливости можно назвать человѣкомъ бывалымъ, видѣвшимъ и слышавшимъ очень много на своемъ вѣку и притомъ не изъ вторыхъ рукъ, а непосредственно въ самой жизни. Если же прибавить къ этому его необычайную наблюдательность, его даръ быстро схватить и осмыслить видѣнное и слышанное, на долгіе годы сохранять въ памяти свои впечатлѣнія, то мы поймемъ, какъ должна была отразиться на его писательской дѣятельности практическая школа, которую онъ прошелъ уже въ дни молодости. Лѣскова, быть-можетъ, менѣе всякаго другого изъ нашихъ писателей можно назвать книжнымъ человѣкомъ: онъ векормленъ не книгами, а самою жизнью, что вовсе, однако, не значить, чтобы книжная мудрость ему была чужда; онъ сторицею восполнилъ вполсѣдствіи недочеты полученнаго имъ, такъ сказать, офиціальнаго образованія, да и въ молодости, какъ мы сейчасъ увидимъ, читалъ не мало. Но главнымъ руководителемъ его была все-таки не книга, а жизнь... Быть-можетъ, это—одна изъ причинъ неспособности многихъ критиковъ оцѣнить его по достоинству.

Но посмотримся ближе къ тому, какъ вліяла жизнь на молодого Лѣскова. Тутъ мы должны взять сперва отдѣльныхъ лицъ, а потомъ и общія условія. Прежде всего конечно вниманіе наше останавливается на родителяхъ Лѣскова, на его отцѣ и матери. По происхожденію своему нашъ знаменитый писатель офиціально признается дворяниномъ: на самомъ дѣлѣ въ его жилахъ течетъ смѣшанная кровь. Его дѣдъ — священникъ, его бабушка — изъ купеческаго сословія; его отецъ — личный дворянинъ, чиновникъ, его мать — потомственная дворянка. Такимъ образомъ соедини-

лись четыре сословія, чтобы дать намъ Лѣскова. Въѣтъ съ тѣмъ онъ съ ранняго дѣтства постоянно находился подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ четырехъ сословіи, а въ лицѣ дворовыхъ людей и нянекъ еще подъ сильнымъ вліяніемъ пятаго, крестьянскаго сословія: его няня была московская солдатка, нянькою его брата, рассказами которой онъ заслушивался, — крѣпостная. Намъ кажется, что трудно представить себѣ болѣе значительнаго разнообразія въ воздѣйствіи представителей разныхъ нашихъ сословіи на жизнь ребенка, тѣмъ болѣе, что, какъ мы увидимъ, на него вліяли и представители другихъ національностей, въ томъ числѣ особенно сильно нѣмецъ и англичанка.

Но остановимся сперва на отцѣ и матери. Какъ видно изъ личныхъ воспоминаній самого Лѣскова, щедрою рукою разбросанныхъ въ его произведеніяхъ, онъ былъ любящимъ сыномъ, но ни отецъ, ни мать не были тѣми личностями, которыя оказали наиболѣе сильное воздѣйствіе на его міросозерцаніе. Отца онъ лишился рано. Лѣсковъ изображаетъ его человѣкомъ благомыслящимъ, довольно гуманно относившимся къ своимъ крестьянамъ и до нѣкоторой степени пристрастнымъ къ литературѣ. Такимъ образомъ книгъ въ родительскомъ домѣ было не мало. Но по всему видно, что отецъ Лѣскова въ умственномъ отношеніи былъ натурою болѣе воспримчивою, чѣмъ дѣятельною: онъ неправо служилъ, старался увеличить достатокъ своей семьи, даже приобрѣлъ имѣніе, въ которомъ сынъ провелъ нѣсколько лѣтъ, но вскорѣ все это пошло прахомъ. Самъ отецъ умеръ отъ холеры, оставшееся въ Орлѣ имущество сторѣло во время извѣстныхъ орловскихъ пожаровъ, и молодому Лѣскову пришлось уже въ ранней молодости испытать тяжелую нужду. Что касается до матери, то сынъ изображаетъ ее женщиною ничѣмъ особеннымъ не выдававшееся, жившею по установившимся въ ея быту традиціямъ, болѣе склонною къ старинѣ, чѣмъ ко всякаго рода повнествамъ. Значить, не съ этой стороны намъ надо искать наиболѣе рѣшительныхъ факторовъ, вліявшихъ на Лѣскова въ дѣтствѣ. Въ его воспоминаніяхъ гораздо рельефнѣе выступаютъ другія личности: няньки, дворовые люди, учителя, священники, родственники.

Чтобы охарактеризовать вліяніе, которое имѣли эти различные лица на Лѣскова, достаточно вспомнить самыя типичныя фигуры. Возьмемъ, напрямѣръ, няньку Любовь Описимовну, бывшую крѣпостную и актрису графа Каменскаго, которая влюбилась въ крѣпостного же гриммировщика Аркадія, бѣжала съ нимъ, была настигнута людьми графа, затѣмъ чуть было не кончила жизнь самоубійствомъ, подвергнутая пыткамъ слушать, какъ подъ поломъ ея комнаты истязали любимаго человѣка, и вынужденная пріяты ласки своего грознаго властителя, и наконецъ была для дальнѣйшихъ мукъ сдана на скотный дворъ. Такіе рассказы слушала Лѣсковъ, когда былъ ребенкомъ. Рассказывала эта нянька и о томъ, какъ палачу передъ дѣломъ давали выпивать три стакапа рому, какъ онъ билъ сто разъ кнутомъ свою жертву «для одного мученія», но сто первый разъ «такъ щелкаетъ, что всю позвоночную кость растрясать», а затѣмъ все еще покрикиваетъ: «давай еще кого бить, — всѣхъ орловскихъ убью!» («Тупейный художникъ»). А вотъ дворовая баба Аграфена, вышедшая замужъ за крѣпостного, но, хотя и свободная сама, оставшаяся при своихъ крѣпостныхъ дѣтихъ, гордая, суровая, честная, никогда не жаловавшаяся на свою судьбу. Не спасла она, однако, свою больную дочку Васенку. Опасаясь, что во время ея отсутствія дочку ея могутъ заподозрѣть въ томъ, что она таскаетъ господскій хлѣбъ (дѣло происходило во время голода), Аграфена послала ее въ общую людскую избу, а Васенка побоялась туда идти, потому что тамъ, въ сѣняхъ, была бѣлая телка, забила ее на чердакъ и тамъ окончила. Глубоко трогательны тѣ страницы, на которыхъ Лѣсковъ описываетъ чувство жалости къ Васенкѣ и какъ онъ, видя горе Аграфены, бросился весь въ слезахъ къ ней на шею. А между тѣмъ въ горѣ Аграфены была повинна сама мать Лѣскова, потому что упрекнула ее въ томъ, что она дастъ дочери господское добро. Но всѣ симпатіи Лѣскова были на сторонѣ несчастной дворовой бабы («Юдоль»). Возьмемъ еще двороваго человѣка Храпошку, который на потѣху дяди Лѣскова долженъ былъ затравить любимаго ручного медвѣдя. Медвѣдь, однако, спасся, и Храпошку ожидало страшное наказаніе.

Случилось это въ рождественскій сочельникъ. Вся семья собралась передъ елкою и ждала рѣшенія главы семейства. Былъ тутъ и священникъ, о. Алексѣй. Старикъ пригласилъ всѣхъ молиться рожденному Христу, говорилъ о любви, о прощеньи, о долгѣ каждаго утѣшить друга и недруга во имя Христова. Всѣ понимали, къ чему клонится его слово, всѣ слушали его съ особеннымъ чувствомъ, какъ бы молясь, чтобы это слово достигло цѣли. Оно тронуло и грознаго дядю. Произошло нѣчто удивительное: онъ проронилъ слезу. Позванъ былъ Храпошка, и дядя далъ ему вольную со словами: «Ты любишь звѣря, какъ не всякій умѣетъ любить человѣка». Храпошка, однако, остался при дядѣ, и тотъ его въ шутку постоянно называлъ «укротителемъ звѣря» («Звѣрь»). Тутъ мы въ то же время видимъ, какое вліяніе имѣлъ на Лѣскова пастырь церкви. «Я былъ очень счастливъ, — говоритъ онъ въ другомъ разсказѣ: — въ томъ отношеніи, что первые уроки религіи мнѣ даны были преемственнымъ христіаниномъ. Это былъ орловскій священникъ Остромысленій, — хорошій другъ моего отца и другъ всѣхъ насъ, дѣтей, которыхъ онъ умѣлъ научить любить правду и милосердіе».

Однако въ этомъ же разсказѣ («Пугало») онъ упоминаетъ о томъ, что интеллигентное руководство дѣтьми было ввѣрено дьяконскому сыну, исключенному изъ семинаріи ритору, который «состоялъ при моей особѣ на линіи наставника». Надъ этимъ наставникомъ Лѣсковъ добродушно подсмѣивается и очень далеко отъ того, чтобы перенести на него чувства уваженія, которыя онъ питалъ къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ духовнаго званія. Между своими наставниками онъ вообще дѣлалъ большое различіе: тѣхъ, кто умѣлъ на него повліять въ хорошемъ направленіи, онъ не забывалъ до заката своихъ дней. Тутъ умѣстно будетъ вспомнить о типической фигурѣ длиннаго и тощаго нѣмца, носившаго прозваніе «Козы». Очень недолго оставался этотъ наставникъ въ домѣ; но о немъ Лѣсковъ никогда въ жизни не забывалъ. Въ гости пріѣхала губернаторша. Ея сынъ оборвалъ въ саду какую-то рѣдкостную сливу. Исчезновеніе сливы было замѣчено, и за это жестоко выпороли пи въ

чемъ неповиннаго сына садовника. Самъ виновный промолчалъ; промолчали и остальные дѣти, но, ложась спать, Лѣсковъ не стерпѣлъ и сказалъ Козѣ, что сына садовника наказали напрасно. На другой день оказалось, что учителя уволили: онъ явился къ господамъ и наговорилъ губернаторшѣ много непріятныхъ вещей. Въ домѣ дѣти не рѣшились съ нимъ проститься, но подкараулили его въ нѣкоторомъ отдаленіи, и тутъ между учителемъ и воспитанниками произошелъ характерный разговоръ, кончившійся предсказаніемъ, что они еще увидятся. «Гдѣ же, гдѣ?» — кричали дѣти велѣдъ учителю, а онъ отвѣчалъ: «Все равно... Иногда увидимся... и опять... не увидимся»... «И еще что-то такое, а самъ все дальше и дальше отъ глазъ и скрылся, и съ тѣхъ поръ ушло очень много лѣтъ и Козы долго, очень долго не было предо мною, но потомъ онъ вдругъ совершенно неожиданно явился разъ и два и сталъ такъ близко, какъ будто опъ и не отходилъ, и затѣмъ опять исчезнетъ и опять откуда-то возьмется:—у всѣхъ напоенныхъ однимъ духомъ должно быть одно разумѣніе жизни»..

Мы видимъ, какъ близко соприкасается вліяніе, оказанное на Лѣскова отцомъ Алексѣемъ и этимъ учителемъ—пѣмцемъ. Но возьмемъ еще одну личность, имѣвшую сильное вліяніе на нашего писателя. Мы говоримъ объ его теткѣ Пелагеѣ Дмитріевнѣ или, какъ се въ семьѣ называли, тетѣ Поляи. Въ 1840 году, когда нашему писателю было девять лѣтъ, разразился въ орловской губерніи страшный голодъ и велѣдъ затѣмъ между крестьянскимъ людомъ стала свирѣпствовать очень опасная эпидемическая болѣзнь. Родители Лѣскова не знали, что и дѣлать. Врачебной помощи тогда, понятно, не было, и крестьяне умирали совершенно безпомощно. Въ эту критическую минуту отецъ послалъ за тетеею Поляи, и она тотчасъ же пріѣхала съ своимъ неразлучнымъ другомъ, квакершею англичанкою Гильдсгардою. Вмигъ картина перемѣнилась. Больные были отдѣлены отъ здоровыхъ, устроены были временной лазаретъ, оказана была возможная медицинская помощь, и все это почти безъ всякихъ затратъ, дѣловито, умно, практично. Вечеромъ послѣ дневной работы, тетя Поляи вмѣстѣ съ своимъ другомъ квакершею молились,

ибли духовныя ибени, а въ это время девятилѣтній Лѣсковъ, уткнувшись лицомъ въ спинку мягкаго кресла, плакалъ впервые слезами невѣдомаго ему до той поры счастья. Ему казалось, что тихій свѣтъ озаряетъ его сердце, и что въ то же время все въ комнатѣ, и голодные мужики, и вся земля несутся куда-то навстрѣчу мірамъ. «О, если бы за все скорби жизни земной еще разъ получить такую минуту при уходѣ изъ тѣла. Этотъ вечеръ, который я вспоминаю теперь, когда голова моя значительно укрыта снѣгомъ житейской зимы, кажется, имѣлъ для меня значеніе на всю мою жизнь» («Юдоль»). Въ этой тѣлѣ Полли совмѣщаются двѣ черты: подъ вліяніемъ квакерни она исполнилась глубокаго религіознаго чувства и въ то же время научилась приходить на помощь ближнему. Душа ребенка, подготовленная видомъ страданій дворовыхъ людей и крѣпостныхъ вообще, жаждала придти имъ на помощь; но онъ не зналъ, какъ приняться за это дѣло, и первое указаніе дано было тетеею Полли. Тѣ же двѣ черты дѣятельной любви къ ближнему и глубокаго религіознаго чувства въ высокой степени совмѣщались въ бабушкѣ Лѣскова, происходившей изъ московскаго купческаго рода и взятой въ замужество въ дворянскій родъ «не за богатство, а за красоту». Но лучшія ея свойства были «душевная красота и свѣтлый разумъ, въ которомъ всегда сохранялся простонародный складъ». До конца жизни она говорила: «эхтотъ» вмѣсто «этотъ», считала слово «мораль» оскорбительнымъ и никакъ не могла выговорить: «бухгалтеръ», по гдѣ только она узнавала о людской бѣдѣ, она приходила ей на помощь просто, съ тѣмъ здравымъ смысломъ, который характеризуетъ нашъ народъ. Ей было рѣшительно все равно, кто нуждался въ помощи или добромъ совѣтѣ: достаточно ей было узнать о несчастіи, какъ бабушка Александра Васильевна снѣшила къ нему на помощь. Несчастіе всего, однако, былъ народъ, и поэтому она чаще всего заботилась о немъ. Съ этою бабушкою Лѣсковъ часто страствовалъ по лѣснымъ монастырямъ, но такъ называемымъ пустынямъ, и эти страствованія повторялись въ теченіе четырехъ лѣтъ, до самаго поступленія Лѣскова въ губернскую гимназію. Онъ тогда уже началъ знакомиться съ монастырскою

жизнью («Овцебыкъ»). Но релігіозное его чувство, благодаря вліянію какъ этой бабушки, такъ и тети Полли, не имѣло въ себѣ ничего мистическаго, а носило характеръ дѣйтельной, практичной, осмысленной любви къ ближнему.

О гимназическихъ учителяхъ и наставникахъ Лѣсковъ почти ничего не упоминаетъ въ свихъ воспоминаніяхъ, какъ вообще самая гимназія на него не оказала сколько-нибудь значительнаго вліянія. Говоря о своемъ пребываніи въ гимназіи, Лѣсковъ любилъ вспоминать, что онъ тогда перечиталъ много книгъ, особенно беллетристическаго содержанія. Онъ часто посѣщалъ домъ г-жи Зиновьевой, племянницы извѣстнаго нашего писателя князя Масальскаго, автора многихъ историческихъ романовъ и рассказовъ и, кажется, перваго у насъ переводчика бѣсмертнаго Донъ-Кихота. У этой г-жи Зиновьевой была богатая бібліотека, и Лѣсковъ до 15-лѣтняго возраста перечиталъ ее всю.

Гораздо болѣе значительное вліяніе имѣли на него нѣкоторые кіевскіе профессора, подъ руководствомъ которыхъ онъ занимался, состоя чинникомъ тамошней казенной палаты. Изъ этихъ профессоровъ онъ особенно любилъ вспоминать о Журавскомъ, авторѣ нѣсколькихъ статистическихъ изслѣдованій и горячемъ приверженцѣ освобожденія крестьянъ, составившемъ записку «о крѣпостныхъ людяхъ и о средствахъ устроить ихъ положеніе на лучшихъ началахъ» и пытавшемся приложить свои освободительныя идеи въ имѣніяхъ графовъ Перовскихъ. За память этого любимаго профессора Лѣсковъ неоднократно заступался впоследствии («Смѣхъ и горе»). Обищеніе съ нимъ было ему особенно дорого не только потому, что тотъ постоянно мечталъ объ улучшеніи участи крестьянъ, къ страданіямъ которыхъ Лѣсковъ такъ близко присмотрѣлся въ дни своего дѣтства, но и потому еще, что Журавскій по образу мыслей близко подошелъ къ идеаламъ, носившимся уже тогда въ головѣ Лѣскова. Журавскій не особенно жаловалъ людей «слишкомъ возвышенныхъ», т. е. такихъ, которые, «имѣя высокій идеалъ, ничего не уступаютъ условіямъ времени и необходимости» («Захудалый родъ»). Онъ думалъ, что надо считаться съ условіями, не задаваться слишкомъ широкими планами, чтобы не компрометировать дѣла, которому служишь.

Большой идеальность по существу, Журавскій старался быть практикомъ, и это его настроеніе повидимому особенно пришлось по душѣ Лѣскову.

Такое же вліяніе имѣлъ на него и второй мужъ жены дяди Лѣскова, пріютившаго его у себя въ Кіевѣ, англичанинъ Шкотъ, управлявшій имѣніями графовъ Перовскихъ и Нарышкиныхъ. Со Шкотомъ и его сыновьями Лѣсковъ поддерживалъ дѣятельныя сношенія въ 50-хъ годахъ до своего переселенія въ Петербургъ. У старика Шкота онъ даже состоялъ на службѣ. Шкоты, какъ англичане, были люди религіозные и въ то же время практики. Видя невѣжество и безпомощность нашего народа, они всячески стремились просвѣтить его въ практическомъ отношеніи, пріучить его къ болѣе совершеннымъ способамъ хозяйничанья, внушить ему культурныя привычки. Все это соотвѣтствовало настроенію Лѣскова, а порученія, которыя ему давали Шкоты, приходились ему по душѣ и удовлетворяли его стремленію придти самому на помощь народу. Кромѣ того, они удовлетворяли его любознательности, его страсти къ новымъ наблюденіямъ, а здоровое отношеніе къ жизни на почвѣ дѣятельной любви къ ближнему, составлявшей основу міросозерцанія семьи Шотовъ, гармонировало такъ полно съ настроеніемъ бабушки Александры Васильевны, тети Поли и неразлучной съ нею квакерши Гильдегарды!

II.

Въ предыдущемъ мы старались вкратцѣ охарактеризовать тѣхъ лицъ, которыя имѣли наиболѣе сильное вліяніе на Лѣскова въ дѣтствѣ и молодости. Теперь мы должны коснуться общихъ условій, вліявшихъ на него въ этотъ періодъ его жизни. Лѣсковъ родился, какъ мы видѣли, въ деревнѣ, затѣмъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ губернскомъ городѣ, опять провелъ нѣкоторое время въ деревнѣ, потомъ учился, служилъ, терпѣлъ нужду въ томъ же городѣ, переселился въ Кіевъ, гдѣ имѣлъ близкое прикосновеніе къ университетской жизни, затѣмъ сталъ разъѣзжать въ качествѣ должностнаго лица по кіевской губерніи, странствовалъ по значительной части Россіи въ качествѣ агента Шкота и уже въ зрѣлую полную возмужалости, послѣ многихъ житейскихъ пе-

взгодъ и съ громаднымъ запасомъ жизненныхъ наблюденій явился въ качествѣ писателя въ Петербургъ и окупился въ водоворотъ бурной тогдашней жизни, во время разгара освободительныхъ реформъ незабвеннаго царствованія Александра II.

Дѣтство Лѣскова совпало съ тридцатыми годами, отрочество— съ сороковыми, молодость—съ пятидесятыми. Онъ родился въ вѣкъ, названный великимъ нашимъ поэтомъ «железнымъ», и дѣтскія его воспоминанія наполнены печальными картинками этого вѣка. Присмотрѣлся онъ къ нему не въ столицахъ, а «во глубинѣ Россіи»: онъ видѣлъ печальную картинку жизни крѣпостного люда, слышалъ его рассказы въ деревнѣ, а въ городѣ смотрѣлъ какъ на большомъ выгонѣ, на которомъ стояли казенные магазины, учили солдатъ, и какъ ихъ били,—«смотрѣлъ ежедневно, но никакъ не могъ къ этому привыкнуть и всегда плакалъ» («Пугало»). Если бы онъ жилъ не «во глубинѣ Россіи», а въ столицѣ, онъ можетъ быть вынесъ бы впечатлѣніе, что ничего другого въ Россіи не увидишь и что только въ столицахъ есть сердобольные люди, которые печалятся о народѣ. Но живя «во глубинѣ Россіи» и обладая рѣдкою наблюдательностью, онъ видѣлъ на ряду съ этими печальными картинками и многое другое,—на первый разъ людей, которые тутъ же на мѣстѣ сокрушались объ обездоленныхъ и старались придти имъ на помощь по мѣрѣ силъ и возможности. Уже ребенку онъ впикъ въ народную душу и открылъ въ пей много свѣтлыхъ, но и много темныхъ сторонъ. Достаточно напомнить о потрясающей картинѣ народнаго голода въ 40-хъ годахъ, нарпеованной Лѣсковымъ въ его «Юдоли» по дѣтскимъ воспоминаніямъ, чтобы понять, какъ уже въ душѣ ребенка сложилось смутное сознаніе, что народъ безпомощенъ не только вълѣдствіе юридическаго и экономическаго своего положенія, но и вълѣдствіе невѣжества, мрака, всякаго рода предрассудковъ и суевѣрій, которыми онъ опутанъ. И въ этотъ мракъ погруженъ не одинъ народъ, но отчасти и интеллигенція, тѣ, кому довѣрена его судьба. Онъ въ дѣтствѣ видѣлъ на живыхъ примѣрахъ, что народу можно придти на помощь даже въ тогдашнемъ его положеніи, если воодушевиться любовью къ ближнему, отрѣшиться отъ господствовав-

итихъ предразсудковъ и практически принятыя за дѣло. Бабушка Александра Васильевна, тетя Поля, квакерша Гильдегарда служили ему въ томъ порукой, и впечатлѣнія, которыя онъ тогда принесъ въ этомъ отношеніи, воплотились впоследствии въ характерномъ и мощномъ типѣ княгини Протозановой («Захудалый родъ»). Въ самомъ народѣ и въ другихъ сословіяхъ,—дворянствѣ, духовенствѣ и чиновничествѣ онъ наталкивался уже въ дѣтствѣ на хорошихъ и дурныхъ людей, научился отличать въ одномъ и томъ же человѣкѣ хорошія и дурныя стремленія, видѣлъ, что люди въ очень скромномъ положеніи могутъ сдѣлать массу добра и принести много пользы и что даже самая обширная власть не даетъ благихъ результатовъ, если она находится въ рукахъ неумѣлыхъ или не склонныхъ творить добрыя дѣла. Всѣ дѣтскія впечатлѣнія Лѣскова наталкивали его на мысль, что жизнь прежде всего нуждается въ добрыхъ людяхъ, въ людяхъ готовыхъ придти на помощь ближнему и умѣющихъ это сдѣлать. Эта готовность и это умѣнье, повидимому, уже тогда составляли идеалы Лѣскова, потому что, когда онъ впоследствии возвращался къ дѣтскимъ своимъ воспоминаніямъ, онъ съ особенною любовью отмѣчалъ людей, въ которыхъ соединялись эти два качества, и такіе люди представлялись ему идеальными дѣтелями.

Во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться, что Лѣсковъ приступилъ въ началѣ сороковыхъ годовъ къ усиленному чтенію книгъ разнаго рода, имѣя уже въ душѣ свои своей крайней впечатлительности занаятъ готовыхъ наблюденій, сложившихся симпатій и антипатій. Онъ не читалъ книгъ изъ простой любознательности, но искалъ въ нихъ соответственнаго настроенія, отвѣта на усилья уже въ немъ зародиться вопросы. Книга уже въ дѣтствѣ не была для него цѣлью, а лишь средствомъ для удовлетворенія другихъ цѣлей, отчасти уже тогда сложившихся въ немъ благодаря близкому соприкосновенію съ жизнью и многообразными представителями разныхъ сословій и даже разныхъ національностей. Этимъ въ значительной степени объясняется, что книжная мудрость и всѣ вызываемыя ею увлеченія мало коснулись его. По приѣздѣ въ Кіевъ въ концѣ сороковыхъ годовъ Лѣсковъ часто проводилъ вечера часы въ аллеяхъ верхняго сада съ другими

молодыми людьми, съ представителями учащейся молодежи, со студентами. Тамъ образовался даже своеобразный «лицей», и молодежь иногда проводила цѣлыя ночи до бѣла свѣта въ разговорахъ о Кантѣ, Гегелѣ, о «чувствахъ высокаго и прекраснаго и о многомъ другомъ». Дома онъ читалъ Штрауса, Фейербаха, Вюхнера и Бабефа, но тѣмъ не менѣе чувствовалъ себя «одинокимъ и предоставленнымъ самому себѣ». Уже въ началѣ пятидесятихъ годовъ онъ, возвращаясь на родину, предается слѣдующимъ философскимъ размышленіямъ: «Неужто ничто не перемѣнилось въ то время, когда я пережилъ такъ много: вѣрилъ въ Бога, отвергалъ Его и паки находилъ Его; любилъ мою родину и распинался съ нею и былъ съ распинающими ее». И, вернувшись на родину, онъ спѣшитъ посмотрѣть на знакомыя мѣста, побывать въ «пустынькахъ», какъ онъ въ Кіевѣ тяготѣлъ къ Печерску съ его Лаврою, пещерами и орловскими знакомыми («Овцебыкъ» и «Печерскіе антики»).

Книги не увлекли его въ сторону отъ жизни. Сомнѣнія, которыя въ немъ вызвали Фейербахи, Штраусы, Бабефы, бесѣды съ учащеюся молодежью были чисто поверхностны и скоропреходящи. Уже въ дѣтствѣ онъ слишкомъ глубоко заглянулъ въ жизнь, слишкомъ много видѣлъ въ ней прекраснаго и подмѣтилъ слишкомъ много животрепещущихъ задачъ, чтобы принести ее въ жертву отвлеченнымъ теоріямъ. Въ ряду типовъ изъ всѣхъ классовъ общества, изображенныхъ имъ съ неподражаемымъ мастерствомъ и усмотрѣнныхъ имъ въ жизни уже въ тотъ ранній періодъ, люди, преисполненные дѣятельной любви къ ближнему, состраданія, готовности жертвовать собою и своимъ достоинствомъ ради страждущаго брата, благородныя, возвышенно настроенныя натуры внушили Лѣскову такую любовь къ жизни, что онъ отъ нея уже не могъ оторвать ни своего взора, ни своихъ мыслей. Бабушка, тетя Полли, Пугало, Голованъ, отецъ Алексѣй, Храпощка—ихъ не перечестъ, всѣхъ этихъ людей, которые раскрыли Лѣскову смыслъ жизни, убѣдили его, что жить стоитъ, и заставили его усиленно думать, какъ придти на помощь тѣмъ, пзъ-за которыхъ подобныя свѣтлыя личности страдаютъ. Горе у нихъ большое, стоить же большое, какъ широко ихъ любве-

обильное сердце. И молодому Лёскову казалось, что Фейербахи и Гегели не помогут ихъ горю, что отвлеченныя теоріи вообще въ этомъ отношеніи безцѣльны. «Овцебыкъ» увлекался ими до самозабвенія, и какъ печальна, трагична его участь: ничего онъ не достигъ, а былъ только смѣшонъ и себя погубилъ. Это одно изъ самыхъ раннихъ и прекрасныхъ произведеній Лёскова, и въ немъ уже вполне сказалось его скептическое отношеніе къ отвлеченнымъ теоріямъ, когда ими одними вооружаются люди, желающіе *дѣйствовать въ жизни*.

Молодость Лёскова, совпавшая, какъ мы видѣли, съ пятидесятыми годами, могла только упрочить въ немъ это настроеніе. Въ качествѣ секретаря рекрутскаго присутствія въ Кіевѣ и впоследствии агента Шкота онъ въ теченіе почти десяти лѣтъ разъѣзжалъ по Россіи, знакомился съ нею, видѣлъ, чѣмъ она страдаетъ, чего ей недостаётъ, и все болѣе убѣждался, что общими мѣропріятіями, какъ они ни желательны, далеко не всего достигнешь, что нужна еще практическая самодѣятельность общества и самого народа, что безъ нихъ даже наилучшія общія мѣропріятія не принесутъ и сотой доли той пользы, какой отъ нихъ ожидаютъ. Самыя характерныя страницы, посвященныя Лёсковымъ его дѣятельности въ качествѣ секретаря рекрутскаго присутствія, содержатся въ разсказѣ: «Владычній судъ». Сколько лжи, сколько обмана онъ видѣлъ со стороны самого населенія, и какъ мало въ сущности требовалось чувства справедливости, чтобы предупредить случаи вопіющихъ злоупотребленій! Разсказанный Лёсковымъ случай обошелся, сравнительно, благополучно, благодаря личному вмѣшательству генералъ-губернатора и архіерія. Но закону они собственно не могли предотвратить жестокую обиду, нанесенную бѣдному еврею, но тѣмъ не менѣе нашлось средство ее смягчить, и такимъ образомъ доброжелательство устранило жестокія послѣдствія обмана и несправедливаго закона.

Но еще болѣе вразумительныя въ этомъ отношеніи страницы посвящены Лёсковымъ его дѣятельности въ качествѣ агента Шкота. Этотъ англичанинъ, какъ и его сыновья, велически старался помочь бѣдственному положенію крестьянъ и пользовались вліяніемъ и властью, которыя вполне могли доставить успѣхъ

ихъ начинаніямъ. Они управляли имѣніями столь вліятельныхъ государственныхъ дѣтелей, какъ графы Перовскіе, изъ которыхъ одинъ былъ сперва оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ, а потомъ самарскимъ, а другой—вице-президентомъ департамента удѣловъ и настолько интересовался крестьянскимъ бытомъ, что ввелъ новое управленіе въ удѣльныхъ имѣніяхъ. Оба они были люди гуманные и живо принимали къ сердцу судьбу крестьянъ. Пользуясь такою вліятельною поддержкою, Шкоты задумали обширныя мѣропріятія для улучшенія участи крестьянъ. Но эти опыты постоянно терпѣли неудачу влѣдствіе невѣжества самихъ крестьянъ. Всѣ попытки ввести болѣе усовершенствованныя земледѣльческія орудія ни къ чему не приводили. Любопытенъ фактъ, какъ въ имѣніи Всеволожскаго для крестьянъ построены были каменные избы, а крестьяне ни за что не хотѣли въ нихъ поселиться, приравнивая ихъ къ острогу, рядомъ понастроили себѣ курныя избы, а каменные загрязнили до того, что въ нихъ можно было задохнуться. Любопытно, что рука объ руку съ невѣжествомъ народа шло и невѣжество интеллигентныхъ людей. По этому поводу возгорѣлся ожесточенный споръ, и образовалась даже дѣлая русская партія, защищавшая курную избу противъ каменной, восторгаясь особенно сажей, покрывающей стѣны курной избы, и приписывая ей мнимыя цѣлебныя и всякія другія свойства. Вопросъ этотъ даже горячо обсуждался въ петербургской печати, и курная изба восторжествовала въ этой полемикѣ («Загонъ»). Крайне поучителенъ и разсказъ Лѣскова о томъ, какъ онъ страствовалъ съ переселенцами на баркахъ по Окѣ и Волгѣ. Онъ очень обрадовался предложенію Шкота сопровождать переселенцевъ и по возможности смягчать ихъ участь. Воодушевленный самыми гуманными намѣреніями, онъ оказался однако только игрушкою въ рукахъ самого народа и проявилъ полную свою практическую несостоятельность передъ мужикомъ Петромъ Семеновымъ, которому довѣрено было перевозить переселенцевъ, и передъ секретаремъ исправника, которые предупредили много бѣдъ, въ то время какъ самъ Лѣсковъ, несмотря на всѣ свои добрыя намѣренія, чуть было не ухудшилъ еще болѣе ихъ горькой участи («Продуктъ природы»).

Мы привели здѣсь только нѣсколько отрывочныхъ фактовъ, чтобы охарактеризовать тогдашнее настроеніе Лѣскова. Онъ конечно не менѣе всякаго другого просвѣщеннаго человѣка усилить себѣ при своемъ близкомъ знакомствѣ съ жизнью ненормальности условій, господствовавшихъ въ дореформенной Россіи. Изъ его произведеній ясно видно, какъ глубоко возмущали его душу и крѣпостное право, и судебный произволъ, и несправедливости рекрутскаго набора, и жалкое экономическое положеніе крестьянъ, и его невѣжество, и всякія злоупотребленія властью. Нѣтъ у него почти ни одного произведенія, въ которомъ онъ не представилъ бы краснорѣчивыхъ доказательствъ своего отвращенія къ дореформеннымъ порядкамъ и своей глубокой симпатіи, своего пламеннаго воодушевленія реформами Царя-Освободителя. Не даромъ онъ никогда не разставался съ кольцомъ, въ которое былъ вдѣланъ камень, названный «александритомъ» въ честь этого государя («Александритъ»). Но именно потому, что онъ такъ высоко цѣнилъ эти реформы и считалъ ихъ лучшимъ достояніемъ современной Россіи, онъ, когда наступила заря новой жизни, т. е. въ концѣ пятидесятихъ годовъ, сталъ все внимательнѣе присматриваться къ настроенію и дѣятельности той части русскаго общества, которой суждено было главнымъ образомъ осуществить реформы въ жизни. Онъ спрашивалъ себя,—окажется ли она на высотѣ великой и почетной своей задачи? Этотъ вопросъ его волновалъ, не давалъ ему покоя, именно потому, что онъ такъ близко присмотрѣлся къ жизни. Въ Петербургѣ можно было мечтать, что, благодаря реформамъ, люди въ одинъ мигъ переродятся, что всѣ дурные элементы скроются, а всѣ хорошіе выйдутъ на поверхность, что внезапно произойдетъ какое-то общее перерожденіе. Но Лѣсковъ, именно благодаря громадному житейскому своему опыту, въ это перерожденіе не вѣрилъ. Онъ чувствовалъ, что дурные люди будутъ преобладать, что они новыми формами воспользуются для удовлетворенія старыхъ инстинктовъ, и что дѣло, которое онъ такъ свято чтилъ, можетъ быть компрометировано именно самыми горячими его сторонниками вследствие ихъ непониманія жизни и ея требованій.

III.

Первое печатное произведение Лёскова появилось въ 1860 г. Это была корреспонденція изъ Кіева о «продажѣ Евангелія на русскомъ языкѣ по возвышеннымъ цѣнамъ». Появилась эта корреспонденція въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ».

Въ произведеніяхъ самаго Лёскова есть указанія, что онъ въ юности не мечталъ о томъ, чтобы сдѣлаться писателемъ. Эта мысль даже не приходила ему въ голову: онъ только колебался, посвятить ли себя государственной или частной службѣ. Состоя агентомъ Шкота, онъ, пошито, велъ съ нимъ правильную корреспонденцію и въ своихъ письмахъ нерѣдко излагалъ свои впечатлѣнія въ такой интересной формѣ, что Шкотъ ими зачитывался и давалъ читать ихъ членамъ своей семьи и своимъ друзьямъ, въ томъ числѣ писателю И. В. Селиванову. Последний призналъ въ Лёсковѣ значительныя литературныя дарованія, и такимъ образомъ покровители и друзья Лёскова начали его побуждать дѣлаться своими впечатлѣніями и съ публикою.

Мы привели эти свѣдѣнія, встрѣчающіяся во всѣхъ некрологахъ Лёскова, чтобы показать, что такъ-называемаго писательскаго зуда у Лёскова въ юности не было, и что литературная слава въ то время его не прельщала. Онъ скорѣе усматривалъ свое жизненное призваніе въ томъ, чтобы въ сферѣ практической дѣятельности проявить воодушевлявшую его любовь къ ближнему и къ родицѣ. Но впечатлѣніе, которое произвели его письма, очевидно, заставило его призадуматься. Со всѣхъ сторонъ ему указывали на его литературное дарованіе. Упомянутая первая его корреспонденція имѣла успѣхъ. Даже кіевскіе профессора настаивали на томъ, чтобы онъ продолжалъ писать для печати. Новыя его статьи имѣли еще большій успѣхъ: Лёсковъ сталъ самъ вѣрить, что у него есть талантъ. Предъ нимъ раскрывалась перспектива вліять на общество своимъ словомъ, и онъ чувствовалъ, что у него есть что сказать, есть на что обратить вниманіе.

Однако и тутъ скромность и неувѣренность въ собственныхъ силахъ, свойственныя истинному дарованію, заставляли его дѣйствовать очень осмотрительно. Онъ задавался только желаніемъ

указать на тѣ отрицательныя явленія, которыя онъ подмѣтилъ и которыя остались незамѣченными для другихъ. Такимъ образомъ первые печатные труды были только, какъ у насъ принято выражаться, «публицистическими» статьями, посвященными вопросамъ, съ положеніемъ которыхъ онъ ознакомился въ самой дѣйствительности. Стоить только назвать эти вопросы, чтобы убѣдиться въ вѣрности этой мысли. Онъ писалъ о рабочемъ классѣ, наймѣ рабочихъ, искорененіи пьянства, винокуренной промышленности, переселеніи крестьянъ, полицейскихъ врачахъ, коммерческой службѣ, народномъ здоровіи. Мы видимъ, что все это вопросы, съ которыми онъ ознакомился, служа въ рекрутскомъ присутствіи, странствуя по Россіи по порученію казны или Шкота. Характерно однако для Лѣекова еще то, что главное его вниманіе направлено на народъ, и что онъ въ то же время затрогиваетъ вопросы наиболѣе животрепещущіе, наиболѣе важныя для народной жизни. Народное пьянство, переселенческій вопросъ, наемъ рабочихъ, народное здоровіе,— вотъ на что направлено вниманіе Лѣекова, и вотъ чѣмъ до сихъ поръ усиленно занимаются лица, которымъ дорого народное благо. Нельзя не отмѣтить еще характернаго факта, что первая статья Лѣекова была посвящена вопросу о распространеніи Евангелія. Такимъ образомъ уже тутъ сказалось во всей силѣ его міросозерцаніе, сложившееся въ дѣтствѣ и юности, получившее такое блестящее выраженіе во всей его литературной дѣятельности, — міросозерцаніе, основанное на глубокомъ альтруистическомъ чувствѣ.

Изучая явленія жизни въ этомъ духѣ и самъ начиная участвовать въ литературномъ движеніи, онъ сразу испытываетъ какую-то неудовлетворенность, и уже въ 1861 г. пишетъ статью о «неблаготворномъ направленіи нѣкоторыхъ писателей», касается и бурнаго вопроса о женской эмансипаціи. Словомъ, онъ начинаетъ интересоваться и тѣми вопросами, которые возникали и усиленно обсуждались въ столичныхъ литературныхъ кружкахъ, но тотчасъ занимаетъ во всѣхъ этихъ вопросахъ самостоятельное положеніе: онъ не примыкаетъ, какъ многіе другіе, пассивно къ движенію, а старается руководить имъ, направить его въ русло, которое онъ считаетъ спасительнымъ.

Такъ онъ сразу вооружается противъ полемическихъ приемовъ и грубости литературныхъ нравовъ, онъ обвиняетъ наше общество въ бездѣтельности, въ стремленіи жить исключительно на казенныхъ хлѣбахъ. Для него писать значило священнодѣйствовать, значило приносить все въ жертву общественной пользѣ. А что онъ видѣлъ вокругъ себя: полемику, принимавшую характеръ площадной брани, удовлетвореніе личныхъ интересовъ, только прикрываемыхъ громкими фразами объ общественномъ благѣ. Печать какъ бы забывала, что Россія переживаетъ моментъ громадной исторической важности, когда старый строй рушится и замѣняется новымъ. Не того настроенія ожидалъ Лѣсковъ, когда изъ провинціи пріѣхалъ въ Петербургъ. Онъ всей душой примкнулъ къ «новымъ» людямъ, ожидая, что они одушевлены исключительно желаніемъ трудиться серьезно, съ забвеніемъ своей личности на столь внезапно открывшемся широкомъ поприщѣ. Не забудемъ, какое это было время. Россія только-что пережила 19-ое февраля, грандіозную реформу, какой еще не бывало въ ея исторіи. Существовали опасенія, что эта реформа не обойдется мирно; задача всѣхъ благомыслящихъ людей, всѣхъ друзей свободы и культурныхъ успѣховъ должна была заключаться въ томъ, чтобы вызвать успокоеніе умовъ въ такое время, когда было столько горячаго матеріала. А тутъ началось броженіе въ Польшѣ. Можно было опасаться возстанія въ этой части имперіи. Въ разныхъ мѣстахъ начались какіе-то зловѣщіе пожары. Въ центрѣ столицы огонь охватилъ громадную площадь, въ народѣ начались толки о поджогахъ. Понятно, что подозрѣніе толпы пало на тѣхъ, кто пострадалъ отъ только-что совершенной реформы, затѣмъ на поляковъ, но почему-то она стала подозрѣвать нѣкоторую часть интеллигенціи, учащуюся молодежь, студентовъ. Ихъ обвиняли громкогласно на всѣхъ перекресткахъ. Легко себѣ представить, какъ эти обвиненія должны были подѣйствовать на Лѣскова, только-что всей душой примкнувшаго къ «новымъ» людямъ и ожидавшаго отъ нихъ убѣжденнаго, горячаго содѣйствія задуманнымъ правительствомъ реформамъ. Онъ призналъ своимъ прямымъ гражданскимъ долгомъ рѣшительно выступить въ защиту учащейся молодежи, обѣлечь се отъ столь

нозорпаго поклена. Съ этою цѣлью онъ и помѣстилъ соотвѣтственную статью въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 143, 1862 г.). Въ статьѣ этой между прочимъ говорится: «Насколько основательны подозрѣнія въ народѣ и насколько умѣтны опасенія, что поджоги имѣютъ связь съ послѣднимъ мерзкимъ и возмутительнымъ воззваніемъ, приглашающимъ къ неиспроверженію всего гражданскаго строя нашего общества, мы судить не смѣемъ. Произнесеніе такого суда— дѣло такое страшное, что языкъ пѣмѣеть, и ужасъ охватываетъ душу. Но какъ бы то ни было, если бы и въ самомъ дѣлѣ петербургскіе пожары имѣли что-нибудь общее съ безумными выходками политическихъ демагоговъ, то они нисколько не представляются намъ опасными для Россіи. Скрываться нечего. На народъ можно разсчитывать смѣло, и потому смѣло же должно сказать: основательны ли сколько-нибудь слухи, носящіеся въ столицѣ о пожарахъ и о поджигателяхъ? Щадить адекихъ злодѣевъ не должно, но и не слѣдуетъ рисковать ни однимъ волоскомъ ни одной головы, живущей въ столицѣ и подвергающейся небезопаснымъ нареканіямъ со стороны перенуганнаго народа».

Смысль этой статьи такъ ясенъ, что повидимому никакія недоразумѣнія тутъ невозможны. Лѣсковъ опасается, что студенты могутъ пострадать отъ народнаго гнѣва. Онъ настойчиво требуетъ, чтобы неосновательныя обвиненія были опровергнуты. Но онъ опасается еще другого: онъ опасается, что эти страшные пожары и толки о поджогахъ могутъ компрометировать великое дѣло задуманныхъ реформъ. Поэтому онъ считаетъ нужнымъ категорически заявить, согласно вышесказанному имъ широкому опыту, что «на народъ можно разсчитывать смѣло». Иначе конечно не могъ и не долженъ былъ выразиться человѣкъ, преданный освободительному дѣлу и знакомый съ условіями, въ которыхъ находилась Россія. Но, несмотря на ясность статьи, Лѣсковъ подвергся за нее цѣлому ряду незаслуженныхъ оскорбленій; его заподозрили въ отступничествѣ, злонамѣренности, въ желаніи натравить полицію на студентовъ... Мы не станемъ разсказывать здѣсь этой печальной исторіи. Она разсказана самимъ Лѣсковымъ въ его «Загадочномъ человѣкѣ», написанномъ восемь

лѣтъ спустя (1870 г.), когда онъ могъ болѣе или менѣе объективно отнестись къ этому въ настоящее время почти непонятному эпизоду первыхъ лѣтъ его литературной дѣятельности. Но мы считаемъ своимъ долгомъ облечь память Лѣскова отъ другого обвиненія, которое еще до сихъ поръ возводится на него съ нѣкоторыхъ сторонъ, именно будто онъ въ дальнѣйшей своей литературной дѣятельности утратилъ хладнокровіе и подчинился духу озлобленія противъ тѣхъ, кто его тогда такъ незаслуженно оскорбилъ. Какъ на доказательство справедливости этого обвиненія ссылаются обыкновенно на романы: «Некуда», появившіеся въ 1864 г., и «На ножахъ», печатавшіеся въ 1870 — 71 гг. Мы считаемъ своимъ долгомъ облечь память Лѣскова въ этомъ отношеніи не только потому, что привыкли уважать его, какъ личность, но и главнымъ образомъ потому, что это обвиненіе можетъ заставить читателя отнестись къ такому капитальному произведенію, какъ «Некуда», не съ достаточнымъ вниманіемъ и съ неправильной точки зрѣнія.

Прежде всего надо приять во вниманіе, что самъ Лѣсковъ и не думалъ отречься отъ «новыхъ» людей послѣ этого печальнаго инцидента. Ровно черезъ годъ въ той же «Сѣверной Пчелѣ» появился фельетонъ Лѣскова, озаглавленный: «П. Г. Чернышевскій въ его романѣ: «Что дѣлать». Въ этомъ фельетонѣ говорится: «Героевъ романа г. Чернышевскаго называютъ пиглистами. Однако между ними и личностями, надобными всѣмъ и каждому своимъ пиглизмомъ, нѣтъ ничего общаго. Люди г. Чернышевскаго совсѣмъ другіе, а это—фразеры; въ людяхъ г. Чернышевскаго прежде всего стремленіе дать благосостояніе возможно большому числу людей; въ пиглистахъ нашихъ общность интересовъ только на языкѣ, а на дѣлѣ жестокосердіе. Г. Чернышевскій заставляетъ дѣлать такое дѣло, которое можно сдѣлать во всякомъ благоустроенномъ государствѣ, отъ Кореи до Лиссабона. Нужно только для этого добрыхъ людей, какихъ вывелъ г. Чернышевскій, а ихъ, признаться сказать, очень мало».

Похоже ли это на отреченіе отъ новыхъ людей? И злѣйшій врагъ Лѣскова, если только онъ ихъ теперь имѣетъ, не рѣшится этого утверждать. Напротивъ, это не отреченіе, а скорѣе при-

заніе извѣстной солидарности. Отрекается Лѣсковъ только отъ несостоятельныхъ, по его мнѣнію, элементовъ «молодой» Россіи. Но самой партіи онъ въ лицѣ главнаго ея вождя выражаетъ сочувствіе,—выражаетъ именно въ то время, когда его всячески поносятъ за его мнимое отступничество. Романъ же «Некуда» печатается въ 1864 году и написанъ позже фельетона о Чернышевскомъ, а «На пожахъ» — шесть лѣтъ спустя. Можно ли съ психологической точки зрѣнія допустить, чтобы озлобленіе возрастало, а не ослабѣвало съ теченіемъ времени? Вѣдь это слишкомъ исключительное явленіе, и ни одинъ трезвый умъ не повѣритъ, чтобы Лѣсковъ былъ больше озлобленъ, когда писалъ «Некуда», чѣмъ когда писалъ свой фельетонъ о Чернышевскомъ? Да такое предположеніе совершенно несостоятельно и съ другой точки зрѣнія. Какъ мы сейчасъ выяснимъ, романъ и фельетонъ написаны совершенно въ одномъ духѣ. Какъ въ фельетонѣ проводится граница между «новыми» людьми, заслуживающими и незаслуживающими сочувствія, такъ и въ «Некуда» проведена совершенно та же граница, съ тѣмъ только различіемъ, что въ «Некуда» художественно и обстоятельно разъяснено то, что въ фельетонѣ только намѣчено и что соответствуетъ выраженному уже неоднократно раньше Лѣсковымъ элементарному житейскому правилу, что во всякомъ сословіи и классѣ, во всякой партіи есть дѣятели, заслуживающіе и не заслуживающіе сочувствія. Можно еще возразить, что и сочувственно изображенные въ «Некуда» новые люди, въ родѣ Райнера и Лизы, въ концѣ-концовъ осуждаются Лѣсковымъ. Но выведенные авторомъ «новые» люди не ограничиваются этими знаменитыми героями его романа; въ немъ найдутся и другіе «новые» люди, которымъ авторъ безусловно сочувствуетъ? А почему онъ признаетъ и Райнера, и Лизу дѣятелями бесполезными и даже вредными, несмотря на то, что онъ имъ горячо сочувствуетъ, какъ людямъ,—это и составляетъ капитальный вопросъ всего романа и объясняется не озлобленіемъ Лѣскова, а всѣмъ его міросозерцаніемъ, сложившимся гораздо раньше, чѣмъ произошло отъѣченный нами печальный инцидентъ.

Читатели уже отчасти знакомы съ міросозерцаніемъ Лѣскова,

такъ оно сложилося подъ вліяніемъ тѣхъ богатыхъ впечатлѣній, которыя онъ вынесъ во время дѣтства и молодости. Дѣятельная любовь къ ближнему, озаренная религіознымъ чувствомъ и умудренная житейскимъ опытомъ,—вотъ что составляетъ основу его душевной жизни. Когда онъ началъ писать, онъ сразу заботится о распространеніи свангелія и объ устраниніи того, что по его житейскому опыту главнымъ образомъ вызываетъ страданія народа. Крѣпостное право отмѣнено, надо позаботиться теперь о пасажденіи образованія, о борьбѣ съ предрасудками, объ искорененіи пьянства. Все это—задачи первостепенной важности; все вниманіе интеллигенціи должно быть на нихъ направлено. Вѣдь интеллигенція и есть та сила, которая можетъ разсѣять мракъ невѣжества и всякихъ суевѣрій въ народѣ. Она призвана къ дѣятельности и должна дѣйствовать умѣло, осмысленно, трезво, въ полномъ сознаніи величія и отвѣтственности своей задачи. Крупная реформа совершена, предстоятъ другія, также очень значительныя. Это — дѣло законодателя. Интеллигенція же должна направить все вниманіе не только на эти реформы, но и на способы ихъ упроченія въ жизни. Ей открывается широкое поле дѣятельности; она должна подумать о средствахъ и способахъ.

Этимъ вопросамъ и занятъ Лѣсковъ. Онъ его ставитъ очень рѣшительно въ чудесномъ своемъ разсказѣ: «Овцебыкъ», напечатанномъ почти за годъ до появленія «Некуда». Кто главный герой этого разсказа? Сытъ сельскаго дьячка, выросшій въ горькой нуждѣ и несколько о себѣ не заботящійся. Онъ ищетъ все только свангельскихъ людей, возмущается «неправдой безсудной, обидой безмѣрной». Его сердце обливаеся кровью при видѣ чужого страданія. Онъ ничего не читаетъ, кромѣ свангелія; журналовъ онъ терять не можетъ, мнитъ же онъ себя проповѣдникомъ слова Божья, ходитъ въ народъ, къ раскольникамъ; но во всемъ терпитъ неудачу. Никого онъ не просвѣщаетъ, ничью участь не облегчаетъ, приходитъ къ горькому разочарованію, становится посмѣшищемъ въ глазахъ народа и кончаетъ жизнь самоубійствомъ, постановивъ самъ падъ собою слѣдующій приговоръ: «Не въ ризѣ учитель—народу шутъ, себѣ—поношеніе, идеѣ—пагубникъ. Я—татъ и, что дальше пойду, то больше сворую».

Поэтому онъ и прекращаетъ свою жизнь. А приказчикъ разбогатѣвшаго дѣловитаго мужика, бывшаго крѣпостнаго, у котораго послѣдніе дни своей жизни служилъ Овцебыкъ, произноситъ слѣдующій надъ нимъ приговоръ: «Ему—гнить, а вамъ жить, батюшка Александръ Ивановичъ». Самъ Овцебыкъ былъ того же мѣшя.

Мы видѣли уже, какимъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ воодушевился Лѣсковъ въ дѣтствѣ и молодости, и мы увидимъ еще, какъ развилось это чувство впоследствии. Лѣскова можно упрекнуть, въ чемъ угодно, но только не въ легкомысленномъ отношеніи къ евангелію и къ евангельскимъ истинамъ. И что же мы видимъ? Овцебыкъ,—человѣкъ, который читалъ только евангеліе, который весь проникся его духомъ, который все отвергалъ, за исключеніемъ евангельскихъ истинъ, кончаетъ такъ печально, приходитъ къ роковому выводу, что вся его жизнь ничего не стоила. Кто однако рѣшится упрекнуть за это Лѣскова въ недостаткѣ религіознаго чувства, въ невѣріи, въ неуваженіи къ евангельскимъ истинамъ, которыя онъ ставилъ такъ неизмѣримо высоко? Почему же, когда Лѣсковъ изображаетъ намъ не Овцебыка, а Райнера или Лизу, мы его обвиняемъ въ томъ, что онъ кощунственно отнесся къ идеаламъ, которые были священны этимъ его героямъ и за которые они положили жизнь? Очевидно, что мы въ томъ и другомъ случаѣ мѣримъ разною мѣрою. Тотъ, кто осуждаетъ Лѣскова за «Некуда», долженъ бросить въ него камень и за «Овцебыка», иначе онъ нарушитъ элементарные законы логики или представить доказательства вопіющаго пристрастія.

Чѣмъ же однако объясняется эта логическая ошибка, если уже не говорить о пристрастіи? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, посмотримъ прежде всего къ дѣятельности Овцебыка. Онъ былъ сперва домашнимъ учителемъ, но выходило какъ-то такъ, что онъ ни на одномъ мѣстѣ ужиться не могъ, точь въ точь, какъ свѣтскій уже читателямъ нѣмецъ-учитель Коза въ разсказѣ: «Томленіе духа». Всѣ установленныя жизнью формы его тяготили, онъ хотѣлъ сразу найти евангельскихъ людей, а такъ какъ ихъ не находилъ, то тотчасъ же удалялся отъ людей, встрѣчавшихъ имъ на жизненномъ пути. И вотъ онъ началъ бродить въ

поискахъ за настоящими людьми. Аскетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, не дорожающій ничѣмъ въ мірѣ кромѣ своей идеи, онъ жилъ почти, какъ птицы небесныя. Гдѣ же настоящіе люди? Онъ думалъ, что найдетъ ихъ среди раскольниковъ, и отправился куда-то на сѣверъ. Тамъ его постигло горькое разочарованіе. Онъ подчинился требованіямъ раскольниковъ до того, что даже сталъ жить съ какою-то дѣвушкою внѣ брака. Но все это ни къ чему не привело. Онъ потомъ самъ наивно рассказывалъ, что насильственнаго слова не слышалъ. Какое требовалось знакомство съ жизнью, чтобы вообразить, что онъ отъ раскольниковъ услышитъ сказочное: «Сезамъ, отворись!» Онъ ушелъ отъ нихъ, убѣдившись, что у нихъ только «тюрьма», что они только «байбаки дурацкіе, морочащіе людей своимъ секретничаньемъ». Одно у нихъ буквоедство, — вотъ и все. Онъ возвращается на родину и поступаетъ послушникомъ въ одинъ изъ монастырей, въ пустынь. Но и тутъ съ нимъ происходитъ нѣчто неладное: онъ ведетъ съ богомольцами такія бесѣды, что его изгоняютъ изъ монастыря. И вотъ онъ поступаетъ къ дѣловитому мужику, Александру Ивановичу Свиридову. Тотъ вмѣстѣ съ женою всячески пристраиваютъ его къ дѣлу, хотя это очень трудно. Начнетъ Овцебыкъ говорить съ работниками о божествѣ, да и свернетъ вдругъ на господъ, а чтобы придать больше выразительности своимъ словамъ, возьметъ онъ горсть гороху, да и разсажаетъ ихъ по свиткѣ: «Вотъ это — говоритъ, — самый набольшій король, а это, поменьше, — его министеры съ князьми; а это, еще поменьше, — баре да купцы, да поны толстопузые; а вотъ это — на горсть-то показываетъ — это, говоритъ, мы, гречкосѣи». Да какъ этими гречкосѣями-то во веѣхъ въ принцевъ и въ поповъ толстопузыхъ шарахнеть: все и сравняется. Куча стаплетъ. Народъ смѣется и говоритъ: «Должно быть, изъ комедіантовъ». Эта гороховая революція прошла для Овцебыка безслѣдно. Онъ самъ, какъ Неждановъ въ «Нови», написанной 13 лѣтъ спустя, извѣрился въ свои начинанія и копчилъ жизнь самоубійствомъ, понявъ, что онъ ничего не достигнетъ. Онъ все представлялся шуткомъ, за исключеніемъ очень немногихъ людей, понявшихъ, кака въ немъ заключается нравственная сила и какой глубокой внутрен-

ний трагизмъ представляетъ полное несоотвѣтствіе его возвышеннѣйшихъ идеаловъ, самоотверженнѣйшихъ чувствъ съ полною его неспособностью осуществить въ жизни хоть малѣйшую ихъ часть вследствие совершеннаго незнакомства съ нею. Эта черта поражала и печалила Лѣскова еще до прїѣзда въ Петербургъ въ такихъ симпатичныхъ ему людяхъ, какъ Шкоты, которые, будучи даже искусными практиками, часто вмѣсто добра дѣлали зло вследствие своего незнакомства съ народнымъ бытомъ. А когда Лѣсковъ прїѣхалъ въ Петербургъ, когда онъ тутъ на каждомъ шагу убѣждался, что за осуществленіе благихъ начинаній принимаются очень неумѣло, что пускаются въ ходъ совершенно негодныя средства, которыя даже прямо могутъ компрометировать великую задачу, вылавшую на долю русской интеллигенціи, въ немъ это чувство окрѣпло, и онъ написалъ своего «Овцебыка», свое «Некуда». Не озлобленіе говорило въ немъ, а чувство разочарованія, опасеніе, что тѣ радужныя надежды, съ которыми онъ прїѣхалъ въ Петербургъ, не сбудутся, и чѣмъ болѣе онъ присматривался къ столичной жизни, чѣмъ быстрѣе шли событія и случились даже факты, которые заставили глубоко призадуматься и Герцена, тѣмъ сильнѣе становилось въ Лѣсковѣ желаніе приостановить это шествіе по наклонной плоскости, это пользованіе негодными средствами. Онъ сталъ высказываться все рѣзче и рѣзче и написалъ свое «На позжахъ». Вотъ чѣмъ объясняется, что послѣднее произведеніе, написанное черезъ восемь лѣтъ послѣ петербургскихъ пожаровъ, по содержанію и тону неумолимѣе по отношенію къ «новымъ» людямъ, чѣмъ «Некуда».

Чтобы подтвердить все сказанное, остановимся еще на основной идеѣ «Некуда». Выведенные въ этомъ романѣ «повые» люди распадаются на три категоріи. Широкою извѣстностью пользуются Райнеръ, Лиза, Помада; менѣе говорить о Розановѣ; совершенно игнорируютъ Масляникова. А все это — «повые» люди, и разница между ними заключается въ томъ, что первые ведутъ борьбу по мысли автора совершенно негодными средствами, второй можетъ кое-чего достигнуть въ жизни, а третій навѣрно достигнетъ въ жизни многого. Этотъ Масляниковъ — сынъ деревенскаго богача изъ крестьянъ. Отецъ его всецѣло принадлежитъ

къ старымъ людямъ. Сынъ же его уже «новый» человекъ. Для чего онъ живетъ, — видно изъ заключительной главы романа. Въ «Овцебыкъ» безилоднымъ скитаніямъ идеалиста противопоставляется дѣловитость бывшаго крѣпостного Александра Ивановича, съѣздившаго за границу, чтобы запастись практическими свѣдѣніями по своему дѣлу. О немъ Овцебыкъ говоритъ: «Некуда идти; вездѣ все одно; черезъ Александровъ Ивановичей не перескочишь». Но Александръ Ивановичъ заботится только о благосостояніи своей семьи и лицъ, наиболѣе ему близкихъ. Онъ самъ обогащается, обогащаетъ и другихъ, способствуетъ улучшенію экономическихъ условій, но идейная сторона въ его дѣятельности отсутствуетъ. А вотъ Маслянниковъ добивается, что въ его деревнѣ возникаетъ и больница, и ремесленная школа, и пожарная команда. Онъ интеллигенціи не боится, напротивъ онъ зоветъ ее къ себѣ, но только не такихъ людей, которые мужиковъ хотятъ облагодѣтельствовать несбыточнымъ. Онъ вліяетъ на крестьянъ: «У меня есть чѣмъ похвалиться: Боровковская волость составила приговоръ, чтобы больше уже не сѣчься». Вотъ къ чему стремится «новый» человекъ изъ народа съ положительными, осуществимыми идеалами, въ противоположность тѣмъ, которые «мутоврягъ народъ тотъ туда, тотъ сюда, а сами, ей право, великое слово тебѣ говорю, дороги никуда не знаютъ, безъ нашего брата не найдутъ ее никогда, все будутъ кружиться и все съѣсть будетъ некуда». Значить, Лѣсковъ въ своемъ романѣ съ одной стороны указываетъ на тѣхъ людей, которые, будучи воодушевлены наилучшими намѣреніями, ничего не достигнутъ влѣдствіе негодности избранныхъ ими средствъ, которымъ идти собственно «некуда», а съ другой стороны указываетъ на людей, которые хорошо знаютъ, «куда» идти, и на повѣрку оказывается, что теперь по этому пути идутъ всѣ благомыслящіе люди. Можно только сожалѣть, что истинный смыслъ романа Лѣскова не былъ понятъ и оцѣненъ по достоинству въ свое время. Если бы интеллигенція, какъ предлагалъ Лѣсковъ, направила всѣ свои усилія на то, чтобы достигнуть идеаловъ Маслянникова, можетъ-быть, позоръ тѣлеснаго наказанія былъ бы давно уже смытъ, Россія избавилась бы отъ того громаднаго ущерба, который наносятъ ей

народному хозяйству безконечные пожары, и школь и больницъ было бы гораздо больше, чѣмъ теперь. Но какъ бы то ни было, Лѣсковъ въ этомъ вопросѣ является единомышленникомъ Писемскаго, Достоевскаго, Гончарова и Тургенева, которые въ своихъ романахъ: «Взбаламученное море», «Бѣсы», «Обрывъ», «Новь» высказались въ томъ же смыслѣ. Лѣсковъ въ силу своего знакомства съ жизнью одинъ изъ первыхъ въ прекрасномъ художественномъ произведеніи указалъ путь, признанный вѣрными такими писателями, которые составляютъ гордость нашей литературы.

IV.

«Некуда» и вызвавшая этимъ романомъ яростная полемика была для Лѣскова своего рода «огненнымъ крещеніемъ». Требовалось не мало гражданскаго мужества, чтобы въ то время выступить съ такимъ романомъ. Если бы Лѣсковъ дорожилъ только своею литературною славою, возможностью помѣщать свои произведенія въ лучшихъ и наиболѣе распространенныхъ журналахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ существовать безбѣдно, то онъ конечно бы своего романа не написалъ или по крайней мѣрѣ не напечаталъ. Но онъ хорошо зналъ, на что идетъ: исторія съ петербургскими пожарами его вполне на этотъ счетъ просвѣтила, и тѣмъ не менѣе онъ счелъ своимъ долгомъ высказаться откровенно и рѣшительно. Его не остановили на этомъ пути самыя злобныя выходки противниковъ, а эти выходки превзошли всякую мѣру. Современный критикъ г. Венгеровъ называетъ тогдашній судъ надъ Лѣсковымъ «неумолимо суровымъ и въ значительной степени несправедливымъ». Дѣйствительно, Лѣскова называли шпіономъ; увлекающійся Писаревъ сомнѣвался, найдется ли въ Россіи хоть одинъ журналъ, который «осмѣлится» напечатать на своихъ страницахъ что-нибудь, выходящее изъ-подъ пера Стебницкаго (Лѣсковъ, какъ извѣстно, подписывалъ этимъ псевдонимомъ свои первые произведенія). Эти слова Писарева очень характерны: никто «не осмѣлится» напечатать дальнѣйшихъ произведеній Лѣскова. Это—своего рода угроза, застраиваніе. Печатать Лѣскова, какъ выражается дальше Писаревъ,

значить проявить «неосторожность» и быть «равнодушнымъ къ своей репутаціи». Послѣ угрозы слѣдуетъ совѣтъ позаботиться о себѣ, не подвергать себя очевидной опасности. Какой? Понятно, раздѣлить участь Лѣскова, т. е. быть изгнаннымъ изъ журналовъ и лишиться куска хлѣба. Лѣсковъ былъ поставленъ къ позорному столбу, и противъ него началась невѣроятная травля. Но онъ перенесъ это «огненное крещеніе», не сдѣлавъ своимъ протавникамъ ни малѣйшей уступки, и вышелъ изъ него «рыцаремъ духа», человѣкомъ, готовымъ на все, чтобы отстоять свою святыню: свободу высказываться такъ, какъ ему велятъ совѣсть и гражданскій долгъ.

Отреченъ отъ своихъ убѣжденій Лѣсковъ не могъ и по другой причинѣ. Его убѣжденія не были чѣмъ-то наноснымъ, въ родѣ разныхъ модныхъ теорій, которыя такъ быстро смѣняются въ нашемъ обществѣ. То, что говорилъ Лѣсковъ, было плодомъ его широкаго знакомства «жизнью». Если онъ утверждалъ, обращаясь къ идеаламъ разнаго рода, исповѣдывавшимъ евангельскія истины или тѣ или другія соціальныя и политическія теоріи, что имъ идти «некуда», то имъ дѣйствительно идти было некуда, потому что путь былъ ложный и велъ въ глухой переулокъ. Надо было избрать другой путь, быть-можетъ болѣе далекій, но несравненно болѣе вѣрный. Веѣмъ теперь извѣстно, что Лѣсковъ списалъ своего Райнера съ живой личности, съ гѣлого Бени, идеалиста крайнихъ воззрѣній. Самъ Лѣсковъ въ своемъ «Загадочномъ человѣкѣ» изложилъ намъ біографію этого дѣятеля шестидесятихъ годовъ, и біографія эта лучше всякихъ разсужденій убѣждаетъ въ полной непригодности средствъ, избранныхъ Бени и однородными съ нимъ дѣятелями. Какъ мы видѣли, точно такую же картину полной непригодности средствъ изобразилъ намъ Лѣсковъ и въ «Овцебыкѣ» относительно осуществленія евангельскихъ истинъ. Принявъ все это во вниманіе, мы легко уяснимъ себѣ, по какому пути самъ Лѣсковъ пойдетъ въ дальнѣйшей своей литературной дѣятельности. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ богатымъ житейскимъ опытомъ, извѣдидъ Россію вдоль и поперекъ, познакомился со веѣми классами населенія, убѣдился, что условія очень несовершенны, что требуется усиленная работа

для ихъ пересозданія. Въ Петербургѣ ему предлагали разныя голландія теоріи крайне отвлеченнаго свойства, замѣтвованныя по большей части со стороны, изъ другихъ странъ людьми, очень мало знакомыми съ Россією. Средства, предлагавшіяся для осуществленія этихъ теорій, отличались по большей части крайне наивнымъ характеромъ. Въ «Овцебыкъ» и «Некуда» Лѣсковъ произнесъ краснорѣчивый и убѣдительный приговоръ надъ этими средствами. По понятю на этомъ нельзя было остановиться. Такимъ образомъ предстояла задача подвергнуть критической оцѣнкѣ нарождающіяся новыя теоріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ установить ихъ приложимость къ жизни, вздуматься въ средства ихъ осуществленія.

Самыя благія начинанія терпятъ крушеніе, когда они не находятъ себѣ надлежащихъ исполнителей. Если это вѣрно по отношенію къ правительственной дѣятельности, то это не менѣе вѣрно и по отношенію къ дѣятельности общественной. Эта истина представлялась особенно ясно Лѣскову, какъ человѣку, глубоко изучившему русскую дѣйствительность. Поэтому, когда рѣчи заходила о той или другой теоріи, онъ немедленно задумывался надъ исполнителями и уметвеннымъ взоромъ охватывалъ ту безконечную галерею типичныхъ представителей нашего общества, съ которыми ему приходилось встрѣчаться въ жизни. Эту галерею онъ распредѣлялъ по категоріямъ соотвѣтственно съ ихъ способностью осуществлять въ дѣйствительности идеальныя стремленія. А его судъ относительно этой пригодности обуславливался общимъ его міросозерцаніемъ, основаннымъ, какъ мы видѣли, на дѣятельной любви къ ближнему. Быть-можетъ, Лѣсковъ больше вѣрилъ въ людей, чѣмъ въ тѣ или другія мѣропріятія. Въ дѣтствѣ и молодости онъ убѣдился, что при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ человѣкъ, воодушевленный чувствомъ дѣятельной любви къ ближнему, можетъ сдѣлать очень много добра. Настроеніе же русскаго общества было въ значительной степени противоположное: оно исходило изъ убѣжденія, что и хорошій человѣкъ ничего не можетъ сдѣлать добраго при несоостоятельныхъ условіяхъ, что благопріятныя условія рождать хорошихъ людей. Это было глубокое несоотвѣтствіе взглядовъ: для нашего общества центръ тяжести

вопроса лежалъ въ подлежащихъ мѣропріятіяхъ; для Лѣскова— въ хорошихъ людяхъ или, какъ онъ ихъ называлъ, праведникахъ, понимая подъ этимъ терминомъ людей, не только воодушевленныхъ прекрасными намѣреніями, но и умѣющихъ ихъ осуществлять въ жизни. Указаніемъ на этихъ праведниковъ, на этихъ представителей дѣятельной любви къ ближнему исчерпывается значительная часть беллетристическихъ произведеній Лѣскова. Съ одной стороны онъ намъ рисуетъ цѣлый рядъ типовъ съ тѣми характеристическими чертами, которыя мы уже отмѣтили въ «Овдескѣ», съ другой— дѣятелей въ истинномъ значеніи этого слова. Затѣмъ онъ выводитъ еще третій типъ,— людей, которые при отсутствіи идеальныхъ стремленій сами устраиваются въ жизни сносно, но причиняютъ другимъ много заботъ и страданій. Иногда дѣятели этого типа приходятъ къ сознанію своей ошибки уже поздно, и тогда получается трагизмъ, который Лѣсковъ умѣетъ подчеркнуть съ поразительною художественною силою.

Остановимся теперь на этихъ трехъ типахъ, какъ они послѣдовательно изображены въ произведеніяхъ Лѣскова. Велѣдъ за «Некуда» появился обширный его романъ: «Обойденные». Главный герой этого романа — Долницкій, человѣкъ недурной. Онъ принадлежитъ именно къ типу людей безъ опредѣленныхъ идеальныхъ стремленій и обусловленной ими жизненной задачи. Любовь, кончающаяся смертію горячо любимой дѣвушки, приводитъ его къ мистицизму. Неустойчивость его чувствъ и стремленій прекрасно отгѣнена сознательностью, твердостью и цѣлесообразностью всѣхъ дѣйствій и всей жизни главной героини романа Аппы Михайловны, которая въ такое повидимому безразличное съ нравственной точки зрѣнія предпріятіе, какъ модная мастерекая, умѣетъ вложить глубокое идеальное содержаніе. Она просто, безъ всякихъ фразъ, разрѣшаетъ вопросъ о женскомъ трудѣ, въ то время, какъ ее сестра, дѣвушка съ блестящими дарованіями, только губитъ свою жизнь, и сама прекрасно разъясняетъ причину своей гибели, говоря, что «сильные люди вывелись». Ее сестра, живущая только для другихъ и умѣющая найтись въ жизни, является такимъ «спальнымъ» человѣкомъ.

Та же идея положена въ основу другого большого романа Лёскова: «Островитяне». Тутъ талантливый художникъ Истоминъ, думающій только о себѣ, кончаетъ жизнь весьма печально. Любимая имъ дѣвушка, богато одаренная натура, находитъ душевный миръ послѣ безконечныхъ страданій, только когда посвящаетъ себя дѣйтельной любви къ ближнему. А ея сестра, Ида, посвятившая себя инстинктивно этой любви, хотя и не находитъ личнаго счастья въ ходячемъ смыслѣ этого слова, представляетъ картину необычайно гармоничной внутренней жизни и вливаетъ въ душу всѣхъ близкихъ ей людей тѣ чувства, которыя болѣе всего обезпечиваютъ человѣческое счастье. Въ концѣ романа она воспитываетъ дѣтей своего брата, ведетъ съ ними длинныя бесѣды, и «крѣпитъ дѣтскій духъ въ этихъ бесѣдахъ, и какъ шпунтъ-трава тихо растутъ и вырастаютъ въ нихъ и рѣшимость, и воля, и воспитывается то, что далекій потомокъ можетъ — быть условится называть въ человѣкѣ прямою добродѣтельною гражданина». Противопоставленіе этой василье-островской иѣмки, дочери простого токаря, воспитывающей людей въ истинно-гражданскихъ чувствахъ, дѣятелямъ, такъ много толковавшимъ о гражданскомъ долгѣ и такъ мало его исполнявшимъ, очень характерно для Лёскова. Во всякомъ случаѣ мы видимъ, что, по его мысли, богато одаренныя натуры, пока онѣ ищутъ исключительно личнаго счастья, цѣли своей не достигаютъ, терпятъ крушеніе въ жизни и умираютъ съ сознаніемъ безплодно прожитой жизни. Эта мысль такъ и просвѣчиваетъ въ двухъ только-что указанныхъ романахъ Лёскова.

Одновременно, то-есть тотчасъ же послѣ «Некуда», имъ написаны два очерка, въ которыхъ проводится та же мысль съ поразительною художественною силою по отношенію къ народной средѣ. Это—«Леди Макбетъ Мценскаго уѣзда» и «Воительница». Второй очеркъ въ то же время—истинный перлъ художественнаго творчества.

Леди Макбетъ — провинціальная купчиха, совершающая рядъ преступленій, чтобы навсегда соединиться съ своимъ возлюбленнымъ и осчастливить его. Она цѣли не достигаетъ, попадаетъ вмѣстѣ съ нимъ въ Сибирь и, отвергнутая любовникомъ, кон-

часть жизнь самоубійствомъ. Этотъ очеркъ, написанный, какъ всегда у Лёскова, съ большимъ знаніемъ бытовыхъ подробностей, производитъ сильное впечатлѣніе, но оно почти меркнетъ, сравнительно съ тѣмъ ужасомъ, который вызываетъ второй очеркъ «Вонительница» — это деревенская баба, торгующая въ Петербургѣ кружевами и при случаѣ занимающаяся и другими дѣлами: сближаетъ мужчинъ и женщинъ для законнаго брака и для другихъ, менѣе законныхъ отношеній. Этотъ теперь уже исчезающій типъ очерченъ Лёсковымъ съ поразительною рельефностью. Домна точно живетъ передъ вами. Такая она на видъ славная баба. Ея пощечинамъ о другихъ нѣтъ конца. Руководствуется она во всемъ только чувствомъ «доброты», мнитъ себя настоящей христіанкой и при этомъ рассказываетъ съ невозмутимою простотою невѣроятныя мерзости. Она постоянно удивляется, что за ея «доброту» ее то и дѣлю постигаютъ напасти, и удивляется совершенно искренно, потому что мораль у нея своеобразная. Въ церковь она ходитъ, Богу молится, но въ сущности заботится лишь объ одномъ,—какъ бы прожить безбѣдно. Эта баба позволяетъ намъ бросить глубокій взглядъ въ народную жизнь. Она по натурѣ—человѣкъ педурной и одарена значительными способностями, по другому идеала у нея нѣтъ, кромѣ заботы о собственномъ благополучіи. Видитъ она всюду обманъ и ложь, и съ нею въ этомъ отношеніи дѣйствительно не церемонились: ее обманывали и надували. при случаѣ истязали, и ей кажется, что она еще гораздо лучше другихъ людей, потому что, когда она, напримѣръ, ведетъ женщину, находящуюся въ крайности, на позоръ, то чувствуетъ къ ней нѣкоторое состраданіе, а та угощаетъ ее пощечинной. Противопоставленіе того, что происходитъ въ душѣ Домны и ея жертвы во время этой сцены, представляетъ такой блестящій психологическій анализъ, какой встрѣчается только у большихъ художниковъ. И вотъ эта-то баба наконецъ сама въ первый разъ въ жизни узнаетъ, что такое сильная привязанность. Любовь ея несчастна, и тутъ только передъ нею раскрывается завѣса того мрака, которымъ она была окутана всю жизнь. Святое чувство любви растоптано, и Домна, всю свою жизнь только думавшая о наживѣ, вдругъ становится

страданицю, и сознание, что она могла попытать такое сильное горе, сближает насъ съ нею, заставляетъ насъ забыть всё ея грѣхи. Любовь къ ближнему, самоотверженіе, даже въ этой грубой формѣ, возвышаетъ, облагораживаетъ человѣка.

Сопоставляя эти два очерка съ разобранными нами романами, мы видимъ, что, независимо отъ сравнительныхъ достоинствъ всѣхъ этихъ произведеній, они внушены идеею и чувствомъ, не имѣющими ничего общаго съ озлобленіемъ, будто бы вызваннымъ инцидентомъ съ «Некуда», но находящимися въ тѣсной связи съ міросозерцаніемъ Лѣскова, какъ оно сложилось еще въ дни дѣтства и юности. Сѣмена, тогда посеяныя, даютъ иногда пышные ветви, такіе цвѣты, какіе рѣдко встрѣчаются не только въ нашей, но и въ европейской литературѣ.

Слѣдующія по порядку произведенія Лѣскова, сатирическіе очерки: «Смѣхъ и горе» и народная легенда «Очарованный странникъ» еще болѣе насъ убѣждаютъ, что творчество Лѣскова представляетъ собою дерево, прямо выросшее изъ почвы и достигшее доступной ему вершины, безъ всякаго уклоненія въ сторону. Эти двѣ вещи по своей реальности, по неисчерпаемому богатству бытовыхъ чертъ не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онѣ написаны авторомъ, не только глубоко изучившимъ Россію, но и чуждымъ всякой тенденціозности. Жизнь какъ бы сама собою развертывается передъ вами, и присматриваясь къ ней, вы не знаете, — плакать или смѣяться, — такъ близко трагическое соприкасается съ комическимъ. Мы не можемъ доставить себѣ здѣсь удовольствія познакомиться читателя хотя бы только съ выдающимися частностями этихъ двухъ картинъ русской жизни; впрочемъ въ этомъ и не представляется надобности, потому что онѣ — въ его рукахъ. Для нашей задачи важно только отмѣтить общій выводъ, который получается при ихъ созерцаніи. О, Русь, это ты! Становой, углубившійся въ дебри философіи и не видящій, что у него происходитъ нодъ носомъ, богатый помѣщикъ, весь ушедшій въ протестъ и доходящій въ этомъ отношеніи до комизма, до самыхъ непростительныхъ выходокъ, докторъ, не вѣрящій въ медицину, мировой посредникъ, поощряющій народное образо-

ваніе тѣмъ, что беретъ взятки школами, либеральная губернаторша, проливающая слезы о томъ, что мужъ ея губернаторъ, а не редакторъ, губернаторъ, мечтающій о томъ, какъ бы выноротъ всю Европу и учредить парижскую губернію, наконецъ самъ разсказчикъ, который, несмотря на добрыя свои намяренія, ничего не можетъ сдѣлать, даже просто не можетъ разобратъся во всемъ этомъ хаосѣ, въ этомъ невообразимомъ сумбурѣ! У людей, дѣйствующихъ въ жизни, бродятъ въ головѣ самыя разнообразныя религіозныя, политическія, общественныя, философскія идеи, если только они не живутъ, какъ жандармскій офицеръ Постельниковъ, исключительно для удовлетворенія неизменныхъ инстинктовъ; но изъ всего этого ничего не выходитъ или выходитъ одно только уродство, потому что эти люди практической задачи себѣ не создали и постоянно уклоняются куда-то въ сторону. Если таковъ основной смыслъ очерковъ: «Смѣхъ и горе», то, читая «Очарованнаго странника», котораго мы назвали народною легендою и котораго вѣрнѣе было бы называть сборникомъ легендъ, написанныхъ въ чисто-народномъ духѣ и съ неистощимымъ народнымъ юморомъ, мы убѣждаемся, что и въ народѣ вслѣдствіе той же причины гибнутъ и силы, и дарованія, и хорошія стремленія. Очарованный странникъ проявляетъ неистощимый запасъ энергіи, самоотверженія, честности, находчивости, по все это ни къ чему не приводитъ. Остается только сказать то, что сказалъ лѣкарь, лѣчившій его послѣ одного изъ безконечныхъ его походовъ: «Экій ты, братецъ, барабанъ. Били тебя, били, и все никакъ еще не добьютъ».

Начертавъ эти мрачныя картины русской дѣйствительности, Лѣсковъ снѣвшитъ указать на вѣрный по его мнѣнію выходъ изъ этого безотраднaго положенія. Въ семейной хроникѣ «Заху-далый родъ» онъ переноситъ читателя въ дореформенную Россію и показываетъ, какъ много могъ сдѣлать хорошій человѣкъ уже тогда, при сравнительно столь неблагоприятныхъ условіяхъ. Выведенная имъ въ этой хроникѣ княгиня Протозанова несомнѣнно является «праведницею» въ томъ смыслѣ, какой придаетъ Лѣсковъ этому слову. Основное правило ея жизни: «самъ въ себѣ человѣка уважай». Потерявъ еще въ молодости мужа, она всецѣло

посвятила себя воспитанію дѣтей и благу своихъ крестьянъ. Она безъ всякихъ фразъ достигла того, что дѣйствительно «вошла въ народъ или, какъ говорятъ, слилась съ нимъ». Всякой истинной бѣдѣ она умѣла помочь, и «всеі пскали свѣта не въ городѣ, а въ Протозановѣ». Чрезвычайно любопытно ея столкновеніе съ графиней Хотѣтовой. Она не терпѣла ни ханжей, ни узкихъ патріотовъ, ни тогдашнихъ космополитовъ. Графиня поучала, что надо помнить Бога и молиться Ему; а княгиня добавляла: «безъ добрыхъ дѣлъ и молитва не пользуется». Графиня говорила, что надо умѣть себя сдерживать, поститься; а княгиня возражала: «Лошади никогда мяса не ѣдятъ, а все, какъ они скоты, то скотами остаются... самое главное о другихъ помнить». Графиня говорила о храмѣ Божіемъ, чтобы «благотѣпіе духъ возбуждало»; а княгиня прибавляла: «Надо бѣднымъ тяготы посбавить, а не гробы золотить и не башни строить; тогда скорѣе начнется Христово царствіе». У нея слово не расходилось съ дѣломъ, деревни ея процвѣтали. Она кончила тѣмъ, что роздала все свое имущество крестьянамъ и поселилась нахлѣбницею у своихъ сыновей.

Можно сказать, что «Захудалый родъ» послужилъ началомъ цѣлаго ряда очерковъ, въ которыхъ Лѣсковъ началъ выводить «праведниковъ», то-есть идеально-настроенныхъ людей, которые умѣютъ быть полезными въ жизни. Если онъ съ большою симпатіею изобразилъ намъ такихъ идеалистъ въ, какъ Овцебыкъ, Райнеръ (Бенин), Коза, Червевъ, Рагожинъ и т. д.,—людей, которые, несмотря на возвышенное свое настроеніе, ничего не достигаютъ и ведутъ жизнь бродячую, безпріютную, то его «праведники» наоборотъ—приносятъ другимъ несомнѣнную пользу и составляютъ тотъ классъ людей, которые сильнѣе другихъ дѣлаютъ исторію, двигаютъ незамѣтно, но вѣрно культурные успѣхи. Въ нихъ воплощается плодотворная работа, болѣе всего обезпечивающая благополучіе родины. Разказовъ, написанныхъ на эту тему, у Лѣскова не мало. Для нашей цѣли, однако, достаточно отмѣтить главные. Таковы: «Кадетскій монастырь», «Несмертельный Голованъ», «Пугало», «Фигура», «Дурачокъ», «Однодумъ», «Пигмей», хотя люди того же типа встрѣчаются, какъ мы видѣли и какъ мы еще увидимъ, и въ другихъ произведе-

ніяхъ Лѣскова. Онъ беретъ ихъ изъ всѣхъ сферъ жизни. Вы тутъ встрѣтитесь и съ крестьяниномъ, живущимъ впроголодь, и съ кунцомъ, и съ помѣщикомъ, и съ администраторомъ, и съ священникомъ. На нихъ Лѣсковъ останавливается съ особенною любовью, потому что они наиболѣе соответствуютъ его идеалу дѣятельной любви къ ближнему и потому что онъ эту любовь считаетъ наиболѣе вѣрнымъ средствомъ исцѣленія нашихъ общественныхъ недуговъ, въ томъ числѣ склонности увлекаться фразами и теоріями, несоразмѣренными съ жизнью. Какъ бы для того, чтобы лучше отбѣнить свою мысль, онъ рисуетъ намъ еще типичную фигуру «Шерамура», человѣка, выбросившаго всѣ идеальныя стремленія за бортъ и поставившаго себѣ лозунгомъ короткое слово: «жрать». Какъ и крайніе идеалисты, онъ совершенно не умѣетъ найтись въ жизни, выбить изъ колен и является характернымъ продуктомъ тѣхъ элементовъ нашей интеллигенціи, которые утратили почву въ жизни. Кончаетъ онъ тѣмъ, что становится мужемъ престарѣлой содержательницы нарижскаго кабака, которая за любовь даетъ ему «жрать» въ волю. Вотъ этимъ безпочвенникамъ, будь они крайніе идеалисты, какъ Райперъ, или крайніе матеріалисты, какъ Шерамуръ, Лѣсковъ противопоставляетъ своихъ «праведниковъ», крѣпко приросшихъ къ родной почвѣ и воплощающихъ каждый въ своей сферѣ великій законъ дѣятельной любви къ ближнему и этимъ вѣрише всего содѣйствующихъ культурнымъ успѣхамъ народа. Эти люди не разсуждаютъ, не философствуютъ, не выступаютъ героями; они какъ бы совершенно забываютъ о себѣ и помнятъ только о ближемъ. Возьмемъ для примѣра мужика Селивана въ одномъ изъ лучшихъ разсказовъ Лѣскова: «Пугалю». Онъ жестоко провинился предъ людьми, — прирѣлъ всеми отверженную дочь палача, женился на ней и, опасаясь людскаго презрѣнія, держался отъ всѣхъ въ сторонѣ. Онъ и сдѣлался для людей пугаломъ. Всѣ избѣгали его общества. Но онъ сумѣлъ сохранить въ душѣ своей, несмотря на общее нерасположеніе, доходившее по временамъ до ненависти, — свѣтлыя душевныя качества. Случай его выручилъ: онъ оказалъ услугу одной изъ тетокъ Лѣскова, проявивъ при этомъ рѣдкую честность, и судьба его измѣнилась.

Но сколько лѣтъ онъ влачилъ самое жалкое существованіе, посвятивъ себя спасенію *одного* ближняго. Если бы ему дана была возможность заботиться о *многихъ*, сколько бы добра онъ сдѣлалъ! Въ такомъ положеніи находился «Однодумъ», Алексанка Рыжовъ, который случайно попалъ въ кварталныя, а затѣмъ и въ городничіе. Сколько онъ сдѣлалъ добра только тѣмъ, что воздерживался отъ удовлетворенія алчныхъ аппетитовъ прежнихъ полицейскихъ чиновъ! «Несмертельный Голованъ», пренебреженный любви къ ближнему, не боится «страшной заразы и приходитъ на помощь крестьянамъ, служить имъ и при другихъ обстоятельствахъ словомъ и дѣломъ. Авторъ характеризуетъ людей этого рода слѣдующимъ образомъ: «Одушевляющая ихъ совершенная любовь ставитъ ихъ выше всѣхъ страховъ». Въ «Кадетскомъ монастырѣ» мы встрѣчаемъ уже людей, приравненныхъ къ дѣлу воспитанія молодежи. Предъ нами корпусъ николаевскихъ временъ, а если познакомится съ тогдашними директоромъ, экономомъ и врачомъ этого заведенія, то можно только пожелать, чтобы во всякое время находились такіе дѣятели. Черезъ руки эконома, напримѣръ, прошло 24 милліона, а его самого пришлось похоронить на казенный счетъ. Какую любовь, какое уваженіе внушали эти люди воспитанникамъ, и какъ они умѣли поддерживать въ нихъ человѣческія чувства!..

Но довольно объ этихъ «праведникахъ». Мы достаточно сказали, чтобы выяснить основную мысль автора. Знакомясь съ соотвѣтствующими разказами Лѣскова, читатель пойметъ, какое значеніе они имѣютъ для характеристики міросозерцанія Лѣскова.

У.

Уловивъ себѣ общее міросозерцаніе Лѣскова, мы легко поймемъ и ту роль, которую онъ сыгралъ, какъ изслѣдователь нашей религіозной жизни и знаменитый бытописатель нашего духовенства и раскольниковъ. Какъ по своему происхожденію, такъ и по воспоминаніямъ дѣтства и молодости, онъ стоялъ очень близко къ духовной средѣ. Онъ былъ внукомъ священника, воспитывался подъ непосредственнымъ влияніемъ священниковъ, росъ въ городѣ, гдѣ жило очень много раскольниковъ самыхъ различныхъ толковъ,

до крайнихъ сектъ включительно. Все это невольно обращало вниманіе пытливаго и наблюдательнаго ребенка и юноши на религіозную жизнь нашего народа и общества. Мало того, наиболѣе сильныя дѣтскія впечатлѣнія у него связаны, какъ мы видѣли, съ религіозною жизнью. Образъ тети Полли и Гильдегарды навсегда вѣшался въ его память; онъ съ благодарностью до конца жизни вспоминалъ о своемъ законоучителѣ и другихъ священникахъ, вліявшихъ на него въ дѣтствѣ. Религіозное воздѣйствіе на него было, слѣдовательно, не одностороннее: Христосъ говорилъ съ нимъ черезъ посредство православныхъ священниковъ, лютеранъ, квакеровъ. Обративъ усиленное вниманіе на религіозную жизнь, онъ при своей впечатлительности и наблюдательности улавливалъ всѣ отбѣнки религіознаго чувства и не пропускалъ случая основательно познакомиться съ бытомъ и правами представителей разныхъ религій, а случаевъ этихъ ему представилось не мало и въ родномъ Орлѣ, и въ окрестныхъ усадьбахъ, и въ Кіевѣ, и во время служебныхъ разъѣздовъ по кievской губерніи или странствованія по Россіи въ качествѣ агента Шкота.

Такимъ образомъ и въ этой области у него накопились богатый запасъ наблюденій. Но, можетъ-быть, этотъ запасъ пропалъ бы даромъ или по крайней мѣрѣ не былъ бы разработанъ имъ въ такомъ совершенствѣ и съ такою полнотою, если бы все его міросозерцаніе не покоилось на религіозномъ фундаментѣ, на дѣятельной любви къ ближнему. Онъ всюду искалъ носителей этой любви. Понятно, что онъ ихъ искалъ особенно усердно въ той средѣ, которая по жизненному своему призванію обязана проявлять эту любовь и возбуждать ее въ другихъ. Произведенія Лѣскова, посвященные описанію религіозной жизни и быта ея главныхъ представителей, слѣдовательно находятся въ самой тѣсной связи съ общимъ его міросозерцаніемъ и должны быть изучаемы съ этой точки зрѣнія; иначе мы ихъ никакъ не оцѣнимъ по достоинству. Въ сферѣ религіозной онъ искалъ, какъ въ общественной и общенародной жизни, носителей воодушевлявшаго его глубокаго альтруистическаго чувства.

Мы видѣли уже, что первымъ его печатнымъ произведеніемъ

была статья о распространеніи Евангелія. Попадъ въ водоворотъ тогдашней бурной петербургской жизни съ ея отрицаніемъ религіозныхъ началъ, онъ однако не подчиняется общему теченію, а продолжаетъ усердно заниматься вопросами религіи. Слѣды этой работы бросаются въ глаза и въ первыхъ его беллетристическихъ произведеніяхъ. Въ «Овцебыкъ» онъ даетъ мастерскую картину жизни въ пустынь, касается раскольникьяго быта; въ томъ же году появляется его чрезвычайно интересное изслѣдованіе «О раскольникахъ города Риги», составленное по порученію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, извѣстнаго Головнина. Въ «Некуда» онъ выводитъ симпатичный типъ игуменьи Агнии и одновременно рисуетъ намъ бытъ «людей древяго благочестія»; въ «Островитянахъ» изображаетъ крайне симпатичными чертами представителя совершенно иной религіозной секты—гернгутера, и тотчасъ же припимается за классическое въ нашей литературѣ произведеніе «Соборине»,—эту первую блестящую картину быта нашего православнаго духовенства и душевной борьбы, переживаемой лучшими его представителями.

Центральная фигура этой хроники—провинціальный протопопъ Туберозовъ. Чтобы охарактеризовать его настроеніе, достаточно взять сцену, когда Туберозовъ видитъ, какъ полуницій Пизонскій, прирѣвншій младенца дурочки Насти, обольщенной проходжимъ солдатомъ, стоялъ на лѣстницѣ утвержденного на столбахъ разсадника, погружалъ зерна и молился: «Боже, устрой и умножь и возрасти на всякую долю человѣка голоднаго и сираго, хотящаго, просящаго и произволящаго, благословляющаго и неблагодарнаго». О. Туберозовъ вноситъ по этому поводу въ свои «нотатки» слѣдующія слова: «Я никогда не встрѣчалъ такой молитвы въ печатной книгѣ. Боже мой, Боже мой! Этотъ старикъ садилъ па долю вора и за него молился. Это можетъ быть гражданскою критикой не очищается, но это ужасно трогаетъ. О, моя мягкосердечная Русь, какъ ты прекрасна!» Вотъ еще его взглядъ на проповѣдь: «Я ощущаю порой нѣчто на меня сходящее, когда любимый даръ мой ищетъ дѣйствія; мною тогда овладѣваетъ нѣкое, позволяю себѣ сказать, священное безпокойство; душа трепещетъ и горитъ, и слово падаетъ изъ устъ, какъ

угаь горящій. Итътъ, тогда въ душѣ моей естъ свой законъ цензуры... а они требуютъ, чтобы я вмѣсто живой рѣчи, направляемой отъ души къ душѣ, дѣлалъ риторическія упражненія... Я сей дорогой не хожу... Я изъ-подъ неволн не проповѣдникъ».

Таковы основы религіознаго чувства о. Туберозова. Его дѣятельность — борьба съ тѣми, кто такого религіознаго чувства не признаетъ. Онъ предпочитаетъ, чтобы храмъ его былъ пустъ, чѣмъ чтобы онъ былъ наполненъ людьми, посѣщающими его по постороннимъ соображеніямъ, изъ чувства страха или по другимъ мотивамъ. О силѣ воздѣйствія о. Туберозова на людей можно судить по отношеніямъ, которыя устанавливаются между нимъ и дьякономъ Ахиллой, — этимъ удалымъ казакомъ, по ошибкѣ попавшимъ въ духовныя особы, по натурѣ своей, молодецкой, буйной, совершенно неспособнымъ къ проявленію пастырскихъ добродѣтелей и постепенно перерождающимся подъ вліяніемъ о. Туберозова. Фигура дьякона Ахиллы въ художественномъ отношеніи такъ же прекрасна, какъ фигура о. Туберозова — въ идейномъ. Надо ли рассказывать, чѣмъ кончилась глухая борьба, затѣянная протопопомъ? «Прости слѣпому роду его жестокосердіе», — напутствуетъ его въ смертный часъ его товарищъ о. Захарія. А когда онъ умеръ, дьяконъ Ахилла въ первый разъ въ жизни проявилъ краснорѣчіе и судорожно проленеталъ дрожащими устами: «Въ мірѣ бѣ, и мірѣ его не позна» — и вдругъ, не находя болѣе соответствующихъ словъ, побагровѣлъ и, какъ бы лоя высохшими глазами слова, начертанныя для него въ воздухѣ, грозно воскликнулъ: «по воззрять нань его же прободоша»...

Такъ кончается жизнь о. Туберозова, цѣликомъ ушедшаго въ исполненіе заповѣди о любви къ ближнему. Мы не станемъ останавливаться на другихъ типахъ, выведенныхъ въ этомъ замѣчательномъ произведеніи, потому что они встрѣчаются во многихъ произведеніяхъ Лѣскова и нами уже отмѣчены. Богатая помѣщица Марѳа Андреевна является разновидностью княгини Протопоповой, осмѣянные въ хроникѣ «новые люди» принадлежать къ числу тѣхъ, которые преслѣдуютъ подъ личиною громкихъ фразъ эгоистическіе и своекорыстные интересы и т. д. Мы те-

перь хотимъ только выяснитъ, какъ основное міросозерцаніе Лѣкова отразилось на его изображеніи религіозной жизни. Въ окончательной своей редакціи «Соборяне» появились въ 1872 году. Мысль, положившую въ ихъ основаніе, Лѣковъ развиваетъ затѣмъ въ цѣломъ рядѣ очерковъ, изъ которыхъ нѣкоторые могутъ быть названы перлами художественнаго творчества. Нарисовавъ картину быта православнаго духовенства, онъ въ «Запечатлѣніи Ангелѣ» рисуется намъ старообрядцевъ, поклоняющихся буквѣ, формѣ, но не понимающихъ духа христіанскаго. Изумительно рельефна въ этомъ отношеніи фигура раскольника-старца Малахія, изображеннаго позднѣе Лѣковымъ въ его «Нечерекіихъ антикахъ». Онъ ждетъ не дождется посярмленія своихъ враговъ и вѣритъ, что при открытіи въ высочайшемъ присутствіи поворотнаго моста въ Кіевѣ, императоръ освѣтитъ себя двушерстнымъ крестнымъ знаменіемъ, и что тогда настанетъ часъ торжества раскольниковъ. Тѣмъ временемъ онъ моритъ голодомъ своего вѣрнаго слугу, такъ что тотъ умираетъ въ послѣдствіи отъ рака въ желудкѣ, проклявъ расколъ съ его мертвящимъ буквобдствомъ.

Борьба съ расколомъ, по мысли автора, можетъ быть уяснена не на почвѣ вѣшняго принужденія, словопренія, богословской казуистики, а лишь на почвѣ альтруистической. Когда старообрядцы встрѣчаются съ людьми, проникнутыми этимъ духомъ, они невольно чувствуютъ къ нимъ симпатію или даже преклоняются передъ ними и признаютъ себя побѣжденными. Они уважаютъ и любятъ англичанина и его жену, проникнутыхъ духомъ вѣротерпимости и состраданія. Когда старообрядецъ встрѣчаетъ отшельника Паяву, проникнутаго тѣмъ же духомъ, онъ восклицаетъ: «Господи, дерзаю разсуждать: если только въ церкви два такіе человѣка есть, то мы пропали, ибо сей весь любовью одушевленъ». Еще рѣзче и въ дивной формѣ выражена мысль о спасительности дѣятельной любви къ ближнему въ очеркѣ: «На краю свѣта», въ которомъ авторъ беретъ просвѣщеннаго настыря нашей церкви (позднѣйшаго архіепископа ярославскаго Николая) и рассказываетъ съ его словъ, какой характеръ приняла его миссіонерская дѣятельность среди зырянъ. Мѣстный монахъ относится къ

крещенію зырянъ какъ-то странно, какъ будто даже ему не сочувствуетъ, и архіерей никакъ не можетъ понять его настроенія до тѣхъ поръ, пока не видитъ, какъ совершается миссіонерская дѣятельность и невѣжественный зырянинъ не спасаетъ ему жизни, подвергаясь самъ страшной опасности. Фабула этого разсказа нѣсколько напоминаетъ написанный 20 лѣтъ снуетя разсказъ графа Льва Толстого: «Хозяинъ и работникъ»; но только тутъ замерзаетъ архіерей и зырянинъ. Когда послѣдній спасаетъ архіерея, тотъ предается слѣдующимъ размышленіямъ: «Онъ бѣжалъ сутки конечно движимый не однимъ естественнымъ чувствомъ состраданія ко мнѣ, а дорожа воссоединеніемъ съ тѣмъ Хозяиномъ, Который сверху смотритъ. Что же я съ нимъ сотворю теперь? Возьму ли я у него эту религію и разобью ее, когда другой лучшей и сладостнѣйшей я лишись возможности дать ему, доколѣ слова путаютъ смыслъ смертнаго, а дѣлать для плѣненія его показать невозможно? Неужто я стану страхомъ его пудить или выгодою защиты обольщать?.. Гдѣ мои средства его воспитать, его просвѣтить, когда нѣтъ ихъ, этихъ средствъ, и все какъ бы нарочито такъ устроено, чтобы имъ не быть въ моихъ рукахъ?.. Здѣсь печать, которую несвободной рукой не распечатаешь... Ей гряди, Хригось, ей гряди Самъ въ сіе сердце чистое, въ сію душу смирную, а доколѣ медлишь, доколѣ не изволишь сего, нусть мила ему будутъ эти снѣжныя глыбы его долниъ, нусть въ свой день онъ скончается... Не мнѣ ставить въ колоды поги его и преслѣдовать его стези, когда Самъ Сый написалъ перстомъ Своимъ законъ любви въ сердцахъ его и отвелъ его въ сторону отъ дѣлъ гнѣва».

Надо ли послѣ этого еще указывать на основную мысль «Некрещенаго пона»? Герой этого разсказа, православный священникъ Савва—воспитанникъ штундиста, вокругъ него вездѣ штундисты, по его церковь всегда наполнена молящимся православнымъ людомъ, потому что и въ его сердцахъ «написанъ законъ любви», потому что и онъ далекъ «отъ дѣлъ гнѣва».

Мы не имѣемъ возможности коснуться здѣсь другихъ произведеній Лѣскова изъ духовнаго быта, хотя они написаны съ тѣмъ же глубокимъ знаніемъ предмета и съ тою же поразительною

художественною правдою. Укажемъ для примѣра только на «Владычній судъ», гдѣ, какъ и въ «Некрещеномъ попѣ», высокій представитель нашей церкви дѣйствуетъ въ духѣ Христа и предвращаетъ глубокую неправду. Но и въ этомъ отношеніи Лѣсковъ, какъ всегда, раскрываетъ не только положительныя, но и отрицательныя стороны изображаемой имъ жизни. Вотъ почему съ нимъ буквально повторилось въ 70-хъ годахъ, когда онъ особенно усердно занимался изображеніемъ нашей духовной среды, то, что съ нимъ случилось, когда онъ въ 60-хъ годахъ посвящалъ преобладающее вниманіе изображенію «новыхъ людей». Авторъ «Соборянь», «На краю свѣта», «Некрещенаго попа», въ полной мѣрѣ раздѣлялъ участь автора «Некуда» и «На пожарахъ». Правда, очевидно, глаза колетъ, и какъ Лѣсковъ въ 60-хъ годахъ не угодили либераламъ, такъ онъ въ 70-хъ не угодилъ консерваторамъ. Противъ него нуцена была въ ходъ интрига. Прежде его признавали отъявленнымъ врагомъ молодежи, а теперь—«потаеннымъ и хитро-ласковымъ ингилистомъ». Этотъ новый походъ противъ Лѣскова стоилъ ему матеріальнаго обезпеченія, которымъ онъ пользовался, состоя на службѣ въ ученѣмъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія и въ министерствѣ государственныхъ имуществъ. «Соборяне» обратили на себя милостивое вниманіе императрицы Маріи Александровны, но тѣмъ не менѣе, благодаря интригамъ, Лѣсковъ вынужденъ былъ отказаться отъ службы въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, а въ 1883 г., вѣдѣствіе указація, что священники по назначенію бывають иногда не лучше священниковъ по избранію,—онъ былъ уволенъ «безъ прошенія» и со службы въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Такое рѣзкое увольненіе отчасти было вызвано самимъ Лѣсковымъ, который не пожелалъ подчиниться установленной въ подобныхъ случаяхъ формѣ. Утверждаютъ, что ему легко было предотвратить этотъ ударъ, но что онъ этого не хотѣлъ, зная, что его отставка вызвана была желаніемъ до извѣстной степени стѣснить свободу сужденій, высказываемыхъ имъ печатно. Когда Лѣскову предстоялъ выборъ—пожертвовать личными своими интересами или свободою сужденій, онъ всегда приносилъ въ жертву первые. Такъ онъ по-

ступилъ въ дни молодости, такъ поступилъ и теперь: житейскій опытъ его въ этомъ отношеніи не умудрилъ. Онъ выше всего ставилъ честь писателя и выстраданныя имъ убѣжденія. Жертва, которую онъ припосылъ, была очень тяжелая, потому что у него не было другихъ средствъ къ существованію, кромѣ литературнаго труда, доставлявшаго ему скудное вознагражденіе, несмотря на блестящія дарованія, также потому, что онъ во всемъ и всегда хотѣлъ оставаться самимъ собою.

Разставшись съ казенною службою, онъ продолжалъ попрежнему обсуждать религіозные вопросы. Общество все рѣшительнѣе шло ему навстрѣчу. Вопросы религіи и нравственности начали усмеленно занимать общество, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ гр. Л. Толстой, слѣдуя примѣру Лѣскова, начерталъ на своемъ знамени лозунгъ любви къ ближнему. Лѣсковъ конечно очень обрадовался такому вліятельному союзнику и въ цѣломъ рядѣ газетныхъ статей горячо его защищалъ противъ нападокъ съ разныхъ сторонъ. Одно время могло даже казаться, что Лѣсковъ и гр. Л. Толстой пойдутъ рука объ руку, будутъ дѣйствовать въ одномъ и томъ же направленіи, отчасти даже пользуясь одинаковымъ оружіемъ, то-есть воскресеніемъ древне-христіанскихъ легендъ для распространенія въ нашемъ обществѣ христіанскихъ началъ. Дѣйствительно, Лѣсковъ написалъ цѣлый рядъ такихъ легендъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ несомнѣнныя художественныя достоинства и всѣ проникнуты тѣмъ духомъ, который нашелъ себѣ такое яркое выраженіе въ о. Туберозовѣ. Сюда относятся такія общезвѣстныя произведенія, какъ «Скоморохъ Намфалонъ», «Прекрасная Аза», «Аскалонскій злодѣй», «Гора» и т. д. Къ этому разряду легендъ относится, хотя она и не касается первыхъ временъ христіанства, и легенда: «Часъ воли Божіей». Возьмемъ нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы выяснитъ основную ихъ идею. Въ «Скоморохѣ Намфалонѣ» выводится столпникъ, 30 лѣтъ живущій въ столбѣ, послѣ того, какъ онъ роздалъ все свое богатство, никого въ сущности не удовлетворивъ. Но и въ аскетическомъ своемъ подвигѣ онъ не находитъ настоящаго удовлетворенія. И вдругъ ему было видѣніе, что настоящій праведникъ — скоморохъ Намфалонъ. Столп-

пикъ идетъ разыскивать его и къ своему удивленію видитъ, что Намфалонъ—настоящій скomorохъ, забавляющій даже гетерь. Поэтотъ скomorохъ отличается отъ столпника тѣмъ, что онъ «не находитъ времени думать о своемъ спасеніи, потому что ему приходится думать все о другихъ». Онъ постоянно раздастъ все, чтобы спасти ближняго, и самъ весь уходитъ въ дѣло оказанія помощи ближнему. Вернувшись на мѣсто своего аскетическаго подвига, столпникъ уже не входитъ въ столпъ, а посвящаетъ себя служенію мѣстнымъ жителямъ. Таково же содержаніе легенды о «Совѣстномъ Данилѣ», который находитъ себѣ утѣшеніе только тогда, когда перестаетъ «мечтать о подвигахъ, смотреть ниже», ухаживаетъ за прокаженными, служить чѣмъ можетъ людямъ. Такова и судьба прекрасной Азы. Она выросла въ богатствѣ, но пожертвовала все свое состояніе, чтобы спасти бѣдняка. Будучи сама неспособна къ труду, она, побуждаемая голодомъ, становится блудницею. Но именно за свой подвигъ, за отреченіе отъ всего для ближняго, спасается, хотя она и не удостоилась крещенія. По мысли автора, духъ всегда стоитъ выше формы. Другія героини его легендъ, — Тенія и Нефора, подобно Азѣ, хотя и язычницы, но болѣе достойныя женщины, чѣмъ другіе христіане. Основная мысль Лѣскова выражена яснѣе всего въ сказкѣ: «Часть воли Божіей», гдѣ «важнѣйшимъ часомъ признается теперешній; нужнѣйшій человекъ — тотъ, съ которымъ сейчасъ дѣло имѣешь, а самымъ дорогимъ дѣломъ будетъ добро, которое мы можемъ сейчасъ сдѣлать человеку». Мы видимъ, слѣдовательно, что эти легенды и сказки по духу и настроенію совершенно соотвѣтствуютъ тому, что Лѣсковъ проповѣдывалъ въ началѣ своей литературной дѣятельности: спасаетъ не теорія, не идея, а живое дѣло, направленное къ обезпеченію блага ближняго.

Несмотря, однако, на это видимое совпаденіе основы міросозерцанія Лѣскова съ идеями, которыя такъ рѣшительно стали проповѣдывать гр. Толстой въ 80-хъ годахъ, союзники очень скоро разошлись, и этому удивляться, конечно, нельзя. Проповѣдуя любовь къ ближнему, гр. Толстой работаетъ на совершенно иной нивѣ, чѣмъ Лѣсковъ. Если послѣдній кладетъ въ

основу своей практической программы дѣятельную любовь къ ближнему, то онъ при этомъ нисколько не отвергаетъ ни науки, ни современныхъ формъ культурной жизни. Для него легенды изъ первыхъ временъ христіанства служатъ, такъ-сказать, только аллегоріями. Онъ желаетъ, чтобы современный человѣкъ проникся духомъ, господствовавшимъ въ тѣ времена, и вдохнулъ этотъ духъ въ современные формы жизни, которыя Лѣсковъ признаетъ неизмѣримо выше прежнихъ. Онъ ничего ломать не хочетъ, онъ добивается только дальнѣйшаго усовершенствованія, а возможность этого усовершенствованія усматриваетъ именно въ самоотверженной любви къ ближнему. Графъ же Толстой, указывая на первые времена христіанства, на разныхъ святыхъ и мудрецовъ, увлекается не только духомъ, господствовавшимъ въ тѣ отдаленныя времена, но и тогдашними формами жизни; онъ отвергаетъ всю современную цивилизацію и въ этомъ отношеніи немного напоминаетъ Овцебыка, не имѣвшаго почти никакихъ потребностей современнаго культурнаго человѣка, отвергавшаго и книги, и журналы, читавшаго только евангеліе, относившагося съ пренебреженіемъ къ господствующимъ формамъ труда и провозглаголавшаго: «сердце мое не терпитъ этой цивилизаціи, этой мобилизаціи, этой стерворизаціи» и, когда ему говорили: «да что жъ ты подѣлаешь»,—восклидалъ: «о, когда бы я зналъ, что съ этимъ можно сдѣлать. О, когда бы это знать!.. Я на ощупь иду».

Лѣсковъ съ грустью взиралъ на Овцебыка и своею мастерскою кистью изобразилъ намъ несчастную судьбу этого человѣка, который, отрѣшившись отъ существующихъ формъ жизни, былъ выброшенъ изъ нея, какъ элементъ негодный, хотя стремленія его были такъ возвышенны, любовь—такъ горяча. Лѣсковъ не только не предлагалъ разрушать существующія формы цивилизованнаго общества, а напротивъ всячески приглашалъ защищать ихъ, какъ цѣнное достояніе напряженныхъ усилій человѣчества въ теченіе тысячелѣтій. Такимъ образомъ союзъ между Лѣсковымъ и гр. Толстымъ не могъ быть проченъ, и въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ произведеній («Зимній день») онъ осмѣиваетъ, какъ прежнихъ «новыхъ» людей, которые въ

свое время «все собирались Бокля читать», так и пытливых «непротивленцев», которые все «собираются что-то дѣлать». Несмотря на все свое уваженіе къ гр. Толстому, онъ не могъ не убѣдиться, что его сторонники, какъ и прежніе нигилисты, ни разрушить, ни создать ничего не могутъ, а пробавляются только одѣми фразами, переодѣваніями, а если повидному что-то дѣлаютъ, то это дѣло оказывается совершенно безплоднымъ. Такимъ образомъ Лѣсковъ подъ конецъ жизни боролся противъ стараго врага въ новой личинѣ.

VI.

Для полной характеристики Лѣскова мы должны коснуться еще одной стороны его литературной дѣятельности. Мы видѣли, какъ онъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ близко примыкалъ къ живой дѣйствительности, какъ онъ ею интересовался, какъ близко принималъ къ сердцу всѣ ея злобы. Въ этомъ смыслѣ Лѣскова можно смѣло назвать публицистомъ. Онъ началъ свою дѣятельность съ публицистической дѣятельности. Нельзя перечислить всѣхъ вопросовъ, которые его занимали въ этомъ отношеніи. Его изслѣдованія по расколу и старообрядчеству особенно много. Не менѣе часто онъ писалъ о церковныхъ вопросахъ, о семинаріяхъ, о преподаваніи закона Божьяго, о разводѣ, о разныхъ сектахъ, о великовѣтскомъ расколѣ (Редетокъ и Пашковѣ), о религіозномъ движеніи въ фабричной средѣ. Очень часто онъ затрогивалъ остзейскій вопросъ. Первый обратилъ вниманіе на прокаженныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Мы даже смѣло можемъ сказать, что не было крупнаго вопроса за все время его литературной дѣятельности, который онъ не старался бы освѣтить съ своей точки зрѣнія. Особенно кипучую дѣятельность въ этомъ отношеніи онъ проявилъ въ 80-хъ годахъ. Заходила ли рѣчь о германскихъ социалистахъ, о возможности войны, о народныхъ театрахъ, о Саррѣ Бекеръ и Семеновою, о буддизмѣ, о пиццихъ дѣтияхъ, объ отцѣ Іоаннѣ, о заграничныхъ паспортахъ, — онъ всегда находилъ сказать дѣльное слово, иллюстрировать всѣ эти вопросы примѣрами изъ живой дѣйствительности.

Послѣ всего вышеизложеннаго не трудно себя уяснить, каковъ

былъ характеръ этой публицистической дѣятельности Лѣскова. Всякій возникавшій вопросъ возбуждалъ въ немъ рядъ воспоминаній, потому что запасъ этихъ воспоминаній былъ у него очень великъ. Онъ освѣщалъ настоящее прошлымъ, какимъ-нибудь интереснымъ случаемъ, непосредственно взятымъ изъ жизни и рассказаннымъ съ свойственнымъ ему мастерствомъ. Такимъ образомъ, публицистика и беллетристика постоянно у него сливались. Онъ словно не могъ иначе думать, какъ только при посредствѣ фактовъ изъ жизни, разныхъ случаевъ, образовъ, запечатлѣвшихся въ его воспримчивой памяти. О чемъ бы онъ ни заговорилъ, тотчасъ же возникало воспоминаніе, тотчасъ же теоретическія соображенія подкрѣплялись разными случаями изъ жизни. Даже филологическія замѣтки, въ родѣ, напримѣръ, замѣтки о происхожденіи слова «герунда», превращались у него въ два занимательныхъ разсказа, изъ которыхъ одинъ подкрѣплялъ происхожденіе этого слова отъ латинскаго «герундіумъ», а другой—отъ нѣмецкихъ словъ: hier und da.

Этотъ способъ поясненія своей мысли особенно сильно проявлялся при обсужденіи общественныхъ вопросовъ, относительно которыхъ онъ имѣлъ такой богатый запасъ воспоминаній. Благодаря необычайному мастерству повѣствовательной формы, разсказы эти были всегда занимательны, тѣмъ болѣе, что Лѣсковъ очень часто пользовался столь доступною широкой публикѣ анекдотическою формою. Но онъ лишь въ очень исключительныхъ случаяхъ разсказывалъ анекдоты, такъ-сказать, изъ любви къ искусству: онъ пользовался ими либо, чтобы привлечь вниманіе читателя къ тому или другому вопросу, заинтересовать его, либо для того, чтобы высказать свою мысль въ наиболѣе безобидной формѣ. Лѣскова можно назвать выдающимся русскимъ анекдотистомъ, но только именно въ этомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ писателя, пользующагося анекдотомъ для проведенія въ общество тѣхъ или другихъ мыслей, убѣжденій.

Самъ Лѣсковъ далъ нѣкоторымъ изъ своихъ произведеній общее заглавіе: «Разсказы кетатп». Но подъ это заглавіе могутъ быть подведены и многіе другіе именно въ томъ смыслѣ, что онъ по поводу того или другого возникавшаго вопроса разска-

зывает что-нибудь кетати, при чемъ выяснялось и его отноше-
 ніе къ этимъ вопросамъ. Такимъ образомъ возникло не одно
 беллетристическое произведеніе, но большей части изложенное
 въ формѣ воспоминаній. И дѣйствительно, это перѣдко—воспо-
 минанія, такъ что авторъ даже не скрываетъ ни мѣста дѣйствія,
 ни фамилій дѣйствующихъ лицъ, ни же прикрываетъ ихъ весьма
 прозрачными псевдонимами. Но при тонкой наблюдательности
 Лѣскова, при его изумительномъ умѣни разгадывать, отмѣчать
 интересныя положенія и типическія личности, все эти произ-
 веденія не только занимательны, но часто отличаются большими
 художественными достоинствами. Авторъ хочетъ осмѣять модный
 спиритизмъ, и у него получается такая пренеполненная беспо-
 добнаго юмора вещь, какъ «Духъ г-жи Жаншетъ». Заходитъ
 рѣчь о настроеніи современныхъ нижеперовъ,—Лѣсковъ проти-
 вополагаетъ ему нѣсколько примѣровъ изъ прошлаго, часто не-
 ррицаемаго и тѣмъ не менѣе представляемаго и много свѣтлыхъ
 сторонъ, въ разсказѣ: «Ниженеры-безеребренники». Жизнь вы-
 двигаетъ вопросъ о нашихъ торговыхъ правахъ,—появляется
 трилогія: «Отборное зерно», въ которой авторъ разъясняетъ при-
 чины нечальнаго состоянія этихъ правовъ. Проявляется въ на-
 шемъ обществѣ склонность къ святошеству,—и Лѣсковъ пишетъ
 свою «Маленькую ошибку» или глубоко задуманный «Зимній
 день». Разражается голодъ,—и наша литература обогащается
 такою потрясающею картиною, какъ «Юдоль». Все эти произ-
 веденія не только многое разъясняютъ, представляя собою тонкое
 наблюденіе надъ жизнью, но и внушаютъ намъ чувство бодрости:
 сравнивая настоящее съ прошлымъ, мы видимъ, что недавно еще
 общія условія были гораздо хуже, но что и тогда уже были
 борцы, которымъ мы обязаны послѣдовавшимъ улучшеніемъ, что
 наше вниманіе должно быть главнымъ образомъ направлено на
 то, чтобы и теперь такіе борцы были, потому что бороться
 стѣдуетъ, потому что борьба, вѣрно направленная, т. е. веденная
 при помощи надлежащихъ средствъ, приводитъ къ цѣли. Лѣсковъ
 кончалъ свою жизнь въ такое время, когда многими овладѣла
 простратія; противопоставляя современности недавнее прошлое,
 онъ живыми примѣрами убѣждалъ, что нѣтъ никакого основанія

надать духомъ, что многое уже достигнуто и будетъ достигнуто еще большее, если мы отрѣшимся отъ безночвенности, отъ безплоднаго умствования и будемъ энергически работать въ жизни для жизни.

Закать дней Лѣскова совпалъ и съ сильнымъ обостреніемъ національнаго вопроса. Надо ли указывать, въ какомъ духѣ онъ обсуждалъ этотъ вопросъ, привыкнувъ уже съ дѣтства различать въ людяхъ разныхъ національностей, каковъ бы ни былъ ихъ внѣшній обликъ, какъ бы они ни молились Богу, прежде всего человѣка. Англичанка Гильдегарда, нѣмецъ Коза научили его вмѣстѣ съ православнымъ священникомъ вѣрить въ Бога, когда онъ былъ ребенкомъ. Ребенкомъ же онъ научился различать человѣка подъ оболочкою раскольника. Когда онъ подросъ, онъ то и дѣло встрѣчался съ евреями и поляками. Русскій ученый научилъ его думать объ общественныхъ вопросахъ; англичанинъ Шкотъ показалъ ему нагляднымъ примѣромъ, какъ можно съ усѣхомъ трудиться въ русской дѣятельности. Въ началѣ своей литературной дѣятельности онъ жилъ нѣкоторое время за границею, присматриваясь къ тамошнимъ людямъ и порядкамъ; затѣмъ еще нѣсколько разъ побывалъ за границею, впоследствии проводилъ лѣто то въ Финляндіи, то въ остзейскихъ губерніяхъ: подъ Ригою, Ревелемъ, въ Аренсбургѣ, Мерекюлѣ. И, какъ въ дѣтствѣ онъ своею воспримчивою душою сразу уловилъ, что было прекраснаго въ нѣмцѣ Козѣ или англичанкѣ Гильдегардѣ, такъ онъ впоследствии, при наблюдательномъ своемъ умѣ и благорасположеніи ко всемъ людямъ, умѣлъ отличать въ представителяхъ каждой національности то, что въ немъ было хорошаго, и то, что ему мѣшало быть хорошимъ. Если Лѣсковъ къ собственной своей странѣ и къ собственному своему народу, благополучіе которыхъ были ему дороже всего на свѣтѣ, относился подчасъ сурово, любящею рукою клеймилъ его недостатки, желая видѣть его болѣе совершеннымъ, то онъ указывалъ и на недостатки другихъ народовъ, но не для того, чтобы превознести собственный, а для того, чтобы добиться нормальной совмѣстной ихъ жизни тамъ, гдѣ Богъ судилъ имъ жить вмѣстѣ и разрѣшать общія задачи. Онъ часто указывалъ на національные недостатки

евреевъ, поляковъ, нѣмцевъ, но противопоставляя имъ наши собственные недостатки и такимъ образомъ выясняя истинныя причины существующихъ разногласій. Въ разсказѣ «Антука» онъ добродушно подсмѣивается надъ польскимъ возстаніемъ, а въ разсказѣ «Русскій демократъ» въ остроумной формѣ указываетъ на причины нашихъ неудачъ въ Польшѣ, зависящихъ отъ насъ самихъ. Къ этимъ двумъ разсказамъ присоединяется третій: «Интересные мужчины», изъ котораго ясно видно, какъ далеко авторъ отъ чувства національнаго антагонизма. Разсказъ «Кольванскій мужъ» убѣждаетъ читателя, какъ трезво относился Лѣсковъ къ остзейскому вопросу и какимъ горячимъ онъ былъ одушевленъ желаніемъ рѣшить этотъ вопросъ не въ духѣ Аксакова, а съ соблюденіемъ требованій справедливости по отношенію ко всѣмъ заинтересованнымъ сторонамъ. Въ разсказѣ «Дама и Фефѣла», собственно посвященномъ указанію на истинныя основы счастливой супружеской жизни, онъ мимоходомъ выводитъ симпатичный типъ финскаго простолюдина. Наконецъ, когда онъ касается еврейскаго вопроса, то часто не щадитъ евреевъ, указывая на ихъ отрицательныя стороны («Ракушанскій Меламедъ», «Владычный судъ»), но какъ въ послѣднемъ изъ этихъ разсказовъ онъ умѣетъ возвыситься до чувства полной справедливости, такъ онъ въ «Сказаніи о Федорѣ-христіанинѣ и о другѣ его Абрамѣ-жидовинѣ» затрогиваетъ такія струны, которыя звучатъ въ сердцахъ, глубоко проникнутыхъ изреченіемъ: «нѣсть эллина, ни іудея» и «оскорбляемыхъ нестерпимымъ дыханіемъ брато-ненавидѣнія и злопомненія». Христіанинъ Федоръ и еврей Абрамъ послѣ цѣлаго ряда злоключеній, послѣ дружбы въ дѣтствѣ и позднѣе жестокой ссоры основываютъ пріютъ для «всѣхъ бѣдныхъ дѣтей всѣхъ вѣръ безъ различія, чтобы они съ дѣтства другъ съ другомъ свыкались, и приходили туда христіанинъ и еврей, оба одною радостью радовались и, одною равною заботой о ближнихъ заботясь, мнили, яко единую и согласную службу приносятъ всѣхъ сотворившему Богу».

Чтобы въ заключеніе упомянуть еще о двухъ произведеніяхъ Лѣскова, которыхъ мы въ предыдущемъ вовсе не касались или коснулись лишь вскользь, мы укажемъ еще на «Сказъ о туль-

«скомъ косомъ Лѣвшѣ и о стальной блохѣ» и на разсказъ: «Загонъ». Первый изъ нихъ по чисто-пародной своей формѣ, богатству бытовыхъ чертъ является однимъ изъ лучшихъ произведеній Лѣскова этого рода и можетъ быть сопоставленъ только съ «Очарованнымъ странникомъ». Въ немъ звучитъ патристическая нотка, но онъ въ то же время представляетъ поразительный контрастъ съ разсказомъ «Загонъ», гдѣ по поводу толковъ объ отсталости нашего сельскаго хозяйства Лѣсковъ ршеуетъ истинную причину этой отсталости, въ значительной степени коренящуюся въ самомъ народѣ. Такимъ образомъ и тутъ Лѣсковъ умѣетъ возвыситься до безпристрастнаго отношенія къ собственному народу, изображая его отрицательныя и положительныя стороны и мѣря всѣхъ равною мѣрою, какъ своихъ, такъ и чужихъ. Трезвость мысли у Лѣскова всегда преобладаетъ: онъ мѣше всего тенденціозный писатель, хотя и не понимаетъ другого искусства, кромѣ находящагося въ связи съ общественными задачамп. Его возвышенный взглядъ на этотъ предметъ изложень, какъ извѣстно, въ «Чортовыхъ куклахъ».

VII.

Намъ остается еще опредѣлить мѣсто, которое Лѣсковъ занимаетъ въ нашей литературѣ.

Первое его печатное произведеніе, какъ мы видѣли, появилось въ 1860 г., когда ему было почти уже 30 лѣтъ; онъ сразу принялъ самое дѣятельное участіе въ движеніи этого времени; слѣдовательно, его по всей справедливости можно назвать писателемъ шестидесятыхъ годовъ. Но между писателями этой эпохи онъ занимаетъ своеобразное мѣсто, потому что онъ подчинился движенію этого времени только въ извѣстномъ смыслѣ и отвергъ его въ другихъ отношеніяхъ. Въ то время, какъ Салтыковъ, хотя писалъ и составилъ себѣ даже довольно громкую литературную извѣстность уже раньше, является самымъ яркимъ представителемъ движенія шестидесятыхъ годовъ, какъ оно выразилося въ нашей журналистикѣ, Лѣсковъ отсталъ отъ него прежде, чѣмъ успѣлъ окончательно къ нему присоединиться. Салтыковъ относился отрицательно и критически ко всему, за исключеніемъ

того, что составляло сущность движенія въ указанномъ смыслѣ; Лѣсковъ началъ свою литературную дѣятельность съ отрицанія этого движенія. Русское образованное общество теперь все болѣе приходитъ къ сознанію, что оба эти писателя имѣютъ большія заслуги передъ литературою и родиною, а между тѣмъ ихъ убжденія повидимому совершенно противоположны.

Какъ это объяснить?

Имя Салтыкова окружено легендою. Что думалъ Салтыковъ, — объ этомъ говорить рано; мы должны судить его, какъ и Лѣскова, только по его произведеніямъ. Если же ограничиться одними произведеніями Салтыкова, то мы должны будемъ признать, что его литературная дѣятельность является прямымъ продолженіемъ дѣятельности Гоголя въ его двухъ капитальнѣйшихъ произведеніяхъ: «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ душахъ». Никто изъ русскихъ писателей истекающаго вѣка не осмѣлялъ наше общество такъ жестоко, какъ осмѣлялъ его Гоголь. Салтыковъ, обладавшій изумительнымъ сатирическимъ талантомъ, является прямымъ послѣдователемъ этой стороны дѣятельности творца «Мертвыхъ душъ». Нуждалось ли, однако, наше общество въ этомъ смѣхѣ надъ самимъ собою? На первый разъ несомнѣнно: этотъ смѣхъ удовлетворялъ очень сильной его потребности. Въ эпоху переходную, когда происходитъ переломъ, когда общество ищетъ новыхъ идеаловъ взамѣнъ старыхъ, отжившихъ свое время, критическое отношеніе къ послѣднимъ, а при случаѣ и ихъ осмѣяніе соотвѣтствуетъ глубокой общественной потребности. Все, кто желаетъ поскорѣе отрѣшиться отъ прошлаго, жить для будущаго, съ восторгомъ привѣтствуютъ писателя, который не щадитъ прошлаго и осмѣиваетъ тѣхъ, кто, по мнѣнію смѣющихся или на самомъ дѣлѣ, его поддерживаетъ. Этотъ смѣхъ, насколько онъ дѣйствительно направленъ противъ того, что должно рушиться, можетъ быть признанъ благотворнымъ и вполне законнымъ. И мы видимъ, что Салтыковъ и Лѣсковъ идутъ въ этомъ отношеніи рука объ руку. Кто читалъ «Смѣхъ и горе» или «Загонъ» Лѣскова, признаетъ его не только единомышленникомъ Салтыкова, но и родственнымъ ему дарованіемъ по силѣ и глубинѣ сатирическаго настроенія, по необычному искусству, съ какими

они оба умѣли выставлять отрицательныя стороны русской дѣйствительности. Между ними найдется и много другихъ точекъ соприкосновенія. Сатирическое ихъ настроеніе не исключало священнаго трепета, который возбуждали въ душѣ этихъ двухъ писателей «забытыя слова», самыя возвышенныя чувства чело-вѣка: любовь къ ближнему, вѣротерпимость, уваженіе къ личности и свободѣ, готовность къ самопожертвованію, — все это въ одинаковой мѣрѣ ихъ воодушевляло. И тѣмъ не менѣе мы почему-то привыкли ихъ разъединять, считать представителями какихъ-то противоположныхъ началъ. Разъясненіе вопроса, — почему это происходитъ, лучше всего уяснить намъ оконча-тельно духовный обликъ Лѣскова.

Начнемъ съ «забытыхъ словъ». Преклопеніе предъ ними, напоминаніе о нихъ, конечно, составляютъ заслугу Салтыкова, но они не могутъ служить для него отличительнымъ признакомъ, потому что къ счастью у насъ имѣтъ большихъ писателей, которые отвергали бы «забытыя слова». Предъ ними преклонялись, о нихъ постоянно напоминали и Каптемиръ, и Ломоносовъ, и Фонвизинъ, и Державинъ, и Жуковскій, и Пушкинъ, и Гоголь, все крупныя наши писатели вплоть до Салтыкова и Лѣскова. Значить, если руководствоваться только «забытыми словами», то намъ трудно будетъ провести границу между различными писателями. Но «забытыя слова» это—общіе идеалы, идеалы всѣхъ временъ и народовъ, а всякій общій идеалъ осуществляется особеннымъ образомъ въ данное время, въ данномъ народѣ. Эта спеціальная форма осуществленія общаго идеала и составляетъ задачу данной эпохи. Чтобы уловить отличительныя признаки извѣстнаго писателя, мы должны, слѣдовательно, знать, какъ онъ представлялъ себѣ осуществленіе общихъ идеаловъ по отношенію къ своему времени и народу. Мировые писатели, т. е. такіе, которые думаютъ для всѣхъ временъ и народовъ, очень рѣдки, да и то среда налагаетъ на нихъ свою руку, а остальные имѣютъ свои спеціальныя идеалы, т. е. тѣ же общіе идеалы, но при-норовленные къ данному мѣсту и времени. О Салтыковѣ можно только сказать, что онъ въ высокой степени удовлетворилъ современное русское общество въ его потребности критически

отнестись къ отрицательнымъ сторонамъ русской жизни; громадный же успѣхъ, которымъ онъ пользовался, объясняется, какъ мы видѣли, тѣмъ, что онъ жилъ въ эпоху переходную, когда народъ, выбываясь изъ прежнихъ условій, страстно желаетъ покончить съ ними и вступить въ новую жизнь. Въ этомъ отношеніи Салтыковъ былъ своего рода русскимъ геркулесомъ, расчищавшимъ авгіевы конюшни, корчевавшимъ русскую почву для новаго посѣва. Какъ ни значительна роль его въ этомъ отношеніи, но на этомъ она и кончается: объеменить ниву онъ не могъ — у него не было сѣмянъ. Другими словами, у него не было специальныхъ идеаловъ, пригодныхъ для времени, въ которое онъ жилъ.

Но тамъ, гдѣ копчалась работа Салтыкова, начиналась работа Лѣскова. И Лѣсковъ былъ писателемъ переходнаго времени. Въ качествѣ такого писателя, онъ принялъ дѣятельное участіе въ расчищеніи почвы: онъ примыкаетъ къ тому направленію въ нашей литературѣ, которое называется обличительнымъ. Осмѣяніе старыхъ порядковъ занимаетъ видное мѣсто въ его произведеніяхъ. Въ этомъ отношеніи онъ всецѣло примыкаетъ къ Гоголю и Салтыкову; но онъ на этомъ не останавливается. Во-первыхъ, онъ на ряду съ Инсескимъ, первый изъ крупныхъ нашихъ писателей подвергъ сатиру и «новыхъ людей». Но онъ не только ихъ осмѣялъ: онъ въ то же время указалъ имъ, къ чему они должны стремиться, формулировалъ тотъ специальный идеалъ, который наиболѣе пригоденъ для переживаемаго переходнаго времени. Сдѣлавъ онъ это сразу, т. е. тотчасъ по вступленіи на литературное поприще. Мы старались выяснить, почему онъ могъ это сдѣлать; мы старались показать, что онъ собственно готовился къ практической дѣятельности, слѣдовательно, поселя въ молодости съ вопросомъ, — какъ ему дѣйствовать не въ качествѣ писателя, а въ качествѣ простаго смертнаго въ окружавшей его жизни, и собиралъ соотвѣтственные наблюденія, обогащалъ себя соотвѣтственнымъ опытомъ. Наблюденія его были чрезвычайно разностороннія, не ограничивались одною школою и канцеляріею, но обнимали болѣе или менѣе всѣ сферы нашей жизни. Онъ чувствовалъ, что Россіи болѣе всего нужно,

и пришелъ къ выводу, которымъ проникнуты все его произведенія, что не въ тѣхъ или другихъ теоріяхъ спасеніе, а въ людяхъ, умѣющихъ дѣлать настоящее дѣло у основъ народной жизни. Мы видѣли, что у него цѣлый рядъ произведеній посвященъ указанію на то, что и въ прежней до-реформенной Россіи можно было многое сдѣлать, и что всеми нашими усѣхами мы обязаны людямъ, трудившимся въ этомъ направленіи. Исходя изъ этого факта, онъ, при своемъ вступленіи на литературное поприще, задался прежде всего вопросомъ, пригодны ли «новые люди» для такого живого дѣла при измѣнившихся условіяхъ. Добросовѣстно изучая и тутъ дѣйствительность, онъ пришелъ къ отрицательному выводу и имѣлъ великое мужество, припоса себя въ жертву, сказать это «новымъ людямъ» прямо въ лицо. Это былъ великій его гражданскій подвигъ.

Но и этотъ подвигъ былъ только отрицательнаго свойства. Это было обличеніе. Лѣсковъ сдѣлалъ по отношенію къ своимъ современникамъ и притомъ къ той общественной сферѣ, въ которой онъ самъ жилъ и дѣйствовалъ, то, что сдѣлали въ свое время Фонвизинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь и Салтыковъ. Но изъ всехъ этихъ сатириковъ только Грибоѣдову и Лѣскову принадлежитъ честь, что они въ своей сатирѣ не забыли казнить и дѣятелей, имъ наиболѣе близкихъ. Грибоѣдовъ казнилъ не только Фамусовыхъ, Скалозубовъ и Молчаливыхъ, но и Чацкихъ. Лѣсковъ казнилъ не только Функендорфовъ, Постельниковыхъ и тѣхъ видныхъ дѣятелей, которыхъ онъ называлъ прямо по имени, но и дорогихъ его сердцу Райнеровъ и Овцебыковъ. За что онъ ихъ казнилъ? За то, за что и Грибоѣдовъ казнилъ своего Чацкаго: за полное несоотвѣтствіе средствъ, которыми они пользовались, и цѣлей, которыя они преслѣдовали; за благіе порывы, оставаемые неосуществленными; за потокъ громкихъ рѣчей, не сопровождаемыхъ даже маленькимъ дѣломъ; за неумѣнье поставить себѣ жизненную задачу для доставленія своимъ идеаламъ хотя бы частичнаго торжества. Словомъ, Лѣсковъ не ограничился обличеніемъ стараго, онъ обличалъ и новое и, обличая послѣднее, онъ въ то же время указалъ русскому обществу, — каковъ долженъ быть его путь.

Правильно ли это указание? На это может отвѣтить только исторія. Но одно уже теперь видно, именно, что въ томъ направленіи, въ какомъ работать Лѣсковъ, несомнѣнно, работаетъ русская жизнь и современная беллетристика. Лѣсковъ примыкаетъ не только къ нашей обличительной литературѣ, но и къ другому направленію, сказавшемуся очень сильно въ первоклассныхъ нашихъ художникахъ. Гоголь далъ намъ Костанжоглю, Гончаровъ — Штольца, Тургеневъ уже носилъ Лѣскова — Соломина. Все это — положительные типы въ нашей литературѣ, и ихъ общая черта заключается въ томъ, что они умѣютъ задаваться цѣлями, осуществимыми въ жизни и обезпечивающими наши культурные устремленія. Творчество Лѣскова въ значительной степени было направлено на то, чтобы укрѣпить въ нашемъ сознаніи убѣжденіе въ возможности такихъ дѣятелей и въ томъ, что безъ нихъ никакой прогрессъ немыслимъ.

Съ этою цѣлью онъ вывелъ цѣлый рядъ типовъ, которыхъ мы атѣсь исторично перечислить не будемъ, но которые имѣютъ ту общую черту, что они представляютъ собою дѣятелей, плодящихъ не одни слова, но и настоящее дѣло. Это — его «праведники», по отношенію къ которымъ онъ повторяетъ слова покойнаго нашего историка Соловьева, что они, «стоя въ сторонѣ отъ главнаго историческаго движенія, сильнѣе другихъ дѣлаютъ исторію». Если мы теперь приглядимся къ современной беллетристикѣ въ лицѣ ея главныхъ представителей, то мы убѣдимся, что и она любитъ главнымъ образомъ рисовать такихъ дѣятелей, указывая при этомъ на тщету широкихъ замысловъ, не сопровождаемыхъ практическимъ дѣломъ. Такимъ образомъ Лѣсковъ, примыкая къ прежней нашей литературѣ, далъ тонъ и направленіе современной, отгадавъ то, въ чемъ жизнь наиболѣе нуждается. Это — вторая великая его заслуга.

Третья, хотя и болѣе частнаго характера, касается раскрытія читателямъ цѣлой новой области русской жизни. Никто до Лѣскова и послѣ него еще не просвѣтилъ въ такой полнотѣ русское общество насчетъ быта и жизни нашего духовенства. И тутъ онъ дѣйствовалъ въ двухъ направленіяхъ: обличать прошлое, подготавливать будущее. Его отрицательнымъ типамъ соотвѣтствуютъ положительные, которые насъ убѣждаютъ, какъ много скром-

ные пастыри церкви дѣлали и могутъ сдѣлать для цѣлей, насъ всѣхъ воодушевляющихъ. Нѣтъ ничего несправедливѣе, какъ обвинять Лѣскова въ томъ, что онъ выставилъ лишь отрицательныя стороны нашего духовенства: величественная въ своей простотѣ фигура одного о. Туберозова изобличаетъ этихъ обвинителей въ лжесвидѣтельствѣ. А одинъ ли о. Туберозовъ возбуждаетъ къ себѣ чувства глубокаго уваженія и неменьшей признательности? У Лѣскова найдется не мало такихъ симпатичныхъ типовъ на всѣхъ ступеняхъ духовной іерархіи. Обличалъ Лѣсковъ и въ этой области только то, что было достойно обличенія, противъ чего высказывались всѣ просвѣщенные пастыри нашей церкви. И могъ ли онъ поступать иначе, когда онъ самъ былъ глубоко вѣрующій человѣкъ и не зналъ болѣе высокой заповѣди, какъ христіанская заповѣдь о дѣятельной любви къ ближнему, духомъ которой проникнута всякая строка его замѣчательныхъ произведеній?

Таковы главныя заслуги Лѣскова, которыя мы считали своимъ долгомъ подчеркнуть, потому что ихъ слишкомъ часто забываютъ, не хотѣя знать или не могутъ себѣ уснить влѣдствіе временныхъ предубѣжденій. Во всякомъ случаѣ намъ кажется, что только съ этой точки зрѣнія можно понять и оцѣнить Лѣскова. О громадномъ литературномъ его дарованіи мы тутъ говорить не станемъ: оно признается всѣми и не отрицается даже людьми, не сочувствующими его дѣятельности. Но если не одно дарованіе,—этотъ даръ свыше,—обезнечиваетъ за писателемъ мѣсто въ литературѣ и благодарность потомства, если отъ него требуется, чтобы онъ былъ гражданиномъ, чтобы онъ скорбѣлъ скорбью своего времени, чтобы онъ мужественно возвышалъ голосъ за правду, чтобы онъ приносилъ себя, когда нужно, ей въ жертву, то и въ такомъ случаѣ мы должны будемъ признать, что Лѣсковъ въ высокой мѣрѣ исполнилъ свой долгъ, и что онъ является не только выдающимся писателемъ, но и вѣрнымъ, преданнымъ, самоотверженнымъ сыномъ своей страны.

Р. Сементковскій.

СОБОРЯНЕ.

ХРОНИКА.

Часть первая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Люди, житье-бытье которыхъ составить предметъ этого рассказа, суть жители Старгородской соборной поповни. Это — протоіерей Савелій Туберозовъ, священникъ Захарія Бенефактовъ и дьяконъ Ахилла Десницинъ. Годы ранней юности этихъ людей, такъ же какъ и пора ихъ дѣтства, насъ не касаются. А чтобы видѣть предъ собою эти лица въ той порѣ, въ которой читателю приходится представлять ихъ своему воображенію, опъ долженъ рисовать себѣ главу Старгородскаго духовенства, протоіерей Савелія Туберозова, мушемъ уже перелившимся за шестой десятокъ жизни. Отецъ Туберозовъ высокъ ростомъ и тучень, но еще очень бодръ и подвиженъ. Въ такомъ же состояніи и душевныя его силы: при первомъ на него взглядѣ видно, что опъ сохранилъ весь пылъ сердца и всю энергію молодости. Голова его отлично красива: ее даже позволительно считать образцомъ мужественной красоты. Волосы Туберозова густы, какъ грива второго льва, и бѣлы, какъ кудри Фидіева дѣвца. Они художественно поднимаются могучимъ чубомъ надъ его высокимъ лбомъ и тремя крупными волнами накладываютъ назадъ, не достигая плечъ. Въ длинной раздвоенной бородѣ отца протоіерей и въ его небольшихъ усахъ, соединившихся съ бородой у угловъ рта, мелькаютъ еще нѣсколько жареныхъ волосъ, придающихъ ей видъ серебра, надъѣлаго чернью. Брови же отца протоіерей совсѣмъ

черны, и круто заломанными латинскими S-ами сдвигаются у основанія его довольно большого и довольно толстаго носа. Глаза у него коричневыя, большіе, смѣлые и ясные. Они всю жизнь свою не теряли способности освѣщаться присутствіемъ разума; въ нихъ же близкіе люди видали и блескъ радостнаго восторга, и туманы скорби, и слезы умиленія; въ нихъ же сверкала порою и огонь негодованія, и они бросали искры гнѣва — гнѣва не суетнаго, не сварливаго, не мелкаго, а гнѣва большого человѣка. Въ эти глаза глядѣла прямая и честная душа протопопа Савелія, которую онъ, въ своемъ христіанскомъ упованіи, вѣрилъ быти безсмертною.

Захарія Бенефактовъ, второй іерей Старгородскаго собора, совсѣмъ въ другомъ родѣ. Вся его личность есть воплощенная кротость и смиреніе. Соотвѣтственно тому, сколь мало желаетъ заявлять себя кроткій духъ его, столь же мало занимаетъ мѣста и его крошечное тѣло, и какъ бы старается не отяготить собою землю. Онъ малъ, худъ, тщедушень и лысъ. Двѣ маленькихъ буколки сѣро-желтенькихъ волосинокъ у него развѣваются только надъ ушами. Косы у него нѣтъ никакой. Послѣдніе остатки ея исчезли уже давно, да и то была коса столь мизерная, что дьяконъ Ахилла иначе ее не называлъ, какъ мышинный хвостикъ. Въмѣсто бороды, у отца Захарія точно приклеены кусочекъ губочки. Ручки у него дѣтскія, и онъ ихъ постоянно скрываетъ и прячетъ въ карманки своего подрясника. Ножки у него слабыя, тоненькія, что называется соломенныя, и самъ онъ весь точно слетенъ изъ соломки. Добрѣйшіе сѣренькіе глазки его смотрять быстро, но поднимаются вверхъ очень рѣдко, и сейчасъ же ищутъ мѣста, куда бы имъ спрятаться отъ нескромнаго взора. По лѣтамъ отецъ Захарія немножко старше отца Туберозова и значительно немощнѣе его, но и онъ, такъ же, какъ и протопопъ, привыкъ держаться бодро, и при всѣхъ посѣщающихъ его недугахъ и немощахъ сохранилъ и живую душу, и тѣлесную подвижность.

Третій и послѣдній представитель Старгородскаго соборнаго духовенства, дьяконъ Ахилла, имѣлъ нѣсколько опредѣлений, которыя будутъ не лишнимъ здѣсь привести всѣ, дабы при помощи ихъ могучій Ахилла сколько-нибудь удобнѣе нарисовался читателю.

Инспекторъ духовнаго училища, исключившій Ахиллу Десницына изъ синтаксическаго класса за «великовозрастiе и малоусидчивiе», говорилъ ему:

— Эка ты, дубина какая, протяженно сложешная!

Ректоръ, по особымъ ходатайствамъ, вновь принявшій Ахиллу въ классъ реторики, удивлялся, глядя на этого слававидагося богатыря и, изумляясь его величiю, силъ и безтолковости, говорилъ:

— Недостаточно, думаю, будетъ тебя и дубиной называть, поелику въ моихъ глазахъ ты по малости цѣлый возъ дровъ.

Регентъ же архiерейскаго хора, въ который Ахилла Десницынъ попалъ по извлеченiи его изъ реторики и зачисленiи на причетническую должность, звалъ его «непомѣрнымъ».

— Басъ у тебя, — говорилъ регентъ: — хорошiй, точно пушка стрѣляетъ; но непомѣрень ты до страсти, такъ что чрезъ эту непомѣрность я даже не знаю, какъ съ тобой по достоинству обходиться.

Четвертое же и самое вѣковое изъ характерныхъ опредѣленiй дякону Ахиллѣ было сдѣлано самимъ архiереемъ, и притомъ въ весьма памятный для Ахиллы день, именно въ день изгнанiя его, Ахиллы, изъ архiерейскаго хора и посылки на дяконство въ Старый Городъ. По этому опредѣленiю дяконъ Ахилла назывался «уязвленнымъ». Здѣсь будетъ уместно рассказать, по какому случаю стало ему приличествовать сiе послѣднее названiе «уязвленнаго».

Дяконъ Ахилла, отъ самыхъ лѣтъ юности своей, былъ человѣкъ весьма веселый, смѣшливый и притомъ безмѣрно увлекающiйся. И мало того, что онъ не зналъ мѣры своимъ увлеченiямъ въ юности: мы увидимъ, зналъ ли онъ имъ мѣру и къ годамъ своей приближающейся старости.

Несмотря на всю «непомѣрность» баса Ахиллы, имъ всесторонне очень дорожили въ архiерейскомъ хорѣ, гдѣ онъ хваталъ и самаго залетнаго верхъ и забиралъ подъ самую низкую октаву. Одно, чѣмъ страшнѣе былъ регенту непомѣрный Ахилла, это — «увлекательностью». Такъ онъ, наприимеръ, во всенощной никакъ не могъ удержаться, чтобы только трижды пропѣть «Святъ Господь Богъ нашъ», а нередко вырывался въ увлеченiи и пѣлъ это одинъ-одинешенькъ четырежды, и особенно никогда не могъ во-время окон-

чить цѣпія многолѣтій. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ, которые уже были известны и которые потому можно было предвидѣть, противъ «увлекательности» Ахиллы благоразумно принимались мѣры предосторожности, избавившія отъ всякихъ напастей и самого дякона, и его вокальное печальство: поручалось кому-нибудь изъ взрослыхъ цѣвчихъ дергать Ахиллу за полы или осаживать его въ благопотребную минуту внизъ за плечи. Но подаркомъ сложена поговорка, что на всякій часъ не обережешься. Какъ ни тщательно и любовно берегли Ахиллу отъ его увлеченій, все-таки его не могли совсемъ уберечь отъ нихъ, и онъ самымъ разительнымъ образомъ оправдалъ на себѣ то теоретическое положеніе, что «тому нѣтъ спасенія, кто въ самомъ себѣ носитъ врага». Въ одинъ большой или двадцатыхъ праздниковъ, Ахилла, исполняя причастный концертъ, долженъ былъ дѣлать весьма хитрое басовое соло на словахъ: «и скорѣми уязвленъ». Значеніе, которое этому соло придавалъ регентъ и весь хоръ, внушало Ахиллѣ много заботы: онъ былъ неспокоенъ и тщательно обдумывалъ, какъ бы ему не ударить себя лицомъ въ грязь и отличиться передъ любимымъ цѣніе преосвященнымъ и передъ всею губернской аристократіей, которая соберется въ церковь. И зато справедливость требуетъ сказать, что Ахилла изучилъ это соло великолѣпно. Дни и ночи онъ расхаживалъ то по своей комнатѣ, то по коридору или по двору, то по архіерейскому саду или по загородному выгону, и все расцѣплялъ на разные тоны: «уязвленъ, уязвленъ, уязвленъ», и въ такихъ безпрестанныхъ уираженіяхъ дождался наконецъ, что настала и самый день его славы, когда онъ долженъ былъ пропѣть свое «уязвленъ» предъ всѣмъ соборомъ. Начался концертъ. Боже, какъ великъ и свѣтло сіяющъ стиснъ съ потами въ рукахъ огромный Ахилла! Его надо было срисовать, — перомъ нельзя его описывать... Вотъ уже прошли знакомые формулы и подходит мѣсто басового соло. Ахилла отодвигаетъ локтемъ соседа, выбиваетъ себѣ въ молчаніи тактъ своего соло «уязвленъ» и, дождавшись своего темпа, видитъ поднимающуюся съ камертономъ регентскую руку... Ахилла позабылъ весь міръ и себя самого, и удивительнѣйшимъ образомъ, какъ труба архангельская, то быстро, то протяжно возмашаетъ: «И скорѣми уязвленъ, уязвленъ, у-й-и-з-в-л-е-п-ъ, у-й-и-з-

в-л-е-п-ъ, уязвленъ». Силой останавливаютъ Ахиллу отъ непредусмотрѣнныхъ излишнихъ повтореній, и концертъ кончить. Но не кончить онъ былъ въ «увлекательной» головѣ Ахиллы, и среди тихихъ привѣтствій, приносимыхъ владыкѣ подходящею къ его благословенію аристократіей, словно трубный гласъ съ неба, съ клироса снова унать вдругъ: «Уязвленъ, уй-яз-вленъ, уй-л-э-в-л-е-п-ъ». Это поетъ ничего не понимающій въ своемъ увлеченіи Ахилла; его держатъ—онъ поетъ; его осаживаютъ внизъ, стараясь скрыть за спинами товарищей, — онъ поетъ: «уязвленъ»; его, наконецъ, выводятъ вонъ изъ церкви, но онъ все-таки поетъ: «у-и-э-в-л-е-п-ъ».

— Что тебѣ такое?—сираниваютъ его съ участіемъ сердобольные люди.

— «Уязвленъ»,—воспѣваетъ, глядя всеѣмъ имъ въ глаза, Ахилла, и такъ и остается у дверей притвора, пока струя свѣжаго воздуха не отрезвила его экзальтацію.

Въ сравненіи съ протоіереемъ Туберозовымъ и отцомъ Бенефактовымъ, Ахилла Десплицынь можетъ назваться чело-вѣкомъ молодымъ, но и ему уже далеко за сорокъ, и по смолянымъ чернымъ кудрямъ его пробѣжала сильная просѣдь. Роста Ахилла огромнаго, силы страшной, въ манерахъ угловатъ и рѣзокъ, но при всемъ этомъ весьма пріятенъ; тинь лица имѣетъ южный и говорить, что происходитъ изъ малороссійскихъ казаковъ, отъ коихъ онъ и въ самомъ дѣлѣ какъ будто унаслѣдовалъ безпечность и храбрость и многія другія казачьи добродѣтели.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Жили все эти герои старомоднаго покроя на Старгородской поновкѣ, надъ тихою судоходною рѣкою Турицей. У каждого изъ нихъ, какъ у Туберозова, такъ и у Захарія, и даже у дьякона Ахиллы, были свои домики на самомъ берегу, какъ разъ насупротивъ высившагося за рѣкой стариннаго пятиглаваго собора съ высокими куполами. Но какъ разнохарактерны были сами эти обыватели, такъ различны были и ихъ жилища. У отца Савелія домикъ былъ очень красивый, выкрашенный свѣтло-голубою масляною краской, съ разноцвѣтными звѣздочками, квадратиками и речейками, прибитыми надъ каждымъ изъ трехъ его оконъ. Окна эти ободовались еще рѣзными, ярко же раскрашенными, на-

личниками и зелеными ставнями, которые никогда не закрывались, потому что зимой крѣпкій домикъ не боялся холода, а отецъ протопопъ любилъ свѣтъ, любилъ звѣзду, заглядывавшую ночью съ неба въ его комнату, любилъ лунный лучъ, полосой газета ложившійся на его раздѣланный подъ шарець полъ.

Въ домикѣ у отца протопопа всякая чистота и всякій порядокъ, потому что ни сорить, ни пачкать, ни нарушать порядокъ у него некому. Онъ бездѣтенъ, и это составляетъ одну изъ непреходящихъ скорбей его и его протопопицы.

У отца Захаріи Бенефактова домикъ гораздо больше, чѣмъ у отца Туберозова; но въ бенефактовскомъ домикѣ нѣтъ того щегольства и кокетства, какимъ блещетъ жилище протоіерея. Пяти-оконный, немного покосившійся, сѣрый домъ отца Захаріи похожъ скорѣе на большой птичникъ, и, къ довершенію сходства его съ этимъ заведеніемъ, во всѣ маленькіе перелеты его зеленыхъ оконъ постоянно толкутся различныя носы и хохлики, другъ друга оттирающіе и другъ друга преслѣдующіе. Это все потомство отца Захаріи, котораго Богъ благословилъ яко Іакова, а жену его умножилъ яко Рахиль. У отца Захаріи далеко не было ни зеркальной чистоты протопопскаго дома, ни его строгаго порядка: на всемъ здѣсь лежали слѣды дѣтскихъ запачканныхъ лапокъ; изъ всякаго угла торчала дѣтская головенка; и все это шевелилось дѣтми, все здѣсь и пищало, и шло о дѣтяхъ, начиная съ запечныхъ сверчковъ и оканчивая матерью, убаякивавшею свое потомство пѣсенкой:

Дѣти мои, дѣти!
Куда мнѣ васъ дѣти?
Гдѣ васъ положить?

Дьяконъ Ахилла былъ вдовъ и бездѣтенъ, и не радѣлъ ни о стяжаніяхъ, ни о домостройствѣ. У него на самомъ краю Зарѣчья была мазаная малороссійская хата, но при этой хатѣ не было ни службъ, ни заборовъ, словомъ, ничего, кромѣ небольшой жердяной карды, въ которой, по колѣно въ соломѣ, бродили то пѣгій жеребецъ, то буланый меринъ, то вороная кобылица. Убранство въ домѣ Ахиллы тоже было чисто казацкое: въ лучшей половинѣ этого помещенія, назначавшейся для самого хозяина, стоялъ деревянный диванъ съ рѣшетчатою спинкой; этотъ диванчикъ замѣнялъ Ахиллѣ и кровать, и потому онъ былъ засланъ

бѣлою казацкою кошмою, а въ изголовьи лежалъ чеканенный азіатскій сѣдельный орчакъ, къ которому была прислонена маленькая, блинообразная подушка, въ просаленной китайчатой наволочкѣ. Предъ этимъ казачьимъ ложемъ стоялъ бѣлый липовый столъ, а на стѣнѣ висѣли безструнная гитара, ценьковъ укрюченный арканъ, нагайка и двѣ визанскія пукольками уздечки. Въ уголку на небольшой полочкѣ стоялъ крошечный образокъ Успенія Богородицы, съ водруженною за нимъ засохшею вербѣшкой, и маленькій кievскій молитвословикъ. Больше рѣшительно ничего не было въ жилищѣ дьякона Ахиллы. Рядомъ же, въ небольшой приспѣшной, жила у него отставная старая горничная помѣщичьяго дома, Надежда Степановна, называемая Эсперансою.

Это была особа старенькая, маленькая, желтенькая, вострырылая, сморщенная, съ характеромъ самымъ неуживчивымъ и до того песноснымъ, что, несмотря на свои золотыя руки, она не находила себѣ мѣста нигдѣ и попала въ слуги бездомовнаго Ахиллы, которому она могла сколько ей угодно трещать и чекотать, ибо онъ не замѣчалъ ни этого треска, ни чекота, и самое крайнее раздраженіе своей старой служанки въ рѣшительныя минуты прекращать только громовымъ: «Эсперанса, провались!» Послѣ такихъ словъ Эсперанса обыкновенно исчезала, ибо знала, что иначе Ахилла схватитъ ее на руки, посадитъ на крышу своей хаты и оставитъ тамъ, не снимая отъ зари до зари. Въ виду этого страшнаго наказанія, Эсперанса боялась противорѣчить своему казаку-господину.

Всѣ эти люди жили такую жизнью и въ то же время всѣ болѣе или менѣе несли тяготы другъ друга, и другъ другу восполюляли небогатую разнообразіемъ жизнь. Отецъ Савелій главенствовалъ надъ всѣмъ положеніемъ; его маленькая протопоница чтитъ его и не слыхала въ немъ души. Отецъ Захарія также былъ счастливъ въ своемъ итичникѣ. Не жаловался ни на что и дьяконъ Ахилла, проводившій всѣ дни свои въ бесѣдахъ и въ гуляньи по городу, или въ выѣздѣ и въ мѣнѣ своихъ коней, или, наконецъ, порой въ драженіи и въ укрощеніи своей «услужавоющей Эсперансы».

Савелій, Захарія и Ахилла были друзья, но было бы, конечно, большою несправедливостію полагать, что они не дѣлали усилій разнообразить жизнь сценами легкой вражды

и недоразумѣній, благотѣтельно будящими челоуѣческія натуры, усыпленные бездѣйствіемъ увѣдной жизни. Нѣтъ, бывало нѣчто такое и здѣсь, и ожидающія насъ страницы туберозовскаго дневника откроютъ намъ многія мелочи, которыя вовсе не казались мелочами для тѣхъ, кто ихъ чувствовалъ, кто съ ними боролся и переносилъ ихъ. Бывали и у нихъ недоразумѣнія. Такъ, напримѣръ, однажды помѣщикъ и мѣстный предводитель дворянства, Алексѣй Инкитичъ Плодомасовъ, возвратись изъ Петербурга, привезъ отсюда лицамъ любимаго имъ соборнаго духовенства разныя болѣе или менѣе цѣнные подарки и между прочимъ три трости: двѣ съ совершенно одинаковыми набалдашниками изъ червоннаго золота для священниковъ, то-есть, одну для отца Туберозова, другую для отца Захаріи, а третью, съ красивымъ набалдашникомъ изъ серебра съ чернью, для дьякона Ахиллы. Трости эти пали между старгородскимъ духовенствомъ какъ библейскіе змѣи, которыхъ кинули предъ Фараона египетскіе чудесники.

— Сизъ подареніемъ тростей на насъ наведено сомнѣніе, — рассказывалъ дьяконъ Ахилла.

— Да въ чемъ же вы тутъ, отецъ дьяконъ, видите сомнѣніе? — спрашивали его тѣ, кому онъ жаловался.

— Ахъ, да вѣдь вотъ вы, свѣтскіе, ничего въ этомъ не понимаете, такъ и не утверждайте, что нѣтъ сомнѣнія, — отвѣчалъ дьяконъ: — нѣтъ-съ! тутъ большое сомнѣніе!

И дьяконъ нускался разъяснить это специальное горе.

— Во-первыхъ, — говорилъ онъ: — мнѣ, какъ дьякону, по сану моему, такого посоха носить не дозволено и неприлично, потому что я не пастырь — это разъ. Повторительно, я его теперь этотъ посохъ вошу, потому что онъ мнѣ подаренъ — это два. А въ-третьихъ, во всемъ этомъ сомнительная одностойность: что отцу Савелію, что Захаріи одно и то же, одинаковыя посошки. Зачѣмъ же такъ сравнять ихъ?.. Ахъ, помилуйте же вы, зачѣмъ?.. Отецъ Савелій... вы сами знаете... отецъ Савелій... онъ умница, философъ, министръ юстиціи, а теперь, я вижу, и онъ ничего не можетъ сообразить и смуцень, и даже страшно смуцень.

— Да чѣмъ же онъ тутъ можетъ быть смуцень, отецъ дьяконъ?

— А чѣмъ смуцень, что, во-первыхъ, отъ этой совершенной одностойности происходитъ смѣшанность. Какъ вы

то располагаете, какъ отличить, чья эта трость? Извольте теперь ихъ разбирать, которая отца протопопа, которая Захарина, когда онѣ обѣ одинаковы? Но, положимъ, на этотъ бы счетъ для разборки можно какую-нибудь замѣточку положить—или сургучомъ подѣ головкой прикантуешь, или сдѣлать пожомъ на деревѣ парѣзочку; но что же вы подѣваете съ ними въ разсужденіи политики? Какъ теперь у одной изъ нихъ противъ другой цѣну или достоинство ей отнять, когда онѣ обѣ одностойны? Помилуйте вы меня, вѣдь это невозможно, чтобъ и отецъ протопопъ, и отецъ Захарія были одностойны. Это же не порядокъ-съ! И отецъ протопопъ это чувствуетъ, и я это вижу-съ и говорю: отецъ протопопъ, больше ничего въ этомъ случаѣ нельзя сдѣлать, какъ, позвольте, я на отца Захарина трость сургучную мѣтку положу или парѣзку сдѣлаю. А онъ говоритъ: «Не надо! Не смѣй, и не надо!» Какъ же не надо? Ну, говорю, благословите: я потасенно отъ самого отца Захарина его трость суротивъ вашей пожомъ слегка на вершокъ урѣзку, такъ что отецъ Захарія этого сокращенія и знать не будетъ, но онъ опять: «глупъ, говоритъ, ты!..» Ну, глупъ и глупъ, не впервой мнѣ это отъ него слышать, я отъ него этия не обижаясь, потому онъ заслуживаетъ, чтобъ отъ него снести, а я все-таки вижу, что онъ всѣмъ этимъ недоволенъ, и мнѣ отъ этого пребезпокойно... И вотъ скажите же вы, что я трижды глупъ, восклицать дяконъ: да-ст, позволяю вамъ, скажите, что я глупъ, если онъ, отецъ Савелій, не сполитикуетъ. Это ужъ я навѣрно знаю, что мнѣ онъ на то не позволяетъ, а самъ сполитикуетъ.

И дяконъ Ахила, повидимому, не ошибся. Не прошло и мѣсяца со времени врученія старгородскому соборному духовенству упомянутыхъ, наводящихъ сомнѣніе посоховъ, какъ отецъ протопопъ Савелій вдругъ сталъ собираться въ губернской городъ. Не было надобности придавать какое-нибудь особенное значеніе этой повѣздкѣ отца Туберозова, потому что протоіерей, въ качествѣ благочиннаго, частенько ѣздитъ въ консисторію. Никто и не толковалъ о томъ, зачѣмъ протопопъ ѣдетъ. Но вотъ отецъ Туберозовъ, уже устоявшій въ кибитку, вдругъ обратился къ провожавшему его отцу Захарію и сказалъ:

— А послушай-ка, отче, гдѣ твоя трость? Даѣ-ка ты мнѣ ее, и ее свезу въ городъ.

Одно это обращеніе съ этимъ словомъ, сказаннымъ какъ будто невзначай, вдругъ какъ бы озарило умы всѣхъ провожавшихъ со двора отъѣзжавшаго отца Савелія.

Дьяконъ Ахилла первый сейчасъ же крикнулъ и шепнулъ на ухо отцу Бенефактову:

— А что-съ! Я вамъ говорилъ: вотъ и политика!

— Для чего-жъ мою трость везти въ городъ, отецъ протопопъ? — спросилъ смиренно моргающій своими глазами отецъ Захарія, отстраняя дьякона.

— Для чего? А вотъ я тамъ, можетъ-быть, покажу, какъ насъ съ тобой люди уважаютъ и помнятъ, — отвѣчалъ Туберововъ.

— Алеша, бѣги, принеси посошокъ, — послалъ домой сынишку отецъ Захарія.

— Такъ вы, можетъ-быть, отецъ протопопъ, и мою трость тоже свозите показать? — спросилъ, сколь умѣлъ мягче, Ахилла.

— Итъ, ты свою предъ собою содержи, — отвѣчалъ Савелій.

— Что жъ, отецъ протопопъ, «предъ собою»? И я жъ вѣдь точно такъ же... тоже вѣдь и я предводительскаго вниманія удостоился, — отвѣчалъ, слегка обижаясь, дьяконъ.

Но отецъ протопопъ не почтилъ его претензіи никакимъ отвѣтомъ и, положивъ рядомъ съ собою поданную ему въ это время трость отца Захарія, поѣхалъ.

Туберововъ ѣхалъ, ѣхали съ нимъ и обѣ надѣлавшія смущенія трости, а дьяконъ Ахилла, оставаясь дома, томился разрѣшеніемъ себѣ загадки: зачѣмъ Туберововъ отобралъ трость у Захарія?

— Ну, что тебѣ? Что тебѣ до этого? что тебѣ? — останавливалъ Захарія мягущагося любопытствомъ дьякона.

— Отецъ Захарія, я вамъ говорю, что онъ сполитикуеть.

— Ну, а если и сполитикуеть, а тебѣ что до этого? Ну и пусть его сполитикуеть.

— Да я нестерпимо любопытенъ предвидѣть, въ чемъ сіе будетъ заключаться. Урѣзать онъ мнѣ вашу трость не хотѣлъ позволить, сказалъ: глупость; мѣтки я ему совѣгивалъ положить, онъ тоже и это отвергнулъ. Одно, что я предвижу...

— Ну, ну... ну, что ты, болтунъ, предвидѣть можешь?

— Одно, что... онъ непременно драгоцѣнный камень вставить.

— Да! ну... ну, куда же, куда онъ драгоцѣнный камень вставить.

— Въ рукоять.

— Да въ свою или въ мою?

— Въ свою, разумеется, въ свою. Драгоцѣнный камень, вѣдь это драгоцѣнность.

— Да ну, а мою же трость онъ тогда зачѣмъ взял? Въ свою камень вставлять будетъ, а моя ему на что?

Дьяконъ ударилъ себя рукой по лбу и воскликнулъ:

— Одурачился!

— Надѣюсь, надѣюсь, что одурачился, — утверждалъ отецъ Захарія, добавивъ съ тихою укоризной: — а еще вѣдь ты, братецъ мой, логикъ обучался; стыдно!

— Что же за стыдъ, когда я ей обучался, да не могъ понять! Это со всякимъ можетъ случиться, — отвѣчалъ дьяконъ и, не высказывая уже болѣе никакихъ догадокъ, продолжалъ тайно сгорать любовицтвомъ, — что будетъ?

Прошла недѣля, и отецъ протопопъ возвратился. Ахилла дьяконъ, объѣзжавшій въ это время вымѣннаго имъ степного коня, первый замѣтилъ приближеніе къ городу протоіерейской черной кибитки и лѣтѣлъ по всѣмъ улицамъ, останавливаясь предъ открытыми окнами знакомыхъ домовъ, крича: «Ѣдетъ! Савелій! Ѣдетъ нашъ попъ велій!» Ахиллу вдругъ ослѣпило новое соображеніе.

— Теперь знаю, что такое! — говорилъ онъ окружающимъ, спѣшываясь у протопоповскихъ воротъ. — Всѣ эти размышленія мои до сихъ поръ предварительныя были не больше какъ одною глупостью моею; а теперь я навѣрно вамъ скажу, что отецъ протопопъ, кромѣ ничего, какъ просто велѣлъ вытравить литеры греческія, а не то такъ латинскія. Такъ, такъ, не иначе какъ такъ; это вѣрно, что литеры вытравилъ, и если я теперь не отгадалъ, то сто разъ меня дуракомъ послѣ этого назовите.

— Погоди, погоди и назовемъ, и назовемъ, — частилъ въ отвѣтъ ему отецъ Захарія, въ виду остановившейся у воротъ протопоповской кибитки.

Отецъ протопопъ вылѣзъ изъ кибитки важный, солидный; вошелъ въ домъ, помолился, повидался съ женой, поцѣловалъ ее при этомъ три раза въ уста, потомъ поздоровался

съ отцомъ Захаріей, съ которымъ они поцѣловали другъ друга въ плечи, и наконецъ и съ дьякономъ Ахиллой, при чемъ дьяконъ Ахилла поцѣловать у отца протопопа руку, а отецъ протопопъ приложилъ свои уста къ его темени. Послѣ этого свиданія началось чаепитіе, разговоры, рассказы губернскихъ новостей, и вечеръ уступилъ мѣсто ночи, а отецъ протопопъ и не замкнулся объ интересующихъ всѣхъ посохахъ. День, другой и третій прошелъ, а отецъ Туберозовъ и не заговариваетъ объ этомъ дѣлѣ, словно свезъ онъ посохи въ губернію, да тамъ ихъ оба по рѣкѣ спустилъ, чтобъ и рѣчи о нихъ не было.

— Вы же хоть полюбознствуйте! спросите! — безпрестанно зудитъ во всѣ дни отцу Захарію петербургскій дьяконъ Ахилла.

— Что и буду его спрашивать? отвѣчалъ отецъ Захарія. — Нѣшто я ему не вѣрю, что ли, что стану отчесть требовать, куда дѣль?

— Да все-таки ради любознательности спросить должно.

— Ну и спроси, зуда, самъ, если хочешь ради любознательности.

— Пѣтъ, вы, ей-Богу, со страху его не спрашиваете.

— Съ какого это страху?

— Да просто боитесь; а я бы ей-Богу спросилъ. Да и чего тутъ бояться-то? спросите просто: а какъ же, молъ, отецъ протопопъ, будетъ насчетъ нашихъ тростей? Вотъ только всего и страху.

— Ну, такъ вотъ ты и спроси.

— Да мнѣ нельзя.

— А почему нельзя?

— Онъ меня можетъ оконфузить.

— А меня развѣ не можетъ?

Дьяконъ просто сгоралъ отъ любознательства и не зналъ, что бы такое выдумать, чтобы завести разговоръ о тростяхъ; но вотъ къ его радости дѣло разрѣшилось и само собою. На пятый или на шестой день, по возвращеніи своемъ домой, отецъ Савелій, отслуживъ позднюю обѣдню, позвалъ къ себѣ на чай и городничаго, и смотрителя училищъ, и дѣкаря, и отца Захарію съ дьякономъ Ахиллой, и началъ опять разсказывать, что онъ слышалъ и что видѣлъ въ губернскомъ городѣ. Прежде всего отецъ протопопъ довольно пространно говорилъ о новыхъ постройкахъ, потомъ о гу-

бернаторъ, котораго осуждалъ за неуваженіе ко владыкѣ и за постройку водопроводовъ или, какъ отецъ протопопъ выражался, «акведуковъ».

— Акведуки эти, — говорилъ отецъ протопопъ: — будутъ ни къ чему, потому городъ малый и притомъ тремя рѣками пересѣкается; но магазины, которые все вновь открываются, ничто весьма изящное начали представлять. Да вотъ я вамъ сейчасъ покажу, что касается нынѣшняго тамъ искусства...

И съ этими словами отецъ протопопъ вышелъ въ боковую комнату и черезъ минуту возвратился оттуда, держа въ каждой рукѣ по извѣстной вѣзмъ трости.

— Вотъ видите, — сказалъ онъ, поднося къ глазамъ гостей верхнія площадки золотыхъ набалдашниковъ.

Ахилла дяконъ такъ и возрился, что такое сдѣлано политиканомъ Савеліемъ для различенія одностойныхъ тростей; но, увы! ничего такого рѣзкаго для ихъ различія не было замѣтно. Напротивъ, одностойность ихъ даже какъ будто еще увеличилась, потому что посрединѣ набалдашника той и другой трости было совершенно одинаково вырѣзано окруженное сіяніемъ всевидящее око; а вокругъ ока краткая, въ видѣ узорчатой каймы, вязная подпись.

— А литеръ, отецъ протопопъ, нѣтъ? — замѣтилъ, не утерпѣвъ, Ахилла.

— Къ чему здѣсь тебѣ литеры нужны? — отвѣчалъ, не глядя на него, Туберововъ.

— А для отличенія ихъ одностойности!

— Все ты всегда со вздоромъ лѣзешь, — замѣтилъ отецъ протопопъ дякону и, при этомъ, приставивъ одну трость къ своей груди, сказалъ: — вотъ это будетъ моя.

Ахилла дяконъ быстро глянулъ на набалдашникъ и прочелъ около всевидящаго ока: «Жезль Аароновъ расцвѣль».

— А вотъ это, отецъ Захарія, будетъ тебѣ, — докончилъ протопопъ, подавая другую трость Захаріи.

На этой вокругъ такого же точно всевидящаго ока, такую же точно древле-славянскою вязью, было вырѣзано: «Даде въ руку его посохъ».

Ахилла, какъ только прочелъ эту вторую подпись, такъ всталъ за спину отца Захарія и, уткнувъ голову въ животъ Захарія, заколотился и задергался въ припадкахъ неукротимаго смѣха.

— Ну, что, зуда, что, что? — частилъ, обернувшись къ

нему, отецъ Захарія, между тѣмъ какъ прочіе гости еще разсматривали затѣйливую работу рѣзчика на іерейскихъ посохахъ. — Литеры? А! литеры, баранъ ты этакой кучерявый? Гдѣ же здѣсь литеры?

Но дьяконъ не только нимало не сконфузился, но опять порскнулъ и закатился со смѣху.

— Чего смѣешься? чего помираешь?

— Это кто жъ баранъ-то выходитъ теперь?—вопросилъ, едва выговаривая слова, дьяконъ.

— Да ты же, ты. Кто же еще баранъ?

Ахилла опять залился, замоталъ руками и, изловивъ отца Захарію за плечи, почти сѣлъ на него медвѣдемъ и театральнымъ шопотомъ забубнилъ:

— А вы, отецъ Захарія, какъ вы много логикѣ учились, такъ вы вотъ это прочитайте: «Даде въ руку его посохъ». Путье-ка, рѣшите по логикѣ: чему такая надпись соотвѣтствуетъ!

— Чему? Ну, говори чему?

— Чему-съ? А она тому соотвѣтствуетъ, — заговорилъ протязкиѣе дьяконъ:—что дали, молъ, дескать ему линейкой палю въ руку.

— Врешь.

— Вру! А отчего же вонъ у него «жезлъ расцвѣлъ»? А небось ничего про то, что въ руку дано, не обозначено? Почему? Потому, что это сдѣлано для превозвышенія, а вамъ это для униженія черкнуто, что, молъ, дана палка въ лану.

Отецъ Захарія хотѣлъ возразить, но и вправду слегка смутился. Дьяконъ торжествовалъ, наведя это смущеніе на тихаго отца Бенефактова; по торжество Ахиллы было не-продолжительно.

Не успѣлъ онъ оглянуться, какъ увидѣлъ, что отецъ протопонъ пристально смотрѣлъ на него въ оба глаза, и чуть только замѣтилъ, что дьяконъ уже достаточно сконфузился, какъ обратился къ гостямъ и самымъ спокойнымъ голо-сомъ началъ:

— Надписи эти, которыя вы видите, я не самъ выдумалъ, а это мнѣ консисторскій секретарь Аѳанасій Ивановичъ присовѣтовалъ. Случилось намъ, гуляя съ нимъ предъ вечеромъ, зайти вмѣстѣ къ золотарю; онъ, Аѳанасій Ивановичъ, и говоритъ: вотъ, говоритъ, отецъ протопонъ, какая мнѣ пришла мысль, надписи вамъ на тростяхъ подобаютъ,

потъ вамъ такую: «Жезль Аароновъ», а отцу Захаріи вотъ такую очень пристойно, какая теперь значится.

— А тебѣ, отецъ дяконъ... я и о твоей трости, какъ ты меня просилъ, думалъ сказать, но нашелъ, что лучше всего, чтобы ты съ нею вовсе ходить не смѣлъ, потому что это твоему сану не принадлежитъ...

При этомъ отецъ протопопъ спокойно подошелъ къ углу, гдѣ стояла знаменитая трость Ахиллы, взялъ ее и заперъ ключомъ въ свой гардеробный шкапъ.

Такова была величайшая изъ распрей на старогородской поповкѣ.

— Отсюда,—говорилъ дяконъ:—было все начало болѣзней моихъ. Потому что я тогда не стерпѣлъ и озлобился, а отецъ протопопъ Савелій началъ свою политикой еще болѣе уничтожать меня и довелъ даже до ярости. Я свирѣпѣлъ, а онъ меня, какъ медвѣдя, на рогащину сажалъ на эту политику, пока я даже осатанѣвать сталъ.

Это былъ образчикъ мелочности, обнаруженной на старости лѣтъ протопопомъ Савеліемъ, и легкомысленности дякона, навлекшаго на себя гнѣвъ Туберозова; но какъ Москва, говорятъ, отъ конечной свѣчи сгорѣла, такъ и на старогородской поповкѣ вслѣдъ за этимъ началась цѣлая исторія, выдвинувшая наружу разные недостатки и превосходства характеровъ Савелія и Ахиллы.

Дяконъ лучше всѣхъ зналъ эту исторію, но рассказывалъ ее лишь въ минуты крайняго своего волненія, въ часы разстройства, раскаяній и безпокойствъ, и потому когда говорилъ о ней, то говорилъ перѣдко со слезами на глазахъ, съ судорогами въ голосѣ, и даже перѣдко съ рыданіями.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

— Миѣ,—говорилъ сквозь слезы взволнованный Ахилла:—миѣ по-настоящему, разумѣется, что бы тогда слѣдовало сдѣлать? Миѣ слѣдовало идти къ ногамъ отца протопопа и сказать, что такъ и такъ, что я это, отецъ протопопъ, не по злобѣ, не по ехидству сказалъ, а единственно лишь, чтобы только доказать отцу Захаріи, что я хоть и безъ логики, но ничѣмъ его не глупѣй. Но гордыня меня обуяла и удержала. Досадно миѣ стало, что онъ мою трость въ шкапъ заперъ, а потомъ послѣ того учитель Варнавка

Препотенскій еще подоспѣлъ и подгадилъ... Ахъ, я вамъ говорю, что уже сколько я на самого себя зомъ, но на учителя Варнавку вдвое! Ну, да и не я же буду, если я умру безъ того, что я этого просвирнинаго сына учителя Варнавку не взову!

— Опять и этого ты не смѣешь,—останавливалъ Ахиллу отецъ Захарія.

— Отчего же это не смѣю? За безбожіе-то, да не смѣю? Ну, ужъ это извините-сь!

— Не смѣешь, хоть и за безбожіе, а все-таки драться не смѣешь, потому что Варнавка былъ просвирнинъ сынъ, а теперь онъ чиновникъ, онъ учитель.

— Такъ что, что учитель? Да я за безбожіе кого вамъ угодно воздѣлаю. Это-сь, батюшка, законъ, а не что-нибудь. Да-сь, это очень просто кончается: замоталъ покрѣпче руку ему въ аксіосы, потрясъ хорошенько, да и выпустилъ, и ступай, моль, жалуйся, что бить духовнымъ лицомъ за безбожіе... Никуда не пойдетъ-сь! Но Воже мой, Воже мой! какъ я только вспомню, да подумаю — и что это тогда со мною подѣлалось, что я его, этакого негодивца Варнавку слушалъ, и что даже до сего дня я еще съ нимъ какъ должно не расправился! Ей, право, не знаю, откуда такая слабость у меня? Вѣдь вонъ тогда Сергѣя дьячка за разсужденіе о громѣ я сейчасъ же прибилъ; комиссара Данилку мѣщанина за яденіе яицъ на улицѣ въ прошедшій Великій постъ я опять тоже неупустительно и всенародно весьма прилично по ухамъ оттрепалъ, а вотъ этому просвирнину сыну все до сихъ поръ спускаю, тогда какъ я этимъ Варнавкой болѣе всѣхъ и уязвленъ! Не будь его, сей распри бы не разыграться. Отецъ протопопъ гнѣвались бы на меня за разговоръ съ отцомъ Захаріей, но все бы это не было долговременно; а этотъ просвирнинъ сынъ Варнавка, какъ вы его нынче сами видѣть можете, учитель математики въ уѣздномъ училищѣ, мнѣ тогда, озлобленному и уязвленному, какъ подтолдыкнулъ: «Да это, говоритъ, надпись Туберозовская еще, кромѣ того, и глуша». И, знаете, будучи уязвленъ, страхъ какъ жаждалъ чѣмъ бы и самому отца Савелія уязвить, и спрашиваю: чѣмъ же глупа? А Варнавка говоритъ: «Тѣмъ и глуша, что еще самый фактъ-то, о которомъ она гласить, не достовѣренъ; да и не только не достовѣренъ, а и певѣролтенъ. Кто это, говоритъ, засви-

дѣлать, что жезлъ Аароновъ расцвѣлъ? Сухое дерево развѣ можетъ расцвѣсть?» Я было его на этомъ даже остановилъ и говорю: «Пожалуйста, ты этого, Варнава Васильичъ, не говори, потому что Богъ, идѣ же хочетъ, но бѣдѣется естества чинь»; но прѣ этомъ, какъ вся эта наша рация у акцизничихи у Визюкиной происходила, а тамъ все это разныя возліянїя, да вино все хорошее: все го-го, го-сотеишь, да го-марго, я... прахъ меня возьми, и надрывался. Я, изволите понимать, въ винномъ угарѣ, а Варнава мнѣ, знаете, тутъ мнѣ по-своему, по-ученому торочить, что «тогда вѣдь, говоритъ, вопъ и *мани факель фаресъ* было на пиру Вальтасаровомъ написано, а теперь, говоритъ, вѣдь это вздоръ; я вамъ могу это самое сейчасъ фосфорною спичкой написать». Ужасаюсь я; а онъ все дальше да больше: «Да тамъ и во всемъ, говоритъ, бездна противорѣчій...» И пошелъ, знаете, и пошелъ, и все опровергаетъ; а я все это сижу да слушаю. А тутъ опять еще эти го-марго, да ужъ и достаточно даже сдѣлался уязвленъ, и самъ заговорилъ въ вольнодумномъ штильѣ. Я, говорю, я, если бы только не видѣлъ отца Савеліевой прямоты, потому, какъ знаю, что онъ прямо алтарю предстонтъ и жертва его прямо идетъ, какъ жертва Авелева, то я только Каинномъ быть не хочу, а то бы я его... Это, понимаете, па отца Савелія-го! И къ чему-съ это; къ чему это я тамъ въ ту пору о немъ заговорилъ? Вѣдь не глупецъ ли? Ну, а она, эта Данка Нефанимка, Визюкина-го, говоритъ:—«Да вы еще понимаете ли, что вы лепечете? Вы еще знаете ли цѣну Каину-то? что такое, говоритъ, вашъ Авель? Онъ больше ничего какъ маленький барашекъ, онъ низконоклонный искатель, у него рабская патура, а Каинъ гордый дѣятель, — онъ не помирится съ жизнью подневольною. Вотъ, говоритъ, какъ его англійскій писатель Биропъ изображаетъ...» Да и пошла-съ мнѣ расписывать! Ну, а тутъ все эти го-ма-го меня тоже насмѣивали, и вотъ вдругъ чувствую, что хочу я быть Каинномъ, да и шабангъ. Вышелъ я оттуда домой, дошелъ до отца протопопова дома, сталъ передъ его окнами и вдругъ подперся но-офицерски въ боки руками и закричалъ: «Я змѣя, я рабъ, я червь, я богъ!» Боже, Боже: какъ страшно вспоминать, сколь я былъ безстыжъ и сколь же я былъ за то въ ту жъ пору постыженъ и уязвленъ! Отецъ протопопъ, увидѣвъ мое козлогласіе, вскочили съ постели, подошли въ

сорочкѣ къ окну и, распахнувъ раму, гнѣвнымъ голосомъ крикнули: «Ступай спать, Каинъ неистовый!» Вѣрите ли: даже затрепетала весь отъ этого слова, что я «Каинъ», потому, представьте себѣ, что я только собирался въ Каины, а онъ уже это провидѣлъ. Ахъ, Боже! Я отошелъ къ дому своему, самъ слѣдовъ своихъ не разумѣючи, и вся моя стропотность тутъ же пропала, и съ тѣхъ поръ и донынѣ я только скорблю и стенаю.

Повторивъ этотъ рассказъ, дяконъ обыкновенно задумывался, поныкалъ головой и черезъ минуту, вздохнувъ, продолжалъ мягкимъ и грустнымъ тономъ:

— Но вотъ-съ днѣ бѣгутъ и текутъ, а гнѣвъ отца протопона не проходитъ и до сего дня. Я приходилъ и винился; во всемъ винился и каялся, говорилъ: «Простите, какъ Богъ грѣшниковъ прощаетъ», но на все одинъ отвѣтъ: «Иди». Куда? я спрашиваю, куда я пойду? Почтмейстерша Тимохина мнѣ все совѣтуетъ: «Въ полкъ, говорить, отецъ дяконъ, идите, васъ полковые любить будутъ». Знаю я это, что полковые очень могутъ меня любить, потому что я и самъ почти воинъ; но чтѣ изъ меня въ полку восполѣдуетъ, вы это обсудите? Вѣдь я тамъ съ ними въ полку ужъ и, дѣйствительно, Каиномъ сдѣлаюсь... Вѣдь это, вѣдь я знаю, что все-таки одинъ онъ, одинъ отецъ Савелій еще меня и содержитъ въ субординаціи,—а онъ... а онъ...

При этихъ словахъ у дякона закапали въ груди слезы, и онъ, всхлипывая, заканчивалъ:

— А онъ вотъ какую низкую штуку со мною придумалъ: чтобы молчать! Чтѣ я ни заговорю, онъ все молчитъ... За чтѣ же ты молчишь?—воскликала дяконъ, вдругъ со-вѣмъ начиная плакать и обращаясь съ поднятыми руками въ ту сторону, гдѣ полагалъ быть дому отца протопона. — Хорошо, ты думаешь, это такъ дѣлать, а? Хорошо это, что я по дяконству моему подхожу и говорю: благослови, отче? и руку его цѣлуя, чувствую, что даже рука его холодна для меня! Это хорошо? На Троицынъ день предъ великою молитвой я, слезами обливаясь, прошу: благослови... А у него и тутъ умиления нѣтъ. «Буди благословенъ», говорить. Да чтѣ мнѣ эта форменность, когда все это безъ ласковости!

Дяконъ ожидалъ утѣшенія и поддержки.

— Заслужи, — замѣчаетъ ему отецъ Захарія: — заслужи хорошенько, онъ тогда и съ лаской проститъ.

— Да чѣмъ же я, отецъ Захарія, заслужу?

— Примѣрнымъ поведеніемъ заслужи.

— Да какимъ же примѣрнымъ поведеніемъ, когда онъ совсѣмъ меня не замѣчаетъ? Мнѣ, ты, батя, думаешь, легко, какъ я вижу, что онъ скорбитъ, вижу, что онъ пынче въ столь частой задумчивости. Боже мой! говорю я себѣ:—чего онъ въ такомъ изумленіи? Можетъ-быть это онъ и обо мнѣ... Потому что вѣдь тамъ, какъ онъ на меня ни сердись, а вѣдь онъ все это притворствуетъ: онъ меня любитъ...

Дьяконъ оборачивался въ другую сторону и, стуча кулакомъ по ладони, выговаривалъ:

— Ну, просвириный слыть, тебѣ это такъ не пройдетъ! Будь я взаправду тогда Канинъ, и не дьяконъ, если только я этого учителя Варнавку публично не исковеркаю!

Изъ одной этой угрозы читатели могутъ видѣть, что нѣкому упоминаемому здѣсь учителю Варнавѣ Препотенскому со стороны Ахиллы дьякона угрожала какая-то самая рѣшительная опасность, и опасность эта становилась тѣмъ грознѣе и ближе, чѣмъ чаще и тягостнѣе Ахилла начиналъ чувствовать томленіе по своему потерянномъ рабѣ, по утраченномъ благорасположеніи отца Савелія. И вотъ, наконецъ, ударилъ часъ, съ котораго должны были начаться кара Варнавы Препотенскаго рукой Ахиллы и совершенно совпадавшее съ симъ событіемъ начало великой старгородской драмы, составляющей предметъ нашей хроники.

Чтобы ввести читателей въ уразумѣніе этой драмы, мы оставимъ пока въ сторонѣ всѣ тропы и дороги, по которымъ Ахилла, какъ американскій слѣдопытъ, будетъ выслѣживать своего врага, учителя Варнавку, и погрузимся въ глубины внутренняго міра самого драматическаго лица нашей повѣсти — уйдемъ въ міръ невѣдомый и незримый для нечужь, кто посмотритъ на лицо и близко, и издали. Проникнемъ въ чистенькій домикъ отца Туберозова. Можетъ-быть, стоя внутри этого дома, найдемъ средство заглянуть шутръ души его хозяина, какъ смотреть въ стеклянный улей, гдѣ пчела строитъ свой дивный сотъ, съ воскомъ на освѣщеніе лица Божія, съ медомъ на усладу человѣка. Но будемъ осторожны и деликатны: надѣнемъ легкія сандалии, чтобы шаги ногъ нашихъ не встревожили задумчи-

ваго и грустнаго протопопа; положимъ сказочную шапку-невидимку себѣ на голову, дабы любопытный зракъ нашъ не смущалъ серьезнаго взгляда чиннаго старца, и станемъ имѣть уши наши отверстыми ко всему, что отъ него услышимъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Надъ Старь-Городомъ лѣтній вечеръ. Солнце давно сѣло. Нагорная сторона, гдѣ возвышается острый куполь собора, озаряется блѣдными блесками луны, а тихое Зарѣчье утонуло въ теплой мглѣ. По плывучему мосту, соединяющему обѣ стороны города, изрѣдка проходятъ одинокія фигуры. Опѣ идутъ спѣшно: ночь въ тихомъ городкѣ рано собираетъ всѣхъ въ гнѣзда свои и на пенелица свои. Прокатила почтовая телѣга, звеня колокольчикомъ и перебирая, какъ клавиши, мостовины, и опять все замерло. Изъ далекихъ лѣсовъ доносится благотворная свѣжесть. На островѣ, который образуютъ рукава Турицы и на которомъ синѣетъ бакша кривоносаго чудака, престарѣлаго недоучки духовнаго званія, нѣкоего Константина Пизонскаго, называемаго отъ всѣхъ «дядей Котиномъ», раздаются клики:

— Молвоша! гдѣ ты. Молвоша?

Это старикъ зоветъ рѣзваго мальчишку, своего приемыша, и клики эти такъ слышны въ домѣ протопопа, какъ будто они раздаются надъ самымъ ухомъ сидящей у окна протопопицы. Вотъ оттуда же, съ той же бакши, несется дѣтскій хохоть, слышится плескъ воды, потомъ топотъ босыхъ ребячьихъ ногъ по мостовинамъ, звонкій лай игривой собаки, и все это кажется такъ близко, что мать протопопица, продолжавшая все это время сидѣть у окна, вскочила и выставила впередъ руки. Ей показалось, что бѣгущее и хохочущее дитя сейчасъ же упадетъ къ ней на колѣни. Но, оглянувшись вокругъ, протопопица замѣтила, что это обманъ и, отойдя отъ окна въ глубину комнаты, зажгла на комодѣ свѣчу и кликнула небольшую, лѣтъ двѣнадцати, дѣвочку и спросила ее:

— Ты, Оёклинька, не знаешь ли, гдѣ нашъ отецъ протопопъ?

— Онъ, матушка, у исправника въ шашки играетъ.

— А, у исправника. Ну, Богъ съ нимъ, когда у исправ-

ника. Давай мы ему, Оёклушка, постель постелемъ, пока онъ воротится.

Оёклинька принесла изъ сосѣдней комнаты въ залу двѣ подушки, простыню и стеганое желтое шерстяное одѣяло; а мать протопоица внесла бѣлый никейный плафрокъ и большой пунцовый фуляръ. Постель была постлана отцу протопоицу на большомъ, довольно твердомъ диванѣ изъ карельской березы. Изголовье было открыто; бѣлый плафрокъ раскинутъ по креслу, которое поставлено въ ногахъ постели; на плафрокъ положенъ пунцовый фуляръ. Когда эта часть была устроена, мать протопоица, вдвоемъ съ Оёклинькой, придвинули къ головамъ постели отца Савелія тяжелый, изъ карельской же березы, овальный столъ на массивной тумбѣ, поставили на этотъ столъ свѣчу, стаканъ воды, блюдо съ толченымъ сахаромъ и колокольчикъ. Всѣ эти приготовления и тщательность, съ которою они исполнялись, свидѣтельствовали о великомъ вниманіи протопоицы ко всѣмъ привычкамъ мужа. Только устронивъ все какъ слѣдовало, по обычаю, она успокоилась и снова погасила свѣчу и сѣла одиноко къ окошечку ожидать протопоица. Глядя на нее, можно было видѣть, что она ожидаетъ его неспокойно; этому и была причина: давно невеселый Туберовозъ нынче особенно хандрить цѣлый день, и это тревожило его добрую подругу. Къ тому же, онъ и усталъ: онъ ѣздилъ нынче на поля пригородныхъ слобожанъ и служилъ тамъ молебень по случаю стоящей засухи. Послѣ обѣда онъ немножко вздремнулъ и пошелъ пройтись, но, какъ оказалось, зашелъ къ исправнику, и теперь его еще нѣтъ. Ждетъ его маленькая протопоица еще полчаса и еще часъ, а его все нѣтъ. Тишина непарушимая. Но вотъ съ нагорья послышалось что-то довольно пріятное пѣніе. Мать протопоица прислушивается. Это поетъ дьяконъ Ахилла; она хорошо узнаетъ его голосъ. Онъ сходитъ съ Батавиной горы и распѣваетъ:

Ночною темнотою
Покрылись небеса;
Всѣ люди для покоя
Сомкнули очеса.

Дьяконъ спустился съ горы и, идучи по мосту, продолжалъ:

Внезапно постучался
Мнѣ въ двери купидонъ;

Пріятный перервался
Въ началѣ самою сонъ.

Протопопица слушаетъ съ удовольствіемъ пѣніе Ахиллы, потому что она любитъ и его самого за то, что онъ любитъ ея мужа, и любитъ его пѣніе. Она замечталась и не слышитъ, какъ дяконъ взопелъ на берегъ и все приближается и приближается, и, наконецъ, подъ самымъ ея окошечкомъ вдругъ хватилъ съ декламаціей:

Кто тамъ стучится смѣло?
Сквозь двери я спросилъ.

Мечтавшая протопопица тихо вскрикнула: «ахъ!» и отскочила въ глубь покоя.

Дяконъ, услыхавъ это восклицаніе, пересталъ пѣть и остановился.

— А вы, Наталья Николаевна, еще не започивали?— отнесся онъ къ протопопицѣ, и съ этими словами, схватясь руками за подоконникъ, всырыгнувъ на карнизецъ и воскликнулъ:—А у насъ миръ!

— Что?—переспросила протопопица.

— Миръ,—повторилъ дяконъ:—миръ.

Ахилла повелъ по воздуху рукой и добавилъ:

— Отецъ протопопъ... конецъ...

— Чтò ты говоришь, какой конецъ?—запытала вдругъ встревоженная этимъ словомъ протопопица.

— Конецъ... со мною всему конецъ... Отнынѣ миръ и благоволеніе. Нынѣ которое число? Нынѣ четвертое іюня; вы такъ и запишите: «4-го іюня миръ и благоволеніе», потому что миръ всѣмъ, и Варнавкѣ учителю шабашъ.

— Ты это что-то... виномъ отъ тебя не пахнетъ, а врешь.

— Вру! А вотъ вы скоро увидите, какъ я вру. Сегодня 4-е іюня, сегодня преподобнаго Меодія Песнопскаго, вотъ вы это себѣ такъ и запишите, что отъ этого дня у насъ распочнется.

Дяконъ еще приподнялся на локти и, втиснувшись въ комнату по самый по носъ, зашепталъ:

— Вы вѣдь, небось, не знаете, чтò учитель Варнавка сдѣлалъ?

— Нѣтъ, дружокъ, не слыхала, чтò такое еще онъ, негодивецъ, сотворилъ.

— Ужасная вещь-съ! онъ человѣка въ горшкѣ сварилъ.

— Дьяконъ, ты это врешь!—воскликнула протопоница.

— Нѣтъ-съ, сварилъ!

— Истинно врешь!—человѣка въ горшокъ не всунешь.

— Онъ его въ золяной корчагѣ сварилъ,—продолжалъ, но обращая на нее вниманія, дьяконъ: — и хотя ему это мерзкое дѣло было дозволено отъ исправника и отъ лѣкари, но тѣмъ не менѣе онъ теперь за это предастся въ мои руки.

— Дьяконъ, ты врешь; ты все это врешь.

— Нѣтъ-съ, извините меня, даже ни одной минуты я не вру,—зачастилъ дьяконъ и, замотавъ головой, началъ вырубать слово отъ слова еще чаще.—Извольте хорошенько слушать, въ чемъ дѣло и какое его было теченіе: Варнавка, дѣйствительно, сварилъ человѣка съ разрѣшенія начальства, то-есть лѣкаря и исправника, такъ какъ то былъ утопленникъ; но этотъ сваренецъ теперь его жестоко мучить и его мать, госпожу просвирию, и я все это разузналъ и сказалъ у исправника отцу протопону, и отецъ протопонъ исправнику за это... того-съ, по-французски пробире-муа, задали, и исправникъ сказалъ: что я, говоритъ, возьму солдатъ и положу этому конецъ; но я сказалъ, что пока еще ты возьмешь солдатъ, а я самъ солдатъ, и съ завтрашняго дня, ваше преподобіе, честная протопоница Наталья Николаевна, вы будете видѣть, какъ дьяконъ Ахилла начнетъ казнить учителя Варнавку, который богохульствуетъ, смущаетъ людей живыхъ и мучить мертвыхъ. Да-съ, сегодня 4-е июня, память преподобнаго Меодія Песнопскаго, и вы это увидите...

Но на этихъ словахъ потокъ краснорѣчія Ахиллы оборвался, потому что въ это время какъ будто послышался издали съ горы кашель отца протопона.

— Во! гريدеть попь Савелій!—воскликнулъ, слышавъ этотъ голосъ, Ахилла и, соскочивъ съ фундамента на землю, пошелъ своею дорогой.

Протопоница осталась у своего окна не только во мракѣ невѣдѣнія насчетъ всего того, чѣмъ дьяконъ грозился учителю Препотенскому, но даже въ совершенномъ хаосѣ насчетъ всего, что онъ наговорилъ здѣсь. Ей некогда было и раздумывать о нескладныхъ рѣчахъ Ахиллы, потому она услышала, какъ скрипнули крылечные ступени, и отецъ Савелій вступилъ въ сѣни, въ камилавкѣ на головѣ и

въ рукахъ съ тою самою тростью, на которой было написано: «Жезлъ Аароновъ расцвѣлъ».

Протопоица встала, разомъ засвѣтила двѣ свѣчи и изподъ обѣихъ зорко посмотрѣла на вошедшаго мужа. Протопопъ тихо поцѣловалъ жену въ лобъ, тихо снялъ рясу, надѣлъ свой бѣлый плафоръ, подвязалъ шею пунцовымъ фуляромъ и сѣлъ у окошка.

Протопоица совершенно забыла про все, что ей за нѣсколько минутъ передъ этимъ говорилъ дьяконъ, и потому ни о чемъ не спросила мужа. Она пригласила его въ смежную маленькую, продолговатую комнатку, которая служила ей спальней и гдѣ теперь была приготовлена для отца Савелія его вечерняя закуска. Отецъ Савелій сѣлъ къ столу, сѣлъ два сваренныя для него всмятку яйца и, помолясь, началъ прощаться на ночь съ женой. Протопоица сама никогда не ужинала. Она обыкновенно только сидѣла предъ мужемъ, пока онъ закусывалъ, и оказывала ему небольшія услуги, то что-нибудь подавая, то принимая и убирая. Потомъ они оба вставали, молились предъ образомъ и непосредственно затѣмъ оба начинали крестить одинъ другого. Это взаимное благословеніе другъ друга на сонъ грядущій они производили всегда оба одновременно и притомъ съ такою ловкостью и быстротой, что нельзя было надивиться, какъ ихъ быстро мелькавшія одна мимо другой руки не хлопнуть одна по другой, и одна за другую не зацѣпятся.

Получивъ взаимныя благословенія, супруги нанутствовали другъ друга и взаимнымъ поцѣлуемъ, при чемъ отецъ протопопъ цѣловалъ свою низенькую жену въ лобъ, а она его въ сердце; затѣмъ они разставались: протопопъ уходилъ въ свою гостиную и вскорѣ ложился. Точно такъ же пришелъ онъ въ свою комнату и сегодня, но не легъ въ постель, а долго ходилъ по комнатѣ, наконецъ, притворилъ и тихо заперъ на крючокъ дверь въ женину спальню.

— Отецъ Савелій, ты чего-то не въ свѣтломъ духѣ?—спросила чрезъ стѣнку протопоица, хорошо изучившая всѣ мельчайшія черты мужнина характера.

— Нѣтъ, другъ, я спокоенъ,—отвѣчалъ протопопъ.

— Тебѣ, отецъ Савелій, не подать ли на ночь чистый платочекъ?—освѣдомилась она, вскочивъ и приложивъ носъ къ створу двери.

— Платочекъ? да вѣдь ты въ субботу дала мнѣ платочекъ!

— Ну, такъ что жъ, что въ субботу?.. Да отойдите вы отъ самого дѣла, отецъ Савелій! Что это вы еще за моду такую взяли, чтобъ отъ меня запереться?

Протопопъ молча откинулъ крючокъ, а Наталья Николаевна принесла чистый фулировый платокъ и, пользуясь этимъ случаемъ, они съ мужемъ снова начали прощаться и крестить другъ друга тѣмъ же удивительнымъ для непривычнаго человѣка способомъ, и затѣмъ опять разстались. Дверь теперь оставалась отворенною: объяснилось, почему старикъ непременно хотѣлъ ее припереть. Отцу протопопу не спалось, и онъ чувствовалъ, что ему не удастся уснуть: прошелъ часъ, а онъ еще все ходилъ по комнатѣ въ своемъ бѣломъ швейномъ шлафорѣ и пунцовомъ фулирѣ подъ шею. Въ старикѣ какъ бы совершалась нѣкая борьба. При всемъ виѣшнемъ достоинствѣ его манеръ и движений, онъ ходилъ шагами неровными, то нѣсколько учащая ихъ, какъ бы хотѣлъ куда-то броситься, то замедляя ихъ и, наконецъ, вовсе останавливаясь и задумываясь. Это хожденіе продолжалось еще съ добрый часъ, прежде чѣмъ отецъ Савелій подошелъ къ небольшому красному шкафику, утвержденному на высокомъ комодѣ съ вытянутою доской. Изъ этого шкафа онъ досталъ Евгеніевскій *Календарь*, перелетенный въ толстый синій демикатонъ, съ желтымъ вихтовымъ корешкомъ, положилъ эту книгу на стоявшемъ у его постели овальномъ столѣ, зажегъ предъ собою двѣ экономическія свѣчи и остановился: ему показалось, что жена его еще ворочается и не спитъ. Это такъ и было.

— Будешь читать, вѣрно?—спросила его въ эту минуту мать-за стѣны своимъ тихимъ, заботливымъ голоскомъ Наталья Николаевна.

— Да, я, другъ Наташа, пемножко почитаю,—отвѣчалъ отецъ Туберозовъ:—а ты, одолжи меня, усни пожалуй.

— Усну, мой другъ, усну,—отвѣчала протопопница.

— Да, прошу тебя, пожалуй усни,—и съ этими словами отецъ протопопъ, осѣдавъ свой гордый римскій носъ большими серебряными очками, началъ медленно перелистывать свою синюю книгу. Онъ не читалъ, а только перелистывалъ эту книгу, и притомъ останавливался не на томъ, что въ ней было напечатано, а лишь просматривалъ его собствен-

ною рукою исписанныя прокладныя страницы. Всѣ эти записки были сдѣланы разновременно и воскресали предъ старымъ протопопомъ цѣлый міръ воспоминаній, къ которымъ онъ любилъ по временамъ обращаться.

Очутясь между протопопомъ Савелемъ и его протилымъ, станемъ тихо и почтительно слушать тихій шопотъ его старческихъ устъ, раздающійся въ глухой тиши полуночи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Демикатановая книга протопопа Туберозова.

Туберозовъ просматривалъ свой календарь съ самой первой прокладной страницы, на которой было написано: «По рукоположеніи меня 4-го февраля 1831 года предсвятиинымъ Гавриломъ въ іерея, получилъ я отъ него сію книгу въ подарокъ за мое доброе прохожденіе семинарскихъ наукъ и за поведеніе». За первую надпись, совершенною въ первый день іерейства Туберозова, была вторая: «Проповѣдывалъ впервые въ соборѣ послѣ архіерейскаго служенія. Темой проповѣди избралъ текстъ притчи о сыновьяхъ вертоградара. Одинъ сказалъ: не пойду и пошелъ, а другой отвѣчалъ: пойду, и не пошелъ. Свелъ сіе ко благимъ дѣйствіямъ и благимъ намѣреніямъ, позволяя себѣ нѣкоторые намеки на служащихъ, присягающихъ и о присягѣ своей небрегающихъ, давая сямъ топкию памеки чиновначаліямъ и властямъ. Говорилъ плавно и менѣе нынѣ, чѣмъ естественно. Владыка одобрили сію мою пробу пера. Однакоже, впоследствии онъ преосвященство призывалъ меня къ себѣ и, одобряя мое слово вообще, въ частности же указалъ, дабы въ проповѣдяхъ прямого отношенія къ жизни дѣлать опасался, особливо же насчетъ чиновниковъ, ибо отъ нихъ-де чѣмъ дальше, тѣмъ и освященіе. Но за прошлое сказаніе не укорилъ и даже какъ бы одобрилъ».

«1832 года, декабря 18-го, былъ призванъ высокопреосвященнымъ и получилъ назначеніе въ Старь-Городъ, гдѣ парочито силенъ расколъ. Указано противодѣйствовать оному всячески».

«1833 года, въ востмой день февраля, выѣхалъ съ понадей изъ села Благодухова въ Старь-Городъ и прибылъ сюда 12-го числа о заутренѣ. На дорогѣ чуть насъ не съѣла волчья свадьба. Въ церкви засталъ нестроеніе. Рас-

кожь силень. Осмотрѣвшись, нахожу, что противодѣйствіе расколу по консисторской инструкціи дѣло не важное, и о семъ писалъ въ консисторію и получилъ за то выговоръ».

Протоіерей пропустилъ нѣсколько замѣтокъ и остановился опять на слѣдующей: «Получивъ замѣчаніе о бездѣтельности, усматриваемой въ недоставленіи мною обильныхъ доносовъ, оправдывался, что въ расколѣ дѣлается только то, что уже давно всѣмъ извѣстно, про что и писать нечего, и при семъ добавилъ въ семъ рапортѣ, что наглавнѣе всего, что церковное духовенство находится въ крайней бѣдности, и того для, по человѣческой слабости, не противодѣйственно подкупамъ и даже само не мало потворствуетъ расколу, какъ и другіе прочіе оберегатели православія, пріемля даянія раскольниковъ. Заключилъ, что не съ иного чего надо бы начать, къ исправленію скорбей церкви, какъ съ изытія самого духовенства изъ-подъ тяжелой зависимости. Образцомъ сему показалъ раскольничьи сравненія синода съ патриаршествомъ и симъ надѣялся и дѣтельность свою оправдать, и очередной отъ себя доносъ отбыть, но за опытъ сей вторично получилъ выговоръ и замѣчаніе, и вызванъ къ личному объясненію, при коемъ былъ названъ «неночтительнымъ Хамомъ, открывающимъ наготу отца». Сіе, надлежитъ подразумѣвать, удостоенъ былъ получить за то, что созналъ какъ бѣдное, полуголодное духовенство само за неволю перѣдко расколу потворствуетъ, и наипаче за то, что про синодъ упомянулъ... Простите, пожалуйста, кто обиженъ! Въ забвеніе вами мнѣ сея великія вины вспомяну вамъ слова свѣтскаго, но свѣтлаго писателя господина Татищева: «а голодный, хотя бы и патриархъ былъ, кусокъ хлѣба возьметъ, особливо предложенный». Вотъ и патриарху на орѣхи!»

Ниже, черезъ нѣсколько записей, значилось: «былъ по дѣламъ въ губерніи и, представляясь владыкѣ, лично ему докладывалъ о бѣдности причтовъ. Владыка очень о семъ соболѣзновалъ; но замѣтили, что и самъ Господь нашъ не имѣлъ, гдѣ главы восклонить, а къ сему учить не уставалъ. Совѣтовалъ мнѣ, дабы рекомендовать духовнымъ читать книгу «О подражаніи Христу». На сіе ничего его преосвященству не возражалъ, да и вотще было бы возражать, потому какъ и книги той духовному нищенству нашему достать негдѣ».

«Политично за вечернимъ столомъ у отца соборнаго ключаря еще разъ заводилъ рѣчь о семъ же предметѣ съ отцомъ благочиннымъ и съ секретаремъ консисторіи; однако сіи рѣчи мои обращены въ шутку. Секретарь съ усмѣшкой сказалъ, что «обѣдному удобнѣе въ царствіе Божіе внити», что мы и безъ его благородія знали, а отецъ ключарь при семъ рассказали небезынтересный анекдотъ объ одномъ академическомъ студентѣ, который впоследствии былъ знаменитымъ святителемъ и проповѣдникомъ. Сей будто бы еще въ мірскомъ званіи, на вопросъ владыки, имѣеть ли онъ какое состояніе, отвѣтствовалъ:

«— Имѣю, ваше преосвященство.

«— А движимое или недвижимое?—вопросилъ сей, на что оный отвѣтствовалъ:

«— И движимое, и недвижимое.

«— Что же такое у тебя есть движимое?—вновь спросилъ его владыка, видя замѣтную мизерность его костюма.

«— А движимое у меня домъ въ селѣ,—отвѣтствовалъ вопрошаемый.

«— Какъ такъ, домъ—движимое? Разсуди, сколь глупъ отвѣтъ твой.

«А тотъ, нимало симъ не смущаясь, провѣщалъ, что отвѣтъ его правиленъ, ибо домъ его такого свойства, что коль скоро на него вѣтеръ подуетъ, то онъ весь и движется.

«Владыкѣ отвѣтъ сей показался столь своеобразнымъ, что онъ этого студіозуса за дурня уже не хотѣлъ почитать, а напротивъ, интересуясь имъ, еще спросилъ:

«— Что же ты своею недвижимостью нарицаешь?

«— А недвижимость моя, —отвѣчалъ студентъ:—матушка моя, дьячиха, да наша коровка бурая, кои обѣ ноги не двигали, когда отбывалъ изъ дому, одна отъ старости, другая же отъ безкормницы.

«Не мало сему всё мы смѣялись, хотя я, впрочемъ, находилъ въ семъ болѣе печальнаго и трагическаго, нежели комедійной веселости, способной тѣшить. Начинаю замѣчать во всёхъ значительную смѣшливость и легкомысліе, въ коихъ добраго не предусматриваю.

«Житіе мое провожу въ слѣ и въ яденіи. Расколу не могу оказывать противодействій ни малымъ чѣмъ, ибо всеми связанъ, и причтомъ своимъ полуголоднымъ, и исправни-

комъ дуже сытымъ. Негодую, зачѣмъ я какъ бы въ посмѣ-
шнице съ миссіонерскою цѣлію посланъ: проповѣдывать —
да некому; учить—да не слушаютъ? Проповѣдуетъ исправ-
никъ меня гораздо лучше, ибо у него къ сему есть такая
миссіонерская снасть о нѣсколькихъ концахъ, а отъ меня
доносовъ требуютъ. Владыко мой! къ чему сіи доносы? Что
въ нихъ завертывать? А мнѣ, по моему разсужденію, и
санъ мой не позволяетъ писать ихъ. Я лучше чистой бу-
маги пожертвую...

«Представлялъ рапортомъ о дозволеніи имѣть на Пасхѣ
словопреніе съ раскольниками, въ чемъ и отказано. Вдо-
бавокъ къ форменной бумагѣ, секретарь смѣючись отписалъ
приватно, что если скука одолѣваетъ, то чтобы къ нимъ
проѣхался. Нѣтъ ужъ, покорнѣйше спасибо, а не прогнѣ-
вайтесь на здоровье. И безъ того мой хитонъ обличаетъ мя,
яко нѣсть браченъ, да и жена въ одной исподницѣ гуляетъ.
Слѣдовало бы какъ ни на есть поизряднѣе примундириться,
потому что люди у насъ руки цѣлуютъ, а примундироваться
еще пока ровно не на что; но всего что противнѣе, это сей
презрѣнный, наглый и безстыжій тонъ консисторскій, съ
которымъ говорится: «а не хочешь ли, пошь, въ консисто-
рію съѣздить подоиться?» Нѣтъ, друже, не хочу, не хочу;
поищите себѣ кормилицу подебелѣ».

«13-го октября 1835 года. Читалъ книгу объ обличеніи
раскола. Все въ ней есть, да одного нѣтъ, что раскольники
блюдутъ свое заблужденіе, а мы своимъ правымъ путемъ
небрежемъ; а сіе, мню, яко важнѣйшее».

«Сегодня утромъ, 18-го марта сего 1836 года, попадья
Наталья Николаевна намекнула мнѣ, что она чувствуетъ
себя не порожнею. Подай Господи намъ сію радость! Ожи-
дать въ началѣ ноября».

«9-го мая, на день св. Николая Угодника, происходило
разрушеніе Дѣвской старовѣрческой часовни. Зрѣлище было
страшное, непристойное и поистинѣ возмутительное; а къ
сему же еще, какъ на зло, желѣзный крестъ съ купольнаго
фонаря сорвался и повисъ на цѣпяхъ, а будучи остерве-
ненно понуждаемъ баграми разорителей къ паденію, упалъ
внезапно и проломилъ пожарному солдату изъ жидовъ го-
лову, отчего тотъ здѣсь же и померъ. Охъ, какъ мнѣ было
тяжко все это видѣть: Господи! да право, хотя бы жидовъ-то
не посылали, что ли, кресты рвать! Вечеромъ надъ разо-

ленною молеальною собирався народъ, и ихъ, и нашъ церковный, и всѣ вмѣстѣ много и горестно плакали, и, наконецъ того, начали даже искать объятій и утѣхи».

«10-го мая. Были большія со стороны начальства ошибки. Предъ полуночью прошелъ слухъ, что народъ вынесъ на камень ламиаду и началъ молиться надъ разбитою молеальною. Всѣ мы собрались и видимъ, точно идетъ моленіе, и ламиада горитъ въ рукахъ у старца и не потухаетъ. Городничій велѣлъ тихо подвести пожарныя трубы и изъ нихъ народъ окачивать. Было сіе весьма необдуманно и, скажу, даже глупо, ибо народъ зажегъ свѣчи и пошелъ по домамъ, воспѣвая «мучителя Фараона» и крича: «Господь поборасть вѣрѣ мучимой; и вѣтеръ свѣщей не гаситъ»; другіе кивали на меня и вопиали: «подай намъ нашу Пречистую покровенную Богородицу и поклоняйся своей простоволосой въ нѣмецкомъ платьѣ». Я только указалъ городничему, сколь неосторожно было сіе его распоряженіе о разореніи и срываніи крестовъ и отобраніи иконы, но ему что? Бѣму лишь бы у нѣмца выслужиться».

«12-го мая. Франговство одолѣло: взялъ въ долгъ у предводительской экономки два шелковыя платья предводительщины и послалъ ихъ въ городъ окрасить въ масока цвѣтъ, какъ у губернскаго протодіакона, и сошью себѣ ряску шелковую. Невозможно безъ этой аккуратности, потому что становлюсь повсюду вхожъ въ дворянскіе дома, а унижать себя не намѣренъ».

«17-го мая. Попадья Наталья Николаевна намекнула, что она въ разсужденіи своего положенія ошиблась».

«20-го іюня. По донесенію городничаго, за нехожденіе со крестомъ о Пасхѣ въ дома раскольниковъ, былъ снова вызванъ въ губернію. Изложилъ сіе дѣло владыкѣ обстоятельно, что не ходилъ я къ старовѣрамъ не по нерадѣнію, ибо то даже было въ карманнѣй себѣ уцербъ; но я сдѣлалъ сіе для того, дабы раскольники чувствовали, что чести моего съ причтомъ посѣщенія лишаются. Владыко задумался и потомъ объясненіе мое приняли; но не мимо идетъ рѣчь, что царь жалуется, да его императоръ не жалуется. Такъ какъ дѣло сіе о моей манкировкѣ нѣкоторою своей стороною касалось и гражданской власти, то, дабы положить конецъ сей пустой претензіи и объ-онъ-поль, владыка послали меня объяснить сіе важное дѣло губернатору. Но и было же

объявленіе!.. Оле мнѣ грѣшному, что я только тамъ вытерпѣлъ! Оле и вамъ, ближніе мои, братія мои, искренніи и други, за срамоту мою и униженіе, которыя я перенесъ отъ сего кудаго нечестивца! Губернаторъ, яко нѣмецъ, соблюдая амбицію своего Лютера, русскаго пона къ себѣ не допустилъ, отрядилъ меня для собесѣдованія о семъ къ правителю. Сей же правитель, полякъ, не по владычному дѣло сію разсмотрѣть изволялъ, а напустился на меня съ крикомъ и рыканіемъ, говоря, что я потворствую расколу и сопротивляюсь волѣ моего государя. Оле же тебѣ, липе проказелный, и ты съ твоею прожженною совѣстію меня сопротивленіемъ царю моему упрекаешь! Однако, я сіе снесъ и ушелъ молча, памятуя хохлацкую пословицу: «скачи, враже, яко панъ каже». И вышло такъ, что все описанное случилось какъ бы для обновленія моеѣ шелковой рясы, которая, при семъ скажу, сдѣлана весьма исправно и сдва только при солнцѣ чуть отмѣняетъ, что изъ разныхъ матерій».

«23-го марта. Сегодня, въ субботу Страстную, приходили причетники и дьяконъ. Прохоръ просить, дабы неотмѣнно идти со крестомъ на Пасхѣ и по домамъ раскольниковъ, ибо несоблюденіе сего имъ въ ущербъ. Отдать имъ изъ своихъ денегъ сорокъ рублей, но не пошелъ на сей срамъ, дабы принимать деньги у мужичьихъ воротъ какъ подаяніе. Вотъ теперь уже рясу свою выжу уже за глупость, могъ бы и безъ нея обойтись, и было бы что причту раздать пообильнѣе. Но думалось: «нельзя же комиссару и безъ штановъ».

«24-го апрѣля 1837 года. Былъ осрамленъ до слезъ и до рыданій. Опять былъ на меня доносъ, и опять предстоялъ предъ онымъ губернаторскимъ правителемъ за неихожденіе со крестомъ во дворы раскольниковъ. Доносъ сдѣлавъ самимъ моимъ причтомъ. Какъ перепести сію нищость и неблагодарность! Мыслитель и администраторъ! сложи въ просвѣщенномъ умѣ своемъ, изъ чего жизнь пона русскаго сочетается. Возвращаясь домой, цѣлую дорогу сѣтовалъ на себя, что не пошелъ въ академію. Оттоль поступилъ бы въ монашество, какъ другіе; былъ бы съ лѣтами архимандритомъ, архіереемъ; ѣздилъ бы въ каретѣ, самъ бы командовалъ, а не мною бы помыкали. Суею сію злобно себя тѣшилъ, упорно воображалъ себѣ архіереемъ, но, при-

ѣхавъ домой, былъ нѣжно обласканъ попадѣей, и возблагодарилъ Бога, тако устроившаго яко же есть».

«25-го апрѣля. Былъ я осрамленъ въ губерніи; но мало въ сравненіи предъ тѣмъ, сколь дома сегодня остыжелъ, какъ школьникъ. Вчера только вписалъ я мои нотатки о моихъ скорбяхъ и недовольствахъ, а сегодня, вставъ рано, сѣлъ у окна и, размышляя о дѣлахъ своихъ и о прошедшемъ своемъ, и о будущемъ, глядѣлъ на раскрытую предъ окномъ моимъ бакшу полушищаго Пизонскаго. Прошлый годъ у него на грядахъ нѣкая дурочка Настя, обольщенная проходящимъ солдатомъ, родила младенца и сама, кинувшись въ воду, утонула. Пизонскій въ одинокой старости своей призрѣлъ сего младенца, и о семь всѣ позабыли; позабылъ и я во главѣ прочихъ. Но утромъ днесъ поглядаю свысока на землю сего Пизонскаго, да думаю о дѣлахъ своихъ, какъ вдругъ начинаю замѣчать, что эта, свѣжевзоранная черная, даже какъ бы синеватая земля, необыкновенно какъ красиво нѣжится подъ утреннимъ солнцемъ, и ходитъ по ней бороздами въ блестящемъ перѣ тощія черныя птицы и свѣжимъ червемъ подкрѣпляютъ свое голодное тѣло. Самъ же старый Пизонскій, весь съ лысой головы своей озаренный солнцемъ, стоялъ на лѣстницѣ у утвержденного на столбахъ разсадника и, имѣя въ одной рукѣ чашу съ сѣменами, другою погружалъ зерна, кладя ихъ щепотью крестообразно и глядя на небо, съ опущеніемъ каждаго зерна, взывалъ по одному слову: «Боже! устрой и умножь, и возрасти на всякую долю человѣка голоднаго и сираго, хотящаго, просящаго и производящаго, благословляющаго и неблагодарнаго», и едва онъ сіе кончилъ, какъ вдругъ всѣ ходившія по пашнѣ черныя глициевитыя птицы вскричали, закудахтали куры и запѣлъ, громко захлопавъ крыльями, горластый пѣтухъ, а съ рогожи сдвинулся тотъ, принятый симъ чудакомъ, мальчикъ, сынъ дурочки Настя; онъ дѣтски отраднo засмѣялся, руками всплескалъ и, смѣясь, поползъ по мягкой землѣ. Было мнѣ все это точно видѣнье. Старый Пизонскій былъ счастливъ и громко запѣлъ: «Аллилуія!» Аллилуія, Боже мой! запѣлъ и я себѣ отъ восторга, и умиленно заплакалъ. Въ этихъ цѣлебныхъ слезахъ я облегчилъ мои досажденія и понялъ, сколь глупа была скорбь моя, и долго послѣ дивился, какъ дивно врачуетъ природа педуги души человѣческой! Умножь и возрасти, Боже, благая на

земли на всякую долю: на хотящаго, просящаго, на произволящаго и неблагодаряго... Я никогда не встрѣчалъ такой молитвы въ печатной книгѣ. Боже мой, Боже мой! этотъ старикъ садилъ на долю вора и за него молился! Это, можетъ быть, гражданскою критикою не очищается, но это ужасно трогаетъ. О моя мягкосердечная Русь, какъ ты прекрасна!»

«6-го августа, день Преображенія Господня. Что это за прелестная такая моя попадыя Наталья Николаевна! Опять: гдѣ, кромѣ святой Руси, подобныя жены быть могутъ? Я ей говорилъ какъ-то, сколь меня трогаетъ нѣжность обѣдѣннаго Пизонскаго о дѣтяхъ, а она сейчасъ поняла или отгадала мысль мою и жалданіе: обняла меня и съ румянцемъ стыдливости, столь ей идущимъ, сказала: «Погоди, отецъ Савелій, можетъ Господь дать намъ». (Она разумѣла: дать дѣтей). Но я по обычаю, думая, что подобныя ея надежды всегда суетны и обманчивы, ни о какихъ подробностяхъ ея не спрашивать, и такъ оно и вышло, что не надо было беспокоиться. Но и изъ ложной сей тревоги вышла превосходная трогательность. Сегодня я говорить слово къ убѣжденію въ необходимости всегданняго себя преображенія, дабы силу имѣть во всѣхъ борьбахъ коваться какъ металлъ нѣкій крѣпкій и ковкій, а не плюгвиться какъ низменная глина, изсыхая, сохраняющая отпечатокъ послѣдней ноги, которая на нее наступила. Говоря сіе, увлекся нѣкоею импровизаціей и указалъ народу на стоявшаго у дверей Пизонскаго. Хотя я по имени его и не назвалъ, но сказалъ о немъ, какъ о нѣкоемъ посреди насъ стоящемъ, который, придя къ намъ нагій и всѣми глупцами осмѣянный за свое убожество, не только самъ не погибъ, но и величайшее изъ дѣлъ человеческихъ сдѣлалъ, спасая и воспитывая неоперенныхъ птенцовъ. Я сказалъ, сколь сіе сладко—согрѣвать беззащитное тѣло дѣтей и насаждать въ души ихъ сѣмена добра. Выговоривъ это, я самъ почувствовалъ мои рѣсницы омоченными и увидалъ, что и многіе изъ слушателей стали отирать глаза свои и искать очами по церкви нѣкоего, его же разумѣла душа моя, искать Котина нищаго, Котина, сирыхъ питателя. И видя, что его нѣту, ибо онъ, понявъ намекъ мой, смиренно вышелъ и ощутилъ какъ бы нѣкую священную острую боль и задыханіе, по тому случаю, что смутилъ его похвалою и

сказать:—«Итъть его, нѣтъ, братія, межъ нами! ибо ему не нужно это слабое слово мое, потому что слово любви давно огненнымъ перстомъ Божиимъ начертано въ смиренномъ его сердцѣ.—Прошу васъ,—сказать я съ поклономъ:—все вы, здѣсь собравшіеся достопочтенные и именитые сограждане, простите мнѣ, что не стратига превознесеннаго вспомнилъ я вамъ въ нашей бесѣдѣ въ образъ силы и въ подражаніе, но единаго отъ малыхъ, и если что смутитъ васъ отъ сего, то отнесите сіе къ моей малости, заже грѣшный погъ вашъ Савелій, назирая сего малаго, не разъ чувствовалъ, что самъ олъ предъ нимъ не іерей Бога вышннго, а въ ризахъ сихъ покрывающихъ мое недостоинство—гробъ поваленный. Аминь».

«Не знаю, что заключалоса умнаго и краснорѣчиваго въ простыхъ словахъ сихъ, сказанныхъ мною совершенно ех promptu, но могу сказать, что богомольцы мои нѣчто изъ сего вняли и на мою руку, когда я се подавалъ при отпускѣ, пала не одна слеза. Но это не все: важнѣйшее для меня только наступало».

«Какъ бы въ нѣкую награду за искреннее слово мое объ отрадѣ пещисъ не токмо о своихъ, но и о чужихъ дѣтяхъ, Вездѣсущій и Всенсполняющій пріялъ и мое недостоинство подъ свою десницу. Олъ открылъ мнѣ днесъ всю истинную цѣну сокровища, которымъ, по безмѣрнымъ щедротамъ Его, я владѣю, и велѣлъ мнѣ еще преобразиться въ найдовольнѣйшаго, судьбою своею, человека. Только что прихожу домой съ пяткомъ освященныхъ послѣ обѣдни яблокъ, какъ на порогѣ ожидаетъ меня встрѣча съ нѣкоторою довольно старою знакомкой: то сама попадаья моя Наталья Николаевна, выкравшись тихо изъ церкви, во время отпуска, приготовила мнѣ, по обычаю, чай съ легкимъ фринтикомъ и стоитъ стюпочкой на порогѣ, но стоитъ не съ пустыми руками, а съ букетомъ изъ рѣчной лилеи и садоваго левкоя. «Ну еще ли не коварная послѣ этого ты женщина, Наталы Николаевна!» сказалъ я, никогда прежде сего се коварствомъ не укорявши. Но она столь умна, что нимало этимъ не обидѣлась: она поняла, что сіе шуткой сказано и, обнявъ меня, только тихо, но прегорько заплакала. Чего эти слезы?—сіе ея тайна, но для меня не таинственна сія твоя тайна, жена добрая, и не знающая, чѣмъ утѣшать мужа своего, а утѣхи Израилевой, Веніамина малаго, дать

ему лишняя. Да, только рѣчною лилеею и садовымъ левкомъ встрѣтило меня въ этотъ день ея отверстое въ любви и благоволеніи сердце! Въ тихой грусти, двое бездѣтные, сѣли мы за чай, но былъ то не чай, а слезы наши растворялись намъ въ питье, и незамѣтно для себя мы оба заплакали, и оборучь пали мы лицъ предъ образомъ Спаса, и много, и жарко молились Ему объ утѣхѣ Израилевой. Наташа послѣ открылась, что она какъ бы слышала нѣкое обѣтованіе чрезъ ангела, и я хотя пошмалъ, что это плодъ ея доброй фантазіи, но оба мы стали радостны какъ дѣти. Замѣчу, однако, что и въ семь настроеніи Наталья Николаевна значительно меня, грубаго мужчину, превосходила какъ въ ума сообразительности, такъ и въ достоинствѣ возвышенныхъ чувствъ.

«— Скажи мнѣ, отецъ Савелій,—приступила она ко мнѣ, добродушно ласкалочись:—скажи, дружокъ: не былъ ли ты когда-нибудь, прежде чѣмъ нашель меня, противъ цѣломудренной заповѣди грѣшенъ?»

«Такой вопросъ, откровенно долженъ признаться, крайню смутить меня, ибо я вдругъ сталъ понимать, къ чему моя негодившая женка у меня такое ей несоотвѣтственное выпытываетъ.

«Но она со всею своею превосходною скромностью и со всею съ этою женскою кокетеріей, которую хоти и попадай, но отъ природы унаслѣдовала, вдругъ и взаправду коварно начала меня обольщать воспоминаніями минувшей моей юности, напоминая, что тому, о чемъ она намекнула, не трудно было стать, ибо былъ будто бы я столь собою пригожъ, что когда пріѣхать къ ея отцу въ городъ Фатекъ на ней свататься, то всѣ дѣвицы не только духовныя, но даже и свѣскія по мнѣ вздыхали! Сколь сіе ни забавно, однако я старался разсѣять всякія сомнѣнія насчетъ своей юности, что мнѣ и не трудно, ибо безъ лжи въ семь имѣю оправданіе. Но чѣмъ я тверже ее успокоивалъ, тѣмъ она болѣе приунывала, и я не постигалъ, отчего оправданія мои ее нимало не радовали, а напротивъ, все болѣе какъ будто печалили, и наконецъ она сказала:

«— Нѣтъ ты, отецъ Савелій, вспомни, можетъ быть, когда ты былъ легкомысленъ... то нѣтъ ли гдѣ какого сиротки?»

«Тутъ уже я, что она сказать хочетъ, уразумѣлъ и понималъ, къ чему она все это вела и чего она сказать сты-

дится; это она тщится отыскать мое незаконное дитя, котораго нѣтъ у меня! Какое благодуніе! Я, как ужаленный слѣпнемъ воль, сорвался съ своего мѣста, бросился къ окну и вперилъ глаза мои въ небесную даль, чтобы даль одна видѣла меня, столь превзойденнаго моею женой въ добротѣ и попеченіи. Но и она, моя лилейная и левкойная подруга, моя роза бѣлая, непорочная, благоуханная и добрая, и она снялась вслѣдъ за мною; поступью легкою ко мнѣ сзади подкралась и, положивъ на плечи мнѣ свои малыя лапки, сказала:

«— Вспомни, голубь мой: можетъ быть гдѣ-нибудь есть тотъ голубенокъ, и, если есть, пойдемъ и возьмемъ его!

«Мало что она его хочетъ отыскивать, она его уже любить и жалѣть какъ неопереннаго голубенка! Этого я уже ве снесъ и, закусивъ зубами бороду свою, палъ предъ ней на колѣни и, поклонясь ей до земли, зарыдалъ тѣмъ рыданіемъ, которому нѣтъ на свѣтѣ описанія. Да и вправду, повѣдайте мнѣ времена и народы, гдѣ, кромѣ святой Руси нашей, рождаются такія женщины, какъ сія добродѣтель? Кто ее всему этому училъ? Кто ее воспитывалъ, кромѣ Тебя, Всеблагій Боже, Который далъ ее недостойному изъ слугъ Твоихъ, дабы онъ могъ ближе ощущать Твое величіе и благодать».

Здѣсь въ дневникѣ отца Савелія почти цѣлая страница была залита чернилами и внизу этого чернильнаго пятна начертаны слѣдующія строки:

«Ни пятна сего не выведу, ни нѣкоей нескладицы и тождесловія, которыя въ послѣднихъ строкахъ замѣчаю, не исправлю: пусть все такъ и остается, ибо все, чѣмъ сія минута для меня обильна, мило мнѣ въ настоящемъ своемъ видѣ, и таковымъ должно сохраниться. Попады моя не унялась сегодня проказничать, хотя теперь уже двѣнадцатый часъ ночи, и хотя она за обычай всегда въ это время спать, и хотя я это и люблю, чтобы она къ полуночи всегда спала, ибо ей то здорово, а я люблю слегка освѣжать себя въ ночной тишинѣ какимъ удобно чтеніемъ, а иною порой пишу свои нотатки, и нерѣдко, пописавъ нѣсколько, подхожу къ ней спящей и спящую ее цѣлую, и если чѣмъ огорченъ, то въ семь отрадномъ поцѣлуѣ почерпая снова бодрость и силу, и тогда засыпаю покойно. Днесъ же я вель себя до сей поры нѣсколько иначе. По семь днѣ,

повергавшемъ меня всѣми ощущеніями въ непрерывное разнообразіе, я столь былъ увлеченъ описаніемъ того, что мою выше описано, что чувствовалъ плохую жѣнку мою въ душѣ моей, и поелнко душа моя лобзала ее, я не вздумалъ ни однажды подойти къ ней и поцѣловать ее. Но она, тонкая сія лукавица, замѣтивъ сіе мое уиущеніе, поправила оное съ невѣроятною оригинальностью: часть тому назадъ пришла она, положила мнѣ на столъ посовой платокъ чистый и, поцѣловавъ меня, какъ бы и путная, удалилась ко сну. Но что же, однако, за непостижимыя хитрости женскія за ней оказываются! Вдругъ, пресерьезнѣйше пишучи, вижу я, что мой платокъ какъ бы движется и внезапно падаетъ на полъ. Я нагнулся, положилъ его снова на столъ и снова занялся писаніемъ; но платокъ опять уналъ на полъ. Я его положилъ на колѣни мои, а онъ и оттолъ падаетъ. Тогда я взялъ сего непокорнаго, да прикрѣпилъ его, подложивъ немного подъ чернильницу, а онъ, однако, и оттуда убѣжалъ и даже увлекъ съ собою и самую чернильницу, опрокинулъ ее и календарь мой смѣлъ изряднымъ пятномъ изукрасилъ. Что же сіе полотняное бѣгство означаетъ? означаетъ оно то, что понады моя выходитъ наипервѣйшая кокетка, да еще къ тому и рѣдкостная, потому что не съ добрыми людьми, а съ мужемъ кокетничаетъ. Я ужъ ее сегодня вечеромъ въ этомъ упрекнулъ, когда она, улыбаячнсь, предо мною сидѣла на окошечкѣ и сожалѣла, что она романсовъ нѣтъ не умѣетъ, а она какую теперь штуку измыслила и приправила! Взяла къ этому платку, что мнѣ положила, поднося его мнѣ, потасенно прикрѣпила весьма длинную нитку, протянула ее подъ дверь къ себѣ на постель и, лежачи на поколѣ, платокъ мой у меня изъ-подъ рукъ изволить, шая, подергивать. И я, толстоносый, потому это только открылъ, что съ послѣднимъ паденіемъ платка ея тихій и радостный хохотъ раздался, и потомъ за дверью ея босыя ножонки затоптали. Напрокудила, да и плюхъ въ постель. Пошелъ, цѣловалъ ее безъ мѣры, но ушелъ опять, чтобы занотовать себѣ всю прелесть жены моей подъ свѣжими чувствами».

«7-го августа. Всю ночь прошедшую не спалъ отъ избытка моего счастья, и не солгу, если прибавлю, что также и Наташа не мало сему бодрствованію способствовала. Словно влюбленные подъ Пегровъ день солнце караулятъ,

такъ и мы съ нею послѣ пятилѣтняго брака своего сегоднѣшняго солнца дождались, сиди подѣ окномъ своимъ. Призналась голубка, что она и весьма часто этакъ не спитъ, когда я пишу, а только спящею притворится, да и во многомъ другомъ призналась. Призналась, что вчера въ церкви, слушая мое слово, которое ей почему-то столь много понравилось, она дала обѣтъ идти пѣшкомъ въ Кіевъ, если только почувствуетъ себя въ тягости. Я этого не одобрилъ, потому что такой переходъ беременной не совсѣмъ въ силу; но обѣтъ исполнить ей разрешилъ, потому что при такой радости, разумѣется, и самъ тогда съ нею пойду, и гдѣ она уставать станетъ, я понесу ее. Дѣлали сему опытъ: я долго носилъ ее на рукахъ моихъ по саду, мечтая, какъ бы она уже была беременная и я ее охраняю, дабы не случилось съ ней отъ ходьбы какого несчастія. Столь этою мыслью желанною увлекаюсь, что, увидѣвъ, какъ Наташа, шла, сѣла на качели, кон кухаркина дѣвочка подѣ яблонью подцѣпила, я даже спялъ тѣ качели, чтобы сего впередъ не случилось, и паверхъ яблони закинулъ съ величайшимъ опасеніемъ, чему Наташа очень много смѣялась. Однако, хотя жизнь моя и не изобилуетъ венцами, тщательной секретности требующими, но все-таки хорошо, что хозяйнѣ домика нашего обнесъ свой садикъ добрымъ заборцемъ, а Господь обрастилъ этотъ заборъ густою малиной, а то, пожалуй, иной сказалъ бы, что пона Савелія не грѣхъ подчасъ назвать и скоморохомъ».

«9-го августа. Заночу пренотѣнное событіе, о чемъ моя жена съ дьяконовымъ сыномъ-риторомъ вела сегодня не только разговоръ, но даже и споръ. Это поистинѣ и казусъ, и комедія. Спорили о томъ: *Кто умнѣе?* Риторъ говоритъ, что всѣхъ умнѣе былъ Соломонъ, а моя понады утверждаетъ, что я, и должно сознаться, что на сей разъ роскошный царь Сіона имѣлъ адвоката гораздо менѣе стойкаго, чѣмъ я. Охъ, сколь же я смѣялся! И скажите, сдѣлайте ваше одолженіе, что на свѣтѣ бываетъ! Я все это слышалъ изъ спальни, послѣ обѣда отдыхая, и проснувшись, уже не рѣшился прерывать ихъ диспута, а они одинъ другого поражали: оный риторъ, стоя за разумъ Соломона, подкрѣпляетъ свое мнѣніе словами Писанія, что «Соломонъ бѣ мудрѣйшій изъ всѣхъ на земли сущихъ», а моя благовѣрная поразила его особымъ манеромъ: «Нечего, нечего,

говорить, вамъ мнѣ ткать это ваше *бъ*, да *рече*, да *пече*; это, ваше *бъ*, говорить, ничего не значить, потому что оно еще тогда было писано, когда отецъ Савелій еще не родился». Тутъ въ сей дискурсъ вмѣшался еще слушавшій сей споръ ихъ никитскій священникъ, отецъ Захарія Бенефактовъ, и онъ завершилъ все сіе, подтвердивъ слова жены моея, что «это правда», то-есть «правда» въ разсужденіи того, что меня тогда не было. Итакъ вышли всѣ ея три критика какъ есть правы. Не правъ остался одинъ я, къ которому всѣ ихъ критическія мнѣнія поступили на антикритику: впервые огорчилъ я мою Наташу, отвергнувъ ея мнѣніе насчетъ того, что я всѣхъ умнѣе, и на вопросъ ея, кто меня умнѣе? отвѣчалъ, что *она*. Намотчайнѣйшій отпоръ въ семь получили, какимъ только истина одна отвергаться можетъ: «Умные, говорить, обо всемъ разсуждаютъ, а я ни о чемъ судить не могу и никогда не разсуждаю. Отчего же это?» На сіе я ее тихо тронулъ за ея маленькій носъ и отвѣчалъ: «Это оттого ты не смѣшишь мѣшать разсужденіемъ, что у тебя вмѣсто строптиваго носа сія смиренная пуговица на этомъ мѣстѣ посажена». Но, однако, она и сіе поняла, что я хотѣлъ выразить этою шуткой, намекая на ея кротость, и попробовала и это въ себѣ опорочить, напомнивъ въ себѣ цѣли, какъ она однажды руками билась съ почтмейстершей, отнимая у нея служащую дѣвочку, которую та сурово наказывала».

«10-го августа, утро. Пришла мнѣ какая мысль сегодня въ постели! Рецента хочу цѣлкій издать для всѣхъ несчастливыхъ паръ какъ всеобщаго званія, такъ и наипаче духовныхъ, поелику намъ домашнее счастье наипаче необходимѣе. Говорятъ иносказательно, что наилучшее, чтобы женщина ходила съ водой противъ мужчины, ходящаго съ огнемъ, то-есть дабы, если онъ съ пылкостью, то она была бы съ кротостью, но все это по-моему еще не ясно и притомъ слишкомъ много толкованій допускаетъ; а я, глядя на себя съ Натальей Николаевной, рѣшаюсь вывести, что и наивѣрнѣйшее средство ладить—сіе пусть считаютъ другъ друга умнѣе другъ друга и оба тогда будутъ одинъ другого умнѣй. «Другъ, другъ, друга!» Эко какъ безнодобно выражаюсь! Но, впрочемъ, настоящему мечтателю такъ и подобаетъ говорить безъ толку».

«15-го августа. Успеніе Пресвятыи Богородицы. Однако,

въ то самое время, какъ я восторгался женой моею, я и не замѣтилъ, что тронувшее Наталку слово мое на Преображенъевъ день другихъ тронуло совершенно въ другую сторону, и я посѣялъ противъ себя вовсе нежеланное неудовольствіе въ нѣкоторыхъ лицахъ въ городѣ. Богомольцы мои, конечно не всѣ, а нѣкоторые, конечно, и впередъ всѣхъ почтмейстера Тимонова, обидѣлись, что я унизилъ ихъ намекомъ на Пизонскаго. Но все это вздоръ умовъ пустыхъ и вздорныхъ. Конечно, все это благополучно на самолюбихъ ихъ благородіи, какъ раны на песьей шкурѣ, такъ и присохнутъ».

«3-го сентября. Я сдѣлалъ значительную ошибку: нѣтъ, совсѣмъ этой неосторожности не конецъ. Изъ консисторіи полученъ запросъ: дѣйствительно ли я говорилъ импровизаціей проповѣдь съ указаніемъ на живое лицо? Ахъ, сколь у насъ вездѣ всего живого боятся! Что жъ, я такъ и отвѣчалъ, что говорилъ именно вотъ какъ и вотъ что. Думаю, не повѣсятъ же меня за это и головы не снимутъ, а между тѣмъ противъ воли смутно, и спокойствіе улетѣло».

«20-го октября. Все конечно, правда, что головы не снимутъ, но ротъ заткнуть могутъ, и сдѣлать сего не преминули. 15-го же сентября я былъ вызванъ для объясненія. Одна свѣдѣнность сія сама по себѣ уже не много добраго предвѣщала, ибо на добро у насъ люди не торопливы, а власти тѣмъ паче, но, однако, я ѣхалъ храбро. Храбрость сія была охлаждена сначала тридцати-шести-дневнымъ сидѣніемъ на ухѣ безъ рыбы, въ ожиданіи объясненія, а потомъ приказаніемъ, все, что впередъ пожелаю сказать, присылать предварительно цензору Троадію. Но этого никогда не будетъ, и зато я буду нѣмъ яко рыба. Прости, Вседержитель, мою гордыню, но я не могу съ холодною безстрастною совершать дѣло проповѣди. Я ощущаю порой нѣчто на меня сходящее, когда любимый даръ мой ищетъ дѣйствія; мною тогда овладѣваетъ нѣкое, позволяю себѣ сказать, священное безпокойство; душа трепещетъ и горитъ и слово падаетъ изъ устъ, какъ уголь горящій. Нѣтъ, тогда въ душѣ моей есть свой законъ цензуры!.. А они требуютъ, чтобъ я, вмѣсто живой рѣчи, направляемой отъ души къ душѣ, дѣлалъ риторическія упражненія, и сними отцу Троадію доставлялъ удовольствіе чувствовать, что въ церкви минули дни Могилы, Ростовскаго Димитрія, и другихъ свѣ-

тивъ свѣтлыхъ, а настали иныя, когда не умѣйшии слабѣйшаго въ разумѣ наставляегь, а обратно, дабы симъ уму и чувству человѣческому поругаться. Я сей дорогой не ходокъ.

«Нѣтъ, я противъ сего бунтливъ, и лучше сомкните вы, мои нелъстивыя уста, и смолкни ты, мое безхитростное слово, но я изъ-подъ неволи не проповѣдникъ».

«23-го ноября. Однако, не могу сказать, чтобы жизнь моя была уже совсѣмъ обижена разнообразіемъ. Напротивъ, все идетъ впережку, такъ что даже и интересъ ни на минуту не ослабѣваетъ: то оболгутъ добрые люди, то начальство потреплетъ, то Троядію скорбноглавому въ науку меня назначать, то увлекусь ласками попады моей, то замечтаюсь до самолюбія, а время въ семь все идетъ да идетъ, и къ смерти все ближе да ближе. Еще не все! Еще не всѣ послѣдствія моей злополучной преображенской проповѣди совершились. У насъ, въ восемнадцати верстахъ отъ города, на берегу нашей же рѣки Турицы, въ обширномъ селѣ Плодомасовѣ, живетъ владѣлица сего ссла, боярыня Марѳа Андревна Плодомасова. Сія кочерга столь стараго лѣса, что уже и признаковъ жизни ея издавна никакихъ не замѣчается, а извѣстно только по старымъ памятямъ, что она женщина весьма немалаго духа. Она и великой императрицѣ Екатеринѣ знаема была, и Александръ императоръ, поговоривъ съ нею, находилъ необременительною для себя эту ея бесѣду; а наиболѣе всего она извѣстна въ народѣ тѣмъ, какъ она въ молодыхъ лѣтахъ своихъ одна съ Пугачевымъ сражалась и нашла, какъ себя отъ этого мерзкаго звѣря защитить. Еще же о чемъ, ежели на ея счетъ вспоминаютъ, то это еще повтореніе о ней различныхъ оригинальныхъ анекдотовъ о ея свиданіяхъ съ посѣщавшими ее губернаторами, чиновниками, а также, въ двѣнадцатомъ году, съ плѣнными французами; но все это относится къ области ея минувшаго вѣка. Нынѣ же про нее забыли, и если когда рѣчь ея особы коснется, то думаютъ, что и она сама уже всѣхъ забыла. Лѣтъ двадцать уже никто изъ стороннихъ людей не можетъ похвастаться, что онъ боярыню Плодомасову видѣлъ.

«Третьяго дня, часу въ двѣнадцатомъ пополудни, я былъ несказанно изумленъ, увидѣвъ подѣзжающія ко мнѣ большія господскія дрожки тройкой большихъ рыжихъ коней, а

на тѣхъ дрожкахъ нарочито небольшого человѣчка, въ картузѣ ворсинстой, шляпной матеріи, съ длиннымъ козыремъ и въ коричневой шинели съ множествомъ однихъ надъ другимъ набранныхъ капюшончиковъ и пелеринъ.

«Что бы сіе, думаю, за невѣдомая особа, да и ко мнѣ ли она ѣдетъ, или только ошибкой править на меня путь свой?»

«Размысленія эти мои, однакоже, были скоро разрушены самою сею загадочною особою, вошедшею въ мою залу съ презыщною благопристойностью, которая всегда мнѣ столь нравится. Прежде всего гость попросилъ моего благословенія, а затѣмъ, шаркнувъ своею чрезвычайно маленькою подошмой по полу и отступивъ съ поклономъ два шага назадъ, преговорилъ: «госпожа моя, Марѳа Андревна Плодомасова, приказали мнѣ, отецъ іерей, вамъ кланяться и просить васъ немедленно со мною къ нимъ пожаловать.»

«— Въ свою очередь, говорю, позвольте мнѣ, сударь, узнать, чрезъ кого я имѣю честь все это слышать?»

«— А я, — отвѣчаетъ оный малютка: — емь брѣвостной человѣкъ ея превосходительства Марѳы Андревны, Николай Аванасьевъ, — и, такимъ образомъ мнѣ отрекомендовавшись, сія крошечная особа при семъ снова напомнила мнѣ, что госпожа его меня ожидаетъ.»

«— По какому дѣлу, говорю, — не знаете ли?»

«— Ея господской воли, батюшка, я, рабъ ея, знать не могу, — отвѣчалъ карла, и симъ скромнымъ отвѣтомъ на мой несообразный вопросъ до того меня сконфузилъ, что я даже началъ предъ нимъ изворачиваться, будто я спрашивалъ его вовсе не въ томъ смыслѣ. Спасибо ему, что онъ не сталъ меня допрашивать: въ какомъ бы то еще въ иномъ смыслѣ таковой вопросъ могъ быть сдѣланъ.»

«Пока я въ смежной комнатѣ одѣвался, сей интересный карликъ вступилъ въ собесѣдованіе съ Наташей и совсѣмъ увлекъ и восхитилъ ее своими рѣчами. Дѣйствительно, и въ словахъ, да и въ самомъ говорѣ сего крошечнаго старичка есть нѣчто невыразимо милое и ко всему сему благодарство и ласковость. Служанкѣ, которая подала ему стаканъ воды, онъ положилъ на подносъ двугривенный, и когда сія взятъ эти деньги сомнѣвалась, онъ самъ сконфузился и заговорилъ: «нѣтъ, матушка, не обидьте, это у меня такая привычка»; а когда попадья моя вышла ко мнѣ, чтобы волосы мнѣ напомадить, онъ взялъ на руки случив-

шуюся здѣсь за матерью замарашку-дѣвочку кухаркину и говорить:—«Слушай, какъ вошь уточки на бережку разговариваютъ. Уточка-франтиха говоритъ селезню-kozyрю: купи коты, купи коты! а селезень отвѣчаетъ: заказалъ, заказалъ!» И дити разсмѣялось, да и я тоже сему сочиненію словесному птичьяго разговора невольно улыбнулся. Это хотя бы даже господину Лафонтену или Ивану Крылову впору. Дорогу не замѣтилъ, какъ и прошла въ разговорахъ съ этимъ пречудеснымъ карлой: столь много ума, чистоты и здравости нашель во всѣхъ его разсужденіяхъ.

«Но теперь самое главное: наступалъ часъ свиданія моего съ одинокою боярыней.

«Не малое для меня удивленіе составляетъ, что, при приближеніи сего свиданія, я, отъ природы моею не робкій, ощущалъ въ себѣ нѣчто въ родѣ небольшой робости. Николай Аванасычъ, проведя меня черезъ рядъ съ поразительною для меня пышностью и крайнею чистотой содержимыхъ покоевъ, ввелъ меня въ круглую комнату съ двумя рядами оконъ, изукрашенныхъ въ полукругахъ цвѣтными стеклами; здѣсь мы нашли старушку немпогимъ чѣмъ побольше Николаю. При входѣ нашемъ она стояла и вертѣла ручку большого органа, и я уже чуть было не принялъ ее за самую оригиналку-боярыню и чуть ей не раскланялся. Но она, увидѣвъ насъ, неслышно вопедшихъ по устилающимъ покои пуниснымъ коврамъ, немедленно прильвеніи палкетъ оставила свою музыку и бросилась съ нѣсколько звѣривою, проворною ухваткой въ смежный покой, двери коего завѣшаны большою занавѣсью бѣлаго атласа, по которому вышиты цвѣтными шелкамъ разныя китайскія фигурки.

«Эта женщина, скрывшася съ такою поспѣшностью за занавѣсь, какъ я послѣ узналъ, родная сестра Николаю и тоже карлица, но лишенная пріятности, имѣющей въ проткой наружности ея брата.

«Николай тоже скрылся вслѣдъ за сестрою подъ ту же самую занавѣсь, а мнѣ указалъ дожидаться на креслѣ. Тутъ-то вотъ, въ теченіе времени, дившагося за симъ около получаса, я и почувствовалъ нѣкую смугу во рту, столь знакомую мнѣ по бывшимъ ощущеніямъ въ дѣтствѣ во время экзаменовъ. Но, наконецъ, насталъ и сему конецъ. За тою же самую занавѣсью я услышалъ такіа слова:

«А ну, покажи-ка мнѣ этого умнаго поца, который, я слышала, пріобыкъ правду говорить?» И съ симъ занавѣсь, какъ бы мановеніемъ чародѣйскимъ, на невидимыхъ шнурахъ распахнулась, и я увидаль предъ собою самую боярыню Плодомасову. Голось ея, который я предъ симъ только что слышаль, уже достаточно противорѣчилъ моему мнѣнію о ея дряхлости, а видъ ея противорѣчилъ сему и еще того болѣе. Боярыня стояла предо мной въ силѣ, которой, казалось, какъ бы и конца быть не можетъ. Ростомъ она не велика и не дородна особенно, но какъ бы падъ всѣмъ будго царствуетъ. Лицо ея хранить выраженіе большой строгости и правды и, судя по чертамъ, надо полагать, нѣкогда было прекрасно. Костюмъ ея довольно странный и нынѣшнему времени несоотвѣтственный: вся голова ея тщательно увита въ нѣсколько разъ большою коричневою шалью, какъ у туркини. Далѣе на ней, какъ бы сказать, какой-то суконный казакинъ свѣтлаго цвѣта; потомъ подъ этимъ казакиномъ юбка аксамитная, ярко-оранжевая и желтые сапожки на высокихъ серебряныхъ каблучкахъ, а въ рукѣ палочка съ аметистовымъ набалдашникомъ. Съ одного боку ея стоялъ Николай Аванасьевичъ, съ другой—Марья Аванасьевна, а сзади ея—сельскій священникъ, отецъ Алексѣй, по ея назначенію посвященный изъ ея на волю пущенныхъ крѣпостныхъ.

«— Здравствуй! — сказала она мнѣ, головы нимало не наклоняя, и добавила:—Я тебя рада видѣть.

«Я въ отвѣтъ на это ей поклонился и, кажется, даже и съ изрядною неловкостью поклонился.

«— Поди же, благослови меня,—сказала она.

«Я подошелъ и благословилъ ее, а она взяла и поцѣловала мою руку, чего я всячески намѣренъ былъ уклониться.

«— Не дергай руки,—сказала она, сіе замѣтивъ.—Это не твою руку я цѣлую, а твоего сана. Садись теперь и давай немножко познакомимся.

«Сѣли мы: она, я и отецъ Алексѣй, а карлики возлѣ ея стали.

«— Мнѣ говорилъ отецъ Алексѣй, что ты даромъ проповѣди и хорошимъ умомъ обладаешь. Онъ самъ въ этомъ ничего не смыслить, а, вѣрно, отъ людей слышаль, а я ужъ давно умныхъ людей не видала, и вотъ захотѣла со скуки на тебя посмотреть. Ты за это на старуху не сердись.

«Я мѣшался въ отвѣтахъ и, вѣроятно, весьма мало отвѣчалъ тому, что ей объ умѣ моемъ было сказано, но она, къ счастью, приступила къ разспросамъ, на которые мнѣ пришлось отвѣчать.

«— Тебя, говорятъ, раскольниковъ учить прислали?— такъ она начала.

«— Да, говорю, между прочимъ, имѣлась въ виду и такая цѣль въ моей посылкѣ.

«— Полагаю, говоритъ, бесполезное это дѣло: дураковъ учить— все равно, что мертвыхъ лѣчить.

«Я не помню, какими точно словами отвѣчалъ, что по совѣсѣмъ всѣхъ раскольниковъ глупыми понимаю.

«— Что жъ ты, умными ихъ почитая, сколько усилъ ихъ на путь наставить?

«— Немало, говорю, еще не могу усилкомъ похвастать, но тому есть причины.

«*Она.* О какихъ ты говоришь причинахъ?

«*Я.* Способъ дѣйствія съ ними несоотвѣтственный, а зло растетъ черезъ ту шатость, которую они видятъ въ церковномъ обществѣ и въ самомъ духовенствѣ.

«*Она.* Ну, зло-то, какое въ нихъ зло? Такъ себѣ, дурачки Божіи, тѣмъ грѣшны, что книгъ начитались.

«*Я.* А православный алтарь все-таки страждетъ на этомъ распаденіи.

«*Она.* А вы бы этому алтарю-то повѣрише служили, а не оборачивали бы его въ лавочку, такъ отъ васъ бы и отпаденій не было. А то вы нынѣ всею благодатью, какъ сукномъ, торгуете.

«Я промолчалъ.

«*Она.* Ты женатъ или вдовъ? »

«*Я.* Женатъ.

«*Она.* Ну, если Богъ благословитъ дѣтьми, то зови меня кумой: я къ тебѣ пойду крестить. Сама не пойду: вонъ ее, карлицу свою, пошлю, а если сюда дитя привезешь, такъ и сама подержу.

«И опять поблагодарилъ и, чтобы разговориться, спрашиваю:

«— Ваше превосходительство, вѣрно, изволите любить дѣтей?

«— Кто же, говоритъ, путный человѣкъ дѣтей не любить? Ихъ есть царствіе Божіе.

«— А вы давно однѣ изволите жить?»

«*Она.* Одна, отецъ, одна, и давно я одна,—проговорила она, вздохнувъ.

«*Я.* Одиночество это часто довольно тягостно.

«*Она.* Что это?»

«*Я.* Одиночество.

«*Она.* А ты развѣ не одинокъ?»

«*Я.* Какимъ же образомъ я одинокъ, когда у меня есть жена?»

«*Она.* Что жъ, развѣ твоя жена все понимаетъ, чѣмъ ты, какъ умный человекъ, можешь поскорбѣть и поболѣть?»

«*Я.* Я женой моею счастливъ и люблю ее.

«*Она.* Любишь? Но ты ее любишь сердцемъ, а мыслями души все-таки одинокъ стоишь. Не жалѣй меня, что я одинока: всякъ, братъ, кто въ семьѣ дальше братняго носа смотритъ, и между своими одинокимъ себя увидитъ. У меня тоже сынъ есть, но ужъ я его третій годъ не видала, знать, ему скучно со мною.

«*Я.* Гдѣ же теперь вашъ сынъ?»

«*Она.* Въ Польшѣ мой сынъ полкомъ командуетъ.

«*Я.* Это доблестное дѣло враговъ отчизны смирять.

«*Она.* Не знаю я, сколько въ этомъ доблести, что мы съ этими полячишками о-сю пору возимся, а по-моему вдвое больше въ этомъ меледы.

«*Я.* Справимся-съ, придетъ время.

«*Она.* Никогда оно не придетъ, потому что оно ужъ ушло, а мы все какъ куликъ въ болотѣ стояли: и носъ дологъ, и хвостъ дологъ: носъ вытащимъ — хвостъ завязнетъ, хвостъ вытащимъ — носъ завязнетъ. Перекачиваемся, да дураковъ тѣшимъ: то поляковъ нагайками потчуемъ, то у ихъ хитрихъ-полячекъ ручки цѣлуемъ; это грѣшно и мерзко такъ людей портить.

«— А все же, говорю, войска наши тамъ, по крайней мѣрѣ, удерживаютъ поляковъ, чтобъ они намъ не вредили.

«— Ни отъ чего они ихъ, — отвѣчаетъ, — не удерживаютъ; да и намъ тѣ поляки не страшны бы, когда бъ мы сами другъ друга ѣсть обѣщанья не сдѣлали.

«— Это, — говорю, — осужденіе вашего превосходительства, кажется, какъ бы нѣсколько излишне сурово.

«*Она.* Ничего нѣтъ въ правдѣ излишне суроваго.

«— Вы же, — говорю, — сами, вѣроятно, изволите помнить

двѣнадцатый годъ: сколько тогда на Руси единопущія явлено.

«*Она.* Какъ же, какъ мнѣ не помнѣть: я сама вотъ изъ этого самаго огна глядѣла, какъ наши казачици моихъ мужиковъ колотили и мои амбары грабили.

«— Чтѣ жѣ, это,—говорю,—можетъ-быть, что такой случай и случился, я казачьей репутаціи нимало не защищаю, но все же мы себя героически отстояли отъ того, предъ кѣмъ вся Европа ницъ простертою лежала.

«*Она.* Да, удалось, какъ Богъ да морозъ намъ помогли, такъ мы и отстояли.

«Отзывъ сей, сколь пренебрежительный, столь же и несправедливый, подѣйствовалъ на меня такъ непріятно, что я, даже не скрывая сей непріятности, возразилъ:

«— Неужто же, государыня моя, въ вѣнечѣ мнѣи все въ Россіи только случайностями едиными и происходитъ? Дайте,—говорю,—разъ случаяю и два случаяю, а хоть въ третье ужъ кнѣзѣ нѣчто уму и народнымъ доблестямъ предводителѣй.

«— Все, отецъ, случай, и во всемъ, что сего государства касается, окромѣ Божіей воли, мнѣ доселѣ видится только одинъ случайности. Прихлоннули бы твои раскольники Петрушу-воителя, такъ и сидѣли бы мы на своей хваленной землѣ до сихъ поръ не государствомъ великимъ, а въ родѣ какихъ-нибудь толстогубыхъ турецкихъ болгаръ, да у самихъ бы этихъ поляковъ руки цѣловали. За одно намъ хвала — что много насъ: не скоро поѣдимъ другъ друга; вотъ этотъ случай намъ хорошая заручка.

«— Грустно,—говорю.

«— А ты не грусти: чужія земли похвалою стоять, а наша и хайкой крѣпка будетъ. Да намъ съ тобою и говорить довольно, а то я ужъ устала. Прощай; а если чтѣ худое случится, то приѣзди, пожалуѣйся. Ты не смотри на меня, что я такой грибъ лафертовскій: грибы-то и въ лѣсу живутъ, а и по городамъ про нихъ знаютъ. А что если на тебя нападаютъ, то ты этому радуѣйся; если бы ты льстивъ, или глупъ былъ, такъ на тебя не напали, а хвалили бы и другимъ въ примѣръ ставили.

«Проговоривъ эти слова, она оборотилась къ карлицѣ, державшей во все время нашего разговора въ рукахъ сверточекъ, и, передавая оный мнѣ, сказала:

«— Отдай вотъ это отъ меня своей попадѣ, это здѣсь корольки съ моей шеи; два отрѣза на платье, да холстъ для домашняго обихода, а это тебѣ отъ меня алмаantinный перстень.

«Подарокъ этотъ, предложенный хотя во всей простотѣ, все-таки меня нѣсколько смутилъ, и я, глядя на нити коралловъ и на шелковыя матеріи, и на ярко горящій алмаantinъ, сказалъ:

«— Государыня моя! Очень благодарю васъ за столь местное ваше къ намъ вниманіе; но вещи сіи столь великолѣпны, а жена моя женщина столь простая...

«— Что жъ,—перебила меня она:—тѣмъ и лучше, что у тебя простая жена; а гдѣ и на мужѣ, и на женѣ, на обоихъ, платья надѣты, тамъ не бывать проку. Наилучшее дѣло, если баба въ своей женской исподничкѣ ходитъ, и ты вотъ ей за то на исподницы отъ меня это и отвези. Бабы любятъ подарки, а я дарить люблю. Бери же и поѣзжай съ Богомъ.

«Вотъ этимъ она и весь разговоръ свой со мною окончила и, признаюсь, несказанно меня удивила. По нѣкоей привычкѣ къ логичности, идучи обратно домой и пользуясь молчаливостью того же Николая Авалпасевича, взявшагося быть моимъ провожатымъ, я старался себѣ уяснить, что за сепсь моральный все это, что ею говорено, въ себѣ заключаетъ? И не нашелъ я тутъ никакой логической связи, либо весьма мало ея отыскивалъ, а только все лишь какіе-то обрывки мыслей встрѣчалъ; но такіе обрывки, что невольнo ихъ помнишь, да и забыть едва ли сумѣешь. Уповаю, не лгутъ тѣ, кои называли сію бабу, въ свое время, весьма мозговитою. А главное, что меня въ удивленіе приводитъ, такъ это моя предъ нею несладкость, и чему сіе приписать, что я, какъ бы оробѣвъ сначала, примкнулъ языкъ мой къ гортани, и если о чемъ заговаривалъ, то все это выходило весьма скудоумное, а она разговоръ, словно на смѣхъ мнѣ, поворачивала съ прихотливостью, и когда я заботился, какъ бы мнѣ репрезентоватьсѣ умнѣе, дабы хотя слишкомъ грубо ее въ себѣ не разочаровать, она совершенно объ этомъ небрегла и словъ своихъ, очевидно, не подготавливала, а и моего ума не испытывала, и вышла межъ тѣмъ таковою, что я ее позабыть не въ состояніи. Въ чемъ эта сила ея заключается? Полагаю, въ томъ образованіи

свѣтскомъ, которымъ небрегутъ наши воспитатели духовные, часто въ послѣдствіи отнимая чрезъ это лишніе у насъ самонесободимѣйшую находчивость и ловкость въ обращеніи со свѣтскими особами.

«Но дню сему было опредѣлено этимъ не окончиться, а суждено, видно, ому было заключиться еще новымъ курьезомъ. Первая радость простодушной Натаніи моей по случаю подарковъ не усилила меня достаточно потѣшить, какъ началъ свои подарки представлять намъ этотъ достопочтеннѣйшій и сразу все мое уваженіе себѣ получившій карло Николай Аванасьевичъ. Но началу онъ презентовать мнѣ бѣлой бумаги съ красными каемочками, визаньи помочи, а потомъ женѣ кошышочку изъ трусиковой нѣжной шерсти, и не усилъ я странности сихъ новыхъ, неожиданныхъ подарковъ удивиться, какъ онъ вынулъ изъ кармана шерстяные чулки и вручилъ ихъ подававшей самоваръ работницѣ нашей Аксиньѣ. «Что это за день подарковъ!» невольно воскликнулъ я, не смѣя огорчить дарителя отказомъ. А онъ на это мнѣ отвѣтилъ, что это все его собственныхъ рукъ издѣліе. «Нужды», говоритъ, «въ работѣ, благодаря благодѣтельницамъ моимъ, не имѣя и не будучи ничему иному обученъ, я постоянно занимаюсь визаніемъ, чтобы въ праздности время не проводить и имѣть удовольствіе кому-нибудь пѣчто презентовать отъ трудовъ своихъ». Такъ мнѣ понравилась эта простота, что я схватилъ сего малаго челоуѣка на грудь мою и поцѣлуями осыпалъ его чуть не до одушенія.

«Да закончу ли я, однако, и симъ мое сегодняшнее описаніе? Уѣхавшимъ служителемъ боярыни Плодомасовой еще всѣ чудеса дня сего не окончились. Запирая на ночь дверь передняго покоя, Аксинья усмотрѣла на платейной вѣшалкѣ пѣчто висящее, какъ бы не намъ принадлежащее, и когда мы съ Наташей на сіе были сею служанкой позваны, то нашли: во-первыхъ, темнокоричневый французскаго граде-нанлю подрясникъ; во-вторыхъ, богатый гарусный поясъ съ пунцовыми лентами для завязокъ, а, въ-третьихъ, драгоцѣннѣйшаго, зеленого, неразрѣзпаго бархату рясу; въ-четвертыхъ же, въ длинномъ кускѣ колеснора полное іерейское облаченіе.

«Просто были всѣ мы поражены сею находкой и не знали, какъ объяснить себѣ ея происхожденіе; но Аксинья

первая усмотрѣла на пуговицѣ у воротника расы вздѣтую карточку, на коей круглыми, такъ сказать, египетскаго штиля буквами, было написано: «номяни, другъ отецъ Савелій, рабу Мароу въ своихъ молитвахъ». Ахнули мы, но печего было дѣлать, и стали разлагать по столу новое облаченіе. Тутъ еще большее насъ ожидало. Только начала Наташа раскатывать эпитрахиль, смотримъ: изъ него уявъ запечатанный конвертъ на мое имя, а въ томъ конвертѣ пятьсотъ рублей съ самою малою запиской, тою же рукой писанною. Пишетъ: «Дабы ожидающее семью твою при несчастіи излишне тебя не смущало, у алтаря предстоящаго, купи себѣ хибару и возрасти тыкву; тогда спокойнѣе можешь о строеніи дѣла Божія думать».

«Ну, за что мнѣ сіе? Ну, чѣмъ я сего достоинъ? Отчего же она не такъ, какъ консисторскій секретарь и ключарь, рассуждаетъ, что легче устроить дѣло Божіе, не имѣя гдѣ головы подкюпитъ? Что сіе и взаправду все за случайности!

«Вотъ и ты, пошь Савелій, не бездомникъ! И у тебя своя хатина будетъ; по—увы!—долженъ добавить, что будетъ она случаемъ».

«25-е ноября. Ъздилъ въ Плодомасовку приносить мою благодарность; но Мароа Андревна не приняла, для того, сказалъ карликъ Никола, что она не любитъ, чтобъ ее благодарили, но къ сему, однако, прибавилъ: «А вы, батюшка, все-таки отлично сдѣлали, что изволили пріѣхать, а то онѣ неспокойны были бы насчетъ вашей неблагодарности». Можно заключить, что въ особѣ сей цѣлѣ море пространное всякой своеобразности. Такъ, наиримѣръ, новый другъ мой, карликъ Никола, рассказалъ мнѣ, какъ она его желала женить и о семь хлопотала. «Для чего же сіе?» спрашиваю. «А для пыжиковъ, говоритъ, батюшка». Это, то-есть, она желала маленькихъ людей развестъ!.. Скажите, о чемъ забота! Еще ли эти, конихъ видимъ окрестъ себя, очень велики!»

«6-е декабря. Внесъ вчера въ ризницу присланное отъ помѣщицы облаченіе и сегодня служилъ въ ономъ. Прекрасно все на мѣся построено; а то, облачался до сихъ поръ въ ризы покойнаго моего предмѣстника, человѣка роста весьма мелкаго, я, будучи такой дылдой, не велѣлъ-пѣмъ церковнымъ украшался, а былъ въ нихъ какъ бы воробей съ общипаннымъ хвостомъ».

«9-е декабря. Пречудно! Отецъ протопопъ на меня дуется, а я, какъ винъ за собою противъ него не знаю, то спокоень».

«12-е декабря. Нѣкоторое объясненіе было между мною и отцомъ благочиннымъ, а изъ-за чего? Изъ-за ризы Плодомасовской, что не такъ она будто въ церковь доставлена, какъ бы слѣдовало, и при семъ добавилъ онъ, что, молъ, «и разные слухи ходятъ, что вы отъ нея и еще нѣчто получили». Что жъ, это значить имѣеть такой видъ, что я будто не все для церкви пожертвованное доставилъ, а украсть нѣчто, что ли?»

«23-е декабря. Вотъ слухи-то какіе! Ахъ, Воже мой милосердный! Ахъ, Создатель мой всеправедный! Не говорю чести моей, не говорю лѣтъ ея, но даже сана моего, столь для меня безцѣннаго, и того не пощадил! Гпусники! Но сіе столь недостойно, что не хочу и обижаться».

«29-е декабря. Начинаю замѣчать, что и здѣшнее городничество не благоволитъ ко мнѣ, а за что — сего отгадать не въ силахъ. Предположилъ устроить у себя въ домѣ на Святкахъ вечернія собесѣдованія съ раскольниками, но сіе вдругъ стало извѣстно въ губерніи и сочтено тамъ за непозволительное и за сіе усердствованіе дано мнѣ замѣчаніе. Не иначе думаю, какъ городничему поручень за мною особый надзоръ. Наилучше къ сему, однако, пока шуточно относиться; но окропилъ себя святою водою отъ врага и соглядатая».

«1-е января. Благослови вѣнецъ благодати Твоея, Господи, а попу Савелію новый путь въ губернію. Видно, на сихъ супостатовъ и окропленіе мое не дѣвствуетъ».

«7-е января. Госпожа Плодомасова вчера по водоосвященіи прямо во всемъ, что на ней было, окунулась въ прорубь. Удивился! Спросилъ, — всегда ли это бываетъ? Говорить: всегда, и это у нея называется «мовничать».

«Экой закалъ предивный! Я бы, кажется, и живъ отъ одной такой бани не остался».

«20-е января. Пишу сіи строки, сидя въ смрадницѣ на архіерейскомъ подворьѣ, при семинарскомъ корпусѣ. Къ винѣ моей о собесѣдованіяхъ съ раскольниками присоединена пущая вина: донесено губернатору, что моимъ дячкомъ Лукьяномъ промѣнена раскольникамъ старопечатная Псалтырь, изъ книгъ Дѣвской молебной, кои находятся

у меня на сохраненіи. Дѣло такое и вправду совершилось, но я оное утаилъ, считая то, во-первыхъ, за довольно ничтожное, а во-вторыхъ, зная тому настоящую причину — бѣдность, которая Лукьяна-дьячка довела до сего. Но сію пустое дѣло мнѣ прямо вѣшено въ злодѣйское преступленіе, и я взятъ подъ начальъ и посланъ въ семинарскую квасную квасы квасить».

«4-е февраля. Вчера, безъ всякой особой съ моей стороны просьбы, получилъ отъ келейника отца Троицкія рѣдкостѣйшую книгу, которую, однако, даже обязанъ бы всегда знать, но которая на Руси издана какъ бы для того, чтобъ ее въ тайности хранить отъ тѣхъ, кто ее знать долженъ. Сію «Духовный Регламентъ»; читалъ его съ азартною за-тяжкой. Познаю во всемъ величіе сего законодателя и понимаю тонкую предусмотрительность книгу сію хоронящихъ. Какъ иначе? Писано въ ней, наиримѣръ: «Вѣдать бы всякъ епископъ мѣру чести своей и не высоко бы о ней мыслить. Се же того ради предлагается, дабы укротити оную весьма жестокою епископамъ славу, чтобъ оныхъ подъ руки до-деже здрави суть невожею и въ землю бы имъ подручная братія не кланялась. И оныя поклонницы самоохотно и нахально стелются на землю, чтобы степенъ неходатайствовать себѣ недостойный, чтобы такъ неистовство и воровство свое покрыть». Слѣдовательно, понуждая меня *стлаться* предъ собою, оный понуждающій наинервѣ всего законъ нарушаетъ и становится преступникомъ того сокрываемаго государева регламента. Тоже писано: «Кольми наче не дерзали бѣ грабить, подъ виной жестокаго наказанія, нбо слуги архіерейскіе обычно бывають лакомыя скотины, и гдѣ видятъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостью и безстыжіемъ, какъ татары, на похищеніе устремляются». Великолѣпно, государь, великолѣпно!»

«9-е апрѣля. Возвратился изъ-подъ начала на свое пепелище. Тронуть былъ очень слезами жены своей, безъ меня здѣсь пострадавшей, а еще болѣе растрогался слезами жены дьячка Лукьяна. О себѣ молчавъ, эта женица благодарила меня, что я пострадалъ за ея мужа. А самого Лукьяна сослали въ пустынь, по всего только, впрочемъ, на одинъ годъ. Срокъ столь непродолжительный, что семья его не истощаетъ и не ѣвши. Ближе къ Богу будетъ, по консисторскому соображенію»

«20-е *апрѣля*. Пріѣзжалъ ко мнѣ пріятный карликъ и сообщилъ, что Марѣя Андреевна указала, дабы каждагодно на лѣтяго Николу, на зимняго и на Крещенію я былъ трижды приглашаемъ служить къ ней въ Плодомасовскую церковь, за что мнѣ черезъ бурмистра будетъ платимо жалованье 150 руб., по 50 руб. за обѣдню. Ну, ужъ эти случайности! Чего добраго, я ихъ даже бояться стану».

«15-е *августа*. Вернулся изъ губерніи понамарь Евтихейчъ и сказывалъ, что между владыкой и губернаторомъ произошла нѣкая распрѣ изъ-за взаимнаго визита».

«2-е *октября*. Слухи о визитной распрѣ подтверждаются. Губернаторъ, бывая въ царскіе дни въ соборѣ, имѣеть обычай въ сіе время довольно громко разговаривать. Владыка положили прекратить сіе обыкновеніе и послали своего постыдыльника просить его превосходительство вести себя благопристойнѣе. Губернаторъ принялъ замѣчаніе весьма амбиціонно и чрезъ малое время снова возобновилъ свои громкія съ жапдарскимъ полковникомъ собесѣдованія; но на сей разъ владыка уже сами остановились и громко сказали:

«— Ну, я, ваше превосходительство, замолчу и начну, когда вы кончите».

«Очень это со стороны владыки одобряю».

«8-го *ноября*. Получилъ набодренникъ. Не знаю, чему приписать. Развѣ предыдущему визитному случаю и тому, что губернаторъ меня не жалуеетъ».

«6-го *января 1837 года*. Новая новость! Владыка на Новый годъ остановилъ губернаторскую дочь, когда она подходила къ благословенію въ рукавичкѣ, и сказали:—«Скинь прежде съ руки собачью шкуру».

«А я до сей поры и не зналъ, что наша губернаторша не нѣмка».

«1-го *февраля*. По изволенію владыки, я представленъ ко скуфѣ».

«17-го *марта*. Богоявленскій протопопъ, идучи почью со Святыми Дарами отъ большого, взять обходными солдатами въ часть, якобы былъ въ нетрезвомъ видѣ. Владыка на другой день въ мантии его постигли. О, ляпте правителю, будете вы теперь сію продѣлку свою помнить!»

«18-го *мая*. Владыка переведены въ другую епархію».

«16-го *августа*. Былъ у новаго владыки. Мужчина, каза-

лось, весьма разсудительный и характерный. Разговаривали о состояніи духовенства и приказали составить о семъ записку. Сказали, что я рекомендованъ имъ прежнимъ владыкой съ отличной стороны. Спасибо тебѣ, бѣдный и злонобѣжденный дѣдуня, за доброе слово!»

«25-го декабря. Не знаю, чтѣ о себѣ думать, къ чему я рожденъ и на чтѣ призванъ? Попадья укоряетъ меня, что я и въ сей праздникъ Христова Рождества работаю, а я себѣ лучшаго и удовольствія не нахожу, какъ сію работу. Пишу мою записку о бытѣ духовенства съ радостію такою и съ любовію такою, что и сказать не умѣю. Озаглавилъ ее такъ: «О положеніи православнаго духовенства и о средствахъ, какъ оное возвыситъ для пользы церкви и государства». Думаю, что такъ будетъ добро. Никогда еще не помню себя столь счастливымъ и торжествующимъ, столь добрымъ и столь силы и разумнѣя преисполненнымъ».

«1-го апрѣля. Представилъ записку владыкѣ. Попадья говоритъ, напрасно сего числа представлялъ: по ей легко-вѣрнымъ примѣтамъ, сіе первое число апрѣля обманчиво. Замѣтимъ».

«10-го августа. Произведенъ въ протоіеренъ».

«4-го января 1839 года. Получилъ пакетъ изъ консисторіи, и сердце мое, стѣсненное предчувствіемъ, забилось радостію; но сіе было не о запискѣ моей, а дарованъ мнѣ наперсный крестъ. Благодарю, весьма благодарю; но объ участи записки моей все-таки сѣтую».

«8-го апрѣля. Назначенъ благочиннымъ. О запискѣ слуховъ не имѣется. Не знаю, чтѣмъ бы сіи трубы вострубить заставить?»

«10-го апрѣля 1840 года. Годъ уже протекъ, какъ я благочинствую. О запискѣ слуховъ нѣту. Видно, попадья не все пустякамъ вѣрить. Сегодня она меня насмѣшила, что я, можетъ-быть, хорошо написалъ, но не такъ подписался».

«20-го іюня 1841 года. Воду пронель яко сушу, и египетскаго зла избѣжавъ, пою Богу моему дождеже есмь. Чтѣ это со мною было? Чтѣ такое я вынесъ и какъ я изъ всего этого вышелъ на свѣтъ Божій? Любопытенъ я весьма, что дѣлаешь ты, сочинитель басенъ, балладъ, повѣстей и романовъ, не усматривая въ жизни, тебя окружающей, нитей, достойныхъ вплетенія въ занимательную для чтенія басню твою? Или тебѣ, исправитель правовъ человѣческихъ, и

вправду нѣтъ никакого дѣла до той дѣйствительной жизни, которую живутъ люди, а нужны только претексты для празднословныхъ рачей? Вѣдомо ли тебѣ, какую жизнь ведетъ русскій попъ, сей «ненужный человѣкъ», котораго, по-твоему, можетъ-быть, напрасно призвали, чтобы привѣтствовать твое рожденіе, и призвать еще разъ, такъ же противу твоей воли, чтобы проводить тебя въ могилу? Извѣстно ли тебѣ, что мизерная жизнь сего попа не скудна, но весьма обильна бѣдствіями и приключеніями, или не думаешь ли ты, что его кутейному сердцу недоступны благородныя страсти, и что оно не оцущаетъ страданій? Или же ты съ своей авторской высоты вовсе и не хочешь удостоить меня, попа, своимъ вниманіемъ? Или ты мыслишь, что уже и самое время мое прошло и что я уже не нуженъ странѣ, тебя и меня родившей и воспитавшей... О, слѣпецъ! скажу я тебѣ, если ты мыслишь первое; о, глупецъ! скажу тебѣ, если мыслишь второе, и въ силу сего заключенія стремишься не поднять и оживить меня, а давалить на меня камень и глумиться надъ тѣмъ, что я смраденъ сталъ задохнувшись.

«Но снисхожу отъ философствованія къ тому событію, по коему напало на меня сіе философствованіе.

«Я отрѣшенъ отъ благочинія и чуть не отверженъ сана. А за что? А вотъ за что. Занотую повѣсть сію съ подробностью.

«Въ мартѣ мѣсяцѣ сего года, въ проѣздѣ чрезъ нашъ городъ губернатора, предводителемъ дворянства было праздновано торжество, и я, пользуясь симъ случаемъ моего свиданія съ губернаторомъ, обратился къ оному сановнику съ жалобой на обремененіе помѣщиками крестьянъ работами въ воскресные дни и даже въ двенадцатые праздники, и говорилъ, что такимъ образомъ великая бѣдность народная еще болѣе увеличивается, ибо по цѣлымъ селамъ нѣтъ ни у кого ни ржи, ни овса... Но едва лишь только я это слово «овса» выговорилъ, какъ сановникъ мой возгорѣлся на меня гнѣвомъ, прынулъ отъ меня, какъ отъ гадины, и закричалъ: «Да что вы ко мнѣ съ овсомъ пристали! Я вотъ, говорить, п то-то, и то-то, да и наконецъ я де не Николай угодникъ, я де овсомъ не торгую!» Этого я не долженъ былъ стерпѣть и отвѣчалъ: «Я вашему превосходительству, какъ человѣку, въ дѣлахъ вѣры не свѣдущему, прежде всего долженъ объяснить, что Николай угодникъ былъ епископъ и

ничѣмъ не торговалъ. А затѣмъ вы должны знать, что православному народу нужны священникъ и дьяконъ, ибо до сихъ поръ ихъ однихъ мы еще у нѣмцевъ не заимствовали». Разсмѣявшись злобнымъ смѣхомъ на мои слова, оный правитель подсказалъ мнѣ: «Не бойтесь, отецъ, было бы болото, а черти найдутся». Эта послѣдняя вещь была для меня горше первой. Кто сии черти, и что твои мерзкія уста болотомъ назвали?—подумалъ я въ гнѣвъ и, не удержавъ себя въ совершенномъ молчаніи, отвѣчалъ сему пану, что «уважая санъ свой, я даже и его на сей разъ чортомъ называть не хочу». Чѣмъ же сіе для меня кончилось? Нынѣ я *бывай* благочинный, и слава Тебѣ, Творцу моему, что еще не *бывай* попъ и не разстрига. Нитъ, сего ты, современный сочинитель повѣстей, должно-быть, не спишешь. Не пострадешь, чтобы люди знали, какъ тяжело мнѣ!»

«3-го сентября. Осенняя погода нагоняетъ на меня жесточайшую скуку. Привыкъ я весьма постоянно дѣйствовать, но нынѣ безъ дѣла тоскую, и до той глупости, что даже секретно отъ жены часто плачу».

«27-го января 1842 года. Кушилъ у жида за семь рублей органчикъ и игорныя шашки».

«18-го мая. Взялъ въ кѣтку чижа и началъ учить его пѣть подь органъ».

«9-го августа. Зачалъ сочинять повѣсть изъ своего духовнаго быта. Добрыя мнѣ жонципы наши представляются въ родѣ матери моей, дочери зажитатнаго дьякона, всѣхъ насъ своею работою кормившей; но когда думаю — все это вижу живообразно, а стану описывать—не выходитъ. Пѣтъ, я къ сему неспособенъ!»

«2-го марта 1845 года. Три года прошло безъ всякой переменны въ жизни. Домикъ свой учреждалъ, да занимался чтеніемъ отцовъ церкви и историковъ. Вывелъ два заключенія, и оба желаю признавать ошибочными. Первое изъ нихъ, что христіанство еще на Руси не проповѣдано; а второе, что событія повторяются, и ихъ можно предсказывать. О первомъ заключеніи говорилъ разъ съ довольно умнымъ коллегомъ своимъ, отцомъ Николаемъ, и быть удивленъ, какъ онъ это внялъ и согласился. «Да,—сказалъ онъ,—сіе бесспорно, что мы во Христа крестимся, но еще во Христа не облакаемся». Значить, не я одинъ сіе вижу и другіе

видить, по отчего же имъ всё это смѣшно, а моя утроба симъ до кровей возмущается».

«*Новый 1846 годъ.* Къ намъ начинаютъсылать поляковъ. О запискѣ моей еще свѣдѣній нѣтъ. Сильно интересуюсь политичною заворожкой, что начинается на Западѣ, и пренумеровалъ для сего себѣ политическую газету».

«*6-ю мая 1847 года.* Прибыли къ намъ еще два новыя поляка, ксендзъ Алонзій Конаркевичъ да панъ Игнатій Чемерицкій, сей въ лѣтахъ самыхъ юныхъ, но уже и теперь каналья весьма комплектная. Городничиха наша, яко полька, собрала около себя цѣлый сонмъ соотничей, и сего послѣдняго нарочито къ себѣ приблизила. Толкують, что сіе будто потому, что сей юнецъ изряденъ видомъ и миль манерами; но мнѣ мнится, что здѣсь есть еще нѣчто и иное».

«*20-го ноября.* Замѣчаю что-то весьма удивительное и непонятное: поляки у насъ словно господами нашими дѣлаются, все черезъ нихъ въ губерніи можно достигнуть, ибо Чемерицкій оному моему правителю оказывается пріятель».

«*5-го февраля 1849 года.* Чего съ роду не хотѣлъ сдѣлать, то нынѣ сдѣлалъ: написалъ на поляковъ періодичный доносъ, потому что они превзошли всякую мѣру. Мало того, что они уже съ давнихъ поръ гласно издѣваются надъ газетными извѣстіями и представляютъ, что все сіе, что въ газетахъ изложено, якъ бы не такъ, а совершенно обратно, яко бы насъ бьютъ, а не мы бьемъ непріятелей, по отъ слова уже и до дѣла доходятъ. На папихидѣ за вонповъ, па брани убіенныхъ, подняли съ городничихой столь непристойный хохотъ, что отецъ протоіерей послалъ причетника попросить ихъ о спокойномъ стояніи, или о выходѣ, послѣ чего они, улыбаясь, изъ храма вышли. Но когда мы съ причтомъ, окончивъ служеніе, проходили мимо бакалейной лавки братьевъ Дялиныхъ, то одинъ изъ поляковъ вынулъ со стаканомъ вина на крыльцо и подражая голосомъ дякону, возгласилъ: «много ли это!» Я понялъ, что это посяганіе падъ многолѣтіемъ, и такъ и описалъ, и сего не срамлюсь, и за доносчика себя не почитаю, ибо я русскій и деликатность съ таковыми людьми долженъ считать за неумѣстное».

«*1-го апрѣля.* Вечеромъ. Донесеніе мое о поступкѣ по-

ляковъ, какъ видно, хотя поздно, но все-таки возымѣло свое дѣйствіе. Сегодня утромъ пріѣхалъ въ городъ жандармскій начальникъ и пригласилъ меня къ себѣ, долго и въ подробности обо всемъ этомъ разспрашивалъ. Я разсказать все, какъ было; а онъ объявилъ мнѣ, что всѣмъ этимъ польскимъ мерзостямъ на Руси скоро будетъ конецъ. Опасаюсь, однако, что все сіе, какъ на зло, сказано мнѣ перваго апрѣля. Начинаю вѣрить, что число сіе, дѣйствительно, обманчиво».

«7-го сентября. Первое апрѣля на сей разъ, мнится, не обмануло: Конаркевича и Чемерницкаго обоихъ перевели на жительство въ губернію».

«25-го ноября. Нашъ городничій съ супругой изволили выѣхать: онъ опредѣленъ въ губернію полиціймейстеромъ. Однако, этакъ не очень еще его наказали».

«5-го декабря. Прибылъ новый городничій. Называется онъ капитанъ Мрачковскій. Фамилія происходитъ отъ слова мракъ. Ты, Господи, вѣси, когда къ намъ что-нибудь отъ свѣта приходитъ станеть!»

«9-го декабря. Быть сегодня у новаго городничаго на фрыштыкѣ. Любезностью большою обладаютъ оба — и онъ, и жена. Подвыпивъ изрядно, пѣлъ намъ: «Ты помнишь ли, товарищъ славы бранной?» А потомъ сынишка его, одѣтый въ русской рубашкѣ, тоже пѣлъ: «Ахъ морозъ, морозецъ, молодецъ ты русскій!» Это что-то новыя новости! Замѣчательность бесѣды сего Мрачковскаго, впрочемъ, наиболѣе всего заключалася для меня въ разсказѣ о пѣкомъ профессорѣ московскаго университета, получившемъ будто бы отставку за то, что на торжественномъ актѣ сказалъ: «*Nunquam de republica desperandum*», въ смыслѣ «никогда не должно отчаиваться за государство», но какимъ-то канцелярскимъ мудрецомъ понято, что онъ якобы велѣлъ не отчаиваться въ республикѣ, то за сіе и отставленъ. Даже невѣроятно».

«12-го декабря. Прочиталъ въ газетахъ, что будто одному мужику, стоявшему наклонясь надъ водою, вскочила въ ротъ небольшая щука и, застрявъ жабрами, не могла быть вытащена, отчего сей ротозѣй и умеръ. Чему же послѣ сего въ Россіи вѣрить нельзя? Вѣрю и про профессора».

«20-го декабря. Нѣтъ, первое-то апрѣля не только обманчиво, но и загадочно. Не хочу даже всего, со мною быв-

шаго, въ сей прїѣздъ въ губернію вписывать, а скажу одно, что я былъ руганъ и срамленъ всячески, и только что не бить остался за мое донесеніе. Но вѣдаю, съ чьихъ рѣчей, *сам-то* нашъ прямо накинулся на меня, что «ты, дескать, ужъ надоѣлъ своимъ сутяжничествомъ; не на добро тебя и грамотѣ выучили, чтобы ты не въ свое дѣло мѣшался, лбедничаль, да сутяжничаль». Сердцевѣдецъ мой! Когда жъ это я лбеды пускалъ и съ кѣмъ сутяжничаль? Но ничего я отвѣчать не могъ, потому что каждое движеніе губъ моихъ встрѣчало грозное «молчи!» Избыхся всѣхъ лишнихъ, и се возвратись снизу, какъ крапивою выпоронная насѣдка, и твержу себѣ то слово: «молчи!» и вижу, что слово сіе разумно. Одного не понимаю, отчего мой поступокъ, хотя, можетъ-быть, и неосторожный, не инымъ чѣмъ, не неловкостію и не необразованностію моею изъяснить, а чѣмъ бы вамъ мнилось? злопомненіемъ, что меня тѣ самые поляки не зазвали, да и нынѣмъ не напоили, къ чему я, однако, благодаря моего Бога, и неприверженъ. Отъ малаго сего къ великому заключая, припоминаю себѣ слова французской дѣвнцы Шарлоты Кордай д'Армонъ, какъ она въ предказенномъ письмѣ своемъ писала, что «у новыхъ народовъ мало патріотовъ, кои бы самую простую патріотическую горячность понимали и вѣрили бы возможности чѣмъ-либо ей пожертвовать. Вездѣ эгоизмъ и все имъ объясняется». Оно бы, глядя на однихъ своихъ, пожалуй бы, и я былъ склоненъ заключить, какъ Кордай д'Армонъ, но, имѣя предъ очами сихъ самыхъ поляковъ, у которыхъ всякая дальняя сосна своему бору шумить, да раскольниковъ, коихъ всѣ обиды и пригнетенія не отучаютъ любить Русь, поневоль долженъ ей противорѣчить и думать, что есть еще у людей любовь къ своему отечеству! Вотъ до чего, долго живучи, домыслишься, что и ляховъ за нѣчто похваливать станешь. Однако, звучно да будетъ мнѣ по вся дни сіе недавно слышанное мною: «молчи». *Nunquam de republica desperandum*».

«2-го января 1849 года. Ходилъ по всѣмъ раскольникамъ и бралъ у воротъ сребряники. Противиться мнѣ не время, однакоже минутами горестно сіе чувствовалъ; но дѣлалъ ради того, дабы не перерядить понадью въ дьячихи, ибо послѣ бывшаго со мною и сіе возможно. Былъ я у городничаго: онъ все со мною бывшее знаетъ и весьма

меня на рѣчахъ сожалѣль, а что тамъ на сердцѣ, про то Богу извѣстно. Но что поистинѣ достойно смѣха, то это выходка нашей модной чиновницы Бизюкиной. «Правда ли, — спросила она меня, — что вы донесли на поляковъ? Какъ это низко. Вы послѣ этого теперь не что иное, какъ ябедникъ и доносчикъ. Сколько вамъ за это заплатили?» А я ей на это отвѣчала: «А вы не что иное, какъ дура, и къ тому еще неоплатная».

«1-го января 1850 года. Годъ прошелъ тихо и смиренно. Схоронилъ мою благотворительницу Марю Андревну Плодомасову. Скончалась, переживъ пятерыхъ вѣнценосцевъ: Елизавету, Петра, Екатерину, Павла и Александра, и съ двумя изъ нихъ танцевала на собраніяхъ. Ждалъ неприятностей отъ Бизюкиниши, которая со связями и могла потщиться пострекать меня чрезъ губернію, да все обошлось прекрасно: мы, русскіе, сколь ни яровиты порой, но, видно, не злонамятны, можетъ потому, что за насъ и заступиться некому. Въ будущемъ году думаю пачать пристройку, ибо вдаль въ некоторую слабость: полюбилъ преферансовую игру и началъ со скуки курить, а отъ сего траты. Курилъ спервоначала шути у городничаго, а нынѣ и дома всею этою сбруей обзавелся. Надо бы и бросить».

«1850 годъ». Надо бросить. Нѣтъ, братикъ, не бросишь. Такъ привыкъ курить, что не могу оставить. Рѣшилъ слабость сію не искоренять, а за нее взять къ себѣ какого-нибудь бездомнаго сиротку и воспитать. На понадью, Наталью Николаевну, плоха надежда: дать намекъ, что будто есть у нея что-то, но выйдетъ сіе всякій разъ подобно 1-му апрѣля».

«1-го января 1857 года. Совсѣмъ не узнаю себя. Семь лѣтъ и строки сюда не вписалъ. Житіе мое страшное, заше житіе мое стало сытое и привольное. Перечитывалъ все со дня преподобія своего здѣсь написанное. Достойно замѣчанія, сколь я сталъ иначе ко всему относиться за сіи годы. Самъ не воюю, никого не безпокою и себѣ никакого безпокойства не вижу. «Укатали сивку крутыи горки», и противъ рожна прати болѣе не охота».

«20-го февраля. Благородное дворянство избрало намъ поваго исправника, друга моего, поляка, на коего я доносилъ во дни моей молодой строптивости, пана Чемерицкаго. Опъ женился на русской нашей богатой вдовѣ и учи-

нился нашимъ помѣщикомъ, а нынѣ и исправникомъ. Въ господинѣ Чемерницкомъ непременно буду имѣть врага и, вѣроятно, наидосадливѣйшаго».

«7-го апрѣля. Приѣхалъ новый исправникъ, панъ Чемерницкій, самъ мнѣ и визитъ сдѣлалъ. О старой ссорѣ моей, за «много ли это», и помина не дѣлаетъ».

«20-го мая. Впервые читалъ у исправника заграничную русскую газету «Колоколь», господина Искандера. Рѣчь бойкая и весьма штилистическая, но по непривычкѣ къ смѣлости, — дико».

«2-го юня. Вчера, на день ангела своего, справлялъ иирь. Думалъ сдѣлать сіе скромненько, по моему достоинію, но Чемерницкій утромъ прислалъ цѣлую корзину вина и сластей, и рому, а вечеромъ ко мнѣ понагрянули и Чемерницкій, и новый городничій Порохонцевъ. Это весьма добрый мужикъ. Онъ, подпивши зѣло-зѣло, сталъ вдругъ меня съ Чемерницкимъ мирить за старое, и я помирился, и просилъ извиненія, и много разъ съ нимъ поцѣловался. Не знаю, къ чему мнѣ было сіе дѣлать, если бы самъ не былъ тоже въ подпитіи? Сегодня утромъ выражалъ о семъ мирителю Порохонцеву большое сожалѣніе, но онъ сказалъ, что по-ихнему, по-полковому, не надо о томъ жалѣть, когда, подпивши, цѣлуешься, ибо это всегда лучше, чѣмъ выпивъ да подерешься. Все это такъ, но все-таки досадно. Служивши сегодня у головы молебень, самъ себя поткалъ въ носъ кропиломъ и назидательно сказалъ себѣ: «не пей, попь, вина»».

«23-го августа. Читалъ записки госпожи Дашковой и о Павлѣ Петровичѣ: все заграничнаго изданія. Очень все любопытно. Съ мнѣніями Дашковой во многомъ согласенъ, кромѣ что о Петрѣ, — о немъ думаю иначе. Однако, спасибо Чемерницкому, что разсѣваетъ этими рѣдкими книгами мою сильную скуку».

«9-го сентября. Размолвился съ Чемерницкимъ на свадьбѣ Порохонцева. Дерзкій этотъ полякъ, глумясь, началъ спрашивать безхитростнаго Захарію, что значить, что у насъ при вѣнчаніи поютъ: «живота просише у тебе?» И началъ перекорь: о какомъ здѣсь животѣ идетъ рѣчь? Я же вмѣшался и сказалъ, что онъ сіе пойметъ, если ему когда-нибудь, подъ висѣлицей, петлю надѣнутъ».

«20-го сентября. Я въ крайнемъ недоумѣніи. Дьячиха, по

малосмыслию, послала своему сыну по почтѣ рублевую ассигнацію въ простомъ конвертѣ, но конвертъ сей на почтѣ подпечатали и, открывъ преступленіе вдовы, посылку ея конфисковали и подвергли ее штрафу. Что на почтѣ письма подпечатываютъ и читаютъ, — сіе никому не новость; но какъ же это рублевую ассигнацію вдовицы ловятъ, а «Колоколь», который я беру у исправника, не ловятъ? Что это такое: простота или воровство?»

«20-го октября. Влѣсто скончавшагося дьякона нашего, смиреннаго Прохора, прибылъ изъ губерніи новый дьяконъ, Ахилла Десницынъ. Сей всѣхъ насъ больше, всѣхъ насъ толще, и съ такою фizioноміей, и съ такою фигурой, что нельзя, глядя на него, не удивляться силѣ природной произрастительности. Голосъ онъ имѣетъ весьма добрый, нрава весьма веселаго и на первый разъ показался мнѣ будто очень почтителенъ. Но наипаче всего этотъ человекъ нравится мнѣ своимъ добродушіемъ. Предъявлялъ мнѣ копію со своего семинарскаго аттестата, въ коей написано: «поведенія хорошаго, но удобоносителенъ». А что сіе обозначаетъ? спросилъ я. «Это совершенные пустяки, — объяснилъ онъ, — это больше ни что, какъ будучи въ горячечной болѣзни въ семинарскомъ госпиталѣ, я проносилъ больнымъ богословамъ водку». И сіе, молъ, изрядно».

«9-го декабря. Получилъ камплавку и крестъ св. Анны. По чьему бы, мнилось, ходатайству? А все сіе по засвидѣтельствуванію милостивца моего, пана Чемерницкаго, о моей рачительности по благочинію».

«7-го марта 1858 года. Исходъ Изранлевъ былъ: поѣхали въ Питеръ Россію направлять на все доброе всѣ друзья мои — и губернаторъ, и его оный правитель, да и нашего Чемерницкаго за собой на изрядное мѣсто потянули. Однако, мнѣ его даже искренно жаль стало, что отъ насъ уѣхалъ. Скука будто еще болѣе».

«7-го декабря. По указанію дьячка Сергѣя, замѣтилъ, что нашъ новый дьяконъ Ахилла нѣсколько малодушникъ: онъ многихъ приходящихъ изъ деревень богомольцевъ изъ ложнаго честолюбія благословляетъ потаенно іерейскимъ благословеніемъ, и при семъ еще какъ-то поддерживаетъ лѣвою рукой правый рукавъ рясы. Сказалъ ему, дабы онъ сего отнюдь себѣ впередъ не позволялъ».

«18-го іюля 1859 года. Дьяконъ Ахилла опять замѣченъ

въ томъ, что благословляетъ. Дабы уменьшить его подобіе со священникомъ, я отобралъ у него палку, которую онъ даже и права носить по своему чину не имѣетъ. Перенесъ все сіе благопокорно и тѣмъ меня ужасно смягчилъ».

«15-го августа. Пировали у городничаго, и на семь пиру чуть не произошелъ скандалъ, омытъ по поводу спора объ умѣ, и напомнило мнѣ это старый споръ, которому въ молодости моей когда-то я смѣялся. Дьяконъ Ахилла и лѣкаръ сразились въ спорѣ обо мнѣ: лѣкаръ отвергалъ мой умъ, а дьяконъ—возносилъ. Тогда на ихъ шумъ и особливо на крикъ лѣкаря, вошли мы, и я съ прочими, и застали, что лѣкаръ сидитъ наверху скапа и отчаянно болтаетъ ногами, производя стукъ, а Ахилла въ спокойнѣйшемъ видѣ сидитъ посреди комнаты въ креслѣ и говоритъ: «Не снимайте его, пожалуйста, это я его яко на водахъ повѣснхъ за его сопротивленіе». Удерживая свой смѣхъ, я достаточно дьякона за его шалость пошунялъ и сказать, что сила не доказательство. А онъ за сіе мнѣ поклонился и, отнесясь къ лѣкарю, добавилъ: «А, что такое? Небось, самъ теперь видишь, что онъ министръ юстиціи». Предивно, что этотъ казаковатый дьяконъ какъ бы провидитъ, что я его смертельно люблю—самъ за что не вѣдая, и онъ тоже меня любить, отчета себѣ въ семь не отдавая».

«25-го августа. Какая огромная радость! Ксендзы по Литвѣ учредили общества трезвости: они проповѣдуютъ противъ пьянства, и пьянство престаесть, и народъ остепеняется, и откупщики-кровопійцы лонаются. Ахъ, какъ бы хотѣлось въ семь родѣ проповѣдничать!»

«5-го сентября. Въ нѣкоторыхъ православныхъ обществахъ заведено то же. Боюсь, не утерплю и скажу слово! Говорилъ бы по мысли Кирилла Бѣлозерскаго, како: «крестяно ся пропиваютъ, а души гибнутъ». Но какъ проповѣдывать безъ цензуры не смѣю, то хочу интригой учредить у себя общество трезвости. Чтѣ дѣлать, за неволю и патеру Игнатію Лойолѣ слѣдовать станешь, когда прямою дорогою ходу нѣтъ».

«7-го октября. Составили проектъ нашему обществу, но утвержденія оному еще нѣтъ, а зато пишутъ, что винный откупщикъ жаловался министру на проповѣдниковъ, что они не допускаютъ народъ пить. Ахъ ты, дерзкая каналья! Еще жаловаться смѣетъ, да еще и министру!..»

«20-го октября. Бѣшеная вѣсть! Газеты сообщаютъ, что въ іюлѣ сего года откупщики жаловались министру внутреннихъ дѣлъ на православныхъ священниковъ, удерживающихъ народъ отъ пьянства, и господинъ министръ передалъ эту жалобу оберъ-прокурору святѣйшаго синода, который отвѣчалъ, что «св. синодъ благословляетъ священнослужителей ревностно содѣйствовать возникновенію въ нѣкоторыхъ городскихъ и сельскихъ сословіяхъ благой рѣшимости воздержанія отъ употребленія вина». Но откупщики не унялись и снова просили отмѣнить указъ св. синода, ибо, при содѣйствіи его, общества трезвости разведутся повсемѣстно. Тогда министръ финансовъ сообщилъ будто бы оберъ-прокурору святѣйшаго синода, что совершенное запрещеніе горячаго вина, посредствомъ сильно дѣйствующихъ на умы простого народа религіозныхъ угрозъ и клятвенныхъ обѣщаній, не должно быть допускаемо какъ противное не только общему понятію о пользѣ умѣреннаго употребленія вина, но и тѣмъ постановленіямъ, на основаніи которыхъ правительство отдало питейные сборы въ откупное содержаніе. Затѣмъ, сказываютъ, сдѣлано распоряженіе, чтобы приговоры городскихъ и сельскихъ обществъ о воздержаніи уничтожить и впредь городскихъ собраній и сельскихъ сходокъ для сей цѣли нигдѣ не допускать. Пей, обѣднй народъ, и распивайся!»

«8-го ноября. Въ день святыхъ и небесныхъ силъ водовы и архистратига Михаила присланъ мнѣ пребольшущій носъ, дабы не токмо объ учрежденіи общества трезвости не злоумышлялъ, но и проповѣдывать о семъ не смѣлъ, имѣя въ виду и сіе, и оное, и всякое, и овакое, oprичъ единой пользы человѣческой... Да не полно ли мнѣ, наконецъ, все это писать? Довольно сплошной срамъ-то свой все записывать!»

«1-го января 1860 года. Даже новогодія пропускаю и ничѣмъ оставляю неотмѣченныя. Сколь горячъ былъ нѣкогда ко всему трогашему, столь нынѣ ко всему отношусь равнодушно. Протопопица моя, Наталья Николаевна, говоритъ, что я каковъ былъ, таковъ и сегодня; а гдѣ тому такъ быть! Ей, можетъ, это въ иную минуту и такъ покажется, потому что и сама она уже Сарринныхъ лѣтъ достигла, но а мнѣ-то виднѣе... Тѣло-то здорово и даже толсто, да что въ томъ проку, а душа уже какъ бы какую корой

обрастаетъ. Вижу, что нѣчто дивное на Руси зрѣеть и готовится систематически; народу то потворствуютъ и мирволятъ въ его дурныхъ склонностяхъ, то внезапно начинаютъ сборы податей и поступаютъ тогда безпощадно, говоря при семъ, что сіе «по царскому указу». Дивно, что всего сего какъ бы никто не замѣчаетъ, къ чему это блонить.»

«27-го марта. Запахло весной, и съ горъ среди дня стремятся потоки. Дьяконъ Ахилла уже справляетъ свои сѣдла и собирается опять скакать степнымъ киргизомъ. Благо ему, что его это тѣшитъ: я ему въ томъ не помѣха, ибо, дѣйствительно, скука неодоленная, а онъ мужикъ сложенія живого, такъ пусть хоть въ чемъ-нибудь имѣетъ разсѣяніе.»

«28-го апрѣля. Ахилла появился со шпорами, которыя нарочно заказалъ себѣ для ѣзды изготовить Пизонскому. Вотъ что худо, что онъ ни за что не можетъ ограничиться на умѣренности, а непременно во всемъ достарается до крайности. Чтобъ остановить его, я монми собственными ногами шпоры эти отъ Ахиллиныхъ сапогъ однимъ ударомъ отломилъ, а его просилъ за эту пошлость и самое наѣздничество на сей годъ прекратить. И такъ, онъ нынѣ у меня подъ эпитимей. Да что же дѣлать, когда нельзя его не воздерживать. А то онъ и мечами препояшется.»

«2-го сентября. Дьячокъ Сергѣй сегодня донесъ мнѣ, что дьяконъ ходитъ по ночамъ съ ружьемъ на охоту и застрѣлилъ двухъ зайцевъ. Сергѣю сказалъ, что сему не вѣрю, а дьякону изрядно намылилъ голову.»

«9-го сентября. Однако, съ этимъ дьякономъ не мало хлопотъ: онъ вчера отстегалъ дьячка Сергѣя ремнемъ, не поручусь, что можетъ быть и изъ мщенія, что тотъ на него донесъ мнѣ объ охотѣ; но говорить, что будто бы наказалъ его за какое-то богохульство. Дабы не допустить его до суда тѣхъ архіерейскихъ слугъ, коихъ великій императоръ изволилъ озаглавить «лакомыми скотинами» и «несытыми татарами», я призвалъ къ себѣ и битаго, и небитаго и настоятельно заставилъ ихъ поклониться другъ другу въ ноги и примириться, и при семъ замѣтилъ, что дьяконъ Ахилла исполнилъ сіе со всею весьма доброю искренностью. Въ семъ мужикѣ, помимо его горячности, порою усматривается не мало самаго голубинаго незлобія.»

«14-го сентября. Дьячокъ Сергѣй, придя будго бы за наполомъ для капусты, словно невзначай донесъ мнѣ, что сегодня вечеромъ у фокусника, который проѣздомъ показываетъ въ кирпичныхъ сараяхъ силача и великана, будетъ на представленіи дьяконъ Ахилла. Прегнусный и мстительный характеръ у сего Сергѣя.»

«15-го. Я пошелъ подсмотреть это представленіе и, не будучи самъ видимъ, все достаточно хорошо самъ видѣлъ сквозь щелочку въ заднихъ воротникахъ. Ахилла точно былъ, но болѣе не зрителемъ, а какъ бы сказать актеромъ. Онъ появился въ большомъ нагольномъ овчинномъ тулупѣ, съ поднятымъ и обвязаннымъ ковровымъ-платкомъ воротникомъ, скрывавшимъ его волосы и большую часть лица до самыхъ глазъ, но я, однако, его, разумѣется, немедленно узналъ, а дальше и мудро было бы кому-нибудь его не узнать, потому что, когда привозный комедіантомъ великанъ и силачъ вышелъ въ голотѣлесномъ трикѣ и, взявъ въ обѣ руки по пяти пудовъ, мало колеблясь, обнесъ сію тяжесть предъ скамьями, гдѣ сидѣла публика, то Ахилла, забывшись, закричалъ своимъ голосомъ: «ни что же тутъ во всемъ этомъ дивнаго!» Затѣмъ, когда великанъ нахально вызывалъ бороться съ нимъ и никого на сіе состязаніе охотниковъ не выскивалось, то Ахилла, утупя лицо въ оный, обвязанный вокругъ его головы, ковровый платокъ, вышелъ и схватился. Я полагалъ, что кости ихъ сокрушатся: то сей гнется, то оный одолеваетъ, и такъ нѣсколько минутъ; но, наконецъ, Ахилла сего гордаго нѣмца сломалъ и, закрутивъ ему ноги узломъ, паподобіе, какъ подаютъ въ дворянскихъ домахъ жареныхъ пулярокъ, взялъ оныя десять пудовъ, да вдобавокъ самого сего силача и началъ со всѣмъ этимъ коробомъ ходить передъ публикой, громко кричавшею ему «браво». Дивнѣе же всего Ахилла сдѣлалъ этому финалъ: «Господа!— обратился онъ къ публикѣ:— можетъ, кто вздумаетъ увѣрять, что я кто другой: такъ вы ему, сдѣлайте милость, плюньте, потому что я просто мѣщанинъ Иванъ Морозовъ изъ Сѣвска». Кто-то его, изволите видѣть, будто просилъ объ этомъ объясненіи. Но, однако, я всѣмъ этимъ весьма со скуки позабавился. Ахъ, въ чемъ проходитъ жизнь! Ахъ, въ чемъ уже и прошла она! Идучи назадъ отъ сараевъ, гдѣ было представленіе, я вналъ въ нервность какую-то и прослезился—самъ о чемъ не вѣдая, но чувствуя лишь одно,

что есть что-то, чего нельзя мнѣ не оплакивать, когда вздумаю молодые свои широкіе планы и посравню ихъ съ продолженною мною жизнью моею! Мечталъ нѣкогда обиженный, что съ достоинствомъ провести могу жизнь мою, уже хотя не за дѣланіемъ во вѣщности, а за самоусовершенствованіемъ собственнымъ; но не философъ я, а гражданинъ; мало мнѣ сего: пужусь я, скорблю и страдаю безъ дѣятельности, и отъ сего не всегда осуждаю живыя склонности моего любезнаго Ахиллеса. Богъ прости и благослови его за его плѣнительную сердца простоту, въ которой все его утѣшаетъ и радуетъ. Сергѣю-дьячку сказалъ, что онъ вретъ про Ахиллу, и запретилъ ему на него кляузничать. Чувствую, что я со всею отеческою слабостію люблю бить сего добраго человѣка.»

«14-го мая 1861 года. Въ какія чудесныя дѣла можетъ попадать человѣкъ по легкомыслію своему! Комплектъ шутниковъ у насъ полонъ и безъ дьякона Ахиллы, но сей, однако, никакъ не въ силахъ воздержаться, чтобы еще не пополнять его собою. Городничій у тестя своего, княжескаго управителя Глича, къ шестерику лошадей торговалъ, а тотъ продать не желаетъ, и они поспорили, что городничій добудетъ ту лошадь, и ударили о закладъ. Городничій договорилъ за два рубля праздношатающагося мѣщанина Данилку, по прозвищу «Комиссара», дабы тотъ уворовалъ коня у господина Глича. Прилично, видите, сіе городничему на воровство посылать, хотя бы и ради потѣхи! Но что всего приличнѣе, это было моему Ахиллѣ выхватиться съ своею готовностію пособлять Данилкѣ въ этомъ дѣлѣ. Сергѣй-дьячокъ донесъ мнѣ объ этомъ, и я заблаговременно взялъ Ахиллу къ себѣ и сдалъ его на день подъ надзоръ Натальи Николаевны, съ которою мой дьяконъ и провелъ время, сбивая ей въ карафинѣ сливочное масло, а ночью я положилъ его у себя на полу и, дабы онъ не ушелъ, заперъ до утра всю его обувь и платье. Утромъ же сегодня были мы всѣ пробуждены нѣкоторымъ шумомъ и тревогой: проскакала прямо къ крыльцу городничаго тройкой телѣга и въ ней комиссаръ Данилка между двумя мужиками, кричащій какъ оглашенный. Пошли мы полюбопытствовать, чего онъ такъ кричитъ, и нашли, что Данилку освобождали отъ поргъ, начиненныхъ стрелукою крапивой. Оказывается, что господинъ Гличъ его изловилъ, посадилъ въ краливу,

и слуги его привезли сего молодца назадъ къ пославшему его. Я указаль дьякону, что если бѣ и онѣ раздѣляль таковую же участь съ Данилкой и прѣхаль назадъ, какъ карась, весь обложенный крапивою, пріятно ли бы это ему было? Но онѣ отвѣчалъ, что не дался бы,—что хотя бы даже и десять человѣкъ на него напали, онѣ бы не дался.—Ну, говорю, а если бы двадцать!—«Ну, а съ двадцатью, говорить, ужъ нечего дѣлать—двадцать одолѣють», и при семъ разсказаль, что однажды онѣ, еще будучи въ училищѣ, шелъ съ своимъ роднымъ братомъ домой и одновременно съ проходившею партіей солдатъ увидѣли кустъ калины съ немногими вѣтками сихъ никуда почти негодныхъ ягодъ, и устремились овладѣть ими, и Ахилла съ братомъ, и солдаты человѣкъ до сорока, «и произошло, говорить, тутъ между нами великая свалка, и брата Финогешу убили». Какъ это наввно и просто! Что разсказъ, то и событие! Ему «жизнь—копейка».

«29-го сентября 1861 года. Прѣхаль изъ губерніи сынъ никитской просвирни Марѣы Николаевой Препотенской, Варнава. Окончилъ онѣ семинарію первымъ разрядомъ, но въ попы идти отказался, а прибыль сюда въ гражданское уѣздное училище учителемъ математики. На вопросъ мой, отчего не пожелаль въ духовное званіе, коротко отвѣчалъ, что не хочетъ быть обманщикомъ. Не стерпѣвъ сего глупаго отвѣта, я сказалъ ему, что онѣ глупецъ. Однако, сколь ни ничтожнымъ сего человѣка и всѣ его мнѣнія почитаю, но уязвленъ его отвѣтомъ, какъ ядовитой осой. Гдѣ мой проектъ о положеніи духовенства и средствахъ возвыситъ оное на достойную его степенъ, дабы глупецъ всякій надъ нимъ не глумился и врагъ отчины сему не радовался? Видно, правду попадья моя сказала, что «можетъ быть, написалъ хорошо, да не хорошо подписался». Встрѣчаю съ нѣкоей поры частыя упоминанія о книгѣ, озаглавленной «О сельскомъ духовенствѣ» и, пожелавъ ее выписать, потребоваль оную, но книгопродавецъ изъ Москвы отвѣчаетъ, что книга «О сельскомъ духовенствѣ» есть книга запрещенная и въ продажѣ ея нѣтъ. Вотъ поистинѣ гениальная чья-то мысль, для насъ, духовныхъ: книга о духовенствѣ запрещена, а сіи, какъ ихъ называютъ, разнаго сорта «нигилисты» ее читають и цитируютъ!.. Ну, что это за наругательство надъ смысломъ, взаправду!»

«22-го ноября. Въздиль въ губернію на чреду. При двухъ архіерейскихъ служеніяхъ былъ сослужащимъ и въ оба раза стоялъ ниже отца Троиція, а сей Троицій до поступленія въ монашество былъ почитаемъ у насъ за нѣчто самое малое и назывался «скорбноглавымъ»; но зато у него, какъ у цензора и, стало быть, православія блюстителя и нравовъ оберегателя, нашлась и сія любопытная книжка «О сельскомъ духовенствѣ». О, сколько правды! сколько горькой, но благопотребнѣйшей правды! Мню, что отецъ Троицій не все здѣсь написанное съ апробаціей и удовольствіемъ читаетъ.»

«14-го декабря. За ранней обѣдной вошелъ ко мнѣ въ алтарь просвирникъ сынъ, учитель Варнавка Препотенскій, и просилъ отслужить панихиду, причемъ подалъ мнѣ и записку, коей я особаго значенія не придавъ, и потому въ оную не заглянулъ, а только мысленно подивился его богомольности; удивленіе мое возросло, когда я, выйдя на панихиду, увидѣлъ здѣсь и нашу модницу Бизюкину, и всѣхъ нашихъ ссыльныхъ поляковъ. И загадка сія недолго оставалась загадкой, ибо я тотчасъ же все понялъ, когда Ахилла сталъ по запискѣ читать: Павла, Александра, Кондратя... Прекрасная вещь со мною сыграна! Это я, выходитъ, отпѣлъ панихиду за декабристовъ, ибо сегодня и день былъ тотъ, когда было возстаніе. Впередъ буду умнѣе, ибо хотя молиться за всѣхъ могу и долженъ, но въ дуракахъ какъ-то у дураковъ дважды быть ужъ не согласенъ. Причту своему не подалъ никакого виду, и они ничего этого не поняли.»

«27-го декабря. Ахилла въ самомъ дѣлѣ иногда изобличаетъ въ себѣ ужъ такую большую легкомысленность, что для его же собственной пользы прощать его невозможно. Младенца, котораго призрѣлъ и воспиталъ неоднократно мною упомянутый Константинъ Пизонскій, сей бѣдный старикъ просилъ дьякона научить какому-нибудь пышному стихотворному поздравленію для городского головы, а Ахилла, охотно взявшись за это порученіе, натвердилъ мальчишкѣ такое:

Днесъ Христось родился,
А Иродь царь взбѣсился:
Я васъ поздравляю,
И вамъ того-жъ желаю

Нѣтъ; противъ него необходима большая строгость!»

«1-го января 1862 года. Лѣкаръ, по обязанности службы, вскрывалъ одного скоропостижно умершаго, и учитель Варнава Препотенскій привелъ на вскрытіе нѣсколько учениковъ изъ уѣзднаго училища, дабы показать имъ анатомію, а потомъ въ классѣ говорилъ имъ: «видѣли ли вы тѣло?» отвѣчаютъ: «видѣли».—«А видѣли ли кости?»—«И кости, отвѣчаютъ, видѣли».—«И все ли видѣли?»—«Все видѣли», отвѣчаютъ.—«А души не видали?»—«Нѣтъ, души не видали».—«Ну, такъ гдѣ же она?..» И рѣшилъ имъ, что души нѣтъ. Я конфиденціально обратилъ на сіе вниманіе зрителя и сказалъ, что не премину сказать объ этомъ при директорской ревизіи.

«Вотъ ты, попъ, уже и потребовался. Воевалъ ты съ расколомъ—не сладилъ; воевалъ съ поляками—не сладилъ, теперь лады съ этою дуростью, ибо это уже плодъ отъ чреслъ твоихъ возрастаетъ. Сладилъ ли?.. Погадай на пальцахъ».

«9-го января. Болею жабой и не выхожу изъ дому, и уроки въ училищѣ вмѣсто меня преподаетъ отецъ Захарія. Сегодня онъ пришелъ разстроенный и сконфуженный, и со слезами отъ преподаванія уроковъ вмѣсто меня отказывается, а причина сему такая. Отецъ Захарія въ прошлый урокъ въ третьемъ классѣ задалъ о Промыслѣ, и истолковалъ его и сталъ сегодня отбирать заданное; но одинъ ученикъ, бакалейщика Лялина сынъ, способнѣйшій мальчикъ Аліоша, вдругъ отвѣтилъ, что «онъ допускаетъ только Бога Творца, но не признаетъ Бога Промыслителя». Удивленный такимъ отвѣтомъ, отецъ Захарія спросилъ, на чемъ сей юный богословъ основываетъ свое заключеніе, а тотъ отвѣчалъ, что на томъ, что въ природѣ много несправедливаго и жестокаго, и на первое указалъ на смерть, неправоудно будто бы посланную всѣмъ за грѣхопаденіе одного человѣка. Отецъ Захарія, вынужденъ будучи такъ этого дерзкаго отвѣта не бросить, началъ разяснять ученикамъ, что мы, по несовершенству ума нашего, всему сему весьма плохіе судьи, и подкрѣпилъ свои слова указаніемъ, что если бы мы во грѣхахъ нашихъ вѣчны были, то и грѣхъ былъ бы вѣченъ, все порочное и злое было бы вѣчно, а для большаго вразумленія прибавилъ примѣръ, что и кровожадный тигръ, и свирѣпая акула были бы вѣчны, и

достаточно снмъ всѣхъ убѣдилъ. Но на вторыхъ часахъ, когда отецъ Захарія былъ въ низшемъ классѣ, сей самый мальчикъ вошелъ туда и тамъ при малюткахъ опровергъ отца Захарію, сказавъ: «а что же бы сдѣлали намъ кровавый тигръ и свирѣлая акула, когда мы были бы безсмертны?» Отецъ Захарія, по доброты своей и ненаходчивости, только и нашелся отвѣтить, что «ну, ужъ о семь люди умнѣ насъ съ тобой разсуждали». Но это столь старика тронуло, что онъ у меня часъ добрый очень плакалъ; а я, какъ на зло, все еще боленъ и не могу выйти, чтобы погрозить этому дебоширству, въ коемъ подозрѣваю учителя Варнаву».

«13-го января. Сколь я, однако, угадчивъ! Аліюпа Лялинь выпоронъ отцомъ за свое вольнодумное разсужденіе и плача подъ лозами, объявилъ, что сему вопросу и послѣдующему отвѣту научилъ его учитель Препотенскій. Не годую страшно; но лѣкаръ нашъ говоритъ, что выйти мнѣ невозможно, ибо у меня будто рецидивная *angina*, и затѣмъ проторю дорожку *ad patres*, а сего бы еще не хотѣлось. Писалъ смотрителю записку и получилъ отвѣтъ, что Препотенскому, въ удовлетвореніе моего требованія, сдѣлано замѣчаніе. Да, замѣчаніе! за растленіе умовъ, за соблазнъ *малыхъ сихъ*, за оскорбленіе честнѣйшаго, кроткаго и, можно сказать, примѣрнаго служителя алтаря — замѣчаніе, а за то, что голодный дьячокъ промѣнялъ Псалтырь старую на новую, сажаетъ семью цѣлую на годъ безъ хлѣба... О, роде лукавыи!..»

«18-го января. Препотенскій, конечно, поощрился только этимъ замѣчаніемъ и моего отца Захарію совсѣмъ заклевывалъ. Этотъ глупый, но язвительный негодяй научилъ ожесточеннаго лозами Аліюшу Лялина спросить у Захаринъ: «правда ли, что пьяный челоуѣкъ скоть?» — «Да, скоть», — отвѣчалъ, ничто же сумняся, отецъ Захарія. «А гдѣ же его душа въ это время, ибо вы говорили-де, что у скота души нѣтъ?» Отецъ Захарія смутился и отвѣтилъ только то, что: «а, ну, погоди, я вотъ еще и про это твоему отцу скажу: онъ тебя опять выпоретъ». Для Господа Бога скажите, вѣдь становится серьезнымъ вопросомъ: что дѣлать съ этимъ новымъ супостатомъ просвирнпнымъ сыномъ и учителемъ пакостей Варнавою».

«19-го января. Старый бакалейщикъ Лялинь вновь вы-

драть сына лозами и за симъ вслѣдъ взялъ его совсѣмъ изъ училища въ лавку, сказавъ, что «здѣсь не училище, а развратъ содомскій». Ненавижу мою несносную горловую жабу, которая мнѣ въ эти минуты стиснула гортань. Вотъ этотъ успѣхъ Варнавинъ есть живой прикладъ, что такое можетъ сдѣлать одна паршивая овца, если ее въ стадо пустять! Вотъ также и наука къ тому, что музыканту мало трезвости, а нужно и искусство. Первый прикладъ даетъ Препотенскій, второй—мой отецъ Захарія. Ради просвѣтителя Препотенскаго изъ школы дѣтей берутъ, а отецъ Захарія, при всей чистотѣ души своей, ни на что отвѣтить не можетъ. Вотъ когда уши мои выше лба хотятъ вспрыгнуть. Да, теперь чувствуешь ли, разумный гражданинъ, что я не совсѣмъ дармоѣдъ и не обманщикъ? Чувствуешь ли? И ежели чувствуешь сіе, то чувствуешь ли и то, что я хилъ, старъ и отупѣлъ отъ всѣхъ оныхъ «молчи»... А что еще тамъ на смѣну мнѣ растеть? Думай о нихъ, брате мой, думай о нихъ, искренній мой и ближній, ибо уже ехидный врагъ ввиду насъ всталъ, и сей врагъ плоть отъ плоти наша. Нынѣ онъ еще пока глупъ и юродивъ, въ Варнавиной кожурѣ ходитъ, но старый попъ, опытомъ наученный, говоритъ тебѣ: на стражѣ стой и зорко слѣди, во что онъ перерядится. Гдѣ теперь Чемерницкій, и оный мой правитель? Какого они плана держатся? Сколь они умнѣе стали съ тѣхъ поръ, какъ разговаривали въ храмѣ и пѣли на крыльцѣ «много ли это» вмѣсто многая лѣта? Пойди нынѣ, лови! Сунься... они тебя поймаютъ».

«21-го января. Скажешь себѣ слово подъ-руку, да и самъ не обрадуешься. Еще и чернило съ достаточною прочностію не засохло, коимъ писалъ, что «лови ихъ, они сами тебя поймаютъ», какъ вдругъ уже и изловленъ. Сегодня пришелъ ко мнѣ городничій Порохонцевъ и принесъ копію съ служебной бумаги изъ Петербурга. Писано, что до свѣдѣнія вышаго начальства дошло о распространеніи въ нашихъ мѣстахъ газеты «Колоколь» и прочихъ секретныхъ сочиненій, и что посему вмѣняется въ обязанность распространеніе сихъ вещей строго преслѣдовать; а подписано—нашъ «Чемерницкій!» Каковъ!»

«27-го. Я ужасно встревоженъ. Съ гадостнымъ Варнавой Препотенскимъ справы нѣтъ. Разсказывать на урокъ, что Иона пророкъ не могъ быть во чревѣ китовѣ, потому что

у огромнаго звѣря кита все-таки весьма узкая глотка. Рѣшительно не могу этого снестъ, но пожаловаться на него директору боюсь, дабы еще и оттуда не ограничилось все однимъ легонькимъ ему замѣчаніемъ».

«2-го февраля. Почтмейстеръ Тимоѣей Ивановичъ, подпечатывая письма, нашелъ описаніе Тугановскаго дѣла, списаннаго городничимъ для Чемерницкаго, и всѣ сему очень смѣялись. На что же сіе дѣлаютъ, на что же и подпечатываніе съ болтовствомъ, уничтожающимъ сей операціи всякое значеніе, и корреспондированіе революціонеру отъ полицейскаго чиновника? Городничій намекалъ, что литераторствуетъ для «Колокола». Не достойнѣе ли бы было, если бы ничего этого, ни того, ни другого, совсѣмъ не было?»

«14-го февраля. Я все еще боленъ и не выхожу. Читалъ книгу журнала, гдѣ въ одной повѣсти выводится авторомъ пошль. Разсказано, какъ онъ пріѣхалъ въ село и какъ онъ старается быть добрымъ и честнымъ; но встрѣчаетъ къ тому ежечасныя препятствія. Хотя все это описано вскользь и безъ фундаментальнаго знанія нашего положенія, но весьма тому радуюсь, что пришла автору такая мысль. Насталъ часъ, чтобы свѣтскіе люди посмоглись на насъ, а мы въ свою очередь въ ихъ соображенія и стремленія вникли. Какой смѣшной нашъ дьяконъ Ахилла! Видя, что я въ болѣзни случаю, и желая меня разсѣять, привелъ ко мнѣ собачку Пизонскаго, ублюдочку пуделя, коему какъ Ахилла скажетъ: «собачка, засмѣйся!» она какъ бы и вправду, скаля свои зубы, смѣется. Опять сядетъ предъ нею большущій дьяконъ на корточки и повторитъ: «засмѣйся, собачка!» она и снова смѣется. Сколь дѣтски близокъ этотъ Ахилла къ природѣ и сколь все его въ ней занимаетъ!..»

«17-го февраля. Препотенскій окончательно вывелъ меня изъ терпѣнія. Я его и человѣкомъ болѣе вовсе считать не могу послѣ того, что онъ сдѣлалъ, и о дѣяніяхъ его написалъ не директору его, а предводителю Туганову. Чтò отродится отъ сего стараго вольтерьянина — не знаю, но все-таки онъ человѣкъ земли, а не наемщикъ, и пожалѣетъ ее. Варнавка дѣлаетъ, до чего только безуміе довести можетъ. За болѣзнію учителя Гонорскаго, Препотенскому поручено временно читать исторію, а онъ сейчасъ же началъ толко-

вать о безнравственности войны и относить сіе все прямо къ событіямъ въ Польшѣ. Но этого мало ему было, и онъ, глумясь надъ цивилизаціей, порицалъ патриотизмъ и начала національныя, а далѣе осмѣивалъ дѣтямъ благопристойность, представляя ее во многихъ отношеніяхъ даже безнравственною, и привелъ такой примѣръ сему, что народы образованные скрываютъ актъ зарожденія человѣка, а не скрываютъ акта убійства, и даже оружія войны на плечахъ носятъ. Чего сему глупцу хочется? По правдѣ, сіе столь глупо, что и подумать стыдно, а я все сержусь. Мелочь сіе; но я вѣдь мелочи однѣ и назираю, ибо я въ малѣ и поставленъ».

«28-го февраля. Ого! Вольтерьянинъ-то мой не шутить. Приѣхалъ директоръ. Я не вытерпѣлъ, и хотя лѣкаръ грозилъ мнѣ опасностью, однако я вышелъ и говорилъ ему о безчинствахъ Препотенскаго; но директоръ всему сему весьма разсмѣялся. Что это у нихъ за смѣшливость! Обратилъ все сіе въ шутку и сказалъ, что отъ этого Москва не загорится, «а впрочемъ,—добавилъ онъ съ серьезною миной:—гдѣ вы мнѣ прикажете брать другихъ? они всѣ нынѣ такіе бывають». И вышелъ я же въ смѣшныхъ дуракахъ, какъ бесполезный хлопотунъ. Видно, такъ этому и быть слѣдуетъ».

«1-го марта. И вправду я старый шутъ вѣрно сталъ, что всѣ надо мною потѣшаются. Пришли сегодня ко мнѣ лѣкаръ съ городничимъ, и я имъ сказалъ, что здоровье мое отъ вчерашняго выхода нимало не пострадало; но они на сіе разсмѣялись и отвѣчали, что лѣкаръ это шутя продержалъ меня въ карантинѣ, ибо ударился объ закладъ съ кѣмъ-то, что стѣнитъ ему захотѣть, я мѣсяць просижу дома. Съ этою цѣлю онъ и запугивалъ меня опасностью, которой не было. Тифу!»

«14-го мая. Препотенскій, однакоже, столь осмѣлѣлъ, что и въ моемъ присутствіи мало измѣняется. Добывъ у кого-то изъ раскольниковъ весьма распространенную книжечку съ видами, гдѣ антихристъ изображенъ архіереемъ въ нынѣшнемъ облаченіи, изъяснялъ, что Христось былъ соціалистъ, а мы, попы и архіерей, какъ сему противимся, то мы и есьмы антихристы».

«20-го іюня. Отлично поправился, проѣхавшись по благочинію. Такъ свѣжо и хорошо въ природѣ, на людяхъ и

миръ и довольство замѣчается. Въ Благодуховѣ крестьяне на свой счетъ поправили и расписали храмъ, но опять и здѣсь, при такомъ спокойномъ дѣлѣ, явилось нѣчто въ игривомъ духѣ. Изобразили въ притворѣ на стѣнѣ почтенныхъ лѣтъ старца, опочивающаго на ложѣ, а внизу умѣстили подпись: «Въ седьмой день Госиодъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ». Далъ отцу Якову за сіе замѣчаніе и картину велѣлъ замалевать».

«11-го іюля. Позавчера служилъ у насъ въ соборѣ проѣздомъ владыка. Спрашивалъ я отца Троиці: стерта ли въ Благодуховѣ извѣстная картина? и узналъ, что картина еще существуетъ, чѣмъ было и встревожился, но отецъ Троиці успокоилъ меня, что это ничего, и шутиливо сказалъ, что «это въ народномъ духѣ», и еще присовокушилъ къ сему нѣкоторый анекдотъ о душѣ въ башмакахъ, и опять все покончили въ самомъ игривомъ. Эко! сколь имъ все весело».

«20-го іюля. Ѣздилъ въ Благодухово и картину велѣлъ состругать при себѣ: въ глупомъ народному духу потворствовать не нахожу нужнымъ. Узнавалъ о художникѣ; оказалось, что это понамарь Павелъ упражнялся. Гармонируя съ духомъ времени въ шутиivosti, велѣлъ сему художнику сѣсть съ моимъ кучеромъ на облучокъ и, прокативъ его сорокъ верстъ, отпустилъ пѣшечкомъ обратно, чтобы имѣлъ время въ сей проходкѣ поразмыслить о своей живописной фантазіи».

«12-го августа. Дьяконъ Ахилла все давно что-то мурлычить. Недавно узналъ, что это онъ вступилъ въ польскій хоръ и поетъ у Кальярскаго, басомъ, польскія пѣсни. Далъ ему честное слово, что донесу ѓ семъ владыкѣ; но простилъ, потому что вижу, что это учинено имъ по его всегдашнему легкомыслію».

«12-го октября. Былъ у насъ на ревизіи новый губернаторъ. Заходилъ въ соборъ и въ училище, и въ оба раза, и въ училищѣ, и въ церкви, непременно требовалъ у меня благословенія. Человѣкъ русскій и по обхожденію, и по фамиліи. Очень еще молодъ, учился въ семъ особенномъ училищѣ правовѣдѣнія, и изъ Петербурга въ первый разъ всего выѣхалъ, что сейчасъ на немъ и замѣтно, ибо все его интересуеть. Съ особымъ любопытствомъ разспрашивалъ о характерѣ столкновеній духовенства съ властію предво-

дательскою; но, къ сожалѣнiю, я его любопытства удовлетворить не могъ, ибо у насъ, что уѣздный Плодомасовъ, что губернский Тугановъ — мужи достойные, столкновенiй нѣтъ. Говорилъ, что копошенью поляковъ онъ не намѣренъ придавать никакого значенiя, и выразился такъ: что «ихъ просто надо игнорировать», какъ бы ихъ нѣтъ, ибо «все это, добавилъ, должно стусhevаться; масса ихъ поглотить, и ихъ слѣда не останется». При семъ не безъ краснорѣчiя указалъ, что не должно ставить всякое лыко въ строку, «ибо (его слова) все это только раздуваетъ несогласiе и отвлекаетъ правительственныхъ людей отъ ихъ главныхъ цѣлей». При семъ, развивая свою мысль въ духъ высшей же, вѣроятно, политики, заговорилъ о національномъ фанатизмѣ и нетерпимости».

«14-го ноября. Рассказываютъ, что одинъ помѣщикъ ѣздилъ къ губернатору жаловаться на неисполненiе крестьянами обязательствъ; губернаторъ, остановивъ потокъ его жалобъ, сказалъ: «прошу васъ, говоря о народѣ, помнить, что я демократъ».

«20-го января 1863 года. Пишу замѣчательную и назидательную исторiю о суррогатѣ. Сообщаютъ такую курьезную повѣсть о первомъ свиданiи сего новаго губернатора съ нашимъ предводителемъ Тугановымъ. Сей высшей политики исполненный петербургскiй шпизъ и Вольтеру нашему отрекомендовалъ себя демократомъ, за что Тугановъ на балѣ въ дворянскомъ собранiи въ глаза при всѣхъ его и похвалилъ, добавивъ, что это направленiе самое прекрасное и особенно въ настоящее время идущее кстати, такъ какъ у насъ уѣздахъ въ трехъ изрядный голодъ и для любви къ народу открыта широкая дѣятельность. Губернаторъ сему весьма возрадовался, что есть голодъ, но осерчалъ, что ему это до сихъ поръ было неизвѣстно, и, подозревая своего правителя, сильно ему выговаривалъ, что тотъ его не извѣстилъ о семъ прежде, причемъ, какъ настоящiй торопыга, тотчасъ же велѣлъ донести о семъ въ Петербургъ. По правитель, оправляя передъ нимъ свою вину, молвилъ, что замѣчаемый въ тѣхъ уѣздахъ голодъ еще не есть настоящiй голодъ; ибо, хотя тамъ хлѣбъ и пропасть, но зато изрядно «родилось просо». Отсюда и началась исторiя. «Что такое просо?» — воскликнулъ губернаторъ. «Просо — суррогатъ хлѣба», — отвѣчалъ ученый пра-

витель, вмѣсто того, чтобы просто сказать, что изъ праса кашу варять, что, можетъ статья, удовлетворило бы и нашего правовѣда, ибо онъ долженъ быть мастеръ варить кашу. Но, однако, случилось такъ, что сказано ему «суррогатъ». «Стыдитесь,—возразилъ, услыхавъ это слово, вышнелитникъ:—стыдитесь обманывать меня, когда стоитъ войти въ любую фруктовую лавку, чтобы знать на что употребляется просо: въ просѣ виноградъ возять!» Тугановъ серьезно промолчалъ, а черезъ день послалъ изъ комиссіи продовольствія губернатору списокъ хлѣбныхъ сѣмянъ въ Россіи. Губернаторъ сконфузился, увидавъ тамъ просо, и, призвавъ своего правителя, сказалъ: «Извините, что я вамъ тогда не повѣрилъ, вы правы, *просо — хлѣбъ*». Всенскреннѣйше тебя, любезный демократъ, сожалью! Нѣмецъ хотя и полагалъ, что Николай угодникъ овсомъ промышленяетъ, но такъ не виноградничалъ».

«6-го декабря. Постоянно приходятъ вѣсти о контрахъ между предводителемъ Тугановымъ и губернаторомъ, который, говорятъ, отыскиваетъ чѣмъ бы ткнуть предводителя за свое «просо» и, наконецъ, кажется они столкнулись. Губернаторъ все за крестьянъ, а тотъ, Вольтеръ, за свои права и вольности. У одного правовѣдство смыслъ покривило, такъ что ему надо бы пожелать позабыть то, что онъ узналъ, а у другого — гонору съ Араратскую гору, и уже никакого ни къ какимъ правамъ почтенія. У нихъ будетъ баталія».

«20-го декабря. Приѣхали на Святки семинаристы, и сынъ отца Захаріи, дающій private уроки въ добрыхъ домахъ, привезъ совершенно невѣроятную и дикую новость: какой-то отставной солдатъ, притаясь въ уголкѣ Покровской церкви, снялъ вѣнецъ съ чудотворной иконы Иоанна воина и, будучи взятъ съ тѣмъ вѣнцомъ въ домъ своемъ, объяснилъ, что онъ этого вѣнца не кралъ, а что, жалуясь на необезпеченность отставного русскаго воина, молилъ сего святого воинственника пособить ему въ его бѣдности, а святой, якобы виявъ сему, проговорилъ: «я ихъ за это накажу въ будущемъ вѣкѣ, а тебѣ на вотъ куда это», и съ сими участливыми словами снялъ будто бы своєю рукой съ головы оный драгоцѣнный вѣнецъ и промолвилъ «возьми». Стоитъ ли, кажется, такое объясненіе какого-либо вниманія? Но просу воздѣйствовавшу разсуждено

ипаче, и отъ губернатора въ консисторію послѣдоваль за-просъ: могло ли происходить такое чудо? Разумѣется, что консисторія очутилась въ затрудненіи, ибо нельзя же ей отвѣчать, что чудо невозможно; но къ чему же, однако, это направляется? Предводитель Тугановъ по сему случаю секретно запротестовалъ и написалъ, что видитъ это дѣй-ствіе неразумнымъ и предпринимаемымъ единственно для колебанія вѣры и для насмѣшки надъ духовенствомъ. Та-кимъ образомъ сей старый невѣръ становится за духовен-ство, а обязанный защищать оное правовѣдецъ надъ нимъ издѣвается. Нѣтъ, кажется, и вправду уже грядеть часъ и нынѣ есть, когда здравый разумъ будетъ не въ состоя-ніи усматривать во всемъ совершающемся хотя малѣйшую странность. Самое заступленіе Туганова, такъ какъ оно не по ревности къ вѣрѣ, а по враждѣ къ губернатору, то хотя бы это, повидимому, и на пользу въ семъ настоя-щемъ случаѣ, но, однако, радоваться тутъ нечему, ибо чего же можно ожидать хорошаго, если въ государствѣ всѣ одинъ надъ другимъ стануть издѣваться, забывая, что они одной коронѣ присягали и одной странѣ служатъ? Плохо-съ!»

«9-го января 1864. Самъ Тугановъ пріѣзжалъ зачѣмъ-то въ Плодомасово. Я не утерпѣлъ и поѣхалъ вчера пови-даться и узнать насчетъ его борьбы и его протеста за Іоанна воина. Чудно! Сей Тугановъ, нѣкогда читатель Воль-тера, заговорилъ со мною съ грустью и въ наидруженнѣй-шемъ тонѣ. Протестъ свой онъ еще не считаетъ доста-точно сильнымъ, ибо сказать, «что я самъ для себя ду-маю обо всемъ чудодѣйственнымъ, то про мой обиходъ при-миѣ и остается, а не могу же я раздѣлять бездѣльныхъ желаній — отнимать у народа то, что одно только пока и вселяетъ въ него навѣкъ думать, что онъ принадлежитъ немножечко къ высшей сферѣ бытія, чѣмъ его полосатая свинья и корова». Какаа сухменность въ этихъ словахъ, но я уже не возражалъ... Что ужъ дѣлать! Боже! помози Ты хотя *сему невѣру*, а то взаправду не досиѣтъ бы намъ до табуннаго скитанія, пожиранія корней и конскаго ржанія».

«20-го мая. По части шутовства новое преуспѣаніе: по случаю распространившагося по губерніи вредоноснаго по-вѣтрія на скоть и людей, въ губерцкихъ вѣдомостяхъ на-

печатано внушеніе духовенству — наставлять прихожанъ, «чтобы крестьяне остерегались шарлатанскаго лѣченія знахарей и бабокъ, нерѣдко разстраивающихъ здоровье нарки, а обращались бы тотчасъ за пособіемъ къ мѣстнымъ врачамъ и ветеринарамъ?» А гдѣ же у насъ сіи «мѣстные врачи и ветеринары?» Припоминаю невольно давно читанную мною старую книжечку англійскаго писателя, остроумнѣйшаго пастора Стерна, подъ заглавіемъ «Жизнь и мнѣнія Тристрама Шанди», и заключаю, что, по окончаніи у насъ сего патентованнаго нигилизма, мнѣ начинается *шандизмъ*, ибо и то, и другое не есть ученіе, а есть особое умственное состояніе, которое по Стернову опредѣленію «растворяетъ сердце и легкія, и вертитъ очень быстро многосложное колесо жизни». И что меня еще болѣе убѣждаетъ въ томъ, что Русь вступила въ фазу шандизма, такъ это то, что сей Шанди говорилъ: «если бы мнѣ, какъ Санхъ-Пансѣ, дали выбирать для себя государство, то я выбралъ бы себѣ не коммерческое и не богатое, а такое, въ которомъ бы непрестанно какъ въ шутку, такъ и въ серьезъ смѣялись». Ей-право онасаюсь, не насъ ли убогенькихъ разумѣлъ сей шутоватый Панса, ибо все это какъ разъ къ намъ подходящее, и не богаты, и не тороваты, а ужъ куда какъ гораздо смѣшливы!»

«21-го мая. Помѣщикъ Плодомасовъ вернулся изъ столицы и привезъ и мнѣ, и отцу Захаріи, и дьякону Ахиллѣ весьма дорогія трости натурального камыша и показывалъ небольшую стеклянную лампочку съ горящею жидкостью, «керосинъ» или горное масло, что добывается изъ нефти».

«9-го июня. Я допустилъ въ себѣ постыдную мелочность съ тростями, о которыхъ выше писалъ, и цѣлая прошедшая жизнь моя опрокинулась какъ рѣшето и покрыла меня. Я сижу подъ этимъ рѣшетомъ, какъ ощипанный грачъ, котораго злые ребята принасли, чтобы надъ нимъ потѣшаться. Вотъ поистинѣ печальнѣйшая сторона житейскаго измелчанія: я обмелѣлъ, обмелѣлъ всемѣрно и даже до того обмелѣлъ, что безгласной бумагѣ суетности своей довѣрить не въ состояніи, а скажу вкратцѣ: меня смущало, что у меня и у Захаріи одинаковыя трости и почти таковая же подарена Ахиллѣ. Боже! на то ли я былъ некогда годенъ, чтобы за тросточку обижаться или, что еще хуже, ухищряться объ ея отличіи? Нѣтъ, не такой я

былъ, не пустяки подобные меня влекли, а занять я былъ мыслью высокою, чтобъ усовершенствовавъ себя въ земной юдоли, увидѣть невечерній свѣтъ и возвратить съ процентами врученный мнѣ отъ Господа талантъ».

Этимъ оканчивались старыя Туберозовскія записки, дочитавъ которыя, старикъ взялъ перо и написалъ новую дату, началъ спокойно и строго выводить на чистой страницѣ: «Было внесено мной своевременно, какъ однажды просвирниинъ сынъ, учитель Варнава Препотенскій, надъ группою смущалъ неповинныхъ дѣтей о дунѣ человеческой, говоря, что никакой души нѣтъ, потому что нѣтъ ей въ тѣлѣ видимаго гнѣздилища. Гнѣвъ мой противъ сего пустаго, но вреднаго человѣка былъ въ оныя времена умными людьми признанъ суетнымъ, и самый поводъ къ сему гнѣву найденъ не заслуживающимъ вниманія. Нынѣ новое происшествіе: когда недавно былъ паводокъ, къ городскому берегу принесло откуда-то сверху неизвѣстное мертвое тѣло. Мать Варнавки, обѣднённая просвирня, сегодня сказала мнѣ въ слезахъ, что лѣкарь съ городничимъ, вѣроятно по злобѣ къ ея сыну, или въ насмѣшку надъ нимъ, подарили ему онаго утопленника, а онъ, Варнавка, по глупости своей, этотъ подарокъ принялъ, сварилъ мертвеца въ корчагахъ, въ которыхъ она доселѣ мирно золила свое бѣлье, и отваръ вылилъ подъ апортовую яблоньку, а кости, собравъ, повезъ въ губернский городъ, и что чрезъ сіе она опасается, что ея драгоценнаго сына возьмутъ какъ убойцу съ костями сего человѣка. Не я, какъ умѣлъ, успокоилъ, а городничаго просилъ объяснить: «для какихъ надобностей трупъ утонувшаго человѣка, подлежащій послѣ вскрытія церковному погребенію, былъ отданъ ими учителю Варнавкѣ?» И получилъ въ отвѣтъ, что это сдѣлано ими «въ интересахъ просвѣщенія», то-есть для образованія себя, Варнавки, надъ скелетомъ въ естественныхъ наукахъ. Пресмѣшно, какое раченіе о наукѣ со стороны людей, столь отъ нея далекихъ какъ городничій Порохонцевъ, проведеншій полжизни въ кавалерійской конюшнѣ, гдѣ учатся конямъ хвостъ подвязывать, или лѣкарь-лгунъ, принадлежащій къ той наукѣ, члены которой учеными почитаются только отъ круглыхъ невѣждъ, чему и служить доказательствомъ его грубѣйшая пелѣница, якобы онъ, выпивъ по ошибкѣ у Плодомасова, вмѣсто водки, рюмку освѣтительнаго керо-

она, имѣлъ-де цѣлую недѣлю животь свой свѣтящимся. Но какъ бы тамъ ни было, а сваренный Варнавкой утопленникъ превратился въ скелеть. Кости Варнавка отвезъ въ губернію къ фельдшеру въ богоугодное заведеніе. Сей искусникъ въ анатоміи позацѣплялъ всѣ эти косточки одну за другую и составилъ скелеть, который привезень сюда въ городъ и нынѣ находится у Препотенскаго, укрѣпившаго его на окнѣ своемъ, что выходитъ какъ разъ противъ алтаря Никитской церкви. Тамъ онъ и стоитъ, служа постояннымъ предметомъ сбора уличной толпы и ссоры, и нестроеной домашнихъ у Варнавки съ его простоватою матерью. Мертвецъ сей началъ мстить за себя. Ежепопно началъ онъ сниться несчастливой матери сего ученаго и смущасть покой старухи, неотступно требуя у нея себѣ погребенія. Бѣдная и вопли въ несчастливая женщина эта молилась, плакала и, на колѣняхъ стоя, просила сына о дарованіи ей сего скелета для погребенія и натурально встрѣтила въ семь наирѣшительнѣйшій отпоръ. Тогда она рѣшилась на мѣру нѣкоего отчаянія и, въ отсутствіе сына, собрала кости въ небольшой деревянный ковчежець и снесла оныя въ садъ и своими старческими руками закопала эти кости подъ тою же апортовою яблонью, подъ которую вылиты Варнавкой разваренное тѣло несчастливца. По все это вышло неудачно, ибо ученый сынокъ обратно ихъ оттуда ископалъ, и началась съ сими костями новая исторія, еще по сіе время не оконченная. Просто смѣху и сраму достойно, что изъ сего послѣдовало! Похищали они эти кости другъ у дружки до тѣхъ поръ, пока мой дьяконъ Ахилла, которому до всего дѣло, взялся сіе прекратить и такъ немѣлочно приступилъ къ исполненію этой своей рѣшимости, что я не имѣлъ никакой возможности его удержать и обрезать, и вотъ точно какое-то предощеніе меня смущаешь, какъ бы изъ этого пустяка не вышло какой-нибудь вредной глупости для людей путныхъ. А кромѣ того, и ужасно разстроился разговорами съ городничимъ и съ дьякономъ, укорявшими меня за мою *ревнивую* (по ихъ словамъ) *истерпимость къ невѣрью*, тогда какъ, думается имъ, вѣры уже никто не содержитъ, не исключая-де и тѣхъ, кои официально за нее заступаются. Вѣрю! По вѣрѣ моей и тому вѣрю и даже не сомнѣваюсь, но удивляюсь, откуда это взялась у насъ такая ожесточенная вражда и ненависть

къ вѣрѣ? Происходитъ ли сіе отъ стремленій къ свободѣ; но кому же вѣра помѣхой въ дѣлахъ всяческихъ преуспѣяній къ исканію свободы? Отчего настоящіе мыслители такъ не думали?»

Отець Савелій глубоко вздохнулъ, положилъ перо, еще взглянулъ на свой дневникъ и словно еще разъ общимъ генеральнымъ взглядомъ окинулъ всѣхъ, кого въ жизнь свою вписалъ онъ въ это не безстрастное поминанье, закрылъ и замкнулъ свою демпкатоновую книгу въ ея старое мѣсто. Затѣмъ онъ подошелъ къ окну, приподнял спущенную коленкоровую штору и, поглядѣвъ за рѣку, выпрямился во весь свой ростъ и благодарственно перекрестился. Небо было закрыто черными тучами и рѣдкія капли дождя уже шлепали въ густую пыль; это былъ дождь, прошенный и моленый Туберововымъ, прошедшимъ днемъ, на мірскомъ молебнѣ, и въ теперешнемъ его появленіи старикъ видѣлъ какъ бы знаменіе, что его молитва не бездѣйственна. Старый Туберововъ шепталъ слова восторженныхъ хваленій и не замѣтилъ, какъ по лицу его тихо бѣжали слезы, и дождь все частилъ капля за каплей и, наконецъ, засѣялъ какъ сквозь частое сито, освѣжая влажною прохладой слегка воспаленную голову протопопа, который такъ и уснулъ, какъ сидѣлъ у окна, склонясь головой на свои бѣлыя руки.

Между тѣмъ безгромный, тихій дождь пролилъ, воздухъ сталъ чистъ и свѣжъ, небо очистилось, и на востокъ сѣдой сумракъ начинаетъ серебриться, приготовляя мѣсто зарѣ дня иже во святыхъ отца нашего Меѳодія Песношскаго, дня, которому, какъ мы можемъ вспомнить, дьяконъ Ахилла придавалъ такое особенное и, можно сказать, великое значеніе, что даже велѣлъ кроткой протопопицѣ записать у себя этотъ день на всегданнюю память.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Разсвѣтъ быстро яснѣлъ, и пока солнце умывалось въ туманѣ за дымящимся боромъ, золотыя стрѣлы его лучей уже остро вытягивались на горизонтѣ. Легкій туманъ всполохнулся надъ рѣкой и поползъ вверхъ по скалистому берегу; подъ мостомъ онъ клубится и липнетъ около черныхъ и мокрыхъ свай. Изъ-подъ этого тумана сияетъ бална и виднѣтся бѣлая полоса шоссе. На всемъ еще лежатъ тѣни

полусвѣта, и нигдѣ, ни внутри домовъ, ни на площадяхъ и улицахъ, не замѣтно никакихъ признаковъ пробужденія.

Но вотъ на самомъ верху крутой, нагорной стороны Старого Города, надъ узкою крестовою тропой, что ведетъ по уступамъ кремнистаго обрыва къ рѣкѣ, тонко и прозрачно очерчиваются контуры весьма странной группы. При слабомъ освѣщеніи, при которомъ появляется эта группа, въ ней есть что-то фантастическое. Посрединѣ ея стоитъ человекъ, покрытый съ плечъ до земли ниспадающимъ длиннымъ хитономъ, слегка схваченнымъ въ опоясѣ. Фигура эта появилась совершенно незамѣтно, точно выплыла изъ рѣдѣющаго тумана, и стоитъ неподвижно, какъ привидѣніе.

Суевѣрный человекъ можетъ подумать, что это старогородскій домовой, пришедшій повздыхать надъ городомъ за часъ до его пробужденія.

Однако, все болѣе и болѣе яснѣющій разсвѣтъ съ каждымъ мгновеніемъ позволяетъ точнѣе видѣть, что это не домовой, и не иной духъ, хотя въ то же время все-таки и не совсѣмъ что-либо обыкновенное. Теперь мы видимъ, что у этой фигуры руки опущены въ карманы. Изъ одного кармана торчитъ очень длинный пруть, съ надвязанною на его концѣ пращей, или, по крайней мѣрѣ, рыболовною лесой, изъ другого — на четырехъ бечевахъ виситъ что-то похожее на тяжелую палицу. Но вотъ шелохнуль вѣтерокъ, по сонной рѣкѣ тихо сверкнуло мелкою рябью, за узорною рѣшеткой соборнаго храма встрепенулись листочки березы, и пустыя складки широкихъ покрововъ нагорной статуи задвигались тихо и открыли тонкія ноги, въ бѣлыхъ ночныхъ панталонахъ. Въ эту же секунду, какъ обнажились эти тонкія ноги, взади изъ-за нихъ неожиданно выставилось четыре руки, принадлежащія двумъ другимъ фигурамъ, скрывавшимся на второмъ планѣ картины. Услужливыя руки эти захватили раздутыя полы, собрали ихъ и снова обернули ими тоненькія, бѣлыя ноги кумира. Теперь стоило только взглянуть поприлежнѣе, и можно было разсмотрѣть двѣ остальные фигуры. Справа виднѣлась женщина. Она бросалась въ глаза прежде всего непомѣрною выпуклостью своего чрева, на которомъ высоко поднималась узкая тунника. Въ рукахъ у этой женщины мѣдный, блестящій щитъ, посрединѣ котораго былъ прикрѣпленъ большой пукъ волосъ, какъ будто только что снятыхъ съ черепа

вмѣстѣ съ кожей. Съ другой стороны, именно слѣва высокой фигуры, выдавался широкобородый, приземистый, черный дикарь. Подъ лѣвою рукой у него было что-то похожее на орудіа пытки, а въ правой онъ держалъ кровавый мѣшокъ, изъ котораго свѣсились книзу двѣ человѣческія головы, блѣдныя, лишенныя волосъ и, вѣроятно, испутившія послѣдній вздохъ въ пыткѣ. Окрестъ этихъ трехъ лицъ совсѣмъ вѣяло воздухомъ сѣверной саги. Но вотъ свѣтъ, ясное солнце всплыло еще немножко повыше, и таинственной саги какъ не бывало. Это просто три живые, хотя и весьма оригинальные человѣка. Они и еще постояли съ минутой и потомъ двинулись книзу. Спустиась шаговъ десять, они снова остановились, и тотъ, который былъ изъ нихъ выше другихъ и стоялъ впереди, тихонько промолвилъ:

— Смотри, братъ Комарь, а вѣдь ихъ что-то нынче не видно!

— Да, не видать, — отвѣчалъ чернобородый Комарь.

— Да ты получше смотри!

Комарь воззрился за рѣку и черезъ секунду опять произнесъ:

— Нечего смотрѣть: никого не видать.

— А въ городѣ, Господи, тишь-то кака!

— Сонное царство, — замѣтила тихо фигура, державшая мѣдный щитъ подъ рукой.

— Что ты говоришь, Фелиси?—спросила, не разслышавъ, худая фигура.

— Я докладываю вамъ, Воишь Васильевичъ, что въ городѣ сонное царство, — проговорила въ отвѣтъ женщина.

— Да, сонное царство; но скоро начнутъ просыпаться. Вотъ погляди-ка, Комарь, оттуда ужъ, кажется, кто-то бултыхнулъ?

Фигура кивнула налѣво къ острову, съ котораго легкій парокъ подымался и тихо клубился подъ мостомъ.

— Бултыхнулъ и есть, — отвѣтилъ Комарь и началъ слѣдить за двумя тонкими кружками, расширявшимися по тихой водѣ. Въ центрѣ передняго изъ этихъ кружковъ, тихо качаясь, вертѣлось что-то въ родѣ зрѣлой, желтой тыквы.

— Ахъ онъ, каналья, опять прежде насъ бултыхнулъ, не дождавшись начальства.

— А вонъ и оттуда готовъ, — молвилъ безстрастно Комарь.

— Можетъ ли быть! Ты врешь, Комарище.

— А вонъ! поглядите, вонъ, идутъ ужъ надъ самую рѣкой!

Всѣ три путника приложили ладони къ бровямъ, и, поглядѣвъ за рѣку, увидали, что тамъ выступало что-то рослое и дебелое, съ ногъ до головы повитое бѣлымъ саваномъ: это «что-то» напоминало какъ нельзя болѣе статую Командора и, какъ та же статуя, двигалось плавно и медленно, но неуклонно приближаясь къ рѣкѣ.

Въ эти минуты свѣтозарный Фебъ быстро выкатилъ на своей огненной колесницѣ еще выше на небо; совсѣмъ разрѣдѣвшій туманъ словно весь пропитало янтарнымъ тономъ. Картина обогрелась багрецомъ и лазурью, и въ этомъ яркомъ, могучемъ освѣщеніи, весь облитый лучами солнца, въ волнахъ рѣки показался нагой богатырь съ буйною гривой черныхъ волосъ на большой головѣ. Онъ плылъ противъ течения воды, сидя на достойномъ его могучемъ красномъ конѣ, который мощно разсѣкалъ широкою грудью волну и сердито хралѣлъ темноогненными ноздрями.

Всѣ эти пѣшія лица и плывущій всадникъ стремятся съ разныхъ точекъ къ одному пункту, который, если бы провести отъ нихъ перекрестныя линіи, обозначился непремѣнно на выдающемся посрединѣ рѣки большимъ камнѣ. Въ первой фигурѣ, которая спускается съ горы, мы узнаемъ старгородскаго исправника Вонна Васильевича Порохонцева, отставного ротмистра, длиннаго худого добряка, разрѣшившаго, въ интересахъ науки, учителю Варнавѣ Препотенскому воспользоваться тѣломъ утопленника. На этомъ сухомъ и длинномъ меценатѣ надѣтъ масаковаго цвѣта шелковый халатъ, а на головѣ остренькая гарусная ермолка; изъ одного его кармана, гдѣ покоится его правая рука, торчитъ тоненькое кнутовище съ навязаннымъ на немъ длиннымъ выводнымъ кнутомъ, а около другого, въ который засунута лѣвая рука городничаго, тихо показываются огромная, до-черна закуренная пенковая трубка и сафьяновый восточный кисеть съ охотничьимъ ремешкомъ.

У него за плечомъ слѣва тихо шагаетъ его главный курьеръ Комарь, бариновъ другъ и наперсникъ, давно уже утратившій свое крестное имя и отъ всѣхъ называемый Комаремъ. У Комаря вовсе не было съ собой ни пыталъ-

ныхъ орудій, ни двухъ мертвыхъ головъ, ни мѣлика изъ испачканной кровью холстины, а онъ просто несъ подъ мышкой скамейку, старенькій пунцовый коверчикъ, да пару бычьихъ туго надутыхъ пузырей, связанныхъ одинъ съ другимъ суконною покрывкой.

Третій ликъ, за четверть часа столь грозный, съ мѣднымъ щитомъ подъ рукой, теперь предстаетъ намъ въ скромнѣйшей фигурѣ жены Комаря. «Мать Фелисата», такъ звали эту особу на дворнѣ, была обременена довольно тяжелою ношей, но вся эта ноша тоже отнюдь не была пригодна для битвы. Прежде всего она несла свое чрево, служившее пріютомъ будущему юному Комаренку, потомъ подъ рукой у нея былъ ярко заблиставшій на солнцѣ мѣдный тазъ, а въ томъ тазѣ мочалка, въ мочалкѣ—суконная рукавичка, въ суконной рукавичкѣ—кусочекъ камфарнаго мыла; а на головѣ у нея лежала вчетверо сложенная бѣлая простыня.

Картина самаго тихаго свойства.

Подъ бѣлымъ покровомъ шедшая тихо съ Зарѣчья фигура тоже вдругъ потеряла свою грандіозность, а съ нею и всякое подобіе съ Командоромъ. Это шелъ человѣкъ въ сапогахъ изъ такой точно кожи, въ какую обута нога каждаго смертнаго, носящаго обувь. Шелъ онъ спокойно, покрытый до пяты простыней, и когда, подойдя къ рѣкѣ, сбросилъ ее на траву, то въ немъ просто-на-просто представился дебелый и нескладный бѣлобрысый уѣздный лѣкарь Пуговкинъ.

Въ кучерявомъ нагомы всадникѣ, плывущемъ на гнѣдомъ долгогривомъ конѣ, узнается дьяконъ Ахилла, и даже еле мелькающая въ мелкой ряби струй тыква принимаетъ знакомый человѣческій обликъ: въ ней обозначаются два кроткіе голубые глаза и сломанный носъ. Ясно, что это не тыква, а лысая голова Константина Пизонскаго, старческое тѣло котораго скрывается въ свѣжей влагѣ.

Предъ нами стягивается на свое урочное мѣсто компанія старгородскихъ кунальщиковъ, которые издавна обыкновенно встрѣчаются здѣсь такимъ образомъ каждое утро погожаго лѣтняго дня и вмѣстѣ наслаждаются свѣжею, утреннею ванной. Посмотримъ на эту сцену.

Первый сбросилъ съ себя свою простыню бѣлый лѣкарь, черезъ минуту онъ снялъ и второй свой покровъ, свою ро-

зовую серпянковую сорочку, и вслѣдъ затѣмъ, шибко разбѣжавшись, бросился кувыркомъ въ рѣку и поплылъ къ большому, широкому камню, который возвышался на одинъ футъ надъ водою на самой срединѣ рѣки. Этотъ камень, дѣйствительно, былъ центромъ ихъ сборища.

Лѣкаръ въ нѣсколько взмаховъ переплылъ пространство, отдѣлявшее его отъ камня, вскочилъ на гладкую верхнюю площадь камня и, захохотавъ, крикнулъ:

— Я опять прежде всѣхъ въ водѣ!—И съ этимъ лѣкаръ гаркнулъ Ахиллѣ:—Плыви скорѣй, Фараонъ! Видишь ли ты его чортушку?—опять, весело смѣясь, закричалъ онъ исправнику, и спова, не ожидая отвѣта отъ ротмистра, звалъ уже Пизонскаго, поманивая его тихонько, какъ уточку:—Гряди, плѣшиве! гряди, плѣшиве!

Межь тѣмъ къ исправнику, или уѣздному начальнику, который не былъ такъ проворенъ и еще оставался на сушѣ, въ это время подошла Фелисата: она его распоясала и, снявъ съ него халатъ, оставила въ одномъ бѣльѣ и въ пестрой фланелевой фуфайкѣ.

Такъ этотъ воинъ еще приготовлялся къ купанью, тогда какъ лѣкаръ, сидя на камнѣ и болтая въ водѣ ногами, вертѣлся во всѣ стороны и весело свисталъ, и вдругъ неожиданно такъ громко треснулъ подплывшаго къ нему Ахиллу ладонью по голой спинѣ, что тотъ даже вскрикнулъ не отъ удара, а отъ громогласнаго звука.

— За что это такъ громко дерешься? — воскликнулъ дьяконъ.

— Не хватай меня за тѣло,—отвѣчалъ лѣкаръ.

— А если у меня такая привычка?

— Отвыкай,—отозвался снова, громко свистя, лѣкаръ.

— Я и отвыкаю, да забываюсь.

Лѣкаръ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ свистать, а дьяконъ, покачавъ головой, плюнулъ и, развязавъ шнурочекъ, которымъ былъ подпоясанъ по своему богатырскому тѣлу, снялъ съ этого шнурочка конскую скребницу и щетку и началъ усердно и съ знаніемъ дѣла мыть гриву своего коня, который, гуляя на чембурѣ, выгябалъ наружу ладистую спину и бурливо пѣнилъ колѣнами воду.

Этотъ пейзажъ и жанръ представляли собою простоту старогородской жизни, какъ увертюра представляетъ музыку оперы: но увертюра еще не окончена.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

На лѣвомъ берегу, гдѣ оставался медлительный градоначальникъ, кучеръ Комарь разостлалъ коверъ, утвердилъ на немъ принесенную скамейку, покачалъ ее вправо и влево, и убѣдясь, что она стоитъ крѣпко, возгласилъ:

— Садитесь, Воинъ Васильевичъ; крѣпко!

Порохонцевъ подошелъ поспѣшно къ скамьѣ, еще собственноручно пошаталъ ее и сѣлъ не прежде, какъ убѣдясь, что скамья, дѣйствительно, стоитъ крѣпко. Едва только баринъ присѣлъ, Комарь взялъ его сзади подъ плечи, а Комарева жена, поставивъ на коверъ тазъ съ мочалкой и простыней, принялась разоблачать воинственнаго градоначальника. Сначала она сняла съ него ермолку, потомъ вязаную фуфайку, потомъ туфли, носки, затѣмъ осторожно наложила свои ладони на сухія ребры ротмистра и остановилась, скосивъ въ знакъ вниманія на бокъ свою голову.

— Чтò, Фелиси, кажется, уже ничего: кажется, можно вхатъ?—спросилъ Порохонцевъ.

— Нѣтъ, Воинъ Васильевичъ, еще пульсы бьются,—отвѣчала Фелисата.

— Ну, надо подождать, если бьются: а ты, Комарь, бултыхай.

— Да я бултыхну.

— Ты бултыхай, братецъ, бултыхай! Ты оплыви разогъ, да и выйди, и поѣдемъ.

— Не былъ бы я тогда только, Воинъ Васильевичъ, очень скользкій, чтобы вы опять по анамедншнему не упали?

— Нѣтъ, ничего; не упаду.

Комарь сбросилъ съ себя, за спиной своего господина, рубашку и, прыгнувъ съ разбѣгу въ воду, шибко заработалъ руками.

— Ишь какъ лихо плаваетъ твой Комаринецъ!—проговорилъ Порохонцевъ.

— Отлично, —отвѣчала Комариха, повидимому, нимало не стѣсняясь сама и не стѣняя никого изъ купальщиковъ своимъ присутствіемъ.

Фелисата, бывшая крѣпостная дѣвушка Порохонцева, давно привыкла быть нянькой своего больного помѣщика, и въ ухаживаніяхъ за нимъ различіе пола для нея не суще-

ствовало. Межь тѣмъ Комарь оплылъ камень, на которомъ сидѣли купальщики, и, выскочивъ снова на берегъ, сталъ спиной къ скамѣ, на которой сидѣлъ градоначальникъ, и изогнулся глаголемъ.

Воинъ Васильевичъ взлѣзъ на него верхомъ, обхватился руками за шею и поѣхалъ на немъ въ воду. Ротмистръ обыкновенно такимъ образомъ выѣзжалъ на Комарѣ въ воду, потому что не могъ идти босою ногой по мелкой щебенкѣ, но чуть вода начинала доставать Комарю подмышки, Комарь останавливался и докладывалъ, что камней ужъ нѣтъ, и что онъ чувствуетъ подъ ногами песокъ. Тогда Воинъ Васильевичъ слѣзалъ съ его плечь и ложился на пузыри. Такъ было и нынче: сухой градоначальникъ легъ, Комарь толкнулъ его въ пятки, и они оба поплыли къ камню, и оба на него взобрались. Небольшой камень этотъ, возвышающійся надъ водой ровною и круглою площадью фута въ два въ діаметрѣ, служилъ теперь помѣщеніемъ для пяти человѣкъ, изъ коихъ четверо: Порохонцевъ, Пизонскій, лѣкаръ и Ахилла размѣщались по краямъ, усѣвшись другъ къ другу спинами, а Комарь стоялъ между ними въ узенькомъ четырехугольничкѣ, образуемомъ ихъ спинами, и мылъ голову своего господина, остальные бесѣдовали. Пизонскій, дергая свопомъ кривымъ носомъ, рассказывалъ, что, какъ вчера смерклось, гдѣ-то ниже моста въ лозахъ, сѣла пара лебедей и ночью подъ дождичекъ все гоготали.

— Лебеди кричали, это къ чему-то прилету, — замѣтилъ Комарь, продолжая усердно намылывать баринову голову.

— Нѣтъ, это просто къ хорошему дню, — отвѣтилъ Пизонскій.

— Да и кому къ намъ прилетѣтъ? — вмѣшался лѣкаръ: — живемъ какъ кикиморы, цѣлый вѣкъ ничего новаго.

— А на что намъ новое? — отвѣтилъ Пизонскій. — Все у насъ есть; погода прекрасная, сидимъ мы здѣсь на камушкѣ, никто насъ не осуждаетъ; наги мы, и никто насъ не испугаетъ. А пріѣдетъ новый человѣкъ, все это ему покажется не такъ, и пойдетъ онъ разбирать...

— Пойдетъ разбирать, зачѣмъ они голые сидятъ? — фамиллярно перебилъ Комарь.

— Спросить: зачѣмъ это держать такого начальника, котораго баба моегъ? — подсказалъ лѣкаръ.

— А вѣдь и правда!—воскликнулъ, тревожно поворотясь на мѣстѣ, ротмистръ.

Комарь подулъ себѣ въ усы, улыбнулся и тихо проговорилъ:

— Скажетъ: зачѣмъ это исправникъ на Комарѣ верхомъ ѣздитъ?

— Молчи, Комарище!

-- Полюбопытствуютъ, любопытствуютъ и объ этомъ,— снова отозвался кроткій Пизонскій, и вслѣдъ затѣмъ вздохнулъ и добавилъ:—А теперь безъ новостей мы вотъ сидимъ, какъ въ раю; сами мы наги, а видимъ красу: видимъ лѣсъ, видимъ горы, видимъ храмы, воды, зелень; вонъ тамъ выводки утинныя подъ бережкомъ попискиваютъ; вонъ рыба мелкота цѣлою стаей играетъ. Сила Господня!

Звукъ двухъ послѣднихъ словъ, которыя громче другихъ произнесъ Пизонскій, сначала раскатился по рѣкѣ, потомъ еще разъ перекинулся на взгорьѣ и, наконецъ, нѣсколько гулче отозвался на Зарѣчьи. Услыхавъ эти переливы, Пизонскій поднялъ надъ своею лысою головою устремленный вверхъ указательный палецъ и сказалъ:

— Трижды сила Господня тебѣ отвѣчаетъ: чего еще лучше, какъ жить въ такой тишинѣ и въ ней все и окончить.

— Правда, истинная правда, — отвѣчала, вздохнувъ, ротмистръ. — Вотъ мы съ лѣкаремъ маленькую новость сдѣлали: дали Варнавѣ мертваго человѣка сварить, а и то сколько пошло изъ этого вздора! Кстати, дьяконъ: ты, братъ, не забудь, что ты обѣщаль отобрать у Варнавки эти кости!

— Что мнѣ забывать; я не аристократъ, чтобы на меня орать сто кратъ; я что обѣщаль, то и сдѣлаль.

— Какъ сдѣлаль? Неужто и сдѣлаль?

— А, разумѣется, сдѣлаль.

— Дьяконъ, ты это врешь, голубчикъ.

Ахилла промолчалъ.

— Что-жь ты молчишь? Расскажи же, какъ ты это отобраль у него эти кости? А? Да что ты, какого чорта нынче солидничаетъ?

— А отчего же мнѣ и не солидничать, когда мнѣ талія моя на то позволяетъ? — отозвался не безъ важности Ахилла. — Вы съ лѣкаремъ нагаднили, а я ваши глупости

неправиль; влѣзь къ Варнавкѣ въ окошко, сгребь въ кулечекъ всѣ эти кости...

— И что же дальше, Ахиллушка? Что, милый, дальше, что?

— Да вотъ тутъ безтолковщина вышла.

— Говори же скорѣй, говори!

— А что говорить, когда я самъ не знаю: кто у меня ихъ, эти кости, назадъ укралъ.

Порохонцевъ подпрыгнулъ и вскричалъ:

— Какъ, опять украдены?

— То-есть, какъ тебѣ сказать, украдены? Я не знаю, украдены онѣ или нѣтъ, а только я ихъ принесъ домой, и всѣ какъ надо высыпалъ на дворѣ въ телѣжку, чтобы спрятать, а теперь утромъ глянулъ: ихъ опять нѣтъ, и всего вотъ этотъ одинъ хвостикъ остался.

Лѣкарь захохоталъ.

— Чего ты смѣешься?—проговорилъ слегка сердившійся на него дьяконъ.

— Хвостикъ у тебя остался?

Ахилла разсердился.

— Разумѣется, хвостикъ,—отвѣчалъ онъ:—а то это что же такое?

Дьяконъ отвязалъ отъ скребницы привязанную веревочкой щиколоточную человѣческую косточку и, сунувъ ее лѣкарю, сухо добавилъ:—на, разглядывай, если тебѣ не вѣрится.

— Да развѣ у людей бываютъ хвостики?

— А то развѣ не бываютъ?

— Значить и ты съ хвостомъ?

— Я?—переспросилъ Ахилла.

— Да, ты.

Лѣкарь опять расхохотался, а дьяконъ поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Послушай, отецъ лѣкарь, ты шути, шути, только пропорцію знай: ты помни, что я духовная особа!

— Ну, да, ладно! Ты скажи хоть, гдѣ у тебя астрагелюсъ?

Незнакомое слово «астрагелюсъ» произвело на дьякона необычайное впечатлѣнiе: ему почудилось что-то чрезвычайно обидное въ этомъ латинскомъ названiи щиколотки, и онъ, покачавъ на лѣкаря укоризненно головой, глубоко вздохнулъ и медленно произнесъ:

— Ну, никогда я не ожидалъ, чтобы ты былъ такой подлець!

— Я подлець?

— А, разумѣется, послѣ того, какъ ты смѣлъ меня, духовное лицо, такую глупость спросить,—ты больше ничего какъ подлець. А ты послушай: я тебѣ давеча спустилъ, когда ты пошутилъ про хвостикъ, но ужъ этого ты бойся.

— Ужасно!

— Нѣтъ, не ужасно, а ты въ самомъ дѣлѣ бойся, потому что мнѣ ужъ это ваше нынѣшнее вольномысліе надоѣло и я еще вчера отцу Савелію сказалъ, что онъ не умѣетъ, а что если я возьмусь, такъ и всю эту вольнодумную гадость, которая у насъ завелась, сразу выдушу.

— Да развѣ *astragelus* сказать—это вольнодумство?

— Цыть!—крикнулъ дьяконъ.

— Вотъ, дуракъ,—произнесъ, пожавъ плечами, лѣкарь.

— Цыть! — загремѣлъ Ахилла, поднявъ свой кулакъ и засверкавъ грозно глазами.

— Тыфу, осель; съ нимъ нельзя говорить!

— А, а, я осель; со мной нельзя говорить! Ну, братъ, такъ я же вамъ не Савелій; пойдемъ въ омутъ!

И съ этими словами дьяконъ, перемахнувъ въ лѣвую руку чумбуръ своего коня, правую обхватилъ лѣкаря поперекъ его тѣла и бросился съ нимъ въ воду. Они погрузились, выплыли и опять погрузились. Хотя по дѣйствіямъ дьякона можно было заключить, что онъ отнюдь не хотѣлъ утопить врача, а только подвергалъ шуткѣ окунаемъ и, барахтаясь съ нимъ, держалъ полегоньку къ берегу; но три человѣка, оставшіеся на камнѣ, и стоявшая на противоположномъ берегу Фелисата, слыша отчаянные крики лѣкаря, пришли въ такой неописанный ужасъ, что подняли крикъ, который не могъ не произвестъ повсемѣстной тревоги.

Такъ дьяконъ Ахилла началъ искорененіе водворившагося въ Старъ-Городѣ нагубнаго вольномыслія, и мы будемъ видѣть, какія великія послѣдствія повлечетъ за собою это энергическое начало.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Крикъ и шумъ, поднятый по этому случаю купальщиками, пробудилъ еле вздремнувшего у окна протопопа; старикъ испугался, вскочилъ и, взглянувъ за рѣку, рѣшительно

не могъ себѣ ничего объяснить, какъ подъ окномъ у него остановилось щегольское тюльбюри, запряженное кровною сѣрою лошадыю. Въ тюльбюри сидѣла молодая дама въ черномъ платьѣ: она правила лошадыю сама, а возлѣ нея помѣщался рядомъ маленькій казачокъ. Это была молодая вдова помѣщица Александра Ивановна Серболова, нѣкогда ученица Туберозова, которую онъ очень любилъ и о которой всегда отзывался съ самымъ теплымъ сочувствіемъ. Увидавъ протопопа, молодая дама привѣтливо ему поклонилась и дружественно привѣтствовала.

— Александра Ивановна, пріймите дань моего наиглубочайшаго почтенія! — отвѣчалъ протопопъ. — Всегдашняя радость моя, когда я васъ вижу. Жена сейчасъ встанетъ, позвольте мнѣ просить васъ ко мнѣ на чашку чая.

Но дама отказалась и сказала, что она пріѣхала съ тѣмъ, чтобы помолиться объ усопшемъ мужѣ и просить Туберозова поспѣшить для нея въ церковь.

— Готовъ къ вашимъ услугамъ.

— Пожалуйста; вы начинайте обѣдню, а я заѣду на минутку къ старушкѣ Препотенской, она иначе обидится.

Съ этими словами дама кивнула головой, и легкій экипажецъ ся скрылся. Протопопъ Савелій началъ снѣшно дѣлать свой всегда тщательно содержимый туалетъ, послалъ дѣвочку велѣть ударить къ заутренѣ и велѣлъ ей забѣжать за дьякономъ Ахиллой, а самъ сталъ передъ кивотомъ на правило. Черезъ полчаса раздался ударъ соборнаго колокола, а черезъ нѣсколько минутъ позже и дѣвочка возвратилась, но возвратилась съ извѣстіемъ, что дьякона Ахиллу она не только не нашла, но что и никому неизвѣстно, гдѣ онъ. Ждать было некогда, и отецъ Туберозовъ, взявъ свою гробъ съ надписью «жезлъ Аароновъ расцвѣлъ», вышелъ изъ дому и направился къ собору. Не прошло затѣмъ и десяти минутъ, какъ глазамъ протопопицы, Натальи Николаевны, предсталъ дьякопъ Ахилла. Онъ былъ, что называется, весь виѣ себя.

— Маменька, — воскликнула она: — все, что я вчера вамъ обѣщала о мертвыхъ костяхъ, вышло вздоръ.

— Ну, я такъ тебѣ и говорила, что это вздоръ, — отвѣчала Наталья Николаевна.

— Нѣтъ, позвольте же, надо знать, почему этотъ вздоръ выходитъ? Я вчера, какъ вамъ и обѣщала, — я этого сваре-

наго Варнавкой человѣка останки, какъ слѣдуетъ, выкралъ у него въ окнѣ и спесь въ кулькѣ къ себѣ на дворъ и высыпалъ въ телѣгу, но днесъ поглядѣлъ, а въ телѣгѣ ничего нѣтъ! Я же тому не виноватъ?

— Да кто-жъ тебя винить?

— То-то и есть: я даже вналъ въ сомнѣніе, не схоронилъ ли я ихъ ночью, да не засыпалъ ли, по на купаньи меня лѣкаръ разсердилъ, и потомъ я прямо съ купанья бросился къ Варнавѣ; окошки закрыты болтами, а я заглянулъ въ щелочку и вижу, что этотъ обваренный опять весь цѣликомъ на крючечкѣ виситъ! Гдѣ отецъ протопопъ? Я все хочу ему рассказать.

Наталя Николаевна послала дьякона вслѣдъ за мужемъ, и шагистый Ахилла догналъ Туберозова на полудорогѣ.

— Чего это ты такъ... и бѣжишь, и пыхтишь, и сопишь, и топочешь? — спросилъ его, услышавъ его шаги, Савелій.

— Это у меня... отецъ Савелій, всегда, когда бѣжу... Вы развѣ не замѣтили?

— Нѣтъ, я этого не замѣчалъ, а ты отчего же объ этомъ лѣкарю не скажешь, онъ можетъ помочь.

— Ну, вотъ лѣкарю! Не напоминайте мнѣ, пожалуйста, про него, отецъ Савелій, да и онъ ничего не поможетъ. Мнѣ венгерець такого лѣкарства давалъ, что говоритъ, «только вышей, такъ не будешь ни согѣтъ, ни дышать!» однакоже я все вынилъ, а меня не взяло. А нашъ лѣкаръ... да я, отецъ протопопъ, имъ сегодня и разстроены. Я сегодня, отецъ протопопъ, вскинулъ на нашего лѣкаря. Вѣдь такаая, отецъ протопопъ, наглость...—Дьяконъ пригнулся къ уху отца Савелія и добавилъ вслухъ:—представьте вы себѣ, какая наглость!

— Ничего особеннаго не вижу, — отвѣчалъ протопопъ, тихо всходя на ступени собора:—astragelus есть кость во щиколоткѣ, и я не вижу, для чего ты могъ тутъ разсердиться.

Дьяконъ сдѣлалъ шагъ назадъ и въ изумленіи воскликнулъ:—Такъ это щиколотка!

— Да.

Ахилла ударилъ себя ладонью по лбу и еще громче крикнулъ:

— Ахъ, я дуракъ!

— А что ты сдѣлалъ?

— Нѣтъ, вы, сдѣлайте милость, назовите меня, пожалуйста, дуракомъ!

— Да скажи, за что назвать?

— Нѣтъ, ужъ вы смѣло называйте, потому что я вѣдь этого лѣкаря чуть не утопилъ.

— Ну, изволь, братецъ, исполняю твою просьбу: божистину ты дуракъ, и я тебѣ предсказываю, что если ты еще отъ подобныхъ своихъ глупыхъ обычаевъ не отстанешь, то ты безъ того не заключишь жизнь, чтобы кого-нибудь не угодить на смерть.

— Полноте, отецъ Савелій, я не совсѣмъ безъ понятій.

— Нѣтъ, не «полноте», а это правда. Что это, въ самомъ дѣлѣ, ты духовное лицо, у тебя полголовы сѣдая, а между тѣмъ, куда ты ни оборотишься, всюду у тебя скандалъ: тамъ ты нашумѣлъ, тутъ ты накричалъ, тамъ то повалилъ, здѣсь это опрокинулъ; такъ вездѣ за собой и ведешь безпорядокъ.

— Да что же такое, отецъ Савелій, я валяю и опрокидываю? Вѣдь этакъ круглымъ числомъ можно на человѣка ни вѣсть что наговорить.

— Постоянно, постоянно за тобой по пятамъ идетъ безпорядокъ!

— Не знаю я, отчего это такъ, и все же таки, значить, это не по моей винѣ, а по нескладности, потому что у меня такая природа, а въ другую сторону вы это напрасно располагаете. Я скорѣе за порядокъ теперь стою, а не за безпорядокъ, и въ этомъ расчисленіи все это и сдѣлалъ.

И вслѣдъ за симъ Ахилла скороговоркой, но со всѣми деталями разсказалъ, какъ онъ вчера укралъ костякъ у Варнавы Препотенскаго и какъ этотъ костякъ опять пропалъ у него и очутился на старомъ мѣстѣ. Туберововъ слушалъ Ахиллу, все болѣе и болѣе раскрывая глаза, и, невольно сдѣлавъ нѣсколько шаговъ назадъ, воскликнулъ:

— Великій Господи, что это за злополучный человѣкъ!

— Кто это, отецъ Савелій?— съ неменьшимъ удивленіемъ воскликнулъ и Ахилла.

— Ты, искренній мой, ты!

— А по какой причинѣ я злополученъ?

— Кто, какой злой духъ научаетъ тебя все это дѣлать?

— Да что такое дѣлать?

— Лазить, похищать, ссориться!

— Это вы меня научили, — отвѣчалъ спокойно и искренно дьяконъ: — вы сказали: путемъ или непутемъ этому надо положить конецъ, я и положилъ. Я вашу волю исполнилъ.

Туберовозъ только покачалъ головой и, повернувшись лицомъ къ дверямъ, вошелъ въ притворъ, гдѣ стояла на колѣняхъ и молилась Серболова, а въ углу, на погребальныхъ носилкахъ, сидѣлъ, сбивая щелчками пыль съ своихъ панталонъ, учитель Препотенскій, лицо котораго сіяло на этотъ разъ радостнымъ восторгомъ: онъ глядѣлъ въ глаза протопопу и дьякону, и улыбался. Онъ, очевидно, слышалъ, если не весь разговоръ, который они вели на сходахъ храма, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя слова ихъ. Но зачѣмъ, какъ, съ какого повода появляется здѣсь, бѣжавшій храма, учитель? Это удивляетъ и Ахиллу, и Туберовоза, съ тою лишь разницею, что Ахилла не можетъ отрѣшиться отъ той мысли: зачѣмъ здѣсь Препотенскій, а чинный Савелій выбросилъ эту мысль вонъ изъ головы тотчасъ, какъ предъ нимъ распахнулись двери, открывающія алтарь, которому онъ привыкъ предстоять со страхомъ и трепетомъ. Прочелъ часть; скорбная служба отиѣта. Серболова и ея дальній кузень, нѣкто Дарьяновъ, напились у отца Савелія чаю и ушли: Серболова уѣзжаетъ домой подъ вечеръ, когда схлынетъ солнечный жаръ. Она теперь хочетъ отдохнуть. Дарьяновъ придетъ къ ней обѣдать въ домикъ старушки Препотенской; а отецъ Туберовозъ условился туда же придти нѣсколько попозже, чтобы напиться чаю и проводить свою любимѣйшую духовную дочь.

Но гдѣ же Ахилла и гдѣ Препотенскій?

Учитель исчезъ изъ церкви, какъ только началась служба, а дьяконъ бѣжалъ тотчасъ, какъ ее окончилъ. Отцу Савелію, который прилегъ отдохнуть, такъ и кажется, что они гдѣ-нибудь носятся и другъ друга гонять. Это былъ «сонъ въ руку»: дьяконъ и Варнава приготовлялись къ большому сраженію.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Тяжелъ, скученъ и утомителенъ видъ пустынныхъ улицъ, нашихъ уѣздныхъ городовъ во всякое время; но особенно убійственъ онъ своею мертвенностію въ жаркій лѣтній пол-

день. Густая сѣрая пыль, мѣстами избородченная слѣдами прокатившихся по ней колесъ, сонная и увядшая муравка, окаймляющая немощныя улицы къ сторонѣ воображаемыхъ тротуаровъ; сѣдые, подгнившіе и покосившіеся заборы; замкнутыя тяжелыми замками церковныя двери; деревянныя лавочки, брошенныя хозяевами и заставленныя двумя, крестьяна-крестьянскими положенными, досками; все это, среди полдневнаго жара, дремлетъ до такой степени заразительно, что человекъ, осужденный жить среди такой обстановки, и самъ терять всякую бодрость и тоже томится и дремлетъ.

Въ такую именно пору, Валеріанъ Николаевичъ Дарьяновъ прошелъ нѣсколько пустыхъ улицъ и, наконецъ, повернулъ въ очень узенькій переулочекъ, который наглухо запирается старымъ рѣшетчатымъ заборомъ. За заборомъ видна была церковь. Пригнувъ низко голову, Дарьяновъ вошелъ въ низенькую калиточку, на церковный погостъ. Здѣсь, въ углу этого погоста, мѣстилась едва замѣтная хибара церковнаго сторожа, а въ глубинѣ, за цѣлымъ лѣсомъ ветхихъ надмогильныхъ крестовъ, ютился низенькій трехъконный домикъ просвирни Препотенской.

На погостѣ не было той густой пыли, которая сплошнымъ слоемъ лежала по всему пространству городской площади и улицъ. Тутъ, напротивъ, стлалась зеленая мурава, и двѣ курицы, желавшія понѣжиться въ пыли, на солнечномъ припекѣ, должны были выйти для этого за калитку и лечь подъ ея порогомъ на улицѣ. Здѣсь онѣ закапывались въ пыль, такъ что ихъ почти нельзя было и замѣтить, и лежали обыкновенно каждый день въ полной увѣренности, что ихъ никто не побезпокоитъ; при появленіи перешагнувшаго черезъ нихъ Дарьянова, онѣ даже не шевельнулись и не тронулись; а только открыли по одному изъ своихъ янтарныхъ глазъ и, проводивъ соннымъ взглядомъ гостя, снова завели ихъ выпуклыми сѣрыми вѣками. Дарьяновъ прямо направился къ калиткѣ домика Препотенскихъ и постучалъ въ тяжелое желѣзное кольцо. Отвѣта не было. Вездѣ тишь: ни собака не тявкнетъ, ни голосъ человѣческій не окликнетъ. Дарьяновъ постучалъ снова, но опять безуспѣшно. Тогда онъ, отложивъ всякую надежду кого-нибудь дозваться, прошелъ подъ жердочку въ малину, которою густо обросъ просвирнинъ домикъ, и заглянулъ въ одно изъ его оконъ. Окна были закрыты отъ солнца став-

нями, по сквозь неплотныя створы этихъ ставенъ свободно можно было видѣть все помѣщеніе. Это была комната большая, высокая, почти безъ мебели и съ двумя дверями, изъ которыхъ за одною виднѣлась другая, крошечная синія каморочка, съ высокою постелью, закрытою лоскутовымъ ситцевымъ одѣяломъ.

Большая пустая комната принадлежала учителю Варнавѣ, а маленькая каморочка—его матери: въ этомъ и состоялъ весь ихъ домъ, если не считать кухонки, въ которой негдѣ было повернуться около загнитки.

Теперь ни въ одной изъ этихъ комнатъ не было видно ни души, но Дарьяновъ слышалъ, что въ сѣняхъ, за дверью, кто-то сильно работаетъ сѣчкой, а въ саду, подъ окномъ, кто-то другой не то третъ кирпичъ, не то лилить терпугомъ какое-то желѣзо. Юще болѣе убѣжденный теперь, что стукомъ здѣсь никого не докличешься, Дарьяновъ перешелъ къ забору, огораживавшему садикъ, и, отыскавъ между досками щелочку, началъ чрезъ нее новое обозрѣніе, но это было не такъ легко: у самаго забора росли густые кусты, не позволявшіе разглядѣть человѣка, производившаго шумъ кирпичомъ или напилкомъ. Дарьяновъ нашелся вынужденнымъ взять другой обсерваціонный пунктъ. Ступивъ носкомъ сапога на одну, слегка выдавшуюся доску, а рукой ухватясь за верхній край забора, онъ поднялся и увидѣлъ маленькій, но очень густой и опрятный садикъ, посрединѣ котораго руками просвирни была пробита чистенькая, усыпанная желтымъ пескомъ дорожка. На этой дорожкѣ, прямо на землѣ, сидѣлъ учитель Варнава. Онъ сидѣлъ, разставивъ вытянутыя ноги, какъ дѣлають это играющія въ мячъ дѣти. Въ ногахъ у учителя, между колѣнами, лежала на пескѣ цѣлая груда человѣческихъ костей и листъ синей сахарной бумаги. Учитель держалъ въ каждой своей рукѣ по цѣлому кирпичу и ожесточенно теръ ими одинъ о другой надъ бумагой. Потъ лилъ ручьями по лицу Препотенскаго, несмотря на то, что учитель сидѣлъ въ тѣни, и не обременялъ себя излишнимъ туалетомъ. Онъ былъ босой, въ одной рубашкѣ и панталонахъ, подстегнутыхъ только одною подтяжкой.

— Варнава Васильевичъ! Отоприте мнѣ, Варнава Васильевичъ!—закричалъ ему Дарьяновъ, но зовъ этотъ пропалъ безслѣдно. Препотенскій попрежнему теръ ожесто-

чено свои кирпичи, локти его ходили одинъ противъ другаго какъ два кривошипа; мокрые волосы трепались въ тактъ изъ стороны въ сторону; самъ онъ также качался, какъ подвижной цилиндръ, и ничего не слыхалъ, и ни на что не откликался.

Гость могъ бы скорѣе добиться отвѣта у мертвыхъ, пощющихъ на покинутомъ кладбищѣ, чѣмъ у погруженнаго въ свои занятія учителя. Угадывая это, Дарьяновъ болѣе и не звалъ его, а прыгнулъ на заборъ и перелетѣлъ въ садъ Препотенскаго. Какъ ни лежокъ былъ этотъ прыжокъ, но старыя, разошедшіяся доски все-таки застучали, и пораженный этимъ стукомъ учитель быстро выпустилъ изъ рукъ свои кирпичи и, бросившись на четвереньки, схватилъ въ охапку разсыпанныя предъ нимъ человѣческія кости. Препотенскій, очевидно, былъ въ большемъ перепугѣ, но не могъ бѣжать. Не оставляя своего распростертаго положенія, онъ только тревожно смотрѣлъ въ шевелившійся густой малинникъ и все тщательнѣе и тщательнѣе забиралъ въ руки лежавшія подъ нимъ кости. Въ тотъ моментъ, когда предъ учителемъ раздвинулись самые близкіе ряды малины, онъ быстро вскочилъ на свои длинные ноги и предсталъ удивленнымъ глазамъ Дарьянова въ самомъ странномъ видѣ. Растрепанная и включенная голова Препотенскаго, его потное, захватанное краснымъ кирпичомъ лицо, испуганные глаза и длинная полурасдѣтая фигура, нагруженная человѣческими костями, а съ пояса засыпанная мелкимъ, тертымъ кирпичомъ, издали совсѣмъ какъ будто залитая кровью, дѣлала его скорѣе похожимъ на людоѣда-дикаря, чѣмъ на человѣка, который занимается дѣломъ просвѣщенія.

— Ну, батюшка, Варнава Васильевичъ, прилежно же вы работаете! Васъ даже не дозовешься, — началъ, выходя, гость, разсмотрѣвъ котораго Варнава вдругъ просіялъ, захопалъ глазами и воскликнулъ:

— Такъ это вы! А я вѣдь думалъ, что это Ахилка.

И съ этими словами учитель отрадно разжалъ свои руки, и цѣлая груда человѣческихъ костей рухнула на дорожку, точно будто онъ вдругъ весь самъ выпотрошился.

— Ахъ, Валерьянъ Николаичъ, — заговорилъ онъ: — если бы вы знали, какія здѣсь съ нами дѣлаются дѣла. Нѣтъ,

чортъ возьми, чтобъ еще послѣ всего этого въ этой проклятой Россіи оставаться!

— Батюшки! Что же это такое? Нельзя ли рассказать?

— Конечно можно, если только... если вы не шпіонъ.

— Надѣюсь.

— Такъ садитесь на лавочку, а я буду работать. Сядьте-жь пожалуйста, мнѣ при васъ даже приятно, потому что все-таки есть свидѣтель, а я буду работать и рассказывать.

Гость принялъ приглашеніе и попросилъ хозяйина рассказать, что у него за горе и съ коихъ поръ оно началось.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

— Горе мое, Валерьянъ Николаевичъ, началось съ минуты моего рожденія,—заговорилъ Препотенскій:—и заключается это горе, главнымъ образомъ, въ томъ, что я рожденъ моею матерью!

— Утѣнитесь, другъ любезный, всѣ люди рождены своими матерями,—проговорилъ, отирая со лба потъ, Дарьяновъ.—Одинъ Макдуфъ былъ вырѣзанъ изъ чрева, да и то для того, чтобы Макбета не побѣдилъ—женой рожденный.

— Ну да, Макбета!.. Какой тамъ Макбетъ? Намъ не Макбеты нужны, а науки; но что же дѣлать, когда здѣсь учиться невозможно. Я Богъ знаетъ чѣмъ отвѣчаю, что и въ Петербургѣ, и въ Неаполѣ, и во всякой странѣ, если гдѣ человѣкъ захочетъ учиться, онъ нигдѣ не встрѣтитъ такихъ препятствій, какъ у насъ. Говорятъ Испанія... Да что же такое Испанія? Въ Испаніи Библией лютеранскихъ нельзя имѣть, но тамъ и заговоры, и возстанія, и все дѣлается. Я увѣренъ, что пусть бы тамъ кто-нибудь завелъ себѣ кости, чтобы учиться, такъ ему этого не запретятъ. А тутъ съ перваго дня, какъ я завелъ кости, моя собственная родная мать пошла ко мнѣ приставать: «Дай, дитя мое, Варнаша, я *его* лучше схороню». Кого это: *его*, спрашивается? Что это еще за *онъ*? Почему эти кости *онъ*, а не *она*? Правъ я или нѣтъ?

— Совершенно правы.

— Прекрасно-съ! Теперь говорятъ, будто я мою мать честью не урезониваю. Неправда-съ! напротивъ, я ей говорилъ: «Маменька, не трогайте костей, это глупо; вы, говорю, не понимаете, онѣ мнѣ нужны, я по нимъ человѣка изучаю». Ну, а что вы съ нею прикажете, когда она отвѣ-

часть: «Другъ мой, Варнаша, нѣтъ, все-таки лучше я его схороню...» Вѣдь это же изъ рукъ вонъ!

— Ужъ именно.

— Да то ли еще одно: она ихъ въ поминанье записала-сь!

— Будто?

— Честью васъ увѣряю! такъ и записано: «помяни Господи раба твоего *имрека*».

— Что вы за чудо рассказываете?

— Да вотъ вамъ и чудо, а изъ этого чуда скандалъ!

— Ну?

— Да, конечно-сь! А вы какъ изволите разсуждать? Вѣдь это все имѣетъ связь съ церковью. Вѣдь отсюда цѣлый рядъ недоразумѣній и даже уголовщиной пахнетъ?

— Господи мой!

— Именно-сь, именно вамъ говорю, потому что моя мать записываетъ людей, которыхъ не знаетъ какъ и назвать, а отъ этого понятно, что у ея приходскаго попа, когда онъ станетъ читать ея поминанье, сейчасъ полицейскіе инстинкты разыгрываются: что это за люди *имреки*, безъ именъ?

— Вы бы ее уговорили не писать?

— Уговаривалъ-сь. Я говорилъ ей: не молитесь вы, пожалуйста, маменька, за него, онъ изъ жидовъ. Не вѣрять! «Лжешь, говоритъ, это тебя бѣсъ научаетъ меня обманывать, я знаю, что жида съ хвостиками!» Никогда, говорю, ни у какихъ ни у жидовъ, ни у не-жидовъ никакихъ хвостиковъ нѣтъ. Ну и споръ: я какъ слѣдуетъ стою за евреевъ, а она противъ; я спорю — нѣтъ хвостовъ, а она твердитъ: есть! Я «нѣтъ», она «есть». «Нѣтъ», «есть!» А ужъ потомъ какъ разволнуется, такъ только кричитъ: «Кш-ш-шъ, кш-ш-шъ», да какъ па курицу, на меня ладошами предъ самымъ носомъ хлопаютъ. Ну, представьте же вы себѣ, еще говорить, нужна свобода женщинамъ. Отлично-сь, и я самъ за женскую свободу; но это надо съ толкомъ: молодой, развитой женщинѣ, которая хочетъ не стѣсняться своими дѣйствіями, давайте свободу, но старухамъ... Нѣтъ-сь, я первый противъ этого, и даже удивляюсь, какъ этого никто не разовѣсть въ литературѣ. Вѣдь этимъ пользуются самые вредные люди. Не угодно ли вамъ, попъ Захарія, и онъ идругъ за женскую эмансипацію! Да, да-сь, онъ за мою

мать. «Ежели ты, говорить, имѣешь право не вѣрить въ Бога, такъ она такой же человекъ и имѣеть право вѣрить!» Слышите, *такой* же. Не будь этихъ взглядовъ, моя мать давно бы мнѣ сдалась и уступила: она бы у меня и въ церковь не ходила, и бросила бы свое просвирничанье, а пошла бы къ Визюкиной въ няньки, а это ее все противъ меня вооружаютъ или Ахилка, или самъ Туберововъ.

— Ну, полноте, пожалуйста!

— Да какъ же полноте, когда я на это имѣю доказательства. Туберововъ никогда не любилъ меня, но теперь онъ меня за естественныя науки просто ненавидитъ, потому что я его срѣзаль.

— Какъ же это вы его срѣзали?

— Я сто разъ его срѣзывалъ, даже на той недѣлѣ еще разъ обрѣзаль. Онъ въ смотрительской комнатѣ, въ училищѣ, пустился ораторствовать, что праздничные дни будто заключаютъ въ себѣ что-то особенное этакое, а я его при всѣхъ и осадилъ. Я ему очень просто при всѣхъ указаль на математически доказанную невѣрность исчисления праздничныхъ дней. Гдѣ же, говорю, наши праздники? У васъ Рождество, а за границей оно уже тринадцать дней назадъ было. Вѣдь правъ я?

— То-есть, двѣнадцать, а не тринадцать.

— Да, кажется, что двѣнадцать, но не въ томъ дѣло, а онъ сейчасъ застучалъ по столу ладонью и закричалъ: «Эй, гляди, математикъ, не добрались бы когда-нибудь за это до твоей физики!» Во-первыхъ, что такое онъ здѣсь разумѣть подь словомъ *физики*?.. Вы понимаете — это и невѣжество, да и цинизмъ, а потому я васъ спрашиваю, развѣ это отвѣтъ?

Гость разсмѣялся и сказалъ, что это хотя и отвѣтъ, но, дѣйствительно, очень странный отвѣтъ.

— Да какъ же-съ! разумѣется глупо; но вѣдь этакихъ вещей идетъ цѣлый рядъ-съ. И вотъ, напримѣръ, даже вчера еще вечеромъ иду я отъ Визюкиной, а передо мною немножко впереди идетъ комиссаръ Данилка, знаете тотъ шляющійся, который за два цѣлковыхъ ѣздилъ у Глича лошадь воровать, когда Ахилла масло билъ. Я съ Данилой и разговорился. Что, говорю, Данило, гдѣ ты былъ? Отвѣчаетъ, что былъ у исправника, отъ почтмейстерши ягоды приносилъ, и слышалъ какъ тамъ читали, что въ чухон-

скомъ городѣ Ревелѣ мертвый человѣкъ безъ тлѣнія сто лѣтъ лежалъ, а теперь его велѣли похоронить. «Не знаю, насколько правды, что было такое происшествіе, но только послѣ тамъ тоже и про васъ говорка была», сообщилъ мнѣ Данило. Я, разумеется, встревожился, а онъ меня успокоиваетъ: «не про самихъ про васъ, говоритъ, а про вашихъ мертвыхъ людей, которыхъ вы у себя содержите». Понимаете ли вы эту интригу! Я далъ Данилкѣ двугривенный: что жъ дѣлать? это не хорошо, но шпионы нужны, и я всегда говорю, что шпионы нужны, и мы съ Бизюклиной въ этомъ совершенно согласны. Безъ шпионовъ нельзя обойтись, вводя новыя ученія, потому что надо штудировать общество. Да-съ, ну такъ вотъ... про что это я говорилъ? Да! Я далъ Данилкѣ двугривенный и говорю: рассказывай все. Онъ мнѣ и рассказалъ, что какъ прочитали эту газету, такъ дьяконъ и повелъ рѣчь о моихъ костяхъ. «Я, говоритъ, нарочно и газету эту принесъ, потому что на это вниманіе обращаю». А совсѣмъ вретъ, потому что онъ ничего никогда не читаетъ, а въ этой газетѣ ему Данилка отъ Лялиныхъ орѣховъ принесъ. «Это, говоритъ, Воинъ Васильичъ, ваша съ лѣкаремъ большая ошибка была дать Варнавѣ утопленника; но это можно поправить». Городничій, конечно, знаетъ мой характеръ, и говоритъ, что я не отдамъ, и я бы, конечно, и не отдалъ. Но Ахилла говоритъ: «У него, говоритъ, ихъ очень просто можно отобрать и преспокойно предать погребенію». Городничій говоритъ: «не дать ли квартальному предписаніе, чтобъ отобрать кости?» Но этотъ бандитъ: «мнѣ ничего», говоритъ, «не нужно: я ихъ сейчасъ безъ предписанія отберу и уложу въ гробикъ въ дѣтскій, да и кончено».

Препотенскій вдругъ рванулся къ костямъ, накрылъ ихъ руками, какъ насѣдка покрываетъ крыломъ испуганныхъ приближеніемъ коршуна цыплятъ, и произнесъ нервнымъ голосомъ:

— Нѣтъ-съ, извините! пока я живъ, это не кончено. И того съ васъ довольно, что вы все это нѣсколько замедляете!

— Что же это такое «они» замедляютъ

— Ну, будто вы не понимаете?

— Революцію, что ли?

Учитель прекратилъ работу и съ усмѣшкою кивнулъ головой.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

— Отобравъ эти свѣдѣнія отъ Данилки, — продолжалъ Варнава: — я сейчасъ же повернулъ къ Визюкиной, чтобъ она объ этомъ знала, а черезъ часъ прихожу домой и уже не застаю у себя ни одной кости. Гдѣ онѣ? кричу, гдѣ? А эта госпожа, моя родительница, отвѣчаетъ: «Не сердись, говоритъ, другъ мой, Варнашенька (очень хорошее имя, изволите видѣть, дали, чтобъ его еще передѣлывать въ Варнашенекъ, да въ Черташенекъ), не сердись, говоритъ, ихъ начальство къ себѣ потребовало». — Что за вздоръ, кричу, что за вздоръ: какое начальство? «А безъ тебя, говоритъ, отецъ дьяконъ Ахилла приходилъ въ окно и всѣ ихъ забралъ и понесъ». Правится вамъ: «Начальство, говоритъ, потребовало, и Ахилла понесъ». Да вы, говорю, хоть бы мозгами-то, если они у васъ есть, шевельнули: какое же дьяконъ начальство? «Другъ мой», говоритъ, «что ты, что ты это? да вѣдь онѣ помазанъ!» Скажите вы, сдѣлайте ваше одолженіе! Вы вотъ смѣтаетесь, вамъ это смѣшно; но мнѣ это, стало-быть, не смѣшно было, когда я самъ къ этому бандиту пошелъ. Да-съ; Ахилка говоритъ, что я трусь, и это и всѣ такъ думаютъ; но я вчера доказалъ, что я не трусь; а я прямо пошелъ къ Ахилкѣ. Я прихожу, онѣ дрыхнетъ. Я постучалъ въ окно и говорю: Отдайте мнѣ, Ахилла Андрейчъ, мои кости? Онѣ, во-первыхъ, насилу проснулся и, знаете, начинаетъ со мною кобениться; «на что онѣ, говоритъ, тебѣ кости (что это за фамиллярное «ты»? что это за короткость?) Ты безъ костей складнѣе». Это, говорю, не ваше дѣло, какъ я складнѣй. «Нѣтъ; совсѣмъ напротивъ. Мое, говоритъ, это дѣло: я священнослужитель». Но, вы же, говорю, вѣдь не имѣете права отнимать чужую собственность? «А развѣ кости, говоритъ, это развѣ собственность? А ты бы, говоритъ, еще то понялъ, что этакую собственность тебѣ даже не позволено содержать?» А я отвѣчаю, что и красть же, говорю, священнослужителямъ тоже вѣрно не позволено: вы, говорю, вѣрно хорошенько англійскихъ законовъ не знаете. Въ Англии васъ за это повѣсили бы. «Да ты, говоритъ, если ужъ про разные законы сталъ разсуждать, то ты еще знаешь ли, что, если тебя за это въ жандармскую канцелярію отправить, такъ тебя тамъ сейчасъ спустятъ по-поясъ въ подполь, да начнутъ въ два

пука пороть. Вотъ тебѣ и будетъ Англія? Что? Хорошо тебѣ отъ этого станеть?» А я ему и отвѣчаю: Вы, говорю, все знаете, вамъ даже извѣстно уже во сколько пуковъ тамъ порють. А онъ: «Конечно, говорить, извѣстно: это по самому по простому правилу, кто самъ претерпѣвалъ, тотъ и понять можетъ, что съ обѣихъ сторонъ стануть съ пучьями и начнутъ донимать какъ наилучше». Прекрасная, говорю, картина; а онъ: «Да, говорить, ты это замѣть, а теперь лучше, братъ, слушай меня, забудь про всѣ свои глупости и уходи», и съ этимъ, слышу, онъ опять завалился на свое логово. Ну, тутъ уже, разумѣется, я все понять, какъ онъ проврался, но чтобъ еще болѣе отъ него вывѣдать, я говорю ему: но вѣдь вы же, говорю, дьяконъ, и въ жандармахъ не служите, чтобъ законы наблюдать. А онъ, представьте себѣ, ничего этого не понять, къ чему это я подвелъ, и отляпалъ: «А ты почему, говорить, знаешь, что я не служу въ жандармахъ? Анъ у меня можетъ и бѣлая рукавица есть и я ее тебѣ, пожалуй, сейчасъ и покажу, если ты еще будешь мнѣ мѣшать спать». Но я, разумѣется, уже до этого не сталъ дожидаться, потому что, во-первыхъ, меня это не интересовало, а во-вторыхъ, я уже все, что мнѣ нужно было знать, то вывѣдалъ, а потомъ, зная его скотскія привычки драться... Нѣтъ-съ, говорю, не хочу и вовсе не интересуюсь вашими доказательствами, и сейчасъ же пошелъ къ Визюкинымъ, чтобъ поскорѣй рассказать все это Дарьѣ Николаевнѣ. Дарья Николаевна точно такъ же, какъ и я сейчасъ, и говорить, что она и сама подозрѣвала, что они всѣ здѣсь служатъ въ тайной полиціи.

— Кто служить въ тайной полиціи?—спросилъ Варнаву его изумленный собесѣдникъ.

— Да вотъ всѣ эти наши различные люди, а особенно поны: Савелій, Ахилла.

— Ну, батюшка, вы съ своею Дарьей Николаевной, просто сказать, рехнулись.

— Нѣтъ-съ; Дарью Николаевну на этотъ счетъ не обманешь: она вѣдь ужъ много вынесла отъ такихъ молодцовъ.

— Вретъ она, ваша Дарья Николаевна,—ничего она ни отъ кого не вынесла.

— Кто не вынесъ? Дарья Николаевна!?

— Да.

— Покорно васъ благодарю!—отвѣчалъ съ комическимъ поклономъ учитель.

— А что такое?

— Помилуйте, да вѣдь ее сѣкли,—съ гордостью произнесъ Препотенскій.

— Въ дѣтствѣ; да и то, видно, очень мало.

— Нѣтъ-съ, не въ дѣтствѣ, а всего за два дня до ся свадьбы.

— Вы меня все больше и больше удивляете.

— Нечего удивляться: это фактъ-съ.

— Ну, простите мое невѣжество,—я не зналъ этого факта.

— Да какъ же-съ, я вѣдь и говорю, что это всякому надо знать, чтобы судить. Дѣло началось съ того, что Дарья Николаевна тогда рѣшилась отъ отца уйти.

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ? Какъ вы странно это спрашиваете!

— Я потому такъ спрашиваю, что отецъ, кажется, ее не гналъ, ни тѣснилъ, ни неволилъ.

— Ну, да мало ли что! Ни къ чему не неволилъ, а такъ просто захотѣла уйти,—и ушла. Чего же ей было съ отцомъ жить? Бизюкинъ ея младшаго братишку училъ, и онъ это одобрилъ, и самъ согласился съ ней перевѣнчаться, чтобы отецъ на нее права не имѣлъ, а отецъ ся не позволялъ ей идти за Бизюкина и считалъ его за дурака, а она, рѣшившись сдѣлать скандалъ, ужъ, разумѣется, уступить не могла и сдѣлала по-своему... Она такъ распорядилась, что ужъ за другого ее выдавать нечего было думать, и обо всемъ этомъ, понимаете, совершенно честно сказала отцу. Да вы слушаете ли меня, Валерьянъ Николаевичъ?

— Не только слушаю, но съ каждымъ вашимъ словомъ усугубляю мое любопытство.

— Оно такъ и слѣдуетъ, потому что интересъ сейчасъ будетъ возрастать. Итакъ, она честно и прямо раскрыла отцу имѣющій значеніе фактъ, а онъ, ни болѣе ни менѣе, какъ сдѣлалъ слѣдующую подлость; онъ сказалъ ей: «Сѣзди, мой другъ, завтра къ теткѣ и расскажи еще это ей». Дарья Николаевна, ничего не подозрѣвая, взяла да и поѣхала, а они ее тамъ вдвоемъ съ этой барыней и высѣкли. Она прямо отъ нихъ кинулась къ жандармскому офицеру. «Освидѣтельствуйте, говоритъ, и донесите въ Петербургъ,—я не хочу этого скрывать, — пусть всѣ знаютъ, что за учрежденіе

такое родители». А тотъ: «ни свидѣтельствовать, говорить, васъ не хочу, ни доносить не стану. Я заодно съ вашимъ старикомъ и даже охотно помогъ бы ему, если бъ онъ собрался повторить». Ну, что же еще послѣ этого ожидать? Вотъ вамъ-съ наша и тайная полиція. Родной отецъ, родная тетка, и вдругъ оказывается, что всѣ они не что иное, какъ та же тайная полиція! Дарья Николаевна одно говорить: по крайней мѣрѣ, говорить, я одно выиграла, что я ихъ изучила и знаю, и потому, когда я ей вчера сообщила мои открытія надъ Ахилкой, она говорить: «Это такъ и есть, онъ шпионъ! И теперь, говорить, въ нашемъ опасномъ положеніи самый главный вопросъ, чтобы ваши кости достать и по нимъ какъ можно злѣе учить и учить. Ахилка, говорить, ночью еще никуда не могъ ихъ сбить, и вы если тотчасъ къ нему прокрадетесь, то вы можете унести ихъ назадъ. Одно только, говорить,—не попадитесь, а то онъ можетъ васъ набить...»

— Какъ «набить»?

— Это такъ она сказала, потому что она знаетъ Ахилкины привычки; но, впрочемъ, она говорить: «нѣтъ ничего, вы намотайте себѣ на шею мой толстый ковровый платокъ и надѣньте на голову мой ватный капоръ, такъ этакъ, если онъ васъ и поймаетъ, и выбьетъ, вамъ будетъ мягко и не больно. Я всѣмъ этимъ, какъ она учила, хорошенько обмотался и пошелъ. Прихожу къ этому скоту на дворъ во второй разъ... Собака было залаяла, но Дарья Николаевна это предвидѣла и дала мнѣ для собаки кусокъ пирожка. Я кормлю собаку и иду, и вижу прямо предо мною стоитъ телѣга; я къ телѣгѣ, и все въ ней нашель,—всѣ мои кости!

— Ну, тутъ, конечно, скорѣй за работу?

— Ужъ, разумѣется! Я духомъ снялъ съ головы Дарьи Николаевниной капоръ, завязалъ въ него кости и во всю рысь назадъ.

— Тѣмъ эта исторія и кончилась?

— Какъ кончилась? Напротивъ, она теперь въ самомъ разгарѣ. Хотите я доскажу?

— Ахъ, сдѣлайте милость!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

— Начну съ объясненія того, какъ и почему я попалъ нынче въ церковь? Сегодня утромъ рано приѣзжаетъ къ намъ

Александра Ивановна Серболова. Вы, конечно, ее знаете не хуже меня: она вѣрующая, и ее убѣжденія касательно многого очень отсталыя, но она моеѣ матери кой-чѣмъ помогаетъ, и потому я жертвую и заставляю себя съ нею не спорить. Но къ чему это я говорю? Ахъ, да! какъ она прѣхала, маменька мнѣ и говоритъ: «встань, такой-сякой, другъ мой. Варнаша. проводи Александру Ивановну въ церковь, чтобы на нее акцизниковы собаки не бросились». Я пошелъ. Я, вы знаете, въ церковь никогда не хожу; но вѣдь я же понимаю, что тамъ меня ни Ахилла, ни Савелій тронуть не смѣютъ; я и пошелъ. Но, стоя тамъ, я вдругъ вспомнилъ, что оставилъ отпертою свою комнату, гдѣ кости, и побѣжалъ домой. Прихожу,—маменьки нѣтъ; смотрю на стѣну: нѣтъ ни одной косточки!

— Схоронила?

— Да-съ.

— Безъ шутокъ, схоронила?

— Да полноте, пожалуйста: какія съ ней шутки! Я сталъ ее просить: маменька, милая, я почитать васъ буду, только скажите честно, гдѣ мои кости? «Не спрашивай, говорить, Варнаша, имъ, мой другъ, теперь покойно». Все дѣлалъ: плакалъ, убитъ себя грозился, наконецъ даже общалъ ей Богу молиться,—нѣтъ-таки не сказала! Злой-презлой я шелъ въ училище, съ самою твердою рѣшимостью взять нынче ночью заступъ, разрыть имъ одну изъ этихъ могилъ на погостѣ и достать себѣ новыя кости, чтобы меня не переспорили, и я бы это непременно и сдѣлалъ. А между тѣмъ, вѣдь это тоже, небось, называется преступленіемъ?

— Да еще и большимъ.

— Ну, вотъ видите! А кто бы меня подъ это подвелъ?.. мать. И это бы непременно случилось; но вдругъ на мое счастье приходитъ въ классъ мальчишка и говоритъ, что на берегу свинья какія-то кости вырыла. Я бросился, въ полной надеждѣ, что это мои кости—такъ и вышло! Народъ твердитъ: «зарыть»... Я говорю: прочь. Какъ вдругъ слышу—Ахилла... Я схватилъ кости и бѣжать. Ахилла меня за сюртукъ. Я повернулся... трахъ! пола къ чорту; Ахилла меня за воротникъ,—я трахъ... воротникъ къ чорту; Ахилла меня за жилетъ,—я трахъ... жилетъ пополамъ; онъ меня за шею,—я трахъ и убѣжалъ, и вотъ здѣсь сижу и отчищаю ихъ, а вы меня опять испугали. Я думалъ, что это опять Ахилла.

— Да помилуйте, пойдетъ къ вамъ Ахилла, да еще черезъ заборъ! Вѣдь онъ дьяконъ.

— Онъ дьяконъ! Говорите-ка вы «дьяконъ». Много онъ на это смотритъ. Мнѣ комиссаръ Данилка вчера говорилъ, что онъ, прощаясь, сказалъ Туберовову: «Ну, говорить, отецъ Савелій, пока я этого Варнаву не сокрушу, не зовите меня Ахилла-дьяконъ, а зовите меня всѣ *Ахилла-воинъ*». Что же, пусть воюетъ, я его не боюсь, но я съ этихъ поръ знаю что дѣлать. Я рѣшилъ, что мнѣ здѣсь больше не жить: я кое съ кѣмъ въ Петербургѣ въ перепискѣ; тамъ одинъ баринъ устраиваетъ одно предпріятіе, и я уйду въ Петербургъ. Я вамъ скажу, я уже пробовадь, мы съ Дарьей Николаевной посылали туда нѣсколько статейкъ, оттуда все отвѣчаютъ: «Рѣзче». Прекрасно, что «рѣзче»; я тамъ и буду рѣзокъ, я тамъ церемониться не стану, но здѣсь, помилуйте, духу не взведешь, когда за мертвую кость чуть жизнию не заплатишься. А съ другой стороны, посудите, и тамъ, въ Петербургѣ, какая пошла подлость; даже самыя благонамбреннѣйшія газеты начинаютъ подтрунивать надъ распространяющеюся у насъ страстью къ естественнымъ наукамъ! Читали вы это?

— Кажется, что-то похожее читаль.

— Ага! такъ и вы это пошали? Такъ скажите же мнѣ, зачѣмъ же они въ такомъ случаѣ манили насъ работать надъ лягушкой и все прочее?

— Не знаю.

— Не знаете? Ну, такъ я же вамъ скажу, что имъ это такъ не пройдетъ! Да-съ; я вотъ заберу мои кости, поѣду въ Петербургъ, да тамъ прямо въ рожи имъ этими костями, въ рожи! И пусть меня ведутъ къ своему мировому.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

— Ха-ха-ха! Вы прекрасно сдѣлаете! — внезапно проговорила Серболова, стоявшая до этой минуты за густымъ вишневымъ кустомъ и ни однимъ изъ собесѣдниковъ не замѣченная.

Препотенскій захватилъ на груди разстегнутую рубашку, приподнялся и, подтянувъ другою рукой свои испачканные въ кирпичъ панталоны, проговорилъ:

— Вы, Александра Ивановна, простите, что я такъ не одѣтъ...

— Ничего; съ рабочаго человѣка туалета не взыскиваютъ; но идите, васъ мать зоветъ обѣдать.

— Нѣтъ, Александра Ивановна, я обѣдать не пойду. Мы съ матерью не можемъ болѣе жить; между нами все кончено.

— А вы бы постыдились такъ говорить, она васъ любитъ!

— Напрасно вы меня стыдите. Она съ моими врагами дружить; она мои кости хоронитъ; а я какъ-нибудь папироску у лампы закурю, такъ она и за то сердится...

— Зачѣмъ же свои папиросы у ея лампы закуриваете? Развѣ вамъ другого огня нѣтъ?

— Да вѣдь это же глупо!

Серболова улыбнулась и сказала:

— Покорно васъ благодарю.

— Нѣтъ; я не вамъ, а я говорю о лампадѣ: вѣдь все равно огонь.

— Ну, потому-то и закурите у другого.

— Все равно, на нее чѣмъ-нибудь другимъ не угодить. Вонъ я вчера нашей собакѣ немножко супу далъ изъ миски, а маменька и объ этомъ расплакалась и миску съ досады разбила: «Не годится, говорить, она теперь; ее собака *нанюхала*». Ну, я васъ спрашиваю: вы, Валеріанъ Николаичъ, знаете физику: можно ли что-нибудь *нанюхать*? Можно *понюхать*, можно *вынюхать*, но *нанюхать*! Вѣдь это дуракъ одинъ сказать можетъ!

— Но вѣдь вы могли и не давать собакѣ изъ этой чашки?

— Могъ, да на что же это?

— Чтобы вашу мать не огорчать.

— Да, вотъ вы какъ на это смотрите! По-моему никакая хитрость не достойна честнаго человѣка.

— А ѣсть лошадиную ветчину при старой матери достойно?

— Ага! ужъ она вамъ и на это нажаловалась! Что жъ, я изъ любознательности купилъ у знакомаго татарина конченыхъ жеребичьихъ реберъ. Это, повѣрьте, очень вкусная вещь. Мы съ Дарьей Николаевной Бизюкиной два ребра за завтракомъ съѣли и дѣтей ея накормили, а третье—понесъ маменькѣ, и маменька, ничего не зная, отлично ѣла и хвалила, а потомъ вдругъ, какъ я ей сказалъ, и бѣда пошла.

— Угостилъ,—отнеслась къ Дарьянову, улыбувшись, Серболова.—Впрочемъ, пусть это не къ обѣду вспоминается... Пойдемте лучше обѣдать.

— Нѣтъ-съ, я вѣдь вамъ сказать, что я не пойду, и не пойду.

— Да вы на хлѣбъ и на соль-то за что же сердитесь?

— Не сержусь, а мнѣ отсюда отойти нельзя. Я въ такомъ положеніи, что отовсюду жду всякихъ гадостей.

Серболова тихо засмѣялась, подала руку Дарьянову, и они пошли обѣдать, оставивъ учителя надъ его костями.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Просвирия Препотенская, маленькая старушка съ крошечнымъ личикомъ и вѣчно изумленными добрыми глазами, покрытыми бровями, имѣющими фигуру французскихъ апострофовъ, извинилась предъ Дарьяновымъ, что она не слыхала, какъ онъ долго стучалъ, и непосредственно за симъ прыгнулась къ нему надъ столомъ и спросила шопотомъ:

— Варнашу моего видѣли?

Тотъ отвѣчалъ, что видѣлъ.

— Убиваетъ онъ меня, Валерьянъ Николаичъ, до безконечности,—жаловалась старушка.

— Да Богъ съ нимъ, что вы огорчаетесь? Онъ молодъ; постарѣетъ, женится и перемѣнится.

— Перемѣнится... Нѣтъ, какъ его, дружокъ, возможно женить? невозможно. Онъ ужъ весь до сихъ поръ, до безконечности извертѣлся: въ Господа Бога не вѣритъ до безконечности; молоко и мясо по всѣмъ постамъ, даже и въ Страшную недѣлю ѣсть до безконечности, а я, дружокъ мой, правду вамъ сказать, въ вечернее время ихъ до безконечности боюсь; все ихъ до безконечности тревожусь...

Черненькіе апострофы надъ глазами крошечной робкой старушки задвигались, и она, вздрогнувъ, залепетала:

— И, кромѣ того, все мнѣ, другъ мой, видятся такіе до безконечности страшные сны, что я, какъ проснусь, сейчасъ шепчу: «святѣйшій Симеонъ, разгадай мой сонъ», но все, если бъ я могла себя съ кѣмъ-нибудь въ домѣ разговорить, я бы терпѣла; а то возьмите же, что я постоянно одна и постоянно съ мертвецами. Я, мои дружочки, отнѣтаго покойника не боюсь, а Варнаша не позволяетъ ихъ отпѣть.

— Ну, вы на него не сердитесь,—вѣдь онъ добрый.

— Добрый, конечно, онъ добрый, я не хочу на него лгать, что онъ золь. Я была его счастливая мать, и онъ

прежде ко мнѣ былъ добръ даже до безконечности, пока въ шестой классъ по философiи перешелъ. Онъ, бывало, когда домой прѣзжалъ, и въ церковь ходилъ, и къ отцу Савелiю я его водила, и отецъ Савелiй даже его до безконечности ласкали и по бездѣлицѣ ему кое-чѣмъ помогали, но тутъ вдругъ, — и сама не знаю, что съ нимъ подѣлалось: все началъ умствовать. И съ тѣхъ поръ, какъ прѣдетъ изъ семинарiи, все разъ отъ разу хуже да хуже, и, наконецъ, даже такъ противъ всего хорошаго ожесточился, что на крестинахъ у отца Захарiи зачалъ на самого отца протопопа метаться. Ахъ, тяжело это мнѣ, душечки! — продолжала старушка, горько сморщившись. — Теперь опять я третьяго дня узнала, что они съ акцизничихой, съ Бизюкиной, вдругъ въ соусъ лягушекъ ѣли! Господи! Господи! каково это матери вынести? А что съ голоду, что-ль, это дѣлается? Испорченъ онъ. Я, какъ вы хотите, я иначе и не полагаю, что онъ испорченъ. Мнѣ отецъ Захарiя въ «Домашней Бесѣдѣ» нарочно читалъ тамъ: одинъ благородный сынъ бѣсновался, десять человекъ удержать не могли. Такъ и Варнава! его никто не удержитъ. Робость имѣетъ страшную, даже и недавно, всего еще года нѣтъ, какъ я его вечерами сама, куда нужно, провожала; но если расходится, кричить: «Не выдамъ своихъ! не выдамъ», да этакъ рукой машетъ, да приговариваетъ: «нѣтъ; рѣзать всѣхъ, рѣзать!» Такъ живу и постоянно гляжу, что его въ полицiю и въ острогъ.

Просвирия опять юркнула, оберла въ кухнѣ платочкомъ слезы и, снова появивъ, заговорила:

— Я его, признаюсь вамъ, я его наговорной водой всякій день пою. Онъ, конечно, этого не знаетъ и не замѣчаетъ, но я пою, только не помогаетъ, — да и грѣхъ. А отецъ Савелiй говоритъ одно: что стоило бы мнѣ его куда-то въ Ташкентъ сослать. — Отчего же, говорю, еще не попробовать лаской? — А потому, говоритъ, что изъ него лаской ничего не будетъ, — у него, онъ находитъ, будто со всѣмъ природы чувствъ нѣтъ. А мнѣ, если и такъ, мнѣ, дѣтки мои, его все-таки жалко... — И просвирия снова исчезла.

— Экое несчастное творенiе! — прошептала вслѣдъ вышедшей старушкѣ молодая дама.

— Ужъ именно, — подтвердилъ ея собесѣдникъ и приба-

вилъ: — а тотъ болванъ еще ломается и даже теперь обѣдать не идетъ.

— Подите, приведите его въ самомъ дѣлѣ.

-- Да вѣдь упрямъ, какъ лошадь, не пойдетъ.

-- Ну, какъ не пойдетъ? Скажите ему, что я ему приказываю, что я агентъ тайной полиціи и приказываю ему, чтобъ онъ сейчасъ шелъ, а то я донесу, что онъ въ Петербургъ собирается.

Дарьяновъ засмѣялся, всталъ и пошелъ за Варнавой. Между тѣмъ учитель, употребившій это время на то, чтобы спрятать свое сокровище, чувствовалъ здоровый аппетитъ и при новомъ приглашеніи къ столу не безъ труда выдерживалъ характеръ и отказывался.

Чтобы вывести этого добровольнаго мученика изъ его затруднительнаго положенія, посланный за нимъ молодой человѣкъ нагнулъ таинственно къ его уху и шепнулъ ему то, что было сказано Серболовой.

— Она шпионъ! — воскликнулъ, весь покрывшись румянцемъ, Варнава.

— Да.

— И можетъ-быть...

— Что?

— Можетъ-быть и вы?..

— Да, и я.

Варнава дружески сжалъ его руку и проговорилъ:

— Вотъ это благодарю, что вы не дѣлали изъ этого тайны. — И затѣмъ онъ съ чистою совѣстью пошелъ обѣдать. — Извольте, я вамъ повинуюсь.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Шутка удалась. Варнава имѣлъ предлогъ явиться и притомъ явиться съ достоинствомъ. Онъ вошелъ въ комнату, какъ жертва враждебныхъ силъ, и помѣстился въ узкомъ концѣ стола противъ Дарьянова. Между ними двумя, съ третьей стороны, сидѣла Серболова, а четвертая сторона стола оставалась пустою. Сама просвириня обыкновенно никогда не садилась за столъ съ сыномъ, не садилась она и иначе съ гостями, а только служила имъ. Старушка была теперь въ восторгѣ, что видитъ передъ собою своего многоученнаго сына; радость и печаль одолевали другъ друга на ея лицѣ, вѣки ея глазъ были красны; нижняя губа тихо

вздрагивала и ветхія ея ножки не ходили, а все бѣгали, причѣмъ она постоянно старалась и на бѣгу, и при остановкахъ брать такіе обороты, чтобы лица ея никому не было видно.

— Остановить васъ теперь невозможно?—шутя говорилъ ей Дарьяновъ.

— Нѣтъ, невозможно, Валерьянъ Николаичъ,—отвѣчала она весело и, снова убѣгая, слѣшно проглатывала въ кухонкѣ непрошенную слезу.

Гости поднимались на хитрость, чтобы удерживать старушку, и хвалили ея стряпню; но она скромно отклоняла всѣ эти похвалы, говоря, что она только умѣетъ готовить самое простое.

— Но простое-то ваше очень вкусно.

— Нѣтъ; гдѣ ему быть вкуснымъ, а только развѣ для здоровья оно, говорятъ, самое лучшее: да и то и не знаю: вотъ Варнаша всегда это кушанье кушаетъ, а посмотрите какой онъ: точно пустой!

— Гм! — произнесъ Варнава, укоризненно взглянувъ на мать, и покачалъ головой.

— Да что же ты! Ей-Богу ты, Варнаша, пустой!

— Вы еще разъ это повторите!—отозвался учитель.

— Да что же тутъ, Варнаша, тебѣ такого обиднаго? Молока ты утромъ пьешь до безконечности; чаю съ булкой кушаешь до безконечности; жаркого и каши тоже, а встанешь изъ-за стола опять весь до безконечности пустой, — это болѣзнь. Я говорю, послушай меня, сыночекъ...

— Маменька!—перебилъ ее, сердито крикнувъ, учитель.

— Что-жъ тутъ такого, Варнаша? Я говорю: скажи, Варнаша, какъ встанешь утромъ: «наполни, Господи, мою пустоту» и вкусн...

— Маменька!—еще громче воскликнулъ Препотенскій.

— Да что ты, дурачокъ, чего сердилъ? Я говорю: скажи: «наполни, Господи, пустоту мою» и вкусн пѣтой просвирки, потому я, знаете, — обратилась она къ гостямъ: — я и за себя, и за него всегда одну часточку вынимаю, чтобы намъ съ нимъ на томъ свѣтѣ въ одной скннѣ быть, а онъ не хочетъ вкусить. Почему такъ?

— Почему? вы хотите знать: почему?—извольте-съ: потому, что я не хочу съ вами нигдѣ въ одномъ мѣстѣ быть! Понимаете; нигдѣ ни на этомъ свѣтѣ, ни на какомъ другомъ.

Но прежде чѣмъ учитель досказалъ эту рѣчь, старушка поблѣднѣла, затряслась, и двѣ завѣтныя фаянсовыя тарелки, выскользнувъ изъ ея рукъ, ударились о полъ, зазвенѣли и разбились вдребезги.

— Варнаша!—воскликнула она.—Это ты отъ меня отрекся!

— Да-съ, да-съ, да-съ, отрекся и отрекаюсь! Вы мнѣ и здѣсь надоѣли, не только чтобъ еще на томъ свѣтѣ я пожелалъ съ вами видѣться.

— Тс! тс! тс! — останавливала сына, плача, просвирия и начала громко хлопать у него подъ носомъ въ ладони, чтобы не слышать его отреченій. Но Варнава кричалъ гораздо громче, чѣмъ хлопала его мать. Тогда она бросилась къ образу и, махая предъ иконою растопыренными пальцами своихъ слабыхъ рукъ, въ изступленіи закричала:

— Не слушай его, Господи! не слушай! не слушай! — и съ этимъ пала въ уголъ и зарыдала.

Эта тяжелая и совершенно неожиданная сцена взволновала всѣхъ при ней присутствовавшихъ, кромѣ одного Препотенскаго. Учитель оставался совершенно спокойнымъ и ѣлъ съ непокидавшимъ его никогда аппетитомъ: Серболова встала изъ-за стола и вышла вслѣдъ за убѣжавшей старушкой. Дарьяновъ видѣлъ, какъ просвирия обняла Александру Ивановну. Онъ поднялся и затворилъ дверь въ комнату, гдѣ были женщины, а самъ сталъ у окна.

Препотенскій попрежнему ѣлъ.

— Александра Ивановна когда ѣдетъ домой?—спросилъ онъ, ворочая во рту пиццу.

— Какъ схлынетъ жаръ,—вымолвилъ ему сухо въ отвѣтъ Дарьяновъ.

— Вонъ когда!—протянулъ Препотенскій.

— Да, у нея здѣсь еще будетъ Туберовозъ.

— Туберовозъ? У насъ? въ нашемъ домѣ?

— Да, въ вашемъ домѣ, но не у васъ, а у Александрины.

Дарьяновъ велъ послѣдній разговоръ съ Препотенскимъ отвернувшись и глядя на дворъ; но при этомъ словѣ онъ оборотился къ учителю лицомъ и сказалъ сквозь едва замѣтную улыбку:

— А вы, какъ жется, все-таки Туберозова-то побаиваетесь!

— Я? Я его боюсь?

— Ну, да; я вижу, что у васъ какъ будто даже носъ позеленѣлъ, когда я сказалъ, что онъ сюда придетъ.

— Носъ позеленѣлъ? Увѣряю васъ, что вамъ это такъ только показалось, а что я его не боюсь, такъ я вамъ это нынче же докажу.

И съ этимъ Препотенскій поднялся съ своего мѣста и торопливо вышелъ. Гостю и въ голову не приходило, какія смѣлыя мысли родились и зрѣли въ эту минуту въ отчаянной головѣ Варнавы; а благосклонный читатель узнаетъ объ этомъ изъ слѣдующей главы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Выйдя изъ комнаты, Препотенскій юркнулъ въ небольшой сарай и, сбросивъ здѣсь съ себя верхнее платье, полѣзъ на сѣноваль, а оттуда, съ трудомъ раздвинувъ двѣ потолочины, спустился чрезъ довольно узкую щель въ небольшой, запертой снаружки, амбарчикѣ. Въ этомъ амбарчикѣ былъ всякій домашній скарбъ. Тутъ стояли кадочки, на полахъ, висѣлъ окорочекъ ветчины, торчали на колкахъ пучки чебору, мяты и укропу. Учитель ничего этого не тронулъ, но онъ взлѣзъ на высокій сосновый ларь, покрытый кожаной крышей, досталъ съ него большія и разбитыя липовыя ночвы, чистыя какъ стекло зеркальнаго магазина, и тотчасъ же началъ спускаться съ ними назадъ въ сарай, гдѣ имъ очень искусно были спрятаны злополучныя кости.

За учителемъ никто, рѣшительно, не присматривалъ, но онъ, какъ человѣкъ, уже привыкшій мечтать объ «опасномъ положеніи», ничему не вѣрилъ; онъ отъ всего жался и хоронился, чтобы ему не воспрепятствовали докончить свое предпріятіе и совершить оное въ свое время съ полною торжественностью. Прошло уже около часа съ тѣхъ поръ, какъ Варнава заключился въ сарай, на дворѣ начало вечерѣть, и вотъ у уютлой калиточки просвирнина домика звякнуло кольцо.

Это пришелъ Туберозовъ. Варнава въ его сарай слышно, какъ подъ крѣпко ступающими ногами большого протопопа гнутся и скрипятъ ступени ветхаго крыльца; слышны привѣтствія и благожеланія, которыя онъ выражаетъ Серболовой и старушкѣ Препотенской. Варнава, однако, все еще не выходитъ и не обнаруживаетъ, что такое онъ намѣренъ устроить.

— Ну, что моя вдовица Наннская, что твой ученый сынъ?—заговорилъ отецъ Савелій ко вдовѣ, выставившей

на свое открытое крылечко бѣлый столикъ, за которымъ компанія должна была пить чай.

— Варнаша мой? А Богъ его знаетъ, отецъ протопопъ:— онъ вѣрно оробѣлъ и гдѣ-нибудь отъ васъ спрятался?

— Чего жъ ему въ свосмъ домѣ прятаться?

— Онъ васъ, отецъ протопопъ, очень боится.

— Господи помилуй, чего меня бояться? Пусть лучше себя боится и бережетъ, — и Туберозовъ началъ разсказывать Дарьянову и Серболовой, какъ его удивилъ своими похождениями вчерашней ночи Ахилла.

— Кто его объ этомъ просилъ? кто ему поручилъ? кто приказывалъ? — разсуждалъ старикъ, и отвѣчалъ: — никто, самъ вздумалъ съ Варнавою Васильичемъ перевѣдаться, и надѣлали на весь городъ разговоровъ.

— А вы, отецъ протопопъ, развѣ ему этого не приказывали?—спросила старушка.

— Ну, скажите пожалуйста: стану я такія глупости приказывать! — отозвался Туберозовъ и заговорилъ о чемъ-то постороннемъ, а межъ тѣмъ ушло еще полчаса, и гости стали собираться по домамъ. Варнава все не показывался, но зато, чуть только кучеръ Серболовой подаль къ крыльцу лошадь, ворота сарая, скрывавшаго учителя, съ шумомъ распахнулись, и онъ торжественно предсталъ глазамъ изумленныхъ его появленіемъ зрителей.

Препотенскій былъ облаченъ во всѣ свои обычныя одежды и обѣими руками поддерживалъ на головѣ своей похищенныя имъ у матери новыя ночки, на которыхъ теперь симметрически были разложены извѣстныя человѣческія кости.

Прежде чѣмъ кто-нибудь могъ рѣшить, что можетъ значить появленіе Препотенскаго съ такою ношей, учитель прошелъ съ нею величественнымъ шагомъ мимо крыльца, на которомъ стоялъ Туберозовъ, показалъ ему языкъ и вышелъ чрезъ кладбище на улицу.

Гости просвирни только ахнули и не утерпѣли, чтобы не посмотрѣть, чѣмъ окончится эта демонстрація. Выйдя вслѣдъ за Варнавою на тихую улицу, они увидали, что учитель подвигался тихо, въ-розвалъ, и несъ свою ношу осторожно, какъ будто это была не доска, уложенная изсохшими костями, а драгоценный и хрупкій сосудъ, взрѣзъ съ краями полный еще болѣе многоцѣнною жидкостью; но сзади ихъ вдругъ послышался тихій, прерываемый одышкой

плачь, и за спинами у нихъ появилась облитая слезами просфирня.

Вѣдная старуха дрожала и, судорожно кусая кончики сложенныхъ вмѣстѣ всѣхъ пяти пальцевъ руки, шептала:

— Что это онъ? что это онъ такое носить по городу?

И съ этимъ, уразумѣвъ дѣло, она болѣзненно визгнула и, съ несвойственною ея лѣтамъ рѣзвостью, бросилась въ погоню за сыномъ. Ветхая просфирня бѣжала подпрыгивая и подсекаивая, какъ бѣгаютъ дурно летающія птицы, прежде чѣмъ имъ подняться на воздухъ, а Варнава шелъ тихо; но, тѣмъ не менѣе, все-таки трудно было рѣшить, могла ли бы просфирня и при такомъ быстромъ аллюрѣ догнать своего сына, потому что онъ былъ ужъ въ концѣ улицы, которую та только что начала. Быть или не быть этому — рѣшилъ случай, давшій всей этой процессіи и погонѣ совершенно неожиданный оборотъ.

Въ то самое время, какъ вдова понеслась съ неизвѣстными цѣлями за своимъ ученымъ сыномъ, откуда-то сверху раздалось громкое и веселое:

— «Эй! ур-р-ре-ре: не бей его! не бей! не бей!»

Присутствовавшіе при этой сценѣ оглянулись по направлению, откуда происходилъ этотъ крикъ, и увидѣли на голубицѣ одной изъ сосѣднихъ крышъ оборванца, который держалъ въ рукѣ тонкій шестъ, какимъ обыкновенно охотники до голубинаго лета пугаютъ турмановъ. Этотъ крикунъ былъ старогородскій бирючъ, фактотумъ и пролетарій, праздношатающійся мѣщанинъ, по прозванію комиссаръ Данилка. Онъ пугалъ въ это время своихъ турмановъ и не упустилъ случая, смѣха ради, испугать и учителя. Цѣль комиссара Данилки была достигнута какъ нельзя болѣе, потому что Препотенскій, едва лишь услышалъ его предостерегающій кликъ, какъ тотчасъ же перемѣнилъ шагъ и бросился впередъ съ быстротою лани.

Шибко скакала Варнава по пустой улицѣ, а съ нимъ вмѣстѣ скакали, прыгали и разлетались въ разныя стороны кости, уложенныя на его плоскихъ ночвахъ; но все-таки онъ не столько уходилъ отъ одной бѣды, сколько спѣшилъ навстрѣчу другой, несравненно болѣе опасной: на ближайшемъ перекресткѣ улицы испуганнымъ и полнымъ страха глазамъ учителя Варнавы предсталъ въ гораздо большей противъ обыкновеннаго величинѣ своей грозный дьяконъ Ахилла.

По пословицѣ: впереди стояла затрещина, а сзади—тычокъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Чуть только бѣдный учитель завидѣлъ Ахиллу, ноги его подкосились и стали; но черезъ мгновеніе отдрогнули, какъ сильно нагнетенныя пружины, и въ три сильныхъ прыжка перенесли Варнаву черезъ такое разстояніе, котораго человѣку въ спокойномъ состояніи не перескочить бы и въ десять прыжковъ. Этимъ Варнава былъ почти спасенъ: онъ теперь находился какъ разъ подъ окномъ акцизничихи Бизюкиной, и на его великое счастье сама ученая дама стояла у открытаго окна.

— Берите! — крикнулъ ей, задыхавшись, Препотенскій: — за мной гонятся шпионы и духовенство! — съ этимъ онъ сунулъ ей въ окно свои ножвы съ костями, но самъ былъ такъ обезсиленъ, что не могъ больше двинуться и прислонился съ стѣнѣ, гдѣ тутъ же съ нимъ рядомъ сейчасъ очутился Ахилла и, тоже задыхавшись, держалъ его за руку.

Дьяконъ и учитель похожи были на двухъ друзей, которые только что пробѣжались въ горѣлки и отдыхаютъ. Въ лицѣ дьякона не было ни малѣйшей злобы: ему скорѣй было весело. Тяжко дыша и поводя вокругъ глазами, онъ замѣтилъ посреди дороги два торчащія изъ пыли человѣческія ребра и, обратясь къ Препотенскому, сказалъ ему:

— Что же ты не поднимаешь вонъ этихъ твоихъ астрагелюсовъ?

— Отойдите прочь, я тогда подниму.

— Ну, хорошо: я отойду, — и дьяконъ со всею свойственною ему простотой и откровенностію подошелъ къ окну, поднялся на цыпочки и, заглянувъ въ комнаты, проговорилъ:

— Послушайте, совѣтница, а вы, право, напрасно за этого учителя заступаетесь.

Но вмѣсто ожидаемаго отвѣта отъ «совѣтницы», Ахиллѣ предсталъ самъ либеральный акцизный чиновникъ Бизюкинъ и показалъ ему голый черепъ скелета.

— Послушай, сирячь, сдѣлай милость, это, а то я разсержусь, — попросилъ вѣжливо Ахилла; но, вмѣсто отвѣта, изъ дома послышался самый оскорбительный хохотъ, и самъ акцизный, стоя у окна, началъ, смѣясь, громко щелкать на дьякона челюстями скелета.

— Перебью васъ, еретики! — взревѣлъ Ахилла и сгрѣбъ въ обѣ руки лежавшій у фундамента большой булыжный камень съ непремѣннымъ намѣреніемъ бросить эту шестипудовую бомбу въ своихъ оскорбителей, но въ это самое время, какъ онъ, сверкая глазами, готовъ былъ вергнуть поднятую глыбу, его сзади кто-то сжалъ за руку, и знакомый голосъ повелительно произнесъ:

— Брось!

Это былъ голосъ Туберозова. Протопопъ Савелій стоялъ строгій и дрожащій отъ гнѣва и одышки. Ахилла его послушалъ; онъ сверкнулъ покраснѣвшими отъ ярости глазами на акцизника и бросилъ въ сторону камень съ такою силой, что онъ ушелъ на цѣлый вершокъ въ землю.

— Иди домой, — шепнулъ ему, и самъ отходя, Савелій.

Ахилла не возразилъ и въ этомъ и пошелъ домой тихо и сконфуженно, какъ обличенный въ шалости добронравный школьникъ.

— Боже! какой глупый и досадный случай! — произнесъ, едва переводя духъ, Туберозовъ, когда съ нимъ поровнялся его давишній собесѣдникъ Дарьяновъ.

— Да не беспокойтесь: ничего изъ этого не будетъ.

— Какъ не будетъ-съ? будетъ то, что Ахиллу отдадутъ подъ судъ! Вы развѣ не слыхали, что онъ кричалъ, грозя камнемъ? Онъ хотѣлъ ихъ всѣхъ перебить!

— А увидите, что все это кончится однимъ смѣхомъ.

— Нѣтъ-съ; это не кончится смѣхомъ и здѣсь нѣтъ никакого смѣха, а есть глупость, которою дрянные люди могутъ воспользоваться.

И протопопъ, ускоривъ шагъ, шибко пошелъ домой, выписывая сердитые эсы концомъ своей трости.

Въ слѣдующей части нашей хроники мы увидимъ, какія все это будетъ имѣть послѣдствія и кто изъ двухъ прорицателей правѣе.

Оглавленіе

І ТОМА.

	стр.
Николай Семеновичъ Лѣсковъ. Критико-біографическій очеркъ <i>Р. Семитковскаго.</i>	5
Соборяне. (Хроника).	
Часть первая.	67

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1902.

В. С. ЛЕВОНОВА

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. гр., № 29.

СОБОРЯНЕ.

ХРОНИКА.

Часть вторая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Утро, наступившее послѣ ночи, заключившей день Мелодія Песношскаго, обѣщало день погожій и тихій. Можно было ожидать даже, что онъ тихъ будетъ во всемъ: и въ стихіяхъ природы, и въ сердцахъ старгородскихъ людей, съ которыми мы познакомились въ первой части нашей хроники. Этихъ убѣжденій былъ и самъ протопопъ. Вчерашняя усталость оказала ему хорошую услугу: онъ крѣпко спалъ, видѣлъ мирные сны и, проснувшись утромъ, рассуждалъ, что, авось либо, вся его вчерашняя тревога напрасна, авось либо, Господь пронесетъ эту тучку, какъ онъ до сихъ поръ проносилъ многія другія, отъ которыхъ никому вреда не бывало.

«Да; мы народъ не лиходѣйный, но добрый», размышлялъ старикъ, идучи въ полномъ спокойствіи служить раннюю обѣдню за сей народъ не лиходѣйный, но добрый. Однакоже этотъ покой былъ обманчивъ: подъ тихою поверхностью воды, на днѣ, дремалъ крокодилъ.

Туберозовъ, отслуживъ обѣдню и возвратившись домой, пилъ чай, сидя на томъ самомъ диванѣ, на которомъ спалъ ночью, и за тѣмъ же самымъ столомъ, за которымъ писалъ свои «нотатки». Мать протопопца только прислуживала мужу: она подала ему стаканъ чаю и небольшую серебряную тарелочку, на которую протопопъ Савелій осторожно поставилъ принесенную имъ въ карманѣ просфору.

Сердобольная Наталья Николаевна, сберегая покой мужа, ухаживала за нимъ, боясь какимъ бы то ни было вопросомъ нарушить его строгія думы. Она шпотокомъ велѣла дѣвочкѣ набить жуковскимъ вакштафомъ и поставить въ уголъ на подносикѣ обѣ трубки мужа и, подпершись ручкой подъ подбородокъ, ждала, когда протоіерей выкушаетъ свой стаканъ и попроситъ второй.

Но прежде чѣмъ она дождалась этой просьбы, вниманіе ея было отвлечено необычайнымъ шумомъ, который раздался гдѣ-то невдалекѣ отъ ихъ дома. Слышны были торопливые шаги и беспорядочный говоръ, переходившій минутами въ азартный крикъ. Протопоица выглянула изъ окна своей спальни и увидала, что шумъ этотъ и крикъ производила толпа людей, которые шли очень быстрыми шагами и пригомъ прямо направлялись къ ихъ дому. Они на ходу толкались, размахивали руками, спорили, и то какъ бы утихали, то вдругъ снова, почти бѣгомъ, подвигались впередъ.

«Что бы это такое?»—подумала протопоица и, выйдя въ залу, къ мужу, сказала:

— Посмотри, отецъ Савелій, что-то какъ много народу идетъ.

— Народу, мой другъ, много, а людей нѣтъ,—отвѣчала спокойно Савелій.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, взгляни: очень ужъ много народу.

— Господь съ ними, пусть ихъ расхаживаютъ; а ты дай-ка мнѣ еще стаканчикъ чаю.

Протопоица взяла стаканъ, налила его новымъ чаемъ и, подавъ мужу, снова подошла къ окну, но шумливой кучки людей уже не было. Въмѣсто всего сборища, только три или четыре человѣка стояли кое-гдѣ вразбивку и глядѣли на домъ Туберозова съ видимымъ замѣлательствомъ и смущеніемъ.

— Господи, да ужъ не горимъ ли мы гдѣ-нибудь, отецъ Савелій!—воскликнула, въ перепугъ бросаясь въ комнату мужа, протопоица, но тотчасъ же на порогѣ остановилась и поняла, въ чемъ заключалась исторія.

Протопоица увидала на своемъ дворѣ дьякона Ахиллу, который летѣлъ, размахивая рукавами своей широкой рясы. и тащилъ за ухо мѣщанина комиссара Данилку.

Протопоица показала на это мужу, но прежде чѣмъ

протопопъ усиль встать съ своего мѣста, дверь передней съ шумомъ распахнулась, и въ залу протоіерейскаго дома предстала Ахилла, непосредственно ведя за собою за ухо раскраснѣвшагося и переконфуженнаго Данилку.

— Отецъ протопопъ,—началь Ахилла, бросивъ Данилку и подставляя пригоршни Туберовову.

Савелій благословилъ его.

За Ахиллой подошелъ и точно такъ же принялъ благословеніе Данилка. Затѣмъ дьяконъ отдернулъ мѣщанина на два шага назадъ и, снова взявъ его крѣпко за ухо, заговорилъ:

— Отецъ Савелій, вообразите-съ: прохожу улицей и вдругъ слышу говоръ. Мѣщане говорятъ о дождѣ, что дождь нынѣ ночью былъ посланъ послѣ молебствія, а сей (Ахилла уставилъ указательный палецъ лѣвой руки въ самый носъ моргавшаго Данилки), а сей это опровергать.

Туберововъ поднялъ голову.

— Онъ, вообразите, говорилъ,—опять началъ дьяконъ, потянувъ Данилку:—онъ говорилъ, что дождь, сею ночью шедшій, послѣ вчерашняго мірскаго молебствія, совсѣмъ не по молебствію испослѣдовалъ.

— Откуда же ты это знаешь?—сухо спросилъ Туберововъ.

Сконфуженный Данилка молчалъ.

— Вообразите же, отецъ протопопъ! А онъ говорилъ,—продолжалъ дьяконъ:—что дождь излился только силой природы.

— Къ чему же это ты такъ разсуждалъ?—продвинулъ, собирая придыханіемъ съ ладони крошечки просфоры, отецъ Туберововъ.

— По сомнѣнію, отецъ протопопъ,—скромно отвѣчалъ Данилка.

— Сомнѣнія, какъ и самомнѣнія, тебѣ, невѣждѣ круглому, вовсе не принадлежать, и посему достоинъ дѣлатель мзды с'о сея и ты вполне достойное по заслугамъ своимъ и придалъ. А потому ступай вонъ, празднословецъ, изъ моего дома.

Выпроводивъ за свой порогъ еретичествующаго Данилку, протоіерей опять чинно присѣлъ, молча докушалъ свой чай, и только, когда все это было обстоятельно покончено, сказалъ дьякону Ахиллѣ:

— А ты, отецъ дьяконъ, долго еще намѣренъ этакъ сви-

рѣшествовать? Не я ли тебѣ внушалъ оставить твое заступничество и не давать рукамъ воли?

— Нельзя, отецъ протопопъ; утерпѣть было невозможно; потому что я ужъ это давно хотѣлъ доложить вамъ, какъ онъ, вообразите, все противъ божества и противъ бытописанія; но прежде я все это ему, по его глупости, снисходилъ доселѣ.

— Да; когда не нужно было снисходить, то ты тогда снисходилъ.

— Ей-Богу снисходилъ; но ужъ тогда онъ, слышу, началъ противъ обрядности...

— Да; ну, ты тогда что же сдѣлалъ?

Протопопъ улыбнулся.

— Ну, ужъ этого я не вытерпѣлъ.

— Да; такъ и надо было тебѣ съ нимъ всенародно подраться?

— И что же отъ того, что всенародно, отецъ протопопъ? Я предстою алтарю и обязанъ стоять за вѣру повсемѣстно. Святой Николай угодникъ Арія тоже вѣдь всенародно же смазалъ...

— То святой Николай, а то ты,— перебилъ его Туберовъ.— Понимаешь, ты ворона, и что довлѣетъ тебѣ, яко воронѣ, знать свое кра, а не въ свои дѣла не мѣшаться. Что ты костылемъ-то своимъ размахался? Забылъ ты, вѣрно, что въ костылѣ два конца? На силушку свою, дромадерь, все надѣешься!

— Полагаюсь-съ.

— Полагаешься? Ну, такъ не полагайся. Не сила твоя тебя спасла, а вотъ это, вотъ это спасло тебя,—произнесъ протопопъ, дергая дякона за рукавъ его рясы.

— Что жъ, отецъ протопопъ, вы меня этимъ укоряете? Я вѣдь свой санъ и почитаю.

— Что! Ты свой санъ почитаешь?

Съ этимъ словомъ протопопъ сдѣлалъ къ дякону шагъ и, хлопнувъ себя ладонью по колѣну, прошепталъ:

— А не знаете ли вы, отецъ дяконъ, кто это у бакалейной лавки, сидючи съ приказчиками, папиросы курить?

Дяконъ сконфузился и забубнилъ:

— Что жъ, я, точно, отецъ протопопъ... этимъ я виновать, но это больше ничего, отецъ протопопъ, какъ по неосторожности, ей-право, по неосторожности.

— Смотрите, молю, какой у насъ есть дьяконъ франтъ, какъ онъ хорошо паширосы муслить.

— Нѣтъ, ей-право, отецъ протопопъ, вообразите, совсѣмъ не для того. Что жъ мнѣ этимъ хвалиться? Вѣдь эту табачную невоздержанность изъ духовныхъ не я же одинъ занимаюсь.

Туберозовъ оглянулъ дьякона съ головы до ногъ самымъ многозначающимъ взглядомъ и, вскинувъ вверхъ голову, спросилъ его:

— Что же ты мнѣ этимъ сказать хочешь? То ли, что, молю, и ты самъ, протопопъ, куришь?

Дьяконъ смутился и ничего не отвѣтилъ.

Туберозовъ указалъ рукой на уголь комнаты, гдѣ стояли его три черешневые чубука, и проговорилъ:

— Что такое я, отецъ дьяконъ, курю?

Дьяконъ молчалъ.

— Говорите же, потрудитесь, что я курю? И трубку курю?

— Трубку курите,— отвѣтилъ дьяконъ.

— Трубку? отлично. Гдѣ я ее курю? я ее дома курю?

— Дома курите.

— Иногда въ гостяхъ, у хорошихъ друзей курю.

— Въ гостяхъ курите.

— А не съ приказчиками же-съ я ее у лавокъ курю!— вскрикнулъ, откидываясь назадъ, Туберозовъ и, постучавъ внушительно пальцемъ по своей ладони, добавилъ:— Ступай къ своему мѣсту, да смотри за собою. Я тебя много, много разъ удерживалъ, но теперь гляди: наступаютъ новые порядки, вводится новый судъ, и пойдутъ иные обычаи и ничто не будетъ въ тѣни, а все въ-явь, и тогда мнѣ тебя не защититъ.

Съ этимъ протопопъ сталъ своею большущею ногой на соломенный стулъ и началъ бережно снимать рукой желтенькую канареечную клѣтку.

«Тьфу! Господи милосердый, за вѣру заступился и опять не въ такту!»— проговорилъ въ себѣ Ахилла и, выйдя изъ дома протопопа, пошелъ скорыми шагами къ небольшому желтенькому домику, изъ открытыхъ оконъ котораго выглядывала цѣлая куча бѣлокуренькихъ дѣтскихъ головокъ.

Дьяконъ торопливо взошелъ на крылечко этого домика, потомъ съ крыльца вступилъ въ сѣни и, треснувшись о перекладину лбомъ, отворилъ дверь въ низенькую залу.

По залѣ, заложивъ назадъ маленькія ручки, расхаживаль сухой, миниатюрный Захарія, въ подрясникѣ и съ длинною серебряною дѣлочкой на залавшей груди.

Ахилла входилъ въ домъ къ отцу Захарію совсѣмъ не съ тою физиономіей и не съ тою поступью, какъ къ отцу протопопу. Смущеніе, съ которымъ дьяконъ выпелъ отъ Туберозова, по мѣрѣ приближенія его къ дому отца Захаріи исчезало, и на самомъ порогѣ замѣнилось уже крайнимъ благодушіемъ. Дьяконъ отъ нетерпѣнія еще у порога начиналъ:

— Ну, отецъ Захарія! Ну... братъ ты мой милесенькій... Ну!..

— Что такое?—спросилъ съ кротою улыбкой отецъ Захарія:—чего это ты, чего егозишься. чего?—и съ этимъ словомъ. не дождавшись отвѣта. сухенькій попикъ заходилъ снова.

Дьяконъ прежде всего весело расхохотался. а потомъ воскликнулъ:

— Вотъ, друже мой, какой мнѣ сейчасъ былъ пудромантель; охъ, отче, отъ мыла даже голова болитъ. Вели скорѣе дать маленькій опрокидонтикъ?

— Опрокидонтъ? Хорошо. Но кто же это, кто, моль, тебя пробираль?

— Да, разумѣется, министръ юстиціи.

— Ага! Отецъ Савелій.

— Никто же другой. Дѣло, отецъ Захарія, необыкновенное по началу своему и по окончанію необыкновенное. Я старался какъ заслужить, а онъ все смялъ, повернулъ Богъ знаетъ куда лицомъ и вывелъ что-то такое, чего я, хоть убей, теперь не пойму и рассказать не умѣю.

Однакоже дьяконъ, присѣвъ и выпивъ поданную ему на тарелкѣ рюмку водки, съ мельчайшими подробностями передалъ отцу Захаріи всю свою исторію съ Данилкой и съ отцомъ Туберозовымъ. Захарія, во все время этого разсказа, ходилъ тою же подпрыгивающею походкой, и лишь только на секунду пріостанавливался, по временамъ устранялъ со своего пути то одну, то другую изъ шнырявшихъ по комнатѣ бѣлокурыхъ головокъ. да когда дьяконъ совсѣмъ кончилъ, то онъ при самомъ послѣднемъ словѣ его разсказа. закусивъ губами кончикъ бороды, проронилъ внушительное: «да-съ, да, да, да, однако ничего».

— Я больше никакъ не разсуждаю, что онъ въ гавѣ и еще...

— Да, и еще что такое? Подите вы прочь, пострѣлята! Такъ, и что такое еще?—любопытствовалъ Захарія, распахивая съ дороги дѣтей.

— И что я еще въ это время такъ неополитично трубки коснулся,—объяспилъ дьяконъ.

— Да, ну, конечно... разумѣется... отчасти оно могло и это... Подите вы прочь, пострѣлята!.. Впрочемъ, полагать можно, что онъ не на тебя недоволенъ. Да, оно даже вѣрно, что не на тебя.

— Да и я говорю тоже, что не на меня: за что ему на меня быть подовольнымъ? Я ему, вы знаете, безъ лести преданъ.

— Да, это не на тебя: это онъ... я такъ полагаю... Да уйдете ли вы съ дороги прочь, пострѣлята!.. Это онъ душою... понимаетъ?

— Скорбень,—сказалъ дьяконъ.

Отецъ Захарія помялъ ручкой около своей груди и, сдѣлавъ кислую гримаску на лицѣ, проговорилъ:

— Возмуцентъ.

— Уязвленъ,—рѣшилъ дьяконъ Ахилла:—знаю: его все учитель Варнавка гнѣвилъ. ну да я съ Варнавкой скоро сдѣлаю и прочее, и прочее!

И съ этимъ дьяконъ, ничего въ подробности не объясняя, простился съ Захаріей и ушелъ.

Идучи по дорогѣ домой, Ахилла повстрѣчался съ Давилкой, остановилъ его и сказалъ:

— А ты, братъ Данилка, сдѣлай милость, на меня не сердись. Я если тебя и наказалъ, то совершенно по христіанской моей обязанности наказалъ.

— Беснородно оскорбили, отецъ дьяконъ!—отвѣчалъ Данилка тономъ обиженнымъ, но звучащимъ склонностью къ примиренію.

— Ну, и что жъ ты теперь со мною будешь дѣлать, что обидѣлъ? Я знаю, что я обидѣлъ, но когда я строгъ... Я же вѣдь это не нагло: я тебѣ вѣдь еще въ прошломъ году, когда засталъ тебя, что ты въ сѣняхъ у исправника отца Савельеву ризу надѣвалъ и крапилью крапилъ, я тебѣ еще тогда говорилъ: «Разсуждай, Данила, по бытописанію какъ хочешь, я по наукѣ много не смысло, но обряда не ка-

сайся». Говорилъ я вѣдь тебѣ такъ или нѣтъ? Я говорилъ: «не касайся, Данила, обряда».

Данилка нехотя кивнулъ головой и пробурчалъ:

— Можетъ быть и говорил.

— Нѣтъ, ты, братъ, не фанти, а сознавайся! Я навѣрно говорилъ, я говорилъ: не касайся обряда, вотъ все! А почему я такъ говорилъ? Потому что это наша жизненность, наше существо, и ты его не касайся. Понялъ ты это теперь?

Данила только отвернулся въ сторону и улыбался: ему самому было смерть смѣшно, какъ дьяконъ велъ его по улицѣ за ухо, но другіе, находившіеся при этомъ разговорѣ мѣщане, шутя и тоже едва сдерживая свой смѣхъ, упрекали дьякона въ излишней строгости.

— Нѣтъ, строги вы, сударь, отецъ дьяконъ! Ужъ очень не въ мѣру строги,—говорили они ему.

Ахилла, выслушавъ это замѣчаніе, подумалъ и, добродѣтельно вздохнувъ, положилъ свои руки на плечи двухъ ближе стоящихъ мѣщанъ и сказалъ:

— Строгъ, вы говорите: да, я, точно, строгъ, это ваша правда, но за то я и справедливъ. А если бъ это дѣло къ мировому судѣ? — Гораздо хуже. — Сейчасъ три рубля въ пользу дѣтскихъ приютовъ взыщеть!

— Ничего-съ: иной мировой судья за это еще рубль серебра на чай дастъ.

— Ну, вотъ видишь! нѣтъ, я, братецъ, знаю, что я справедливъ.

— Чтѣ же за справедливость? Не Богъ знаетъ какъ вы, отецъ дьяконъ, и справедливы.

— Это почему?

— А потому, что Данила много ли тутъ виноватъ, что онъ только повторилъ, какъ ему ученый человекъ сказывалъ? Это вѣдь по-настоящему, если такъ судить, вы Варнаву Васильича должны остепенять, потому что это онъ намъ сказывалъ, а Данила только сомнѣвался, что не то это, какъ учитель говорилъ, дождь отъ естества вещей, не то отъ молебна! Вотъ если бы вы оттрясли учителя, это точно было бы законъ.

— Учителя?..—Дьяконъ развелъ широко руки, вытянулъ къ носу хоботкомъ обѣ свои губы и, постоявъ такъ секунду предъ мѣщанами, прошепталъ: — Законъ!.. Законъ-то это,

я знаю, велить... да вотъ отецъ Савеліи не велить... и це-
возможно!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прошло нѣсколько дней: Туберововъ убѣдился, что онъ совершенно напрасно опасался, какъ бы несдержанные поступки дьякона Ахиллы не навлекли какія-нибудь судебныя непріятности; все благополучно шло по-старому; люди разнообразно уѣздную жизнь тѣмъ, что ссорились для того, чтобы мириться, и мирились для того, чтобы снова ссориться. Покою ничто не угрожало; напротивъ, даже Туберовову былъ испосланъ прекрасный день, который онъ провелъ въ чистѣйшемъ восторгѣ. Это былъ день именинъ исправницы, наступившій вскорѣ за тѣмъ днемъ, когда Ахилла, въ своей, по вѣрѣ, ревности, устроилъ публичный скандалъ съ комиссаромъ Данилкой. Когда всѣ гости, собравшіеся на исправницкій пирогъ, были заняты утоленіемъ своего аппетита, хозяинъ, подойдя случайно къ окну, вдругъ громко крикнулъ женѣ:

— Боже мой! Посмотри-ка, жена, какіе къ тебѣ гости!

— Кто же тамъ, кто?—отозвалась исправница.

— А ты посмотри.

Именинница, а съ ней вмѣстѣ и всѣ бывшіе въ комнатѣ гости бросились къ окнамъ, изъ которыхъ было видно, какъ съ горы осторожно, словно трехглавый змѣй на чревѣ, спускалась могучая тройка рослыхъ буланыхъ коней. Коренникъ мнется и тычетъ ногами, какъ старый генералъ, подходящій, чтобы кого-то распечь: онъ то скуситъ губу налѣво, то скуситъ ее направо, то встряхнетъ головой и опять тычетъ и тычетъ ногами; пристяжные то выются какъ отыскивающіе vis-à-vis уланскіе корнеты, то сжимаются въ клубочки какъ спутанныя овцы; малиновый колокольчикъ шлепнетъ колечкомъ въ край и снова прилигъ и молчить; одни бубенчики глухо рокочутъ, но рокочутъ безъ всякаго звона. Но вотъ этотъ трехглавый змѣй сползъ и распустился: показались хребты коней, махнулъ въ воздухъ хвостъ пристяжной; изъ-подъ вѣтра взвѣяла грива; тройка выравнялась и понеслась по мосту. Показались золоченная дуга съ травленою роспихсю и большія старинныя, бронзой кованыя, троечныя дрожки гитарой. На дрожкахъ рядкомъ, какъ сидятъ на козеткахъ, сидѣли два маленькія существа:

одно мужское и одно женское; мужчина былъ въ темно-зеленой камлотовой шинели и въ большомъ картузѣ изъ шляпаго волокнистаго плюша, а женщина въ масаковомъ гроденаплевомъ салопѣ, съ лиловымъ бархатнымъ воротникомъ, и въ чепчикѣ съ коричневыми лентами.

— Боже, да это Плодомасовскіе карлики! — Не можетъ быть! — Смотрите сами! — Точно, точно! — Да какъ же: вонъ Николай-то Аонасычъ, видите, увидѣлъ насъ и кланяется: а вонъ и Марья Аонасыевна киваетъ.

Такіе возгласы раздались со всѣхъ сторонъ при видѣ карликовъ, и всѣ словно ни вѣсть чему обрадовались: хозяева захлопотали возобновленіемъ для новыхъ гостей завтрака, а прежніе гости внимательно смотрѣли на двери, въ которыя должны были показаться маленькіе люди, и они, наконецъ, показались.

Впередѣ шелъ старичокъ, ростомъ съ небольшого восьмилѣтняго мальчика; за нимъ старушка немного побольше.

Старичокъ былъ весь чистота и благоразуміе: на лицѣ его и слѣда нѣтъ ни желтыхъ пятенъ, ни морщинъ, обыкновенно портящихъ лица карликовъ: у него была очень пропорціональная фигура, круглая, какъ шаръ, головка, покрытая совершенно бѣлыми, коротко остриженными волосами, и небольшіе коричневыя медвѣжьи глазки. Карлица лишена была пріятности брата: она была одутловата, у нея былъ глуповатый чувственный ротъ и тупые глаза.

На карликѣ Николаѣ Аонасыевичѣ, не смотря на жаркое время года, были надѣты теплыя плюсовые сапожки, черныя панталоны изъ лохматой байки, желтый фланелевый жилетъ и коричневый фракъ съ металлическими пуговицами. Бѣлье его было безукоризненной чистоты, и щечки его туго поддерживалъ высокій атласный галстукъ. Карлица была въ шелховомъ зеленомъ капотѣ и большомъ кружевномъ воротникѣ.

Николай Аонасыевичъ, войдя въ комнату, вытянулъ ручки по швамъ, потомъ приподнялъ правую руку съ картузомъ къ сердцу, шаркнулъ ножкой объ ножку и, направляясь въ развалецъ прямо къ именинницѣ, проговорилъ тихимъ и ровнымъ старческимъ голосомъ:

— Господинъ нашъ, Никита Алексѣичъ Плодомасовъ и господинъ Пармень Семеновичъ Тугановъ, отъ себя и отъ супруги своей, изволили приказать намъ, ихъ слугамъ, при-

нести вамъ, сударыня Ольга Арсентьевна, ихъ поздравленіе. Сестрица, повторите, отнесся онъ къ стоявшей возлѣ него сестрѣ, и когда та кончила свое поздравленіе, Николай Аванасьевичъ шаркнулъ исправнику и продолжалъ:

— А васъ, сударь Воинъ Васильевичъ, и всю честную компанію—съ дорогою именинницей. И затѣмъ, сударь, имѣю честь доложить, что, приславъ насъ съ сестрицей для принесенія вамъ ихъ поздравленія, и господинъ мой, и Парментъ Семеновичъ Тугановъ просятъ извиненія за наше холопье посольство; но сами теперь въ своихъ минутахъ не вольны и приносятъ вамъ въ томъ извиненіе сегодня вечеромъ.

— Парментъ Семенычъ будетъ здѣсь? — воскликнулъ исправникъ.

— Въѣстъ съ господиномъ моимъ Шикитою Алексѣичемъ Плодомасовымъ, проѣздомъ въ Петербургъ, просятъ васъ простить, что заѣдутъ въ дорожномъ положеніи.

Въ обществѣ по поводу этого извѣстія возникла маленькая суета, пользуясь которою карликъ подошелъ подѣ благословеніе къ Туберозову и тихо проговорилъ:

— Парментъ Семеновичъ просили васъ быть вечеромъ здѣсь.

— Скажи, голубчикъ, буду,—отвѣчалъ Туберозовъ.

Карликъ взялъ благословеніе у Захарія. Дьяконъ Ахилла взялъ ручку у почтительно поклонившагося ему маленькаго человѣчка, который при этомъ, улыбувшись, проговорилъ:

— Только сдѣлайте милость, сударь, надо мною силы богатырской не пробуйте!

— А что, Николай Аванасьичъ, развѣ онъ того... здоровъ? — пошутилъ хозяинъ.

— Силу пробовать любятъ-съ, — отвѣчалъ старичокъ. — Есть надѣ кѣмъ? Пады калѣчкой.

— А что ваше здоровье, Николай Аванасьичъ? — пытали карлика дамы, окружая его со всѣхъ сторонъ и пожимая его ручонки.

— Какое, государыни, мое здоровье! Смѣхъ отвѣчать; точно поросенокъ сталъ. Петровки на дворѣ,—а я все зябну!

— Зябнете?

— Да какъ же-съ: вотъ можете посудить, потому что весь въ мѣшокъ заячій зашить. Да и чему дивиться-то-съ, государи мои, станемъ? Восьмой десятокъ лѣтъ вѣдъ ужъ совершилъ ненужный человѣкъ.

Николай Аванасыча на перебой засыпали вопросами о различных предметахъ, усаживали, потчивали всѣмъ: онъ отвѣчалъ на всѣ вопросы умно и находчиво, но отказывался отъ всѣхъ угощеній, говоря, что давно ужъ ѣсть мало, и то какой-нибудь овощикъ.

— Вотъ сестрица покушаютъ, — говорилъ онъ, обращаясь къ сестрѣ. — Садитесь, сестрица, кушайте, кушайте! Чего церемониться? А не хотите безъ меня, такъ позвольте мнѣ, сударыня Ольга Арсентьевна, морковной начиночки изъ пирожка на блюде... Вотъ такъ, довольно-съ, довольно! Теперь, сестрица, кушайте, а съ меня довольно. Меня и кормить-то ужъ не за что; питянаго чулка вязать, и того уже теперь путемъ не умѣю. Лучше гораздо сестрицы вязать когда-то, и даже бродери англезъ выплеталъ, а нынче что ни стану вязать, все петли спускаю.

— Да; бывало, Никола, ты славно вязалъ! — отозвался Туберозовъ, весь оживившійся и повеселѣвшій съ прибытіемъ карлика.

— Ахъ, отецъ Савелій! Время, государь, время! — карликъ улыбнулся и договорилъ шутя. — А къ тому же и строгости надо мной, ваше высокопреподобіе, нынче не стало; избаловался послѣ смерти моеѣ благодѣтельницы. Что? хлѣбъ-соль готовые, кровь теплый, всегда лѣнюсь.

Протоіерей посмотрѣлъ со счастливою улыбкой въ глаза карлику и сказалъ:

— Вижу я тебя, Никола, словно милую сказку старую передъ собою вижу, съ которою умереть бы хотѣлось.

— А она, бабушка (карликъ говорилъ *у* вмѣсто *ю*), она, сказка-то добрая, прежде насъ померла.

— А забываешь, Ниолушка, про госпожу-то свою? Про боярыню-то свою, Марѳу Андревну, забываешь? — вопрошалъ, юля около карлика, дьяконъ Ахилла, котораго Николай Аванасыевичъ все какъ бы опасался и остерегался.

— Забывать, сударь отецъ дьяконъ, я уже старъ, я уже и самъ къ ней, къ утѣшительницѣ моеѣ, служить на томъ свѣтѣ давно собираюсь, — отвѣчалъ карликъ очень тихо и съ легкимъ только полуборотомъ въ сторону Ахиллы.

— Утѣшительная, говорятъ, была эта старуха, — отнесся безразлично ко всему собранію дьяконъ.

— Ты это въ какомъ же смыслѣ берешь ея утѣшительность? — спросилъ Туберозовъ.

— Забавная!

Протопопъ улыбнулся и махнулъ рукой, а Николаѣ Аонасьевичъ поправилъ Ахиллу, твердо сказавъ ему:

— Утѣшительница, сударь, *утѣшительница*, а не забавница.

— Что ты ему внушаешь, Никола. Ты лучше расскажи, какъ она тебя ожесточила-то? Какъ откупъ-то сдѣлала?— посоветоваль протопопъ.

— Что, отецъ протопопъ, старое это, сударь.

— Нантепльнѣе это у него выходитъ, когда онъ рассказываетъ, какъ онъ ожесточился,—обратился Туберовозъ къ присутствующимъ.

— А ужъ такъ, батюшка, она, госпожа моя, умѣла человѣка и ожесточить и утѣшить, и ожесточала и утѣшала, какъ развѣ только одинъ ангелъ Господень можетъ утѣшить, — сейчасъ же отозвался карликъ. — Въ сокровенную души, бывало, человѣка проникнетъ и утѣшить, и мановеніемъ своимъ всю благую для него на земли совершить.

— А ты, въ самомъ дѣлѣ, расскажи, какъ это ты ожесточенъ былъ?

— Да, расскажи, Николаша, расскажи!

— Что жъ, милостивые государи, смѣтеть ли вы, или не смѣтеть, а вправду интересуетесь объ этомъ слышать, но если вся компанія желаетъ, то уже я ослушаться не смѣю, расскажу.

— Пожалуйста, Николаѣ Аонасьевичъ, рассказывай.

— Расскажу, — отвѣчалъ, улыбнувшись, карликъ: — расскажу, потому что повѣсть эта даже и пріятна.—Съ этими словами карликъ началъ:

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

— Это всего было чрезъ годъ какъ они меня у прежнихъ господъ купили. Я прожилъ этотъ годокъ въ ужасной грусти, потому что былъ оторванъ, знаете, отъ крови родной и отъ фамилии. Разумѣется, виду этого, что грущу, я не подавалъ, чтобы какъ помѣшцицѣ о томъ не донесли, или бы сами онѣ не замѣтили; но только все это было втуне, потому что покойница все это провидѣли. Стали приближаться мои именины, онѣ и изволятъ говорить:

«— Какой же, говорягъ, я тебѣ, Николай, подарокъ подарю?»

«— Матушка, говорю, какой мнѣ еще, глупцу, подарокъ? Я и такъ всё въ свѣтѣ главы моей доволею.

«— Нѣтъ, изволятъ говорить, я думаю тебя хоть рублемъ одарить.

«Что жъ, я отказываться не посмѣлъ, поцѣловаль ся ручку и говорю:

«— Много, говорю, вашей милостью взыскаю, и самъ опять сѣлъ чулокъ вязать. Я еще тогда хорошо глазами видѣлъ и даже въ гвардію нитяные чулки на господина моего, Алексѣя Никитича, вязать. Вяжу, сударь, чулокъ-то, да и заплакалъ. Богъ знаетъ чего заплакалъ, такъ, знаете, вспомнилось что-то про родныхъ, предъ днемъ ангела, и заплакалъ. А Марья Андревна видятъ это, потому что я напротивъ ихъ кресла на подножной скамеечкѣ всегда вязалъ, и спрашиваютъ:

«— Чего жъ ты это, изволятъ говорить. Николаша, плачешь?

«— Такъ, отвѣчаю, матушка, что-то слезы такъ... да, и знаете, что мнѣ доложить-то, отчего плачу, и не знаю. Всталъ, ручку ихъ поцѣловаль, да и опять сѣлъ на свою скамеечку. Не извольте, говорю, сударыня, обращать взоръ вашихъ на эту слабость, это я такъ, сдуру. Эти мои слезы пролилъ.

«И опять сидимъ да работаемъ; и я чулокъ вяжу, и онѣ чулочекъ вязать изволятъ. Только вдругъ онѣ этакъ повязали, повязали и изволятъ спрашивать:

«— А куда же ты, Николай, рубль-то дѣнешь, что я тебѣ завтра подарить хочу?

«— Тятенькѣ, говорю, сударыня, своему при вѣрной оказіи отправлю.

«— А если, говорятъ, я тебѣ два подарю?

«— Другой, докладываю, маменькѣ пошлю.

«— А если три?

«— Братцу, говорю, Ивану Аонасьевичу.

«Онѣ покачали головкой да изволятъ говорить:

«— Много же какъ тебѣ, братецъ, денегъ-то надо, чтобы всѣхъ одѣлать! Этого ты, такой маленькій, и вѣкъ не заслужишь.

«— Господу, говорю, было угодно меня такимъ создать,— да съ сими словами и опять заплакалъ; опять сердце, знаете, сжалось: и сержусь на свои слезы и плачу. Онѣ же,

покойница, глядѣли, глядѣли на меня и этакъ молчкомъ меня къ себѣ однимъ пальчикомъ и поманули: я уналъ имъ въ ноги, а онѣ положили мою голову въ колѣни, да и я плачу, и онѣ изволятъ плакать. Потомъ встали да и говорить:

«— Ты никогда не ропщешь, Николаша, на Бога?

— Какъ же, говорю, матушка, можно на Бога роптать? Никогда не ропщу!

«— Ну, Онъ, изволятъ говорить, тебя за это и утѣшитъ.

«Встали онѣ, знаете, съ этимъ словомъ, велѣли мнѣ приказать, чтобы къ нимъ послали бурмистра Дементія въ ихъ нижній разрядный кабинетъ и сами туда отправились.

«— Не плачь, говорить, Николаша! тебѣ Господь утѣшитъ.

«И точно утѣшили.

При этомъ Николаѣ Аванасьевичъ вдругъ заморгалъ чашенько своими тонкими вѣками и, проворно соскочивъ со стула, отбѣжалъ въ уголокъ, гдѣ утеръ бѣлымъ платочкомъ глаза и возвратился со стыдливою улыбкой на свое мѣсто. Снова усѣвшись, онъ началъ совѣтъ другимъ, торжественнымъ голосомъ, очень мало напоминавшимъ прежній:

«— Встаю я, судари мои, рано: сходилъ потихоньку, умылся, потому что я у нихъ, у Марыи Андревны въ пожарахъ за ширмой, на коврѣ спалъ, да и пошелъ въ церковь, чтобы у отца Алексѣя послѣ утрени молебень отслужить. Вошелъ я, сударь, въ церковь и прошелъ прямо въ алтарь, чтобы у отца Алексѣя благословеніе принять, и вижу, что покойникъ отецъ Алексѣй какъ-то необыкновенно радостны въ выраженіи и меня шопотливо поздравляютъ съ радостью. И это отнесъ, разумѣется, къ праздничному дню и къ именинамъ моимъ. Но что жъ тутъ, милостивые государи, послѣдовало! Выхожу я съ просфорой на лѣвый клиросъ, такъ какъ я съ покойнымъ дылчкомъ Ефимичемъ на лѣвомъ клиросѣ тонкимъ голосомъ пѣлъ, и вдругъ мнѣ въ народѣ представились и матушка, и отецъ, и братецъ Иванъ Аванасьевичъ. Бабушку-то съ матушкой я въ народѣ еще и не очень вижу, но братецъ Иванъ Аванасьевичъ, онъ такой былъ... этакой гвардіонъ, я его сейчасъ увидалъ. Думаю, это видѣніе! Потому что очень ужъ я желалъ ихъ въ этотъ день видѣть. Нѣтъ, не видѣніе! Вижу, маменька, — крестьянка онѣ были, — такъ и убиваются плачутъ. Думаю,

вѣрно у своихъ господъ отпросились и издалека да пришли съ своимъ дитемъ повидаться. Разумѣется, я, чтобы благочинія церковнаго не нарушать, только подошелъ къ родителямъ, къ братцу, поклонился имъ въ поясъ и ушелъ скорѣй совсѣмъ въ алтарь, и самъ уже не вѣлъ... Потому рѣшительно скажу: не могъ-съ! Ну-съ; такъ и заутреня и обѣдня по чину, какъ должно, кончились, и тогда... Вотъ только опять боюсь, чтобъ эти слезы дурацкія опять рассказать не мѣшали,—проговорилъ, быстро обмахнувъ платочкомъ глаза, Николай Аванасьевичъ.—Выхожу я, сударь, послѣ обѣдни, изъ алтаря, чтобы святителю по моему заказу молебень отслужить, а смотрю — предъ аналоемъ съ иконой стоитъ сама Марѳа Андревна, къ обѣднѣ пожаловали, а за нею вотъ онѣ самыя, сестрица Марья Аванасьевна, которую предъ собой изволите видѣть, родители мои и братецъ. Стали вѣтъ «святителю отче Николае», и вдругъ отецъ Алексѣй на молитвѣ всю родню мою поминаетъ. Очень я былъ всѣмъ этимъ, сударь, тронуть: отцу Алексѣю я, по состоянію своему, что имѣлъ заплатить, хотя они и брать не хотѣли, но это нельзя же даромъ молиться, да и подхожу къ Марѣ Андревнѣ, чтобы поздравить. А онѣ меня тихонько ручкой отъ себя отстранили и говорятъ:

«— Иди прежде родителямъ поклонись!

«Я повидался съ отцомъ, съ матушкой, съ братцемъ, и все со слезами. Сестрица Марья Аванасьевна (Николай Аванасьевичъ съ ласковою улыбкой указалъ на сестру), сестрица ничего не плачутъ, потому что у нихъ характеръ лучше, а я слабъ и плачу. Тутъ, батунка, выходимъ мы на паперть, госпожа моя Марѳа Андревна достаютъ изъ карманчика кошелечекъ кувшинчикомъ, и самъ я видѣлъ даже, какъ онѣ этотъ кошелечекъ вязали, да не зналъ, разумѣется, кому онѣ. «Одари, говорятъ мнѣ, Николаша, свою родню». Я начинаю одарять: тятенькѣ серебряный рубль, маменькѣ рубль, братцу Ивану Аванасьевичу рубль, и все новыя рубли, а въ кошелькѣ и еще четыре рубля. Это, говорю, матушка, для чего прикажете? А ко мнѣ, гляжу, бурмистръ Дементій и подводитъ и невѣстунку, и трехъ ребятишекъ, — всѣ въ свиткахъ. Всѣхъ я, по ея великой милости, одарилъ, и пошли мы домой изъ церкви всѣ вмѣстѣ: и покойница госпожа, и отецъ Алексѣй, и я, сестрица Марья Аванасьевна и родители, и всѣ дѣти братцевы. Сестрица Марья Ава-

насывна опять и здѣсь идутъ, ничего, разумно, ну, а я, глупецъ, все и тутъ, самъ не знаю чего, рѣкой разливаюсь плачу. Но все же, однако, я, милостивые государи, до сихъ поръ хоть и плакалъ, но шелъ; но тутъ, батюшка, у крыльца господскаго, вдругъ смотрю, вижу стоять три подводы, лошади запряжены разгонныя господскія Марѳы Андревны, а братцевы двѣ лошаденки сзади прицѣплены, и на телѣгахъ вижу весь багажъ моихъ родителей и брата. Я, батюшка, этимъ смутился, и не знаю, что думать. Марѳа Андревна до сего времени, идучи съ отцомъ Алексѣемъ, все о поклонахъ изволили разговаривать и вниманія на меня будто не обращали, а тутъ вдругъ ступили ножками на крыльцо, оборачиваются ко мнѣ и изволятъ говорить такое слово: «Вотъ тебѣ, слуга мой, отпуская: пусти своихъ стариковъ и брата съ дѣтьми на волю!» и положили мнѣ за жилетъ эту отпускую... Ну, ужъ этого я не перенесъ...

Николай Аванасьевичъ приподнялъ руки вровень съ своимъ лицомъ и заговорилъ:

— Ты!—закричалъ я въ безуміи:—такъ это все ты, говорю, жестокая, стало-быть совсѣмъ хочешь такъ раздавить меня благостію своей!—И тутъ грудь мнѣ перехватило, виски запыли, въ глазахъ по всему свѣту замелькали лампады, и я безъ чувствъ уналь у отцовскихъ воевъ съ тою отпускою.

— Ахъ, старичокъ, какой чувствительный!—воскликнулъ растроганный Ахилла, хлопнувъ по плечу Николая Аванасьевича.

— Да-съ,—продолжалъ, вытеревъ себѣ ротикъ, карло.— А пришелъ-то я въ себя ужъ черезъ девять дней, потому что горячка у меня сдѣлалась и то-съ осматриваюсь и вижу, госпожа сидитъ у моего изголовья и говоритъ: «Охъ, прости ты меня, Христа ради, Николаша: чуть я тебя, сумасшедшая, не убила!» Такъ вотъ она какой великанъ-то была, госпожа Плодомасова!

— Ахъ, ты, старичокъ прелестный!—опять воскликнулъ дьяконъ Ахилла, схвативъ Николая Аванасьевича въ шутку за пуговочку фрака и какъ бы оторвавъ ее.

Карла молча попробовалъ эту пуговицу и, удостовѣрившись, что она цѣла и на своемъ мѣстѣ, сказалъ:

— Да-съ, да, я ничтожный человѣкъ, а онѣ заботились обо мнѣ, довѣряли; даже скорби свои иногда мнѣ открывали,

особенно когда въ разлукѣ по Алексѣю Никитичу скорбѣли. Получать, бывало, письмо, сейчасъ сначала скоро-скоро сами про себя пробѣжать, а потомъ и все вслухъ читають. Онѣ сидятъ читають, а я предъ ними стою, чулокъ вяжу, да слушаю. Прочитаемъ и въ разговоръ сейчасъ вступимъ: «Теперь его въ офицеры, бывало, скажутъ, должно быть скоро произведутъ». А я говорю: ужь по ранжиру, матушка, непременно произведутъ. Тогда разсуждаютъ: «Какъ ты, Николаша, думаешь, ему вѣдь больше надо будетъ денегъ посылать». — А какъ же, отвѣчаю, матушка, непременно тогда надо больше. «То-то, скажутъ, намъ вѣдь здѣсь деньги все равно и не нужны». — Да намъ, молъ, онѣ на что же, матушка, нужны! А сестрица Марья Аонасьевна вдругъ въ это время не потрафятъ и смолчатъ, покойница на нихъ за это сейчасъ и разгнѣваются. «Деревяжка ты, скажутъ, деревяжка! Недаромъ мнѣ тебя за братомъ въ придачу даромъ отдали».

Николай Аонасьевичъ вдругъ спохватился, странно покраснѣвъ и, повернувшись къ своей тупоумной сестрѣ, проговорилъ:

— Вы простите меня, сестрица, что я это рассказываю?

— Сказывайте, ничего, сказывайте, — отвѣчала, води языкомъ за щекой, Марья Аонасьевна.

— Сестрица, бывало, расплачутся, — продолжалъ успокоенный Николай Аонасьевичъ: — а я ее куда-нибудь въ уголокъ или на лѣстницу тихонечко съ глазъ Марыи Андревны выманю и уговорю. Сестрица, говорю, успокойтесь; пожалѣйте себя, эта немилость къ милости. И точно, горячее, да сильвичное сердце ихъ сейчасъ скоро и пройдетъ: «Марья!» бывало, зовутъ черезъ минутку. «Полно, мать, злиться-то. Чего ты кошкой-то оцетвилась, иди сидь здѣсь, работай». Вы вѣдь, сестрица, не сердитесь?

— Сказывайте, что жь мнѣ? сказывайте, — отвѣчала Марья Аонасьевна.

— Да-съ; тѣмъ, бывало, и кончено. Сестрица возьмутъ скамеечку, подставятъ у ихъ ножекъ и опять начинаютъ визать. Ну, тутъ я ужь, какъ это спокойствіе водворится, сейчасъ подхожу къ Марѣи Андревнѣ, попрошу у нихъ ручку поцѣловать и скажу: покорно васъ, матушка, благодаримъ. Сейчасъ всѣ даже слезой взволнуются. «Ты у меня, говорятъ, Николай, вѣжнѣй. Отчего это только, я

понять не могу, отчего она у насъ такая деревянная?» скажутъ опять на сестрицу. — А я,—продолжалъ Николай Аванасьевичъ, улыбнувшись:—я эту рѣчь ихъ сейчасъ по-секретарски подь сукно, подь сукно! Сестрица! шепчу, сестрица, попросите ручку поцѣловать. Марѳа Андревна услышутъ и сейчасъ все и конецъ: «Сиди ужь, мать моя, скажутъ сестрицѣ, не надо мнѣ твоихъ поцѣлуевъ». И пойдемъ колтыхать спицами въ трое рукъ. Только и слышно, что спицы эти три-ти-ти-ти-три-ти-ти, да мушка ж-ж-жу, ж-жу, ж-жу пролетитъ. Вотъ въ какой тишинѣ мы всю жизнь и жили!

— Ну, а васъ же самихъ съ сестрицей на волю она не отпустила?—спросилъ кто-то, когда карликъ хотѣлъ встать, окончивъ свою повѣсть.

— На волю? Нѣтъ, сударь, не отпускали. Сестрица, Марья Аванасьевна, были приписаны къ родительской отпуской, а меня не отпускали. Онѣ, бывало, изволятъ говорить: «Послѣ смерти моей живи гдѣ хочешь (потому что онѣ на меня какъ-то для пенсіи положили), а пока жива, я тебя на волю не отпущу». Да и на что, говорю, мнѣ, матушка, она, воля? Меня на ней воробыи заклюютъ.

— Ахъ ты, маленькій этакой!—воскликнулъ въ умиленіи Ахилла.

— Да, а что вы такое думаете? И конечно-съ заклюютъ,—подтвердилъ Николай Аванасьевичъ.—Вопь у насъ дворецкій Глѣбъ Степановичъ, какой былъ мужчина, просто красота, а на волю ихъ отпустили, они гостиницу открыли и занялись винцомъ, и теперь по гостининому двору ходить, да купцамъ за грошъ «скупого рыцаря» изъ себя представляютъ. Развѣ это хорошо?

— Онѣ вѣдь у нея во всемъ правая рука былъ, Николай-то Аванасьевичъ.—отозвался Туберововъ, желая возвысить этимъ отзывомъ заслуги карлика и снова наладить разговоръ на желанную тему.

— Служилъ, батунка отецъ протоіерей, по разумѣнію своему служилъ. Въ Москву и въ Питерь покойница ѣзжали, никогда горничныхъ съ собою не брали. Теряетъ женской прислуги въ дорогѣ не могли. Изволятъ, бывало, говорить: «Все эти Милитрисы Кирбитьевны влохчутъ, да въ гостиницахъ по коридорамъ расхаживаютъ, да знакомятся, а Николаша, говорятъ, у меня какъ заяцъ въ углѣ сидитъ».

Онъ вѣдь меня за мужчину вовсе не почитали, а все: заяцъ.

Николай Аѳанасьевичъ разсмѣялся и добавилъ:

— Да и взаправду, какой же я ужъ мужчина, когда па меня, извините, ни сапожковъ и никакого мужского платья готового нельзя купить,—не придется. Это и точно ихъ слово справедливое было, что я заяцъ.

— Трусъ! трусъ! трусъ!—заговорилъ, смѣясь и оглаживая карлика по плечамъ, Ахилла.

— Но не совсѣмъ же она тебя считала зайцемъ, когда хотѣла женить? — отозвался къ карлику исправникъ Порохонцевъ.

— Это, батюшка, Воинъ Васильичъ, было. Было, сударь,— добавилъ онъ, все понижая голосъ,—было.

— Неужто, Николай Аѳанасьичъ, было? — откликнулось разомъ нѣсколько голосовъ.

Николай Аѳанасьевичъ покраснѣлъ и шопотомъ уронилъ:

— Грѣхъ лгать—было.

Всѣ, кто здѣсь на это время находились, разомъ пристали къ карлику:

— Голубчикъ, Николай Аѳанасьичъ, расскажите про это!

— Ахъ, господа, про что тутъ рассказывать?—отговаривался, смѣясь, краснѣя и отмахиваясь отъ просьбъ руками, Николай Аѳанасьевичъ.

Его просили неотступно; дамы брали его за руку, цѣловали его въ лобъ; онъ ловилъ на лету прикасавшіяся къ нему дамскія руки и цѣловалъ ихъ, но все-таки отказывался отъ разсказа, находя его долгимъ и незанимательнымъ. Но вотъ что-то вдругъ неожиданно стукнуло о полъ, имениница, стоявшая въ эту минуту предъ кресломъ карлика, въ испугъ посторонилась и глазамъ Николая Аѳанасьевича представился колѣнопреклоненный, съ воздѣтыми вверхъ урками, дьяконъ Ахилла.

— Душка! — мотая головой, выбивалъ Ахилла.—Расскажи, какъ тебя женить хотѣли!

— Скажу, все расскажу, только поднимитесь, отецъ дьяконъ.

Ахилла всталъ и, обмахнувъ съ рясъ пылъ, самодовольно возгласилъ:

— Ага! А что-съ? А то, говорятъ, не расскажетъ! Съ чего такъ не расскажетъ? Я сказалъ—выпрошу, вотъ и вы-

просилъ. Теперь, господа, опять по мѣстамъ, и чтобъ тихо; а вы, хозяйка, велите Николашѣ за это, что онъ будетъ рассказывать, стаканъ воды съ червоннымъ виномъ, какъ въ домахъ подаютъ.

Всѣ усѣлись. Николаю Аванасьевичу подали стаканъ воды, въ который онъ самъ впустилъ нѣсколько капель краснаго вина, и началъ новую о себѣ повѣсть.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

— То, господа, было вскорѣ послѣ французскаго замиренія, какъ я со въ Возѣ почившимъ государемъ императоромъ разговаривалъ.

— Вы съ государемъ разговаривали? — сію же минуту перебили рассказчика нѣсколько голосовъ.

— А какъ бы вы изволили полагать?—отвѣчала съ тихою улыбкой карликъ. — Да-съ; съ самимъ императоромъ Александромъ Павловичемъ говорилъ и имѣлъ разсудокъ, какъ ему отвѣчать.

— Ха-ха-ха! Вотъ, Богъ меня убей, шельма какая у насъ этотъ Николавра! — взвылъ вдругъ отъ удовольствія дяконъ Ахилла и, хлопнувъ себя ладонями по бедрамъ, добавилъ:—Глядите на него,—маленькій, а между тѣмъ онъ, клошлось, съ царемъ разговаривалъ.

— Сиди, дяконъ, смирно, сиди спокойно,—внушительно произнесъ Туберозовъ.

Ахилла показалъ руками, что онъ болѣе ничего не скажетъ, и сѣлъ.

Разсказъ начался снова.

— Это какъ будто отъ разговора моего съ государемъ императоромъ даже и начало имѣло,—спокойно заговорилъ Николай Аванасьевичъ. — Госпожа моя, Марѳа Андревна, имѣла желаніе быть въ Москвѣ, когда туда ждали императора, послѣ всесвѣтной его побѣды надъ Наполеономъ Бонапарте. Разумѣется, и я въ этой поѣздкѣ, по ихъ волѣ, при нихъ находился. Онѣ, покойница, тогда уже были въ большихъ лѣтахъ и, по нездоровью своему, порядочно стали гнѣбливы и обидчивы. Молодымъ господамъ по этой причинѣ въ дому у насъ было скучно, и покойница это видѣли и много за это досадовали, а больше всѣхъ на Алексѣя Никитича сердились, что не такъ, полагали, вѣрно у нихъ въ домѣ порядокъ устроенъ, чтобы всѣмъ весело

было и что чрезъ то ихъ всё забываютъ. Вотъ Алексѣй Никитичъ и достали маменькѣ приглашеніе на балъ, на который государя ожидали. Марѳа Андревна не скрыли отъ меня, что это имъ очень большое удовольствіе доставило. Сдѣлали онѣ себѣ къ этому балу нарядъ безцѣнный, и для меня, французу портному, заказали синій фракъ аглицкаго сукна съ золотыми пуговицами, панталоны, — сударыни, простите, — жилетъ, галстукъ—все бѣлое; манишку съ гофреями и пряжки на башмаки, сорокъ два рубля заплатили. Алексѣй Никитичъ для маменькина удовольствія такъ упростили, чтобъ и меня можно было туда взять. Приказано было метрѣ д'отелю, чтобы ввести меня въ оранжерею при домѣ и напротивъ самаго зала, куда государь войдетъ, въ углу гдѣ-нибудь между цвѣтами поставить. Такъ это, милостивые государи, все и исполнилось, но не совсемъ. Поставилъ меня, знаете, метрѣ д'отель въ уголь у большого такого дерева, китайская пальма называется, и сказалъ, чтобъ я держался и смотрѣлъ, что отсюда увижу. А что оттуда увидеть можно? ничего. Вотъ я, знаете, какъ Закхей Мытарь, царь-царашъ, да и взлѣзъ на такую маленькую искусственную скалу, взлѣзъ и стою подъ пальмой. Въ залѣ шумъ, блескъ, музыка; а я хоть и на скалѣ подъ пальмой стою, а все ничего не вижу, кромѣ какъ одніѣ макушки, да тупеи. Только вдругъ всё эти головы засуетились, раздвинулись, и государь съ княземъ Голицынымъ прямо и входитъ отъ жара въ оранжерею. И еще то, представьте, идетъ не только что въ оранжерею, а даже въ самый тотъ дальній уголь прохладный, куда меня спрятали. Я такъ, сударыни, и засохъ. На скалѣ-то засохъ и не слѣзу.

— Страшно?—спросилъ Туберозовъ.

— Какъ вамъ доложить? не странно, но какъ будто волнение.

— А я бы убѣгъ,—сказалъ, не вытерпѣвъ, дьяконъ.

— Чего же, сударь, бѣжать? Не могу сказать, чтобы совсемъ ни капли не испугался, но не бѣгалъ. А его величество тѣмъ часомъ все подходятъ, подходятъ; ужъ я слышу даже, какъ саложки на нихъ ринъ, ринъ, ринъ; вижу ужъ и ликъ у нихъ такай тихій, взракъ ласковый, да уже, знаете, на отчаянность ужъ и думаю и не думаю, зачѣмъ я предъ ними на самомъ на виду явлюсь. Только государь вдругъ

этакъ головку повернули и, вижу, изволили вскинуть на меня свои очи и на мнѣ ихъ и остановили.

— Ну!—крикнулъ, блѣднѣя, дьяконъ.

— Я взялъ да имъ поклонился.

Дьяконъ вздохнулъ и, сжавъ руку карлика, прошепталъ:

— Сказывай же, сдѣлай милость, скорѣе, не останавливайся!

— Они посмотрѣли на меня и изволятъ князю Голицыну говорить по-французски: «Ахъ, какой миниатюрный экземпляр!—чей, любопытствуетъ, это такой?» Князь Голицынъ, вижу, въ затруднительности отвѣтить; а я, какъ французскую рѣчь могу понимать, самъ и отвѣчаю: «Госпожи Плодомасовой, ваше императорское величество». Государь обратился ко мнѣ и изволятъ меня спрашивать: «Какой вы націи?»—Вѣрноподанный, говорю, вашего императорскаго величества. «И русскій уроженецъ?» изволятъ спрашивать, а я опять отвѣчаю:—Изъ крестьянъ, говорю, вѣрноподанный вашего императорскаго величества. Императоръ и разсмѣялись. «Bravo! изволили понюхать,—bravo, mon petit sujet fidèle» и ручкой этакъ меня за голову къ себѣ и пожали.

Николай Аванасьевичъ понизилъ голосъ и сквозь тихую улыбку, какъ будто величайшую политическую тайну, шопотомъ добавилъ:

— Ручкой-то своєю, знаете, взяли обняли, а здѣсь... непримѣтно для нихъ пуговочкой обшлага носъ-то мнѣ совсѣмъ чувствительно больно придавили.

— А ты же вѣдь ничего... не закричать? — спросилъ дьяконъ.

— Нѣтъ-съ, что вы, батюшка, что вы? Какъ же можно отъ ласкъ государя кричать? Я-съ,—заключилъ Николай Аванасьевичъ:—только какъ они выпустили меня, я поцѣловалъ ихъ ручку... что счастливъ и удостоенъ чести и только и всего моего разговора съ ихъ величествомъ было. А послѣ, разумѣется, какъ сняли меня изъ-подъ пальмы и повезли въ каретѣ домой, такъ вотъ тутъ ужъ я все плакалъ.

— Отчего же послѣ-то плакать?—спросилъ Ахилла.

— Да какъ же отчего? мало ли отчего-съ? Отъ умиленія чувствъ плачешь.

— Маленькій, а какъ чувствуетъ!—воскликнулъ въ восторгъ Ахилла.

— Ну-съ, позвольте! — начал снова рассказчик. — Теперь только что это случайное вниманіе императора по Москвѣ въ нѣкоторыхъ домахъ разгласилось, покойница Марѳа Андревна начали всюду возить меня и показывать, и я, истину вамъ докладываю, не лгу, я былъ тогда самый маленькій карликъ во всей Москвѣ. Но недолго это было-съ, всего одну зиму...

Но въ это время дьяконъ, ни съ того, ни съ сего, вдругъ оглушительно фыркнулъ и, свѣсивъ голову за спинку стула, тихо захохоталъ.

Замѣтя, что его смѣхъ остановилъ рассказъ, онъ поднялся и сказалъ:

— Нѣтъ, это ничего!.. Рассказывай, сдѣлай милость, Николавра, это я по своему дѣлу смѣюсь. Какъ со мною однажды графъ Кленыхинъ говорилъ.

— Нѣтъ-съ, ужъ вы, сударь, лучше выскажитесь, а то опять перебьете,—отвѣтилъ карликъ.

— Да ничего, ничего, это самое простое дѣло, — возражалъ Ахилла. — Графъ Кленыхинъ у насъ семинарскій корпусъ смотрѣлъ, я ему поклонился, а онъ говоритъ: «пошелъ прочь, дуракъ!» Вотъ и весь нашъ разговоръ, чему я разсмѣялся.

— И точно-съ смѣшно,—сказалъ Николай Аванасьевичъ и, улыбнувшись, сталъ продолжать:

— На другую зиму,—заговорилъ онъ: — Вихіорова генеральна привезла изъ-за Петербурга чухончку Метту, карлицу еще меньше меня на палець. Покойница Марѳа Андревна слышать объ этомъ не могла. Сначала все изволила говорить, что эта карлица не натуральная, а свинцомъ будто опоенная, но какъ пріѣхали и изволили сами Метту Ивановну увидать и разсердились, что она этакая бѣленькая и совершенная. Во снѣ стали видѣть, какъ бы намъ Метту Ивановну себѣ купить. А Вихіорша та слышать не хочетъ, чтобы продать. Вотъ тутъ Марѳа Андревна и объясняютъ, что «мой Николай, говорятъ, умный и государю отвѣчать умѣлъ, а твоя, говорятъ, дѣвчушка, — что жъ, только на видъ хороша». Такъ межъ собой обѣ госпожи за насъ и спорять. Марѳа Андревна говорятъ той продай, а эта имъ говорить, чтобы меня продать. Марѳа Андревна вскипятъ вдругъ: «Я вѣдь, изволятъ говорить, не для игрушки у тебя ее торгую: я ее въ невѣсты на выводъ покупаю,

чтобы Николая на ней женить». А госпожа Вихіорова говорятъ: «что жъ, я его у себя женю». Марѳа Андревна говорятъ: «Я тебѣ отъ нихъ дѣтей дамъ, если будутъ», и та тоже говоритъ, что и онѣ пожалуютъ дѣтей, если дѣти будутъ. Марѳа Андревна разсердится и велеть мнѣ прощаться съ Меттой Ивановной. А потомъ опять, какъ Марѳа Андревна не выдержатъ, заѣдутъ, и какъ только онѣ войдутъ, сейчасъ и объявляютъ: «Ну слушай же, матушка генеральша, я тебѣ, чтобы попусту не говорить, тысячу рублей за твою уродицу дамъ», а та какъ на зло не порочить меня, а двѣ за меня Марѳѣ Андревнѣ предлагаетъ. Пойдутъ другъ другу набавлять и набавляютъ, и опять разсердится Марѳа Андревна, вскрикнетъ: «Я, матушка, своими людьми не торгую», а госпожа Вихіорова тоже отвѣчаютъ, что и онѣ не торгуютъ, такъ и опять велеть намъ съ Меттой Ивановной прощаться. До десяти тысячъ рублей, милостивые государи, доторговались за насъ, а все дѣло не подвигалось, потому что моя госпожа за ту даетъ десять тысячъ, а та за меня одиннадцать. До самой весны, государи мои, такъ тянулось, и доложу вамъ, хотя госпожа Марѳа Андревна была духа великаго и несокрушимаго, и съ Пугачевымъ спорила, и съ тремя государами танцевала, по госпожа Вихіорова ужасно Марѳы Андревны весь характеръ переломили. Скучаютъ! страшно скучаютъ! И на меня все начинаютъ гнѣваться. «Это вотъ все ты, изволятъ говорить, сякой-такой центюхъ, что дѣвку даже ни въ какое воображеніе ввести не можешь, чтобъ она сама за тебя просилась». «Матушка, говорю, Марѳа Андревна, чѣмъ же, говорю, питательница, я могу ее въ воображеніе вводить? Ручку, говорю, матушка, мнѣ, дураку, пожалуйста». А онѣ еще больше гнѣваются. «Глупый, говорятъ, глупый! только и знаетъ про ручки». А я ужъ все молчу.

— Маленькій! маленький! Онъ, бѣдный, этого ничего не можетъ! — участливо объяснялъ кому-то по сосѣдству дьяконъ.

Карликъ оглянулся на него и продолжалъ:

— Ну-съ, такъ дальше больше, дошло до весны, пора намъ стало и домой въ Плодомасово изъ Москвы собираться. Марѳа Андревна опять приказали мнѣ одѣваться, и чтобъ одѣлся въ гишпанское платье. Поѣхали къ Вихіоршѣ и опять не сторговались. Марѳа Андревна говорятъ ей: «Ну,

хоть позволъ же ты своей каракатицѣ, пусть они хоть походятъ съ Николашей вмѣстѣ предъ домомъ!» Генеральша на это согласилась, и мы съ Меттой Ивановной по тротуару противъ оконъ и гуляли. Мароа Андревна, покойница, и этому радовалась и всякихъ костюмовъ намъ обоимъ нашили. Приѣдемъ, бывало, онѣ и приказываютъ. «Надѣньте нынче, Николаша, съ Меттой пейзажскіе костюмы!» Вотъ мы оба и являемся въ деревянныхъ башмакахъ, я въ камзолѣ и въ шльицѣ, а Метта Ивановна въ высокомъ чепчикѣ, и ходимъ такъ предъ домомъ, и народъ на насъ стоитъ смотреть. Другой разъ велеть одѣться туркой съ турчанкой, мы тоже опять ходимъ; или матросомъ съ матроской, мы и этакъ ходимъ. А то были у насъ тоже медвѣжьи платица, тѣ изъ коричневой фланели, въ родѣ чехловъ сшиты. Всунуть насъ, бывало, въ нихъ, будто руку въ перчатку или ногу въ чулокъ, ничего, кромѣ глазъ, и не видно, а на макушечкахъ такія суконныя завязочки ушками подѣланы, трепятыся. Но въ этихъ платицахъ насъ на улицу не посылали, а велеть, бывало, одѣться, когда обѣ госпожи за столомъ кофе кушаютъ, и чтобы во время ихъ кофею на коврѣ противъ ихъ стола бороться. Метта Ивановна пресильная была, даромъ что женщина, по я, бывало, если имъ дамъ хорошенько подножку, такъ онѣ все-таки сейчасъ и слетятъ, но только я, впрочемъ, всегда Меттѣ Ивановнѣ больше поддавался, потому что мнѣ ихъ жаль было по ихъ женскому полу, да и генеральша сейчасъ, бывало, въ ихъ защиту собачку болонку кличуть, а та меня за голенишки, а Мароа Андревна сердится... Ну ихъ совѣмъ и съ одолѣниемъ! А то тоже покойница заказали намъ самый лучшій костюмъ, онѣ у меня и теперь цѣль: меня одѣли французскимъ гренадеромъ, а Метту Ивановну маркизой. У меня этакій киверъ, медвѣжій, мѣховой, высокій, мундиръ длинный, ружье со штыкомъ и тесакъ, а Меттѣ Ивановнѣ робъ и онахало большое. Я, бывало, стану въ дверяхъ съ ружьемъ, а Метта Ивановна съ онахаломъ проходятъ, и я имъ честь отдаю, и потомъ Мароа Андревна съ генеральшей опять за насъ торгуются, чтобы насъ женить. Но только надо вамъ доложить, что всѣ эти наряды и костюмы для насъ съ Меттой Ивановной все моя госпожа на свой счетъ дѣлала, потому что онѣ ужъ навѣрное надѣялись, что мы Метту Ивановну кушимъ, и даже такъ, что чѣмъ больше онѣ на насъ двоятъ

этихъ костюмовъ надѣвали, тѣмъ больше увѣрялись, что мы оба ихніе; а дѣло-то совсѣмъ было не туда. Госпожа генеральна Вихіорова, Каролина Карловна, какъ были изъ нѣмокъ, то онѣ ничему этому, что въ ихъ пользу, не препятствовали и принимали, а уступить ничего не хотѣли. Предъ самою весной Мароа Андревна ей вдругъ рѣшительно говорятъ: «однако, что же это такое мы съ тобою, матушка, дѣлаемъ, ни Мишу, ни Гришу? Надо же, говорятъ, это на чемъ-нибудь кончить», да на томъ было и кончили, что чуть-чуть ихъ самихъ на Ваганьково кладбище не отнесли. Захали покойница, желчью покрылись, на всѣхъ стали сердиться, и вотъ минуты одной, какова есть минута, не хотятъ ждать: вынь да положь имъ Метту Ивановну, чтобы сейчасъ меня на ней женить! У кого въ домѣ Свѣтлое Христово Воскресенье, а у насъ тревога, а къ Красной Горкѣ ждемъ послѣдній отвѣтъ и не знаемъ, какъ ей и передать его. Тутъ-то Алексѣй Никитичъ, дай имъ Богъ здоровья, ужъ и имъ это дѣло насолило, видятъ, что бѣда ожидаетъ неминуемая, вдругъ надумались, или съ кѣмъ тамъ въ полку изъ умныхъ офицеровъ посоветовались, и доложили маменькѣ, что будто бы Вихіоршина карлица пропала. Марѣв Андревичъ все, знаете, отъ этого легче стало, что ужъ ни у кого ея шить, и начали онѣ безпрестанно объ этомъ говорить.— «Какъ же такъ, разспрашиваютъ, она пропала?» Алексѣй Никитичъ отвѣчаютъ, что жидъ укралъ.— «Какъ? какой жидъ?»— все разспрашиваютъ. Сочиняемъ имъ что попало: такъ, молъ, жидъ этакой капитановатый, съ бородой, всѣ видѣли, взялъ да понесъ. «А что же,—изволятъ спрашивать,—зачѣмъ же его не оставили?»—Такъ, молъ; онъ изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ, такъ и унесъ.—«Да и она-то, разсуждаютъ, дура какая, что ее несутъ, а она даже и не кричитъ. Мой Николай ни за что бы, говорить, не дался».—«Какъ можно, говорю, сударыня, жиду сдаться!» Всему ужъ онѣ какъ ребенокъ стали вѣрить. Но тутъ Алексѣй Никитичъ вдругъ ненарокомъ маленькую ошибку далъ или, пожалуй сказать, перехитрилъ: намѣреніе ихъ такое было разумѣется, чтобы скорѣе Мароу Андревну со мною въ деревню отправить, чтобы это тутъ забылось, они и сказали маменькѣ: «вы, изволятъ говорить, мамсенька, не беспокойтесь: ее, эту карлушку, найдутъ, потому что ее ищутъ, и какъ найдутъ, я вамъ сейчасъ и отпущу въ деревню»; а

покойница-то за это слово и ухватилась: «Итъ ужъ, говорить, если ищутъ, такъ и лучше подожду, я главное теперь этого жиды-то хочу посмотрѣть, который ее унесъ!» Тутъ, судари мои, мы ужъ и одного квартальнаго вмѣстѣ съ собою лгать подрядили: тотъ всякій день приходитъ и вретъ, что «ищутъ, молю, ее, да не находятъ». Она ему всякій день синенькую, а меня всякій день къ ранней обѣднѣ посылаетъ въ церковь, Иоанну Воинственнику молебень о сбѣжавшей рабѣ служить...

— Иоанну Воинственнику? Иоанну Воинственнику говоришь ты молебень-то ходилъ служить?—перебилъ дьяконъ.

— Да-съ, Иоанну Воинственнику.

— Ну, такъ, братъ, поздравляю тебя, совсѣмъ не тому святому служилъ.

— Дьяконъ! да сдѣлай ты милость, сядь,—рѣшилъ отецъ Савелій:—а ты, Николай, продолжай.

— Да что, батюшка, больше продолжать, когда вся ужъ почти моя сказка и рассказана. Ёдемъ мы одинъ разъ съ Марою Андревной отъ Иверской Божіей Матери, а генеральша Вихіорова и хлопъ на самой Петровкѣ намъ навстрѣчу въ коляскѣ и Метта Ивановна съ ними. Тутъ Марья Андревна все поняли и... повѣрите ли, государи мои, или нѣтъ, тихо, но горько въ каретѣ заплакали.

Карликъ замолчалъ.

— Ну, Никола, — подогналъ его протопопъ Савелій.

— Ну-съ, а тутъ ужъ что же: какъ пріѣхали мы домой, онѣ и говорятъ Алексѣю Никитичу: «А ты, сынокъ, говорятъ, выходишь дуракъ, что смѣлъ свою мать обманывать, да еще квартальнаго приводилъ», и съ этимъ велѣли укладываться и уѣхали.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Николай Аѳанасьевичъ обернулся на стульцѣ ко всѣмъ слушателямъ и добавилъ: — Я вѣдь вамъ докладывалъ, что исторія самая простая и нисколько не занимательная. А мы, сестрица,—добавилъ онъ, вставая,—засимъ и поѣдемте!

Марья Аѳанасьевна стала собираться; но дьяконъ опять выступилъ со споромъ, что Николай Аѳанасьевичъ не тому святому молебень служилъ.

— Это, сударь мой, отецъ дьяконъ, не мое дѣло знать,—

оправдывался, отыскивая свой пуховой картузь, Николай Леонасьевичъ.

— Пѣтъ, какъ же не твое! Непремѣнно твое: ты долженъ знать, кому молишься.

— Позвольте-сь, позвольте, я въ первый разъ какъ пришелъ по этому дѣлу въ церковь, подаль записочку о *блжавшей рабѣ* и полтинникъ, священникъ и стали служить Іоанну Воинственнику, такъ оно послѣ и шло.

— Ой! если такъ, значитъ плохъ священникъ...

— Чѣмъ? чѣмъ? чѣмъ? Чѣмъ такъ священникъ плохъ?— вмѣшался неожиданно отецъ Бенефактовъ.

— Тѣмъ, отецъ Захарія, плохъ, что дѣла своего не знаетъ,— отвѣчалъ Бенефактову съ отминою развязностію Ахилла.— *О блжавшемъ рабѣ* нешто Іоанну Воинственнику пѣтъ подобасть?

— Да; да; а кому же по-твоему? кому же? кому же?

— Кому? Забыли, что ли, вы? У кнпторова мѣста листъ въ прежнее время былъ наклеенъ. Теперь его сняли, а я все помню, кому въ немъ за что молебень пѣтъ положено.

— Да.

— Ну, и только! Ѳедору Тирону, если вамъ угодно слышать, вотъ кому.

— Ложно осуждася: Іоанну Воинственнику они правильно служили.

— Не конфузьте себя, отецъ Захарія.

— Я тебѣ говорю, служили правильно.

— А я вамъ говорю, понапрасну себя не конфузьте.

— Да что ты тутъ со мной споришь!

— Пѣтъ, это что вы со мной спорите! Я васъ вѣдь, если захочу, сейчасъ могу оконфузить.

— Ну, оконфузь.

— Ей-Богу, душечка, оконфужу!

— Ну, оконфузь, оконфузь!

— Ей-Богу вѣдь оконфужу, не просите лучше, потому что я эту таблицу наизусть знаю.

— Да ты не разговаривай, а оконфузь, оконфузь,—смѣясь и радуясь, частилъ Захарія Бенефактовъ, глядя то на дьякона, то на чинно хранящаго молчаніе отца Туберозова.

— Оконфузить? извольте,—рѣшилъ Ахилла и, сейчасъ же закинувъ далеко на локоть широкой рукавъ рясы, загнулъ правою рукою большой палецъ лѣвой руки, какъ будто со-

бирался его отломить, и началъ:—Вотъ первое: объ исцѣленіи отъ отрясовичной болѣзни, преподобному Марою.

— Преподобному Марою,—повторилъ за нимъ, соглашавшійся, отецъ Бенефактовъ.

— Отъ огрызной болѣзни — великомученику Артемію,—вычитывалъ Ахилла, заломивъ тѣмъ же способомъ второй палець.

— Артемію,—повторилъ Бенефактовъ.

— О разрѣшеніи неплодства—Роману чудотворцу: если возненавидитъ мужъ жену свою — мученикамъ Гурію, Самону и Авиву; объ отогнаніи бѣсовъ — преподобному Нифонту; объ избавленіи отъ блудныхъ страсти — преподобной Ѳомаидѣ...

— И преподобному Моисею Угрину, — тихо подставилъ до сихъ поръ только въ тактъ покачивавшій своею головой Бенефактовъ.

Дьяконъ, уже загнувшій всѣ пять пальцевъ лѣвой руки, секунду подумалъ, глядя въ глаза отцу Захаріи, и затѣмъ, разжавъ лѣвую руку съ тѣмъ, чтобы погибать ею правую, произнесъ:

— Да, тоже можно и Моисею Угрину.

— Ну, теперь продолжай.

— Отъ виннаго запойства—мученику Вонифатію...

— И Моисею Мурину.

— Что-съ?

— Вонифатію и Моисею Мурину, — повторилъ отецъ Захарія.

— Точно,—повторилъ дьяконъ.

— Продолжай.

— О сохраненіи отъ злого очарованія—священномученику Кипріяну...

— И святой Устиніи.

— Да позвольте же, наконецъ, отецъ Захарія, съ этими подсказами!

— Да нечего позволять! Русскимъ словомъ ясно напечатано: и святой Устиніи.

— Ну, хорошо! ну, и святой Устиніи, а объ обрѣтеніи украденныхъ вещей и бѣжавшихъ рабовъ (дьяконъ началъ съ этого мѣста подчеркивать свои слова)—Ѳеодору Тирону, его же память празднуемъ семнадцатаго февраля.

Но только-что Ахилла протрубилъ свое послѣднее слово,

какъ Захарія тою же тихою и безстрастною рѣчью продолжали чтеніе таблички словами:

— И Іоанну Воинственнику, его же память празднуемъ десятаго іюля.

Ахилла похлопалъ глазами и проговорилъ:

— Точно: теперь вспомнилъ, есть и Іоанну Воинственнику.

— Такъ о чемъ же это вы, сударь отецъ-дьяконъ, изволили цѣлый часъ опорить?—спросилъ, протягивая на прощанье свою ручку Ахиллѣ, Николай Аонасѣевичъ.

— Ну, вотъ поди же ты со мною. Дубликаты позабылъ, вотъ изъ-за чего и спорилъ,—отвѣчалъ дьяконъ.

— Это, сударь, называется: шанка на головѣ, а я шанку нищу. Мое глубочайшее почтеніе, отецъ дьяконъ.

— «Шанку нищу»... Ахъ ты маленькій!—произнесъ, ослабляясь, Ахилла и, подхвативъ Николая Аонасѣевича съ полу, посадилъ его себѣ на ладонь и воскликнулъ: — какъ пушиночка легенькій!

— Перестань,—велѣлъ отецъ Туберозовъ.

Дьяконъ опустилъ карлика и, поставивъ его на землю, шуточно замѣтилъ, что, по легкости Николая Аонасѣевича, его никакъ бы нельзя на вѣсъ продавать; но протопопу уже немножко досадила суетливость Ахиллы, и онъ ему отвѣчалъ:

— А ты знаешь ли, кого цѣнить по вѣсу?

— А кого-съ?

— Повѣсу.

— Покорно васъ благодарю-съ.

— Не взъици, пожалуйте.

Дьяконъ смутился и, обведя носовымъ бумажнымъ платкомъ по ворсу своей шляпы, проговорилъ:

— А вы ужъ нигдѣ не можете обойтись безъ политики,—и съ этимъ, слегка надувшись, выпелъ за двери.

Вскорѣ раскланялись и разошлись въ разныя стороны и всѣ другіе гости.

Николая Аонасѣевича съ сестрой быстро унесли оконными бронзой троечными дрожки, а Туберозовъ тихо шелъ за рѣку вдвоемъ съ тѣмъ самымъ Дарьяповымъ, съ которымъ мы его видѣли въ домикѣ пресвирни Препотенской.

Нерейды вмѣстѣ мостъ, они на минуту остановились, и протопопъ, какъ бы что-то вспомнивъ, сказалъ:

— Не удивительно ли, что эта старая сказка, которую рассказали сейчас карликъ и которую я такъ много разъ уже слышалъ, ничтожная сказочка про эти вязальныя старухины спицы, не только меня освѣжила, но и успокоила отъ того раздраженія, въ которое меня ввергла намедняшняя новая дѣйствительность? Не явный ли знакъ въ этомъ тогъ, что я уже остарѣлъ и назадъ меня клонить? Но вѣтъ, и не то; таковъ былъ я сыздѣтства, и вотъ въ эту самую минуту мнѣ вспомнился вотъ какой случай: прѣѣхать я разъ уже студентомъ въ село, гдѣ жилъ мои дѣтскіе годы, и засталъ тамъ, что деревянную церковку сносятъ и выводятъ стройный каменный храмъ... и я разрыдался!

— О чемъ же?

— Представьте: стало мнѣ жаль деревянной церковки. Чудень и свѣтелъ новый храмъ возведутъ на Руси и будетъ въ немъ и свѣтло, и тепло молящимся внукамъ, но больно глядѣть какъ старыя бревна безъ жалости рубятъ!

— Да что и хранить-то изъ тѣхъ временъ, когда только въ спицки стучали, да карликовъ для своей потѣхи женили.

— Да; вотъ замѣтьте себѣ, много-много въ этомъ скудости, а мнѣ отъ этого нахнуло русскимъ духомъ. Я вспомнилъ эту старуху и стало таково и бодро и пріятно, и это бережи моея отградная награда. Живите, государи мои, люди русскіе, въ ладу со своею старой сказкой. Чудная вещь старая сказка! Горе тому, у кого ея не будетъ подъ старость! Для васъ вотъ эти прутики старушекъ ударяютъ монотонно; но для меня съ нихъ каплетъ сладкихъ сказаній источникъ!.. О, какъ бы я желалъ умереть въ мирѣ съ моею старою сказкой.

— Да это, конечно, такъ и будетъ.

— Представьте, а я опасуюсь, что вѣтъ.

— Напрасно. Кто же вамъ можетъ помѣшать?

— Какъ можно знать, какъ можно знать, кто это будетъ?

Но, однако, позвольте, что же это я вижу?—заклучилъ протоіерей, взглядываясь въ показавшееся на горѣ облако пыли.

Это облако сопровождало дорожный троечный тарангасъ, а въ этомъ тарангасѣ сидѣли два человека: одинъ—высокій, мясистый, черныи, съ огненными глазами и песоразмѣрной величины верхней губой; другой—субтильный, выбритый, съ лицомъ совершенно безстрастнымъ и свѣтлыми водянистыми глазками.

Экипажъ съ этими пассажирами быстро проскакалъ по мосту и, переѣхавъ рѣку, повернулъ берегомъ влѣво.

— Какія непрятныя лица!—сказалъ, отвернувшись, протопопъ.

— А вы знаете ли, кто это такіе?

— Нѣтъ, слава Богу, не знаю.

— Ну, такъ я васъ огорчу. Это и есть ожидаемый у насъ чиновникъ князь Борноволокъ; я узнаю его, хоть и давно не видалъ. Такъ и есть; вонъ они и остановились у воротъ Бизюкина.

— Скажите жъ на милость, который же изъ нихъ самъ Борноволокъ?

— Борноволокъ тотъ, что слѣва, маленький.

— А тотъ другой, что за персона?

— А эта персона, должно быть, просто его письмоводитель. Опъ тоже знаменитъ кой-чѣмъ.

— Юристъ большой?

— Гм! Ну, этого я не слыхалъ о немъ, а онъ по какой-то студенческой исторіи въ крѣпости сидѣлъ.

— Батюшки мои! А какъ имя мужу сему?

— Измаилъ Термосесовъ.

— Термосесовъ?

— Да, Термосесовъ; Измаилъ Петровъ Термосесовъ.

— Господи, какихъ у нашего царя людей нѣтъ!

— А что такое?

— Да какъ же, помилуйте: и губастый, и странный, и въ крѣпости сидѣлъ, и на свободу вышелъ, и фамилія ему Термосесовъ.

— Не правда ли, ужасно?—воскликнулъ, расхохотавшись, Дарьяновъ.

— А что вы думаете, оно, пожалуй, и вправду ужасно!—отвѣчалъ Туберозовъ. — Имя человѣческое не пустой совѣсьмъ звукъ: пѣвецъ «Одиссея» не даромъ сказалъ, что «въ минуту рожденія каждый имя свое себѣ въ сладостный даръ получаетъ». Но до свиданія пока. Вечеромъ встрѣтимся?

— Непремѣнно.

— Такъ вотъ и прекрасно: тамъ намъ будетъ время добесѣдовать и объ именахъ, и объ именованіяхъ.

Съ этимъ протопопъ пожалъ руку своего компаньона, и они разстались.

Туберовозъ пришелъ вечеромъ первый въ домъ исправника и такъ рано, что хозяинъ еще наслаждался послѣобѣденнымъ сномъ, а именница обтирала губкой свои камелии и олеандры, окружавшіе угольный диванъ въ маленькой гостиной.

Хозяйка и протопопъ встрѣтились очень радушно и съ простотой, свидѣтельствовавшей о ихъ дружествѣ.

— Рано придралъ я?—спросилъ протопопъ.

— И очень даже рано,—отвѣчала, смѣясь, хозяйка.

— Подите жъ! Жена была права, что останавливала, да что-то не сидится дома; охота гостевать пришла. Давайте-ка я стану помогать вамъ мыть цвѣты.

И старикъ вслѣдъ за словомъ снялъ рясу, засучилъ рукава подрысника и, вооружась мокрою тряпочкой, принялся за работу.

Въ этихъ занятіяхъ и незначущихъ перемолвкахъ съ хозяйкой о состояніи ея цвѣтовъ прошло не болѣе полчаса, какъ подъ окнами дома послышался топотъ подкатившей четверни. Туберовозъ вздрогнулъ и, взглянувъ въ окно, произнесъ въ себѣ: «Ага! нѣтъ, хорошо, что я поторопился!» Затѣмъ онъ громко воскликнулъ: «Парменъ Семенычъ? Ты ли это, другъ?» И бросился навстрѣчу выходившему изъ экипажа предводителю Туганову.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Теперь волей-неволей, повинуюсь неодолимымъ обстоятельствамъ, встрѣчаемымъ на пути нашей хроники, мы должны оставить на время и старогородскаго протопопа, и предводителя, и познакомиться совершенно съ другимъ кружкомъ того же города. Мы должны вступить въ домъ акцизнаго чиновника Бизюкина, куда сегодня прибыли давно жданые въ городъ петербургскіе гости: старый университетскій товарищъ акцизника князь Борноволокъ, нынѣ довольно видный петербургскій чиновникъ, развѣзжающій съ цѣлью что-то ревизовать и что-то вводить, и его секретарь Термосесовъ, также нѣкогда знакомецъ и одномысленникъ Бизюкина. Мы входимъ сюда именно въ тотъ предобѣденный часъ, когда предъ этимъ домомъ остановилась почтовая тройка, доставившая въ Старогородъ столичныхъ гостей.

Самого акцизника въ это время не было дома, и хозяй-

ственный элементъ представляла одна акцизница, молодая дама, о которой мы кое-что знаемъ изъ словъ дьякона Ахиллы, старой просвирни, да учителя Препотенскаго. Интересная дама это одна ожидала дорогихъ гостей, изъ коихъ Термосесовъ ее необыкновенно занималъ, такъ какъ онъ былъ ей извѣстенъ за весьма вліятельнаго политическаго дѣятеля. О великомъ характерѣ и о значеніи этой особы она много слыхала отъ своего мужа и потому, будучи сама политическою женщиной, ждала этого гостя не безъ душевнаго трепета. Желая показаться ему съ самой лучшей и выгоднѣйшей для своей репутаціи стороны, Визюкина еще съ утра была озабочена тѣмъ, какъ бы ей привести домъ въ такое состояніе, чтобы даже виѣшній видъ ея жилища съ перваго же взгляда производилъ на пріѣзжихъ цѣлесообразное впечатлѣніе. Акцизница еще сносаранка обошла нѣсколько разъ всѣ свои комнаты и нашла, что все нигуда не годится. Остановясь посреди опрятной и хорошо мебелированной гостиной, она въ отчаяніи воскликнула: «Нѣтъ, это чортъ знаетъ что такое? Это совершенно такъ, какъ и у Порохонцевыхъ, и у Дарьяновыхъ, и у почтмейстера, словомъ, какъ у всѣхъ, даже, пожалуй, гораздо лучше! Вотъ, напримѣръ, у Порохонцевыхъ нѣтъ часовъ на каминѣ, да и каминъ вовсе нѣтъ; но каминъ, положимъ, еще ничего, этого гигиѣна требуетъ; а зачѣмъ эти бра, зачѣмъ эти куклы, наконецъ, зачѣмъ эти часы, когда въ залѣ часы есть?.. А въ залѣ? Господи! Тамъ фортепяно, тамъ ноты... Нѣтъ, это рѣшительно невозможно такъ, и я не хочу, чтобы новые люди обончлись со мной какъ-нибудь за эти мелочи. Я не хочу, чтобы мнѣ Термосесовъ могъ написать что-нибудь въ родѣ того, что въ умномъ романѣ «Живая душа» умная Маня написала своему жениху, который жилъ въ хорошемъ домѣ и пилъ чай изъ серебрянаго самовара. Эта умная дѣвушка прямо написала ему, что, молъ, «послѣ того, что я у васъ видѣла, между нами все кончено». Нѣтъ, я этого не хочу. Я знаю, какъ надо принять дѣятелей! Одно досадно: не знаю, какъ именно у нихъ все въ Петербургѣ?.. Вѣрно у нихъ тамъ все это какъ-нибудь скверно... то-есть я хотѣла сказать прекрасно... тѣфу, то-есть скверно... Чортъ знаетъ что такое. Да! Но куда же, однако, мнѣ все это дѣть? Неужели же все выбросить? Но это жаль, испортится; а это все денегъ стоить, да и что пользы выбросить

вещи, когда кругомъ, на что ни взглянешь... вонъ въ спальнѣ кружевыя занавѣски... положимъ, что это въ спальнѣ, куда гости не заглянуть... ну, а если заглянуть!.. Ужасная гадость. Пригомъ же дѣти такъ хорошо одѣты!.. Ну, да ихъ не покажутъ; пусть тамъ и сидятъ, гдѣ сидятъ; но все-таки... все выбрасывать жалъ! Идѣть, лучше ужъ одну мужнину комнату отдѣлать.

И съ этимъ молодая чиновница позвала людей и велѣла имъ тотчасъ же перенести все излишнее, по ея мнѣнію, убранство мужнина кабинета въ кладовую.

Кабинетъ акцизника, и безъ того обдѣленный убранствомъ въ пользу комнатъ госпожи и чловелительницы дома, теперь совсѣмъ былъ ободранъ и представлялъ зрѣлище весьма печальное. Въ немъ оставались столъ, стулъ, два дивана и больше ничего.

«Вотъ и отлично, — подумала Бизюкина. — По крайней мѣрѣ есть хоть одна комната, гдѣ все совершенно какъ слѣдуетъ». Затѣмъ она сдѣлала на письменномъ столѣ два пятна чернилами, опрокинула ногой въ углу плевальницу и разсыпала по полу песокъ... Но, Боже мой! возвратясь въ залъ, акцизница замѣтила, что она было чуть-чуть не просмотрѣла самую ужасную вещь: на стѣнѣ висѣлъ образъ!

— Ермошка! Ермошка! скорѣй танци долой этотъ образъ и песн его... я его спрячу въ комодъ.

Образъ былъ спрятанъ.

— Какъ это глупо, — разсуждала она: — что женихъ, ожидая *живую душу*, побилъ свои статуи и порвалъ занавѣски? Эй, Ермошка, подавай мнѣ сюда занавѣски! Скорѣй свертывай ихъ. Вотъ такъ! Теперь самъ смотри же, чертенокъ, одѣвайся получше!

— Получше-съ?

— Ну, да, конечно, получше. Что тамъ у тебя есть?

— Беншметъ-съ.

— Беншметъ, дуракъ, «беншметъ-съ»! Жилетку, манишку и новый кафтанъ, все надѣнь, чтобы все было какъ должно, — да такъ не изволь мнѣ отвѣчать по-лакейски: «чего-съ изволите-съ», да «я вамъ докладывалъ-съ», а просто говори: «что, молъ, вамъ нужно?» или «я, молъ, вамъ говорилъ». Понимаешь?

— Пошмаю-съ.

— Не «понимаю-сь», глупый мальчишка, а просто «понимаю», ю, ю, ю; просто понимаю!

— Понимаю.

— Ну, вотъ и прекрасно. Ступай одѣвайся, у насъ будутъ гости. Понимаешь?

— Понимаю-сь.

— Понимаю, дуракъ, *понимаю*, а не «понимаю-сь».

— Понимаю.

— Ну и пошелъ вонъ, если понимаешь.

Озабоченная хозяйка вступила въ свой будуаръ, открыла большой орѣховый шкапъ съ нарядами и, пересмотрѣвъ весь свой гардеробъ, выбрала, что тамъ нашлось худшаго, позвала свою горничную и велѣла себя одѣвать.

— Марѳа! ты очень не любишь господъ?

— Отчего же-сь?

— Ну, «отчего же-сь?» Такъ, просто ни отчего. За что тебѣ любить ихъ?

Дѣвушка была въ затрудненіи.

— Что они тебѣ хорошаго сдѣлали?

— Хорошаго, ничего-сь.

— Ну и ничего-сь, и дура, и значить, что ты ихъ не любишь, а впередъ, я тебя покорно прошу, ты не смѣй мнѣ этакъ говорить: «отчего же-сь», «ничего-сь», а говори просто: «отчего» и «ничего». Понимаешь?

— Понимаю-сь.

— Вотъ и ата: «понимаю-сь». Говори просто «понимаю».

— Да зачѣмъ такъ, сударыня?

— Затѣмъ, что я такъ хочу.

— Слушаю-сь.

— «Слушаю-сь». Я сейчасъ только сказала: говори просто «слушаю и понимаю».

— Слушаю и понимаю; но только мнѣ этакъ, сударыня, трудно.

— Трудно? Зато послѣ будетъ легко. Всѣ такъ будутъ говорить. Слышишь?

— Слышу-сь.

— «Слышу-сь»... Дура. Иди вонъ! Я тебя прогоню, если ты мнѣ еще разъ такъ отвѣтишь. Просто «слышу» и ничего больше. Господь скоро вовсе никакихъ не будетъ; понимаешь ты это? не будетъ ихъ вовсе! Ихъ всѣхъ скоро... топорами порѣжутъ. Поняла?

— Поняла,—отвѣтила дѣвушка, не зная какъ отвязаться.

— Иди вонъ и пошли Ермошку.

«Теперь необходимо еще одно, чтобъ у меня здѣсь была школа». И Бизюкина, вручивъ Ермошкѣ десять мѣдныхъ пятаконъ, велѣла заманить къ ней съ улицы сколько онъ можетъ мальчишекъ, сказавъ каждому изъ нихъ, что они у нея получаютъ еще по другому пятану.

Ермоника вернулся минутъ черезъ десять въ сопровожде- нии цѣлой гурьбы оборванцевъ—уличныхъ ребятишекъ.

Бизюкина одѣлила ихъ пятаконми и, посадивъ ихъ въ мужиномъ кабинетѣ, сказала:

— Я васъ буду учить и дамъ вамъ за это по пятанку. Хорошо?

Ребятишки подернули носами и проиниѣли:

— Ну, дакъ что жъ.

— А мы въ книжку не умѣемъ читать,—отозвался маль- чикъ посмышленѣе прочихъ.

— Пѣсню учить будете, а не книжку.

— Ну, пѣсню, такъ ладно.

— Ермоника, иди н ты садись рядомъ.

Ермошка сѣлъ и застѣнчиво закрылъ ротъ рукой.

— Ну, теперь валяйте за мною!

Какъ идетъ младъ кузнецъ да изъ кузницы.

Дѣти кое-какъ черезъ пятое въ десятое повторили.

— «Слава!»—воскликнула Бизюкина.

— «Слава!»—повторили дѣти.

Подъ полой три ножа да три острыхъ песеть. Слава!

Тутъ Ермошка приподнялъ вверхъ голову и, взглянувъ въ окно, вскрикнулъ:

— Сударыня, гости:

Бизюкина бросила изъ рукъ линейку, которою размахивала, уча дѣтей пѣсни, и быстро рванулась въ залу.

Ермошка опередилъ ее и выскочилъ сначала въ переднюю, а оттуда на крыльцо и кинулся высаживать Борноволова и Термоссова. Молодая политическая дама была чрезмѣрно довольна собою, гости застали ее, какъ говорится, во *всемъ туалетѣ*.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Князь Борноволовъ и Термоссовъ, при внимательномъ разсмотрѣнн ихъ, были гораздо занимательнѣе, чѣмъ показали они мелькомъ Туберовову.

Самъ ревизоръ былъ живое подобіе уснувшаго ерша: маленькій, вихрястенькій, широкоперый, съ глазами, совсѣмъ затянутыми какою-то сонною влагой. Онъ казался ни къ чему погоднымъ и ни на что неспособнымъ; это былъ не человѣкъ, а именно сонный ершъ, который ходилъ по всѣмъ морямъ и озерамъ, и теперь, уснувъ, осклизъ такъ, что въ немъ ничего не горитъ и не свѣтится.

Термосесовъ же былъ нѣчто напоминающее кентавра. При огромномъ мужскомъ ростѣ у него было сложеніе здоровое, но чисто женское; въ плечахъ онъ узокъ, въ тазу непомѣрно широкъ; ляжки какъ лошадиные окорока, колѣни мясистыя и круглыя; руки сухія и жилистыя; шея длинная, но не съ кадыкомъ, какъ у большинства рослыхъ людей, а лошадиная—съ зарѣзомъ; голова съ гривой вразметъ на всѣ стороны; лицомъ смугль, съ длиннымъ, будто армянскимъ носомъ, и съ непомѣрною верхнею губой, которая тяжело садилась на нижнюю; глаза у Термосесова коричневаго цвѣта, съ рѣзкими черными пятнами на зрачкѣ; взглядъ его присталень и смышленъ.

Костюмы новопривывшихъ гостей тоже были довольно замѣчательны. На Борноволоковѣ надѣто маленькое сѣренькое пальто въ родѣ рейтъ-фрака, и шотландская шапочка съ цвѣтнымъ околышемъ, а на Термосесовѣ широкій темно-коричневый сукоинный сакъ, подпоясанный широкимъ чернымъ ремнемъ, и форменная фуражка съ зеленымъ околышемъ и кокардой; Борноволоковъ въ лайковыхъ полусапожкахъ, а Термосесовъ въ такъ-называемыхъ суворовскихъ сапогахъ.

Вообще Термосесовъ и шире скроенъ, и крѣче спитъ, и по всему есть существо гораздо болѣе фундаментальное, чѣмъ его начальники! Фундаментальность эта еще болѣе подкрѣпляется его отмѣнною манерой держаться.

Ревизоръ Борноволоковъ, ступивъ на ноги изъ экипажа, прежде чѣмъ дойти до крыльца, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ быстрыхъ, по ровныхъ, опираясь по сторонамъ и оглядываясь назадъ, какъ будто онъ созерцалъ городъ и даже любовался имъ, а Термосесовъ не верхоглядничалъ, не озирался и не корчилъ изъ себя первое лицо, а шелъ тихо и спокойно у лѣваго плеча Борноволокова. Лошадиная голова Термосесова была имъ слегка опущена на грудь, и онъ какъ будто почтительно прислушивался къ тому, что думаетъ въ

это время въ своей головѣ его начальникъ. Бизюкина видѣла все это. Она наблюдала новопрѣзжихъ изъ-за оконной притолоки и мѣла въ недоумѣніи: который же изъ этихъ двоихъ ревизоръ Борноволоковъ и который Термосесовъ? По ея соображеніямъ выходило, что князь Борноволоковъ кепремѣнно этотъ большой, потому что онъ въ форменной фуражкѣ и съ кокардой, а тотъ вонъ, безъ формы, въ рейтъ-фрачкѣ и пестренькой шапочкѣ—Термосесовъ, человекъ свободный, служащій по вольному найму. Хозяйку, кромѣ того, томилъ другой вопросъ: какъ ей ихъ встрѣтить?.. Выйти навстрѣчу?.. это похоже на церемонію. Ничего не дѣлать, сидѣть, пока войдутъ?.. патянуто. Книгу читать?.. Да, это самое естественное, читать книгу.

И она взяла первую попавшуюся ей въ руки книгу и, взглянувъ поверхъ ея въ окно, замѣтила, что у Борноволокова, котораго она считала Термосесовымъ, руки довольно грязны, между тѣмъ какъ ея праздныя руки бѣлы какъ пѣна.

Бизюкина немедленно схватила горсть земли изъ стоящаго на окнѣ цвѣтного вазона, растерла ее въ ладоняхъ и, закинувъ колѣно на колѣно, съѣла полуоборотыя къ окну съ книгой.

Въ эту самую минуту въ сѣняхъ послышался веселый, довольно ласковый басъ и вслѣдъ затѣмъ двери съ шумомъ отворились и въ переднюю вступили оба гостя: Термосесовъ впереди, а за нимъ князь Борноволоковъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Хозяйка сидѣла и не трогалась. Она въ это время только вспомнила, какъ неумѣстель долженъ показаться гостямъ стоящій на окнѣ цвѣтокъ, и, при всемъ своемъ замѣнательствѣ, соображала, какъ бы ловчѣ сбросить его за открытое оконко? Мысль эта такъ ее занимала, что она даже не вслушалась въ первый вопросъ, съ которымъ отнесся къ ней одинъ изъ ея новопрѣзжихъ гостей, что ей и придало видъ особы непритворно занятой чтеніемъ до самозабвенія.

Термосесовъ посмотрѣлъ на нее черезъ порогъ и долженъ былъ повторить свой вопросъ.

— Вы кто здѣсь, можетъ быть сама Бизюкина?—спросилъ онъ, спокойно всовываясь въ залу.

— Я—Бизюкина, — отвѣчала, не поднимаясь съ мѣста, хозяйка.

Термосесовъ вошелъ въ залъ и заговорилъ:

— Я Термосесовъ, Измаилъ Петровъ сынъ Термосесовъ, вашего мужа когда-то товарищъ по воспитанію, но послѣ изъ глухости размовили; а это князь Аонасій Ѳедосѣичъ Борноволоковъ, чиновникъ изъ Петербурга и ревизоръ, пробираться здѣсь всѣхъ будемъ. Здравствуйте!

Термосесовъ протянулъ руку.

Бизюкина подала свою руку Термосесову, а другую, кладя на окно книгу, столкнула на улицу вазонъ.

— Что это; вы, кажется, цвѣтокъ за окно уронили?

— Нѣтъ, нѣтъ; пустое... Это совсѣмъ не цвѣтокъ, это трава отъ порѣза, но ужь она не годится.

— Да, разумѣется, не годится: какой же шутъ теперь лѣчится отъ порѣза травой. А, впрочемъ, можетъ быть еще есть и такіе ослы. А гдѣ же это вашъ мужъ?

Бизюкина оглянулась на ревизора, который, ни слова не говоря, тихо сѣлъ на диванчикъ, и отвѣчала Термосесову, что мужа ея нѣтъ дома.

— Нѣтъ! Ну, это ничего: свои люди—сочтемся. Мы вѣдь съ нимъ большіе были пріятели, да послѣ изъ глухости немножко повздорили; но все-таки я вамъ откровенно скажу, вашъ мужъ не по васъ. Нѣтъ, не по васъ, — тутъ и толковать нечего, что не по васъ. Онъ фофанъ — и большіе ничего, и это счастье его, что вы ему могли такое мѣсто доставить по акцизу; а вы молодчина и все уладили; и мѣсто мужу выхлопотали, и чудесно у васъ тутъ! — добавилъ онъ, заглянувъ насколько могъ по всѣмъ видимымъ изъ залы комнатамъ, и, замѣтивъ въ освобожденномъ отъ всякихъ убранствъ кабинетѣ кучу столпившихся у порога дѣтей, добавилъ:

— А-а! да у васъ тутъ есть и школка. Ну, эта комнатка за то и плохандрось: ну, да для школы ничего. Чему вы ихъ, варинь-то эту, учите?—заклучилъ онъ круто.

Ненаходчивая Бизюкина совсѣмъ не знала, чтѣ ей отвѣчать. Но Термосесовъ самъ выручилъ. Не дожидаясь ея отвѣта, онъ подошелъ къ ребятишкамъ и, поднявъ одного изъ нихъ за подбородокъ, заговорилъ:

— А что? Умѣешь горохъ красть? Воруй, братецъ, и когда въ Сибирь погонять, то да будетъ надъ тобой мое

благословеніе. Отпустите ихъ, Бизюкина! Идите, ребятишки, по дворамъ! Маришь горохъ бузовать.

Дѣти одинъ за другимъ тихо выступили и, перетянувшись гуськомъ черезъ залу, шибко побѣжали по сѣнямъ, а потомъ по двору.

— Что всё эти школы? каинтель!

— Я и сама это нахожу,—осмѣлилась вставить хозяйка.

— Да, разумѣется; субсидіи вѣдь не получаете?

— Нѣтъ: какая жь субсидія!

— Отчего жь? другіе изъ нашихъ берутъ. А это, вѣроятно, вашъ фруктикъ?—вопросилъ онъ, указавъ на военнаго наряднаго Ермошку и, не ожидая отвѣта, заговорилъ къ нему:

— Послушайте, милый фруктикъ: велико, дружочекъ, прислужь подать намъ умыться!

— Это вовсе не сынъ мой, отозвалась сконфуженная хозяйка.

Но Термоссовъ ся не слышалъ. Ухватясь за мысль, что видитъ предъ собой хозяйскаго сына, онъ развивалъ ей, къ чему его готовить и какъ его вести.

— Къ службѣ его приспособляйте. Чтобы къ литературѣ не приохочивался. Я вотъ и права не имѣю поступить на службу, но кое-какъ, хоть какъ-нибудь, бочкомъ, ничкомъ, а все-таки прижкнулъ. Да-съ; а я вѣдь прежде тоже самъ нигилистъ былъ и даже на вашего мужа сердился, что онъ себѣ службу досталъ. Глупо! отчего памъ не служить? на службѣ нашего брата любить, на службѣ деньги имѣешь; на службѣ влініе у тебя есть,—не то что тамъ, въ этой литературѣ. Тамъ еще дарованія спрашиваютъ, а тутъ дарованія даже вредятъ и ихъ не любятъ. Эхъ, да-съ, матушка, да-съ! служить сынка учите, служить.

— Да... Но, однако, мастерскія идутъ,—замѣтила Данка.

— Идутъ?.. Да, идутъ,—отвѣтилъ съ пропіей Термоссовъ.—А имъ бы лучше подтверже стоять, чѣмъ все идти. Нѣтъ, я замѣчаю, вы рутинистка. Въ Россіи сила *на службѣ*, а не въ мастерскихъ—у Вѣры Павловны. Это бадовство, а на службѣ я настоящему дѣлу служу; и сортирую людей: ты такой?—такъ тебя, а ты этакой?—тебя этакъ. Не нашъ ты? Я тебя приневолю, придуну, сокрушу, а казна мнѣ за это плати. Хоть немного, а все тысячки три, четыре давай. Это ужъ темеръ такой прификсъ. Что

вы на меня такъ глазепками-то уставились? или дико безъ привычки эту практику слышать?

Удивленная хозяйка молчала, а гость продолжалъ:

— Вы вонъ школы заводите, что же? по-настоящему, какъ принято у глухихъ красныхъ нѣтуховъ, васъ за это, пожалуй, надо хвалить, а какъ Термосесовъ практикъ, то онъ не станетъ этого дѣлать. Термосесовъ говоритъ: бросьте школы, онѣ вредны; народъ, обучась грамотѣ, станетъ свѣтлыя книги читать. Вы думаете, грамотность къ разрушающимъ элементамъ относится? Нѣтъ-съ. Она идетъ къ создающимъ, а намъ надо прежде все разрушить.

— Но вѣдь говорятъ же, что революція съ нашимъ народомъ теперь невозможна,—осмѣлилась возразить хозяйка.

— Да, и на кой чортъ она вамъ теперь, революція, когда и такъ безъ революціи дѣло идетъ какъ нельзя лучше на нашу сторону... А вонъ вашъ сынишка, видите, стоитъ и слушаетъ. Зачѣмъ вы ему позволяете слушать, что большіе говорятъ.

— Это совсѣмъ не мой сынъ,—отвѣтила акцизница.

— Какъ не сынъ вашъ; а кто же онъ такой?

— Мальчишка, слуга.

— Мальчишка, слуга! А выфранченъ лихо. Пошелъ намъ умыться готовъ, чертенокъ.

— Готово,—рѣзко отвѣтилъ намуштрованный Ермошка.

— А что же ты давно не сказалъ? Пошелъ вонъ!

Термосесовъ обернулся къ неподвижному во все время разговора Борноволокову и, взявъ очень ласковую ноту, проговорилъ:

— Позвольте ключъ, я достану вамъ изъ сака ваше полотенце.

Но молчаливый князь свернулся и не далъ ключа.

— Да полотенце вамъ, вѣрно, подано,—отозвалась хозяйка.

— Есть,—крикнулъ изъ кабинета Ермошка.

— «Есть!» Ишь какъ оретъ каналья.

Термосесовъ довольно комично передразнилъ Ермошку и, добавивъ: «вотъ самый чистокровный нигилистъ!» пошелъ вслѣдъ за Борноволоковымъ въ кабинетъ, гдѣ было приготовлено умыванье.

Первое представленіе кончилось и хозяйка осталась одна,—одна, но съ бездною новыхъ чувствъ и глубочайшихъ размышленій.

Визюкина совсемъ не того ожидала отъ Термоссова и была поражена имъ. Ей было и сладко, и странно слушать его неожиданныя и совершенно новыя для нея рѣчи. Она не могла еще пока отдать себѣ отчета въ томъ, лучше это того, что ею ожидалось, или хуже, но ей во всякомъ случаѣ было пріятно, что во всемъ, что она слышала, было очень много чрезвычайно удобнаго и укладливаго. Это ей пришлось.

— Вотъ что называется, въ самомъ дѣлѣ, быть умнымъ!— разсуждала она, не сводя изумленнаго взгляда съ двери, за которою скрылся Термоссовъ.— У всѣхъ строгости, указы, а тутъ ничего: все позволяется, все можно, и между тѣмъ этотъ человѣкъ все-таки никого не боится. Вотъ съ какимъ человѣкомъ легко жить; вотъ кому даже сладко покоряться.

Коварный незнакомецъ смертельно покорилъ сердце Далики. Вся притъ, которою она сызмлада отличалась предъ своимъ отцомъ, мужемъ, Варнавкой и всѣмъ человѣческимъ обществомъ, вдругъ ее предательски оставила. Послѣ бесѣды съ Термоссовымъ, Визюкина почувствовала неодолимое влеченіе къ рабству. Она его уже любила, — любила, разумѣется, рационально, любила за его несомнѣнныя превосходства. Визюкиной все начало правиться въ ея гостѣ: что у него за голосъ? что въ немъ за сила? И вообще какой онъ мужчина!.. Какой онъ прелестный! Не саладоцъ, какъ ея мужъ; не мимля, какъ Пренотенскій; нѣтъ, онъ рѣшительный, неуступчивый... настоящий мужчина... Онъ ни въ чемъ не уступитъ... Онъ какъ... настоящий ураганъ... идетъ... налить, жжеть...

Да, бѣдная Дарья Николаевна Визюкина не только была влюблена, но она была нестерпимо уязвлена жесточайшею страстью: она на мгновеніе даже потеряла сознаніе и, закрывъ вѣки, почувствовала, что по всему ея тѣлу разливается доселѣ невѣдомый, крѣпящій холодъ; во рту у корня языка потеряло, уста похолодѣли, въ ушахъ отдаются учащенные удары пульса и слышно, какъ въ шеѣ тяжело колыхнется сонная артерія.

Да! дѣло кончено! Гдѣ-то ты, гдѣ ты теперь, бѣдный акцизинъ, и не чешется ли у тебя лобъ, какъ у молодого козленка, у котораго пробиваются рога?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Влюбленная Визюкина уже давно слышала сквозь затворенную дверь кабинета то тихое утиное плесканье, то ярые взбрызги и горловые фюритуры; но все это уже кончилось, а Термосесовъ не является. Неужто онъ еще не наговорился съ этимъ своимъ безловеснымъ, вихрястымъ княземъ, или онъ спитъ?.. Чего мудренаго: вѣдь онъ усталъ съ дороги. Или онъ, можетъ-быть, читаетъ?.. Что онъ читаетъ? И на что ему читать, когда онъ самъ умѣе всѣхъ, кто пишетъ?.. Но во время этихъ впечатлѣній дверь открылась и на порогѣ предсталъ мальчишъ Ермоника съ тазомъ, полнымъ мыльною водою, и не затворилъ за собою двери, а черезъ это Дарьѣ Николаевнѣ стало все видно. Вонъ далеко, въ глубинѣ комнаты, маленькая фигурка вихрястаго князька, который смотрѣлъ въ окно, а вонъ тутъ же, возлѣ него, но нѣсколько ближе, мясистый торсъ Термосесова. Ревизоръ и его писмоводитель, оба были въ дезабилю. Борноволокновъ былъ въ панталонахъ и бѣлой, какъ кнѣвъ, голландской рубашкѣ, по которой черезъ плечи лежали крестъ-на-крестъ двѣ алыя ленты шелковыхъ подтяжекъ; его маленькая, бѣлокурая головка была приглажена и онъ еще тщательнѣе натиралъ ее металлическою щеткой. Термосесовъ же стоялъ весь выпуклый, представляя и всею своею физиономіей, и всею фигурой: воротъ его рубахи былъ разстегнутъ, и далеко за локоть засученные рукава открывали мускулистые и обросшія волосами руки.

На этихъ рукахъ Термосесовъ держалъ длинное русское полотенце съ вышитыми на концахъ красными пѣтухами и крѣпко теръ и трепалъ въ немъ свои взъерошенные мокрые волосы.

По энергичности, съ которою пріятнѣйшій Исмаиль Петровичъ производилъ эту операцію, можно было безъ ошибки отгадать, что тѣ веселыя, могучія и искреннія фюритуры, которые минутому тому назадъ послышались изъ комнаты сквозь затворенныя двери, пускалъ непремѣнно Термосесовъ, а Борноволокновъ только свирестѣлъ и плескался по-утиному. Но вотъ Ермоника вернулся, дверь захлопнулась и сладостное видѣніе скрылось.

Однако Термосесовъ въ это короткое время уже успѣлъ

окинуть поле своимъ орлинымъ окомъ и не упустилъ случая утѣшить Бизюкину своимъ появленіемъ безъ вихрястаго князя. Онъ появился въ накинутомъ на-опашь сакѣ своемъ и, держа за ухо Ермошку, вывихнулъ его въ переднюю, крикнувъ вслѣдъ ему:

— И глазъ не смѣй показывать, пока не позову!

Затѣмъ онъ заперъ вилотную дверь въ кабинетъ, гдѣ оставался князь, и въ томъ же нарядѣ прямо подошелъ къ акцизницѣ.‡

— Послушайте, Бизюкина, вѣдь этакъ, маточка, нельзя!— началъ онъ, взявъ ее безцеремонно за руку. — Посудите сами, какъ вы это вашего подлаго мальчишку избаловали: я его называлъ поросенкомъ за то, что онъ князю всѣ рукава облилъ, а онъ отвѣчаетъ: «моя мать-съ не свинья, а Аксинья». Это вѣдь, конечно, все вы виноваты, вы его такъ наэмансипировали? Да?

И Термосесовъ вдругъ совершенно инымъ голосомъ и самую мягкою интонаціей произнесъ: «Ну, такъ да, что ли? да?» Это *да* было произнесено такимъ тономъ, что у Бизюкиной захолонуло въ сердцѣ. Она поняла, что отвѣтъ требуется совсѣмъ не къ тому вопросу, который высказанъ, а къ тому, подразумеваемый смыслъ котораго даже ее испугалъ своимъ реализмомъ, и потому Бизюкина молчала. Но Термосесовъ наступалъ.

— Да? или нѣтъ? да, или нѣтъ? — напиралъ онъ съ отѣнкомъ рѣзкаго нетерпѣнія.

Мѣста долгому раздумью не было, и Бизюкина, тревожно вскинувъ на Термосесова глаза, начала было робко:

— Да я не зн...

Но Термосесовъ рѣзко прервалъ ее на полусловѣ.

— Да! — воскликнулъ онъ: — да! и довольно! И больше мнѣ отъ тебя никакихъ словъ не нужно. Давай свои ручонки: я съ перваго же взгляда на тебя узналъ, что мы свои, и другого отѣта отъ тебя не ожидалъ. Теперь не трать время, но докажи любовь поцѣлуемъ.

— Не хотите ли вы чаю?—пролетѣла, какъ будто бы не слыхавъ этихъ словъ, акцизница.

— Нѣтъ, этимъ меня не забавляй: я голова не чайная, а я голова отчаянная.

— Такъ, можетъ быть, вина? — шептала, вырываясь, Дарья Николаевна.

— Вина?—повторилъ Термосесовъ:—ты— «слаще мирра и вина», и онъ съ этимъ привлекъ къ себѣ мадамъ Бизюкину и, прошептавъ: давай «сольемся въ поцѣлуй», накрылъ ея алый ротикъ своими подошвенными губами.

— А скажи-ка мнѣ теперь, зачѣмъ же это ты такая завзятая монархистка?—началъ онъ непосредственно поцѣлуя, держа предъ своими глазами руку дамы.

— Я вовсе не монархистка!—торопливо отреклась Бизюкина.

— А по комъ же ты этотъ трауръ носишь: по мексиканскому Максимилиану?—И Термосесовъ, улыбаясь, указалъ ей на черныя полосы за ея ногтями и, отодвинувъ се отъ себя, сказалъ:—Ступай, вымой руки!

Акициница вслыхнула до ушей и готова была раслажаться. У нея всегда были безукоризненно чистые ногти, а она нарочно загрязнила ихъ, чтобы только заслужить похвалу, но какія тутъ оправданія?.. Она бросилась въ свою спальню, вымыла тамъ свои руки и, выходя съ улыбкой назадъ, объявила:

— Ну, вотъ я и опять республиканка, у меня бѣлыя руки.

Но гость погрозилъ ей пальцемъ и отвѣчалъ, что республиканство—это очень глухая штука.

— Что еще за республика!—сказалъ онъ:—за это только горячо достаться можетъ. А вотъ у меня есть съ собою всего правительства фотографическія карточки, не хочешь ли я ихъ тебѣ подарю, и мы ихъ развѣсимъ на стѣнку?

— Да у меня онѣ и у самой есть.

— А гдѣ же онѣ у тебя? Вѣрно спрятаны? А? Клянусь самимъ сатаной, что я угадалъ: петербургскихъ гостей ждала и, чтобы либерализмомъ пофорсить, взяла и спрятала? Глупо это, дочь моя, глупо! Ступай-ка тащи ихъ скорѣе сюда, я ихъ опять тебѣ развѣшу.

Пойманная и изболоченная акцициница снова сіяламенѣла до ушей, но вынула изъ стола оправленные въ рамки карточки и принесла по требованію Термосесова молотокъ и гвозди, которыми тотъ и принялся работать.

— Я думаю, ихъ лучше всего здѣсь, на этой стѣнѣ, развѣстить?—разсуждалъ онъ, води пальцемъ.

— Какъ вы хотите.

— Да чего ты все до сихъ поръ говоришь мнѣ *вы*, когда

я тебѣ говорю *ты*? Говори мнѣ *ты*. А теперь подавай мнѣ сюда портреты.

— Это все мужъ закупилъ.

— И прекрасно, что онъ начальство уважаетъ, и прекрасно! Ну, мы господь министровъ всѣхъ рядомъ подь низокъ. Давай? Это кто такой? Горчаковъ. Канцлеръ, чудесно! Опъ намъ Россію отстоялъ! Ну, молодець, что отстоялъ,— давай мы его за то перваго и повѣсимъ. А это кто? ба! ба! ба!

Термосесовъ поднялъ вровень съ своимъ лицомъ карточку покойнаго графа Муравьева и пропѣлъ:

— Михайло Николаичъ, здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте!

— Вы съ нимъ развѣ были знакомы?

— Я?.. то-есть, ты спрашиваешь, лично былъ ли я съ нимъ знакомъ? Нѣтъ; меня Богъ миловалъ, — а наши кое-кто наслаждались его бесѣдой. Ничего; хвалятъ и перевозносятъ. Опъ одну нашу барыню даже въ Христову вѣру привелъ, и Некрасова музу вдохновилъ. Давай-ка, я его поскорѣ повѣшу!

— Ну, вотъ теперь и все какъ слѣдуетъ на мѣстѣ.

Термосесовъ соскочилъ на полъ, взявъ хозяйку за локти и сказалъ:

— Ну; а теперь какое же мнѣ отъ тебя поощреніе будетъ?

Визюкиной это показалось такъ смѣшно, что она тихонько разсмѣялась и спросила:

— За что поощреніе?

— А за все: за труды, за заботы, за расположеніе. Ты, вѣрно, неблагодарная?—И Термосесовъ, взявъ правую руку Визюкиной, положилъ ее себѣ на грудь.

— Правда, что у меня горячее сердце?—спросилъ онъ, пользуясь ею смущеніемъ.

Но Дарья Николаевна была обижена и, дернувъ руку, сердито замѣтила:

— Вы, однако, уже слишкомъ дерзки!

— Те-те-те-те! «ви слишкомъ дельски», а совѣмъ «не слишкомъ», а только какъ разъ внору, — передразнилъ ее Термосесовъ и обвелъ другую свою свободную руку вокругъ ея стана.

— Вы, просто, паглецъ! Вы забываете, что мы едва

знакомы,—заговорила, вырываясь отъ него, разгнѣванная Дарья Николаевна.

— Ни капли я не наглець и ничего я не забываю, а Термосесовъ умець, прость, естествененъ и практикъ отъ природы, вотъ и все. Термосесовъ просто разсуждаеть: если ты умная женщина, то ты понимаешь, къ чему разговариваешь съ мужчиной на такой короткой ногѣ, какъ ты со мною говорила; а если ты сама не знаешь, зачѣмъ ты себя такъ держишь, такъ ты, выходить, глуха и тобою дорожить не стѣитъ.

Бизюкина, конечно, непременно желала быть умною.

— Вы очень хитры,—сказала она, слегка отклонив свое лицо отъ лица Термосесова.

— Хитеръ! На что же мнѣ тутъ хитрость? Разумѣется, если ты меня любишь или я тебѣ нравлюсь...

— Кто же вамъ сказалъ, что я васъ люблю?

— Ну, полно врать!

— Нѣтъ, я вамъ правду говорю. Я вовсе васъ не люблю, и вы мнѣ нимало не нравитесь.

— Ну, полно врать вздоръ! какъ не любишь? Нѣтъ, а ты вотъ что: я тебя чувствую и понимаю, и открою тебѣ, кто я такой, но только это надо наединѣ.

Бизюкина молчала.

— Понимаешь, что я говорю? чтобъ узнать другъ друга вплотнѣ—нужна рандевушка... съ политической, разумѣется, цѣлью.

Бизюкина опять молчала.

Термосесовъ вздохнулъ и, тихо освободивъ руку своей дамы, проговорилъ:

— Эхъ вы, жены, всероссійскія жены! А туда же съ польками равняются! Нѣтъ, далеко еще вамъ, подруженьки, до полекъ! Дай-ка Измаила Термосесова полкѣ, она бы съ нимъ не разсталась и горы бы Араратскія съ нимъ перевернула.

— Польки—другое дѣло, — заговорила акцизница.

— Почему другое?

— Онѣ любятъ свое отечество, а мы свое ненавидимъ.

— Ну, такъ что же? У полекъ, стало-быть, враги—всѣ враги самостоятельности Польши, а ваши враги—всѣ русскіе патриоты.

— Это правда.

— Ну, такъ кто же здѣсь твой злѣйшій врагъ? Говори, и ты увидишь, какъ онъ испытаетъ на себѣ всю тяжесть руки Термосесова!

— У меня много враговъ.

— Злѣйшихъ называй! Называй самыхъ злѣйшихъ!

— Злѣйшихъ двое.

— Имена сихъ несчастныхъ, имена подавай!

— Одинъ... Это злѣйшій дьяконъ Ахилла.

— Смерть дьякону Ахиллѣ!

— А другой протопопъ Туберозовъ.

— Гибель протопопу Туберозову!

— За нимъ у насъ весь городъ, весь народъ.

— Ну, такъ что же такое, что весь городъ и весь народъ? Термосесовъ знаетъ начальство и потому никакихъ городовъ и никакихъ народовъ не боится.

— Ну, а начальство не советѣмъ его жалуетъ.

— А не советѣмъ его жалуетъ, такъ тѣмъ ему вѣришь и кануть; теперь только закрѣпи все это какъ слѣдуетъ: «полюби и стань моею, Иродіада!»

Бизюкина безтрепетно его поцѣловала.

— Вотъ это честно! — воскликнулъ Термосесовъ и, разспросивъ у своей дамы, чѣмъ и какъ досаждали ей ея враги Туберозовъ и Ахилла, пожалъ съ улыбкой ея руку и удалился въ комнату, гдѣ оставался во все это время его компаньонъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Ревизоръ еще не спалъ, когда къ нему возвратился его счастливый секретарь.

Одѣтый въ бѣлую коломенковую жакетку, сіятельный сопутникъ Термосесова лежалъ на приготовленной ему постели и, закрывъ ноги легкимъ пладомъ, дремалъ или мечталъ съ опущенными вѣками.

Термосесовъ пожелалъ удостовѣриться, спитъ его начальникъ или только притворяется спящимъ, и для того онъ тихо подошелъ къ кровати, нагнулся къ его лицу и назвалъ его по имени.

— Вы спите? — спросилъ его Термосесовъ.

— Да, — отвѣчалъ Горноволокъ.

— Ну, гдѣ жъ тамъ да? Значитъ не спите, если отключаетесь.

— Да.

— Ну, это и выходить нельзя.

Термосесовъ отошелъ къ другому дивану, сбросилъ съ себя свой сакъ и началъ тоже улаживаться на покой.

— А я этимъ временемъ, пока вы здѣсь дремали, много кое-что обработалъ,—началъ онъ, укладываясь.

Борноволоковъ въ отвѣтъ на это опять уронилъ только одно да, но «да» совершенно особое, такъ-сказать, любопытное да, съ оттенкомъ вопроса.

— Да вотъ-съ какъ да, что я, напримѣръ, могу сказать, что я кое-какія преполезнѣйшія для насъ сдѣлалъ открытія.

— Съ этою дамой?

— Съ дамой? Дама—это само по себѣ,—это дѣло между дѣльное! Нѣтъ-съ, а вы помните, что я вамъ сказалъ, когда поймалъ васъ въ Москвѣ на Садовой?

— Охъ, да!

— Я вамъ сказалъ: ваше сіятельство, премилостивѣйшій мой князь! Такъ со старыми товарищами нельзя обходиться, чтобъ ихъ бросать: такъ дѣлаютъ только одни подлецы. Сказалъ я вамъ это, или не сказалъ?

— Да, вы это сказали.

— Ага! вы помните! Ну, такъ вы тоже должны помнить, какъ я вамъ потомъ развилъ мою мысль и доказалъ вамъ, что вы, наши принцы *égalité*, обратись теперь къ преимуществамъ своего рода и состоянія по службѣ, должны не заирать носовъ предъ нами, старыми монтаньярами и бывшими вашими друзьями. Я вамъ это все путемъ растолковалъ.

— Да, да.

— Прекрасно! Вы поняли, что со мной шутить плохо, и были очень покладисты, и я васъ за это хвалю. Вы поняли, что вамъ меня нельзя такъ подкидывать, потому что голодъ-то вѣдь не свой братъ, и голодая-то мало ли кто что можетъ припомнить? А у Термосесова память первый сортъ и смѣтка тоже водится: онъ еще, когда вы самымъ краснымъ революціонеромъ были, зналъ, что вы непременно свернете.

— Да.

— Вы рѣшились взять меня съ собою въ родѣ писмоводителя... То-есть, если по правдѣ говорить, чтобы не

оскорблять васъ лестію, вы по рѣшились этого сдѣлать, а я васъ заставилъ взять меня. Я васъ принудилъ, что могу выдать ваши переписочки кое-съ-къмъ изъ нашихъ привилегіанскихъ братій.

— Охъ!

— Ничего, князь; не вздыхайте. Я вамъ что тогда сказалъ въ Москвѣ на Садовой, когда держалъ васъ за пуговицу и югда вы отъ меня удирали, то и сейчасъ скажу: не тужите и не охайте, что на васъ попалъ Термосесовъ. Изманлъ Термосесовъ вамъ большую службу сослужить. Вы вопъ тамъ съ вашею пынѣшнею партіей, гдѣ ибѣтъ такихъ плутовъ, какъ Термосесовъ, а есть другіе почище его, газеты заводите и стремитесь къ тому, чтобы ни тѣмъ, такъ другимъ способомъ надъ народнишкомъ инспекцію получить.

— Да-съ.

— Ну, такъ никогда вы этого не получите.

— Почему?

— Потому что очень неискусны: сейчасъ васъ патріоты по лапамъ узнаютъ и за вихоръ да на улицу.

— Гмъ!

— Да-съ; а вы бросьте эти газеты, да возьмитесь за Термосесова, такъ онъ вамъ дѣло уладитъ. Будьте-ка вы Иванъ Царевичъ, а я буду вашъ Сѣрый Волкъ.

— Да, вы Сѣрый Волкъ.

— Вотъ оно что и есть: я Сѣрый Волкъ, и я вамъ, если захочу, помогу достать и златогривыхъ коней, и жаръ-птицъ, и царь-дѣвицъ, и я учню васъ вновь на господарствѣ.

И съ этимъ Сѣрый Волкъ, быстро сорвавшись съ своего логова, перескочилъ на кровать своего Ивана Царевича и тихо сказалъ:

— Подвиньтесь-ка немножко къ стѣнкѣ, я вамъ кое-что пошепчу.

Борноволокнъ подвинулся, а Термосесовъ присѣлъ къ нему на край кровати и, обнявъ его рукой, началъ потихоньку рѣчь.

— Хлестните-ка по церкви: вотъ гдѣ язва! Ея набольшихъ-то хорошенько пугните!

— Ничего не понимаю.

— Да вѣдь христіанство равняетъ людей, или нѣтъ? Вѣдь

извѣстные, такъ-сказать, государственные люди усматривали же вредъ въ переводѣ Библии на народные языки. Итъ-съ, христіанство... оно легко можетъ быть толкуемо, знаете, такъ, въ опасномъ смыслѣ. А такимъ толкователемъ можетъ быть каждый попъ.

— Попы у насъ плохи, ихъ не боятся.

— Да, это хорошо, пока они плохи, но вы забываете-съ, что и у нихъ есть хлопотуны; что, можетъ-быть, и ихъ послобоняютъ и тогда и попы станутъ иные. Не вольготить имъ пужно, а нужно ихъ подтянуть.

— Да, пожалуй.

— Такъ-съ; стойте на томъ, что все надо подобрать и подтянуть и благословите судьбу, что она послала вамъ Термосесова, да держитесь за него, какъ Иванъ Царевичъ за Сѣраго Волка. Я вамъ удеру такой отчетъ, такое донесеніе вамъ сочиню, что враги ваши и тѣ должны будутъ отдать вамъ честь и признаютъ въ васъ административный гений.

Термосесовъ еще понизилъ голосъ и заговорилъ:

— Помните, когда вы здѣсь уже, въ здѣшнемъ губернскомъ городѣ, въ послѣдній разъ съ правителемъ губернской канцеляріи, изъ клуба идучи, разговаривали, онъ сказалъ, что его превосходительство жалѣеть о своихъ прежнихъ безтактностяхъ и особенно о томъ, что допустилъ себя до фамильярности съ разными патриотами.

— Да.

— Помните, какъ онъ упоминалъ, что его превосходительству одинъ вольномысленный попъ даже рѣзкостью наговорилъ.

— Да.

— А вѣдь вотъ вы, небось, не спохватились, что этотъ попъ называется Туберововъ и что онъ здѣсь, въ этомъ самомъ городѣ, въ которомъ вы растягиваетесь и рѣшительно не будете въ состояніи ничего о немъ написать.

Борноволокновъ вдругъ вскочилъ и, сѣвъ на кровати, спросилъ:

— Но какъ вы можете знать, что мнѣ говорилъ правитель канцеляріи?

— А очень просто. Я тогда потихоньку сзади васъ шелъ. За вами вѣдь не худо присматривать. Но теперь не въ этомъ дѣло, а вы понимаете, мы съ этого попа Туберовова

начнемъ свою тактику, которая въ развитіи своемъ докажетъ его вредность, и вредность вообще подобныхъ независимыхъ людей въ духовенствѣ; а въ окончательномъ выводѣ явится логическое заключеніе о томъ, что религіи можетъ быть допускаема только какъ одна изъ формъ администраціи. А коль скоро вѣра становится серьезною вѣрой, то она вредна и ее надо подобрать и подтянуть. Это будетъ вами первымъ высказанная мысль, и она будетъ повторяться вмѣстѣ съ нашимъ именемъ, какъ повторяются мысли Макиавелли и Меттерниха. Довольны ли вы мною, мой повелитель?

— Да.

— И уполномочиваете меня дѣйствовать?

— Да.

— То-есть какъ разумѣть это «да»? Значитъ ли оно, что вы этого хотите?

— Да, хочу.

— То-то! А то вѣдь у васъ «да» значитъ и да и нѣтъ.

Термосесовъ отошелъ отъ кровати своего начальника и добавилъ:

— А то вѣдь... нашему брату, холопу, долго бездѣйствовать нельзя: намъ бабушки не ворожатъ, какъ вамъ, чтобы прямо изъ нигилистовъ въ сатрапы попадать. Я и о васъ, да и о себѣ хлопочу; мнѣ голодать уже надоѣло, а куда не сунешься, все формуляръ одинъ: «красный» да «красный», и никто братъ не хочетъ.

— Побѣдитесь.

— Бѣлилъ не на что купить-сь.

— Зачѣмъ вы въ Петербургѣ въ шпіоны себя не предложили?

— Ходилъ-сь и предлагалъ, — отвѣчалъ беззащитиво Термосесовъ: — но съ нашимъ нынѣшнимъ реализмомъ-то уже всѣ эти выгодныя вакансіи стали заняты. Надо, говорятъ, прежде чѣмъ-нибудь зарекомендоваться.

— Такъ и зарекомендуйтесь.

— Дайте случай способности свои показать; а то, ей-Богу, съ васъ начну.

— Скотъ,—прошипѣлъ Борноволокъ.

— Мм-м-м-у-у-у!—замычалъ громко Термосесовъ.

Борноволокъ вскочилъ и, схвативъ въ ужасѣ за голову, спросилъ:

— Это еще что?

— Это? это черный скотъ мычишь, жратвы просить и приглашаетъ бѣлыхъ быть съ нимъ въжливѣе, — проговорилъ спокойно Термосесовъ.

Борноволоковъ скрикнулъ въ досадѣ зубами и завернулся молча къ стѣнѣ.

— Ага! вотъ этакъ-то лучше! Смирись, благородный князь, и не кичись своею бѣлизной, а то такъ тебя разрисую, что выйдешь ты сѣро-буро-соловой, въ полтѣни голубой съ крапинами! Не забывай, что я тебѣ, братъ, посланъ въ наказанье; я терю въ листахъ твоего вѣнца.носи меня съ почтеньемъ!

Умаянный Борноволоковъ задушилъ вздохъ и притворился спящимъ; а торжествующій Термосесовъ безъ притворства заснулъ на самомъ дѣлѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Тою порой, пока между прїѣзжими гостями Бизюкиной происходила описанная сцена, сама Дарья Николаевна, собравъ всю свою прислугу, открыла усиленную дѣятельность по реставраціи своихъ апартаментовъ. Обрадованная дозволеніемъ жить не по-спартански, она рѣшила даже сдѣлать маленькій раутъ, на которомъ бы показать своимъ гостямъ все свое превосходство предъ обществомъ маленькаго города, гдѣ она, чуткая и живая женщина, погибаетъ непонятая и неощененная.

Работа кипѣла и подвигалась быстро: комнаты прифрантились. Дарья Николаевна работала, и сама она стояла на столѣ и подбирала у оконъ спальни буфы бѣлыхъ пыльных шторъ на розовомъ дублюрѣ.

Едва кончилось вѣшанье шторъ, какъ изъ темныхъ кладовыхъ полѣзла на свѣтъ Божій всякая другая галантерейщина, на стѣнахъ появились картины за картинами, встала у каминна роскошнѣйшій экранъ, на самой доскѣ каминна помѣстились черныя мраморныя часы со звѣзднымъ малтинкомъ, столы покрылись новыми, дорогими салфетками; лампы, фарфоръ, бронза, куколки и всякія бездѣлушки устлали всѣ мѣста спальни и гостиной, гдѣ только было ихъ тлнуть и приставить. Все это придало всей квартирѣ видъ ложемента богатой дамы *demi-monde'a*, получающей вещи зря и безъ толку.

На самый разгаръ этой работы явился учитель Препотенскій и ахнулъ. Разумѣется, онъ никакъ не могъ одобрять «этихъ шиковъ». Онъ даже благоразумно не понималъ, какъ можно «новой женщиной», не сойдя окончательно съ ума, обличить такую наглость предъ петербургскими предпринимателями, и потому Препотенскій стоялъ и глядѣлъ на всю эту роскошь съ язвительной улыбкой, но когда по обращавшая на него никакого вниманія Дарья Николаевна дерзко велѣла прислугѣ, въ присутствіи учителя, снимать чехлы съ мебели, то Препотенскій уже не выдержалъ и спросилъ:

— И вамъ это не стыдно?

— Нимало.

И затѣмъ, снова не обращая никакого вниманія на удивленнаго учителя, Бизюкина распорядилась, чтобы за диваномъ былъ поставленъ вынесенный вчера трельяжъ съ зеленымъ плющемъ, и начала устроить передъ каминомъ самый восхитительный уголокъ изъ лучшей своей мягкой мебели.

— Это ужъ просто наглость!—воскликнулъ Препотенскій и, отойдя въ сторону, сѣлъ и началъ просматривать новую книгу.

— А вотъ погодите, вамъ за это достанется! — сказала ему вмѣсто отвѣта Дарья Николаевна.

— Миѣ достанется? За что-съ?

— Чтобы вы такъ не смѣли разсуждать.

— Отъ кого же-съ миѣ можетъ достаться? Кто миѣ это можетъ запретить имѣть честныя мысли?..

Но въ это время послышался камель Термосесова, и Бизюкина коротко и рѣшительно сказала Препотенскому:

— Послушайте, идите вонъ!

Это было такъ неожиданно, что тотъ даже не понялъ всего суроваго смысла этихъ словъ, и она должна была повторить ему свое приказаніе.

— Какъ вонъ?—переспросилъ изумленный Препотенскій.

— Такъ, очень просто. Я не хочу, чтобы вы у меня больше бывали.

— Нѣтъ, послушайте... да развѣ вы это серьезно?

— Какъ пельзя серьезнѣе.

Въ комнатѣ гостей послышалось новое движеніе.

— Прошу васъ вонъ, Препотенскій! — воскликнула нетерпѣливо Бизюкина.—Вы слышите,—идите вонъ!

— По позвольте же!.. вѣдь я ничему не мѣшаю. !

— Нѣтъ, неправда, мѣшаете!

— Такъ я же могу вѣдь исправиться.

— Да не можете вы исправиться,—настаивала хозяйка съ петерфильвою досадою, прорывая гостя съ его мѣста.

Но Препотенскій тоже обнаруживалъ характеръ и спокойно, но стойко добивался объясненія, почему она отрицаетъ въ немъ способность исправиться.

— Потому что вы набитый дуракъ! — наконецъ, вскричала въ бѣшенствѣ madame Бизюкина.

— А, это другое дѣло,—отвѣтилъ, вставая съ мѣста, Препотенскій:—по въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ мои кости...

— Тамъ, спросите ихъ у Ермошки; я ему ихъ отдала, чтобъ онъ выкинулъ.

— Выкинулъ! — воскликнулъ учитель и бросился на кухню; а когда онъ черезъ полчаса вернулся назадъ, то Дарья Николасвна была уже въ такомъ ослѣпительномъ нарядѣ, что учитель, увидавъ ее, даже пошатнулся и схватился за печку.

— А! вы еще не ушли?—спросила она его строго.

— Нѣтъ... я не ушелъ и не могу... потому что валшъ Ермошка...

— Ну-съ!

— Онъ бросилъ мои кости въ такое мѣсто, что теперь нѣтъ больше никакой надежды...

— О, да вы, я вижу, будете долго разговаривать!—воскликнула въ яростномъ гнѣвѣ Бизюкина и, схвативъ Препотенскаго за плечи, вытолкала его въ переднюю. Но въ это же самое мгновеніе, на порогѣ другихъ дверей, очамъ сражающихся предсталъ Термосесовъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

— Ба, ба, ба! что это за изгнаніе? — спросилъ онъ у Бизюкиной, протирая свои слегка заспанные глаза.

— Ничего, это одинъ... глупый человѣкъ, который къ намъ прежде хаживалъ,—отвѣчала та, покидая Препотенскаго.

— Такъ за что же теперь его вонъ, — что онъ такое сневѣжничалъ?

— Рѣшительно ничего, совершенно ничего,—отозвался учитель.

Термосесовъ посмотрѣлъ на него и проговорилъ:

— Да вы кто же такой?

— Учитель Препотенскій.

— Чѣмъ же вы ее раздражали?

— Да ровно ничѣмъ-съ, ровно ничѣмъ.

— Ну, такъ идите назадъ, я васъ помирю.

Препотенскій сейчасъ же вернулся.

— Почему же вы говорите, что онъ будто глупъ?— спросилъ у Визюкиной Термосесовъ, крѣпко держа за обѣ руки учителя.—Я въ немъ этого не вижу.

— Да, разумѣется-съ, повѣрьте, я рѣшительно не глупъ,— отвѣчалъ, улыбаясь, Варнава.

— Совершенно вѣрю; и госпожу хозяйку за такое обращеніе съ вами не похваляю. Но пусть она намъ за это на мировую чаю дастъ. Я со сна чай иногда употребляю.

Хозяйка ушла распорядиться чаемъ.

— А вы, батюшка учитель, сядьте-ка, да потолкуемте! Вы, я вижу, человекъ очень хорошій и покладливый,—началь, оставшись съ нимъ наединѣ, Термосесовъ и въ пять минутъ заставилъ Варнаву рассказать себѣ все его горестное положеніе и дома, и на поляхъ, причемъ не были забыты ни мать, ни кости, ни Ахилла, ни Туберозовъ, при имени котораго Термосесовъ усугубилъ все свое вниманіе; потомъ рассказана была и недавнишняя утрепняя военная исторія дьякона съ комиссаромъ Данилкой.

При этомъ послѣднемъ рассказѣ Термосесовъ крикнулъ и, хлопнувъ Препотенскаго по колѣну, сказалъ потихоньку:

— Такъ слушайте же, профессоръ, я поручаю вамъ непременно доставить мнѣ завтра утромъ этого самаго мѣщанина?

— Данилку-то?

— Да; того, что дьяконъ обидѣлъ.

— Помилуйте, да это ничего нѣтъ легче!

— Такъ доставьте же.

— Утромъ будетъ у васъ до зари.

— Именно до зари. Нѣтъ; вы, я вижу, даже молодчина, Препотенскій!—похвалилъ Термосесовъ и, обратясь къ возвратившейся въ это время Визюкиной, добавилъ:—Нѣтъ, мнѣ онъ очень нравится, а если онъ меня съ попомъ Туберозовымъ познакомитъ, то я его даже совѣмъ умникомъ назову.

— Я его тергѣть не могу и вамъ не совѣтую съ нимъ знакомиться,—лепеталъ Варнава:—но если вамъ это нужно...

— Нужно, другъ, нужно.

— Въ такомъ случаѣ пойдемте на вечеръ къ исправнику, тамъ вы со всѣми нашими познакомитесь.

— Пожалуй; я куда хочешь пойду, только вѣдь надо, чтобы позвали.

— О, ничего нѣтъ этого легче, — перебилъ учитель, и изложилъ самый простой планъ, что онъ сейчасъ пойдетъ къ исправнику и скажетъ ей отъ имени Дарьи Николаевны, что она проситъ позволенія придти вечеромъ съ прѣзжимъ гостемъ.

— Препотенскій, приди, я тебя обниму! — воскликнулъ Термосесовъ.

— Да-съ; — продолжалъ радостный учитель. — И они сами еще всѣ будутъ довольны, что у нихъ будетъ новый гость, а вы тамъ сразу познакомитесь не только съ Туберововымъ, но и съ противнымъ Ахилкой и съ предводителемъ.

— Препотенскій! подойди сюда, я тебя поцѣлую! — воскликнулъ Термосесовъ, и когда учитель всталъ и подошелъ къ нему, онъ, дѣйствительно, его поцѣловалъ и, завернувъ направо кругомъ, сказалъ: — ступай и дѣйствуй!

Гордый и совершенно обольщенный насчетъ своей репутаціи, Варнава схватилъ шапку и убѣжалъ.

Черезъ часть времени, проведенный Термосесовымъ въ разговорѣ съ Визюкиной о томъ, что ни одному дураку на свѣтѣ не надо давать чувствовать, что онъ глупъ, учитель явился съ приглашеніемъ для всѣхъ пожаловать на вечеръ къ Порохонцеву и при этомъ добавилъ:

— А что касается интересовавшаго васъ мѣщанина Данилки, то я его уже разыскалъ и онъ въ эту минуту стоитъ у воротъ.

Термосесовъ, еще разъ поощривъ Варнаву всякими похвалами, всталъ и, захвативъ съ собою учителя, велѣлъ ему провести себя куда-нибудь въ укромное мѣсто и доставить туда же и Данилку.

Препотенскій свелъ Измаила Петровича въ пустую канцелярію акцизника и поставилъ передъ нимъ требуемаго мѣщанина.

— Здравствуйте, гражданинъ, — встрѣтилъ Данилку Термосесовъ. — Какъ васъ на сихъ дняхъ утромъ обидѣлъ здѣшній дьяконъ?

— Никакой обиды не было.

— Какъ не было? Вы говорите мнѣ прямо все, смѣло и откровенно, какъ пону на духу, потому что я другъ народа, а не врагъ. Ахилла дьяконъ васъ обидѣлъ?

— Нѣтъ, обиды не было. Это мы такъ промежь себя все уже кончили.

— Какъ же можно все это кончить? Вѣдь онъ васъ за ухо вель по улицѣ?

— Такъ что же такое? Глупость все это!

— Какъ глупость? Это обида. Вы размыслите, гражданинъ,—вѣдь онъ васъ за ухо дралъ.

— Все же это больше баловство и мы въ этомъ обиды себѣ не числимъ.

— Какъ же, гражданинъ, не числите? Какъ же не числите такой обиды? Вѣдь это, говорятъ, было почти всенародно?

— Да, всенародно же-съ, всенародно.

— Такъ вы должны на это жалобу подать!

— Кому-съ?

— А вотъ этому князю, чтѣ со мною прѣхаль.

— Такъ-съ.

— Значитъ, подаете вы жалобу или нѣтъ?

— Да на какой предметъ ее подавать-съ?

— Сто рублей штрафа присудятъ, вотъ на какой предметъ.

— Это точно.

— Такъ вы, значитъ, согласны. Ну, и давно бы такъ. Препотенскій! садись и строчи, что я проговорю.

И Термосесовъ началъ диктовать Препотенскому просьбу на имя Борноволокова, просьбу довольно краткую, но кляузную, въ которой не было позабыто и имя протоциона, какъ поощрителя самоуправства, сказавшаго даже ему, Данилѣ, что онъ воспріялъ отъ дьякона достойное по своимъ дѣламъ.

— Подписывай, гражданинъ!—крикнулъ Термосесовъ на Данилку, когда Препотенскій дописалъ послѣднюю строчку. Данила встрепнулся.

— Подписывайте, подписывайте!—внушала Термосесовъ, насильно всовывая ему въ руку перо, но «гражданинъ» вдругъ отвѣтилъ, что онъ не хочетъ подписывать жалобу.

— Что, какъ не хотите?

— Потому, я на это не согласенъ-съ.

— Какъ несогласенъ! Что ты это, чортъ тебя побери! То молчалъ, а когда просьбу тебѣ даромъ написали, такъ ты несогласенъ.

— Несогласенъ-съ.

— Что, не цѣлковый ли еще тебѣ за это давать, чтобы ты подписалъ? Жиренъ, братъ, будешь. Подписывай сейчасъ!

И Термосесовъ, схвативъ его сердито за-воротъ, потащилъ къ столу.

— Я... какъ вашей милости будетъ угодно, а я не подпишу, — залепеталъ мѣщанинъ и уронилъ нарочно перо на полъ.

— Я тебѣ дамъ «какъ моей милости угодно!» А не угодно ли твоей милости за это отъ меня получить разъ десять по рылу?

Испуганный «гражданинъ» рванулся всѣмъ тѣломъ назадъ и залепеталъ:

— Ваше высокородіе, смилуйтесь, не понуждайте! Вѣдь изъ моей просьбы все равно ничего не будетъ!

— Это почему?

— Потому что я уже хотѣлъ одинъ разъ подавать просьбу, какъ меня княжескій управитель Гличъ красивой вышороль, что я ходилъ о закладъ для исправника лошадь красть, но весь народъ мнѣ отсовѣтовалъ: не подавай, говорятъ, Данилка, станутъ о тебѣ повальный обыскъ писать, мы всѣ скажемъ, что тебя давно бы надо въ Сибирь сослать. Да-съ, и я самъ себя даже достаточно чувствую, что мнѣ за честь свою вступаться не пристало.

— Ну, это ты самъ себѣ можешь разсуждать о своей чести какъ тебѣ угодно...

— И господа чиновники здѣшніе тоже всѣ знаютъ...

— И пусть ихъ знаютъ, всѣ твои господа здѣшніе чиновники, а мы не здѣшніе, мы петербургскіе. Понимаешь? — изъ самой столицы, изъ Петербурга, и я приказываю тебѣ: сейчасъ подписывай, подлець ты, трепаноемскій, безъ всякихъ разсужденій, а то... въ Сибирь безъ обыска улетишь!

И при этомъ могучій Термосесовъ такъ сдвинулъ Данилку одною рукой за руку, а другою за горло, что тотъ въ одно мгновеніе покраснѣлъ, какъ вареный ракъ, и едва прохрипѣлъ:

— Ради Господа освободите! Все чтѣ угодно подпишу!

И вслѣдъ за симъ, перхая и ежась, онъ надаралъ подъ жалобой свое имя.

Термосесовъ тотчасъ же взялъ этотъ листъ въ карманъ и, поставивъ предъ носомъ Данилки кулакъ, грозно сказалъ:

— Гражданинъ, ежели ты только кому-нибудь до времени пробрешешься, что ты подаль просьбу, то...

Данилка, продолжая кашлять, только отмахнулся перемлѣвшею рукой.

— Я тебѣ, бездѣльнику, тогда всю рожу растворюжу, щеку на щеку помножу, носъ вычту и зубы въ дробь превращу!

Мѣщанинъ замахалъ уже обѣими руками.

— Ну, а теперь полно здѣсь перхать. Алѣ маширъ въ двери! — скомандовалъ Термосесовъ и, спивъ наложенный крючокъ съ дверей, такъ наноддалъ Данилкѣ на порогѣ, что тотъ вылетѣлъ выше пригороженшаго къ крыльцу курятника и, сбѣвъ съ разлету въ теплую [муравку, только оглянувшись, потомъ плюнулъ и, потерявъ даже свою перхоту, выкатился на четверенькахъ за ворота.

Препотенскій, увидя эту расправу, взрадовался и заплескалъ руками.

— Чего ты? — спросилъ Термосесовъ.

— Вы сильнѣе Ахилки! Съ вами я его теперь не боюсь.

— Да и не бойся.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Спустившіяся надъ городомъ сумерки освѣтили на улицѣ, ведущей отъ дома акцизницы къ дому исправника, удалую тройку, которая была совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ та, что подвозила сюда утромъ плодомасовскихъ карликовъ. Въ корню точно дикій степной иноходецъ, пригорбясь и подносясь, шла, закинувъ назадъ голову, Визюкина; справа отъ ней, залома назадъ шлыкъ, перъ Термосесовъ, а слѣва — вилъ ногами и моталъ головой Препотенскій. Точно сборная обывательская тройка, одна съ двора, другая — съ задворка, а третья — съ попова загона: одинъ пляшетъ, другой скачетъ, третій ибсенки постъ. Но разлада нѣтъ, и всѣ опи, хотя неровнымъ аллюромъ, везутъ одинъ и тѣ же дроги и къ одной и той же цѣли. Цѣль эту знаетъ одинъ Термосесовъ; одинъ онъ работаетъ не изъ пустяковъ и заставляеть служить себѣ и учителя, и акцизницу, по весело имъ всѣмъ поровну. Если Термосесовъ знаетъ, чего ликуеть смѣлая и предприимчивая душа его, то не все же играетъ сердце и Дарьи Николаевны, и Препотенскаго. Оба эти лица предвкушаютъ захватывающее ихъ блаженство, — они готовятся насладиться стычкой Гога съ Магогомъ, — Туберозова съ Термосесовымъ!..

Какъ возьмется за это дѣло ловкій, всеокрушающій пріѣзжій, и кто устоитъ въ неравномъ спорѣ?

Какъ вамъ угодно, а это, дѣйствительно, довольно интересно!

Часть третья.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Раньше чѣмъ Термосесовъ и его компанія пришли на рауть къ исправнику, Туберововъ провелъ уже болѣе часа въ уединенной бесѣдѣ съ предводителемъ Тугановымъ. Старый протопопъ жаловался важному гостю на то самое, на что онъ жаловался въ извѣстномъ намъ своемъ дневникѣ, и получалъ въ отвѣтъ тѣ же старыя шутки.

— Что будетъ изъ всей такой шаткости?—морща брови, пыталъ протопопъ, а предводитель, смѣясь, отвѣчалъ ему:

— Не уявися, что будетъ, мой любезный.

— Безъ идеала, безъ вѣры, безъ почтенія къ дѣяніямъ предковъ великихъ... Это... это сгубитъ Россію.

— А что жъ, если ей нужно сгубить, такъ и сгубитъ,— отвѣтилъ равнодушно Тугановъ и, вставши, добавилъ: — а пока знаешь что: пойдѣмъ къ гостямъ, мы съ тобою все равно ни до чего не договоримся; ты маньякъ.

Протопопъ остановился и съ обидой въ голосѣ спросилъ:

— За что же я маньякъ?

— Да что же ты ко всѣмъ лѣзешь, ко всѣмъ пристаешь: «идеаль, вѣра»? Нечего, братъ, дѣлать, когда этому всему, видно, время прошло.

Туберововъ улыбнулся и, вздохнувъ кротко, отвѣтилъ, что прошло не время вѣры и идеаловъ, а прошло *время словъ*.

— Совершай, братъ, *дѣла*.

— Дѣлъ теперь тоже мало.

— Что же нужно?

— Подвиги.

— Совершай подвиги. Въ какомъ только духѣ?

— Въ духѣ крѣпкомъ, въ дыханіи бурномъ... Чтобы сами гасильники загорались!

— Да, да, да! Тебѣ ссориться хочется! Нѣтъ, отче: лучше мирись.

— Парменъ Николаевичъ, много слышу, сударь, нынче объ этомъ примиреніи. Что за миръ съ тѣмъ, кто нардона не проситъ. Не годъ этотъ миръ, и дѣды недаромъ намъ завѣщали: «не побивши кума, не пить мировой».

— Ему непременно «побить»!

— А то какъ же? Непременно побить!

— Ты, братъ, совсѣмъ бурсакъ!

— Да вѣдь я себя и не выдаю за благороднаго.

— Да тебѣ что, неостражимо, что ли, ужъ хочется пострадать? Такъ, вѣдь, этого изъ-за пустяковъ не дѣлають. Лучше побереги себя до хорошаго случая.

— Бережныхъ и безъ меня много; а я долженъ свой долгъ исполнять.

— Ну, ужъ не я же, разумѣется, стану тебя отговаривать исполнять по совѣсти свой долгъ. Исполниай: пристыди безстыжихъ—выкусишь кукнипъ, прапорщикъ будешь, а теперь все-таки пойдемъ къ хозяйевамъ; я, вѣдь, здѣсь долго не останусь.

Протопопъ пошелъ за Тугановымъ, бодрясь, но чрезвычайно обезкураженный. Онъ совсѣмъ не того ожидалъ отъ этого свиданія, по вѣдь ли опъ и самъ зналъ, чего ожидалъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Термосесовъ съ Варнавой и либеральною акцизницею прибыли на раутъ въ то время, когда Тугановъ съ Туберозовымъ уже прошли черезъ залъ и спѣли въ маленькой гостиной. Другіе гости расположились въ залѣ, разговаривали, играли на фортепіано и пробовали что-то пить. Сюда-то прямо и вошли въ это самое время Термосесовъ, Бизюкина и Варнава.

Хозяйка встрѣтила ихъ и поблагодарила Бизюкину за гости, а Термосесова за его безцеремонную простоту.

— Мы люди простые и простыхъ людей любимъ, — сказала она ему.

— А я самый и есть простой человекъ,—отвѣчалъ Термосесовъ, и при этомъ поклонился очень низко, улыбулся очень привѣтливо и даже щелкнулъ каблукомъ.

Видя это, Визюкина, по совѣсти, гораздо болѣе одобрила достойное поведеніе Пренотенскаго, который стоялъ, будто проглотилъ аршинъ. Случайно ли, или въ силу соображеній, что вновь пришедшіе гости люди болѣе серьезные, которымъ неприлично хохотать съ барышнями и слушать вздорные рассказы и плохое гбніе, хозяйка провела Термосесова и Пренотенскаго прямо въ ту маленькую гостиную, гдѣ помѣщались; Тугановъ, Плодомасовъ, Дарьяновъ, Савелій, Захарія и Ахилла.

Визюкина могла ориентироваться, гдѣ ей угодно, но у нея не достало смѣлости проникнуть въ гостиную вслѣдъ за своими кавалерами, а явнаться съ дамами она не желала, и потому сѣла у двери.

Гостинная, куда вошли Пренотенскій и Термосесовъ, была узенькая комнатка; въ концѣ ея стоялъ диванъ съ преддиваннымъ столомъ, за которымъ помѣщались Тугановъ и Туберовозовъ, а вокругъ на стульяхъ сидѣли: смиренный Бенефактовъ, Дарьяповъ и увздный предводитель Плодомасовъ. Ахилла не сидѣлъ, а стоялъ сзади за пустымъ кресломъ и держался рукою за рѣзбу. Визюкина видѣла, какъ Термосесовъ, войдя въ гостиную, напочтительнѣйше раскланялся и... чего, вѣроятно, никто не могъ себѣ представить, вдругъ подошелъ къ Туберовозу и попросилъ себѣ у него благословенія. Больше всѣхъ этимъ былъ удивленъ, конечно, самъ отецъ Савелій; онъ даже не сразу нашелся какъ поступить и далъ требуемое Термосесовымъ благословеніе съ видимымъ замѣшательствомъ. А когда же Термосесовъ, вдобавокъ, хотѣлъ поцѣловать его руку, то протопнулъ столь этимъ смутился, что торопливо опустилъ сильнымъ движеніемъ свою и Термосесовскую руку книзу и крѣпко сжалъ и потрясъ эту предательскую руку, какъ руку наилучшаго друга.

Термосесовъ пожелалъ получить благословеніе и отъ Захарія, но смиренный Бенефактовъ оказался на сей разъ находчивѣй Туберовоза,—онъ не только благословилъ, но и, ничто же сумняся, самъ поднесъ къ губамъ проходимца свою желтенькую ручку.

Разошедшіися Термосесовъ направился было за благо-

словесіемъ и къ Ахиллѣ, но этотъ, бойко шаркнувъ ногою, сказалъ гостю:

— И дьяконъ-съ.

Засямъ оба они пожали другъ другу руки и Ахилла предложилъ Термосесову сѣсть на то кресло, за которымъ стоялъ, но Термосесовъ вѣжливо отклонилъ эту честь и помѣстился на ближайшемъ стулѣ, возлѣ отца Захаріи, межъ тѣмъ какъ вѣрный законамъ своей рутинной школы Препотенскій отошелъ какъ можно дальше и сѣлъ напротивъ отворенной двери въ залъ.

Такимъ выборомъ мѣста онъ, во-первыхъ, показывалъ, что не желаетъ имѣть общенія съ міромъ, а, во-вторыхъ, онъ видѣлъ отсюда Бизюкину; она, въ свою очередь, должна была слышать все, что онъ скажетъ. Учитель чувствовалъ и сознавалъ необходимость поднять свои фонды, заколебавшіеся съ пріѣздомъ Термосесова, и теперь, усѣвшись, ждалъ только перваго предлога завязать споръ и показать Бизюкиной, если уже не превосходство своего ума, то, по крайней мѣрѣ, чистоту направленія. Для искателей спора предлогъ къ этому занятію представляетъ всякое слово, и Варнава недолго томился молчаніемъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

При входѣ новыхъ гостей предводитель Плодомасовъ рассказывалъ Туберовову о современныхъ реформахъ въ духовенствѣ и возобновилъ этотъ разговоръ, когда Термосесовъ и Варнава усѣлись.

Уѣздный предводитель былъ поборникъ реформы, Тугановъ тоже, но послѣдній вставилъ, что когда онъ вчера видѣлся съ архіереемъ, то его преосвященство высказывался очень осторожно и, между прочимъ, шутилъ, что прекращеніемъ наслѣдственности въ духовенствѣ переведется у насъ самая чистокровная русская порода.

— Это что же значить-съ?—любопытствовалъ Захарія.

Тугановъ ему объяснилъ, что намекъ этотъ на чистоту несмѣшанной русской породы въ духовенствѣ касается неупотребительности въ этомъ сословіи смѣшанныхъ браковъ. Захарія не понялъ, и Тугановъ долженъ былъ ему помочь.

— Просто дѣло въ томъ,—сказалъ онъ:—что духовные всѣ женились на духовныхъ же...

— На духовныхъ-съ, на духовныхъ.

— А духовные всё русскіе.

— Русскіе.

— Ну, и течетъ, значить, въ духовенствѣ кровь чистая русская, межъ тѣмъ какъ всё другіе перемѣнились съ инородцами: съ поляками, съ татарами, съ гѣмцами, со шведами и... даже съ жидами.

— Ай, ай, ай, даже съ жидами!—тифу, поганы!—произнесъ Захарія и плюнулъ.

— Да и шведы-то тоже «нерубленныя головы»;—легко ли дѣло съ кѣмъ мѣшаться!—поддержалъ Ахилла.

Протопопъ, кажется, побоялся, какъ бы дяконъ не сказалъ чего-нибудь неподлежащаго, и, чтобы замять этотъ разговоръ о національностяхъ, вставилъ:

— Да; владыка нашъ не бѣднаго ума человѣкъ.

— Онъ даже что-то о какомъ-то «млекѣ» написалъ,—отозвался изъ своего далека Препотенскій, но на его слова никто не отвѣтилъ.

— И онъ юмористъ большой,—продолжалъ Тугановъ.— Тамъ у насъ завелся новый жандармчикъ, развязности безконечной, и все для себя считаетъ возможнымъ.

— Да, это такъ и есть; жандармы все могутъ, — опять подавъ голосъ Препотенскій, и его опять не замѣтили.

— Узналъ этотъ господчикъ,—продолжалъ Тугановъ:— что у вашего архіерея никто никогда не обѣдалъ, и пошелъ пари въ клубъ съ полиціею-мастеромъ, что онъ пообѣдаетъ, а старикъ-то на грѣхъ объ этомъ и узнай!..

— Ай, ай, ай!—протянулъ Захарія.

— Ну-съ; вотъ пріѣхалъ къ нему этотъ кавалеристъ и сидитъ, и сидитъ, какъ зашелъ отъ обѣдин, такъ и сидитъ. Наконецъ, ужъ не выдержалъ и въ седьмомъ часу вечера сталъ прощаться. А молчаливый архіерей, до этихъ поръ все его слушавшій, а не говорившій, говоритъ: а что же, откушать бы со мною остались! Ну, у того ужъ и ушки на макушкѣ:—выигралъ пари. Ну, тутъ еще часокъ архіерей его продержалъ и ведетъ къ столу.

— Ахъ, вотъ это ужъ онъ напрасно,—сказалъ Захарія:—напрасно!

— Но позвольте же; пришли они въ столовую, архіерей сталъ предъ иконою и зачиталъ, и читаетъ, да и читаетъ, молитву за молитвою. Опять часъ промель; тощій гость какъ съ погъ не валится.

— Ну, теперь подавайте,—говорит владыка. Подали двѣ мелкія тарелочки горохового супа съ сухарями, и только что офицеръ раздражилъ аппетитъ, какъ владыка уже и опять встаетъ.—Ну, возблагодаримте, говоритъ, теперь Господа Бога по трансѣ. Да ужъ въ этотъ разъ какъ стала читать, такъ тотъ молодецъ не дождался, да потихоньку драла и убѣжалъ. Рассказываетъ мнѣ это вчера старикъ и смѣется: — «Сей духъ, говоритъ, ничѣмъ же изымается, токмо молитвою и постомъ».

— Онъ и остроумецъ, и человѣкъ обращенія пріятнаго и тонкаго, — уронилъ Туберововъ, словно его тяготили эти анекдотическіе разговоры.

— Да; но тоже кряхтитъ и жалуется, *что людей нѣтъ*. «Плывемъ, говоритъ, по глубокой пучинѣ на расшатанномъ кораблѣ и съ пьяными матросами. Хороши Богъ на сей случай бури».

— Слово горькое,—отозвался Туберововъ.

— Впрочемъ,—началъ снова Тугановъ: — про вашу городъ сказалъ, что тутъ крѣико. Тамъ говоритъ, у меня есть два пона: одинъ умный, другой—благочестивый.

— Умный—это отецъ Савелій,—отозвался Захарія.

— Почему же вы увѣрены, что умный—это непременно отецъ Савелій?

— Потому что... они мудры,—отвѣчалъ, конфузясь, Бенсфактовъ.

— А отецъ Захарія вышли по второму разряду, — под-сказалъ дяконъ.

Туберововъ покачалъ на него укоризненно головою. Ахила посиѣнили поправиться и сказали:

— Отецъ Захарія благочестивый, это владыка, должно-быть, къ тому и сказали, что на отца Захарія жалобъ никакихъ не было.

— Да, жалобъ на меня не было,—вздыхнулъ Захарія.

— А отецъ Савелій безпокойный человѣкъ, — пошутить Тугановъ.

Минута эта представилась Препотенскому крайне благопріятною, и онъ, не упуская ея, тотчасъ же заявилъ, что безпокойные въ духовенствѣ это значить доносчики, потому что религіозная совѣсть должна быть свободна. Тугановъ не постерегся и отвѣтилъ Препотенскому, что свобода совѣсти необходима и что очень жаль, что ея у насъ нѣтъ.

— Да, бѣдная наша церковь несетъ за это отовсюду напрасныя порицанія,—замѣтилъ отъ себя Туберововъ.

— Такъ на что же вы жалуетесь?—живо обратился къ нему Препотенскій.

— Жалуемся на невѣротерпимость, — сухо отвѣтилъ ему Туберововъ.

— Вы отъ нея не страдаете.

— Нѣтъ, горестно страдаемъ! Вы громко и свободно проповѣдуете, что надо, чтобы вѣры не было, и вамъ это сходить, а мы если только пошепчемъ, что надо, чтобы лучше вашихъ ученій не было, то...

— Да, такъ вы вотъ чего хотите!—перебилъ учитель.— Вы хотите на насъ науськивать, чтобы насъ порѣшили.

— Нѣтъ, это вы хотите, чтобы насъ порѣшили.

Препотенскій не нашелся отвѣтить: отрицать этого онъ не хотѣлъ, а прямо подтвердить боялся. Тугановъ устранилъ затрудненіе, сказавъ, что отецъ протоиерей только негодуетъ, что есть люди, поставляющіе себѣ задачею подрывать въ простыхъ сердцахъ вѣру.

— Намъ же негодую на то, что сіе за потворствомъ и удастся.

Препотенскій улыбнулся.

— Удастся это потому,—сказалъ онъ:—что вѣра роскошь, которая дорого народу обходится.

— Ну, однако, не дороже его пьянства,—безстрастно замѣтилъ Тугановъ.

— Да, вѣдь, пить-то—это веселіе Руси есть, это національное, и водка все-таки полезнѣе вѣры: она, по крайней мѣрѣ, грѣшетъ.

Туберововъ вспыхнулъ и крѣпко сжалъ рукавъ своей рясы; но въ это время Тугановъ возразилъ учителю, что онъ ошибается, и указалъ на то, что вѣра согрѣваетъ лучше чѣмъ водка, что всѣ добрыя дѣла нашихъ мужиковъ начинаются помолвившись, а всѣ худыя, за которыя въ Сибирь ссылаютъ, дѣлаются водки напившись.

— Впрочемъ, откупъ уничтоженъ экономистами, — перебросился вдругъ Препотенскій. — Экономисты утверждали, что чѣмъ водка будетъ дешевле, тѣмъ меньше ее будутъ пить, и соврали. Впрочемъ, экономисты не соврали; — они знаютъ, что для того, чтобы народъ меньше пьянствовалъ, требуется не одно то, чтобы водка подешевѣла. Надо, что-

бы многое не шло такъ, какъ идетъ. А между тѣмъ къ новому стремятся не экономисты, а одни... «новые люди».

— Да; только люди-то эти дрянные, и пошло чортъ знать что.

— Да, ихъ уловили шпионы.

— Нѣтъ, просто мошенники.

— Мошенники-и!

— Да. Мошенники, вѣдь, всегда заключаютъ своею узурпаціею всѣ сумятицы, въ которыя имъ не безвыгодно вмѣшаться. У насъ долго возились съ этими... нигилистами, что ли? Возилось съ ними одно время и правительство, возится до сихъ поръ и общество, и печать, а пошабашутъ ихъ не эти, а просто-на-просто мошенники, которые откликнутся въ ихъ кличку, мошенники и превзойдутъ ихъ, а затѣмъ наступитъ поворотъ.

Препотенскій бросилъ тревожный взглядъ на Бизюкину. Ею смущало, что Тугановъ просто съѣдаетъ его задоръ, какъ вѣшній туманъ съѣдаетъ съ поля бугры снѣга. Варнава искалъ поддержки, и въ этомъ чапшн перевелъ взоры свои на Термосесова, но Термосесовъ даже и не смотрѣлъ на него, но зато дяконъ Ахилла, давно дававшій ему рукою знаки перестать, сказалъ:

— Замолчи, Варнава Васильевичъ,—совсѣмъ не занятно!

Это взорвало учителя—тѣмъ болѣе, что и Тугановъ отъ него отвернулся. Препотенскій пошелъ напроломъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Учитель соскочилъ съ мѣста и подбѣжалъ къ Туганову, говорившему съ Туберозовымъ.

— Извините, что васъ перебую... но я все-таки... Я стою за свободу.

— И я тоже,—отвѣтилъ Тугановъ, снова обращаясь къ протопопу.

— Позвольте же-съ мнѣ вамъ кончить! — воскликнулъ учитель.

Тугановъ обернулся въ его сторону.

— А вы знаете ли, что свобода не дается, а берется?—задалъ ему Варнава.

— Ну-съ!

— Кто же ео возьметъ, если новые люди скверны?

— Ее возьметъ порядокъ вещей.

— И все-таки это, значить, не будет дано, а будет взято. Я правъ. Это я сказалъ: будетъ взята!

— Да вѣдь тебѣ про то же и говорить, — отозвался изъ-за стула дьяконъ Ахилла.

— Но, вѣдь, это я сказалъ: будетъ взята!

— А вамъ про что же говорить, — поддержалъ дьякона, въ качествѣ однопшленника, Термосесовъ. — Пармень Семеновичъ вамъ про то и говорить, — внушалъ Термосесовъ, нарочно какъ можно отчетливѣе и задушевнѣе произнося имя Туганова.

— Однако, мнѣ пора, — шепнулъ, выходя изъ-за стола, Тугановъ и хотѣлъ выйти въ залу, но былъ снова атакованъ Варнавой.

— Позвольте еще одно слово, — приставалъ учитель. — Мнѣ кажется, вамъ, вѣроятно, неприятно, что теперь всѣ равны.

— Нѣтъ-съ, мнѣ не нравится, что не всѣ равны.

Препотенскій остановился и, переждавъ секунду, залепеталъ:

— Вѣдь это фактъ, — всѣ должны быть равны.

— Да, вѣдь, Пармень Семеновичъ вамъ это и говорить, что всѣ должны быть равны! — отгонялъ его отъ предводителя Термосесовъ съ одной стороны.

— Позвольте-съ, — забѣгалъ онъ съ другою, но здѣсь его не допускалъ Ахилла.

— Оставь, — говорилъ онъ: — что ни скажешь — все глупость!

— Ахъ, позвольте, сдѣлайте милость, я не съ вами и говорю, — отбивался Препотенскій, забѣгая съ фронта. — Я говорю: вамъ, вѣрно, Англія нравится, потому что тамъ лорды... Вамъ досадно и жаль, что исчезли сословныя привилегіи?

— А онѣ развѣ исчезли?

— Отойди прочь, ты ничего не знаешь, — сплавлялъ, отталкивая Варнаву, Ахилла, но тотъ обѣжалъ вокругъ и, снова зайдя во фронтъ предводителю, сказалъ:

— О всякомъ предметѣ можно имѣть нѣсколько мнѣній.

— Да чего же вамъ отъ меня угодно? — воскликнулъ, разсмѣявшись, Тугановъ.

— Я говорю... можно имѣть разныя сужденія.

— Только одно будетъ умное, а другое — глупое, — отвѣчала Термосесовъ.

— Одно будетъ справедливое, другое—несправедливое,— проговорилъ въ видѣ примиренія предводитель.

— У Бога—и у Того одна правда!—виушаль дьяконъ.

— Между двумя точками только одна прямая линія проводится, вторую не проведете,—натверживаль Термосесовъ. Препотенскій вышелъ изъ себя.

— Да это что жь? вѣдь этакъ нельзя ни о чемъ говорить!—вскричалъ онъ.—Я одинъ, а вы всѣ вмѣстѣ льстите. Этакъ хоть кого переспоришь. А я знаю одно, что я ничего стариннаго не уважаю.

— Это и есть самое старинное... Когда же у насъ уважали исторію?

— Ну, послунай! замолчи, дурачокъ,—дружественно совѣтоваль Варнавъ Ахилла, а Бизюкина отъ него презрительно отвернулась. Термосесовъ же, устраняя его съ дороги, наступилъ ему на ногу, отчего учитель, имѣвшій слабость въ затруднительныя минуты заговариваться и ставить одно слово вмѣсто другого, вскрикнулъ:

— Ой, вы мнѣ наступили на самую мою любимую мозоль!

По поводу «любимой мозоли» послѣдовалъ смѣхъ, а Тугановъ въ это время уже прощался съ хозяйкой.

Зазвенѣли бубенцы и шестерикъ свѣжихъ почтовыхъ лошадей подкатилъ къ крыльцу Тугановскую коляску, а на порогъ вытянулся рослый гайдукъ съ англійскою дорожною кисой черезъ плечо. Наступили послѣднія минуты, которыми могъ еще воспользоваться Препотенскій, чтобы себя выручить, и онъ вырвался изъ рукъ удерживавшихъ его Термосесова и Ахиллы, и, прыгая на своей «любимой мозоли», наскокилъ на предводителя и спросилъ:

— Вы читали Тургенева? *Дымъ...* Это дворянскій писатель, и у него доказано, что въ Россіи все дымъ: «кнута, и того сами не выдумали».

— Да,—отвѣчалъ Тугановъ:—кнутъ, точно, позаимствовали, но зато отпускъ крестьянъ на волю съ землею сами изобрѣли. Укажите на это господину Тургеневу.

— Но, вѣдь, крестьянъ съ землей отняли у помѣщиковъ,—сказаль Препотенскій.

— Отняли?—неправда. Государю принадлежитъ честь почина, а дворянству доблесть жертвы,—не вытерпѣлъ Тугановъ.

— Велѣно, и благородное дворянство не смѣло ослушаться.

— Да оно и не желало послушаться,—отозвался Тугановъ.

— Все-таки власть огняла крестьянъ.

— И власть, и время. Александръ Благословенный цѣлую жизнь мечталъ освободить крестьянъ, но дѣло не шло, а у остзейскихъ бароновъ и теперь не идетъ.

— Потому что нѣмцы умнѣе.

Тугановъ разсмѣялся и, протянувъ руку Туберозову, сказалъ Варнаву съ легкимъ пренебреженіемъ:

— Честь имѣю вамъ откланяться.

— Ничего-съ, а я все-таки буду противъ дворянъ и за естественное право.

Безпокойство Препотенскаго заставило всѣхъ улынуться, и Тугановъ, будучи совсѣмъ на пути, еще пріостановился и сказалъ ему:

— А самая естественная форма жизни это... это жизнь вотъ этихъ лошадей, что мнѣ подали, но ихъ, видите, запрягаютъ возить дворяншиа.

— И еще дорѳгой будутъ кнутомъ наяривать, чтобы шибче,—замѣтилъ дьяконъ.

— И скотовъ всегда бьютъ,—поддержалъ Термоссовъ.

— Ну, опять всё на одного! — воскликнулъ учитель и заключилъ, что онъ все-таки всегда будетъ противъ дворянъ.

— Ну, такъ ты, значить, смутьяниъ,—сказалъ Ахилла.

— Бездну на бездну призываетъ,—отозвался Захарія.

— А вы знаете ли, что такое значить бездна бездну призываетъ? — огрызнулся Варнава. — Вѣдь это противъ васъ: бездна бездну призываетъ, это—попъ пона въ гости зоветъ.

Это всѣмъ показалось забавнымъ, и дружный хохотъ залилъ залу.

Одинъ Туберозовъ гнѣвно сверкнулъ глазами и, порывисто дернувъ ленту, на которой висѣлъ наперсный крестъ, выпнелъ въ гостиню.

— Старикъ-то у васъ совсѣмъ маньякъ сдѣлался,—сказалъ, кивнувъ вслѣдъ ему, Тугановъ.

— И не говорите. Получить газеты и носится съ ними, и вздыхаетъ, и ни о чемъ хладнокровно не можетъ разсуждать,—отвѣтилъ Дарьяновъ.

— Они это слышать,—тихо прошептал Ахилла.

Савелій, дѣйствительно, все это слышалъ.

Тугановъ сошелъ съ лѣстницы и усаживался въ коляску. Его провожали хозяева, нѣкоторые изъ гостей, Варнава и протопопъ. Варнава былъ сильно ободренъ: ему казалось, что послѣ «бездны» фюнды его быстро возвысились и онъ, неожиданно смѣло схвативъ за рукавъ Туберозова, проговорилъ:

— Позвольте васъ спросить: я третьяго дня былъ въ церкви и слышалъ, какъ одинъ протопопъ произнесъ слово «дуракъ». Что клиръ долженъ пѣть въ то время, когда протопопъ возглашаетъ «дуракъ»?

— Клиръ трижды воспѣваетъ: «учитель Препотенскій»,— отвѣтилъ Савелій.

При этомъ неожиданномъ отвѣтѣ присутствующіе въ секунду были въ ошеломленіи и вдругъ разразились всеобщимъ бѣшенымъ хохотомъ. Тугановъ махнулъ рукой и уѣхалъ въ самомъ веселомъ настроеніи духа.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Около Препотенскаго, какъ говорится, было кругомъ нехорошо. Даже спусходительныя дамы того сорта, которымъ дорогъ только процессъ разговора и для которыхъ, что мужчины ни говори, лишь бы это былъ говоръ, и тѣ имъ возгнушались. Зато Термосесовъ забиралъ силу и овладевалъ всеобщимъ вниманіемъ. Варнава не успѣлъ оглянуться, какъ Термосесовъ уже бесѣдовалъ со всѣми дамами, а за почтмейстершей просто ухаживалъ, и ухаживалъ, по мнѣнію Препотенскаго, до послѣдней степени дурно; ухаживалъ за нею не какъ за женщиной, но какъ за предержанцею властью.

За ужиномъ Термосесовъ, оставивъ дамъ, подступилъ поближе къ мужчинамъ и выпилъ со всѣми. И выпилъ какъ должно, изрядно, но не охмелѣлъ, и тутъ же внезапно сблизился съ Ахиллой, съ Дарьяновымъ и съ отцомъ Захаріей. Онъ заговаривалъ не разъ и съ Туберозовымъ, но старикъ не очень поддавался на сближеніе. Зато Ахилла, послѣ часовой или получасовой бесѣды, ко всеобщему для присутствующихъ удивленію, неожиданно перешелъ съ Термосесовымъ на «ты», жалъ ему руку, цѣловалъ его толстую губу и даже сдѣлалъ изъ его фамиліи кличку.

— Вотъ, ей-Богу, молодчина этотъ Термосёска, — барабанилъ всѣмъ дьяконъ: — посудите, какъ мы нынче съ нимъ вдвоемъ Варнавку обработали. Правда? Ты, братъ Термосёсушка, отъ насъ лучше совсѣмъ не уѣзжай. Чтò тамъ у васъ въ Петербургѣ, какія кондиціи? А мы съ тобой здѣсь зимую станемъ вмѣстѣ лисницъ ловить. Чудесно, братъ! Правда?

— Правда, правда, — отвѣчалъ Термосесовъ, и самъ сталъ хвалить Ахиллу и называлъ его молодчиной. И оба эти молодчины снова цѣловались.

Когда пиръ былъ при концѣ и Захарія съ Туберозовымъ уходили уже домой, Термосесовъ придержалъ Ахиллу за рукавъ и сказалъ:

— А тебѣ, вѣдь, снѣпить некуда?

— Да, пожалуй, что и некуда, — отвѣтилъ Ахилла.

— Такъ подожди, пойдемъ вмѣстѣ!

Ахилла согласился, а Термосесовъ предложилъ еще потанцевать подъ фортепіано и танцевалъ прежде съ почтмейстершей, потомъ съ ея дочерьми, потомъ еще съ двумя или тремя другими дамами и, наконецъ, послѣ всѣхъ съ Визюкиной, а въ заключеніе всего обхватилъ дьякона и провальсировалъ съ нимъ и, сажая его на мѣсто, какъ даму, поднесъ къ губамъ его руку, а поцѣловалъ свою собственную.

Итакъ не ожидавшій этого Ахилла, сконфузился и быстро вырвалъ у Термосесова руку, но тотъ надъ нимъ расхохотался и сказалъ:

— Неужто же ты думалъ, что я твою кучерскую лану стану цѣловать?

Дьякоцъ обидѣлся и подумалъ: «охъ, не падо бы мнѣ кажется, съ нимъ якшаться!» Но какъ они сейчасъ вслѣдъ за этимъ отправились по домамъ, то и онъ не отбился отъ компании. Семейство почтмейстера, дьяконъ, Варнава, Термосесовъ и Визюкина шли вмѣстѣ. Они завели домой почтмейстершу съ дочерьми и здѣсь, у самаго порога комнаты, Ахилла слышалъ, какъ почтмейстерша сказала Термосесову:

— Я надѣюсь, что мы съ вами будемъ видѣться?

— Въ этомъ не сомнѣвался, — отвѣчалъ Термосесовъ, и добавилъ: — вы говорили, что вамъ нравится, какъ у исправника на стѣнѣ вся Царская Фамилія въ портретахъ?

— Да, мнѣ этого давно очень, очень хочется.

— Ну, такъ это и вамъ завтра же устрою.

И они разстались.

На дворѣ было уже около двухъ часовъ ночи, что для уѣзднаго города, конечно, было весьма поздно, и Препотенскій, плетясь, размышляя, какимъ способомъ ему благополучиѣ доставится домой, то-есть улизнуть ли потихоньку, чтобъ его не замѣтить Ахилла, или, напротивъ, вѣрится его великодушiю, такъ какъ Варнава когда-то читалъ, что у черкесовъ на Кавказѣ иногда спасаются единственно тѣмъ, что вѣряютъ себя великодушiю врага, и теперь онъ почему-то склонился къ мысли судить объ Ахиллѣ по-черкески.

Но прежде чѣмъ Препотенскій пришелъ къ какому-нибудь положительному рѣшенiю, Термосесовъ все это переначилъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Тотчасъ какъ только они разстались съ почтмейстершей, Термосесовъ объявилъ, что всѣ неизмѣнно должны на минуту зайти съ нимъ къ Бизюкиной.

— Позволяешь?—отнесся онъ полуоборотомъ къ хозяйкѣ.

Той это было непрiятно, но она позволила.

— У тебя питра какая-нибудь дома есть?

Бизюкина сконфузилась. Она какъ нарочно пынче забыла послать за виномъ, и теперь вспомнила, что со стола отъ обѣда приняли послѣднюю, чуть не совсѣмъ пустую, бутылку хересу. Термосесовъ замѣтилъ это смущенiе и сказалъ:

— Ну, хоть пиво, небось, есть?

— Пиво, конечно, есть.

— Я знаю, что у акцизныхъ пиво всегда есть. И медъ есть?

— Да, есть и медъ.

— Ну, вотъ и прекрасно: есть, господа, у насъ пиво и медъ, и я вамъ сострипаю изъ этого такое лампондъ, что...— Термосесовъ поцѣловалъ свои пальцы и договорилъ:—языкъ свой, и тотъ, допивая, проглотите.

— Что это за лампондъ?—спросилъ Ахилла.

— Не лампондъ, а лампондъ — напитокъ такой изъ пива и меду дѣлается.—Идемъ!—и онъ потянулъ Ахиллу за рукавъ.

— Постой, — оборонялся дяконъ. — Какое же это лампоно? Это у насъ на похоронахъ пьютъ... «пивомедіе» называется.

— А я тебѣ говорю, это не пивомедіе будетъ, а лампоно. Идемъ!

— Пить, постой! — опять оборонялся Ахилла. — Я знаю это пивомедіе... Оно, братъ, опрокидонтомъ съ ногъ валить... я его ни за что не стану пить.

— Я тебѣ говорю — будетъ лампоно, а не пивомедіе!

— А лучше бы его нынче не надо, — отвѣчалъ дяконъ: — а то па завтра чердакъ трещать будетъ.

Препотенскій былъ тоже того мнѣнія, но какъ ни Ахилла, ни Препотенскій не обладали достаточною твердостью характера, чтобы настоять на своемъ, то настоялъ на своемъ Термосесовъ и забралъ ихъ въ домъ Бизюкиной. По мысли вожака, «питра» должна была состояться въ садовой бесѣдкѣ, куда немедленно же и явилась наскоро закуска и множество бутылокъ пива и меду, изъ которыхъ Термосесовъ въ ту же минуту сталъ готовить лампоно.

Варнава Препотенскій помѣстился возлѣ Термосесова. Учитель хотѣлъ немало не медля объясниться съ Термосесовымъ, зачѣмъ онъ юлилъ около Туганова и помогаль угнетать его, Варнаву?

Но, къ удивленію Препотенскаго, Термосесовъ потерялъ всякую охоту болтать съ нимъ, и вмѣсто того, чтобъ отвѣтить ему что-нибудь ласково, оторвалъ весьма нетерпѣливо:

— Миѣ всѣ равны: и мѣщане, и дворяне, и люди черныхъ сотенъ. Отстаньте вы теперь отъ меня съ политикой, я пить хочу!

— Однакоже, вы должны согласиться, что люди семинарія воспитанскаго лучше, — пролепеталъ, путая слова, Варнава.

— Ну, вотъ, — перебилъ Термосесовъ: — то была «любимая мозоль», а теперь «семинарія воспитанскаго!» — Вотъ Цицеронъ!

— Онъ это часто, когда разгорячится, хочетъ сказать одно слово, а скажетъ совсѣмъ другое, — вступился за Препотенскаго Ахилла, и при этомъ пояснилъ, что учитель за эту свою способность даже чуть не потерялъ хорошее знакомство, потому что хотѣлъ одинъ разъ сказать дамѣ: «Ма-

трепа Ивановна, дайте мнѣ лимончика», да вдругъ выговорилъ: «Лимона Ивановна, дайте мнѣ матреничка!» А та это въ обиду приняла.

Термосесовъ такъ и закатился веселымъ смѣхомъ, но вдругъ схватилъ Варнаву за руку и, нагнувъ къ себѣ его голову, прошепталъ:

— Поди сейчасъ запиши мнѣ для памяти тотъ разговоръ, который мы слышали отъ поповъ и дворянъ. Понимаешь, насчетъ того, что и время пришло, и что Александръ I не могъ, и что въ Остзейскомъ краѣ и сейчасъ не удастся... Однимъ словомъ—все, все...

— Зачѣмъ же распространяться?—удивился учитель.

— Ну, ужъ это не твое дѣло. Ты иди скорѣй нанниси, и тамъ увидишь на что?.. Мы это подпишемъ и поплемъ въ надлежащее мѣсто.

— Чтò вы! чтò вы это? — громко заговорилъ, отчаянно заматавъ руками, Препотенскій. — Доносить! Да ни за чтò на свѣтѣ. ?

— Да, вѣдь, ты же ихъ ненавидишь!

— Ну, такъ чтò жъ такое?

— Ну, и рѣжь ихъ, если ненавидишь!

— Да; извольте, я рѣзать извольте, но... я не подлецъ, чтобы доносить...

— Ну, такъ пошелъ вонъ,—перебилъ его, толкнувъ къ двери, Термосесовъ.

— Ага, «вонъ!» значить, я васъ разгадаю: вы заодно съ Ахилкой.

— Ношелъ вонъ!

— Да-съ, да-съ. Вы меня позвали на лампоно, а вмѣсто того...

— Да... ну, такъ вотъ тебѣ и лампоно! — ствѣтилъ Термосесовъ и, щелкнувъ Препотенскаго по затылку, выкинулъ его за двери и задвинулъ щеколду.

Смотрѣвшій на всю эту сцену Ахилла смутился и, вставъ съ мѣста, взялъ свою шляпу.

— Чего это ты? куда?—спросилъ его, снова садясь за столъ, Термосесовъ.

— Нѣтъ; извините... Я домой.

— Допивай же свое лампоно.

— Нѣтъ; исчезни оно совсѣмъ, не хочу. Прощайте; мое почтеніе.—И онъ протянулъ Термосесову руку, но тотъ, не

подавая своей руки, вырвалъ у него шляпу и, бросивъ ее подъ свой стулъ, закричалъ: «сидь!»

— Нѣтъ, не хочу,—отвѣчалъ дьяконъ.

— Сидь, тебѣ говорятъ!—громче крикнулъ Термосесовъ, и такъ подернулъ Ахиллу, что тотъ плюхнулъ на табуретку.

— Хочешь ты быть попомъ?

— Нѣтъ, не хочу,—отвѣчалъ дьяконъ.

— Отчего же не хочешь?

— А потому, что я къ этому несроденъ и недостойнъ.

— Но, вѣдь, тебя протопопъ обижаетъ?

— Нѣтъ, не обижаетъ.

— Да, вѣдь, онъ у тебя, говорятъ, разъ палку отнялъ?

— Ну такъ что жъ, что отнялъ!

— И глупцомъ тебя называлъ?

— Не знаю, можетъ-быть, и называлъ.

— Донесемъ на него, что онъ нынче говорилъ.

— Что-о-о?

— А вотъ чтѣ!

И Термосесовъ нагнулся и, взявъ изъ-подъ стула шляпу Ахиллы, бросилъ ее къ порогу.

— Ну, такъ ты, я вижу, петербургскій мерзавецъ,—молвилъ дьяконъ, нагибаясь за своею шляпою; но въ это же самое время неожиданно получилъ оглушительный ударъ по затылку и очутился носомъ на садовой дорожкѣ, на которой въ ту же минуту явилась и его шляпа, а немного подальше сидѣлъ на колѣняхъ Препотенскій. Дьяконъ даже не сразу понялъ, какъ все это случилось, но, увидавъ въ дверяхъ Термосесова, погрозившаго ему садовою лопатой, понялъ, отчего ударъ былъ широкъ и тяжекъ, и протянулъ:

— Вотъ такъ лампоно. Спасибо, что поучилъ.

И съ этимъ онъ обратился къ Варнавѣ и сказалъ:

— Что же? пойдемъ, братъ, теперь по домамъ!

— Я не могу,—отвѣчалъ Варнава.

— Отчего?

— Да у меня, я думаю, на семь тѣлѣ синевы и болова голить.

— Ну, «болова голить», пройдетъ голова. Пойдемъ домой: я тебя провожу,—и дьяконъ сострадательно поднялъ Варнаву на ноги и повелъ его къ выходу изъ сада. На дворѣ уже разсвѣтало.

Отворяя садовую калитку, Ахилла и Препотенскій неожиданно встрѣтились лицомъ къ лицу съ Бизюкинѣмъ.

Либеральный акцизный чиновникъ Бизюкинъ, высокій, очень педурной собою человекъ, съ незначащею, но не злою физиономіею, только что возвратился изъ уѣзда. Онъ посмотрѣлъ на Ахиллу и Варнаву Препотенскаго и весело проговорилъ:

— Ну, ну, однако, вы, ребята, нарѣзались?

— Нарѣзались, братъ,—отвѣчалъ Ахилла:—могу сказать, что нарѣзались.

— Чѣмъ же это вы такъ угостились?—запыталъ Бизюкинъ.

— Ланшопомъ, другъ, насъ тамъ угощали. Иди туда въ бесѣдку: тамъ еще и на твою долю осталось.

— Да кто же тамъ? Жена? и кто съ нею?

— Діонисъ, тиранъ Сиракузскій.

— Ну, однакожъ, вы палезались!.. Какой тамъ тиранъ?.. А вы, Варнава Васильичъ, уже даже какъ будто и людей не узнаете?—отнесся акцизникъ къ Варнавѣ.

— Извините,—отвѣчалъ, робко кланяясь, Препотенскій.— Не узнаю. Знако лицомое, а гдѣ васъ помнилъ, не увижу.

— Вонъ онъ даже, какъ онъ бѣдный, ужъ совсѣмъ плохо заговорилъ! — произнесъ дьяконъ, и потащилъ Варнаву съ гостеприимнаго двора.

Спустя нѣсколько минутъ, Ахилла благополучно доставилъ Варнаву до дома и сдалъ его на руки просвириѣ, удивленной неожиданною пріязнью дьякона съ ея сыномъ и излившейся въ безмѣрныхъ ему благодарностяхъ.

Ахилла ничего ей не отвѣчалъ и, придя домой, поскорѣе потребовалъ у своей Эсперансы мѣдную гривну.

— Вы, вѣрно, обо что-нибудь ударились, отецъ-дьяконъ?—любопытствовала старуха, видя, какъ Ахилла жметъ къ затылку поданную гривну.

— Да, Эсперанса, я ударился, — отвѣчалъ онъ со вздохомъ:—но только если ты до теперешняго раза думала, что я на мою силу надѣюсь, такъ больше этого не думай. Отецъ протопопъ—министръ юстиціи; онъ правду мнѣ, Эсперанса, говоритъ: не хвались, Эсперанса, сильный силою своею, ни крѣпкій крѣпостью своею!

И Ахилла, отпустивъ *услужавшую*, присѣлъ на корточки къ огню и, все вздыхая, держалъ у себя на затылкѣ гривну и шепталъ:

— Такое ланпопò вздулось, что, по-настоящему, дня два показаться на улицу нельзя будетъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Протопопъ возвратился домой очень взволнованный и разстроенный. Такъ какъ онъ, по причинѣ праздника, пробылъ у исправника довольно долго, то домосѣдка - протопопница Наталья Николаевна, противъ своего всегдашняго обыкновенія, не дождалась его и легла въ постель, оставивъ, однако, дверь изъ своей спальни въ залъ, гдѣ спалъ мужъ, открытою. Наталья Николаевна непремѣнно хотѣла проснуться при возвращеніи мужа.

Туберозовъ это понялъ и, увидавъ отворенную дверь въ спальню жены, вошелъ къ ней и назвалъ ее по имени.

Наталья Николаевна проснулась и отозвалась.

— Не спишь?

— Нѣтъ, дружечка, Савелій Ефимычъ, не сплю.

— Ну, и благо; мнѣ хочется съ тобой говорить.

И старикъ присѣлъ на краешекъ ея кровати и началъ пересказывать женѣ свою бесѣду съ предводителемъ, а затѣмъ сталъ жаловаться на общее равнодушіе къ распространяющемуся повсемѣстно въ Россіи убѣжденію, что развитому человѣку «стыдно вѣровать». Онъ представилъ женѣ разныя свои опасенія за упадокъ нравовъ и потерю добраго идеала. И какъ человѣкъ вѣры, и какъ гражданинъ, любящій отечество, и какъ философствующій мыслитель, отецъ Савелій въ его семьдесятъ лѣтъ былъ свѣжъ, ясенъ и тепелъ: въ каждомъ словѣ его блестялъ здравый умъ, въ каждой нотѣ слышалась задушевная искренность.

Наталья Николаевна не прерывала возвышенныхъ и страстныхъ рѣчей мужа ни однимъ звукомъ, и онъ говорилъ на полной свободѣ, какой не давало ему положеніе его ни въ какомъ другомъ мѣстѣ.

— И представь же ты себѣ, Наташа! — заключилъ онъ, замѣтивъ, что уже начинаетъ разсвѣтать, и его канарейка, проснувшись, стала чинить о жердочку свой носикъ: — и представь себѣ, моя добрая старушка, что, вѣдь, ни въ чемъ онъ меня, Тугановъ, не опровергалъ и во всемъ со мною согласился, находя и самъ, что у насъ, какъ покойница Марѳа Андревна говорила, и хвостъ дологъ, и носъ дологъ, и мы стоимъ какъ кулики на болотѣ, да перекачи-

ваемся: носъ вытащимъ — хвостъ завязнеть, а хвостъ вы-
тащимъ — носъ завязнеть; но горячности, какой требуетъ
такое положеніе, не обличилъ... Ужасное равнодушіе!

Наталья Николаевна молчала.

— И въ дополненіе ко всему меня же еще называлъ
«маньякъ»!.. Ну, скажи, сдѣлай милость, къ чему это та-
кое названіе ко мнѣ можетъ относиться и послѣ чего?
(Савелій продолжалъ, понизивъ голосъ). Меня называлъ
«маньякомъ», а самъ мнѣ говоритъ... Я ему поставилъ
вопросъ, что все же, моль... мелко ли это или не мелко,
то, что я указываю, по все это знаменія царящаго въ об-
ществѣ духа. «И что же, моль, если теперь съ этою ме-
лочью не справимся, то какъ наибольшіе-то наши тогда ду-
маютъ справиться, когда это вырастетъ?» А онъ по этой,
ненавистной мнѣ, нашей русской шутливости изволилъ
оповѣдать анекдотъ, который, дѣйствительно, очень подхо-
дящъ къ дѣлу, но котораго я, по званію своему, никому,
кромѣ тебя, не могу и рассказать! Говоритъ, что былъ-де,
будто, одинъ какой-то офицеръ, который, вступивъ на по-
ходъ въ одну квартиру, замѣтилъ, по сосѣдству съ собою,
замѣчательную красавицу и, плѣняясь ея видомъ, тотчасъ
же, по своему полковому обычаю, позвалъ денщика и го-
воритъ: «какъ бы, братецъ, мнѣ съ сею красавицей позна-
комиться?» А денщикъ помялся на мѣстѣ, и какъ ставилъ
въ эту пору самоваръ, вдругъ восклицаетъ: «дымомъ пах-
нетъ!» Офицеръ вскочилъ и бросился въ комнату къ сей
прелестницѣ, говоря: «Ай, сударыня, у васъ дымомъ пах-
нетъ, и я пришелъ васъ съ вашею красотой спасти отъ
пламени пожара», и такимъ образомъ съ нею познакомился,
а денщика одарилъ и наполнилъ водкой. Но, спустя не ма-
лое время, тотъ же охотникъ до красоты, перейдя на дру-
гое мѣсто, также увидаль красивую даму, но уже не ря-
домъ съ собою, а напротивъ своего окна черезъ улицу, и
говоритъ денщику: «ахъ, познакомъ меня съ сею дамой!»
но тотъ, однако, сумѣлъ только отвѣтить снова то же са-
мое, что «дымомъ пахнетъ!» И офицеръ увидаль, что на-
прасно онъ полагался на умъ сего своего помощника, и
желаннаго знакомства черезъ него вторично уже не соста-
вилъ. Заклучай же, какая изъ сего является аналогія: у
насъ въ необходимость просвѣщеннаго человѣка вмѣняется
безвѣріе, издѣвка надъ родиною, въ оцѣнкѣ людей, небре-

женіе о святинѣ семейныхъ узъ, неразборчивость, а ино-сказательная красавица наша, наружная цивилизація, до-сталась намъ просто; но теперь, когда нужно знакомиться съ красавицей ипоку, когда нужна духовная самостоятель-ность... и сія красавица сидитъ насупротивъ у своего окна, какъ мы ее достанемъ? Хватимся и ахнемъ: «Ахъ, молъ, какъ бы намъ съ нею познакомиться!» А нескладные денщики что могутъ на сіе отвѣтить, кромѣ того, что, молъ, «дымомъ пах-нетъ». Что тогда въ этомъ проку, что «дымомъ пахнетъ»?

— Да,—уронила, вздохнувъ, Наталья Николаевна.

— Ну то-то и есть! Стало-быть, и тебѣ это ясно: кто же теперь «маньякъ»? Я ли, что, ясиѣе видя сіе, безпокоюсь, или тѣ, кому все это ясно и понятно, по которые смотрятъ на все спусти рукава: лишь бы-де по нашъ вѣкъ стало, а тамъ хоть все пропади! Вѣдь это - то и значитъ: «дымомъ пахнетъ». Не такъ ли, мой другъ?

— Да, голубчикъ, это, вѣрно, дѣвчонка встала самоваръ ставить!—проговорила скороговоркой соннымъ голосомъ На-талья Николаевна.

Туберовозъ понялъ, что онъ все время говорилъ воздуху, не пмѣющему ушей для того, чтобъ его слышать, и онъ по-никъ своею бѣлой головой и улыбнулся.

Ему припомнились слова, пѣкогда, давно сказанныя ему покойною боярыней Марею Плодомасовой: «А ты развѣ не одинокъ? Что же въ томъ, что у тебя есть жена добрая и тебя любитъ, а все же чѣмъ ты болѣешь, ей того не по-нять. И такъ всякъ, кто подальше брата видитъ, будетъ одинокъ промежь своихъ».

— Да, одинокъ! всеѣрно одинокъ! — прошептали ста-рикъ. — И вотъ когда я это особенно почувствовалъ, когда наиболѣе не хотѣлъ бы быть одинокимъ, потому что... маньякъ ли я или не маньякъ, но... я рѣшился долѣе ни-чего этого не терпѣть, и на что рѣшился, то совершу, хотя бы то было до дерзости...

И старикъ тихо поднялся съ кровати, чтобы не нарушить покоя спящей жены, перекрестилъ ее и, набивъ свою трубку, вышелъ съ нею на дворъ и присѣлъ на крылечкѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

У Туберовоза была большая рѣшимость на дѣло, о ко-торомъ долго думалъ, на которое давно порывался и о ко-

торомъ никому не говорилъ. Да и съ кѣмъ онъ могъ совѣтоваться? Кому могъ онъ говорить о томъ, что задумалъ? Не смиренному ли Захарю, который «естъ такъ, какъ бы его нѣтъ»; удалому ли Ахиллѣ, который живетъ какъ стихійная сила, не зная самъ для чего и къ чему онъ поставленъ; не чиновникамъ ли, или не дамамъ ли, или, наконецъ, даже не Туганову ли, отъ котораго онъ ждалъ поддержки, какъ отъ коренного русскаго барина? Нѣтъ, никому и даже ни своей елейной Натальѣ Николаевнѣ, которой запахъ дыма и во снѣ только напоминаетъ одинъ самоваръ...

— Она, голубка, и во снѣ озабочена, печется однимъ, какъ бы согрѣть и напоить меня, стараго, теплымъ, а не знаетъ того, что согрѣть меня можетъ иной уголь, горящій во мнѣ самомъ, и лишь живая струя властна напоить душевную жажду мою, которой нѣтъ утоленія при одной мысли, что я старый... сѣдой... полумертвецъ... умру лежащимъ камнемъ и... потеряю утѣшеніе сказать себѣ предъ смертью, что... силился, по крайней мѣрѣ, присягу выполнить и... и возбудить упавшій духъ собратій!

Старикъ задумался. Тонкія струйки вапштафнаго дыма, вылетая изъ - подъ его сѣдыхъ усовъ и разносясь по воздуху, окрашивались янтарною пронизью взоспедшаго солнца; куры слетѣли съ насѣстей и, выйдя изъ закутки, отряхивались и чистили перья. Вотъ на мосту заигралъ въ липовую дудку пастухъ; на берегу зазвенѣли о водоносъ пустыя ведра на плечахъ босой бабы; замычали коровы и собственная работница протопопа, крести зѣвající ротъ, погнала за ворота хворостиной коровку; канарейка трещить на окнѣ и день во всемъ сіяніи.

Вотъ ударили въ колоколь.

Туберозовъ позвалъ работника и послалъ его за дьячкомъ Павлюканомъ.

— Да,—размышлялъ въ себѣ протопопъ:—надо уйти отъ себя, непременно уйти и... покинуть многозаботливость. Поншу сего.

На порогѣ калитки показалась молодая цыганка съ ребенкомъ у груди, съ другимъ за спиной и съ тремя цѣплявшимися за ея лохмотья.

— Даѣ что - нибудь, панъ отецъ, счастливый, талантливый!—пристѣнула она къ Савелію.

— Что жъ я тебѣ дамъ, несчастливая и безгаланная! Жена спитъ, у меня денегъ нѣтъ.

— Дай что-нибудь, что тебѣ не надо; за то тебѣ честь и счастье будетъ.

— Что же бы не надобно мнѣ? А, а! Ты дѣло сказала: — у меня есть, что мнѣ не надо!

И Туберововъ сходилъ въ комнаты и, вынеся оттуда свои чубуки съ трубками, бисерный кisetъ съ табакомъ и жестянку, въ которую выковыривалъ пенель, подаль все это цыганкѣ и сказалъ:

— На тебѣ, цыганка, отдай это все своему цыгану, — ему это пристойнѣе.

Наталья Николаевна спала и протопопъ винилъ въ этомъ себя, потому что все-таки онъ долго мѣшалъ ей уснуть то своимъ отсутствіемъ, то своими разговорами, которыхъ она хотя и не слушала, но которые, тѣмъ не менѣе, все-таки ее будили.

Онъ пошелъ въ конюшню и самъ задалъ двойную порцію овса парѣ своихъ маленькихъ бурыхъ лошадокъ и тихо шелъ черезъ дворъ въ комнаты, какъ вдругъ неожиданно увидалъ входившаго въ калитку разсыльнаго солдата акцизнаго Бизюкина. Солдатъ былъ съ книгой.

Протопопъ взялъ изъ его рукъ разносную книгу и, развернувъ ее, весь побагровѣлъ; въ книгѣ лежалъ конвертъ, на которомъ написанъ былъ слѣдующій адресъ: «Благочинному Старгородскаго уѣзда, протопопу Савелію Туберкулову». Слово «Туберкулову» было слегка перечеркнуто и сверху написано: «Туберовову».

— Велѣли сейчасъ росписку представить, — сказалъ солдатъ.

— А кто это велѣлъ?

— Этого пріѣзжаго чиновника секретарь.

— Ну, подождать.

Протопопъ понялъ, что это было сдѣлано не спроста, что съ нимъ идутъ на задоръ и, вѣроятно, имѣютъ за что зацѣпиться.

«Что бъ это такое могло быть? И такъ рано... ночь, вѣрно, не спали, сочиния какую-нибудь мерзость... Люди досужіе!»

Думая такимъ образомъ, Туберововъ вступилъ въ свою залитую солнцемъ зальцу и, падѣвъ круглыя серебряныя очки, распечаталъ любопытный конвертъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Щекотливая бумага была нѣчто безформенное, которымъ въ неприятныхъ, каверзливыхъ выраженіяхъ, какими презобилуетъ канцелярскій языкъ, благочинный Туберозовъ не то приглашался, не то вызывался «конфиденціально» къ чиновнику Борноволокову «для дачи объясненій относительно важныхъ предметовъ, а также соблазнительныхъ и непристойныхъ поступковъ дьякона Ахиллы Десницына».

— Фу, ты, прахъ васъ возьми, да ужъ это не шутка ли глупѣйшая?.. Неужто ужъ они вздумали шутить надо мною такимъ образомъ?! Но нѣтъ, это не шутка: «Туберкулову»... Фамилія моя перековеркана съ явнымъ умысломъ оскорбить меня и... и потомъ «соблазнительное и непристойное поведение» Ахиллы!.. Чтò все это такое значить и на чтò сплетается?.. Дабы ихъ не потѣшить и не внести въ погрѣшность, испробуемъ методъ выжидательный, въ неясныхъ случаяхъ единственно умѣстный.

Протопопъ взялъ перо и подъ текстомъ безформенной бумаги написалъ: «Благочинный Туберозовъ, не имѣя чести знать полномочій требующаго его лица, не можетъ почитать въ числѣ своихъ обязанностей явку къ нему по сему зову или приглашенію», и потомъ, положивъ эту бумагу въ тотъ же конвертъ, въ которомъ она была прислана, онъ надписалъ поперекъ адреса: «Обратно тому, чьего титула и величанія не знаю».

Кинувъ все это въ ту же размыльную книгу, въ которой бумага была доставлена, онъ вышелъ на крыльцо и отдалъ книгу солдату; явившемуся длинному дьячку Павлюкану велѣлъ мазать кибитку и готовиться черезъ часъ ѣхать съ нимъ въ уѣздъ по благочинію, а работницу послалъ за Ахиллой.

Межъ тѣмъ встала Наталья Николаевна и, много извиняясь предъ мужемъ, что она вчера уснула во время его разсказа, начала собирать ему его обыкновенный путевой чемоданчикъ, но при этомъ была удивлена тѣмъ, что на вопросъ ея: куда сунуть табакъ? протопопъ коротко отвѣчалъ, что онъ больше не курить табаку, и вслѣдъ затѣмъ обратился къ вошедшему въ эту минуту дьякону.

— Я сейчасъ ѣду по благочинію, а тебя попросилъ къ себѣ, чтобы предупредить,—заговорилъ онъ къ Ахиллѣ, но тотъ его сейчасъ же перебилъ.

— Ужъ покорно васъ благодарю, отецъ протоіерей, я уже предупрежденъ.

— Да; но это пока еще ничего: не очень-то я сего пугаюсь, но, пожалуйста, прошу тебя, будь ты хотя въ мое отсутствіе посолдиѣе.

— Да ужъ теперь, отецъ протоіерей... хоть бы и вы не изволили говорить, такъ все кончено.

Туберозовъ остановился и посмотрѣлъ на него пристальнымъ, проникающимъ взоромъ. Фигура и лицо дьякона были не въ аванажѣ; его густые, природные локоны лежали на головѣ какъ сдвинувшаяся фальшивая накладка; правый високъ былъ слишкомъ далеко облаженъ, лѣвый закрытъ до самаго глаза.

Протопопъ смекалъ, что бѣ это такое еще могло случиться съ неосторожнымъ дьякономъ, а тотъ, потупивъ глаза въ свою шляпу, заговорилъ:

— Я еще вчера же, отецъ протопопъ... какъ только пришелъ домой отъ Бизюкиныхъ... потому что мы всѣ отъ исправника къ ней еще заходили, какъ вернулся, сейчасъ и сказалъ своей служащей: нѣтъ, говорю, Эсперанса, отецъ Савелій справедливъ: не надѣйся сильный на свою силу и не хвались своею крѣпостью.

Протопопъ, вмѣсто отвѣта, подошелъ къ дьякону и приподнялъ рукой волосы, не въ мѣру закрывшіе всю лѣвую часть его лица.

— Нѣтъ, отецъ Савелій, здѣсь ничего, а вотъ тутъ, — тихо проговорилъ Ахилла, переводя руку протопопа себѣ на затылокъ.

— Стыдно, дьяконъ, — сказалъ Туберозовъ.

— И больно дѣла, отецъ протопопъ! — отвѣчалъ, ударивъ себя въ грудь, Ахилла, и горько заплакалъ, лепеча: — За это я себя теперь ежечасно буду угрызать.

Туберозовъ не подлилъ ни одной капли въ эту чашу страданія Ахиллы, а, напротивъ, отполнилъ отъ нея то, что лилось черезъ край; онъ прошелся по комнатѣ и, тронувъ дьякона за руку, сказалъ:

— Помнишь ли, ты меня когда-то весьма хорошо укорялъ трубкой?

— Простите.

— Нѣтъ; я тебѣ за это благодаренъ и хотя особенно худого въ этомъ куреніи не усматриваю и привычку къ сему

имѣть, но дабы не простирать рѣчей, сегодня эту привычку бросить и всѣ свои трубки цыганамъ отдать.

— Цыганамъ!—воскликнулъ, весь просіявъ, дьяконъ.

— Да; это тебѣ все равно, кому я ихъ отдать, но отдай же и ты кому-нибудь свою удачу: ты не юнона, тебѣ пятьдесятъ лѣтъ, и ты не казакъ, потому что ты въ рясахъ. А теперь еще разъ будь здоровъ, а мнѣ пора ѣхать.

И Туберозовъ уѣхалъ, а дьяконъ отправился къ отцу Захарію, чтобъ упросить его немедленно же подъ какимъ-нибудь предлогомъ сходить къ акцизному и узнать, изъ какого званія происходитъ Термосесовъ?

— А на что это тебѣ?—отвѣчалъ Бенефактовъ.

— Да надобно же мнѣ знать, чьего онъ роду, племени и какого отца съ матерью.

Захарія взялся забрать эту необходимую для Ахиллы справку.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ домѣ Визюкина утро этого дня было очень неблагополучно: акцизница хватилась бывшего на ней вчера вечеромъ дорогого брильянтоваго кольца и не нашла его. Прислуга была вся на ногахъ; хозяйева тоже. Пропажу искали и въ бесѣдкѣ, и по всему дому, и нигдѣ не находили.

Борноволоковъ приступилъ къ ревизіи, а Термосесовъ былъ ожесточенно занятъ: онъ все возился около тарантаснаго ящика, служившаго вмѣстилищемъ его подвижности. Доставъ отсюда изъ своей фотографической коллекціи нѣсколько карточекъ членовъ Императорской Фамиліи, Термосесовъ почистилъ резинкой и почижкомъ тѣ изъ нихъ, которыя ему показались запыленными, и потомъ, положивъ ихъ въ конвертикъ, началъ писать письмо въ Петербургъ къ какому-то несуществующему своему пріятелю. Не зная плановъ Термосесова, объяснить себѣ этого невозможно. Онъ тутъ описывалъ красу природы, цвѣтъ розо-желтый облаковъ и потомъ свою дружбу съ Борноволовымъ и свои блестящія надежды на служебную карьеру и наслѣдство въ самарской губерніи, а въ концѣ прибавлялъ легкій эскизъ видѣннаго имъ вчера старогородскаго общества, которое раскритиковалъ страшно и сдѣлалъ изъятіе для одной лишь почтмейстерши. «Эта женщина,—писалъ онъ,—

вполнѣ достойна того, чтобы на ней остановиться. Представь, что тутъ даже какъ будто что-то роковое; я увидалъ ее и сразу почувствовалъ къ ней что-то сыновнее. Просто скажу тебѣ, что, кажется, если бь она меня захотѣла высѣчь, то я поцѣловалъ бы у нея съ благодарностью руку. А впрочемъ, я и самъ еще не знаю, чѣмъ это кончится; у нея есть двѣ дочери. Одна изъ нихъ настоящая мать, да и другая, вѣрно, будетъ не хуже. Кто, братъ, знаетъ, для чего несповѣданныя судьбы сблизили меня съ этимъ семействомъ высокоуважаемой женщины? Можетъ-быть, придется пропѣть: «ты прости-прощай, волюшка». Не осуждай, братъ, а лучше, когда будешь ѣхать домой, заката и самъ сюда на недѣлку! Кто, братъ, знаетъ, что и съ тобой будетъ, какъ увидишь? Одному, вѣдь, тоже жить не радостно, а тѣмъ паче теперь, когда мы съ тобой въ хлѣбъ насущномъ обезпечены, да еще людямъ помогать можемъ! Затѣмъ прощай покуда. Я тебѣ, впрочемъ, вѣрно, опять скоро буду писать, потому что я изъ лица этой почтенной почтмейстерши задумалъ сдѣлать литературный очеркъ и черезъ тебя пошлю его, чтобы напечатать въ самомъ лучшемъ журналѣ. Твой Термосесовъ».

Адресовавъ письмо на имя Николая Ивановича Иванова, Термосесовъ погнулъ запечатанный конвертъ между двумя пальцами и, убѣдясь, что такимъ образомъ можно прочесть всю его приписку насчетъ почтмейстерши, крикнулъ и сказалъ: «ну-ка, посмотримъ теперь, правду ли говорилъ вчера Препотенскій, что она поддѣпливаетъ письма? Если правда, такъ я благоустроюсь».

Съ этимъ онъ взялъ письмо и карточки, и пошелъ въ почтовую контору. Кромѣ этого письма, въ карманѣ Термосесова лежало другое сочиненіе, которое онъ написалъ въ тѣ же ранніе часы, когда послалъ повѣстку Туберовову. Въ этомъ писаніи значилось:

«Комплотъ демократическихъ социалистовъ, маскирующихся патриотизмомъ, встрѣчается повсюду, и здѣсь онъ группируется изъ чрезвычайно разнообразныхъ элементовъ, и что всего вредоноснѣе, такъ это то, что въ этомъ комплотѣ уже въ значительной степени участвуетъ духовенство, — элементъ чрезвычайно близкій къ народу и потому самый опасный. Результаты печальныхъ промаховъ либеральной терпимости здѣсь безмѣрны и неисчислимы. Скажу одно: съ

тѣхъ поръ, какъ нѣкоторымъ газетамъ дозволено было истолковать значеніе, какое имѣло русское духовенство въ Галиціи, и наши многіе священники видимо стремятся подражать галицкимъ духовнымъ. Они уже не довольствуются однимъ исполненіемъ церковныхъ требъ, а агитируютъ за свободу церкви и за русскую народность.

«Старогородскій протопопъ Савелій Туберовозъ, уже не однажды обращавшій на себя вниманіе начальства своимъ свирѣпымъ и дерзкимъ характеромъ и вреднымъ образомъ мыслей, былъ многократно и воздерживаемъ отъ своихъ неспозволительныхъ поступковъ, но, однако, воздерживается весьма мало и въ сущности полонъ всякихъ революціонныхъ началъ.

«Не хочу предрѣшать, сколько онъ можетъ быть вреденъ дѣламъ правительства, но я полагаю, что вредъ, который онъ можетъ принести, а частію уже и приноситъ, великъ безконечно. Протопопъ Туберовозъ пользуется здѣсь большимъ уваженіемъ у всего города, и должно сознаться, что онъ владетъ несомнѣннымъ умомъ и при томъ смѣлостью, которая, будучи развита должимъ потворствомъ начальства, доходитъ у него до безстрашія. Такой человекъ долженъ бы быть во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ ограниченъ какъ можно строже, а онъ между тѣмъ говоритъ обо всемъ, нимало не стѣсняясь, и вдобавокъ еще пользуется правомъ говорить всенародно въ церкви.

«Этотъ духовный элементъ, столь близкій къ народу, съ другой стороны видимо начинаетъ сближаться и со всею земщиной, то-есть съ помѣстнымъ дворянствомъ. Такъ, напримѣръ, этотъ подозрительный протопопъ Туберовозъ пользуется, повидимому, расположеніемъ и покровительствомъ предводителя Туганова, личность и взгляды котораго столь вамъ извѣстны. Г. Тугановъ, бывъ здѣсь на вечерѣ у здѣшняго исправника, говорилъ, что «отъ земли застыть солнце», очевидно, разумѣя подъ словомъ *земля*—народъ, а подъ солнцемъ—монарха, но а кто же застыть, то уже не трудно опредѣлить, да, впрочемъ, онъ и самъ это объяснилъ, сказавъ въ разговорѣ, что онъ человекъ земскій, а *губернаторъ калифъ на часъ*». И наконецъ, кромѣ всего этого, когда ему одинъ здѣшній учитель Препотенскій, человекъ совершенно глупый, но вполне благонадежный, сказалъ, что всѣ мы не можемъ отвѣчать: чѣмъ

и какъ Россія управляется? то онъ съ наглою циничностью отвѣчалъ: «я, говорить, въ этомъ случаѣ питаю большое довѣріе къ словамъ Екатерининскаго Панина, который говорилъ, что *Россія управляется милостію Божіею и глупостію народною*». На все это имѣю честь обратить вниманіе вашего превосходительства, и при семъ считаю своею обязанностью свидѣтельствовать предъ вашимъ превосходительствомъ о незамѣнимыхъ заслугахъ находящагося при мнѣ вольнонаемнаго канцелярскаго служителя Измаила Петрова Термосесова, тонкой наблюдательности котораго и умѣнью проникать во всѣ слои общества я обязанъ многими драгоценными свѣдѣніями, и смѣю выразить ту мысль, что если бы начальству угодно было употребить этого даровитаго чловѣка къ самостоятельной работѣ въ наблюдательномъ родѣ, то онъ несомнѣнно могъ бы принести пользу безмѣрную».

Идучи съ этою бумагой, Термосесовъ кусалъ себѣ губы и вопрошалъ себя:

«Подпишетъ ли каналья Борноволокновъ эту штуку? Да ничего, — хорошенько нажму, такъ все подпишетъ!»

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Термосесовъ зашелъ сначала въ контору, подалъ здѣсь письмо и потомъ непосредственно отправился къ почтмейстершѣ. Они встрѣтились друзьями; онъ поцѣловалъ ея руку, она чмокнула его въ темя и благодарила за честь его посѣщенія.

— Помилуйте, мнѣ васъ надо благодарить, — отвѣчалъ Термосесовъ: — такая скука. Даже всю ночь не спалъ отъ страха, гдѣ я и съ кѣмъ я?

— Да, она такая невнимательная, Дарья Николаевна, то-есть не невнимательная, а не хозяйка.

— Да, кажется.

— Какъ же! она вѣдь все за книгами.

— Скажите, какія глупости! Тутъ надо смотрѣть, а не читать. Я, знаете, какъ вчера всѣхъ вашихъ посмотрѣлъ и послушалъ... просто ужась.

— Ужъ я говорила вчера дочерямъ: весело, я говорю, должно-быть, было нашему заѣзжему гостю?

— Нѣтъ; относительно этого ничего. Я, вѣдь, служу не изъ-за денегъ, а больше для знакомства съ красмъ.

— Ахъ, такъ вы у насъ найдете бездну матеріаловъ для наблюденья!

— Вотъ именно *для наблюденья!* А вотъ кстати и тѣ портреты, которые вы мнѣ позволили принесть. Позвольте я ихъ развѣшу.

Почтмейстерша не знала, какъ ей благодарить.

— Это будетъ работа, которою я съ удовольствіемъ займусь, пока увижу вашихъ прекрасныхъ дочерей... Надѣюсь, я ихъ увижу?

Почтмейстерша отвѣчала, что онѣ еще не одѣты, потому что хозяйничаютъ, но что, тѣмъ не менѣе, онѣ выйдутъ.

— Ахъ, прошу васъ, прошу васъ объ этомъ,—умоляла Термосесовъ, и когда обольщенная имъ хозяйка вышла, онъ сталъ размѣщать по стѣнѣ портреты на гвоздяхъ, которые принесть съ собою въ карманѣ.

Туалетъ дѣвицы продолжался около часа, и во все это время не являлась и почтмейстерша.

«Добрый знакъ, добрый знакъ! — думалъ Термосесовъ.— Вѣрно зачиталась моею литературою».

Но вотъ появились и предводимыя матерью дѣвицы: Измаиль Петровичъ кинулъ быстрый и пронзительный взглядъ на мать. Она сіяла и брызгала лучами восторга.

«Клюнула моего червячка, клюнула!» мигнувъ себѣ Термосесовъ и удесятерилъ свою очаровательную любезность. Но чтобы еще вѣрнѣй дознаться, «клюнула» ли почтмейстерша, онъ завелъ опять рѣчь о литературѣ и о своемъ дорожномъ альбомѣ впечатлѣній и замѣтокъ.

— Портретовъ! Бога ради, болѣе портретовъ! болѣе картинокъ съ натуры!—просила почтмейстерша.

— Да, я ужъ написалъ, какъ мнѣ представилось все здѣшнее общество и, простите, упомянулъ о васъ и о вашей дочери... Такъ, знаете, немножко, вскользь... Вотъ если бы можно было взять назадъ мое письмо, которое я только что подаль...

— Ахъ, нѣтъ, на чтѣ же!—отвѣчала, вспыхнувъ, почтмейстерша.

«Клюнула, разбойница, клюнула!»—утѣшался Термосесовъ, и настаивалъ на желаніи прочесть дамамъ то, что онъ о нихъ написалъ. Въ залѣ долгое время только и слышалось: «Нѣтъ, на чтѣ же читать? мы вамъ и такъ вѣримъ!» и «Нѣтъ-съ, почему же не прочесть?.. Вы мнѣ, Бога ради, не довѣряйтесь!»

Доводы Термосесова слишком соблазнительно дѣйствовали на любопытство дѣвицъ; изъ нихъ то одна, то другая начали порываться сбѣгать къ отцу въ контору и принесть интересное письмо заѣзжаго гостя.

Какъ почтмейстерша ни останавливала ихъ и словами и знаками, онѣ все-таки не понимали и рвались, но зато Термосесовъ понялъ все въ совершенствѣ: письмо было въ рукахъ хозяйки, теперь его надо было взять только изъ ея рукъ и тѣмъ ее самой взять въ руки.

Термосесовъ, не задумываясь ни на одну минуту, сорвался съ мѣста и, не смотря на всѣ удерживанья и зовы, бросился съ предупредительностью въ контору, крича, что онъ, наконецъ, и самъ уже не властенъ отказать себѣ въ удовольствіи представить дамамъ легкіе штрихи своихъ глубокихъ отъ нихъ восторговъ.

Удержать его стремительности не могли никакія просьбы, а письма въ конторѣ, дѣйствительно, не было.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Измаилъ Петровичъ возвратился къ дамамъ въ крайнемъ смущеніи и засталъ ихъ въ еще болѣешемъ. Дѣвицы при его приходѣ обѣ вскочили и убѣжали, чтобы скрыть слезы, которыя прошибли ихъ отъ материнской гонки, но почтмейстерша сама осталась на жертву.

Термосесовъ сталъ передъ нею молча и улыбался.

— Я вижу васъ,—заговорила, жеманясь, дама:— и мнѣ стыдно.

— Письмо у васъ?

— Что дѣлать? я не утерпѣла: вотъ оно.

— Это хорошо, что вы этимъ не пренебрегаете,—похвалилъ ее Термосесовъ, принимая изъ ея рукъ свое запечатанное письмо.

— Нѣтъ, мнѣ стыдно, мнѣ ужасно стыдно, но что дѣлать... я женщина...

— Полноте, пожалуйста! Женщина! тѣмъ лучше, что вы женщина. Женщина-другъ всегда лучше друга-мужчины, а я довѣрчивъ какъ дуракъ и нуждаюсь именно въ такой... въ женской дружбѣ! Я сошелся съ господиномъ Борноволоковымъ... Мы давно друзья, и онъ и теперь именно болѣе мой другъ, чѣмъ начальникъ, по крайней мѣрѣ, я такъ думаю.

— Да, я вижу, вижу; вы очень доверчивы и просто-душны.

— Я дуракъ-съ въ этомъ отношеніи! совершенный дуракъ! Меня маленькія дѣти и тѣ надуваютъ!

— Это нехорошо, это ужасно нехорошо!

— Ну, а что же вы сдѣлаете, когда ужъ такая натура? Миѣ одна особа, которая знаетъ нашу дружбу съ Борноволоквымъ, говоритъ ей, Измаиль Петровичъ, ты слишкомъ глупо доверчивъ! Не полагайся, братъ, на эту дружбу коварную. Борноволоквъ въ глаза одно, а за глаза совсѣмъ другое о тебѣ говоритъ, но я все-таки не могу и вѣрю.

— Зачѣмъ же?

— Да вотъ подите жь! какъ въ нѣсенкѣ поется: «И тебя возненавидѣть и хочу, да не могу». Не могу-съ, я не могу по однимъ подозрѣніямъ перемѣнять свое мнѣніе о человѣкѣ, но... если бы миѣ представили доказательства!.. если бы я могъ слышать, что онъ говоритъ обо миѣ за глаза, или видѣть его письмо!... О, тогда я весь вѣкъ мой не забылъ бы услугъ этой дружбы.

Почтмейстерша пожалѣла, что она даже и въ глаза не видала этого коварнаго Борноволокова, и спросила: нѣтъ ли у Термосесова карточки этого предателя?

— Нѣтъ, карточки нѣтъ; но письмо есть. Вотъ его черкъ.

И онъ показалъ и оставилъ на столѣ у почтмейстерши обрывокъ листка, исписаннаго рукой Борноволокова.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Эта вторая удочка была брошена еще мѣтче первой, и предъ вечеромъ, когда Термосесовъ сидѣлъ съ Борноволоквымъ и Бизюкинымъ за кофе, явился почтальонъ съ просьбой, чтобъ Измаиль Петровичъ сейчасъ пришелъ къ почтмейстершѣ.

— А, да! я ей далъ слово ѣхать нынче съ ними за городъ въ какую-то роцу и было совсѣмъ позабылъ! — отвѣчалъ Термосесовъ и ушелъ вслѣдъ за почтальономъ.

Почтмейстерша встрѣтила его одна въ залѣ и, сжавъ его руку, прошептала:

— Ждите меня! я сейчасъ приду, — и съ тѣмъ она вышла.

Когда почтмейстерша чрезъ минуту обратно вернулась, Термосесовъ стоялъ у окна и билъ себя по спинѣ фураж-

кой. Почтмейстерша осмотрѣлась; заперла на ключь дверь и, молча вынувъ изъ кармана письмо, подала его Термосесову.

Термосесовъ взялъ конвертъ, но не раскрывалъ его: онъ игралъ роль простяка и какъ будто ожидалъ поясненія, что ему съ этимъ письмомъ дѣлать?

— Смѣло, смѣло читайте, сюда никто не взойдетъ,—проговорила ему хозяйка.

Термосесовъ прочелъ письмо, въ которомъ Борноволокъ жаловался своей петербургской кузинѣ Ниинѣ на свое несчастіе, что онъ въ Москвѣ случайно попался Термосесову, котораго при этомъ называлъ «страшнымъ негодяемъ и мерзавцемъ», и просилъ кузину Ниину «работать всѣми силами и связями, чтобы дать этому подлецу хорошее мѣсто въ Польшѣ, или въ Петербургѣ, потому что иначе онъ, зная всѣ старія шлюстки, можетъ надѣлать чортъ знаетъ какого кавардаку, такъ какъ онъ способенъ удивить свѣтъ своею подлостью, да и къ тому же едва ли не воръ, такъ какъ всюду, гдѣ мы побываемъ, начинаются пронажи».

Термосесовъ дочиталъ это письмо своего друга и начальника очень спокойно, не дрогнувъ ни однимъ мускуломъ, и, кончивъ чтеніе, молча же возвратилъ его почтмейстершѣ.

— Узнаете вы своего друга?

— Не ожидалъ этого! Убей меня Богъ, не ожидалъ!—отвѣчалъ Термосесовъ, вздохнувъ и закачавъ головой.

— Я признаюсь,—заговорила почтмейстерша, вертя съ угла на уголь возвращенное ей письмо:—я даже изумилась... Миѣ моя дѣвушка говоритъ: барыня, барыня! какой-то незнакомый господинъ бросилъ письмо въ ящикъ! Я говорю: ну, что жъ такое? а сама, впрочемъ, думаю, зачѣмъ же письмо въ ящикъ? у насъ это еще не принято; у насъ письмо въ руки отдають. Честный человекъ не станетъ таиться, что онъ посылаетъ письмо, а это непременно какая-нибудь подлость! И вы не повѣрите, какъ и почему?.. просто по какому-то предчувствію говорю: нѣтъ, я чувствую, что это непременно угрожаетъ чѣмъ-то этому молодому человеку, котораго я... полюбила какъ сына.

Термосесовъ подалъ почтмейстершѣ руку и поцѣловалъ ея руку.

— Право,—заговорила почтмейстерша съ непритворными первыми слезами на глазахъ.—Право... я говорю, что жъ, онъ здѣсь одинъ... я его люблю, какъ сына; я въ этомъ не ошибаюсь и, слава Богу, что я это прочитала.

— Возьмите его, — продолжала она, протягивая письмо Термосесову:—возьмите и уничтожьте.

— Уничтожить? — зачѣмъ? Нѣтъ, я его не уничтожу. Нѣтъ; пусть его идетъ, куда послано, но копійку позвольте, я только сниму съ него для себя копійку.

Термосесовъ сразу сообразилъ, что хотя это письмо и не лестно для его чести, но зато весьма для него выгодно въ томъ отношеніи, что ужъ его, какъ человѣка опаснаго, непременно пристроятъ на хорошее мѣсто.

Списавъ себѣ копію, Термосесовъ, однако, спряталъ въ карманъ и оригиналь и ушелъ погулять.

Онъ проходилъ до поздняго вечера по загороднымъ полямъ и вернулся поздно, когда уже супруги Бизюкины отошли въ опочивальню, а Борноволоковъ сидѣлъ одинъ и что-то писалъ.

— Строчите вы, ваше сіятельство? Уже опять что-то строчите?—заговорилъ весело Термосесовъ.

Въ отвѣтъ послѣдовало одно короткое, безстрастное «да».

— Вѣрно, опять какую-нибудь гадость сочиняете?

Борноволоковъ вздрогнулъ.

— Ну, такъ и есть! — лѣниво произнесъ Термосесовъ, и вдругъ неожиданно заперъ дверь и взялъ ключъ въ карманъ.

Борноволоковъ вскочилъ и быстро началъ рвать наизусть имъ бумажку.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Жестоковыйный проходимецъ расхохотался.

— Ахъ, какъ вы сполошились!—заговорилъ онъ.—Я заперъ дверь единственно для того, чтобы посвободнѣе съ вами поблагодарствовать, а вы все сочиненіе порвали.

Борноволоковъ сѣлъ.

— Подпишите вотъ эту бумажку. Только, чуръ, ее не рвать.

Термосесовъ положилъ предъ нимъ ту безформенную бумагу, въ которой описалъ правду и неправду о Туберововѣ съ Тугановымъ и положилъ себѣ аттестацію.

Борноволоковъ безстрастно прочелъ ее всю отъ начала до конца.

— Что же,—спросил Термосесовъ, видя, что чтеніе окончено:—подписываете вы, или нѣтъ?

— Я могъ бы вамъ сказать: что я удивляюсь, по...

— Но я васъ уже огучилъ мнѣ удивляться! Я это прекрасно знаю, и я и самъ вамъ тоже не удивляюсь!—и Термосесовъ положилъ предъ Борноволокковымъ копію съ его письма кузинѣ Нинѣ, и добавилъ:

— Подлинникъ у меня-съ.

— У васъ?.. но какъ же вы смѣли?

— Ну, вотъ еще мы съ вами станемъ про смѣлость говорить! Этотъ документъ у меня по праву сильнаго и разумнаго.

— Вы его украли?

— Укралъ.

— Да это просто чортъ знаетъ что!

— Да какъ же не чортъ знаетъ что: быть другомъ и пріятелемъ, вмѣстѣ Россію собираться уничтожить, и вдругъ потомъ аттестовать меня чуть не послѣднимъ подлецомъ и негодяемъ! Нѣтъ, батенька: это нехорошо, и вы за то мнѣ совѣмъ другую аттестацію пропишите.

Борноволокковъ вскочилъ и заходилъ.

— Сядьте: это вамъ ничего не поможетъ!—приглашалъ Термосесовъ.—Надо кончить дѣло миролюбиво, а то я теперь съ этимъ вашимъ письмомъ, заключающимъ указанія, что у васъ въ прошедшемъ хвостъ не чистъ, знаете куда могу васъ спрятать? Оттуда уже ни полячишки, ни кузина Нина не выручатъ.

Борноволокковъ нетерпѣливо хлопнулъ себя по ляжкамъ и воскликнулъ:

— Какъ вы могли украсть мое письмо, когда я его самъ своими руками опустилъ въ почтовый ящикъ?

— Ну, вотъ разгадывайте себя по субботамъ: какъ я укралъ? Это уже мое дѣло, а я въ послѣдній разъ вамъ говорю: подписывайте! На первомъ листѣ напишите вашу должность, чинъ, имя и фамилію, а на коніи съ вашего письма сдѣлайте скрѣпу и еще два словечка, которыя я вамъ продиктую.

— Вы... вы мнѣ продиктуете?

— Да, да; я вамъ продиктую, а вы ихъ напишите, и дадите мнѣ тысячу рублей отсталого.

— Отсталого!.. за что?

— За свой покой безъ меня.

— У меня нѣтъ тысячи рублей.

— Я вамъ подь расписку повѣрю. Рублей сто, полтора-ста наличностью, а то я подожду... Только ужь вотъ что: разговаривать я долго не буду: вуде-ву, такъ вуде-ву, а не вуде-ву, какъ хотите: я вамъ имѣю честь откланяться и удаляюсь.

Борноволокъ шагаль мимо по комнатѣ.

— Думайте, думайте! такого дѣла не обдумавши не слѣдуетъ дѣлать, но только все равно ничего не выдумаете: я свои дѣла аккуратно веду, — молвилъ Термосесовъ.

— Давайте я подпишу, — рѣзко сказалъ Борноволокъ.

— Извольте-сь!

Термосесовъ обгертъ полой перо, обмакнулъ его въ чернило и почтительно подаль Борноволокову вмѣстѣ съ коншей его письма къ петербургской кузинѣ Нинѣ.

— Чтò писать?

— Сейчасъ-сь.

Термосесовъ крикнулъ и началъ:

— Извольте писать: «Подлецъ Термосесовъ».

Борноволокъ остановился и вытаращилъ на него глаза.

— Вы въ самомъ дѣлѣ хотите, чтобъ я написалъ эти слова?

— Непремѣнно-сь; пишете: «Подлецъ Термосесовъ»...

— И вамъ это даже не обидно?

— Вѣдь, все на свѣтѣ обидно, или не обидно, смотря по тому, отъ кого идетъ.

— Да; но говорите скорѣе, чего вы хотите далѣе; я написалъ: «Подлецъ Термосесовъ».

— Покорно васъ благодарю-сь. Продолжайте.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Секретарь, стоя за стуломъ Борноволокова, глядѣлъ черезъ его плечо въ бумагу и продолжалъ диктовать: «Подлецъ Термосесовъ непостижимымъ и гениальнымъ образомъ досталъ мое собственноручное письмо къ вамъ, въ которомъ я, по неосторожности своей, написалъ то самое, чтò вы на этомъ листкѣ читаете выше, хотя это теперь написано рукой того же негодяя Термосесова».

— Довольно?

— Нѣтъ-сь, еще надо набавить. Извольте писать: «Какъ

онъ взялъ письмо, собственноручно мною отданное на почту, я этого не могу разгадать, но зато это же самое можетъ вамъ свидѣтельствовать объ отважности и предпримчивости этого мерзавца, поставившаго себѣ задачей не отступать отъ меня и мучить меня, пока вы его не устронте на хорошее жалованье. Заклинаю васъ общимъ нашимъ благополучіемъ сдѣлать для него даже то, чего невозможно, ибо иначе онъ клянется открыть все, что мы дѣлали въ глупую пору нашего революціонерства».

— Нельзя ли послѣднія слова измѣнить въ редакціи?

— Нѣтъ-съ; я какъ Пилать: еже писахъ—писахъ.

Борноволоковъ дописалъ свое униженіе и отбросилъ листъ.

— Теперь вотъ эту бумагу о духовенствѣ и о вредныхъ движеніяхъ въ обществѣ просто подишите.

Борноволоковъ взялъ въ руки перо и началъ еще разъ просматривать эту бумагу, раздумался и спросилъ:

— Что они вамъ сдѣлали, эти люди, Туберововъ и Тугановъ?

— Ровно ничего.

— Можетъ-быть, они прекрасные люди...

— Очень можетъ быть.

— Ну, такъ за что же вы на нихъ клеветеете? Вѣдь, это, конечно, клевета?

— Не все, а есть немножко и клеветы!

— За что же это?

— Что же дѣлать: мнѣ надо способности свои показать. За васъ, чистокровныхъ, вѣдь, дядя да тетюшки хлопочуть, а мы, нарвенюшки, сами о себѣ печемся.

Борноволоковъ вздохнулъ и съ омерзѣніемъ подписалъ бумагу, на которой Термосесовъ строилъ его позоръ, Савелиеву гибель и собственное благополучіе.

Термосесовъ принялъ подписанную ябеду и, складывая бумагу, заговорилъ:

— Ну, а теперь третье дѣло сдѣлаемъ, и тогда шляпу надѣнемъ и простимся. Я заготовилъ векселекъ на восемьсотъ рублей и двѣсти прошу наличностью.

Борноволоковъ молчалъ и глядѣлъ на Термосесова, опершись на столъ локтями.

— Что же, въ молчанку, что ли, будемъ играть?

— Нѣтъ; я только смотрю на васъ и люблюсь.

— Любуйтесь, таковъ, какого жизнь устроила, и подпишите векселекъ и пожалуйте деньги.

— За что же, господинъ Термосесовъ? За что?

— Какъ за что? за прежнія тайныя удовольствія въ тиши почей во святой Москвѣ, въ грѣховномъ Петербургѣ; за бесѣды, за планы, за списки, за всѣ, за всѣ забавы, которыхъ слѣдъ я сохранилъ и въ карманѣ, и въ памяти, и могу вамъ всю вашу карьеру испортить.

Борноволоковъ подписалъ вексель и выкинулъ деньги.

— Благодарю-съ,—отвѣсилъ Термосесовъ, пряча вексель и деньги:—очень радъ, что вы не торговались.

— А то бы что еще было?

— А то бы я вдвое съ васъ спросилъ.

Термосесовъ, забравъ всѣ свои вымогательства, сталъ искать фуражку.

— Я буду спать въ тарантасѣ,—сказалъ онъ:—а то тутъ вдвоемъ намъ душно.

— Да, это прекрасно, но вы же, надѣюсь, теперь отдадите мнѣ мое собственное письмо?

— Гм! ну, нѣтъ, не надѣйтесь: этого въ уговорѣ не было.

— Но на что же оно вамъ?

— Да этого въ договорѣ не было!

И Термосесовъ разсмѣялся.

— Хотите, я вамъ еще денегъ дамъ?

— Нѣтъ-съ, я не жаденъ-съ, съ меня довольно.

— Фу, какая вы...

— Скотина, что ли? Ничего, ничего, безъ церемоній, я не слушаю и бай-бай иду.

— Такъ выслушайте же, по крайней мѣрѣ, вотъ что: гдѣ брильянты, которые пропали у Бизюкиной?

— А я почему это долженъ знать?

— Вы... вы были съ ней гдѣ-то... въ бесѣдкѣ, что ли?

— Что же такое, что былъ? Тамъ и другіе тоже были: учительшка и дьяконъ.

— Да; ну, такъ скажите, по крайней мѣрѣ, не въ моихъ ли вещахъ гдѣ-нибудь эти брильянты спрятаны?

— А я почему могу это знать?

— Господи! этотъ человѣкъ меня съ ума сведеть!—воскликнулъ Борноволоковъ, заметавшись.

— А вы вотъ что...—прошепталъ, сжавъ его руку, Термосесовъ:—вы не вздумайте - ка расписывать объ этомъ

своимъ кузинамъ, а то... здѣсь письма, вѣдь, не одинъ я читаю.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Пропавшіе брильянты Визюкиной, лампоѹ, пораженіе Ахиллы и Пренотенскаго, продѣлки съ Дарьей Николаевной и почтмейстершей, наконецъ, шахъ и матъ, данные Борноволокову, — все это, будучи дѣломъ почти однихъ сутокъ, немножко ошеломило самого Термосесова. Онъ чувствовалъ неодолимую потребность выспаться и, растянувшись на сѣнѣ въ тарантасѣ, спалъ могучимъ крѣпкимъ сномъ до поздняго утра. Прохладный сарай, въ которомъ стоялъ экипажъ, обращенный Термосесовымъ въ спальню, оставался запертымъ, и Измаиль Петровичъ, даже и проснувшись, долго еще лежалъ, потягивался, чесалъ пятки и размышлялъ.

Въ размышленіяхъ своихъ этотъ фрунтъ нашего разсадника былъ особенно интересенъ съ той стороны, что онъ ни на минуту не возвращался къ прошлому и совершившемуся и не останавливался ни на одномъ изъ новыхъ лицъ, которыхъ онъ такъ круто и смѣло обошелъ самыми безцеремонными приемами. Хотя это и можетъ показаться страннымъ, но позволительно сказать, что въ Термосесовѣ была даже своего рода незлобивость, смѣшанная съ безконечною нравственною неряшливостію нахала и пренебрежительностію ко всѣмъ людямъ и ко всякимъ мнѣніямъ. Онъ словно разъ навсегда порѣшилъ себѣ, что совѣсть, честь, любовь, почтеніе и вообще всѣ такъ-называемыя возвышенныя чувства, — все это вздоръ, гиль, чепуха, выдуманная философами, литераторами и другими сумасшедшими фантазерами. Онъ не отрицалъ, — нѣтъ, это было бы слишкомъ спорно, — онъ просто зналъ, что ничего подобнаго нѣтъ и что потому не стоитъ надъ этимъ и останавливаться. Не менѣе странно относился онъ и къ людямъ: онъ не думалъ, что предстоящая ему въ данную минуту личность жила прежде, до встрѣчи съ нимъ, и хочетъ жить и послѣ, и что потому у нея есть свои историческія оглядки и свои заглядыванья впередъ. Нѣтъ, по его, каждый человекъ выскакивалъ предъ нимъ, какъ дождевой пузырь или грибъ, именно только на ту минуту, когда Термосесовъ его видѣлъ, и онъ съ нимъ тотчасъ же распоряжался и эксплуа-

тировали его самым дерзкимъ и безцеремоннымъ образомъ, и потомъ, какъ только тотъ отслуживалъ ему свою службу, онъ немедленно же просто позабывалъ его. На своемъ циническомъ языкѣ онъ простодушно говорилъ: «я кого обижу, послѣ на него никогда не сержусь», и это было вѣрно. Если бы теперь къ нему подъ сарай зашелъ Ахилла или Пренотенскій, онъ могъ бы заговорить съ ними, нимало не смущаясь ничѣмъ происшедшимъ вчерашнею ночью.

Поймавъ Борноволокова, о которомъ давно было позабытъ, онъ схватился за него и сказалъ: я на немъ попису! И повисъ. Встрѣтивъ Визюкину, онъ пожелалъ за ней приударить и приударилъ; занимаясь ея развитіемъ чортъ знаетъ для чего, онъ метнулъ мыслью па возможность присвоить себѣ бывшіе на ней брильянты и немедленно же привелъ все это въ исполненіе и притомъ спряталъ ихъ такъ хитро, что если бы, чего Боже сохрани, Визюкины довели до обыска, то брильянты оказались бы, конечно, не у Термосесова, а у князя Борноволокова, который носилъ эти драгоценности чуть ли не на самомъ себѣ: онѣ были защиты въ его шинели. О протопопѣ Туберозовѣ Термосесовъ, разумѣется, даже и совсѣмъ никогда не размышлялъ, и при первыхъ жалобахъ Визюкиной на протопопа бросалъ на вѣтеръ обѣщанія стереть этого старика, но потомъ вдохновился мыслью положить его ступеню для зарекомендованія своихъ «наблюдательныхъ способностей», и теперь никакія силы не отвлекли бы его отъ упорнаго стремленія къ исполненію этого плана.

Если бы старый протопопъ это зналъ, то такая роль для него была бы самымъ большимъ оскорбленіемъ, но онъ, разумѣется, и на мысль не набредалъ о томъ, что для него готовится, и разъѣзжалъ себѣ на своихъ буркахъ изъ села въ село, отъ храма къ храму, проходилъ многія версты по лѣсамъ, отдыхалъ въ лугахъ и на рубежахъ нивъ и укрѣплялся духомъ въ лонѣ матери-природы.

А въ городѣ въ это время неустанными усиліями Термосесова была уже затравлена длинная петля. Жалоба мѣщанина Данилки возымѣла ходъ, ничтожное происшествіе стало дѣломъ, требующимъ рѣшенія по законамъ.

Ахилла былъ въ ужасѣ: онъ метался то туда, то сюда, всѣхъ спрашивая:

— Ахъ, браточки мои, куда меня теперь за Дашилку засудятъ?

Судъ былъ для него страшнѣе всего на свѣтѣ.

Слухи о предстоящемъ судьбищѣ поползли изъ города въ уѣздъ и въ самыхъ неслыханныхъ преувеличеніяхъ дошли до Туберозова, который сначала имъ не вѣрилъ, но потомъ, получая отовсюду подтвержденія, встревожился и, не объѣхавъ всего благочинія, велѣлъ Павлюкану возвращаться въ городъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Шумныя извѣстія о напастяхъ на дьякона Ахиллу и о прилетеніи самого протопопа къ этому ничтожному дѣлу захватили о. Савелія въ далекомъ приходѣ, отъ котораго до города было по меньшей мѣрѣ двое сутокъ ѣзды.

Дни стояли невыносимо жаркіе. Отъ послѣдняго села, гдѣ Туберозовъ ночевалъ, до города оставалось ѣхать около пятидесяти верстъ. Протопопъ, не рано выѣхавъ, успѣлъ сдѣлать едва половину этого пути, какъ наступилъ жаръ неодолимый: бѣдные бурые коньки его мылились, потѣли и были жалки. Туберозовъ рѣшилъ остановиться на покормъ и послѣдній отдыхъ: онъ не хотѣлъ выѣзжать никуда на постоянный дворъ, а вспомнивъ очень хорошее мѣсто у опушки лѣса, въ такъ-называемомъ «Корольковомъ верху», рѣшился тамъ и остановиться въ холодкѣ.

Отсюда открывается обширная плоская покатошь, въ концѣ которой почти за двадцать слишкомъ верстъ мелькаютъ золотыя главы городскихъ церквей, а сзади вѣковой лѣсъ, которому нѣтъ перерыва до сплошнаго полѣся. Здѣсь глубокая тишина и прохлада.

Утомленный зноемъ, Туберозовъ лишь только вышелъ изъ кибитки, такъ сію же минуту почувствовалъ себя какъ нельзя лучше. Несмотря на повсемѣстный жаръ и истому, въ густомъ, темно-синемъ молодомъ дубовомъ подсѣдѣ стояла живительная свѣжесть. На упругихъ и какъ будто обмакнутыхъ въ зеленый воскъ листьяхъ молодыхъ дубковъ ян сорняки. Повсюду живой, мягкій, успокоивающій матъ; изъ-подъ пестрой, трафаретной листвы папоротниковъ глядитъ ярко-красная волчья ягода; выше, вся озолоченная свѣтомъ, блещетъ сухая орѣшина, а вдали, на темно-коричневой торфянистой почвѣ, раскинуты цѣлыя семьи грибовъ и межъ нихъ коралль костяники.

Пока Павлюканъ въ одномъ бѣльѣ и жилетѣ отирягалъ и проваживалъ потныхъ коней и устанавливалъ ихъ къ корму у растянутого на оглобляхъ хрентюга, протопопъ походилъ немножко по лѣсу, а потомъ, взявъ изъ повозки коверчикъ, снесъ его въ зеленую лошину, изъ которой бурливымъ ключомъ билъ гремучій ручей, умылся тутъ свѣжею водою и здѣсь же легъ отдохнуть на этомъ коверчикѣ.

Мѣрный рокотъ ручья и прохлада повѣяли здоровымъ «русскимъ духомъ» на опаленную зноемъ голову Туберозова, и онъ не замѣтилъ самъ, какъ заснулъ, и заснулъ нехотя: совѣмъ не хотѣлъ спать, — хотѣлъ встать, а сонъ свалилъ и держитъ, — хотѣлъ что-то Павлюкану молвить, да дрема мягкою рукою ротъ зажала.

Дремотныя мечтанія протопопа были такъ крѣпки, что Павлюканъ напрасно трясъ его за плечи, приглашая встать и откушать кашу, сваренной изъ крупы и молодыхъ грибовъ. Туберозовъ едва проснулся и, проговоривъ: «Кушай, мой другъ, мнѣ сладостно спится», снова заснулъ еще глубже.

Павлюканъ отобѣдалъ одинъ. Онъ собралъ ложки и хлѣбъ въ плетеный изъ лыка дорожный кошель, опрокинулъ на свѣжую траву котель и, заливъ водою костерчикъ, забрался подъ телѣгу и немедленно послѣдовалъ примѣру протопопа. Лошади отца Савелія тоже недолго стучали своими челюстями: и онѣ одна за другою скоро утихли, уронили головы и задремали.

Кругомъ стало сонное царство. Тышь до того нерушима, что изъ чащи лѣса сюда на опушку выскочилъ подлинный заяцъ, сдѣлавъ прыжокъ, сѣлъ на заднія лапки, пошевелилъ ушками, но сейчасъ же и сконфузился: кинулъ за спину длинныя уши и исчезъ.

Туберозовъ отрывался отъ сна на томъ, что уста его съ непомѣрнымъ трудомъ выговаривали кому-то въ отвѣтъ слово: «здравствуй».

«Съ кѣмъ я это здравствуюсь? Кто былъ здѣсь со мной?» старается онъ понять, просыпаясь. И мнится ему, что сейчасъ возлѣ него стоялъ кто-то прохладный и тихій въ длинной одеждѣ цвѣта зрѣющей сливы... Это казалось такъ явственно, что Савелій быстро поднялся на локти, но увидѣлъ только, что вонъ спитъ Павлюканъ, вонъ его бурныя лошади, вонъ и кибитка. Все это просто и ясно. Вонъ даже при-

стяжная лошадь, паскучивъ покоемъ, сканывасть съ головы обротъ... Сбросила, отошла, повалилась, встала и нюхаетъ вѣтеръ.. Туберововъ продолжаетъ дремать, лошадь идетъ дальше и дальше; вотъ она щипнула густой муравы на опушкѣ; вотъ скусила верхушку молодого дубочка; вотъ, наконецъ, ступила на поросшій дикимъ клеверомъ рубежъ и опять нюхаетъ теплый вѣтеръ. Савелій все смотритъ и никакъ не пойметъ своего состоянія. Это не сонъ и не бдѣнье; влага, въ которой онъ спалъ, отуманила его, и въ головѣ точно паръ стоитъ. Онъ протеръ глаза и глянулъ вверхъ: высоко въ небѣ надъ его головой плаваетъ вѣронъ. Вѣронъ ли это, или коршунъ? Нѣтъ. Нѣтъ, соображаетъ старикъ, это непременно вѣронъ: онъ держится стойче и круги его шире... А вотъ долетаетъ оттуда, какъ брошенная горстка гороху, ку-у-рлю. Это воронье ку-у-рлю, это вѣронъ. Что онъ назираетъ оттуда? Что ему нужно? Онъ усталъ парить въ поднебесѣхъ и, можетъ-быть, хочетъ этой воды. И Туберовову приходитъ на память легенда, прямо касающаяся этого источника, который, по преданію, имѣетъ особенное чудесное происхожденіе. Чистый, прозрачный водоемъ ключа похожъ на врытую въ землю хрустальную чашу. Образование этой котловины приписываютъ громовой стрѣлѣ. Она пала съ небесъ и проникла здѣсь въ нѣдра земли, и тоже опять по совершенно особенному случаю. Тутъ будто бы нѣкогда, разумѣется очень давно, палъ изнемогшій въ бою русскій витязь, а его одного отовсюду облегла несмѣтная сила невѣрныхъ. Погибель была неизбѣжна; и витязь взмолился Христу, чтобы Спаситель избавилъ его отъ позорнаго плѣна, и преданіе гласитъ, что въ то же мгновеніе изъ-подъ чистаго неба внизъ стрекнула стрѣла и взвилась опять къверху и грянулъ ударъ, и кони татарскіе пали на колѣни и сбросили своихъ всадниковъ, а когда тѣ поднялись и встали, то витязя уже не было, и на мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, гремя и сверкая алмазною пѣной, билъ вверхъ высокою струей ключъ студеной воды, сердито рвалъ ребра оврага и серебристымъ ручьемъ разбѣгался вдали по зеленому дугу.

Родникъ почитаютъ всѣ чудеснымъ и повѣрье гласитъ, что въ водѣ его кроется чудѣтворная сила, которую будто бы знаютъ даже и звѣри, и птицы. Это всѣмъ вѣдомо, про это всѣ знаютъ, потому что тутъ всегдашнее таинственное присутствіе Ратая вѣры. Здѣсь вѣра творитъ чудеса и от-

того все здѣсь такъ сильно и крѣшко, отъ вершины столѣтняго дуба до гриба, который ѣтится при его корнѣ. Даже, повидимому, совершенно умершее здѣсь оживаетъ: вонъ тонкая сухая орѣшина; ее онапла молонья, но на ея кожурѣ выше корня, какъ зеленымъ воскомъ, выведенъ «Петровъ крестъ», и отсюда опять пойдетъ новая жизнь. А въ грозу здѣсь, говорятъ, бываетъ не шутка.

«Что же; есть вѣдь, какъ извѣстно, такія наэлектризованныя мѣста», подумалъ Туберозовъ, и почувствовать, что у него какъ будто шевелятся сѣдые волосы. Только что всталъ на ноги, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ предъ собою увидаль небольшое бланжевое облачко, которое, мѣняя слегка очертанія, тихо ползло надъ рубежомъ, по которому бродила свободная лошадь. Облачко точно прямо шло на коня и, настигнувъ его, вдругъ засновало, вскурилось и разнеслось какъ дымъ пушечнаго жерла. Конь дико всхрапнулъ и въ испугъ понесся, не чуя подъ собой земли.

Это была дурная вещь. Туберозовъ торопливо вскочилъ, разбудилъ Павлюкана, помогъ ему вскарабкаться на другого коня и послалъ его въ погоню за испуганною лошадыю, которой между тѣмъ уже не было и слѣда.

— Спѣши, догоняй, — сказалъ Савелій дьячку и, вынувъ свои серебряные часы, поглядѣлъ на нихъ: былъ въ началѣ четвертый часъ дня.

Старикъ сѣлъ въ тѣни съ непокрытою головою, зѣвнулъ и неожиданно вздрогнулъ; ему вдалекѣ послышался тяжелый грохотъ.

— «Что бы это такое: неужто громъ?»

Съ этимъ онъ снова всталъ и, отойдя отъ опушки, увидѣлъ, что съ востока, дѣйствительно, шла темная туча. Гроза застигала Савелія однимъ-однѣменка, среди лѣса и полей, приготовлявшихся встрѣтить ея нестерпимое дыханіе.

Опять ударъ, нива заколебалась сильнѣй и по ней полоснуло свѣжимъ холодомъ.

Къ черной тучѣ, которую заслоненъ весь востокъ, снизу взмывали клубами меньшія тучки. Ихъ будто что-то подтягивало и подбирало какъ кулисы, и по всему этому вѣтъ-вѣтъ и прорѣжетъ огнемъ. Точно магъ, готовый дать страшное представленіе, въ послѣдній разъ осматриваетъ

съ фонаремъ въ рукѣ темную сцену, прежде чѣмъ зажжетъ все огни и подниметь завѣсу. Черная туча ползетъ, и чѣмъ она ближе, тѣмъ кажется непрогляднѣй. Не пронесетъ ли ее Богъ? Не разразится ли она гдѣ подальше? По нѣтъ: вонъ, по ея верхнему краю, тихо сверкнула огнистая нить и молнии замигали и зарѣяли разомъ по всей темной массѣ. Солнца уже нѣтъ: тучи покрыли его дискъ и его длинные, какъ инаги, лучи, посвѣтивъ мгновеніе, тоже сверкнули и скрылись. Вихорь засвисталъ и защелкалъ. Облака заволновались точно знамена. По бурому полю зрѣющей ржи заперстрѣли широкія бѣлыя пятна и пошли ходенемъ; въ одномъ мѣстѣ падеть будто съ неба одно, въ другомъ—сядетъ широко другое и разомъ пойдутъ навстрѣчу другъ-другу, сольются и оба исчезнутъ. У межи при дорогѣ вѣтеръ треплетъ колось такъ странно, что это какъ будто и не вѣтеръ, а кто-то живой притаился у корня и злится. По лѣсу шумъ. Вотъ и надъ лѣсомъ зигзагъ; и еще вотъ черкнуло совсѣмъ по верхушкамъ и вдругъ тихо... все тихо!.. ни молній, ни вѣтру: все стихло. Это тишина предъ бурей: все запоздавшее спрятать себя отъ невзгоды пользуется этою послѣднею минутой затишья; нѣсколько пчелъ пронеслось мимо Туберозова, какъ будто онѣ не летѣли, а несло ихъ напоромъ вѣтра. Изъ темной чащи кустовъ, которые казались теперь совсѣмъ черными, выскочило нѣсколько перепуганныхъ зайцевъ и залетли въ межѣ вровень съ землею. По травѣ, которая при теперешнемъ освѣщеніи тоже черна, какъ асфальтъ, прокатился серебристый клубокъ и юркнулъ подъ землю. Это ѣжъ. Все убралось, что куда можетъ. Вотъ и послѣдній, недавно рѣявшій, вѣронъ плотно сжалъ у плечъ крылья и, ринувшись внизъ, тяжело законопился въ вершинѣ высокаго дуба.

ГЛАВА ВОСЬМНАДЦАТАЯ.

Туберозовъ не былъ трусомъ, но онъ былъ человѣкъ нервный, а такими людьми въ пору большихъ электрическихъ разряженій овладѣваетъ невольное и неодолимое безпокойство. Такое безпокойство чувствовалъ теперь и онъ, озираясь вокругъ и соображая, гдѣ бы, на какомъ бы мѣстѣ, ему безопаснѣе встрѣтить и переждать готовую грозу.

Первымъ его движеніемъ было броситься къ своей повозкѣ, сѣсть въ нее и закрыться, но чуть только онъ умѣстился здѣсь, лѣсъ закрипѣлъ и кибитку затрясло какъ лубочную люльку. Ясно было, что это пріютъ не надежный: кибитка могла очень легко опрокинуться и придавить его.

Туберовозъ выскочилъ изъ-подъ своего экипажа и бросился бѣгомъ въ ржаное поле; крутившій встрѣчь и съ боковъ вѣтеръ останавливалъ его, рвалъ его назадъ за полы и свисталъ, и трубилъ, и визжалъ, и гайгайкалъ ему въ уши.

Туберовозъ бросился въ ложбину къ самому роднику; а въ хрустальномъ резервуарѣ ключа еще безпокойнѣе: вода здѣсь бурлила и кипѣла, и изъ-подъ расходящихся по ней круговъ точно выбивался наружу кто-то замкнутый въ нѣдрахъ земли. И вдругъ, въ темносвинцовой массѣ воды, внезапно сверкнуло и разлилось кровавое пламя. Это ударъ молній, но что это за странный ударъ! Стрѣлой въ два зигзага онъ упалъ сверху внизъ и, отраженный въ водѣ въ то же мгновеніе, такимъ же зигзагомъ, взвился подъ небо. Точно небо съ землею переслалось огнями; грянулъ трескучій ударъ, какъ отъ массы брошенныхъ съ кровли желѣзныхъ полосъ, и изъ родника вверхъ цѣлымъ фонтаномъ взвилось облако брызгъ.

Туберовозъ закрылъ лицо руками, палъ на одно колено и поручилъ душу и жизнь свою Богу, а на поляхъ и въ лѣсу пошла одна изъ тѣхъ грозовыхъ переналокъ, которыя всего краснорѣчивѣе напоминаютъ человѣку его беззащитное ничтожество предъ силой природы. Рѣяли молніи; съ грохотомъ несли ударъ за ударомъ, и вдругъ Туберовозъ видитъ предъ собою темный стволъ дуба и къ нему плыветъ свѣтящійся, какъ тусклая лампа, шаръ; чудная искра посрединѣ дерева блеснула ослѣпляющимъ свѣтомъ, выросла въ комъ и разорвалась. Въ воздухѣ грянуло страшное: бббахъ! У старика сперло дыханіе и на всѣхъ перстахъ его па рукахъ и ногахъ завертѣлись горячія кольца, тѣло болѣзненно вытянулось, подломилось и пало... Сознаніе было одно,—это сознаніе, что *все рушилось*. Конецъ! промелькнуло въ головѣ протопопа, и дальше ни слова. Протопопъ не замѣчалъ, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ его оглушило, и долго ли онъ былъ безъ сознанія.

Приходи въ себя, онъ услыхалъ, какъ по небу вдалькѣ тяжело и неспѣшно прокатило и стихло! Гроза троходила. Савелій поднялъ голову, оглянулся вокругъ и увидаль въ двухъ шагахъ отъ себя на землѣ нѣчто огромное и безобразное. Это была цѣлая куча вѣтвей, цѣлая вершина громаднаго дуба. Дерево было какъ ножомъ срѣзано у самаго корня и лежало на землѣ, а изъ-подъ вѣтвей его, смѣшавшихся съ колосомъ ржи, раздавался противный рѣжущій крикъ: это дралъ глотку давешній вѣронъ. Онъ упалъ вмѣстѣ съ деревомъ, придавленъ тяжелою вѣтвью къ землѣ и, разинувъ широко пурпуровую пасть, судорожно бился и отчаянно кричалъ.

Туберозовъ быстро отпрыгнулъ отъ этого зрѣлища такимъ бодримъ прыжкомъ, какъ бы ему было не семьдесятъ лѣтъ, а семнадцать.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Гроза какъ быстро подошла, такъ быстро же и пронеслась: на мѣстѣ черной тучи вырѣзывалась на голубомъ просвѣтѣ розовая полоса, а на мокромъ мѣшкѣ съ овсомъ, который лежалъ на козлахъ кибитки, уже весело чиркали воробы и смѣло таскали мокрыя зерна сквозь дырки мокрой рѣднины. Лѣсъ весь оживалъ; слышался тихій, ласкающій свистъ, и на межу, звонко скрипя крыльями, спустилася пара степныхъ голубей. Голубка разостлала по землѣ крылышко, черкнула по немъ красненькою лапкой и, поставивъ его парусомъ кверху, закрылася отъ дружки. Голубъ надулъ зобъ, поклонился ей въ землю и заговорилъ ей печально «умру». Эти поклоны заключаются поцѣлуями, и крылышки трепетно бьются въ густой бахромѣ мелкой полыни. Жизнь началась. Невдалькѣ слышался топотъ: это Павлюканъ. Онъ ѣхалъ верхомъ на одной лошади, а другую вель въ поводу.

— Ну, отецъ, живы вы! — весело кричалъ онъ, подъѣзжая и спѣшиваясь у кибитки. — А я было, знаете, шибко спѣшилъ, чтобы васъ однихъ не застало, да какъ этотъ громнице, какъ треснулъ, я такъ, знаете, съ лошади всею моею мордою о-земь и чокнулъ... А это дубъ-то срѣзало?

— Срѣзало, другъ, срѣзало. Давай запряжемъ и поѣдемъ.

— Боже мой, знаете, силница!

— Да, другъ, поѣдемъ.

— Теперь, знаете, легкое повѣтріе, ѣхать чудесно.

— Чудесно, запрягай скорѣй; чудесно.

И Туберозовъ нетерпѣливо взялся помогать Павлюкану.

Выкупанные дождемъ кони въ минуту были выряжены, и кибитка протопопа покатила, плеща колесами по дукамъ колеваго проселка.

Воздухъ былъ благораствореннѣйшій; освѣщеніе теплос; съ полей песся легкій парокъ; въ воздухѣ пахло орѣшиной. Туберозовъ, сидя въ своей кибиткѣ, чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ не чувствовалъ давно, давно. Онъ все глубоко вздыхалъ и радовался, что можетъ такъ глубоко вздыхать. Словно орлу обновились крылья!

У городской заставы его встрѣтилъ малиновый звонъ колоколовъ; это былъ благовѣсть ко всенощной.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Кибитка Туберозова въѣхала на самый дворъ.

— Господи, что я за тебя, отецъ Савелій, изстрадалася!— кричала Наталья Николаевна, кидаясь навстрѣчу мужу.— Этакой громъ, а ты, сердце мое, былъ одинъ.

— О, голубка моя, да я былъ на шагъ отъ смерти!

И протопопъ рассказалъ женѣ все, что было съ нимъ у Гремучаго ключа, и добавилъ, что отнынѣ онъ живетъ словно вторую жизнь, не свою, а чью-то иную, и въ семь видитъ себя и урокъ, и укоризну, что словно никогда не думалъ о бренности и ничтожествѣ своего краткаго вѣка.

Наталья Николаевна только моргала глазками и, вздохнувъ, проговорила:—А ты теперь покушать не хочешь ли? но видя, что мужъ въ отвѣтъ на это качнулъ отрицательно головой, она освѣдомилась о его жаждѣ.

— Жажда?—повторилъ за женою Савелій:—да, я жажду.

— Чайку?

Протопопъ улыбнулся и, поцѣловавъ жену въ темя, сказалъ:

— Нѣтъ, истины.

— Ну, что же? и благословенъ Богъ твой, ты что ни учредишь, все хорошо.

— Да, ну, я буду умываться, а ты, мой другъ, рассказывай мнѣ, что тутъ дѣлаютъ съ дьякономъ. И протопопъ подошелъ къ блестящему мѣдному рукомойнику и сталъ умываться, а Наталья Николаевна сообщила, что знала объ

Ахиллѣ, и вывела, что все это дѣлается не иначе, какъ на зло ея мужу.

Протопопъ молчалъ и, сдѣлавъ свой туалетъ, взявъ трость и шляпу, и отиравился въ церковь, гдѣ на эту пору шла всенощная.

Минуть черезъ пять, стоя въ сторонкѣ у жертвенника въ алтарѣ, онъ положилъ на покатои доскѣ озареннаго закатомъ окна листокъ бумаги и писалъ на немъ. Что такое онъ писалъ? Мы это можемъ прочесть изъ-подъ его руки.

Вотъ этотъ манускриптъ, адресованный Савеліемъ исправнику Порохонцеву: «Имѣя завтрашняго числа совершить соборнѣ литургію по случаю торжественнаго дня, долгомъ считаю извѣстить объ этомъ ваше высококорodie, всепокорнѣйше прося васъ нынѣ же заблаговременно оповѣстить о семъ съ надлежащею роспиской всѣхъ чиновниковъ города, дабы они пожаловали во храмъ. А наипаче сіе прошу рекомендовать тѣмъ изъ служебныхъ лицъ, кои сею обязанностью наиболѣе склонны манкировать, такъ какъ я предопредѣлилъ о подаваемомъ ими дурномъ примѣрѣ донести неукоснительно по начальству. Въ принятіи же сего вѣднія, ваше высококорodie всепокорно прошу росписаться».

Протоіерей потребовалъ разсылную церковную книгу; выставилъ на бумагѣ номеръ, собственноручно записалъ ее и тотчасъ же послалъ ее съ понамаремъ по назначенію.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Ночь, послѣдовавшая за этимъ вечеромъ въ домѣ Савелія, напоминала ту, когда мы видѣли старика за его журналомъ: онъ также былъ одинъ въ своемъ залыцѣ, также ходилъ, также садился, писалъ и думалъ, но передъ нимъ не было его книги. На столѣ, къ которому онъ подходилъ, лежалъ маленький, пополамъ перегнутый, листокъ и на этомъ листкѣ онъ какъ бисеромъ часто и четко напизывалъ слѣдующія отрывочныя замѣтки: «Боже, судъ Твой Царевнѣ даждь и правду Твою сыну Цареву».

«Обыденный приступъ отъ вчерашняго моего положенія подъ грозою. Воронъ: какъ онъ спрятался отъ грозы въ крѣпчайшій дубъ и нашелъ гибель тамъ, гдѣ ждалъ защиту.

«Сколь поучителенъ мнѣ этотъ воронъ. Тамъ ли спасенье, гдѣ его чаемъ,—тамъ ли погибель, гдѣ оной боимся?

«Безмѣрное наше умствование, порабощающее разумъ.

Ученость, отвергающая возможность постижения доселѣ постижимаго.

«Недостаточность и неточность свѣдѣній о душѣ. Непониманіе натуры чловѣка и прористекающее отсель безстрастное равнодушіе къ добру и злу и кривосудство о поступкахъ: оправданіе неоправдимаго и порицаніе достойнаго. Моисей, убившій египтянина, который былъ еврей, не подлежитъ ли осужденію съ ложной точки зрѣнія инимъ либераловъ, осуждающихъ горячность патріотическаго чувства? Иуда предатель съ точки зрѣнія «слѣпо почивающихъ въ законѣ» не заслуживаетъ ли награды, ибо онъ «соблютъ законъ», предавъ учителя, преслѣдуемаго правителями? (Инокентій Херсонскій и его толкованіе). Дніе наши также лукавы: укоризны небезпристрастнымъ противъ ухищреній тайныхъ враговъ государства. Великая утрата заботы о благѣ родины и какъ послѣдній примѣръ небреженъе о молитвѣ въ день народныхъ торжествъ, сведенной на единую формальность.

«Толкованіе словъ: «Боже, судъ Твоѣ Царевѣ даждь» въ смыслѣ: «да тихое и мирное житіе проживемъ» (Ап. Павелъ). Сколь такое житіе важно? Примѣръ: Ровоамъ послѣ Соломона, окруженный друзьями и совоспитанными съ нимъ и предстоящими предъ лицомъ его, лукаво представлявшими ему, что облегченіе народу есть уничтоженіе собственнаго его царева достоинства, и какъ онъ по ихъ совѣту приумножилъ бѣдствія Израіля. «Отецъ мой, наложи на вась яремъ тяжекъ; азъ же приложу къ ярему вашему» (кн. Царствъ 11, 12). Пронсшедшій отъ сего несчастія и раздѣленіе царства.

«Ясно отсюда, что намъ надлежитъ желать и молиться, дабы сердце Царево не было ни въ какихъ рукахъ чловѣческихъ, а въ рукахъ Божіихъ.»

«Но мы преступно небрежемъ этою заботою, и мнѣ, если доводится видѣть въ такой день храмъ не пустымъ, то я даже недоумѣваю, чѣмъ это объяснить? Перебираю всѣ догадки и вижу, что нельзя этого ничѣмъ инымъ объяснить, какъ страхомъ угрозы моей, и отсель заключаю, что всѣ эти молитвенники—слуги лукавые и лѣнныые, и молитва ихъ не молитва, а наипаче есть торговля, торговля во храмѣ, видя которую Господь нашъ І. Х. не только возмущился божественнымъ духомъ своимъ, но и вземъ вервіс и изгна ихъ изъ храма.

«Слѣдуя его божественному примѣру, я порицаю и осуждаю сію торговлю совѣстью, которую вижу предъ собою во храмѣ. Церкви противна сія наемничья молитва. Можетъ быть довлѣло бы мнѣ взять вервѣ и выгнать имъ вонъ торгующихъ нынѣ въ храмѣ семь, да не бланится о лукавствѣ ихъ вѣрное сердце. Да будетъ слово мое имъ вмѣсто вервѣя. Пусть лучше будетъ праздниѣкъ храмъ, я не смущуся сего: я изнесу на главѣ моей тѣло и кровь Господа моего въ пустыню и тамъ предъ дикими камнями въ за-трапезной ризѣ запою: «Боже, судъ Твой Цареву даждь и правду Твою сыну Цареву», да соблюдется до вѣка Русь, ей же благодарѣяль еси!

«Воззваніе заключительное: не положи ея, Творче и Содѣтелю! въ посмѣяніе народамъ чужимъ, ради лукавства слугъ ея здосовѣстливыхъ и недоброслужащихъ».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Это была программа поученія, которую хотѣлъ сказать и сказалъ на другой день Савелій предъ всѣми собранными имъ во храмѣ чиновниками, закончивъ такимъ сказаніемъ не только свою проповѣдь, но и все свое служеніе церкви. Старгородская интеллигенція находила, что это не проповѣдь, а революція, и что если протоиерей пойдетъ говорить въ такомъ духѣ, то чиновнымъ людямъ скоро будетъ неловко даже выходить на улицу. Даже самые друзья и пріятели Савелія строго обвиняли его въ неосторожномъ возбужденіи страстей черни. На этомъ возбужденіи друзья его сошлись съ его врагами, и въ одно общиѣ хоромъ гласили: нѣтъ, этого терпѣть нельзя! Исключеніе изъ общаго хора составляли заѣзжіе: Борноволокъ и Термососовъ. Они хотя слышали проповѣдь, но ничего не сказали и не надулись. Напротивъ, Термососовъ, возвратясь отъ обѣдни, подошелъ со сложенными руками къ Борноволокову, и чрезвычайно счастливый прочелъ: «Нынѣ отпускаеши раба твоего.»

— Что это значитъ, — освѣдомился начальникъ.

— Это значитъ, что я отъ васъ отхожу. Живите и будьте счастливы, но на отпускъ еще послѣднюю дружбу: черкните начальству, что, молъ, пошъ, про котораго писано мной, забывъ сегодня все уваженіе, подобающее торжественному дню, сказалъ крайне возмутительное слово, о которомъ усно

будеть имѣть честь изложить посылаемый мною господинъ Термосесовъ.

— Чортъ васъ возьми! Напишите, я подпишу.

Друзья уже совсѣмъ были готовы разстаться, но разлука ихъ на минуту замедлилась внезапнымъ появленіемъ блѣдшаго и перенуганнаго мѣщанина Данилки, который влетѣлъ весь мокрый и растерзанный предъ очи Борноволокова и, повалился ему въ ноги, завопилъ:

— Батюшка, сошлите меня, куда милость ваша будетъ, а только мнѣ теперь здѣсь жить невозможно! Сейчасъ народъ, на берегу собравшись, такъ всѣ къ моей мордѣ и подсыкаются.

И Данилка объяснилъ, что ему чуть не смертью грозятъ за то, что онъ противъ протопопа просьбу подалъ и въ доказательство указалъ на свое мокрое и растерзанное рубище, доложивъ, что его сію минуту народъ съ моста въ рѣчку сбросилъ.

— Превосходно!.. Бунтъ! — радостно воскликнулъ Термосесовъ и, надѣвъ посреди комнаты фуражку, замѣтилъ своему начальнику:— Видите, какъ дѣлаютъ дѣла!

Термосесовъ уѣхалъ, а влѣдъ за нимъ въ другую сторону уѣхалъ и Борноволоковъ обнаруживать иные безпорядки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Въ Старогородѣ проповѣдь Туберозова уже забывалась. Но къ вечеру третьяго дня въ городъ на почтовой телегѣ пріѣхала пара оригинальныхъ гостей: длинный сухожильный квартальный и толстый, какъ мужичій блинъ, консисторскій чиновникъ съ пуговочнымъ носомъ.

Эго были послы по Савеліеву душу: протопопа подъ надзоромъ ихъ требовали въ губернскій городъ. Черезъ полчаса это зналъ весь городъ, и къ дому Туберозова собрались люди, а черезъ часъ дверь этого дома отворилась и изъ нея вышелъ готовый въ дорогу Савелій. Наталья Николаевна провожала мужа, идучи возлѣ него и склоняя своею голубиною головкой къ его локтю.

Они оба умѣли успокоить другъ друга и теперь не разслабляютъ себя ни единою слезой.

Ожидавшій выхода протопопа народъ шарахнулся впередъ и залудѣлъ.

Туберозовъ снялъ шляпу, поклонился ниже пояса на всѣ стороны.

Гомонъ затихъ; у многихъ навернулись слезы и всѣ стали креститься.

Изъ-за угла тихо выѣхала спрятанная тамъ, по деликатному распоряженію исправника, запряженная тройкой, почтовая телега.

Протопопъ поднялъ ногу на ступицу и взялся рукою за грядку, въ это время квартальный подхватилъ его подъ локоть снизу, а чиновникъ потянулъ за другую руку вверхъ... Старикъ гадливо вздрогнулъ и голова его заходила на шеѣ, какъ у куклы на проволочной пружинѣ.

Наталя Николаевна подскочила къ мужу и, схвативъ его руку, прошептала:

— Одну только жизнь свою пощади!

Туберозовъ отвѣчалъ ей:

— Не хлопочи: жизнь уже кончена; теперь начинается «житіе».

Часть четвертая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«Жизнь кончилась и начинается житіе»,—сказалъ Туберозовъ въ послѣднюю минуту предъ отъѣздомъ своимъ къ отцѣ. Непосредственно затѣмъ уносившая его борзая тройка взвилась на гору и исчезла изъ виду.

Народъ, провожавшій протопопа, постояль-постояль и началъ расходиться. Наступила ночь: всѣ ворота и калитки заперлись на засовы, и мѣсяцъ, глядя съ высокаго неба, назиралъ на осиротѣломъ протопоповскомъ дворѣ одну осиротѣлую же Наталью Николаевну.

Она не спѣшила подъ кровлю и, плача, сидѣла на томъ же крылечкѣ, съ котораго недавно сошелъ ея мужъ. Она, рыдая, бьетъ своею маленькою головкой о перила, и нѣтъ съ ней ни друга, ни утѣшителя! Нѣтъ; это было не такъ. Другъ у нея есть, и другъ крѣпкій...

Предъ глазами плачущей старушки, въ широко распахнувшуюся калитку, влѣзъ съ непокрытою курчавою головою дяконъ Ахилла. Онъ въ короткомъ толстомъ казакинѣ и широкихъ шароварахъ, нагруженъ какими-то мѣшками и ведетъ за собой пару лошадей, изъ которыхъ на каждой громоздится большой и тяжелый вьюкъ. Наталья Николаевна молча смотрѣла, какъ Ахилла ввелъ на дворъ своихъ лошадей, сбросивъ на землю вьюки, и, возвратившись къ калиткѣ, заперъ ее твердою хозяйскою рукой и положилъ ключъ къ себѣ въ шаровары.

— Дьяконъ! Это ты сюда ко мнѣ!—воскликнула, догадавшись о намѣреніяхъ Ахиллы, Наталья Николаевна.

— Да, скорбная мати, я переѣхалъ, чтобы беречь вась.

Они обнялись и поцѣловались, и Наталья Николаевна пошла досиживать ночь въ свою спаленьку, а Ахилла, поставивъ подъ сарай своихъ коней, разостлалъ на крыльцѣ войлокъ, легъ навзничъ и устался въ звѣздное небо.

Цѣлую ночь онъ не спалъ, все думалъ думу: какъ бы теперь, однако, помочь своему министру юстиціи? Это совсѣмъ не то, что Варнавку избить? Тутъ нужно бы умомъ подвигать. Какъ же это: однимъ умомъ, безъ силы? Если бы хоть при этомъ... какъ въ сказкахъ, коверъ-самолетъ, или сапоги-скороходы, или... невидимку бы шапку! Вотъ тогда бы онъ зналъ, что сдѣлать очень умное, а то... Дьяконъ рѣшительно не зналъ за что взяться, а взяться было необходимо.

Добравшись до самолета-ковра и невидимки-шапки, непривычный ни къ какимъ умственнымъ ухищреніямъ, Ахилла словно освободился отъ непосильной ноши, вздохнулъ и самъ полетѣлъ на коврѣ; онъ прошелъ никѣмъ невидимый въ сапогахъ и въ шапкѣ къ одному и къ другому изъ важныхъ лицъ, къ которымъ безъ этихъ сапогъ пройти не надѣялся, и того и другого толкнулъ слегка соннаго въ ребра и началъ имъ говорить: «не обижайте попа Савелія, а то послѣ сами станете тужить, да не воротите».

И вотъ, слыша невидимый голосъ, всѣ важныя лица заvertѣлись на своихъ пышныхъ постеляхъ и всѣ побѣжали, всѣ закричали: «О, Бога ради, заступитесь поскорѣе за попа Савелія!» Но все это въ нашъ вѣкъ только и можно лишь со скороходами-сапогами и съ невидимкою-шапкой, и хорошо, что Ахилла въ-время о нихъ вспомнилъ и запасся ими. Благодаря лишь только имъ, дьяконъ могъ проникнуть въ своей желтой нанковой рясѣ въ такой свѣтлозарный чертогъ, сіяніе котораго такъ нестерпимо ослѣпляетъ его, что онъ даже и не радъ уже, что сюда забрался. Можетъ быть и тѣхъ бы мѣсть довольно, гдѣ онъ уже побывалъ, но скороходы-сапоги рассказали и затащили его туда, гдѣ онъ даже ничего не можетъ разглядѣть отъ несноснаго свѣта и, забывъ про Савелія и про цѣль своего посольства, мечется, заботясь только, какъ бы самому уйти назадъ, межъ тѣмъ какъ проворные сапоги-скороходы несутъ его все

выше и выше, а онъ забылъ спросить слово, какъ остано-
вить ихъ...

— Загорюсь! ей-Богу, загорюсь!—кричалъ дьяконъ, пря-
часъ за мелькнувшее предъ нимъ маленькое тѣневое пят-
нышко, и удивился, услышавъ изъ этого пятнышка тихій
голосокъ Николая Аванасьевича.

— Полно вамъ, отецъ дьяконъ, спать да кричать, что вы
загоритесь! Со стыда развѣ надо вѣшь намъ сторѣть!—
говорилъ карликъ, заслоняя отъ солнца лицо дьякона сво-
нимъ маленькимъ тѣломъ.

Ахилла вскочилъ и, бросясь къ ушату, вынулъ одинъ за
другимъ два желѣзные ковша студеной воды.

— Что ты, Никола, о какомъ здѣсь стыдѣ говоришь?—
вопросилъ онъ, смачивая водой свои кудри.

— А гдѣ нашъ протопопъ? А?

— Протопопъ, душка Николавра, тютю, его вчера увезли...

— Что же, сударь, «тютю»? Вѣдь намъ надо его выру-
чать.

— Голубчикъ, я и самъ всю ночь про то думалъ, да не
умѣю ничего придумать.

— Вотъ то-то и есть, камень въ воду всякъ бросить, да
не всякъ-съ его вытащить.

И Николай Аванасьевичъ, скрививъ своимъ сапожками,
заковылялъ въ комнаты къ протопопицѣ, но, побывъ здѣсь
всего одну минуту, взялъ съ собой дьякона и побрелъ къ
исправнику; отъ исправника они прошли къ судья, и кар-
ликъ съ обоими съ ними совѣщался, и ни отъ того, ни отъ
другого ничего не узналъ радостнаго. Они жалѣли Туберо-
зова, говорили, что хотя протопопъ и не хорошо дѣлалъ,
сказавъ такую возбуждающую проповѣдь, но что съ нимъ
все-таки поступлено уже черезъ мѣру строго.

А что теперь дѣлать? Что предпринять? И вообще пред-
принимать ли и дѣлать ли что-нибудь въ защиту Туберо-
зова? Объ этомъ ни слова.

Карликъ, слушая пространна, но мало содержательна
рѣчи чиновниковъ, только вздыхалъ и мялся, а Ахилла гля-
дѣлъ, хлопая глазами, то на того, то на другого, и въ по-
мышленіяхъ своихъ все-таки сводилъ опять все къ тому,
что если бы коверъ-самолетъ или хотя волшебная шапка, а
то какъ и за что взяться? Не за что.

— Одно, что я могу,—спохватился судья:—это написать

письмо губернскому прокурору: онъ мой товарищъ и, вѣрно, не откажетъ самъ посодѣйствовать и походатайствовать за протопопа.

Исправнику это чрезвычайно понравилось, а Николаю Леонасьевичу, хотя оно и не понравилось, но онъ считалъ возраженія неумѣстными.

Думали только о томъ, какъ послать письмо? Почта шла черезъ два дня, а эстафета была бы, по мнѣнію обоихъ чиновниковъ, дѣломъ слишкомъ эффектнымъ, и притомъ почтмейстерша, другъ Термосесова, котораго, по указанію Ахиллы, всѣ подозрѣвали въ доносѣ на Туберозова, могла бы писать этому дѣятелю извѣстія съ тою же эстафетой.

Услыша такое затрудненіе, дьяконъ тотчасъ же взялся все это уладить и объявилъ, что пусть только будетъ готово письмо, а ужъ онъ отвѣчаетъ своею головою, что оно завтра будетъ доставлено по адресу; но способъ, которымъ онъ располагалъ исполнить это, Ахилла удержалъ въ секретѣ и просилъ ничего на этотъ счетъ не выпытывать у него.

Ему въ этомъ не отказали, и дѣло сдѣлалось. Предъ вечеромъ чиновникъ секретно передалъ дьякону ничего не значащее письмо, а черезъ часъ послѣ сумерекъ къ дому отца Захарія тихо подѣхалъ верхомъ огромный черный всадникъ и, слегка постучавъ рукою въ окошко, назвалъ «кроткаго попа» по имени.

Захарія отворилъ раму и, увидавъ всадника, спросилъ:

— Это ты, такой страшный?

— Те! Строго блюдите тишину и молчаніе, — отвѣчалъ таинственно всадникъ, смиряя въ шенкеляхъ своего нетерпѣливаго коня.

Захарія оглянулся вправо и влево по пустой набережной и прошепталъ:

— Куда же это ты и по какой надобности?

— Не могу вамъ ничего объяснить, потому что слово далъ, — отвѣчалъ таинственно всадникъ: — но только прошу васъ, не ищите меня завтра и не спрашивайте, зачѣмъ я ѣду... Ну, да, хоть слово далъ, а скажу вамъ аллегоріей:

Казакъ на сѣверъ держитъ путь,

Казакъ не хочетъ отдохнуть

и въ шапкѣ у меня —

Доносъ на гетмана злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея...

— Поняли?

— Нѣтъ, ничего не понялъ.

— Такъ оно и слѣдуетъ по аллегоріи.

И съ этимъ всадникъ, ударивъ себя кулакомъ въ грудь, добавилъ:

— Но только знайте, отче Захаріе, что это не казакъ ѣдетъ, а это дьяконъ Ахилла, и что сердце мое за его обиду стерпѣть не можетъ, а разума въ головѣ, какъ помочь, нѣтъ.

Проговоривъ это, дьяконъ пустилъ коню повода, стиснулъ его въ колѣняхъ и не поскакалъ, а точно полетѣлъ, махая по темно-синему фону ночного неба своими кудрями, своими необъятными лапами и рукавами навковой рясы, и хвостомъ, и разметистою гривой своего коня.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Николай Афанасьевичъ не напрасно ничего не ожидалъ отъ письма, съ которымъ поскакалъ дьяконъ. Ахилла проѣздивъ цѣлую недѣлю и, возвратясь домой съ опущенною головой и на понуромъ конѣ, отвѣчалъ, что ничего изъ того письма не было, да и ничего быть не могло.

— Отчего это такъ?—пытали Ахиллу.

— Очень просто! Оттого, что отецъ Савелій сами сказали мнѣ: брось эти хлопоты, другъ; для насъ, духовныхъ, нѣтъ защитниковъ. Проси всѣхъ, въ одолженіе мнѣ, не вступаться за меня.

И дьяконъ болѣе не хотѣлъ объ этомъ и говорить.

— Что же,—рѣшилъ онъ:—если уже нѣтъ промежъ насъ ни одного умнаго человѣка, который бы зналъ, какъ его защитить, такъ чего напрасно и суетиться? Надо исполнять его наученіе и не вмѣшиваться.

Ахилла гораздо охотнѣе рассказывалъ, въ какомъ положеніи нашель Туберозова и что съ нимъ было въ теченіе этой недѣли. Вотъ что онъ повѣствовалъ:

— Владыка къ нимъ даже вовсе не особенно грозны и даже совсѣмъ не гнѣвливы, и предали ихъ сему терзанію только для одной политики, чтобы не противорѣчить за чиновниковъ свѣтской власти. Для сего единственно и вызовъ отцу Савелію сдѣлали, да-съ! И отецъ Савелій могли бы и совсѣмъ эту вину съ себя сложить и возвратиться, потому что владыка потаенно на ихъ сторонѣ... да-съ! И имъ

было отъ владыки даже на другой же день секретно преподано, чтобъ они шли къ господину губернатору и повинились, и извинились, да-съ! Но токмо отецъ Савелій, по крѣпкому нраву своему, отвѣчали строптиво... Не знаю, говоритъ, за собой вины, а потому не имѣю въ чемъ извиняться! Этимъ и владыку ожесточили, да-съ! Но и то ожесточеніе сіе не особенное, потому владыка рѣшеніе консисторское о назначеніи слѣдствія насчетъ проповѣди синимъ херомъ перечеркнули и все тѣмъ негласно успокоили, что назначили отца Савелія къ причетнической при архіерейскомъ домѣ должности,—да-съ!

— И онъ нынѣ причетничествуетъ? — спросилъ Захарія.

— Да-съ; читаетъ часы и пареміи, но обычая своего не измѣняютъ, и на политичный вопросъ владыки: «въ чемъ ты провинился?» еще политичнѣе, яко бы по непонятливости, отвѣтилъ: «въ этомъ подрясникѣ, ваше преосвященство», и тѣмъ себѣ худшее заслужили, да-съ!

— О-о-охъ!—воскликнулъ Захарія и отчаянно замоталъ головкой, закрывъ ручками уши.

— Наняли у жандармскаго вахмистра въ монастырской слободкѣ желтенькую каморочку за два съ половиной серебра въ мѣсяць и ходятъ себѣ съ кувшиномъ на рѣку по воду. Но въ лицѣ и въ позиціи они очень заострились, и наказали, чтобы вы, Наталья Николаевна, къ нимъ всемѣрно спѣшили.

— Ъду, завтра же ъду,—отвѣчала плачущая протопопица.

— Да-съ; только и всѣхъ новостей. А этотъ прокуроръ, къ которому было письмо, говоритъ: «скажи, не мое это дѣло, у васъ свое начальство есть», и письма не дасть, а велѣлъ кланяться,—вотъ и возьмите, если хотите, себѣ его поклонъ. И еще велѣлъ всѣмъ вамъ поклониться господинъ Термосесовъ; онъ встрѣтился со мной въ городѣ: катить куда-то шибоко и говоритъ: «Ахъ, постой, говоритъ, пожалуйста, дьяконъ, здѣсь у воротъ: я тебѣ штучку сейчасъ вынесу: ваша почтмейстерна съ дочерью мнѣ предъ отъѣздомъ свой альбомъ навязала, чтобъ имъ стихи написать, я его завезъ, да и назадъ переслать не съ кѣмъ. Сдѣлай милость, просить. отдай имъ, когда назадъ поѣдешь». Я думаю себѣ: врагъ тебя побори. Давай, говорю, чтобъ отвязаться, и взялъ.

Дьяконъ вынулъ изъ кармана подрясника тонкій альбомчикъ изъ разноцвѣтной бумаги и прочиталъ:

На послѣднемъ семь листочкѣ
Пишемъ вамъ четыре строчки
Въ знакъ почтенія отъ насъ...
Ахъ, не вырвало бы васъ?

— Вотъ его всѣмъ вамъ почтеніе и примите опос. яко данъ вамъ благопотребную.

И Ахилла швырнулъ на столъ предъ публикой альбомъ съ почтеніемъ Термососова, а самъ отправился съ дороги спать на конюшню.

Утромъ рано его разбудилъ карликъ и, сѣвъ возлѣ дьякона на вязанку сѣна, спросилъ:

— Ну-съ, что же теперь, сударь, будемъ далѣе дѣлать?

— Не знаю, Николавра, ей-право, не знаю!

— Или на этомъ будетъ и квита?—язвилъ Николай Аонасычъ.

— Да, вѣдь, голубчикъ Никола... куда же сунешься?

— Куда сунуться-съ?

— Да; куда ты сунешься? ишь всюду волки сидятъ.

— Ну, а я, сударь, старый заяцъ: что мнѣ волковъ бояться? Пусть меня волки съѣдятъ.

Карликъ всталъ и равнодушно протянулъ Ахиллѣ на прощаніе руку, но когда тотъ хотѣлъ его удержать, онъ нетерпѣливо вырвался и, покраснѣвъ, добавилъ:

— Да-съ, сударь! Нехорошо! А еще великанъ!.. Оставьте меня; старый заяцъ волковъ не боится, пускай его съѣдятъ!— и съ этимъ Николай Аонасыевичъ, крихтя, влѣзъ въ свою большую крытую бричку и уѣхалъ.

Ахилла вышелъ вслѣдъ за нимъ за ворота, но уже брички и видно не было.

Въ этотъ же день дьяконъ выпроводилъ Наталью Николаевну къ мужу и остался одинъ въ опальномъ домѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Изъ умовъ городской интеллигенціи Савелій самымъ успѣшнымъ образомъ былъ вытѣсненъ стихотвореніемъ Термососова. Послѣдній пассажъ сего послѣдняго и скандальное положеніе, въ которомъ, благодаря ему, очутилась бойкая почтмейстерша и ея дочери, совсѣмъ убрали съ мѣстной сцены стараго протопопа; всѣ были довольны и всѣ поми-

рали со смѣху. О Термоссовѣ говорили, какъ «объ острой бестіи»; о протопопѣ изрѣдка вспоминали, какъ «о скучномъ маньякѣ».

Дни шли за днями; прошелъ мѣсяць и наступилъ другой. Городъ пробавлялся новостями, не идущими къ нашему дѣлу; то къ исправнику поступала жалоба отъ нѣкоей дѣвицы на начальника инвалидной команды, капитана Повердовню, то Ахилла, сидя на крыльцѣ у станціи, узнавалъ отъ проезжающихъ, что чиновникъ князь Борново-локовъ будто бы умеръ «скорописною смертію», а Туберовъ все пребывалъ въ своей ссылкѣ и друзья его солидно остепенились на томъ, что тутъ «ничего не подѣлаешь». Враги протопопа оказались нѣсколько лучше друзей; по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ не забыли его. Въ его спасеніе вступилась, напримѣръ, тонкая почтмейстерша, которая не могла позабыть Термоссову нанесенной ей тяжкой обиды и еще болѣе того не могла простить обществу его злорадства, и вздумала показать этому обществу, что она одна всѣхъ ихъ тоньше, всѣхъ ихъ умнѣе и дальновиднѣе, даже честнѣе.

Къ этому ей ниспосланъ былъ случай, которымъ она и воспользовалась опять не безъ тонкости и не безъ ядовитости. Она задумала ослѣпить общество нестерпимымъ блескомъ и поднять въ его глазахъ авторитетъ свой на небывалую высоту.

Верстахъ въ шести отъ города проводила лѣто въ своей роскошной усадьбѣ петербургская дама, г-жа Мордоконаки. Старый мужъ этой молодой и весьма красивой особы, въ пору своего откупничества, былъ нѣкогда воспріемникомъ одной изъ дочерей почтмейстерши. Это показалось послѣдней достаточнымъ поводомъ пригласить молодую жену стараго Мордоконаки на именины крестницы ея мужа и при всѣхъ неожиданно возвысить къ ней, какъ къ извѣстной филантропкѣ и покровительницѣ церквей, просьбу за угнетеннаго Туберозова.

Расчетъ почтмейстерши былъ не совсѣмъ плохъ: молодая и чудовищно богатая петербургская покровительница пользовалась вліяніемъ въ столицѣ и большимъ почетомъ отъ губернскихъ властей. Во всякомъ случаѣ она, если бы только захотѣла, могла бы сдѣлать въ пользу наказаннаго протопопа болѣе, чѣмъ кто-либо другой. А захочетъ

ли она? Но для того-то и будутъ ее просить всѣмъ обществомъ.

Дама эта скучала уединеніемъ и не отказала сдѣлать честь балу почтмейстерши. Ехидная почтмейстерша торжествовала: она болѣе не сомнѣвалась, что поразить уѣздную знать своею неожиданною инициативой въ пользу старика Туберозова, — инициативой, къ которой всѣ другіе, спохватясь, поневолѣ прикнутъ только въ качествѣ хора, въ роли людей значенія второстепеннаго.

Почтмейстерша танца эту сладкую мысль, но, наконецъ, настала и день ея осуществленія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

День именинъ въ домѣ почтмейстерши начинался, по уѣздному обычаю, утреннею закуской. Встрѣчая гостей, хозяйка ликовала, видя, что у нихъ ни у одного нѣтъ на умѣ ничего серьезнаго, что всѣ заботы объ изгнанномъ старикѣ испарились и позабыты.

Гости нагрянули веселые и радостные; первый пришелъ «уѣздный комендантъ», инвалидный капитанъ Повердовня, глазастый рыжій офицеръ изъ провіантскихъ писарей. Онъ принесъ именинницѣ стихи своего произведенія; за нимъ жаловали дамы, мужчины и, наконецъ, Ахилла дяконъ.

Ахилла тоже былъ веселъ. Онъ подалъ именинницѣ изъ-подъ полы рясы вынутую просфору и произнесъ:

— Богородичная-сь!

Затѣмъ на порогѣ появился кроткій отецъ Захарія и, раскланиваясь, заговорилъ:

— Госноди, благослови! Со днемъ ангела-хранителя! — и тоже подалъ именинницѣ въ двухъ перстахъ точно такую же просфору, какую нѣсколько минутъ назадъ принесъ Ахилла, проговоривъ:—примите богородичную просфору!

Поклонившись всѣмъ, тихій священникъ широко распахнулъ полы своей рясы, сѣлъ, отдулся и произнесъ:

— А долгое-таки нынче служеньеце было и на дворѣ очень жарко.

— Очень долго.

— Да-сь; помолились, слава Создателю!

И Захарія, загнувъ на локоть рукавъ новой рясы, принялъ чашку чаю.

Въ эту минуту предъ нимъ, улыбаясь и потирая губы,

появился лѣкаръ и спросилъ, сколько бываетъ богородичныхъ просфоръ за обѣдней?

— Одна, сударь, одна,—отвѣчалъ Захарія.—Одна была Пресвятая наша Владычица Богородица, одна и просфора въ честь ея вынимается; да-съ, одна. А тамъ другая въ честь мучениковъ, въ честь апостоловъ, пророковъ...

— Такъ богородичная одна?

— Одна; да-съ, одна.

— А вотъ отецъ дьяконъ говоритъ, что двѣ.

— Вреть онъ-съ; да-съ, вреть,—съ ласковою улыбкой отвѣчалъ добродушный отецъ Захарія.

Ахилла хотѣлъ отмолчаться, но, видя, что лѣкаръ схватилъ его за рукавъ, посигншилъ вырваться и пробасилъ:

— Никогда я этого не говорилъ.

— Не говорилъ? А какую же ты просфору принесъ?

— Нѣтую просфору,—отвѣчалъ дьяконъ и, нагнувшись подъ столъ, заговорилъ:—что это мнѣ показалось, будто я трубку здѣсь давеча видѣлъ...

— Съ нимъ это бываетъ,—проговорилъ, слабо вторя веселому смѣху лѣкаря, отецъ Захарія.—Онъ у насъ, бываетъ, иногда нѣчто соплететь; но только онъ это все безъ всякой цѣли; да-съ, онъ безъ цѣли.

Все утреннее угощеніе у именинницы на этотъ разъ предположено было окончить однимъ чаемъ. Почтмейстерша съ довольно изысканною простотой сказала, что у нея вся хлѣбъ-соль готовится къ вечеру, что она днемъ никого не проситъ, но зато постарается, чтобы вечеромъ всѣ были сыты и довольны и чтобы всѣмъ было весело.

И вотъ онъ и настала этотъ достопамятный вечеръ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Семейство почтмейстерши встрѣтило важную петербургскую гостью.

Большая, бѣлая, вальяжная Мордоконаки осчастливила собраніе и при ней все какъ бы померкло и омизерилось. Сама Данка Бизюкина смялась въ ея присутствіи. Хозяйка не набирала льстивыхъ словъ, и окружила гостью всеми интереснѣйшими лицами, наказавъ капитану Повердовнѣ и Варнавѣ Препотенскому занимать гостью всемѣрно. Личности мало-мальски неудобныя къ бесѣдованію были убраны. Эти личности были: голова, имѣвшій привычку употреблять

въ разговорѣ поговорку: «въ ротъ-те наплевагь»; старый кавказскій маіоръ, по поводу котораго въ горедѣ ходила поговорка: «глушь какъ кавказскій маіоръ», и съ ними дьяконъ Ахилла. Эти три лица были искусно спрятаны въ прохладномъ чуланѣ, гдѣ стояли вина и приготовленная закуска. Эти изгнанники сидѣли здѣсь очень уютно при одной свѣчкѣ и нимало не тиготились своимъ удаленіемъ за фронтъ. Напротивъ, имъ было здѣсь очень хорошо. Безъ чиновъ и въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ закуской, они вели самые оживленные разговоры и даже философствовали. Маіоръ добивался, отчего «бываетъ дерзость?», и объяснял происхожденіе ея разбалованностью и приводилъ тому разныя доказательства; но Ахилла возражалъ противъ множественности причинъ и говорилъ, что дерзость бываетъ только отъ двухъ причинъ: «отъ гнѣва и еще чаще отъ вина».

Маіоръ подумалъ и согласился, что, дѣйствительно, бываетъ дерзость, которая происходитъ и отъ вина.

— Это вѣрно, я вамъ говорю, — пояснилъ дьяконъ и, выпивъ большую рюмку настойки, началъ развивать. — Я вамъ даже и о себѣ скажу. Я во хмелю очень прекрасный, потому что у меня ни озорства, ни мыслей скверныхъ никогда нѣтъ; ну, я за то, братцы мои, смерть люблю пьяненькій хвастать. Ей-право! И не то, чтобъ я это дѣлалъ изнарочно, а такъ, вѣрно, по природѣ. Начну такое на себя сочинять, что послѣ самъ не надивлюсь, откуда только у меня эта брехня въ то время берется.

Голова и маіоръ засмѣялись.

— Право!—продолжалъ дьяконъ.—Вдругъ начну, напри- мѣръ, рассказывать, что прихожане ходили ко владыкѣ просить, чтобы меня имъ въ попы поставить, чего даже и самъ не желаю; или въ другой разъ увѣряю, будто губернскаго купечество меня въ протодьяконы просятъ произвестъ; а то...—Дьяконъ оглянулся по чулану и прошепталъ:—А то одинъ разъ брякнулъ, что будто я въ юности былъ тайно обрученъ съ консисторскаго секретаря дочерью! То-есть, я вамъ говорю, послѣ я себя за это мало не убилъ, какъ мнѣ эту мою продерзость стали рассказывать.

— А вѣдь дойди это до секретаря, вотъ бы сейчасъ и бѣда,—замѣтилъ маіоръ.

— Да какъ же-съ, не бѣда! Еще какая бѣда-то! — подтвердилъ дьяконъ, и опять пропустилъ настойки.

— Да, я вамъ даже, если на то пошло, такъ еще вотъ что разскажу,—продолжала онъ, еще понизивъ голосъ.—Я ужъ черезъ эту свою брехню-то разъ подь такое было дѣло попалъ, что чуть-чуть публичному истязанію себя не подвергъ. Вы этого не слыхали?

— Нѣтъ, не слыхали.

— Какъ же-съ! Ужасное дѣло было; могъ быть повѣщенъ по самому первому пункту въ законѣ.

— Господи!

— Да-съ; да этого еще-съ мало, что голова-то моя на площади бы скатилась, а еще и семь тысячъ триста лѣтъ дьяконъ въ православія день анаемой поминать бы меня, вмѣстѣ съ Гришкой Отрепьевымъ и Мазепою!

— Не можетъ быть! — воскликнулъ, повернувшись на своемъ мѣстѣ, маіоръ.

— Отчего же такъ не можетъ? Очень просто бы было, если бъ одинъ добрый человѣкъ не спасъ.

— Такъ вы, отецъ дьяконъ, это разскажите.

— А вотъ сейчасъ выпью водочки и разскажу.

Ахилла еще пропустилъ рюмочку и приступилъ къ продолженію разсказа о своемъ преступленіи по первому пункту.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

— Фортель этотъ, — началъ дьяконъ: — оттого зависѣлъ, что предъ Пасхой я поѣхалъ въ губернію, моя лошадь, да Серёги дьячка, парой спрягли. Серёга ѣхалъ за ребетенками, а я такъ; даже врагъ меня знаетъ зачѣмъ и поѣхалъ-то? Просто, чтобы съ знакомцами повидаться. Приѣхали-съ мы такимъ манеромъ подь самый городъ; а тамъ мостъ снесенъ и паромъ черезъ рѣку ходитъ. Пароду ждать видимо-невидимо; а въ перевозчицкой избѣ тутъ солдатики водкой шинкуютъ. Ну, пока до очереди ждать, мы и зашли, да съ холоду и выпили по двѣ косушечки. А тутъ народу всякаго: и послушники, и извозчики, и солдаты, и приказъ — это ужъ самый вредный народъ, — и нашей тоже братія духовенства. Знакомцы хорошіе изъ нашей округи тожь нашлись, ну, для соблюденія знакомства и еще по двѣ косушечки раздавили. А тутъ приказный, что къ парому отряженъ, и этакій шельма рѣчистый, все насъ заводить началъ. Я говорю: иди, братъ, откуда пришелъ; иди, ты намъ не родня. А онъ: «Я, говоритъ, государю моему

офицеръ!» Я говорю, я и самъ, братъ, все равно, что штабъ-офицеръ. «Штабъ-офицеръ, онъ говоритъ, попь, а ты ему подначальный». Я говорю, что у престола Божія точно, что я ниже попа стою по моему сану, а въ политикѣ, говорю, мы оба равны. Споръ пошелъ. Я разгорячился отъ этихъ самыхъ отъ козусиначекъ-то, да и говорю, что, говорю, ты знаешь, строка ты этакая! Ты, я говорю, Божьяго писанія понимать не можешь; у тебя книжокъ въ головѣ нѣтъ. Ты вогъ, говорю, скажи, былъ ли хоть одинъ попь на престолѣ? «Нѣтъ, говоритъ, не былъ». А, молъ, то-то и есть, что не былъ. А дьяконъ былъ и короною вѣнчался. «Кто такой? Когда это, говоритъ, было?» То-то молъ и есть *когда?* Я не арихметчикъ и этихъ годовъ въ точности не понимаю, а ты возьми, да въ книгахъ почитай, кто таковъ былъ Григорій Отрешевъ до своего воцаренія замѣсто Димитрія, вотъ ты тогда и увидишь, чего дьяконы-то стоятъ? «Ну, то, говоритъ, Отрешевъ; а тебѣ далеко, говоритъ, до Отрешева». А я это пьяненькій-то и брехни ему:—А почему, говорю, ты знать можешь, что далеко? А можетъ быть даже и совсѣмъ очень близко? Тотъ, говорю, на Димитрія былъ похожъ, а я може на какого-нибудь тамъ Франца-Венецыяна или Махмуда сдамся въ одно лицо, вотъ тебѣ и воцарюсь! Только-что я это проговорилъ, какъ, братцы вы мои, этотъ приказный сдѣлалъ сейчасъ крикъ, шумъ, свидѣтелей, бумаги. Схватили меня, связали, посадили на повозку съ соескимъ и повезли. Да дай Господи вѣчно доброе здоровье, а по смерти царство небесное жандармскому полковнику, Альберту Казиміровичу, что въ тѣ поры у насъ по тайной полиціи былъ. Призвалъ онъ меня утромъ къ себѣ, жену свою вызвалъ, да и говорить:—«Посмотри, душечка, на самозванца!»—Посмѣялся надо мной, посмѣялся, да и отпустилъ. «Ступай, говорятъ, отецъ Махмудъ, а впередъ козуски-то счетомъ глотай». Дай Богъ ему много лѣтъ!—повторилъ еще разъ отецъ дьяконъ и, еще разъ поднявъ рюмочку съ настійкой, добавилъ:—вотъ даже и сейчасъ выпью за его здоровье!

— Ну, это вы избавились отъ большой бѣды, — протянулъ майоръ.

— Да какъ же не отъ большой? Я потому и говорю: полякъ—добрый человекъ. Полякъ власти не любитъ, и если что противъ власти —онъ всегда снисходительный.

Около полуночи бесѣда этихъ трехъ отшельниковъ была прервана; настало и ихъ время присоединиться къ обществу: ихъ позвали къ столу.

Когда немножко выпившій и присанившійся дьяконъ вошелъ въ залу, гдѣ въ это время стоялъ уже накрытый къ ужину столъ и тѣсно сдвинутые около него стулья, капитанъ Повердовня взялъ Ахиллу за локоть и, отведя его къ столику, у котораго пили водку, сказалъ:

— Ну-ка, дьяконъ, пусти на дамъ хорошаго *мазенапа*.

— Это зачѣмъ?—спросилъ дьяконъ.

— А чтобъ онѣ на тебя вниманіе обратили.

— Ну, да; поди ты! стану я о твоихъ дамахъ думать! Чѣмъ мнѣ, вдовцу, на нихъ смотрѣть, такъ я лучше безъ всякаго грѣха двѣ капли водки выпью.

И, давъ такой отвѣтъ, Ахилла, дѣйствительно, выпилъ, да и всѣ выпили предъ ужиномъ по комплектной чаркѣ. Исключеніе составлялъ одинъ отецъ Захарія, потому что у него яко бы отъ всякаго вина голова кружилась. Какъ его ни упрашивали хоть что-нибудь выпить, онъ на всѣ просьбы отвѣчалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, освободите! Я ровно, ровно вина никакого не пью.

— Ниче всѣ пьютъ,—уговаривали его.

— Дѣйствительно, дѣйствительно такъ, ну, а я не могу.

— Курица и та пьетъ, — поддерживалъ потчивавшихъ дьяконъ Ахилла.

— Что жъ, пускай и курица!... Глупо это довольно, что ты, братецъ, мнѣ курицу представляешь...

— Хуже курицы вы, отецъ,—укорялъ Ахилла.

— Не могу! Чего хуже курицы? Не могу!

— Ну, если ужъ вина никакого не можете, такъ хоть хересу для политики выпейте!

Захарія, видя, что отъ него не отстають, вздохнулъ и, принявъ изъ рукъ дьякона рюмку, отвѣтилъ:

— Ну, еще ксересу такъ и быть; позвольте мнѣ ксересу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Балъ вступалъ въ новую фазу развитія.

Только-что всѣ сѣли за столъ, капитанъ Повердовня тотчасъ же успѣлъ встать снова и, обратившись къ петербургской филантропкѣ, зачиталъ:

Привѣтствую тебя, обитатель
Не здѣшняго міра!
Тебя, которую послалъ Создатель,
Поетъ моя лира.
Слетя къ намъ съ высотъ голубого зѣбра,
Тебя ждетъ здѣсь восторгъ добродушный;
Прикоснись веществамъ сего міра,
Оставь на время міръ воздушный.

Аристократка откупщицей породы выслушала это стихотвореніе, слегка покраснѣвъ, и взяла изъ рукъ Повердовни листокъ, на которомъ безграмотною писарскою рукой, съ тысячью росчерковъ, были написаны прочитанные стихи.

Хозяйка была въ восторгѣ, но гости ея имѣли каждый свое мнѣніе какъ объ умѣстности стиховъ Повердовни, такъ и объ ихъ относительныхъ достоинствахъ или недостаткахъ. Мнѣнія были различны: исправникъ, ротмистръ Порохонцевъ находилъ, что сказать стихи со стороны капитана Повердовни во всякомъ случаѣ прекрасно и любезно. Препотенскій, напротивъ, полагалъ, что это глупо; а дьяконъ уразумѣлъ такъ, что это просто очень хитро и, сидя рядомъ съ Повердовней, сказалъ капитану на ухо:

— А ты, братъ, я вижу, насчетъ дамъ большой шельма!

Но, какъ бы тамъ ни было, послѣ стиховъ Повердовни, всѣмъ обществомъ за столомъ овладѣла самая неподдѣльная веселость, которой почтмейстерша была уже и не рада. Говоръ не прекращался и не было ни одной паузы, которою хозяйка могла бы воспользоваться, чтобы заговорить о сосланномъ протопопѣ. Между тѣмъ гостя, повидимому, не скучала, и когда заботливая почтмейстерша въ концѣ ужина отнеслась къ ней съ вопросомъ: не скучала ли она? та съ искреннѣйшею веселостью отвѣчала, что она не умѣетъ ее благодарить за удовольствіе, доставленное ей ея гостями, и добавила, что если она можетъ о чемъ-нибудь сожалѣть, то это только о томъ, что она такъ поздно познакомилась съ дьякономъ и капитаномъ Повердовней. И госпожа Мордоконаки не преувеличивала; непосредственность Ахиллы и капитана сильно заняли ее. Повердовня, услыхавъ о себѣ такой отзывъ, тотчасъ же въ отвѣтъ на это раскланялся. Не остался равнодушень къ такой похвалѣ и дьяконъ: онъ толкнулъ въ бокъ Препотенскаго и сказалъ ему:

— Видишь, дуракъ, какъ насъ уважають, а о тебѣ ничего.

— Вы сами дуракъ,— отвѣчалъ ему шопотомъ недовольный Варнава.

Повердовня же минуто подумаль, крѣпко взялъ Ахиллу за руку, приподнялся съ нимъ вмѣстѣ и отъ лица обоихъ проговорилъ:

Мы станемъ свято твою память чтить.
Хранить ее на многія и счастливыя лѣта.
Позволь, о свѣтлый духъ, тебя молить:
Да услышана будетъ молитва эта!

И затѣмъ они, покрытые рукоплесканіями, сѣли.

— Вотъ видишь, а ты опять никакыхъ и стиховъ не знаешь,— укорилъ Варнаву дьяконъ Ахилла; а Повердовня въ эти минуты опять вспрыгнулъ уже и произнесъ, обращаясь къ хозяйкѣ дома:

Матреной ты паречена
И всѣмъ женамъ предпочтена.
Ура!

— Чтѣ это за капитанъ! Это совсѣмъ душа общества,— похвалила Повердовню хозяйка.

— А ты все ничего!— надоѣдалъ Варнаву дьяконъ.

— Давайте всѣ говорить стихи!

— Всѣ всѣ! Пусть исправникъ начинается!

— А что жъ такое: я начну!— отвѣчалъ исправникъ.— Безъ церемоніи: кто что можетъ, тотъ и читай.

— Начинайте! Да что жъ такое, ротмистръ! ей-Богу, начинайте!

Ротмистръ Порохонцевъ всталъ, поднялъ вровень съ лицомъ кубокъ и, посмотрѣвъ сквозь вино на огонь, началъ:

Когда деспотъ отъ власти отрекался,
Желая Русь какъ жертву усыпить,
Чтобы потомъ вѣрній ее сгубить,
Свободы гласъ вдругъ раздался,
И Русь на громкій братскій зовъ
Могла бъ воспринуть изъ оковъ.
Тогда какъ татъ ночной, боящійся разсвѣта,
Позорно ты бѣжалъ отъ друга и поэта
Взывавшаго: грѣхи жидовъ,
Отступничество уніатовъ,
Всѣ прегрѣшенія сарматовъ.
Принять я на душу готовъ.
Лишь только бъ русскому народу
Могъ возвратить его свободу!

Ура!

— Всѣ читаютъ, а ты ничего!— опять отпесся къ Пре-

потепскому Ахилла. — Это, братъ, ужъ какъ ты хочешь, а если ты пьешь, а ничего не умѣешь сказать, ты не чело-вѣкъ, а больше ничего какъ бурдюкъ съ виномъ.

— Что вы ко мнѣ пристааете съ своимъ бурдюкомъ! Сами вы бурдюкъ,—отвѣчалъ учитель.

— Что-о-о-о? — вскричалъ, обидясь, Ахилла. — Я бур-дюкъ?.. И ты это могъ мнѣ такъ смѣло сказать, что я бурдюкъ?!

— Да, разумѣется, бурдюкъ.

— Что-о-о?

— Вы сами не умѣете ничего прочесть, вотъ что!

— Я не умѣю прочесть? Ахъ ты, глупый чело-вѣкъ! Да я если только захочу, такъ я такое прочитаю, что ты дол-женъ будешь какъ листъ передъ травой вскочить да на но-гахъ слушать!

— Ну, ну, попробуйте, прочитайте.

— Да и прочитаю, и ты теперь кстати сейчасъ можешь видѣть, что у меня, дѣйствительно, верхняя челюсть ходить...

И съ этимъ Ахилла всталъ, обвелъ все общество широко раскрытыми глазами и, остановивъ ихъ на стоявшей по-среди стола солонкѣ, началъ низкимъ бархатнымъ басомъ отчетистое!

— «Бла-годенствен-н-н-ное и мир-р-рное житіе, здр-р-ра-авіе же и спас-с-сеніе... и во всемъ благ-г-гое послѣд-шеніе... на вр-р-раги же поб-б-бѣду и одол-лѣніе...» и т. д., и т. д.

Ахилла все забирался голосомъ выше и выше, лобъ, скулы и виски, и вся верхняя челюсть его широкаго лица все болѣе и болѣе покрывалась густымъ багрецомъ и по-томъ; глаза его выступали, на щекахъ, возлѣ угловъ губъ, обозначались бѣлыя пятна, и ротъ отверстие былъ какъ мѣдная труба и оттуда со звономъ, трескомъ и громомъ вылетѣло многолѣтіе, заставившее всѣ неодушевленные пред-меты въ цѣломъ домѣ задрожать, а одушевленные подняться съ мѣстъ и, не сводя въ изумленіи глазъ съ открытаго рта Ахиллы, тотчасъ, по произнесеніи имъ послѣдняго звука, хватить общимъ хоромъ: «Многая, многая, мно-о-о-огая лѣта, многая лѣ-ѣ-та!»

Одинъ Варнава хотѣлъ остаться въ это время при своемъ занятіи и продолжать учитьваться, но Ахилла поднялъ его

насилъно и, держа его за руку, пѣлъ: «многоя, многоя, мно-о-о-гая лѣта, многоя лѣта!»

Городской голова послалъ Ахиллѣ чрезъ сосѣда синюю бумажку.

— Это что же такое?—спросилъ Ахилла.

— *Всей палатъ*. Хвати «всей палатѣ и воинству», — просилъ голова.

Дьяконъ положилъ ассигнацію въ карманъ и ударилъ:

— «И вс-сей пал-латѣ и в-воинству ихъ, мно-о-огая лѣттта!»

Это Ахилла сдѣлалъ уже превзойдя самого себя, и за то, когда онъ окончилъ многолѣтіе, то пѣть рискнулъ только одинъ привычный къ его голосу отецъ Захарія, да городской голова: всѣ остальные гости пали на свои мѣста и полулежали на стульяхъ, держась руками за столъ или другъ за друга.

Дьяконъ былъ утѣшенъ.

— У васъ рѣдкій бастъ, — сказала ему первая, оправясь отъ испуга, петербургская дама.

— Помилуйте, это вѣдь я не для того, а только чтобы доказать, что я не трусь и знаю, что прочиталъ.

— Ишь, ишь!.. А кто же тутъ трусь? — вмѣшался Захарія.

— Да, во-первыхъ, отецъ Захарія, вы-сь! Вы вѣдь со старшими даже хорошо говорить не можете: заикаетесь.

— Это правда, — подтвердилъ отецъ Захарія: — я предъ старшими въ таковыхъ случаяхъ, точно, заикаюсь. Ну, а ты, а ты? Развѣ старшихъ не боишься?

— Я?.. мнѣ все равно: мнѣ что самъ владыка, что кто простой, все равно. Мнѣ владыка говоритъ: такъ и такъ, братецъ, а я ему тоже: такъ и такъ, ваше преосвященство; только и всего.

— Правда это, отецъ Захарія? — пожелалъ освѣдомиться преслѣдующій дьякона лѣкарь.

— Вретъ, — спокойно отвѣчалъ, не сводя своихъ добрыхъ глазъ съ дьякона, Бенефактовъ.

— И онъ также архіерею въ землю кувyrкается?

— Кувyrкается-сь.

— Никогда! У меня этого и положенія нѣтъ, — вырубалъ дьяконъ, выдвигаясь всею грудью. — Да мнѣ и невозможно. Мнѣ если бѣ обращать на всѣхъ вниманіе, то я и жизни бы

своей были не радъ. У меня вотъ и теперь не то что владыка, хоть онъ и преосвященный, а на меня теперь всякій день такое лицо смотритъ, что сто разъ его важнѣе.

— Это ты про меня, что ли, говоришь?—спросилъ лѣкаръ.

— Съ какой стати про тебя? Нѣтъ, не про тебя.

— Такъ про кого же?

— Ты давно ли читалъ новыя газеты?

— А что-жъ тамъ такого писали?—спросила, какъ дитя развеселившаяся, гостыя.

— Да по распоряженію самого оберъ-протопресвитера Ваканова посланъ придворный регентъ по всей Россіи для царской пѣвческой басовъ выбирать. Въ генеральскомъ чинѣ онъ и ордена имѣеть, и даромъ что гражданскій, а ему архіерей все равно, что ничего, потому что, вѣдь, у государя и кучеръ, который на козлахъ ѣздитъ, и тотъ полковникъ. Ну-съ, а приказано ему, этому регенту, идти по-таенно, въ родѣ какъ простолюдину, чтобы баса при немъ не надюжались, а по волѣ бы онъ могъ ихъ выслушать.

Дьяконъ затруднялся продолжать, но лѣкаръ его подогналъ.

— Ну, что-жъ далѣе?

— А далѣе, этотъ царскій регентъ теперь пятую недѣлю въ нашемъ городѣ находится, вотъ что? Я и вижу, какъ онъ въ воскресенье войдетъ въ синей сибиркѣ и межъ мѣщанами и стоитъ, а самъ все меня слушаетъ. Теперь другой на моемъ мѣстѣ что бы долженъ дѣлать? Долженъ бы онъ сейчасъ предъ царскимъ посломъ мелкимъ бѣсомъ разсыпаться, зазвать его къ себѣ, угостить его водочкой, чаемъ попотчевать; вѣдь такъ? А у меня этого нѣтъ. Хоть ты и царскій регентъ, а я, братъ, нѣтъ... шалишь... поступай у меня по закону, а не хочешь по закону, такъ адью, мое почтенье.

— Это онъ все вретъ?—отнесся къ отцу Захарія лѣкаръ.

— Вретъ-съ,—отвѣчалъ, по обыкновенію спокойно, отецъ Захарія.—Онъ немножко выпилъ, такъ отъ него ужъ теперь правды до завтра не услышишь, все будетъ въ мечтаніи хвастать.

— Нѣтъ, это я вѣрно говорю.

— Ну, полно,—перебилъ отецъ Захарія.—Да тебѣ, братецъ, тутъ нечѣмъ и обижаться, когда у тебя такое заведеніе мечтовать по разрѣшеніи на вино.

Ахилла обидѣлся. Ему показалось, что послѣ этого ему

не вѣрятъ и въ томъ, что онъ не трусь, а этого онъ ни за что не могъ снести, и онъ клялся за свою храбрость и требовалъ турнира, немедленнаго и самаго страшнаго.

— Я всѣмъ хочу доказать, что я всѣхъ здѣсь храбрѣе, и докажу.

— Этимъ, отецъ дьяконъ, не хвалитесь, — сказалъ маіоръ. — Особенно же вы сами сказали, что имѣете слабость... прихвастнуть.

— Ничего, слабость имѣю, а хвалюсь: я всѣхъ здѣсь храбрѣе.

— Не хвалитесь. Иной разъ и на храбреца трусь находить, а другой разъ трусь чего и не ждешь надѣлаешь, да-съ, да-съ, это были такіе примѣры.

— Ничего, подавай.

— Да кого-жъ подавать-съ? Позвольте, я лучше примѣръ представлю.

— Ничего, представляйте.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

— У насъ, какъ я съ Кавказа перевелся, — началъ маіоръ: — былъ полковникъ, превеселый начальникъ и службистъ. Саблю золотую имѣлъ за храбрость. Дѣлали мы Венгерскую кампанію въ сорокъ восьмомъ году. Ночью нужно было охотниковъ послать, а тутъ попойка шла. Полковникъ и говоритъ: «сколько охотниковъ?» Адъютантъ отвѣчаетъ: «сто десять охотниковъ». — «Ого!» говоритъ полковникъ, а самъ въ преферансъ играетъ. «Это, говоритъ, много. Нѣтъ ли между ними трусовъ?» Адъютантъ говоритъ: «нѣту». — «А если есть?» — «Не надѣюсь», говоритъ, «господинъ полковникъ». — «А ну-те-ка, говоритъ, соберите ихъ». Собрали. «Ну-ка, говоритъ полковникъ, попробуемъ. Кто самый храбрый? Кто за старшаго?» Такой-то, Сергѣевъ, тамъ что ли, или Ивановъ. «Позвать, говоритъ, его сюда. Ты за старшаго идешь?» — «Я, говоритъ, ваше высокоблагородіе». — «Ты не трусь?» — «Никакъ нѣтъ, говоритъ, ваше высокоблагородіе». — «Не трусь?» — «Нѣтъ». — «Ну, если не трусь, потяни меня за усь». Солдатики стали да п ни съ мѣста, и оробѣли. Кликнули другого, и другой тоже, третьяго, и третій, и пятый, и десятый. Всѣ трусами въ этотъ разъ оказались.

— Ахъ, лукавый его возьми! Вотъ выдумщикъ! — восклик-

нулъ весело Ахилла.—«Трусъ, потяни меня за усы!» Ха-ха-ха!.. Это отлично! Капитанъ, пусть, другъ, тебя учитель Варнава за усы тронетъ.

— Охотно,—отвѣчалъ капитанъ.

Препотенскій отказывался, но его раздражили злыми пашьками надъ его трусостью, и онъ согласился.

Ахилла выставилъ на средину комнаты стулъ и капитанъ Повердовня сѣлъ на этотъ стулъ и подперся въ бока по-кавалерійски.

Вокругъ него стали исправникъ, Захарія, голова и маіоръ.

Ахилла помѣстился у самаго плеча Варнавы и наблюдалъ каждое его движеніе.

Учитель пыхтѣлъ, мялся, ежился, и то робко потуплялъ глаза, то вдругъ расширялъ ихъ и, не шевелиясь, двигался всѣмъ своимъ существомъ, точно по немъ кверху полозьями ѣздили.

Ахилла, по добротѣ своей, ободрялъ его какъ умѣлъ, говоря:

— Да чего же ты, дурачокъ, испугался? Ты небось: онъ не укуситъ, не робѣй.

И съ этимъ дьяконъ послонилъ себѣ концы пальцевъ, сердобольно поправилъ ими набѣгавшую на глаза Варнавы косицу и добавилъ:

— Ну, хватай его сразу за усы!

Варнава тронулся, но дрогнулъ въ колѣняхъ и отступилъ.

— Ну, такъ ты трусь,—сказалъ Ахилла.—А ты бы, дурачокъ, посудилъ: чего ты боишься-то?.. Смѣхъ!

Варнава посудилъ и разслабѣлъ еще хуже. А Повердовня сидитъ какъ божокъ и чувствуетъ, что онъ «душа общества» и готовитъ обществу еще новый сюрпризъ.

— Ты трусь, братецъ, трусь. Презрѣнный трусь, понимаешь ли, самый *презрѣнный трусь*,—внушалъ на ухо учителю Ахилла.

— Что-жь это, нехорошо: гости ждуть,—замѣчалъ маіоръ.

Препотенскій подумалъ и, указавъ пальцемъ на исправника, сказалъ:

— Позвольте, я лучше Воина Васильича потяну.

— Нѣтъ, ты не его, а меня,—настаивалъ Повердовня и опять засерьезничалъ.

— Трусь, трусь!—опять шепчутъ со всѣхъ сторонъ. Варнава это слышитъ и по его лицу выступаетъ холодный

потъ, по тѣлу его бѣгутъ мурашки; онъ разнемогается нестерпимую, раздражающею немочью робости и въ этой робости даже страшень становится.

Прежде всѣхъ это замѣтилъ близко за нимъ наблюдавшій Ахилла. Видя острое сверканіе глазъ учителя, онъ киваль исправнику отойти подальше; а Захарію просто взялъ за рукавъ и, оттянувъ назадъ, сказалъ:

— Не стойте около него, отецъ: видите, онъ мечтаетъ.

Варнава началъ выступать. Вотъ онъ дѣлаетъ шагъ, вотъ трепещущая рука труса шевельнулась, отдѣлилась и стала подниматься тихо и медленно, но не къ усамъ капитана, а неукоснительно прямо къ лицу исправника.

Это постоянное стремленіе Варнавиной руки къ исправничьей физиономіи заставило всѣхъ улыбнуться.

— Чортъ его, братцы мои, знаетъ, что въ немъ такое дѣйствуетъ!—воскликнулъ Ахилла и, обратясь къ исправнику, еще разъ ему погрозилъ: отойди, молъ, а то, видишь, человекъ смущается.

Но въ это же краткое мгновенье Препотенскій, зажмури глаза, издавшаго коснулся усомъ Повердовни: капитанъ на него страшно зарычалъ и неожиданно гавкнулъ по-собачьи. Варнава, не снеся этого, неистово вскрикнулъ и, кинувшись пантерою на исправника, началъ въ безпамятствѣ колотить кого попало.

Это былъ сюрпризъ, какъ никто не ожидалъ, и эффектъ его былъ полнѣйшій. Опрокинутая лампа, пылающій керосинъ, бѣгущіе гости, ужасъ исправника и вопли Варнавы, отбивавшагося въ углу отъ преслѣдующаго его привидѣнія,— все это сдѣлало продолженіе шра невозможнымъ.

Петербургская гостыя увъзкала, а Препотенскій, хорошо знавшій всѣ ходы и переходы почтмейстерскаго помѣщенія, пользуясь минутой проводовъ, бросился коридоромъ въ контору и спрятался тамъ за шкафомъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Почтмейстерша, петербургово расхаживая въ кофтѣ по своей комнатѣ, мысленно отыскивала, кто могъ быть первымъ виновникомъ совершившагося ужаснаго событія. Кто затѣялъ эту шутку?

— Нѣтъ, еще шутка ничего, — разсуждала она: — а кто пригласилъ Препотенскаго? Да и это не то, а кто меня съ

нимъ познакомилъ? Кто же, какъ не муженекъ мой... Приходить: вотъ-де, рекомендую тебѣ Варнаву Васильича. Ну, погоди же ты: задамъ я тебѣ Варнаву Васильича! Но только гдѣ же это мой мужъ?—вопросила она, оглядываясь.—Неужто онъ спитъ? Неужто онъ можетъ спать послѣ того, что случилось!.. Ну я этого не могу,—рѣшила почтмейстерша, и нетерпѣливо выскочила въ залъ, гдѣ по обыкновенію, ночевывалъ почтмейстеръ, изгоняемый при домашнихъ счетахъ изъ супружеской опочивальни. Но, къ удивленію хозяйки, мужа ея здѣсь не было.

— А! это онъ отъ меня прычется; онъ теперь хранить на диванѣ въ конторѣ... Ну, да не будете же вы храпѣть!—И почтмейстерша пустилась къ конторѣ.

Почтмейстерша почти не ошиблась: мужъ ея, дѣйствительно, спалъ въ конторѣ; но маленькая ошибка съ ея стороны была лишь въ томъ, что почтмейстеръ спалъ не на диванѣ, какъ полагала она, а на столѣ. На диванѣ же спалъ Препотенскій, который послѣ всего, что съ нимъ здѣсь произошло, боялся идти домой, опасаясь, не подкарауливаетъ ли его гдѣ-нибудь за угломъ Ахилла, и уговорилъ почтмейстера позволить ему переночевать для безопасности. Почтмейстеръ на это согласился тѣмъ охотнѣе, что, видя жену свою въ состояніи крайняго раздраженія, онъ и самъ находилъ выгоды имѣть въ эту пору около себя въ домѣ чужого человѣка, и потому онъ не только не отказалъ Варнавѣ въ ночлегѣ, но даже, какъ любезный хозяинъ, предоставилъ въ его пользованіе стоявшій въ конторѣ диванъ, а самъ легъ на больномъ сортировальномъ столѣ и закрылся съ головой снятымъ съ этого же стола канцелярскимъ сукномъ.

Дверь изъ комнаты въ контору, гдѣ спали почтмейстеръ и Препотенскій, была заперта. Это еще болѣе взбѣсило энергическую даму, ибо, по уставу дома, ни одна изъ его внутреннихъ дверей никогда не должна была запирается отъ ея, хозяйкина, контроли, а въ конторѣ почтмейстерша считала себя такою же хозяйкой, какъ и въ своей спальнѣ. И вдругъ неслыханная дерзость!..

Почтмейстерша вскипѣла. Она еще разъ потрогала дверь, но дверь не отпирается: крючокъ постукиваетъ, но сидитъ въ петлѣ, а между тѣмъ сквозь дверь слышно два дыханія. Два! Можно представить себѣ весь ужасъ, объявшаго сердце жены при такомъ внезапномъ открытіи!

Оскорбленная въ своихъ правахъ супруга кинулась назадъ по коридору и, вѣжжавъ въ кухню, бросилась къ столу. Долго она шарила впотьмахъ руками по большому ящику, въ которомъ кишѣлъ рой прусаковъ, и, наконецъ, нашла именно то, что ей здѣсь было нужно.

Это былъ ножъ.

Огромный интересъ, возбуждаемый этою строкой, заставляетъ на ней приостановиться, чтобы дать читателю приготовиться быть свидѣтелемъ ужаснаго событія.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Животрешущая дама, вооруженная большимъ кухоннымъ ножомъ, засучивъ правый рукавъ своей кофты, прямо направилась къ двери конторы и еще разъ приложила ухо къ створу. И сомнѣнія никакого не было, что злочастная пара наслаждается спомъ безмятежнымъ: такъ и слышно какъ одинъ, болѣе сильный, субъектъ гудеть гусакомъ, а другой, нѣжнѣйшій, выпускаетъ придыханіемъ протяжище «пхэ».

Почтмейстерша завела ножъ въ дверной створъ, приподняла крючокъ, и легкая тесовая дверка безъ всякихъ затрудненій тихо скринула и отворилась.

Разсвѣтъ еще былъ далеко и въ комнатѣ только чуть видны были едва сѣрѣющія окна, но привычный глазъ различилъ здѣсь и столъ съ почтовыми вѣсками, и другой длинный столъ въ углу, и диванъ.

Держась лѣвою рукой около стѣны, негодующая почтмейстерша направилась прямо къ дивану и, щупая впотьмахъ руками, безъ большихъ затрудненій, отыскала храпуна, который лежалъ на самомъ краю и, немножко свѣсивъ голову, игралъ во всю носовую завертку. Спящій ничего не слышалъ и, при приближеніи почтмейстерши, храпнулъ даже съ нѣкоторымъ особеннымъ удовольствіемъ, какъ будто чувствовалъ, что всему этому скоро конецъ, что этимъ удовольствіемъ ему уже болѣе сегодня не наслаждаться.

Это такъ и случилось.

Не успѣвъ спящій сдѣлать послѣдней фіоритуры, какъ лѣвая рука почтмейстерши сильно приподняла его за волосы, а правая, выбросивъ ножъ, дала ему нестерпимую оплеуху.

— Мм... зачѣмъ же! зачѣмъ!—заговорилъ пробужденный

хранушь, но вмѣсто отвѣта получилъ другую пощечину, потомъ третью, пятую, десятую, и всё одна другой громче, одна другой сильнѣе и оглушительнѣй.

— Ай, ай, ай, ай!—восклидалъ онъ, уклоняясь отъ сыпавшихся на него изъ непроглядной тьмы затрещинъ, которыя вдругъ смѣнились беззвучною, отчаянною трепкой и поволочкой.

— Мамчикъ! Что ты это, мамчикъ! вѣдь это не я, а Варнава Васильевичъ,—воззвалъ вдругъ въ это время со стола разбуженный и испуганный почтмейстеръ.

Почтмейстерша оторопѣла, выпустила изъ рукъ гривку Варнавы и, вскрикнувъ: «Да что же это вы, разбойникъ, со мною дѣлаете!»—кинулась къ мужу.

— Да; вотъ это я... это я!—услышавъ Варнава голосъ почтмейстера и, ничего не соображая въ эту минуту, кромѣ необходимости бѣжать, быстро сорвался съ дивана и, отыскавъ выходную дверь, выскочилъ въ одномъ обльѣ на улицу.

Онъ былъ избитъ очень серьезно и, обтерши себѣ рукавомъ лицо, замѣтилъ, что у него идетъ изъ носа кровь.

Въ это же время дверь тихо приотворилась и почтмейстеръ тихо назвалъ Препотенскаго по имени.

— Здѣсь,—отвѣчалъ глухо Препотенскій.

— Ваше платье, и извините.

Дверь снова захлопнулась, а на землю упало платье. Учитель сталъ подбирать его. Минуту спустя, къ его ногамъ черезъ заборъ шлепнулись салоги.

Варнава съѣлъ на землю и надѣлъ сапоги; потомъ вздѣлъ кое-какъ свое одѣяніе и побрелъ къ дому.

На дворѣ начинало немножко свѣтать, а когда Препотенскій постучалъ въ кольцо у калитки своего дома, стало даже и совсѣмъ видно.

— Боже, кто это тебя, Варначокъ, такъ изувѣчилъ?—вскрикнула, встрѣтивъ запоздалаго сына, просвирня.

— Никто-съ, никто меня не изувѣчилъ. Ложитесь спать. Это на меня впотьмахъ что-то накинудось.

— *Накинудось!*

— Ну, да, да, да, впотьмахъ что-то накинудось, и только. Старушка-просвирня зарыдала.

— Чего вы визжите! Не до васъ мнѣ.

— Это они, они тебя мучать!..—заговорила, всхлипывая,

старуника. — Да; теперь тебѣ ужь не жить здѣсь больше, Варнаша.

— Кто они?—вскрикнуть недовольный Препотенскій.

Старушка указала рукой по направленію къ пустымъ подставкамъ, на которыхъ до недавняго времени висѣлъ скелетъ, и прошептала: «мертвецы!» она убѣжала, крестясь, въ свою каморку.

Черезъ день учитель Препотенскій съ отпускомъ и бѣдными грошами въ карманѣ бѣжала изъ города, оставивъ причину своего внезапнаго бѣгства для всѣхъ вѣчною загадкой.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Госпожа Мордоконаки возвратилась къ себѣ тоже около того самаго времени, когда доплелся домой изувѣченный Варнаша Препотенскій.

Быстрая ѣзда по ровной, крѣпкой дорогѣ имѣла на петербургскую даму то пріятное освѣжающее дѣйствіе, въ которомъ человѣкъ нуждается, проведя долгое время въ шумѣ и говорѣ, при необходимости принимать во всемъ этомъ свою долю участія. Мордоконаки не смѣялась надъ тѣмъ, что она видѣла. Она просто отбыла свой визитъ въ низменныя сферы и уходила отъ нихъ съ тѣмъ самымъ чувствомъ, съ какимъ она уходила съ крестинъ своей экономки, упривившей ее когда-то быть восприемницей своего ребенка.

Въ этомъ удобномъ состояніи духа она пріѣхала домой, прошла рядъ пустыхъ богатыхъ покоевъ, раздѣлась, легла въ постель и, почувствовавъ, что ей будто холодно, протянула руку къ пледу, который лежалъ свернутый на табуретѣ у ея кровати.

Къ удивленію своему, раскидывая этотъ пледъ, она замѣтила посреди его приколотую булавкой бумажку. Это былъ вчетверо сложенный тонкій, почтовый листокъ.

Сонная красавица взглянула внимательно на этотъ supplement къ ея пледу, и посреди странныхъ бордюрокъ, сдѣланныхъ по краямъ листка, увидала крупно написанное русскими буквами слово: «*Парольдонеръ*».

«Что бы это могло значить!»—подумала она и, выдернувъ булавку, развернула листокъ и прочитала: «Милостивая государыня! Извините меня, что я предъ вами откровенный, потому что военный всегда откровенный. Духовно радуюсь

и Бога благодарю, что вы отъѣзжаете устроить къ ночи вашихъ любезныхъ дѣтей. Дай Боже имъ достигнуть такой цѣли, какъ матушка ихняя. Прошу васъ покорнѣйше написать отвѣтъ. Если же вы находите, что Повердовня не заслужилъ расположенія, то удостойте своимъ неземнымъ под черкомъ, который будетъ оцѣненъ въ душѣ моей.

Неземной я васъ называю
Вы души моей гумиръ,
Вамъ всю душу открываю,—
Въ васъ сокрытъ волшебный міръ.

«Капитанъ Повердовня».

Мордоконаки расхохоталась, еще разъ прочтала посланіе влюбленнаго капитана и, закрывъ серебрянымъ колпачкомъ парафиновую свѣчку, сладко уснула, подумавъ:

«Bon Dieu, voilà la véritable Russie!»

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ тотъ же самый день, когда въ Старомъ Городѣ, такимъ образомъ, веселились, далеко, въ желтой каморкѣ ссыльнаго протопопа шла сцена другого рода. Тамъ умирала Наталья Николаевна.

По своей аккуратности и бережливости, протопошица все время своего пребыванія при мужѣ въ его ссылкѣ обходилась безъ прислуги и брала на себя труды, вовсе ей непривычные и непосильные. Добравшись до послѣдней двадцати-пяти-рублевой ассигнаціи въ своей коробкѣ, она испугалась, что у нихъ скоро не будетъ ни гроша, и рѣшила просить своего хозяина, жандарма, подождать на нихъ за квартиру, пока выйдетъ имъ прощеніе. Жандармъ на это согласился, и Наталья Николаевна тщательно скрывала все это отъ мужа, искала всѣми мѣрами отслужить чѣмъ-нибудь своему хозяину: она копала съ его работницей картофель, рубила капусту и ходила сама со своимъ оубьемъ на рѣку.

Ея годы и ея плохое здоровье этого не вынесли, и она заболѣла и слегла.

Протопопъ осуждалъ ея хлопотливостъ и заботливостъ.

— Ты думаешь, что ты помогаешь мнѣ,—говорилъ онъ:— а я когда узналъ, что ты дѣлала, такъ... ты усугубила муки мои.

— Прости,—прошентала Наталья Николаевна.

— Что прости? Ты меня прости, — отвѣчалъ протопопъ и съ жаромъ взялъ и поцѣловалъ женину руку. — Я истерзалъ тебя моею непокорною нравностью, но хочешь... скажи одно слово, и я сейчасъ пойду покорюсь для тебя...

— Что ты, что ты! Никогда я не скажу этого слова! Тебя ли мнѣ учить, ты все знаешь, что къ чему устроишь!

— Къ чести моей, другъ, все сіе переношу.

— И Боже тебѣ помогай, а обо мнѣ не думай.

Протопопъ опять поцѣловалъ женины руки и пошелъ дьячить, а Наталья Николаевна свернулась калачикомъ и заснула, и ей привидѣлся сонъ, что вошелъ будто къ ней дьяконъ Ахилла и говорить: «что же вы не помолитесь, чтобъ отцу Савелію легче было страждовать?» — «А какъ же, спрашиваетъ Наталья Николаевна, поучи, какъ это произнести?» — «А вотъ, говоритъ Ахилла, что произносите: Господи, ими же вѣси путями спаси!» — «Господи, ими же вѣси путями спаси!» благоговѣнно проговорила Наталья Николаевна, и вдругъ почувствовала, какъ будто дьяконъ ее взялъ и внесъ въ алтарь, и алтарь тотъ огромный-преогромный: столбы — и конца имъ не видно, а престолъ до самаго неба и весь сіяетъ яркими огнями, а назадъ, откуда они уходили, — все будто крошечное, столь крошечное, что даже смѣшно бы, если бы не та тревога, что она женщина, а дьяконъ ее въ алтарь внесъ. «Въ умѣ ли ты, дьяконъ!» говоритъ она Ахиллѣ: — «тебя сана лишать, что ты женщину въ алтарь внесъ». А онъ отвѣчаетъ: «вы не женщина, а вы *сила!*» и съ этимъ не стало ни Ахиллы, ни престола, ни сіянія, и Наталья Николаевна не спитъ, а дивляется, отчего же это все вокругъ нея остается такое маленькое: вонъ самоваръ не какъ самоваръ, а какъ будто игрушка, а на немъ на конфорочкѣ яичная скорлупочка вмѣсто чайника...

Въ это время вернулся изъ монастыря Туберозовъ и что-то ласково заговорилъ, но Наталья Николаевна такъ и замахала ему руками.

— Тише, — говорить, — тише: вѣдь я скоро умру.

Протопопъ удивился.

— Что ты, Наташа, Богъ съ тобой!

— Нѣтъ, умру, дружокъ, умру: я уже вполонину умерла.

— Кто же тебѣ это сказалъ?

— Какъ кто сказалъ? Я ужъ все вполонину вижу.

Пришелъ лѣгавъ, пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ языкъ и говоритъ: «Ничего, простуда и усталость».

Туберозовъ хотѣлъ сказать, что больная все вполонину видитъ, да посовѣтился.

— Что жь, отлично, что ты ему не сказала, — отвѣчала на его слова объ этомъ Наталья Николаевна.

— А ты все видишь вполонину?

— Да, вполонину; вошь вѣдь это на небѣ, должно-быть, мѣсяць?

— Мѣсяць въ окно на насъ съ тобой, на старыхъ, смотреть.

— А я вижу точно рыбій глазокъ.

— Тебѣ это все кажется, Наташа.

— Нѣтъ, это, отецъ Савелій, вѣрно такъ.

Туберозовъ, желая разубѣдить жену, показалъ ей вынутую изъ коробки заветную двадцати-пяти-рублевую ассигнацію и спросилъ:

— Ну, скажи: а это что такое?

— Двѣнадцать съ полтиной, — кротко отвѣчала Наталья Николаевна.

Туберозовъ испугался: что это за притча непонятная, а Наталья Николаевна улыбнулась, взяла его за руку и, закрывъ глаза, прошептала:

— Ты шутишь и я шучу: я видѣла, это наша бумажка; все маленькое... а вотъ зажмурюсь, и сейчасъ все станетъ большое, пребольшое-большое. Все возрастаютъ: и ты, и Николай Аванасьевичъ, дружокъ, и дяконочекъ Ахилла... и отецъ Захарія... Славно мнѣ, славно, не будите меня!

И Наталья Николаевна заснула навѣки.

Часть пятая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Карликъ Николай Аонасьевичъ не одинъ былъ пораженъ страшнымъ спокойствіемъ лица и дрогающею головою Туберозова, который медленно ступалъ по глубокой слякоти немощныхъ улицъ за гробомъ своей усопшей жены Натальи Николаевны. Въ большихъ и молчаливыхъ скорбяхъ человѣка съ глубокою натурой есть несомнѣнно всѣми чувствуемая неотразимая сила, внушающая страхъ и наводящая ужасъ на натуры маленькія, обыкшія изливать свои скорби въ вопляхъ и стenanіяхъ. То чувствовали теперь и люди, которымъ было какое-нибудь дѣло до осиротѣлаго старика, лишеннаго своей вѣрпой подружки. Когда могильная земля загучала по крышкѣ гроба Натальи Николаевны и запрещенный протопопъ обернулся, чтобы сойти съ высокаго отвала, всѣ обружавшіе его понягились и, разступясь, дали ему дорогу, которую онъ и прошелъ одинъ-одиношенекъ съ обнаженною головою черезъ все кладбище.

У воротъ онъ остановился, помолился на образъ въ часовнѣ и, надѣвъ свою шляпу, еще разъ оглянулся назадъ и изумился: предъ нимъ стоялъ карликъ Николай Аонасьевичъ, слѣдовавшій за нимъ отъ самой могилы въ двухъ шагахъ разстоянія.

На серьезномъ лицѣ протопопа выразилось удовольствіе: онъ, очевидно, былъ радъ встрѣчѣ со «старою сказкой» въ такую тяжелую минуту своей жизни и, отворотясь въ сто-

рону къ черпымъ полямъ, покрытымъ замерзшею и свернувшееся озимю зеленью, уронилъ изъ глазъ тяжелую слезу — слезу одинокую и быструю какъ капля ртути, которая, какъ сиротка въ лѣсу, сириталась въ его сѣдой бородѣ.

Карликъ видѣлъ эту слезу и, понявъ ее во всемъ ея значеніи, тихонько перекрестился. Эта слеза облегчила грудь Савелія, которая становилась тѣсною для сжатаго въ ней горя. Онъ мощно дунулъ предъ собою и, въ отвѣтъ на приглашеніе карлика сѣсть въ его бричку, отвѣчалъ:

— Да, Николаша, хорошо, я сиду.

Они ѣхали молча, и когда бричка остановилась у жап-дармской хибары въ монастырской слободкѣ, Туберозовъ молча пожалъ руку карла и молча пошелъ къ себѣ.

Николай Аѳанасьевичъ не слѣдовалъ за нимъ, потому что онъ видѣлъ и понималъ желаніе Туберозова быть съ самимъ собою. Онъ навѣститъ вдовца только вечеромъ и, посидѣвъ немного, попросилъ чайку, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ будто озябъ, хотя главною его цѣлію тутъ была попытка отвлечь Савелія отъ его горя и завести съ нимъ бесѣду о томъ, для чего онъ, Николай Аѳанасьевичъ, пріѣхалъ. Планъ этотъ удался Николаю Аѳанасьевичу какъ нельзя лучше, и когда Туберозовъ, внося къ себѣ въ комнату киницій самоваръ, началъ собирать изъ поставца чашки и готовить чай, карликъ завелъ издали тихую рѣчь о томъ, что до нихъ въ городѣ происходило, и велъ этотъ рассказъ шагъ за шагъ, день за день, какъ разъ до самаго того часа, въ который онъ сидитъ теперь здѣсь, въ этой лачужкѣ. Въ рассказѣ этомъ, разумѣется, главнымъ образомъ получили большое мѣсто сѣтованія города о несчастяхъ протопопа; печаль о его отсутствіи и боязнь, какъ бы не пришлось его вовсе лишиться.

Протопопъ, слушавшій начало этихъ рѣчей Николая Аѳанасьевича въ серьезномъ, почти близкомъ къ безучастію покоѣ, при послѣдней части рассказа, касающейся отношеній къ нему прихода, вдругъ усилилъ вниманіе, и когда карликъ, оглянувшись по сторонамъ и понизивъ голосъ, сталъ рассказывать, какъ они написали и подписали мірскую просьбу, и какъ онъ, Николай Аѳанасьевичъ, взялъ ее изъ рукъ Ахиллы и «скрылъ на своей груди», старикъ вдругъ задержалъ судорожно нижнею губой и произнесъ:

— Добрый народъ, спасибо.

— Онъ, нашъ народъ добрый, батунка, и даже очень добрый, но только онъ пока еще не знаетъ, какъ ему за что взяться,—отвѣчалъ карликъ.

— Тьма, тьма надъ бездною... но Духъ Божій поверхъ всего, — проговорилъ протопопъ и, вздохнувъ изъ глубины груди, попросилъ себѣ бумагу, о которой шла рѣчь.

— А зачѣмъ она вамъ, государь, отецъ протопопъ, эта бумага? — вопрошалъ съ лукавою улыбкой карликъ. — Она кому надписана, тому и будетъ завтра подана.

— Дай мнѣ... я хочу на нее посмѣтрѣть.

Карликъ сталъ разстегивать свои одежды, чтобы докопаться до лежащей на его груди сумы, но вдругъ что-то вспомнилъ и остановился.

— Дай же, дай! — попросилъ Савелій.

— А вы, батунка... ее не того... не изорвете?

— Нѣтъ, — твердо сказалъ Туберовозъ, и когда карла досталъ и подаль ему листы, усыянные бисерными и вершковыми, четкими и нечеткими подписями, Савелій благоговѣнно зашепталъ:

— Изорвать... изорвать сію драгоценность! Нѣтъ! нѣтъ! съ нею въ темницу; съ нею на крость; съ нею во гробъ меня положите!

И онъ, къ немалому трепету карлика, началъ проворно свертывать эту бумагу и положилъ ее на грудь себѣ подъ подрясникъ.

— Позвольте же, батунка, это вѣдь надо подать!

— Нѣтъ, не надо!

Туберовозъ покачалъ головой и, помахавъ отрицательно пальцемъ, подтвердилъ:

— Нѣтъ, Никола, не надо, не надо.

И съ этимъ онъ еще рѣшительнѣе запряталъ на грудь просьбу и, затянувъ поясъ подрясника, застегнулъ на крючки воротникъ.

Отнять у него эту просьбу не было теперь никакой возможности: смѣло можно было ручаться, что онъ скорѣе разстанется съ жизнью, чѣмъ съ листомъ этихъ драгоценныхъ каракуль «міра».

Карликъ видѣлъ это и не спѣша заигралъ на собственныхъ нотахъ Савелія. Николай Аѳанасьячъ заговорилъ, какъ велико и отрадно значеніе этого мірскаго заступни-

чества, и затѣмъ перенель къ тому, какъ свита и нена-
рушима должна быть для каждаго воли мірекамъ.

— Они, батунка, отецъ протопопъ, въ горести плачуть,
что васъ не увидягъ.

— Все равно, сего не минеть,—вздыхнулъ протопопъ:—
немного мнѣ жить; дни мои всѣ сочтены уже вмалѣ.

— Но я-то, батунка, я-то, отецъ протопопъ: мнѣ что
мнѣ довѣрили и съ чѣмъ я міру явлюсь?

Туберозовъ тронулся съ мѣста и, обойдя нѣсколько разъ
вокругъ своей маленькой каморки, остановился въ углѣ
предъ иконой, досталъ съ груди бумагу и, поцѣловавъ ея
еще разъ, возвратилъ карянку со словами:

— Ты правъ, мой милый другъ, дѣлай, что велѣлъ
тебѣ мнѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Николай Аоаласевичъ имѣлъ много хлопотъ, исполняя
возложенное на него порученіе, но дѣйствовалъ рачительно
и неотступно. Этотъ маленькій посланецъ большого міра
не охладѣвалъ и не горячился, но какъ клеище вшивался
въ кого ему было нужно для полученія уснѣха, и не отста-
валъ. Савелія онъ навѣщалъ каждый вечеръ, но не гово-
рилъ ему ничего о своихъ дневныхъ хлопотахъ; тотъ, раз-
умѣется, ни о чемъ не спрашивалъ. А между тѣмъ дѣло
настолько подвинулось, что въ девятый день по смерти На-
талы Николаевны, когда протопопъ вернулся съ кладбища,
карликъ сказалъ ему:

— Ну-съ, батунка, отецъ протопопъ, ѣдьте, сударь,
домой: васъ отпускають.

— Буди воля Господня о мнѣ, — отвѣчалъ равнодушно
Туберозовъ.

— Только они требуютъ отъ васъ одного, — продолжалъ
карликъ:— чтобы вы подали обязательную записку, что
впредь сего не совершите.

— Хорошо; не совершу... имепно не совершу, посліку...
слабъ я и ни на что больше не годенъ.

— Дадите такую подписку?

— Дамъ, согласенъ... дамъ.

— И еще прежде того просать... чтобы вы принесли
покаяніе и попросили прощенія

— Въ чемъ?

— Въ дерзости... То-есть это они такъ говорятъ, что «въ дерзости».

— Въ дерзости? Я никогда не былъ дерзокъ и другихъ, по мѣрѣ силъ моихъ, отъ того воздерживалъ, а потому каюсь въ томъ, чего не сдѣлалъ, не могу.

— Они такъ говорятъ и называютъ.

— Скажи же имъ, что я предерзостнымъ себя не признаю.

Туберозовъ остановился и, поднявъ вверхъ указательный палецъ правой руки, воскликнулъ:

— Не нареченъ былъ дерзостнымъ пророкъ за то, что онъ, ревнуя, поревновалъ о Вседержителѣ. Скажи же имъ: такъ вамъ велѣлъ сказать вашъ подначальный пошъ, что онъ ревнивъ и такъ умретъ такимъ, какимъ рожденъ ревнивцемъ. А болѣе со мной не говори ни слова о прощеніи.

Ходатай отошелъ съ такимъ рѣшительнымъ отвѣтомъ и снова ѣздилъ и ходилъ, просилъ, молилъ и даже угрожалъ судомъ людскимъ и Божіимъ судомъ, но все дребезжалъ его слабѣющій языкъ.

Карликъ заболѣлъ и слегъ; неодолимость дѣла, за которое взялся этотъ оригинальный адвокатъ, сломила и его силу, и его терпѣніе.

Роли стариковъ перемѣнились, и какъ до сихъ поръ Николай Аонасьевичъ ежедневно навѣщалъ Туберозова, такъ теперь Савелій, нанявъ урочныя дрова и отстоявъ въ монастырѣ вечерню, ходилъ въ большой плодомасовскій домъ, гдѣ лежалъ въ одномъ укромномъ покойничѣ разболѣвшійся карликъ.

Савелію было безмѣрно жаль Николая Аонасьевича, и онъ скорбѣлъ за него и, вздыхая, говорилъ:

— Сего лишь единственно ко всему бывшему недоставало, чтобы ты за меня перемучился.

— Бабушка, отецъ протопопъ, что тутъ обо мнѣ, старомъ зайцѣ, разговаривать? На что ужъ я годенъ? Нѣтъ, вы о себѣ-то и о нихъ-то, о своемъ первосвященникѣ, извольте понечалиться: вѣдь они *просятъ* васъ покориться! Утѣшите ихъ: попросите прощенія!

— Не могу, Николай, не могу!

— Усиленно, отецъ протопопъ, просятъ! Вѣдь они только по начальственному высокомерию объ этомъ говорить не могутъ, а имъ очень васъ жаль и неприятно, что весь го-

родъ за васъ поднялся... Пехорошо имъ тоже всѣмъ отказывать, не откажите жъ и вы имъ въ нисхожденіи, утѣшите просьбой.

— Не могу, Николай, не могу! Прощеніе не потѣха.

— Смиритесь!

— Я предъ властью смиренъ, а что есть превыше земной власти, то надо мною властиѣ... Я человекъ подзаконный. Сирахъ вмѣнилъ въ обязанности намъ пещись о чести имени, а первоверховный Павелъ протестовалъ противъ попражня правъ его гражданства; не въ правѣ я себя унижить ради просьбы.

Карликъ былъ въ отчаяніи. Подзаконный протопопъ не подавалъ ни малѣйшей надежды ни на какую уступку. Онъ какъ сталъ на своемъ, такъ и не двигался ни впередъ, ни назадъ, ни направо, ни налево.

Николай Аонасьевичъ не одобрялъ уже за это отца Савелія, и хотя не относилъ его поведенія къ гордости или къ задору, но видѣлъ въ немъ неохвальное упрямство и, осуждая протопопа, рѣшился еще разъ сказать ему:

— Вѣдь нельзя же, батюшка, отецъ Савелій, вѣдь нельзя же-съ и начальства не пожалѣть, вѣдь надо же... надо же имъ хоть какой-нибудь реваншикъ предоставить. Какъ изъ этого выйти?

— А ужъ это ихъ дѣло.

— Ну, значить, вы къ нимъ человекъ безъ сожалѣнія.

— О, друже, нѣтъ; я его, сіе скорбное начальство наше, очень сожалѣю!—отвѣчалъ, вздохнувъ, протопопъ.

— Ну, такъ и поступите маленьчко своимъ обычаемъ: повинитесь.

— Не могу, законъ не позволяетъ.

Карликъ мысленно положилъ отречься отъ всякой надежды чего-нибудь достигъ и сталъ собираться назадъ въ свой городъ. Савелій ему ничего не возражалъ, а, напротивъ, даже совѣтовалъ уѣхать и ничего не наказывалъ, что тамъ сказать или отвѣтить. До послѣдней минуты, даже провожая карлика изъ города за заставу, онъ все-таки не поступилъ ни на іоту и, поверотивъ съ знакомой дороги назадъ въ городъ, побрелъ шилить дрова на монастырскій дворъ.

Горе Николая Аонасьевича не знало мѣры и предѣловъ. Совсѣмъ не такъ онъ думалъ возвращаться, какъ довелось,

и зато онъ теперь ѣхалъ, все вертясь въ своихъ ображеніяхъ на одномъ и томъ же предметѣ, и вдругъ его постигла мысль,—простая, ясная, спасительная и блестящая мысль, какія рѣдко ниспосылаются и обыкновенно приходятъ вдругъ,—именно какъ бы откуда-то свыше, а не изъ насъ самихъ.

Карликъ съ десятой версты повернулъ въ городъ и, являсь къ начальству Савелія, умолялъ *приказать* протопопу повиниться.

Начальство, въ самомъ дѣлѣ, давно не радо было, что зацѣпило упрямаго старика, и карликъ, получивъ то, чего желалъ, внезапно предсталъ снова Туберозову и сказалъ:

— Ну-съ, государь мой, гордый отецъ протопопъ, не желали вы сдаваться на просьбу, такъ теперь довели себя до того, что должны оказать повинненіе строгости: мнѣ приказано вамъ сказать, что вамъ властію повелѣваютъ извиниться.

— Гдѣ же они повелѣваютъ мнѣ стать предъ ними на колѣни: здѣсь, или на площади, или во храмѣ?—сухо спросилъ Туберозовъ. — Мнѣ все равно: по повелѣнію я все исполню.

Карликъ отвѣчалъ ему, что никто отъ него никакого униженія не требуетъ и что ему достаточно написать требуемое прошеніе на бумагѣ.

Туберозовъ тотчасъ же взялъ и написалъ кому и что слѣдовало, обозначивъ эту бумагу: «Требуемое всепокорнѣйшее прошеніе». Карликъ замѣтилъ, что слово «требуемое» здѣсь совершенно неумѣстно, но Савелій это рѣшительно отвергъ и сказалъ:

— Ну, ужъ, надѣюсь, что тебѣ меня логикѣ не повелѣно учить; я ей въ семинаріи наученъ: ты сказалъ, что отъ меня требуютъ, я и пишу «требуемое».

Кончилось это для отца Савелія тѣмъ, что, наскучивъ съ нимъ возиться, его отпустили, но за то, что всепокорнѣйшее прошеніе его было въ то же время прошеніе «требуемое», на немъ послѣдовала надпись, въ силу которой упорный старикъ за эту «требуемость» оставляемъ еще на полгода подъ запрещеніемъ.

Савелій этимъ нисколько не смутился и, поблагодаривъ всѣхъ, кого считалъ нужнымъ благодарить, выѣхалъ съ карликомъ домой послѣ долгой и тлостной сессіи своей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Во время дороги они мало разговаривали, и то заводилъ рѣчи только Николай Аванасьевичъ. Стараясь развлечь и разсѣять протопопа, сидѣвшаго въ молчаніи со сложенными на колѣняхъ руками въ старыхъ замшевыхъ перчаткахъ, онъ заговаривалъ и про то, и про другое, но Туберозовъ молчалъ или отзывался самыми краткими словами. Карликъ разсказывалъ, какъ скучалъ и плакалъ по Туберозову его приходъ, какъ почтмейстерша, желая избить своего мужа, избила Препотенскаго, какъ учитель бѣжалъ изъ города, гонимый Бизюкиной,—старикъ все отмалчивался.

Николай Аванасьевичъ заговорилъ о домикѣ Туберозова, что онъ опускается и требуетъ поправки.

Протопопъ вздохнулъ и сказалъ:

— Уже все это отнынь для меня прахъ, и я гнушаюсь, что былъ къ тому привязанъ.

Карликъ повернулъ на то, что воть Ахилла все находить себѣ утѣшеніе и, скучая безмѣрно, взялъ къ себѣ въ домъ изъ-подъ кручи слѣбного щеночка и имъ забавляется.

— Добро ему: пусть тѣшится,—прошенталъ протопопъ.

Николай Аванасьевичъ оживился.

— Да-съ,—началъ онъ:—и скажу вамъ, батюшка, сколько же съ ними чрезъ эту собачку, по ихъ характеру, произошло самыхъ дивныхъ исторій. Выучили они эту собачку, какъ и прежнихъ, смѣяться; скажутъ: «засмѣйся, собачка»,—она и скалитъ зубежки; но впала имъ въ голову мысль, какъ ее назвать?

— Ну, не все ли будто равно ису, какъ его называютъ?—отозвался нехоти протопопъ.

Карликъ замѣтилъ, что рассказы объ Ахиллѣ спутникъ его слушать не такъ равнодушно, и пошелъ далѣе.

— Да-съ; ну, воть подите же! А по отца дьякона характеру, видите, не все равно: что слѣло имъ въ голову, то ужъ имъ вынь да положь. «И, говорить, этого песика по особенному случаю растревоженный домой пришесть, и хочу, чтобъ онъ въ означеніе сего случая такимъ особеннымъ именемъ назывался, какихъ и нѣтъ».

Протопопъ улыбнулся.

— Ну-съ, воть и пріѣзжаетъ онъ, отецъ Ахилла, такимъ манеромъ ко мнѣ въ Плодомасово верхомъ и стако-

вится на конѣ супротивъ нашихъ съ сестрицей окопекъ, и зычно кричить: «Николаша! а Николаша!» Я думаю: Господи, что такое? Высунулся въ форточку, да и говорю: — ужь не съ отцомъ ли Савелиемъ еще что худшее, отецъ дяконъ, приключилось?— «Нѣтъ, говорить, не то, а я нужное дѣло къ тебѣ, Николаша, имѣю. Я къ тебѣ за совѣтомъ прѣхалъ».

— Такъ пожалуйста же, моля, въ комнаты, — не казаки же мы съ вами сторожевые, чтобы намъ перекликаться одному съ коня, а другому съ вышки. Такъ вѣдь куда тебѣ! — не хочеть: «миѣ, говорить, некогда, да я и не одинъ».

— Въ чемъ же, кричу, дѣло-то? Говорите скорѣе, сударь, а то миѣ въ форточкѣ холодно, я человекъ зыбкій.— «А ты, говорить, сызмальства по господскимъ домамъ живешь, такъ долженъ ты всѣ собачьи имена знать». Ну какъ, моля, можно всѣ ихъ имена знать; мало ли гдѣ какъ собакъ называютъ. — «Ну, кричить, скорѣй пересчитывай!»—Я имъ и называю, что вѣдь названія, моля, даются все больше по породамъ, что какой прилично: борзья по-чаще все «Мизорды», а то изъ нашихъ простыхъ, которыя красивѣй, «Барбосы» есть, изъ аглицкихъ «Фани», изъ курляндскихъ «Шарлотки», французскихъ называютъ и «Жужу», и «Вижу»; испанскія «Карло» или «Катанья», или еще какъ-нибудь; нѣмецкія «Шницъ»... Но отецъ дяконъ меня на этомъ перебиваютъ: «Нѣтъ, ты, говорить, скажи миѣ такое имя, чтобы ни у кого такого не было. Ты, изволятъ настаивать, долженъ это знать!» Какъ, думаю, ихъ успокоить?

— Ну и какъ же ты его успокоилъ? — полюбонитствоваль Туберозовъ.

— Да я, батунка, что же, я въ ту пору сталъ очень въ форточкѣ-то зябнуть и, чтобы поскорѣе отдѣлаться, говорю: знаю я, сударь, еще одну кличку, да только сказать вамъ ее опасуюсь. — «Нѣтъ, ничего, кричить, ничего, говори». Звали, моля, у одного барина собаку *Каквасъ*. А отецъ Ахилла-то вдругъ и засмутился. — «Что ты это за вздоръ, говорить, мелешь: или ты съ ума сошелъ?» Нѣтъ, моля, я съ ума не сходилъ, а я точно знаю, что въ Москвѣ у одного князя собаку звали *Каквасъ*. Ахилла Андреичъ вдругъ какъ вскипять, разгнѣвались и начали лопсать шно-

рять и къ стѣнѣмъ подсакакиваютъ, а сами брчатъ: «Развѣ тебѣ, безстыдникъ ты этакій старый, можно это на меня сказать? Развѣ ты не знаешь, что мое имя крещеное и священнослужитель?» Насилу ихъ, батушка, успокоилъ и растолковалъ имъ, что это такое *Каквасъ*. Ну, тутъ ужъ зато они взыграли на конѣ и, вынувъ изъ-за пазухи изъ полунубка того щеночка, закричали: «Здравствуй *Каква-синька!*» и понеслись радостные назадъ.

— Дитя великовозрастное, — проговорилъ улыбнувшись Савелій.

— Да-съ, все бы имъ шутки.

— Не осуждай его: чѣмъ бы дитя ни тѣнилось, лишь бы не плакало; тяжело ему ношу, сонную дрему, вестъ, когда въ немъ въ одномъ тысяча жизней горитъ.

— Именно-съ. Я и не знаю, какъ ему умирать?

— Я и самъ этого не знаю, — пошутилъ протопонтъ: — онъ есть само отрицаніе смерти. Ну, а что же съ этимъ *Каквасомъ*?

— А что вы изволите полагать, съ нимъ идетъ бѣда по сто пору, да и нельзя безъ нея. Отецъ дьяконъ какія же привычки себѣ изволили выдумать? Какъ только имъ дѣлается по васъ очень скучно, они въ ту пору возьмутъ своего *Какваску* на руки и идутъ къ почтовой станціи, сядутъ на крылечко и ждутъ. Чуть какой-нибудь важный проѣзжій или дама какая останавливаются, а они сейчасъ: «засмѣйся, собачка», та и смѣется, каналья, а проѣжимъ любопытно; спрашиваютъ: «батушка, какъ эту собачку звать?» А они: я, говоритъ, не батушка, а дьякопъ, — моего батунку собаки съѣли. А спросятъ: «ну, а какъ же вашу собачку звать?»—«А собачку, отвѣчаютъ, зовутъ *Каквасъ*». И ссоры онъ изъ-за этого затѣваетъ постоянныя и все говоритъ: я ихъ теперь, говоритъ, всѣхъ такъ постоянно въ глаза буду собаками звать, и самъ мировой судья мнѣ ни лысаго бѣса не съѣдаетъ. И все это за васъ, отецъ Савелій, мститъ, а въ какомъ соображеніи мститъ— того не разсуждаетъ. А вотъ отцу Захаріи за него вышла неприятность: у нихъ эту собачку благочинный увидали, да спросили какъ звать; а отецъ Захарія говоритъ: «Зовутъ *Каквасъ*, ваше преподобіе», и получили выговоръ.

Савелій разсмѣялся до слезъ и, обтершись платкомъ, проговорилъ:

— Безцѣнный сей прямодушный Захарія. Сосудъ Господень и молитвенникъ, какого другого я не видывалъ. Жажду сбнять его.

Предъ путешественниками вдругъ съ горы открылся родной городъ, — городъ древнѣй, характерный и полный для Туберозова воспоминаній, подъ мгновеннымъ напоромъ которыхъ старикъ откинулся назадъ и зажмурился, какъ отъ сверканія яркаго солнца.

Они велѣли ѣхать еще тише, чтобы не вѣзжать засвѣтло, и въ сумерки постучали въ желѣзное кольцо знаковыхъ воротъ. Послышался окликъ: «кто тамъ», это былъ голосъ Ахиллы. Туберозовъ обтеръ пальцемъ слезу и перекрестился.

— Кто тамъ?—пересиросилъ еще Ахилла.

— Да кто же какъ не я и отецъ Савелій, — отозвался карликъ.

Дьяконъ взвизгнувъ, слетѣлъ со всѣхъ ступеней крыльца, размахнувъ настезь ворота, а самъ вкатилъ клубомъ въ бричку и, обхвативъ шею протопопа, замеръ.

Оба они, обнявъ другъ друга въ бричкѣ, долго и жалостно всхлипывали, межъ тѣмъ какъ карликъ, стоя на землѣ, тихо, но благодатно плакалъ въ свой прозябшій кулачокъ.

Наконецъ дьяконъ, нарыдавшись, захотѣлъ говорить. Онъ чуть было уже не спросилъ о Натальѣ Николаевнѣ; но, спохватясь, ловко перемѣнилъ слово и, показывая протопопу на вертѣвшуюся возлѣ его ногъ собачку, сказалъ:

— А вотъ это, батя, мой новый пёсикъ *Кавкаскя!* Самая чудесная собачка. И какъ мы захотимъ, она намъ сейчасъ засмѣется. Чего о пустомъ скучать!

— «*О пустомъ*»,—съ нестерпимою болью въ сердцѣ было повторилъ о. Савелій, но удержался и только крѣпко, во всю мочь сжалъ Ахиллину руку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Войдя въ свой домъ, гдѣ въ теченіе довольно долгаго времени оставался хозяиномъ и единственнымъ жильцомъ дьяконъ Ахилла, протопопъ поцѣловалъ стихійнаго исполнина въ сухой проборъ его курчавой головы и, обойдя вмѣстѣ съ нимъ всѣ комнаты, перекрестилъ пустую осиротѣлую кровать Натальи Николаевны и сказалъ:

— Что же, другъ: теперь намъ съ тобой уже не стѣить и расходиться, — станемъ жить вмѣстѣ!

— И очень извольте: радъ и готовъ, и даже самъ такъ располагалъ, — отвѣчалъ Ахилла и опять обѣими руками обнялъ протопона.

Такъ они и остались жить вдвоемъ: Ахилла служилъ въ церкви и домовничалъ, а Туберововъ сидѣлъ дома, читалъ Джона Буниана, думалъ и молился.

Онъ показывался изъ дома рѣдко, или, лучше сказать, совсѣмъ не показывался, и на вопросы навѣщавшихъ его людей, почему онъ не выходитъ, коротко отвѣчалъ:

— Да вотъ... все... собираюсь.

Онъ, дѣйствительно, все *собирался* и жилъ усиленной и сосредоточенною жизнью самоповѣряющаго себя духа.

Ахилла отстранялъ его отъ всякихъ заботъ и попеченій и это давало старцу большое удобство *собираться*.

Но не долго суждено было длиться и этому блаженству. Ахиллу ждала честь: его бралъ съ собою въ Петербургъ архіерей, вызванный на череду для присутствования въ синодѣ. Губернскій протодьяконъ былъ нездоровъ.

Разставаніе дьякона съ Туберововымъ было трогательное, и Ахилла, никогда не писавшій никакихъ писемъ и не знавшій, какъ ихъ пишутъ и какъ отиравлиють, не только вызвался писать отцу Туберовову, но и исполнять это.

Письма его были оригинальны и странны, не менѣе чѣмъ весь складъ его мысленія и жизни. Прежде всего онъ прислалъ Туберовову письмо изъ губернскаго города и въ этомъ письмѣ, вложенномъ въ конвертъ, на которомъ было надписано: «отцу протоіерю Туберовову секретно и въ собственныя руки», извѣщалъ, что, живучи въ монастырѣ, онъ отястилъ за него цензору Троядю, привязавъ его коту на спину колбасу съ надписаніемъ: «сію колбасу я хозяину несу» и пустилъ кота бѣгать съ этою ношею по монастырю.

Черезъ мѣсяць Ахилла писалъ изъ Москвы, сколь она ему понравилась, но что народъ здѣсь прелукавый и особенно иѣвчіе, которые два раза звали его пить вмѣстѣ лампопо, но что онъ, «зная изъ практики, что такое обозначаетъ сіе лампопо, такой ихъ иѣвческой наглости только довольно подивился».

Еще немного спустя, онъ писалъ уже изъ Петербурга: «Прелюбезный другъ мой и ваше высокопреподобіе отецъ

Савелій. Радоватися. Живу чудесно на подворьѣ, которое будетъ въ родѣ монастырька, но соблазну ужасъ какъ много, потому что все равно, что среди шумнаго города. Но по васъ все-таки, несмотря на сію шумность, скучаю, ибо вѣстѣ бы если бы тутъ были, то отраднѣй бы гораздо всему вдвоемъ удивлялись. Совѣты ваши благо помню и содержу себя въ постоянномъ у всѣхъ почтеніи, на что и имѣете примѣту въ томъ московскомъ лампогѣ, котораго нить не захотѣлъ. Пью самую малость, да и то главнѣе всего для того, что чрезъ нешities опасаясь какъ бы хорошее знакомство не растерять. Хорошаго здѣсь много, но дяконовъ настоящихъ, какъ по нашему требуется, нѣтъ; все тенористы, пристойные по-нашему развѣ только къ кладбицамъ, и хотя ные держать себя и очень даже форсисто, но и собою всѣ противъ насъ жидки и въ служеніи все дѣйствуютъ говоркомъ, а нерѣдко даже и не въ ноту, почему пѣвчимъ съ ними потрафить хорошо невозможно. Я же, какъ въ этомъ свѣдунціи, ихъ модѣ не подражаю, а служу по-своему и зато хоть и прѣзжій, но купечество пригласило меня въ Гостинный рядъ подъ воротами въ шатрѣ молебень служить и, окромѣ денежнаго подаренія, за ту службу дали мнѣ три фуляровыя платка, какіе вы любите, и я ихъ вамъ привезу въ гостиненць. На здоровье! Скучаю я тоже не мало, конечно, по своей необразованности, да и потому, что отовсюду далеко. Изъ угошеній здѣсь все больше кофій. Да я по дальности мало у кого и бываю, потому что надо все въ сторону; я же ѣзжу на полымперіалѣ, а на немъ пикуда въ сторону невозможно, но вы этого, по своей провинціальности, не поймете: сидишь точно на домѣ, на крышкѣ очень высоко, и если сходить оттуда, то надо имѣть большую ловкость, чтобы сигнуть долой на всемъ скаку, а для женскаго пола, по причинѣ ихъ одежды, этого даже не позволяютъ. Извозчики же здѣсь, по замѣчалу, очень насмѣшливы, и буде нашъ братъ духовный станетъ ихъ принимать, но жертвуетъ очень дешево, то они сейчасъ одинъ о другомъ выкрикають: «напрасно, батюшка, съ нимъ сѣли: онъ вчера свѣщенника въ лужу вывалилъ», а потому и не ряжу ихъ вовсе. Варнавку нашего однажды встрѣтилъ, но не тронулъ, потому что и онъ, и я оба ѣхали на встрѣчныхъ полымперіалахъ, и я ему только успѣлъ погрозить, да, впрочемъ, онъ здѣсь сталъ очень какой-то дохлый. На-

счетъ жѣ вашего несчастія, что вы еще въ запрещеніи и не можете о себѣ на литургіи молиться, то, пожалуйста, вы объ этомъ нимало не убивайтесь, потому что я все это преестественно обдумалъ и дополнилъ, и Вседержитель это видитъ. Полагайтесь такъ, что хотя не можете вы молиться сами за себя изъ уѣзднаго храма, но есть у васъ такой человекъ въ столицѣ, что черезъ него идетъ за васъ молитва и изъ Казанскаго собора, гдѣ спаситель отечества, свѣтлѣйшій князь Кутузовъ погребенъ, и изъ Исаакіевскаго, который весь снаружи мраморный, отъ самаго низа даже до верха, и столичный этотъ за васъ богомолецъ я, ибо я, четини эктенію, велегласно за кого положено возмланю, а про самого себя шопотомъ твое имя, друже мой, отецъ Савелій, потаенно произношу, и молитву за тебя самую усердную отсюда посылаю Превѣчному, и жалуясь, какъ ты напрасно предъ всѣми отъ начальства обиженъ. А ты особливо того слова, пожалуйста, себѣ и не думайте и не говорите, что «дни мои изочтены», потому что это намъ съ отцомъ Захаріеѣй будетъ современемъ очень прискорбно и я тебя, честное слово, развѣ малымъ чѣмъ тогда переживу».

Засимъ слѣдовала подпись: «временно столичный за протодіакона своей епархіи Старгородскаго уѣзднаго собора дьяконъ Ахилла Десницынъ».

Было и еще получено письмо отъ Ахиллы, гдѣ онъ пишетъ, что «счастливымъ случаемъ такъ свидѣлся съ Препотенскимъ и думалъ съ нимъ за прошедшее биться, но вышелъ всему тому совсѣмъ другой оборотъ, такъ что онъ даже и былъ у него въ редакціи, потому что Варнава теперь уже былъ редакторомъ и Ахилла видѣлъ у него разныхъ «литераторовъ» и искренно тамъ съ Варнавою примирился. Примиренію же этому выставлялась та причина, что Варнава сталъ (по словамъ Ахиллы) человекъ жестоко несчастливый, потому что невдвѣняхъ женился на здѣшней барышнѣ, которая гораздо всякой дамы строже и судить все противъ брака, а Варнаву, говорятъ, нерѣдко бьетъ, и онъ теперь уже совсѣмъ не такой: самъ мнѣ открылся, что если бы не опасался жены, то готовъ бы даже за Бога въ газетѣ заступиться, и ругательски ругаетъ госпожу Бизюкину, а особливо Термосесова, который чудесно было себя устроилъ и получалъ большое жалованье на негласной службѣ для надзора за честными людьми, но врагъ его сму-

тиль жадностью: сталъ фальшивыя бумажки перенуцать и теперь въ острогъ сѣлъ». Наипаче же всего Ахилла хвалился тѣмъ, что онъ видѣлъ какъ въ театрѣ представляли. «Разъ (объяснилъ онъ), было это съ пѣвчими, ходилъ я въ штатскомъ уборѣ на самый верхъ на оперу «Жизнь за Царя», и отъ прекраснаго пѣнія голосовъ послѣ цѣлую ночь въ восторгѣ плакалъ; а другой разъ, опять тоже переряженный по-цивильному, ходилъ глядѣть, какъ самого царя Ахиллу представляли. Но только на меня даже ни крошки не похоже: выскочилъ актеръ весь какъ есть въ латахъ и на пятку жалится, а дай мнѣ этакую сбрую, я бы гораздо громче разыгралъ. Остальная же игра вся по-языческому съ открытостью до самыхъ поръ, и вдовому или одинокому человѣку это видѣть не спокойно».

И еще, наконецъ, пришло третье и послѣднее письмо, которымъ Ахилла извѣщалъ, что скоро вернется домой, и велѣдъ затѣмъ въ одинъ сумрачный сѣрый вечеръ онъ предсталъ предъ Туберозова внезапно, какъ радостный вѣстникъ.

Поздоровавшись съ дьякономъ, отецъ Савелій тотчасъ же самъ бросился на улицу запереть ставни, чтобы скрыть отъ любопытныхъ радостное возвращеніе Ахиллы.

Бесѣда ихъ была долгая. Ахилла вышелъ за этою бесѣдой цѣлый самоваръ, а отецъ Туберозовъ все продолжалъ безпрестанно наливать ему новыя чашки и приговаривалъ:

— Пей, голубушка, кушай еще, — и когда Ахилла выпивалъ, то онъ говорилъ ему: — Ну, теперь, братецъ, рассказывай дальше: что ты тамъ еще видѣлъ и что узналъ?

И Ахилла рассказывалъ. Богъ знаетъ, что онъ рассказывалъ: это все выходило нестро, громадно и нескладно, но всего болѣе въ его рассказахъ удивляло отца Савелія то, что Ахилла кстати и некстати немилосердно уснащала свою рѣчь самыми странными словами, какихъ онъ до поѣздки въ Петербургъ не только не употреблялъ, но, вѣроятно, и не зналъ!

Такъ, напримѣръ, онъ ни къ селу, ни къ городу начиналъ съ того:

— Представь себѣ, голубчикъ, отецъ Савелій, какая комбынація (при чемъ онъ безпоощадно напиралъ на *ы*).

Или:

— Какъ онъ мнѣ это сказалъ, я ему говорю: ну нѣтъ же въ пердю, это, братъ, сахаръ дюдю.

Отецъ Туберозовъ хотя съ умиленіемъ внималъ разсказамъ Ахиллы, но, слыша частое повтореніе подобныхъ словъ, поморщился и, не вытерпѣвъ, сказалъ ему:

— Что ты это... Зачѣмъ ты такія пустыя слова научился вставлять?

Но безконечно увлекающійся Ахилла такъ нетерпѣливо разворачивалъ предъ отцомъ Савеліемъ всю сокровищницу своихъ столкншихъ заимствованій, что не берегся никакихъ словъ.

— Да ты, душечка, отецъ Савелій, пожалуйста, не опасайтесь, теперь за слова ничего—не запрещается.

— Какъ, братецъ, *ничего?* слышать скверно.

— О-о! это съ непривычки. А мнѣ такъ теперь что очень говори, все ерунда.

— Ну, вотъ опять.

— Что такое?

— Да что ты еще за пакостное слово сейчасъ сказалъ?

— Ерунда-съ!

— Тьфу, мерзость!

— Чѣмъ-съ?.. всѣ литераты употребляютъ.

— Ну, имъ и книги въ руки: пусть ихъ и сидятъ съ своею «герундой», а намъ съ тобой на что эту герунду заимствовать, когда съ насъ и своей русской чепухи довольно?

— Совершенно справедливо,—согласился Ахилла и, подумавъ, добавилъ, что чепуха ему даже гораздо болѣе нравится, чѣмъ ерунда.

— Помилуйте,—добавилъ онъ, опровергая самого себя:—чепуху это отмочишь и сейчасъ смѣхъ, а они тамъ съерундятъ, напримѣръ, что Бога нѣтъ, или еще какіе пустяки, что даже попервоначалу страшно, а не то споръ.

— Надо, чтобъ это всегда странно было,—кротко шепнулъ Туберозовъ.

— Ну, да вѣдь, отецъ Савелій, нельзя же все такъ строго. Вѣдь если докажутъ, такъ дѣться некуда.

— Что докажутъ? что ты это? что ты говоришь? Что тебѣ доказали? Не то ли, что Бога нѣтъ?

— Это-то, батя, доказали...

— Что ты врешь, Ахилла! Ты добрый мужикъ и христіанинъ:—перекрестись! что ты это сказалъ?

— Что же дѣлать? Я, вѣдь, голубчикъ, и самъ этому не радъ, но противъ хвакта не попрешь.

— Что за «хвактъ» еще? что за фактъ ты открылъ?

— Да это, отецъ Савелій... зачѣмъ васъ смущать? Вы себѣ читайте свою Буниану и вѣруйте въ своей простотѣ, какъ и прежде сего вѣровали.

— Оставь ты моего Буниана и не заботься о моей простотѣ, а посуди, что ты на себя говоришь?

— Что же дѣлать? хвактъ!—отвѣчалъ, вздохнувъ, Ахилла.

Туберозовъ, смутясь, всталъ и потребовалъ, чтобъ Ахилла непременно и сейчасъ же открылъ ему фактъ, изъ коего могутъ пронестокать сомнѣнія въ существованіи Бога.

— Хвактъ этотъ по каждому человѣку прыгаетъ,—отвѣчалъ дякопъ, и объяснилъ, что это блоха, а блоху всякій можетъ сдѣлать изъ опилокъ, и значить все-де могло сотвориться само собою.

Получивъ такое искреннее и наивное признаніе, Туберозовъ даже не сразу рѣшился, что ему отвѣтить; но Ахилла, высказавшись разъ въ этомъ направленіи, продолжалъ и далѣе выражать свою петербургскую просвѣщенность.

— И взаправду теперь,—говорилъ онъ: — если мы отъ этой самой ничтожной блохи пойдемъ дальне, то и тутъ намъ ничего этого не видно, потому что тутъ у насъ ни книгъ этакихъ, пастоящихъ, ни глобусовъ, ни трубъ, ничего нѣтъ. Мракъ невѣжества до того, что даже я тебѣ скажу здѣсь и смѣлости-то такой, какъ тамъ, нѣтъ, чтобъ очень разсуждать! А тамъ я съ литератами, знаешь, сѣлъ, полчаса посидѣлъ, ну и вижу, что религія какъ она есть, такъ ее и нѣтъ, а блоха это положительный хвактъ. Такъ по наукѣ выходитъ...

Туберозовъ только посмотрѣлъ на него и, похлопавъ глазами, спросилъ:

— А чему же ты до сихъ поръ служилъ?

Дякопъ нимало не сконфузился и, указавъ рукой на свое чрево, отвѣтилъ:

— Да чему и всѣ служатъ: маммону. По наукѣ и это выведено, для чего человѣкъ трудится,—для ѣды; хочетъ, чтобъ ему быть сытому и голоду не чувствовать. А если бы мы ѣсть бы не хотѣли, такъ ничего бы и не дѣлали. Это называется *борба* (дякопъ произнесъ это слово безъ ъ) за *существованіе*. Безъ этого ничего бы не было.

— Да вот видншь ты,—отвѣчалъ Туберозовъ:—а Богъ-то вѣдь, ни въ чемъ этомъ не нуждаясь, сотворилъ свѣтъ.

— Это правда,—отвѣчалъ дьяконъ:—Богъ это сотворилъ.

— Такъ какъ же ты его отрицаешь?

— То-есть я не отрицаю,—отвѣчалъ Ахилла:—а я только говорю, что, восходя отъ хвакта въ разсужденіи, какъ блоха изъ ошлोकъ, такъ и вселенная могла сама собой явиться. У нихъ богъ, говорятъ, «кислородъ». А я, прахъ его знаетъ, что онъ есть кислородъ! И вотъ видите: какъ вы оиать заговорили въ разныя стороны, то я уже оиать ничего не понимаю.

— Откуда же взялся твой кислородъ?

— Не знаю, ей-Богу... да лучше оставьте про это, отецъ Савелій.

— Нѣтъ, нельзя этого, милый, въ тебѣ оставить! Скажи: откуда начало ему, твоему кислороду?

— Ей-Богу не знаю, отецъ Савелій! Да нѣтъ, оставьте, душечка!

— Можетъ-быть сей кислородъ безначаленъ?

— А идоль его знаетъ! Да ну его къ лѣшему!

— И конца ему нѣтъ?

— Отецъ Савелій!.. да ну его совѣмъ къ свиньямъ, этотъ кислородъ. Пусть онъ себѣ будетъ хоть и безъ начала, и безъ конца: что намъ до него?

— А ты можешь ли понять, какъ это безъ начала и безъ конца?

Ахилла отвѣчалъ, что это онъ можетъ.

И затѣмъ громко продолжалъ:

«Единъ Богъ во святой Троицѣ спокланяемый, Онъ есть вѣченъ, то есть не имѣетъ ни начала, ни конца Своего бытія, но всегда былъ, есть и будетъ».

— Аминь! — произнесъ съ улыбкой Туберозовъ и, такъ же съ улыбкой приподнявшись съ своего мѣста, взялъ Ахиллу дружески за руку и сказалъ:

— Пойдемъ-ка, я тебѣ что-то покажу.

— Извольте,—отвѣчалъ дьяконъ.

И оба они, взявшись подъ руки, вышли изъ комнаты, прошли весь дворъ и вступили на средину покрытаго блестящимъ снѣгомъ огорода. Здѣсь старикъ сталъ и, указавъ дьякону на крестъ собора, гдѣ они оба столь долго предстоиали алтарю, молча же перевелъ свой перстъ внизъ къ самой землѣ и строго вымолвилъ:

— Стань поскорѣй и помолись!

Ахилла опустился на колѣни.

— Читай: «Боже! очисти мя грѣшнаго и помилуй мя», произнесъ Савелій и, проговоривъ это, самъ положить первый поклонъ.

Ахилла вздохнулъ и вслѣдъ за нимъ сдѣлалъ то же. Въ торжественной тишинѣ полуночи, на бѣломъ освѣщенномъ луною пустомъ огородѣ, начались одинъ за другимъ его мѣрно повторяющіеся поклоны горячимъ челомъ до холоднаго снѣга, и поднялись широкіе вздохи съ сладостнымъ воплемъ молитвы: «Боже! очисти мя грѣшнаго и помилуй мя», которой вторилъ голосъ протопопа другимъ прошептѣмъ: «Боже, не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ». Проповѣдникъ и кающійся молились вмѣстѣ.

Надъ Старымъ Городомъ долго неслись воздыханія Ахиллы: онъ, утѣшникъ и забавникъ, чьи кантаты и веселые окрики внималъ здѣсь всякій съ улыбкой, онъ самъ, согрѣшивъ, теперь сталъ молитвенникомъ, и за себя, и за весь міръ умолялъ удержать праведный гнѣвъ, на насъ движимый!

О, какая разнища была ужъ теперь между этимъ Ахиллой и тѣмъ давнимъ Ахиллой, который, свистя, выплылъ къ намъ раннею зарей по рѣкѣ на своемъ красномъ жеребцѣ!

Тотъ Ахилла являлся свѣжимъ утромъ послѣ ночного дождя, а этотъ мерцаетъ вечернимъ закатомъ послѣ дневной бури.

Старый Туберозовъ съ качающеюся головой во все время молитвы Ахиллы сидѣлъ, въ своемъ сѣромъ подрясничкѣ, на крыльцѣ бани и считалъ его поклоны. Отсчитавъ ихъ, сколько разумѣлъ нужнымъ, онъ всталъ, взялъ дьякона за руку, и они мирно возвратились въ домъ, но дьяконъ, прежде чѣмъ лечь въ постель, подошелъ къ Савелію и сказалъ:

— Знаете, отче: когда я молился...

— Ну?

— Казалось мнѣ, что земля была трепетна.

— Благословенъ Господь, что далъ тебѣ подобную молитву! Лягъ теперь съ миромъ и спи,—отвѣчалъ протопопъ, и они мирно заснули.

Но Ахилла, проснувшись на другой день, ощутилъ, что онъ какъ бы куда-то ушелъ изъ себя: какъ будто бы онъ невзначай что-то кинулъ и что-то другое нашель. Нашель

что-то такое, что нести тяжело, но съ чѣмъ и нельзя и по охота разставаться.

Это былъ прибойъ благодатныхъ волнъ вѣры въ смиренную и трепетную душу.

Ей надо было болѣть и умереть, чтобы воскреснуть, и эта святая работа совершалась.

Немудрый Ахилла сталъ мудръ: опъ искалъ безмолвія и, окрѣпнувъ, черезъ нѣсколько дней спросилъ у Савелія:

— Научи же меня, старецъ великій: какъ мнѣ себя исправлять, если на то будетъ Божія воля, что я хоть на малое время останусь одинъ? Силою своею я былъ гордъ, но на семь вразумленъ, и на нее больше я не надѣюсь...

— Да, былъ могучъ ты и силенъ, а и къ тебѣ приблизится часъ, когда не самъ препоянешься, а другой тебя препояшетъ,—отвѣтилъ Савелій.

— А разумъ мой еще силы моеи ненадежнѣй, потому что я, знаете, всегда въ разсужденіи сбивчивъ.

— На сердце свое надѣйся, оно у тебя бьется вѣрно.

— А что жъ я взговорю, если гдѣ надобно слово? Въдъ сердце мое безсловесно.

— Слушай его и что въ немъ простонеть, про то говори, а съ сорной земли сигающихъ на тебя блохъ отрясай!

Ахилла взялся рукой за сердце и отошелъ, помышляя: не знаю, какъ все сіе будетъ? А безотчетное предчувствіе внятно ему говорило, что онъ скоро, скоро будетъ одинъ, и оставитъ его вся сила его, «и иной его препояшетъ».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Жуткія и темныя предчувствія Ахиллы не обманули его: хилый и разбитый событіями старикъ Туберозовъ былъ уже не отъ міра сего. Онъ простудился, считая ночью поклоны, которые клалъ по его приказанію дяконъ, и заболѣлъ,—заболѣлъ не тяжко, но такъ основательно, что сразу сталъ на край домовины.

Чувствуя, что смерть принимаетъ его въ свои объятія, протопопъ сѣтовалъ объ одномъ, что срокъ запрещенія его еще не миновалъ. Ахилла понималъ это и разумѣлъ, въ чемъ здѣсь главная скорбь.

Туберозову не хотѣлось умереть въ штрафныхъ, — ему хотѣлось предстать предъ небесною властію разрѣшеннымъ властію земною. Онъ продиктовалъ Ахиллѣ письмо, въ ко-

торомъ извѣщаль свое начальство о своемъ болѣзненномъ состояніи и умолятельно просилъ снизить къ нему и сократить срокъ положеннаго на него запрещенія. Письмо это было послано, но отвѣта на него не получалось.

Отецъ Туберововъ молчалъ, но Ахилла прислушался къ голосу своего сердца и, оставивъ при больномъ старикѣ дячка Павлюкана, взялъ почтовую пару и катнулъ безъ всякаго разрѣшенія въ губернской городъ.

Онъ не многословилъ въ объясненіяхъ, а отдалъ кому слѣдовало все, чѣмъ могъ располагать, и жалостно просилъ хлопотать отцу Туберовову немедленно разрѣшеніе. Но хлопоты не увѣчались успѣхомъ: начальство на сей разъ показало, что оно вполнѣ обладаетъ тѣмъ, въ чемъ ему у насъ такъ часто любить отказывать. Оно показало, что обладаетъ характеромъ, и рѣшило, что все опредѣленное Туберовову должно съ нимъ совершиться, какъ должно совершиться все опредѣленное высшими судьбами.

Ахилла было опять почувствовалъ припадокъ гнѣва, но обуздалъ этотъ порывъ, и какъ быстро собрался въ губернской городъ, такъ же быстро возвратился домой и не сказалъ Туберовову ни слова; но старикъ понялъ и причину его отъѣзда и прочелъ въ его глазахъ привезенный имъ отвѣтъ.

Пожавъ своею хладѣющею рукою дяконову, Савелій проговорилъ:

— Не огорчайся, другъ.

— Да и, конечно, не огорчаюсь,—отвѣтилъ Ахилла.—Мало будто вы въ свою жизнь наслужились предъ Господомъ!

— Благодарю Его... открылъ мой умъ и смыслъ, даль зрѣть Его дѣла, — проговорилъ старикъ и, вздохнувъ, закрылъ глаза.

Ахилла наклонился къ самому лицу умирающаго и замѣтилъ на его темныхъ вѣкахъ старческую слезу.

— А вотъ это нехорошо, баточка, — дружески сказалъ онъ Туберовову.

— Чт... т...о?—тупо вымолвилъ старикъ.

— Зачѣмъ людьми недоволенъ?

— Ты не понялъ, мой другъ,—прошепталъ слабо въ отвѣтъ больной и пожалъ руку Ахиллы.

Вмѣсто Ахиллы въ губернской городъ снова поскакалъ карликъ Николай Аванасиичъ и поскакалъ съ рѣшительнымъ словомъ:

— Какъ только достигну, — говоритъ онъ: — такъ ужъ прочь и не отойду безъ удовлетворенія. Да-съ; мнѣ семьдесятъ годовъ и меня никуда заключить нельзя; я калѣчка и уродецъ!

Дьяконъ проводилъ его, а самъ остался при больномъ.

Всю силу и мощь и все, что только Ахилла могъ счесть для себя драгоценнымъ и милымъ, онъ все охотно отдалъ бы за то, чтобъ облегчить эту скорбь Туберозова, но это все было внѣ его власти, да и все это было уже поздно: ангель смерти сталъ у изголовья, готовый принять отходящую душу.

Черезъ нѣсколько дней Ахилла, рыдая въ углу спальни больного, смотрѣлъ, какъ отецъ Захарія, склонясь къ изголовью Туберозова, принималъ на ухо его послѣднее предсмертное покаяніе. Но что это значить?.. Какой это такой грѣхъ былъ на совѣсти старца Савелія, что отецъ Бенефактовъ вдругъ весь такъ взволновался? Онъ какъ будто бы даже забылъ, что совершаетъ таинство, не допускающее никакихъ свидѣтелей, и громко требовалъ, чтобъ отецъ Савелій кому-то и что-то простилъ! Предъ чѣмъ это такъ непреклоненъ у гроба Савелій?

— Будь миренъ! будь миренъ! прости! — настаивалъ кротко, но твердо Захарія. — Коль не простишь, я не разрѣшу тебя...

Блѣдный Ахилла дрожалъ и съ замираніемъ сердца ловилъ каждое слово.

— Богомъ живымъ тебя, пока живъ ты, молю...—голосно вскрикнулъ Захарія и остановился, не докончивъ рѣчи.

Умирающій судорожно привсталъ и снова уналъ, потомъ выправилъ руку, чтобы положить на себя ея крестъ и, благословясь, съ большимъ усиліемъ и разстановкой произнесъ:

— Какъ христианинъ, я... прощаю имъ мое предъ всѣми поруганіе, но то, что букву мертвую блюди... они здѣсь... Божіе живое дѣло губять...

Торжественность минуты все становилась строже: у Савелія щельнуло въ горлѣ, и онъ продолжалъ какъ будто въ бреду:

— Ту скорбь я къ престолу... Владыки царей... положу и самъ въ томъ свидѣтелемъ стану...

— Будь миренъ: прости! все имъ прости!—ломаю руки, воскликнулъ Захарія.

Савелій нахмурился, вздохнулъ и прошепталъ: «благо мнѣ, яко смирилъ мя еси» и вслѣдъ затѣмъ неожиданно твердымъ голосомъ договорилъ:

— По суду любящихъ имя Твое просвѣти невѣждъ и прости слѣпому и развращенному роду его жестокосердіе.

Захарія съ улыбкой духовнаго блаженства взглянулъ на небо и освѣнилъ лицо Савелія крестомъ.

Лицо это уже не двигалось, глаза глядѣли вверхъ и гасли: Туберозовъ кончался.

Ахилла, дрожа, ринулся къ нему съ воплемъ и, рыдая, уналь на его грудь.

Отходящій послѣднимъ усиліемъ перенесъ свою руку на голову Ахиллы и съ этимъ уже громкій колоколецъ заигралъ въ его горлѣ, мѣшаясь съ журчаньемъ словъ тихой отходной, которую читалъ сквозь слезы Захарія.

Протопопъ Туберозовъ кончилъ свое житіе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Смерть Савелія произвела ужасающее впечатлѣніе на Ахиллу. Онъ рыдалъ и плакалъ не какъ мужчина, а какъ первая женщина оплакиваетъ потерю, перенесеніе которой казалось ей невозможнымъ. Впрочемъ, смерть протоіерея Туберозова была большимъ событіемъ и для всего города: не было дома, гдѣ бы не молились за усопшаго.

Въ домѣ покойника одна толпа народа смѣняла другую: одни шли, чтобъ отдать послѣдній поклонъ честному гробу, другіе, чтобъ посмотреть, какъ лежитъ въ гробѣ священникъ. Въ ночь послѣ смерти отца Савелія, гарникъ Николай Аонасычъ привезъ разрушеніе покойнаго отъ заперенія, и Савелій былъ положенъ въ гробу во всемъ облаченіи: огромный, длинный, въ камлавкѣ. Панихиды въ домѣ его совершались безпрестанно, и какой бы священникъ, приходя изъ усердія, ни надѣвалъ лежавшую на аналоѣ ризу и эпитрахиль, чтобъ отнѣть панихиду, дьяконъ Ахилла тотчасъ же просилъ благословенія на орарь и, со- служба, усердно молился.

На второй день было готово домовище и, по старому мѣстному обычаю, доселѣ сохраняющемуся у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при положеніи священниковъ въ гробъ, началась церемонія торжественная и страшная. Собралшеся духовенство со свѣчами, въ траурномъ облаченіи, обносило

па рукахъ мертвѣго Савелія три раза вокругъ огромнаго гроба, а Ахилла держалъ въ его мертвой рукѣ дымящееся кадило, и мертвецъ какъ бы самъ оказывалъ имъ свое холодное домовище. Потомъ усопшаго протопопа положили въ гробъ и всѣ разошлись, кромѣ Ахиллы; онъ оставался здѣсь одинъ всю ночь съ мертвымъ своимъ другомъ, и тутъ произошло нѣчто, чего Ахилла не замѣтилъ, но что замѣтили за него другіе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Дьяконъ не ложился спать съ самой смерти Савелія, и три безсонныя ночи, вмѣстѣ съ напряженнымъ вниманіемъ, съ которымъ онъ безпрестанно обращался къ покойнику, довели стальные нервы Ахиллы до крайняго возбужденія.

Въ дьяконѣ замолчали инстинкты и страсти, которыми онъ наиболѣе былъ склоненъ работать, и вмѣсто нихъ выступили и рѣзкими чертами обозначились душевныя состоянія, ему до сихъ поръ несвойственныя.

Его вѣчная легкость и разметанность смѣнились тяжело-вѣсностью неотвязчивой мысли и глубокою погруженностью въ себя. Ахилла не поблѣднѣлъ въ лицѣ и не потухъ во взорѣ, а, напротивъ, смуглая кожа его озарилась розовымъ, матовымъ подцвѣтомъ. Онъ видѣлъ все съ рѣзкою ясностью; слышалъ каждый звукъ такъ, какъ будто этотъ звукъ раздавался въ немъ самомъ, и понималъ многое такое, о чемъ доселѣ никогда не думалъ.

Онъ теперь понималъ все, чего хотѣлъ и о чемъ заботился покойный Савелій, и называлъ усопшаго мученикомъ.

Оставаясь всѣ три ночи одинъ при покойномъ, дьяконъ не находилъ также никакого затрудненія бесѣдовать съ мертвецомъ и ожидать отвѣта изъ-подъ парчеваго воздуха, покрывавшаго лицо усопшаго.

— Баточка! — взывалъ полегоньку дьяконъ, прерывая чтеніе Евангелія и подходя въ ночной тишинѣ къ лежащему предъ нимъ покойнику:—Встань! А?.. При мнѣ при одномъ встань! Не можешь, лежишь, яко трава.

И Ахилла нѣсколько минутъ сидѣлъ или стоялъ въ молчаніи и опять начиналъ монотонное чтеніе.

На третью и послѣднюю ночь Ахилла вздремнулъ на одно короткое мгновеніе, проснулся за часъ до полуночи, смѣнилъ чтеня и заперъ за нимъ дверь.

Надѣвъ стихарь, онъ сталъ у аналоя и, прикоснувшись къ плечу мертвеца, сказалъ:

— Слушай, баточка мой, это я теперь тебѣ въ послѣднее зачитаю,—и съ этимъ дьяконъ началъ Евангеліе отъ Іоанна. Онъ прочелъ четыре главы и, дочитавъ до главы пятой, сталъ на одномъ стихѣ и, вздохнувъ, повторилъ дважды великое обѣщаніе: «яко грядеть часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавши, оживуть.»

Повторивъ дважды голосомъ, Ахилла началъ еще мысленно нѣсколько разъ криду повторить это мѣсто, и не двигался далѣе.

Чтеніе надъ усопшимъ дѣло не мудрое; люди, маломальски привычныя къ этому дѣлу, исполняютъ его безъ малѣйшаго смущенія; но при всемъ томъ и здѣсь, какъ во всякомъ дѣлѣ, чтобъ оно шло хорошо, нужно соблюдать нѣкоторые практическіе приемы. Одинъ изъ такихъ приемовъ заключается въ томъ, чтобы чтець, читая, не засматривалъ въ лицо мертвеца. Повѣрье утверждаетъ, что это нарушаетъ его покой; опытъ пренебрегавшихъ этимъ приемомъ чтецовъ убѣждаетъ, что въ глазахъ начинается какое-то непріятное мреянье; покой, столь нужный въ почномъ одиночествѣ, измѣняетъ чтену, и глаза начинаютъ замѣчать тихое, едва замѣтное мельканіе, сначала недалеко вокругъ самой книги, потомъ и дальше, и больше, и тогда ужъ нужно или возобладать надъ собою и разрушить начало галлюцинаціи, или она разовьется и породитъ неотразимые страхи.

Ахилла теперь нисколько не соблюдалъ этого правила, напротивъ, онъ даже сожалѣлъ, что ликъ усопшаго закутанъ парчевымъ воздухомъ; но, несмотря на все это, ничто похожее на страхъ не смущало дьякона. Онъ, какъ выше сказано, все стоялъ на одномъ стихѣ и размышлялъ:

«Вѣдь онъ уже теперь услышалъ гласъ Сына Божія и ожилъ... Я его только не вижу, а онъ здѣсь.»

И въ этихъ размышленіяхъ дьяконъ не замѣтилъ, какъ прошла ночь, и на небѣ блеснула блѣдною янтарною чертой заря, послѣдняя заря, осѣняющая на землѣ разрушающійся остатокъ того, что было слышащимъ землю свою и разумѣвающимъ ее попомъ Саведіемъ.

Увидя эту зарю, дьяконъ вздохнулъ и отошелъ отъ ана-

лая къ гробу, облокотился на обѣ стѣнки домовища, такъ что высокая грудь Савелія припала подъ его грудью и, осторожно приподнявъ двумя перстами парчевый воздухъ, покрывающій лицо покойника, заговорилъ:

— Батя, батя, гдѣ же нынѣ духъ твой? Гдѣ твое огнестое слово? Покинь мнѣ, малоумному, духа твоего!

И Ахилла припалъ на грудь мертвеца и вдругъ вздрогнулъ и отскочилъ: ему показалось, что его насквозь что-то перебѣжало. Онъ оглянулся по сторонамъ: все тихо, только отяжелѣвшія вѣки его глазъ лишнуть и голову куда-то тиснуть дремота.

Дьяконъ отряхнулся, ударилъ земной поклонъ и испугался этого звука: ему послышалось, какъ бы надъ нимъ что-то стукнуло, и почудилось, что будто Савелій сидитъ съ закрытымъ парчою лицомъ и съ Евангеліемъ, которое ему положили въ его мертвые руки.

Ахилла не оробѣлъ, но смутился и, тихо отодвигаясь отъ гроба, приподнялся на колѣни. И что же? по мѣрѣ того, какъ повергнутый Ахилла возставалъ, мертвецъ по той же мѣрѣ въ его глазахъ медленно ложился въ гробъ, не поддерживая себя руками, занятыми крестомъ и Евангеліемъ.

Ахилла вскочилъ и, махая рукой, прошепталъ:

— Миръ ти! миръ! я тебя тревожу!

И съ этимъ словомъ онъ было снова взялся за Евангеліе и хотѣлъ продолжать чтеніе, но, къ удивленію его, книга была закрыта и онъ не помнилъ, гдѣ остановился.

Ахилла развернулъ книгу наудачу и прочелъ: «Въ мірѣ бѣ, и міръ его не позна...»

«Чего это я ищу?»—подумалъ онъ отуманенною головою и развернулъ безотчетно книгу въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь стояло: «И воззрѣтъ наънъ его же прородоша».

Но въ то время, какъ Ахилла хотѣлъ перевернуть еще страницу, онъ замѣчаетъ, что ему непомѣрно тѣгостно и что его держитъ кто-то за руки.

«А что же мнѣ нужно? и что это такое я отыскиваю?.. Какое зачало? Какой нынѣ день?»—соображаетъ Ахилла и никакъ не добьется этого, потому что онъ восхищенъ отсюда...

Въ ярко-освѣщенномъ храмѣ, за престоломъ, въ свѣтлой праздничной ризѣ и въ высокой фіолетовой камилавкѣ стоитъ Савелій и круглымъ полнымъ голосомъ, выпуская

какъ шаръ каждое слово, читаетъ: «Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово».

«Что это, Господи! А мнѣ казалось, что умеръ отецъ Савелій. Я проспалъ ширь вѣры!.. я пропустилъ святую заутреню.»

Ахилла задрожалъ и, раскрывъ глаза, увидалъ, что онъ, дѣйствительно, спалъ, что на дворѣ уже утро; красный огонь погребальныхъ свѣчъ исчезаетъ въ лучахъ восходящаго солнца, въ комнатѣ душно отъ нагару, въ воздухѣ несетя заунывный благовѣсть, а въ двери комнаты громко стучать.

Ахилла торопливо провелъ сухой рукой по лицу и отперъ двери.

— Заснулъ?—тихо спросилъ его входящій Бенефактовъ.

— Воздремалъ,—отвѣтилъ дяконъ, давая дорогу входившему за отцомъ Захаріей духовенству.

— А я... знаешь... того; я не спалъ: я сочинялъ всю ночь нагробное слово,—пешннулъ дякону Бенефактовъ.

— Что же, сочинили?

— Нѣтъ; не выходитъ.

— Ну; это ужъ такъ по обыкновенію.

— А знаешь ли, можетъ быть, ты бы нѣчто сказалъ?

— Полноте, отецъ Захарія, развѣ я ученый!

— Что же... вѣдь ты въ стихарѣ... ты право имѣешь.

— Да что же въ томъ правѣ, отецъ Захарія, когда дара и пониманія не имѣю?

— А вы, сударь, возьмите-ка да поусердиѣе о дарѣ помолитесь, онъ и придетъ,—вмѣшался попотомъ карликъ.

— Помолитесь! Нѣтъ, другъ Николаша, развѣ ты за меня помолись, а я отъ печали моей обезумѣлъ; мнѣ даже наяву видѣнія снятся.

— Что же, извольте, я помолюсь,—отвѣчалъ карликъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Вотъ весь Старогородъ сопровождаетъ тѣло Туберозова въ церковь. Обѣдия и отпѣваніе, благодаря Ахиллѣ, производили ужасное впечатлѣніе; дяконъ, что ни начнетъ говорить, захлебывается, останавливается и заливается слезами. Рыданія его, разносясь въ толпѣ, сообщаютъ всѣмъ глубочайшую горестъ.

Только во время нагробнаго слова, сказаннаго однимъ

изъ священниковъ, Ахилла смирилъ скорбь свою и, слушая, тихо плакалъ въ платокъ; но зато, когда онъ вышелъ изъ церкви и увидѣлъ тѣ мѣста, гдѣ такъ много лѣтъ ходилъ вмѣстѣ съ Туберозовымъ, котораго теперь несутъ заключеннымъ въ гробъ, Ахилла почувствовалъ необходимость не только рыдать, но вопить и кричать. Дабы дать исходъ этимъ рвавшимся изъ души его воплямъ, онъ пѣлъ «Святый Безсмертный, помилуй насъ», но пѣлъ съ такой силой, что слѣпая столѣтняя старуха, которую при приближеніи печальнаго шествія внуки вывели за ворота поклониться гробу, вдругъ всплеснула руками и, упавъ на колѣни, воскликнула:

— Охъ, слышитъ это, слышитъ Господь, какъ Ахилла подь самое небо кричитъ!

Но вотъ и обведенное рвомъ и обсаженное ветлами мѣсто упокоенія, — кладбище, по которому часто любилъ гулять вечерами Туберозовъ и о перядкѣ котораго онъ не мало заботился. Гробъ пронесли подь переметь темныхъ тесовыхъ воротъ; пропѣта послѣднія литія, и бѣлые холсты, перекатившись черезъ насыпь отвала, протянулись надъ темною пропастью могилы. Черезъ секунду раздастся послѣдній «аминь» и опустится въ могилу.

Но предъ этимъ еще надлежало произойти чему-то, чего никто не ожидалъ. Много разъ въ жизнь свою всѣхъ удивившій Ахилла почувствовалъ необходимость еще разъ удивить старгородцевъ и притомъ удивить совсѣмъ въ новомъ родѣ. Блѣдный и помертвѣвшій, онъ протянулъ руку къ одному изъ державшихъ холсты могильщиковъ и, обратясь умиленными глазами къ духовенству, воскликнулъ:

— Отцы! молю васъ... велите повременить немного... я только нѣкое самое малое слово скажу.

Всхлипывающій Захарія торопливо остановилъ могильщиковъ и, протянувъ обѣ руки къ дьякону, благословилъ его.

Весь облитый слезами, Ахилла обтеръ бумажнымъ платкомъ покрытый красными пятнами лобъ и судорожно пролепеталъ дрожащими устами: «Въ мірѣ бѣ и мірѣ его не позна»... и вдругъ, не находя болѣе соответствующихъ словъ, дьяконъ побагровѣлъ и, какъ бы ловя высохшими глазами звуки, начертанные для него въ воздухѣ, грозно воскликнулъ: «Но воззрятъ наъ его же прободоша», и съ этимъ

онъ бросилъ горсть земли на гробъ, снялъ торопливо стихарь и пошелъ съ кладбища.

— Превосходно говорили, государь отецъ дяконъ!—прошептала сквозь слезы карликъ.

— Се духъ Савеліевъ бѣ на немъ, — отвѣтилъ ему разоблачавшійся Захарія.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Послѣ похоронъ Туберозова Ахиллѣ оставалось совершить два дѣла: во-первыхъ, подвергнуться тому, чтобъ «иной его препоясалъ», а во-вторыхъ, умереть, будучи, по словамъ Савелія, «живымъ отрицаніемъ смерти». Онъ непосредственно и торопливо принялся приближать къ себѣ и то, и другое. Освободившись отъ хлопотъ за погребальнымъ обѣдомъ, Ахилла легъ на своемъ войлокѣ въ сѣнничномъ чуланѣ и не подымался.

Прошелъ день, два и три, Ахилла все лежалъ и не показывался. Домъ отца Туберозова совсѣмъ глядѣлъ мертвымъ домомъ: взойдетъ яркое солнце и освѣтитъ его пустынный дворъ — мертво; набѣжатъ грядой облачка и отразятся въ стеклахъ его оконъ, словно замогильныя тѣни, и опять ничего.

Наблюдая эту тишь, сосѣди стали жаловаться, что имъ даже жутко; а дяконъ все не показывался. Стало сомнительно, что съ нимъ такое?

Захарія пошелъ его навѣщать. Долго кроткій старичокъ ходилъ изъ комнаты въ комнату и звалъ:

— Дяконъ, гдѣ ты? Послушай, дяконъ!

Но дяконъ не откликнулся. Наконецъ, отецъ Захарія пріотворилъ дверь въ темный чуланчикъ.

— Чего вы, отецъ Захарія, такъ гласно стужаетесь? — отозвался откуда-то изъ темноты Ахилла.

— Да какъ, братецъ мой, чего? Гдѣ ты о сю пору находишься?

— Пріотворите пошире дверь: я вотъ тутъ въ уголушкѣ.

Бенефактовъ исполнилъ, что ему говорилъ Ахилла, и увидѣлъ его лежащимъ на примощенной къ стѣнѣ дощатой кровати. На дяконѣ была ровная холщевая сорочка съ прямымъ стложнымъ воротникомъ, завязаннымъ по-малороссійски длинною цестрою тесьмой, и широкіе тиковые полосатые шаровары.

— Что же ты такъ это, дяконъ? — спросилъ его, ища себѣ мѣста, отецъ Бенефактовъ.

— Позвольте, я подвинусь, — отвѣчалъ Ахилла, перевалиясь на ближайшую къ стѣнѣ доску.

— Что же ты, дяконъ?

— Да, вотъ вамъ и дяконъ...

— Да что жъ ты такое?

— Уязвленъ, — отвѣтилъ Ахилла.

— Да чѣмъ же ты это уязвленъ?

— Смѣшно вы, отецъ Захарія, спрашиваете: чѣмъ? Тѣмъ и уязвленъ. Кончиной отца протопопа уязвленъ.

— Да, ну что жъ дѣлать? Вѣдь это смерть... конечно... она враждебна... всему естеству и помысламъ преграда... по неизбежно... неизбежно...

— Вотъ я этою преградой и уязвленъ.

— Но ты... ты того... мужайся... грѣхъ... потому воли... опредѣленіе...

— Ну, когда жъ я и опредѣленіемъ уязвленъ!

— Но что же ты это зарядилъ: уязвленъ, уязвленъ! Это, братецъ, того... это нехорошо.

— Да что же осталось хорошаго! — ничего.

— Ну, а если и самъ понимаешь, что мало хорошаго, такъ и надо имѣть разсудокъ: закона природы, братъ, не обойдешь!

— Да про какой вы тутъ, отецъ Захарія, про «законъ природы!» Ну, а если я и закономъ природы уязвленъ?

— Да что же ты теперь будешь съ этимъ дѣлать?

— Тсъ! ахъ Царь мой Небесный! Да не докучайте вы мнѣ, пожалуйста, отецъ Захарія, съ своими законами! Ничего я не буду дѣлать!

— Однакоже, неужто такъ и будешь теперь все время лежать?

Дяконъ промолчалъ, но потомъ, вздохнувъ, началъ тихо:

— Я еще очень скорблю, а вы сразу со мной заговорили. О какомъ вы тутъ дѣлѣ хотите со мной разговаривать?

— Да поправляйся скорѣй, вотъ что, потому что вѣдь хоть и въ скорбѣхъ, а по слабости и ѣсть, и пить будемъ.

— Да это-то что, что про это и говорить? ѣсть-то и пить мы будемъ, а вотъ въ этомъ-то и причина!

— Что, что такое? Какая причина?

— А вотъ та причина, что мы теперь, значить, станемъ объ этомъ, что было, мало-по-малу позабывать и вдругъ совсѣмъ что ли про него позабудемъ?

— А что же дѣлать?

— А то дѣлать, что я съ моимъ характеромъ никакъ на это не согласенъ, чтобъ его позабыть.

— Все, братецъ, такъ; а придетъ время, позабудешь.

— Отецъ Захарія! Пожалуйста, вы мнѣ этого не говорите, потому что вы знаете, какой я въ огорченіи дикій.

— Ну вотъ еще! Нѣтъ, ужъ ты, братъ, отъ грубостей воздерживайся.

— Да, воздерживайся! А кто меня отъ чего-нибудь теперь будетъ воздерживать?

— Да если хочешь, я тебя удержу.

— Полноте, отецъ Захарія!

— Да что ты такое? Разумѣется, удержу!

— Полноте, пожалуйста!

— Да отчего же полноте?

— Да такъ; потому что зачѣмъ неправду говорить: ни отъ чего вы меня не можете удержать.

— Ну, это ты, дьяконъ, даже просто нахаль,—отвѣчалъ, обидясь, Захарія.

— Да ничуть не нахаль, потому что я и васъ тоже люблю; но какъ вы можете меня удержать, когда вы характера столь слабаго, что вамъ даже дьячокъ Сергѣй грубитъ.

— Грубитъ! Мнѣ всѣ грубятъ! А ты больше ничего какъ глупо разсуждаешь!

— А вотъ удержите же меня теперь отъ этого, чтобъ я такъ не разсуждалъ.

— Не хочу я тебя удерживать, да... не хочу, не хочу, за то, что я пришелъ тебя навѣстить, а ты вышелъ грубіанъ... Прощай!

— Да позволте, отецъ Захарія! Я совсѣмъ не въ томъ смыслѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ; пошелъ прочь: ты меня огорчилъ.

— Ну, Богъ съ вами...

— Да, ты грубіанъ и очень большой грубіанъ.

И Захарія ушелъ, оставивъ дьякона, въ надеждѣ, что авось тому надоѣстъ лежать и онъ самъ выйдетъ на свѣтъ; но прошла еще цѣлая недѣля, а Ахилла не показывался.

— «Позабудутъ», — твердилъ онъ: — непременно всѣ они

его позабудут!» И эта мысль занимала его неотвязно, и онъ сильнѣйшимъ образомъ задумывался, какъ бы этому горю помочь.

Чтобы вызвать Ахиллу изъ его мурья, пужно было особое событіе.

Проснувшись однажды около шести часовъ утра, Ахилла смотрѣлъ, какъ сквозь узенькое оконечко надъ дверями въ чуланчикъ пронизывались лучи восходящаго солнца, какъ вдругъ къ нему вбѣжалъ впопыхахъ отецъ Захарія и объявилъ, что къ нимъ на мѣсто отца Туберозова назначенъ новый протопопъ.

Ахилла поблѣднѣлъ отъ досады.

— Что же ты не радъ, что ли, этому? — спросилъ Захарія.

— А мнѣ какое до этого дѣло?

— Какъ какое до этого дѣло? А ты спроси, кто назначенъ-то?

— Да развѣ мнѣ не все равно?

— Академикъ!

— Ну вотъ, академикъ! Вишь чему вы обрадовались! Нѣтъ, ей-Богу, вы еще суетны, отецъ Захарія.

— Чего ты «суетный»? Академикъ,—значить умный.

— Ну вотъ опять: умный! Да пусть себѣ умный: пенно мы съ вами отъ этого поумнѣемъ?

— Что же это,—стало-быть ученаго духовенства не уважаешь?

— А развѣ ему не все равно: уважаю я его или не уважаю? Ему отъ этого ничего, а я, можетъ-быть, совѣмъ о чемъ важнѣе думаю.

— О чемъ? позволь спросить, о чемъ?

— О вчерашнемъ.

— Вотъ ты опять грубишь!

— Да ничего я вамъ не грублю: вы думаете, какъ бы новаго встрѣтить, а я — какъ бы стараго не забыть. Что вы тутъ за грубость находите?

— Ну съ тобой послѣ этого говорить не стѣитъ, — рѣшилъ Захарія, и съ неудовольствіемъ вышелъ, а Ахилла тотчасъ же всталъ, умылся и потекъ къ несправнику съ просьбой помочь ему продать какъ можно скорѣе его домъ и пару его аргамаковъ.

— На что это тебѣ?—спрашивалъ Порохонцевъ.

— Не любопытствуй,—отвѣчалъ Ахилла:—только послѣ, когда сдѣлаю, тогда все и увидишь.

— Хоть скажи, въ какомъ родѣ?

— Въ такомъ родѣ, чтобы про отца Савелія не скоро позабыли, вотъ въ какомъ родѣ.

— Пусть отецъ Захарія о немъ чаще въ словѣ церковномъ напоминаетъ.

— Что отецъ Захарія можетъ напоминать? Нѣтъ, онъ вынче уже науки любитъ, а я... я по-старому человѣка люблю.

На этомъ кончились переговоры и имущество Ахиллы, согласно его желанію, было продано.

Оставалось смотрѣть, что онъ теперь станетъ дѣлать.

Дьяконъ получалъ за все ему принадлежавшее двѣсти рублей; сунулъ оба билетика въ карманъ нанковаго подьясника и объявилъ, что идетъ въ губернію. Онъ уже отрубилъ себѣ отъ тонкой жердины дорожную дубинку, связалъ маленькій узелокъ, купилъ на базарѣ двѣ большія лепешки съ лукомъ и, засунувъ ихъ въ тотъ же карманъ, гдѣ лежали у него деньги, совсѣмъ готовъ былъ выступить въ походъ, какъ вдругъ прѣхалъ новый протопопъ Иродіонъ Граціанскій. Это былъ благообразный человѣкъ, неопредѣленнаго возраста. По его наружному виду ему съ одинаковымъ удобствомъ можно было дать двадцать шесть лѣтъ, какъ и сорокъ.

Ахилла подошелъ къ этому своему новому настоятелю и, принявъ отъ него благословеніе, хотѣлъ поцѣловать ему руку, но когда тотъ отдернулъ эту руку и предложилъ дружески поцѣловаться, то Ахилла и поцѣловался.

— Видишь какой добрый!—говорилъ дьякону, провожалъ его черезъ часть, Захарія.

— Въ чемъ же вы такъ скоро это, отецъ Захарія, заключаете его доброту?—отвѣчалъ небрежно Ахилла.

— Какъ же? даже не позволилъ тебѣ руки поцѣловать, а устный поцѣлуй... это доброту.

— А по-моему это больше ничего какъ самая пустая поважность,—отвѣчалъ Ахилла.

Теперь онъ уже ожесточенно ревновалъ новаго протопопа къ мѣсту Савелія и придирался къ нему, стараясь находить въ немъ все нехорошее, чтобы опъ никакъ не могъ сравниться съ покойнымъ Туберовымъ. Чѣмъ болѣе новый

протопопъ всѣмъ старогородцамъ нравился, тѣмъ Ахилла ожесточеннѣе хотѣлъ его ненавидѣть.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

На другой день новый протопопъ служилъ обѣдню и произнесъ слово, въ которомъ расточалъ похвалы своему предшественнику и говорилъ о необходимости и обязанности поминать и чтить его заслуги.

Ахилла и Захарія слушали эту проповѣдь изъ алтари, прислоня уши свои къ завѣсѣ вратъ. Ахиллу возмущало, что новый протопопъ такъ же говоритъ, и что его слушаютъ съ неменьшимъ вниманіемъ, чѣмъ Туберозова... и что онъ, наконецъ, заступается за Туберозова и поучаетъ цѣнить и понимать его заслуги.

— Къ чему это? къ чему это ему? — негодовалъ, идучи съ Захаріей изъ церкви, дьяконъ.

Онъ уже жестоко ненавидѣлъ новаго протопопа за его успѣхъ въ проповѣди и лютовалъ на него какъ ревнивая женщина. Онъ самъ чувствовалъ свою несправедливость, но не могъ съ собою совладать, и когда Захарія, взявшись устыжать его, сказалъ, что Граціанскій во всѣхъ своихъ поступкахъ благороденъ, Ахилла нетерпѣливо переломилъ бывшую въ его рукахъ палочку и проговорилъ:

— Вотъ это-то самое мнѣ и противно-сь!

— Да что же, развѣ лучше, если бъ онъ былъ хуже?

— Лучше, лучше... разумѣется, лучше! — перебилъ нетерпѣливо Ахилла. — Что вы, развѣ не знаете, что не согрѣшившій не покается!

Захарія только махнулъ рукой.

Походъ Ахиллы въ губернскій городъ все день-ото-дня откладывался: дьяконъ присутствовалъ при повѣркѣ ризницы, книгъ и церковныхъ суммъ, и все это молча и негодуя Богъ вѣсть на что. На его горе, ему не къ чему даже было придратъся. Но вотъ Граціанскій заговорилъ о необходимости поставить надъ могилой Туберозова маленькій памятникъ.

Ахилла такъ и привскочилъ.

— Это за что же ему «маленькій» памятникъ, а не большой? Онъ у насъ большое время здѣсь жилъ и свои заслуги почище другого кого оставить.

Граціанскій посмотрѣлъ на Ахиллу съ неудовольствіемъ

и, не отвѣчая ему, предложилъ подписку на сооруженіе Савелію памятника.

Подписка принесла тридцать два рубля.

Дьяконъ не захотѣлъ ничего подписать и рѣзко отказался отъ складчины.

— Отчего же? Отчего ты не хочешь? — спрашивалъ его Бенефактовъ.

— Оттого, что суетно это, — отвѣчалъ Ахилла.

— А въ чемъ вы видите эту суетность? — сухо вставилъ Граціанскій.

— Да какъ же можно такому человѣку отъ всего міра въ тридцать два рубля памятникъ ставить? Этакій памятникъ все равно что за грошъ пистолеть. Нѣтъ-съ; меня отъ этой обиды ему увольте; я не подпишусь.

Вечеромъ отецъ Захарія, совершая обычную прогулку, зашелъ къ Ахиллѣ и сказалъ ему:

— А ты, дьяконъ, смотри... ты нѣсколько вооружаешь противъ себя отца протопопа.

— Что?.. тсс! ахъ, говорите вы, пожалуйста, явственно. Что такое; чѣмъ я его вооружаю?

— Непочтеніемъ, непочтеніемъ, непокорствомъ, вотъ чѣмъ: на памятникъ не согласился, ушелъ — руки не поцѣловалъ.

— Да вѣдь онъ не желаетъ, чтобъ я у него руку поцѣловалъ?

— Не желаетъ дома, а то на службѣ... Это, братецъ, совсѣмъ другое на службѣ...

— Ахъ! вы этакъ меня съ своимъ новымъ протопопомъ совсѣмъ съ толку собьете! Тамъ такъ, а тутъ этакъ: да мнѣ всѣхъ этихъ вашихъ артикуловъ всю жизнь не припомнить, и я лучше буду одинъ порядокъ держать.

Дьяконъ пошелъ къ новому протопопу проситься на двѣ недѣли въ губернскій городъ и насильно поцѣловалъ у него руку, сказавъ:

— Вы меня извините; а то я иначе путаюсь.

И вотъ Ахилла на волѣ, на пути, въ который такъ нетерпѣливо снаряжался съ цѣлями самаго грандіознаго свойства: онъ еще, лежа въ своемъ чуланѣ, прежде всѣхъ задумалъ поставить отцу Туберовову памятникъ, но не въ тридцать рублей, а на всѣ свои деньги, на всѣ двѣсти рублей, которые выручилъ за все свое имущество, приобрѣ-

тенное трудами цѣлой жизни. Ахилла считалъ эти деньги вполне достаточными для того, чтобы возвести монументъ на диво временамъ и народамъ, монументъ столь огромный, что идеальный планъ его не умѣщался даже въ его головѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Октябрьская ночь была холодна и сумрачна; по небу быстро неслись облака и вѣтеръ шумѣлъ голыми вѣтвями придорожныхъ ракитъ. Ахилла, все, не останавливаясь, шелъ, и когда засѣрѣлъ осенній разсвѣтъ, онъ былъ уже на половинѣ дороги и смѣло могъ дать себѣ раздыхъ.

Онъ свернулъ съ дороги къ большому обмету соломы, прилежь за нимъ отъ вѣтра, закрылъ полой голову и заснулъ.

День былъ такой же какъ ночь: холодное солнце то выгнестъ и заблещетъ, то снова запаривается тучами; вѣтеръ то свирѣбитъ и рветъ, то шипитъ змѣей по землѣ. Пола, которою дяконъ укуталъ свою голову, давно была сорвана съ его головы и билась по вѣтру, а солнце, выскакивая изъ-за облакъ, прямо освѣщало его богатырское лицо. Дяконъ все спалъ. День уже совсѣмъ обогрѣлся, и въ вытоптанномъ жнивѣ, въ которомъ лежалъ Ахилла, уткнувшись головой въ солому омета, показались послѣднiе запоздалые жильцы умершей нивы: на самогъ Ахиллы вползла жесткая чернокожая двухвостка, а по его бородѣ, едва плетясь и вздрагивая, поднялся полуокоченѣвшiй шмель. Бѣдное насекомое, обрѣтя тепло и прiютъ въ густой бородѣ дякона, начало копошиться и разбудило его: Ахилла громко фыркнулъ, потянулся, вскочилъ, забросилъ за плечи свой узелъ и, выпивъ на постояломъ дворѣ за грошъ квасу, пошелъ къ городу.

Къ сумеркамъ онъ отшагалъ и остальные тридцать пять верстъ и, увидѣвъ кресты городскихъ церквей, сѣлъ на отвалѣ придорожной канавы и впервые съ выхода своего задумалъ попитаться: онъ досталъ перенедѣльничавшiя у него въ карманѣ лепешки и, сложивъ ихъ одна съ другою исподними корками, началъ улетать съ сугубымъ апетитомъ, но все-таки не доѣлъ ихъ и, сунувъ опять въ тотъ же карманъ, пошелъ въ городъ. Ночевалъ онъ у знакомыхъ семинаристовъ, а на другой день рано утромъ пришелъ къ Туганову, велѣлъ о себѣ доложить и сѣлъ на коникъ въ передней.

Прошелъ часъ и другой, Ахиллу не звали. Онъ уже не разъ спрашивалъ часто пробѣгавшаго мимо казачка:

— Дворецкій! что жь: когда меня позовутъ?

Но дворецкій даже и не считалъ нужнымъ отвѣчать мужиковатому дьякону въ пыльной шапковой рясѣ.

Не отдохнувъ еще какъ должно отъ вчерашняго перехода, Ахилла началъ дремать, по какъ дрема была теперь для него не у мѣста, то онъ задумался разсѣяться фдою, къ чему недоѣденные вчера куски ленешки представляли полную возможность. Но только что онъ досталъ изъ подрясника остатокъ этихъ ленешекъ и хотѣлъ обдуть пальчишкой къ нимъ соръ, какъ вдругъ остолбенѣлъ и потомъ вскочилъ, какъ ужаленный, и бросился безъ всякаго доклада по незнакомымъ ему роскошнымъ покоямъ дома. По случаю онъ попалъ прямо въ кабинетъ предводителя и, столкнувшись съ нимъ самымъ лицомъ къ лицу, воскликнулъ:

— Отцы! кто въ Бога вѣруетъ, пособите мнѣ! Посмотрите, какое со мною за несчастіе!

— Что, что такое съ тобою? — спросилъ удивленный Тугановъ.

— Парменъ Семенычъ! что я, злодѣй, сдѣлалъ! — вопіялъ потерявшійся отъ ужаса Ахилла.

— Что, ты убилъ кого, что ли?

— Нѣтъ; я бѣжалъ къ вамъ иѣшкомъ, чтобы вы мнѣ хорошо посовѣтовали, потому что я хочу протопону памятникъ ставить за двѣсти рублей.

— Ну, такъ что жь? Или у тебя отняли деньги.

— Нѣтъ, не отняли, а хуже.

— Ты ихъ потерялъ?

— Нѣтъ, я ихъ съѣлъ!

И Ахилла въ отчаяніи поднесъ къ глазамъ Туганова исподнюю корку недоѣденной ленешки, къ которой словно приреченъ былъ одинъ уцѣлѣвшій уголокъ сторублевой бумажки.

Тугановъ тронулъ своими тонкими ногтями этотъ уголокъ и, отдѣливъ его отъ корки, увидалъ, что подъ нимъ ниже еще плотнѣе влипъ и присохъ такой же кусокъ другого билета.

Предводитель не выдержалъ и разсмѣялся.

— Да; вотъ, какъ видите, всё съѣлъ, — утверждалъ дьяконъ, кусая въ растерянности палецъ на своемъ среднемъ

пальцѣ, и вдругъ, повернувшись, сказалъ: — ну-съ, затѣмъ прошу прощенія, что обезножилъ, прощайте!

Тугановъ вступился въ его спасеніе.

— Полно, братецъ, приходитъ въ отчаяніе, — сказалъ онъ:— все это ничего не значить; мнѣ въ банкѣ обмѣняютъ твои бумажки, а ты бери у меня другія и строй памятникъ попу Савелію, я его любилъ.

И съ этимъ онъ подаль Ахиллѣ два новые сторублевые билета, а его объѣдки прибралъ для приобщенія къ фамильнымъ антикамъ.

Эта бѣда была поправлена, но начиналась другая: надо было сочинить такой памятникъ, какого хотѣлъ, но не могъ никакъ сообразить Ахилла.

Онъ и эту бѣду повергъ на воззрѣніе Туганова.

— Я хочу, Пармень Семенычъ,—говорилъ онъ:—чтобы памятникъ за мои деньги былъ какъ можно крѣпкій и обширный.

— Пирамиду закажи изъ гранита.

Тугановъ велѣлъ подать себѣ изъ шкапа одну папку и, доставъ оттуда рисунокъ египетской пирамиды, сказалъ:

— Вотъ такую пирамиду!

Мысль эта Ахиллѣ странно понравилась, но онъ усомнился, хватитъ ли у него денегъ на исполненіе? Онъ получилъ въ отвѣтъ, что если двухсотъ рублей не хватитъ, то Тугановъ, уважая старика Туберозова, желаетъ самъ приплатить все, что не досталеть.

— А ты,—молвилъ онъ:—будешь строитель и строй по своему усмотрѣнію, что хочешь!

— Вотъ ужъ это... — заговорилъ-было, растерявшись, Ахилла, но вмѣсто дальнѣйшихъ словъ ударилъ поклономъ въ землю и, неожиданно схвативъ руку Туганова, поцѣловалъ ее.

Тугановъ былъ тронутъ: назвалъ Ахиллу «добрымъ мужикомъ» и предложилъ ему помѣститься у него въ мезонинѣ.

Дьяконъ немедленно перешелъ отъ семинаристовъ на дворъ къ предводителю и началъ хлопотать о заказѣ камня. Онъ прежде всего старался быть крайне осторожнымъ.

— Что такое? — говорилъ онъ себѣ: — вѣдь и вправду точно, куда я стремлюсь, туда слѣдомъ за мной и всѣ безпорядки.

И онъ молилъ Бога, хоть теперь, хоть разъ въ жизни,

избавить его отъ всѣхъ увлеченій и сподобить его исполнить предпринимаемое дѣло вполне серьезно.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Дьяконъ обошелъ всѣхъ извѣстныхъ въ городѣ монументчиковъ и остановился на самомъ худшемъ, на русскомъ жерновникѣ, какомъ-то Попыгинѣ. Два монументчика изъ нѣмцевъ разсердили дьякона тѣмъ, что все желали знать «позволить ли масштабъ» построить столь большую пирамиду, какую онъ имъ заказывалъ, отмѣрили разстоянiе по просту шагами, а вышину подъемомъ руки.

Жерновникъ Попыгинъ понялъ его короче: они все размѣрили шагами и косыми саженьями, и уговорились они тоже на словѣ, ударили по рукамъ, и пирамида была заказана и исполнялась. Ахилла смотрѣлъ какъ двигали, ворочали и тесали огромные камни и былъ въ восторгѣ отъ ихъ большихъ размѣровъ.

— Вотъ такъ-то лучше безъ мачтаба,—говорилъ онъ:— какъ хотимъ, такъ и строимъ.

Русскій мастеръ Попыгинъ его въ этомъ поддерживалъ.

Тугановъ выслушивалъ рапорты Ахиллы о движенiи работъ и ни о чемъ съ нимъ не спорилъ, ни въ чемъ не противорѣчилъ. Онъ тѣшилъ этого богатыря памятникомъ, какъ огорченного ребенка тѣшать игрушкой.

Черезъ недѣлю и пирамида, и надписанiе были совсѣмъ готовы, и дьяконъ пришелъ просить Туганова взглянуть на чудесное произведенiе его творческой фантазiи. Это была широчайшая расплюснутая пирамида, съ крестомъ наверху и съ большими вызолоченными деревянными херувимами по угламъ.

Тугановъ осмотрѣлъ монументъ и сказалъ: «живетъ»; а дьяконъ былъ просто восхищенъ. Пирамиду разобрали и разобранныю повезли на девяти саняхъ въ Старъ-Городъ. На десятыхъ саняхъ сзади обоза ѣхалъ самъ Ахилла, сидя на корточкахъ, въ засаленномъ тулупѣ, между четырехъ деревянныхъ вызолоченныхъ и обернутыхъ рогожей херувимовъ. Онъ былъ въ восторгѣ отъ великолѣбiя памятника, но къ его восторгу примѣшивалось нѣкоторое безыкокойное чувство: онъ боялся, какъ бы кто не сталъ критиковать его пирамиды, которая была для него завѣтнымъ произведенiемъ его ума, вкуса, преданности и любви къ усопшему

Савелию. Чтобъ избѣжать критикамовъ, Ахилла рѣшилъ доверить пынное сооруженіе какъ можно секретнѣе и, прибывъ въ Старъ-Городъ, ночью появился только одному Захаріи и ему рассказалъ все трудности, преодоленные имъ при исполненіи пирамиды.

Но Ахиллѣ не удалось собрать монументъ въ секретѣ. Разложенныя на подводахъ части пирамиды Савелия на слѣдующее же утро сдѣлались предметомъ всеобщаго вниманія. Собравшіяся кучи горожанъ были особенно заинтересованы сверкавшими изъ роговъ руками и крыльями золоченыхъ херувимовъ; эти простые люди горячо спорили и не могли рѣшить, какого свойства эти херувимы: серебряные они или позолоченные?

— Серебряные и позолоченные, а въ середкѣ бриллиантами наколоченные,—разъяснилъ имъ Ахилла, въ это же самое время расталкивая согражданъ, толпившихся вокругъ собирателей пирамиды.

Докучали Ахиллѣ и граждане высшихъ сферъ. Эти, какъ ему показалось, даже прямо нарочно принижи съ злобною цѣлю критиковать.

— Это, просто, я не знаю, какъ и назвать, что это такое! Все, все, все, какъ есть нехорошо. Ахъ, ты, Боже мой! Можно ли такъ человѣка огорчать? Ну, если не правится тебѣ, нехорошо,—ну потерпи, помолчи, уважь... вѣдь я же старался... Тѣфу! Что за поганый народъ—люди!

И не самолюбивый и не честолюбивый Ахилла, постоянно раздражаясь, дошелъ до того, что сталъ нестерпимъ; онъ не могъ выносить ни одного слова о Туберововѣ. Самыя похвалы покойнику приводили его въ азартъ: онъ находилъ, что безъ нихъ лучше.

— Что хвалить!—говорилъ онъ Бенсфактову.—Вы, отецъ Захарія, воля ваша, легкомысленникъ; вы вспоминаете про него, словно про молоко въ коровій слѣдъ.

— Да я развѣ что худое про него говорю?

— Да не надо ничего про него говорить, теперь не такое время, чтобы про сильно вѣрующихъ спорить.

— Ишь ты цензоръ какой! Значить, его и похвалить нельзя?

— Да что его хвалить? Онъ не цыганская лошадь, чтобъ его нахваливать.

— Ты совершенно, совершенно несуразный человѣкъ — говорилъ Захарія:—прежде ты былъ гораздо лучше.

Съ другими Ахилла былъ еще рѣзче, чѣмъ съ Бенефактовымъ, и какъ всѣ, признавъ раздражительность Ахиллы, стали избѣгать его, онъ вдругъ насѣлъ на одну мысль: о тщетѣ всего земного и о смерти.

— Какъ вы хотите-съ,—разсуждалъ онъ:—а это тоже не пустое дѣло-съ вдругъ взять и умереть, и совсѣмъ Богъ знаетъ гдѣ, совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ очутиться.

— Да тебѣ рано объ этомъ думать, ты еще не скоро умрешь,—утѣшалъ его Захарія.

— Почему вы это, отецъ Захарія, предусматриваете?

— По сложенію твоему... и уши у тебя какія... крѣпкія.

— Да по сложенію-то и по ушамъ мнѣ и самому разумѣтся, пожалуй, вѣкъ не умереть, а долбней бы добивать меня надо; но это... знаете, тоже зависитъ и отъ фантазіи, и потому человекъ долженъ объ этомъ думать.

И, наконецъ, дьяконъ вналь взаправду въ тягостнѣйшую ипохондрію, которую въ немъ стали и замѣчать, и заговорили, что онъ на себя смерть зоветъ.

Съ этихъ поръ каморочка завѣщаннаго па нколу протопопскаго дома, гдѣ до времени ютился философствующій Ахилла, сдѣлалась для однихъ предметомъ участливаго или любозытнаго вниманія, а для другихъ—мѣстомъ таинственнаго страха.

Протоіерей Граціанскій, навѣстивъ дьякона, упрекалъ его за добровольное изгнаніе и убѣждалъ, что такое удаленіе отъ людей неблагоразумно, но Ахилла спокойно отвѣчалъ

— Благоразумнаго уже поздно искать: *онъ похорошенъ.*

Лѣкарю Пуговкину, котораго дьяконъ нѣкогда окуналъ и который все-таки оставался его пріителемъ и по дружбѣ пришелъ его утѣшить и увѣрять, что онъ боленъ и что его надо лѣчить,—Ахилла вымолвилъ:

— Это ты, другъ, правду говоришь: я всѣми монми мнѣдїями вокругъ разсѣянъ... Размышляю—не знаю о чемъ, и все... меня... знаешь, мучить (Ахилла поморщился и докочилъ шопотомъ): тоска!

— Ну да, у тебя очень возвышенная чувствительность.

— Какъ ты назвалъ?

— У тебя возвышенная чувствительность.

— Вотъ именно чувствительность! Все меня, знаешь, давить, и въ груди какъ колъ, и я ночью сажусь и долго-временно не знаю, о чемъ сокрушаюсь и плачу.

Пріѣхала навѣстити его духовная дочь Туберозова, помѣщица Серболова. Ахилла ей обрадовался. Гостица спросила его:

— Чѣмъ же это вы, отецъ дьяконъ, разболѣлись? Что съ вами такое сдѣлалось?

— А у меня, сударыня, сдѣлалась возвышенная чувствительность: послѣ отца протопопа все тоска и слезы.

— У васъ возвышенныя чувства, отецъ дьяконъ,—отвѣчала дама.

— Да... грудь спираетъ и все такъ кажется, что жить больше незачѣмъ.

— Откуда вы это взяли, что вамъ жить не надо?

— А пришли ко мнѣ три сестрицы: уныніе, скука и печаль, и все это мнѣ открыли. Прощайте, милостивая сударыня, много цѣлю, что меня посѣтили.

И дьяконъ выпроводилъ ее, какъ выпроваживалъ всѣхъ другихъ, и остался опять со своими «тремя сестрицами» и возвышенною чувствительностью.

Но вдругъ произошло событіе, по случаю котораго Ахилла встрепенулся: событіе это была смерть карлика Николая Аонасьевича, завѣщавшаго, чтобъ его хоронили отецъ Захарія и Ахилла, которымъ онъ оставилъ за то по пяти рублей денегъ, да по двѣ пары чулокъ и по ночному бу-мажному колначку своего вязанья.

Возвратясь съ похоронъ карлика, дьяконъ не только какъ бы повеселѣлъ, а даже распутился.

— Видите, братцы мои, какъ она по ряду всю нашу дюжину обирать зачала,—говорилъ онъ:—вотъ уже и Николай Аонасьевичъ померъ: теперь скоро и наша съ отцомъ Захаріей придетъ очередь.

И Ахилла не ошибался. Когда онъ ждалъ ея встрѣчи, она, милостивая и неотразимая, стояла уже за его плечами и присѣняла его прохладнымъ крыломъ своимъ.

Хроника должна тщательно сбересть послѣдніи дѣла богатыря Ахиллы, — дѣла виолнѣ его достойныя и пособившія ему переправиться на ту сторону моря житейскаго въ его особенномъ вкусѣ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Старь-Городъ оживалъ въ виду приближенія весны: рѣка собиралась вскрыться, синѣла и пучилась; по обоемъ бе-

регамъ ея росли буяны кулей съ хлѣбомъ и ладилась широкия барки.

Изъ голодавшихъ зимой деревень ежедневно прибывали въ городъ толпы оборванныхъ мужиковъ въ лаптяхъ и бѣлыхъ войлочныхъ колпачкахъ. Они набивались въ бурлаки изъ однѣхъ податей и изъ хлѣба, и были очень счастливы, если ихъ брали сплавлять въ далекія страны тотъ самый хлѣбъ, котораго недоставало у нихъ дома. Но и этого счастья, разумѣется, удостоивались не всѣ. Предложеніе труда далеко превышало запросъ на него. Объ этихъ излишнихъ людяхъ никто не считалъ себя обязаннымъ заботиться; нанятые были другое дѣло: о нихъ заботились. Ихъ подпускали къ пищѣ при приставникахъ, которые отгоняли наголодавшихся отъ котла, когда они наѣдались въ мѣру. До отвала наголодавшимся нельзя давать ѣсть; эти, какъ ихъ называютъ, «жадники» объѣдаются, «не просыживаютъ зобовъ» и мрутъ отъ обжорства. Недавно два такіе голодные «жадника» — родные братья, рослые ребята съ Оки, сидя другъ противъ друга за котломъ кашки, оба вдругъ покатались и умерли. Лѣкарь вскрылъ труны и, ища въ желудкѣ отравы, нашелъ одну кашу; кашей набить растинутой до-нельзя желудокъ; кашей набить былъ пищеводъ, и во рту и въ гортани вездѣ лежала все та же самая съѣденная братьями кашка. Грѣхъ этой кончины падалъ на приставника, который не успѣлъ во-время отогнать отъ пищи наголодавшихся братьевъ «жадниковъ». Недосмотръ былъ такъ великъ, что въ другой артели въ тотъ же день за обѣдомъ посинѣли и упали два другіе человѣка; эти не умерли только благодаря тому, что случился опытный человѣкъ, выдавшій уже такіе виды. Объѣвшихся раздѣли до нага и держали животами предъ жаркимъ костромъ. Товарищи наблюдали, какъ изъ вытапливаемыхъ бурлаковъ валилъ паръ, и они уцѣлѣли и пошли на выкормку.

Все это сцены, извѣстныя межъ тѣми, что попадали съ мякны на хлѣбъ; по рядомъ съ этимъ шли и другія, тоже, впрочемъ, довольно извѣстныя сцены, разыгрываемыя оставшимися безъ хлѣба; ночами, по глухимъ и уединеннымъ улицамъ города, вдругъ ни съ того, ни съ сего начали показываться черти. Одинъ такой внезапный чортъ, въ полной адской формѣ, съ рогами и когтями, до-чиста обобралъ двухъ бабъ, пьянаго кузнеца и совершенно трезваго при-

казнаго, ходивнаго на почное свиданіе съ куческою дочерью. Ограбленные увѣряли, что у чорта, которому они попались въ лапы, были бычьи рога и когти, совершенно какъ желѣзные крючья, какими бурлаки, нагружая барки, нипорять кули. По городу никто не сталъ ходить, чуть догорала вечерняя зорька, но чортъ все-таки таскался; его видѣли часовые, стоявшіе у соляныхъ магазиновъ и у острога. Онъ даже былъ такъ дерзокъ, что подходилъ къ солдатамъ, ближе чѣмъ на выстрѣлъ, и жалостно просилъ у нихъ корочки хлѣба. Посланы были ночные патрули, и одинъ изъ нихъ, подъ командой самого исправника, давно извѣстнаго намъ воина Порохонцева, дѣйствительно встрѣтилъ чорта, даже окликнулъ его, но, получивъ отъ него въ отвѣтъ «свой», оробѣлъ и бросился бѣжать. Ротмистръ, не полагаясь болѣе на средства полиціи, отнесся къ капитану Повердовичъ и просилъ содѣйствія его инвалидной команды къ безотлагательной поимкѣ тревожащаго городъ чорта; но капитанъ затруднялся вступитъ въ дѣло съ нечистымъ духомъ, не испросивъ на то особаго разрѣшенія у своего начальства, а чортъ, между тѣмъ, все расхаживалъ и, наконецъ, нагналъ на городъ совершенный ужасъ. Въ дѣло вмѣшался протоіерей Граціанскій: онъ обратился къ народу съ рѣчью о суевѣрїи, въ которой увѣрялъ, что такихъ чертей, которые снимаютъ платки и шинели, вовсе нѣтъ, и что бродящій почамы по городу чортъ есть, всеконечно, не чортъ, а какой-нибудь лѣнивый бездѣльникъ, находящій, что такимъ образомъ, пугая людей въ костюмѣ чорта, ему удобнѣе грабить. На протоіерее возгорѣлось сильное негодованіе. Уставщикъ раскольникяго молитвеннаго дома изъяснилъ, что въ этомъ заключается ересь новой церкви, и безъ всякаго труда прїобцилъ къ своей сектѣ нѣсколько овецъ изъ соборнаго стада. Чортъ отмстилъ Граціанскому за его отрицаніе еще и инымъ способомъ: на другой же день послѣ этой проповѣди, на потолкѣ, въ сѣняхъ протоіерейскаго дома, замѣтили слѣды грязныхъ сапоговъ. Разумѣется, это всѣхъ удивило и перепугало: кто бы это могъ ходить по потолку кверху ногами. Рѣшено было, что этого никто иной не могъ сдѣлать какъ чортъ, и протоіерей былъ безсилень разубѣдить въ этомъ даже собственную жену. Вопреки его увѣщаніямъ, отважный демонъ пользовался полнымъ почетомъ; его никто не рѣшался гнѣвать, но и никто зато послѣ сумерекъ не выходилъ на улицу.

Однако, чортъ пересолилъ и ему за то пришлось очень плохо; на улицахъ ему не стало попадаться ровно никакой поживы. И вотъ, вслѣдъ за симъ началось похищеніе мѣдныхъ крестовъ, складней и лампады на кладбищѣ, гдѣ былъ погребень подъ пирамидой отецъ Савелій.

Городъ, давно палуганный разными продѣлками чорта, безъ всякихъ разсужденій отнесъ и это свитотатство къ его же вражескимъ проказамъ.

Осматривавшіе кражу набрали, между прочимъ, и на поврежденія, произведенныя на памятникъ Савелія: крестъ и вызолоченная главка, вѣщавшіе пирамиду, были сильно помяты ломомъ и расшатаны, но все еще держались на крѣпко закланномъ стержнѣ. Зато одинъ изъ золоченыхъ херувимовъ былъ сорванъ, безжалостно расколотъ топоромъ и съ пренебреженіемъ брошенъ, какъ вѣнь, на имѣющую никакой ходячей цѣнности.

Извѣщенный объ этомъ, Ахилла осмотрѣлъ растревоженный памятникъ и сказалъ:

— Ну, будь ты самъ Вельзевулъ, а ужъ тебѣ это даромъ не пройдетъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Въ слѣдующую за симъ ночь, въ одиннадцатомъ часу, дьякопъ, не говоря никому ни слова, тихо вышелъ изъ дому и побрелъ на кладбище. Онъ имѣлъ въ рукѣ длинный шестъ и крѣпкую пеньковую петлю.

Никого не встрѣтивъ и никѣмъ не замѣченный, Ахилла дошелъ до погоста въ началѣ двѣнадцатаго часа. Онъ посмотрѣлъ на ворота: они заперты и слегка постукиваютъ, колеблемыя свѣжимъ весеннимъ вѣтромъ. Чортъ, очевидно, ходитъ не въ эти ворота, а у него должна быть другая большая дорога.

Ахилла взялъ въ сторону и попробовалъ шестомъ рыхлый снѣгъ, наполнявшій ровъ, которымъ окопано кладбище. Палка, проткнувъ легкой ледяной налетъ, сразу юркнула и ушла до половины. Канавка была глубиной аршина два съ половиной, а съ другой стороны этой канавы шелъ обмерзшій и осклизшій глинистый отвалъ.

Ахилла воткнулъ шестъ покрѣпче, оперся на него и, взвившись змѣемъ, перелетѣлъ на другую сторону окна. Эта воздушная переправа совершена была Ахиллой благо-

получно, но самый шестъ, на которомъ онъ сдѣлалъ свой гигантскій скачокъ, не выдержалъ тяжести его массивнаго тѣла и переломился въ ту самую минуту, когда ноги дьякона только-что стали на перевалѣ. Ахилла падъ этимъ не задумался; онъ надѣялся найти на кладбищѣ что-нибудь другое, что, съ такимъ же точно удобствомъ, сослужило бы ему службу при обратной переправѣ; да и притомъ его вдругъ охватило то чувство, которое такъ легко овладѣваетъ человѣкомъ ночью на кладбищѣ. Страшно не страшно, а на душѣ какъ-то строго, и всѣ пять чувствъ настораживаются остро и пронизательно. Ахилла широко вдохнулъ въ себя большую струю воздуха, снялъ съ головы черный суконный колпачокъ и, тряхнувъ съдыми кудрями, съ удовольствіемъ посмотрѣлъ, какъ луна своимъ серебрянымъ свѣтомъ заливаетъ «Божію ниву». На душѣ его стало грустно и въ то же время бодро; онъ вспомнилъ старые годы своей минувшей удали и, взглянувъ на луну, послалъ ей шуточный привѣтъ:

— «Здравствуй, казацкое солнышко!»

Тишь, безиробудность, настоящее мѣсто упокоенія! Но вотъ что-то ухнуло, словно вздохъ... Нѣтъ, это ничего особеннаго, это снѣгъ осѣдаетъ. И Ахилла сталъ смотрѣть, какъ почернѣвшій снѣгъ точно весь гнется и волнуется. Это обманъ зрѣнія; это по лунному небу плывутъ, тѣснясь, мелкія тучки и отъ нихъ на землю падаетъ бѣглая тѣнь. Дьяконъ прошелъ прямо къ могилѣ Савелія и сѣлъ на нее, прислонясь за одного изъ херувимовъ. Тишь, ничѣмъ не нарушимая, только тѣни все беззвучно бѣгутъ и бѣгутъ, и иѣтъ имъ конца.

На дьякона сталъ налегать сонъ; онъ полотнѣй прислонился къ пирамидѣ и задремалъ, но не надолго; ему вдругъ почудилось, какъ-будто кто-то громко топнулъ; Ахилла открылъ глаза: все было тихо, только небо измѣнилось; луна поблѣднѣла, и по сѣрой пирамидѣ Савелія ползла одна длинная и широкая тѣнь. Тучилось и пахло утромъ. Ахилла всталъ на ноги и въ эту минуту ему опять показалось, что по кладбищу кто-то ходитъ.

Дьяконъ обошелъ пирамиду: никого нѣтъ.

Есть какъ-будто что-то похожее на недавніе слѣды, но кто теперь отличить свѣжій слѣдъ отъ вчерашняго, когда снѣгъ весь взялся жидкимъ киселемъ и нога дѣлаетъ въ

немъ почти безформенную яму. Въ городъ прокричали утре-
ніе пѣтухи. Нѣтъ, вѣрно чорта сегодня не будетъ...

Ахилла побрелъ назадъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ пере-
прыгнулъ на кладбище. Безъ всякаго затрудненія нашелъ
онъ этотъ лазъ и безъ задумчивости взялся рукой за тор-
чащій изъ канавы длинный шестъ, но вспомнилъ, что онъ
свой шестъ переломилъ... откуда же опять взялся цѣлый
шестъ?

«Диковина!» — подумалъ дьяконъ, и, удостовѣрившись, что
шестъ ему не мерещится, а дѣйствительно стремить изъ ка-
навы, онъ уже готовъ былъ на немъ прыгнуть, какъ вдругъ
сзади черезъ плечи на грудь его пали двѣ огромныя лапы,
покрытыя лохматою черною шерстью, съ огромными желѣз-
ными когтями.

Чортъ!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Ахилла быстро принагнулся въ колѣняхъ и, подобрав-
шись такимъ приемомъ подъ насѣдающаго на него чорта,
схватилъ его за лапы и дернулъ за нихъ такъ сильно, что
подбородокъ чорта звонко ляскнулъ о маковку дьякона и
такъ и прилипъ къ ней. Не ожидавшій такого исхода, чортъ
отчаянно закопошился, но скоро, понявъ тщету своихъ уси-
лій, стихъ и, глухо застонавъ, повисъ за спиной у дьякона.
Онъ не только не могъ вырваться, но не могъ даже про-
изнести ни одного слова, потому что челюсти его были
точно прессомъ прижаты къ макушкѣ Ахиллы. Всѣ дви-
женія, какія чортъ могъ дѣлать, заключались въ дрыганье
ногами, но зато ими демонъ воспользовался съ адскимъ
коварствомъ.

Ахилла, держа на себѣ чорта съ такою же легкостью, съ
какою здоровый мужикъ несетъ снопъ гороху, сдѣлалъ нѣ-
сколько шаговъ назадъ на кладбище и, разбѣжавшись,
прыгнулъ черезъ канаву, но лукавый чортъ воспользовался
этимъ мгновениемъ и ловко обвилъ своими ногами разме-
танныя по воздуху ноги дьякона въ тотъ самый моментъ,
когда оба они были надъ канавой. Неожиданно опутанный
Ахилла потерялъ балансъ и рухнулъ вмѣстѣ съ своею ношей
въ холодную студень канавы.

Отъ страшнаго холода онъ чуть было не разжалъ рукъ
и не выпустилъ чорта, но одолѣлъ себя и сталъ искать

другихъ средствъ къ спасенію. Но, увы! средствъ такихъ не было; гладкіе края канавы были покрыты ледянистою корой и выкарабкаться по нимъ безъ помощи рукъ было невозможно, а освободить руки значило упустить чорта. Ахилла этого не хотѣлъ. Онъ попробовалъ кричать, но его или никто не слыхалъ, или кто и слышалъ, тотъ только плотнѣе заперался, дескать: «кого-то опять чортъ деретъ».

Дьяконъ понялъ, что онъ не можетъ надѣяться ни на какую помощь отъ запуганнаго населенія, но не вынускалъ чорта и дрогъ съ нимъ въ канавѣ. Оба они окоченѣли и, можетъ-быть, оба здѣсь умерли бы, если бъ ихъ не выручилъ случай.

Раннимъ утромъ къ городской пристани тянулся обозъ со спиртомъ. Проходя дорогой мимо кладбища, мужики замѣтили въ канавѣ какую-то необыкновенную групу и остановились, но, разглядѣвъ въ ней синее лицо челоуѣка, надъ которымъ сзади возвышалась рогатая морда чорта, бросились прочь. Застывшій Ахилла, собравъ всѣ силы и позвавъ мужиковъ, велѣлъ имъ смотрѣть за чортомъ, а самъ вытащилъ изъ канавы руку и перекрестился.

— Это, ребята, крещеный!—крикнули мужики и, вытащивъ дьякона съ чортомъ изъ канавы, всунули въ утробу одной бочки соломинку и присадили къ ней окоченѣлаго Ахиллу, а чорта бросили на передокъ и поѣхали въ городъ.

Потянувъ немножко спирту, дьяконъ вздрогнулъ и повалился въ сани. Состояніе его было ужасное: онъ весь былъ мокръ, синъ, какъ котель и отъ дрожи едва переводилъ дыханіе. Чортъ совсѣмъ лежалъ мерзлою кочерыжкой; такъ его, окоченѣлаго, и привезли въ городъ, гдѣ дьяконъ далъ знакъ остановиться предъ присутственными мѣстами.

Здѣсь Ахилла снялъ чорта съ саней и, велѣвъ его внести въ канцелярію, послалъ за исправникомъ, а самъ, спросивъ у сторожа сухую рубашку и солдатскую шинель, переоделся и легъ на диванѣ.

Городъ, несмотря на ранній часъ утра, былъ уже взволнованъ новостію, и густая толпа народа, какъ море вокругъ скалы, билась около присутственныхъ мѣстъ, гдѣ жилъ въ казенной квартирѣ самъ ротмистръ Порохонцевъ. Народъ, шумя, заиралъ и ломился на крыльцо, желая видѣть и чорта, который расколотъ херувима, да и дьякона, совер-

пивнаго поимкой этого чорта до сихъ поръ никому не удавшійся подвигъ. Сквозь эту толпу, несмотря на свой санъ и значеніе, съ трудомъ могли пробираться самыя вліятельныя лица города, какъ-то: протоіерей Граціанскій, отецъ Захарія и капитанъ Повердовня, да и то они пробились лишь потому, что толпа считала присутствіе священниковъ при расправѣ съ чортомъ религіозною необходимостью, а капитанъ Повердовня протѣснился съ помощію сабельнаго эфеса, которымъ онъ храбро давалъ зуботычины направо и налѣво.

Этотъ офицеръ теперь тоже здѣсь былъ чрезвычайно необходимъ и притомъ со всею своею храбростію, потому что городу угрожалъ бунтъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Пока внизу люди кипѣли и волновались вокругъ дома, скрывшаго необычайное явленіе, не менѣе суеты происходило и въ самомъ домѣ. Исправникъ, ротмистръ Порохонцевъ, выскочилъ въ канцелярію въ спальныхъ бумазейныхъ панталонахъ и фланелевой курткѣ и увидаль, что тамъ, скорчась въ комочекъ на полу, дѣйствительно сидитъ чортъ съ рогами и когтями, а противъ него на просительскомъ диванѣ лежитъ и дрожитъ огромная масса, покрытая, поверхъ солдатской шинели, еще двумя бараными шубами: это былъ дяконъ.

Надъ чортомъ въ различныхъ позахъ стояла вся старгородская аристократія, но лица не выражали ни малѣйшаго страха отъ близости демона. Вояться было и нечего: всякій могъ видѣть, что этотъ чортъ былъ что-то жалкое, дрожащее отъ холода и обороченное кое-какъ въ ветхія лохмотья старой войлочной бурки, подаренной когда-то, по совершенной ея негодности, дякономъ Ахиллой комиссару Данилкѣ. На головѣ чорта, покрытой тою же буркой, торчали скверно и небрежно привязанные грязною бичевкой коровьи рога, а у рукъ, обмотанныхъ обрывками вывернутой овчины, мотались два обыкновенные желѣзные крюка, которыми поднимаютъ кули. А что всего страннѣе, такъ это то, что одинъ изъ солдатиковъ, запустивъ чорту за пазуху свою руку, вытащилъ оттуда на шнуркѣ старый мѣдный крестъ съ давленною надписью: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его».

— Я вамъ говорилъ, что это обманъ,—замѣтилъ протоіерей Граціанскій.

— Да, да; по костюму совершенно чортъ, а по образку совершенно не чортъ,—поддержалъ его Захарія и, тотчасъ же подскочивъ къ этому сфинксу, запыталъ: — послушай, братецъ: кто ты такой? А? Слышишь, что я говорю?.. Любезный!.. А? Слышишь?.. Говори... А то съчъ будемъ!.. Говори!..—добивался Захарія.

Но тутъ вступился исправникъ и принялся самъ допрашивать чорта, но такъ же безуспѣшно.

Чортъ, начавъ отогрѣваться и приходя въ себя, только тихо заворочался и, какъ черепаха, еще глубже ушелъ въ свою бурку.

Изъ различныхъ устъ подавались различныя мнѣнія: какъ же теперь быть съ этимъ чортомъ? Исправникъ полагалъ отослать его прямо въ такомъ видѣ, какъ онъ есть, къ губернатору и опирался въ этомъ на законъ о чудовищахъ и уродцахъ; но всеобщее любопытство странно возставало противъ этого рѣшенія и изобрѣтало всякіе доводы для убѣжденія исправника въ необходимости немедленно же разоблачить демона и тѣмъ удовлетворить всеобщее нетерпѣливое и жгучее любопытство.

Не спорили только два лица: это голова и отецъ Захарія, но и то они не спорили потому, что были заняты особыми разслѣдованіями: голова, низенькій толстый купецъ, все потихоньку подкрадывался къ чорту то съ той, то съ другой стороны, и изъ изнавѣсти крестилъ и затѣмъ самъ тотчасъ же быстро отскакивалъ въ сторону, чтобы съ нимъ вмѣстѣ не провалиться, а Захарія тормозилъ его за рожки и шепталъ подъ бурку:

— Послушай, братецъ, послушай: ты мнѣ одно скажи, это ты у отца протоіерейна вверхъ ногами по потолку ходилъ? Признайся, и съчъ не будемъ.

— Я,—глухо простоналъ чортъ.

Это первое произнесенное демономъ слово произвело въ присутствующихъ неожиданную панику, которая еще увеличилась дошедшими до нихъ въ эту минуту дикими воплями народа снаружи. Потерявшая терпѣніе толпа домилась наверхъ, требуя, чтобы чортъ немедленно же былъ ей предъявленъ, при чемъ громогласно выражалось самое яркое подозрѣніе, что полиція возьметъ съ чорта взятку и

отпустить его обратно въ адъ. Въ толпѣ нашлись люди, которые прямо предлагали высадить двери правленія и насильно взять чорта изъ рукъ законной власти. За угрозой почти непосредственно послѣдовало и исполненіе: раздались удары въ двери; но ротмистръ нашелся, что сдѣлать: онъ мигнулъ квартальному, который тотчасъ же выкатилъ пожарную трубу, взлѣзъ со шприцемъ на заборъ и пустилъ въ толпу сильную холодную струю. Сигналь былъ данъ, и пошла потѣха. Народъ па минуту отхлынулъ, раздались веселые крики, свистки и хохотъ, но черезъ минуту всѣ эти развеселившіеся люди вдругъ принасунились, закусили губы и двинулись впередъ. Холодная душа болѣе никого не пугала: дверь затрещала, въ окна полетѣли камни, а квартальнаго стащили за ноги съ забора и, овладѣвъ шприцемъ, качивали его въ глазахъ начальства. Исправникъ, а за нимъ и всѣ бывшіе съ нимъ аристократы шарахнулись во внутренніе покои и заперлись на замокъ, а не успѣвшій за ними туда капитанъ Повердовня бѣгалъ по канцеляріи и кричалъ:

— Господа! ничего!.. не робѣть!.. Съ нами Богъ!.. У кого есть оружіе... спасайтесь!

И съ этимъ, увидя растворенный канцелярскій шкафъ, онъ быстро вскочилъ въ него и захлопнулъ дверцы; а между тѣмъ въ комнату черезъ разбитыя окна еще ожесточеннѣе падали камни. У самого чорта вырвался крикъ ужаса и отчаянія.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Минута была самая рѣшительная: она ждала своего героя, и онъ явился. Шубы, которыми былъ закрытъ всѣми позабытый Ахилла, зашевелись, слетѣли на полъ, а самъ онъ, босой, въ узкомъ и куцомъ солдатскомъ бѣльѣ, потрошилъ того, кто такъ недавно казался чортомъ, и за кого поднялась вся эта исторія, принявшая видъ настоящаго открытаго бунта.

— Раздѣвайся! — командовалъ дьяконъ: — раздѣвайся и покажи, кто ты такой, а то я все равно все это съ тебя вмѣстѣ съ родной кожей сниму.

И говоря это, онъ въ то же время щипалъ чорта, какъ ретивая баба щиплетъ ошпареннаго цыпленка.

Одно мгновеніе—и чорта какъ не бывало, а передъ уди-

вспеннымъ дьякономъ валялся окоченѣвшій мѣщанинъ Данилка.

Ахилла поднесъ его къ окну и, высунувъ голову сквозь разбитую раму, крикнулъ:

— Цыть, дураки! Это Данилка чортомъ наряжался! Глядите, вотъ опъ.

И дьяконъ, поднявъ предъ собою синяго Данилку, самъ въ то же время выбрасывалъ на улицу одну за другою всѣ части его убранства и возглашалъ:

— А вотъ его коготки! а вотъ его рожки! а вотъ вамъ и вся его амуниція! А теперь слушайте: я его допрошу.

И оборотя къ себѣ Данилку, дьяконъ съ глубокимъ и неподдѣльнымъ добродушіемъ спросилъ его:

— Зачѣмъ ты, дурачокъ, такъ скверно наряжался?

— Съ голоду.—прошенталъ мѣщанинъ.

Ахилла сейчасъ же передалъ это народу и непосредственно вслѣдъ затѣмъ вострубилъ своимъ непомѣрнымъ голосомъ:

— Ну, а теперь, православные, расходитесь, а то, спаси Богъ, ежели начальство осмѣлѣеть, оно сейчасъ стрѣлять велить.

Народъ, весело смѣясь, сталъ расходиться.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Начальство, дѣйствительно, «осмѣлѣло», выползло и пристунило къ распоряжкамъ.

Мокраго и едва дышащаго Данилку переодѣли въ сухую арестантскую свиту и стали серьезно допрашивать. Онъ винился, что съ голоду и холоду, всѣми брошенный и отъ всѣхъ за свое безпутство гонимый, онъ ходилъ и скитался и надумался, наконецъ, одѣться чортомъ и такъ пугалъ ночами народъ и таскалъ, что откуда попало, продавалъ жиду и тѣмъ питался. Ахилла все это внимательно слушалъ. Кончился допросъ, онъ все смотрѣлъ на Данилку и ни съ того, ни съ сего сталъ замѣчать, что Данилка въ его глазахъ то поднимется, то опустится. Ахилла усиленно моргнулъ глазами и опять новая притча. Данилка теперь становится то жарко-золотымъ, то бѣлымъ серебрянымъ, то огненнымъ, такимъ, что на него смотрѣть больно, то совсѣмъ стухнетъ и нѣтъ его, а межъ тѣмъ онъ тутъ. Слѣдить за всѣми этими калейдоскопическими превращеніями

больно до нестерпимости, а закроешь глаза, все еще пестрѣе и еще хуже рѣжетъ.

«Фу ты, что это такое!»—подумалъ себѣ дьяконъ и, проведя рукой по лицу, замѣтилъ, что ладонь его, двигаясь по кожѣ лица, шуршитъ и цѣпляется будто сукно по фланели. Вотъ минута забвенія, въ крови быстро прожгла огневая струя и, стукнувъ въ темя, отуманила память. Дьяконъ позабылъ, зачѣмъ онъ здѣсь и зачѣмъ тутъ этотъ Данилка стоитъ общипаннымъ цыпленкомъ и беззаботно рассказываетъ, какъ онъ пугалъ людей, какъ онъ щечился отъ нихъ всякою всячиной и какъ, наконецъ, неожиданно-негаданно попался отцу дьякону.

— Ну, а расскажи же, — спрашиваетъ его опять Захарія: — расскажи, братецъ, какъ ты это у отца протоіеря вверхъ ногами по потолку ходилъ?

— Просто, батюшка, — отвѣчалъ Данилка:—я снялъ сапоги, вздѣлъ ихъ голенищами на палочку, да и клялъ по потолку слѣдочки.

— Ну, отпустите же его теперь, довольно вамъ его мучить,—неожиданно отозвался, моргая глазами, Ахилла.

На него оглянулись съ изумленіемъ.

— Что вы это говорите? какъ можно отпустить святотатца?—остановилъ его Граціанскій.

— Ну, какой тамъ еще святотатецъ? Это онъ съ голоду. Ей-Богу отпустите! Пусть онъ домой идетъ.

Граціанскій, не оборачиваясь къ Ахиллѣ, замѣтилъ, что его заступничество неумѣстно.

— Отчего же... за бѣднаго человѣка, который съ голоду... апостолы класы восторгали...

— Да что вы это?—строго повернулся протопопъ:—вы социалистъ, что ли?

— Ну, какой тамъ «соціалистъ»! Святые апостолы, говорю вамъ, проходя полемъ, класы исторгали и ѣли. Вы, разумѣется, городскія іерейскія дѣти, этого не знаете, а мы, дѣти дьячковскія, въ училищѣ, бывало, сами съѣстное часто воровали. Нѣтъ, отпустите его, Христа ради, а то я его все равно вамъ не дамъ.

— Что вы, съ ума, что ли, сошли? Развѣ вы смѣете!..

Но дьякону эти послѣднія слова показались столь нестерпимо обидными, что онъ весь побагровѣлъ и, схвативъ на себя свой мокрый подрясникъ, вскричалъ:

— А вотъ я его не дамъ, да и только! Онъ мой плѣнникъ, и я на него всякое право имѣю.

Съ этимъ дьяконъ, шатаясь, подошелъ къ Данилкѣ, толкнулъ его за двери и, взявшись руками за обѣ притолки, чтобы никого не выпустить вслѣдъ за Данилкой, хотѣлъ еще что-то сказать, но тотчасъ же почувствовалъ, что онъ растеть, шпрится, пышетъ зноемъ и исчезаетъ. Онъ на одну минуту закрылъ глаза и въ ту же минуту повалился безъ чувствъ на землю.

Состояніе Ахиллы было сладостное состояніе забвенія, которымъ даритъ человѣка горячка. Дьяконъ слышалъ слова: «буйство», «актъ», «ударъ», чувствовалъ, что его трогаютъ, ворочаютъ и поднимаютъ; слышалъ суету и слезныя просьбы вновь изловленнаго на улицѣ Данилки, но онъ слышалъ все это какъ сквозь сонъ, и опять росъ, опять простирался куда-то въ безконечность и сладостно пышетъ и перегораетъ въ огневомъ недугѣ. Вотъ это она, кончина жизни, *смерть*.

О поступкѣ Ахиллы былъ составленъ надлежащій актъ, съ которымъ старшій сотоварищъ, «старый гевальдигеръ», Воинъ Порохонцевъ, долго мудрилъ и хитрилъ, стараясь представить выходку дьякона какъ можно невиннѣе и мягче, но тѣмъ не менѣе дѣло все-таки озаглавилось: *«о дерзостномъ буйствѣ, произведенномъ, въ присутствіи старогородскаго полицейскаго правленія, соборнымъ дьякономъ Ахиллою Десницынымъ»*.

Ротмистръ Порохонцевъ могъ только вычеркнуть слово «дерзостномъ», а «буйство» Ахиллы сдѣлалось предметомъ дѣла, по которому, рано или поздно, должно было пасть строгое рѣшеніе.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Ахилла ничего этого не зналъ: сплъ спокойно и безмятежно горѣлъ въ огнѣ своего недуга на больничной койкѣ. Лѣкарь, принявшій дьякона въ больницу, объявилъ, что у него жестокій тифъ, прямо начинающійся безпамятствомъ и жаромъ, что такіе тифы обяыываютъ медика къ предсказаніямъ самымъ печальнымъ.

Ротмистръ Порохонцевъ ухватился за эти слова и требовалъ у врача заключенія: не слѣдуетъ ли поступокъ Ахиллы приписать началу его болѣзненнаго состоянія? Лѣ-

карь взялся это подтвердить. Ахилла лежалъ въ безпамятствѣ пятый день при тѣхъ же туманныхъ, но пріятныхъ представленіяхъ и въ томъ же безпрестанномъ ощущеніи сладостнаго зноя. Предъ нимъ на утломъ стульчикѣ сидѣлъ отецъ Захарія и держалъ на головѣ больного полотенце, смоченное холодною водою. Ввечеру сюда пришли нѣсколько знакомыхъ и лѣкарь.

Дьяконъ лежалъ съ закрытыми глазами, но слышалъ, какъ лѣкарь сказалъ, что кто хочетъ имѣть дѣло съ душой больного, тотъ долженъ дорожить первою минутой его просвѣтленія, потому что близится кризисъ, за которымъ ничего хорошаго предвидѣть невозможно.

— Не упустите такой минуты,—говорилъ онъ:—у него уже пульсъ совсѣмъ ненадежный, и затѣмъ лѣкарь началъ бесѣдовать съ Порохонцевымъ и другими, которые, приди навѣстить Ахиллу, никакъ не могли себѣ представить, что онъ при смерти и вдобавокъ при смерти отъ простуды! Онъ, богатырь, умретъ, когда Данилка, раздѣлявшій съ нимъ холодную ванну, сидитъ въ острогѣ здоровъ-здоровешенекъ. Лѣкарь объяснялъ это тѣмъ, что Ахилла давно былъ сильно потрясенъ и разстроень.

— Да, да, да, вы говорили... у него возвышенная чувствительность,—пролетѣлъ Захарія.

— Странная болѣзнь,—замѣтилъ Порохонцевъ:—и тутъ все новое! Я сколько лѣтъ живу и не слыхалъ такой болѣзни.

— Да, да, да...—поддержалъ его Захарія:—утончаются обычаи жизни и усложняются болѣзни.

Дьяконъ тихо открылъ глаза и прошепталъ:

— Дайте мнѣ питки!

Ему подали металлическую кружку, къ которой онъ припалъ пламенными губами и, жадно глотая клюквенное питье, смотрѣлъ на всѣхъ воспаленными глазами.

— Чтѣ нашъ органъ дорогой, какъ тебѣ теперь?—участливо спросилъ его голова.

— Огустѣлъ весь,—тяжело отвѣтилъ дьяконъ, и черезъ минуту совсѣмъ неожиданно заговорилъ въ повѣствовательномъ тонѣ:—Я послѣ своей собачонки *Какваски*...—когда ее мальность колесомъ переѣхалъ... хотѣлъ было себѣ еще одного песика кушить... Вижу въ Петербургѣ на Невскомъ собачея... и говорю: достань, говорю, мнѣ... хорошенькую

собачку... А онъ говоритъ: «нынче, говорить, собакъ нѣтъ, а теперь, говорить, пошли все понтеръ и сеторъ...» А что, моль, это за звѣри? «А это тѣ же самыя, говорить, собаки, только имъ другое названіе».

Дьяконъ остановился.

— Вы это къ чему же говорите? — спросилъ больного смѣлымъ, одушевляющимъ голосомъ лѣкарь, которому казалось, что Ахилла бредитъ.

— А къ тому, что вы про новыя болѣзни разсуждали: всѣ онѣ... какъ ихъ ни называй, клонятъ къ одной предмѣстности—къ смерти...

И съ этимъ дьяконъ опять забылся и не просыпался до полуночи, когда вдругъ забредилъ:

— Аркебузирь, аркебузирь... пошелъ прочь, аркебузирь!

И съ этимъ послѣднимъ словомъ онъ вскочилъ и, совершенно проснувшись, сѣлъ на постели.

— Дьяконъ, исповѣдайся,—сказалъ ему тихо Захарія.

— Да, надо,—сказалъ Ахилла:—принимайте скорѣе,—исповѣдаюсь, чтобъ ничего не забыть,—всѣмъ грѣшенъ, простите Христа ради,—и затѣмъ, вздохнувъ, добавилъ:—Пошлите скорѣе за отцомъ протопопомъ.

Граціанскій не заставилъ себя долго ждать и явился.

Ахилла привѣтствовалъ протоіерея издали глазами, попросилъ у него благословенія и дважды поцѣловалъ его руку.

— Умираю,—произнесъ онъ:—желалъ попросить васъ: простите: всѣмъ грѣшенъ.

— Богъ васъ проститъ и вы меня простите,—отвѣчалъ Граціанскій.

— Да я вѣдь и не злобствовалъ... но я разсужденъемъ не всегда былъ понятенъ...

— Затѣмъ же конфузить себя... У васъ благородное сердце...

— Нѣтъ, не стоить сего... говорить,—перебилъ, путаясь, дьяконъ. — Все я не тѣмъ занимался, чѣмъ слѣдовало... и напослѣдяхъ... сердчалъ за памятникъ... Пустая фантазія: земля и небо сгорятъ и все провалится. Какой памятникъ! То была одна моя несообразность!

— Онъ уже мудръ!—уронилъ, опустивъ головку, Захарія. Дьяконъ метнулся на постели.

— Простите меня Христа ради,—возговорилъ онъ сиѣн-

но:—и не вынуждайте себя быть здѣсь. меня опять распялятъ недугъ... Прощайте!

Ученый протопопъ благословилъ умирающаго, а Захарія пошелъ проводить Граціанскаго и, переступивъ обратно за порогъ, онѣмѣлъ отъ ужаса:

Ахилла былъ въ агоніи, и въ агоніи не столько страшной, какъ поражающей: онъ нѣсколько секундъ лежалъ тихо и, набравъ въ себя воздуха, вдругъ выпускалъ его, протяжно издавая звукъ: у-у-у-хъ! при чемъ всякій разъ взмахивалъ руками и приподнимался, будто отъ чего-то освобождался, будто что-то скидывалъ.

Захарія смотрѣлъ на это цѣпенія, а утлыя доски кровати все тяжче гнулись и трещали подъ умирающимъ Ахиллой, и жутко дрожала стѣна, сквозь которую точно рвалась на просторъ долго сжатая стихійная сила.

«Ужъ не кончается ли онъ?»—хвятился Захарія и метнулся къ окну, чтобы взять маленькій требникъ, но въ это самое время Ахилла вскрикнулъ сквозь сжатые зубы:

— Кто ты, огнелицый? Дай путь мнѣ!

Захарія робко оглянулся и оторопѣлъ, огнелицаго онъ никого не видалъ, но ему показалось со страху, что Ахилла, вылетѣвъ самъ изъ себя, здѣсь же гдѣ-то съ кѣмъ-то боролся и одолѣлъ...

Робкій старичокъ задрожалъ всеѣмъ тѣломъ и, закрывъ глаза, выѣжалъ воиъ, а черезъ нѣсколько минутъ на соборной колокольнѣ заунывно ударили въ колоколь по умершему Ахиллѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Старогородская хроника кончается и послѣднею ея точкой долженъ быть гвоздь, забитый въ крышку гроба Захарія.

Тихій старикъ не долго пережилъ Савелія и Ахиллу. Онъ дожилъ только до великаго праздника весны, до Свѣтлаго Воскресенія, и тихо уснулъ во время самаго богослуженія.

Старогородской поповкѣ настало время полнаго обновленія.

Оглавленіе.

II ТОМА.

Соборяне. (Хроника).

	стр.
Часть вторая	3
Часть третья	65
Часть четвертая	118
Часть пятая	147

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1902.

Н. С. ЛЕОНОВА

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

ЗАПЕЧАТЛѢННЫЙ АНГЕЛЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дѣло было о святкахъ, наканунѣ Васильева вечера. Погода разгулялась самая немилостивая. Жесточайшая поземная пурга, изъ тѣхъ, какими бываютъ славны зимы на степномъ заволжьи, загнала множество людей въ одинокій постоянный дворъ, стоящій бобылемъ среди гладкой и необозримой степи. Тутъ очутились въ одной кучѣ дворяне, кунцы и крестьяне, русскіе, и мордва, и чувашни. Соблюдать чины и ранги на такомъ почлегѣ было невозможно: куда ни повернись, вездѣ тѣспота, одни сушатся, другіе грѣются, третьи ищутъ хотя маленькаго мѣстечка, гдѣ бы пріютиться; но темной, низкой, переполненной народомъ избѣ, стоитъ духота и густой паръ отъ мокраго платья. Свободнаго мѣста нигдѣ не видно: на полатяхъ, на печкѣ, на лавкахъ и даже на грязномъ земляномъ полу, вездѣ лежатъ люди. Хозяинъ, суровый мужикъ, не радъ былъ ни гостямъ, ни наживѣ. Серdito захлопнувъ ворота за послѣдними, добившимися на дворъ саними, на которыхъ пріѣхали два купца, онъ заперъ дворъ на замокъ и, повѣсивъ ключъ подъ божницею, твердо молвилъ:

— Ну, теперь кто хочешь, хоть головой въ ворота бейся, не отворю.

Но едва онъ успѣлъ это выговорить и, снявъ съ себя обширный овчинный тулупъ, перекрестился древнимъ большимъ крестомъ и приготовился лѣзть на жаркую печку, какъ кто-то робкою рукой застучалъ въ стекло.

— Кто тамъ?—окликнулъ громкимъ и недовольнымъ голосомъ хозяинъ.

— Мы,—отвѣтили глухо изъ-за окна.

— Ну-у, а чего еще надо?

— Пусти, Христа ради, сблизись... обмерзли.

— А много ли васъ?

— Не много, не много, восемнадцатеро всего, восемнадцатеро,—говорилъ за окномъ, заикаясь и щелкая зубами, очевидно, совсѣмъ перезябшій человѣкъ.

— Некуда мнѣ васъ пустить, все изба и такъ народомъ укладена.

— Пусти хоть малость обогрѣться!

— А кто же вы такіе?

— Извозчики.

— Порожнемъ или съ возами?

— Съ возами, родной, шкурье веземъ.

— Шкурье! шкурье везете, да въ избѣ ночевать проситесь. Ну, люди на Руси настаютъ! Пошли прочь!

— А что же имъ дѣлать?—спросилъ проѣзжіи, лежавшій подъ медвѣжьей шубой на верхней лавкѣ.

— Валить шкурье, да спать подъ нимъ, вотъ что имъ дѣлать, — отвѣчалъ хозяинъ и, ругнувъ еще хорошенько извозчиковъ, легъ неподвижно на печь.

Проѣзжіи изъ-подъ медвѣжьей шубы въ тонѣ весьма энергическаго протеста выговаривалъ хозяину на жестокость, но тотъ не удостоилъ его замѣчанія ни малѣйшимъ отвѣтомъ. Зато вмѣсто его откликнулся изъ дальняго угла небольшой рыженькій человѣчекъ, съ острою, клиномъ, бородкой.

— Не осуждайте, милостивый государь, хозяина,—заговорилъ онъ:—онъ это съ практики беретъ и внушаетъ правильно,—со шкурьемъ безопасно.

— Да?—отозвался вопросительно проѣзжіи изъ-подъ медвѣжьей шубы.

— Совершенно безопасно—съ, и для нихъ это лучше, что онъ ихъ не пускаетъ.

— Это почему?

— А потому, что они теперь изъ этого полезную практику для себя получили, а между тѣмъ, если еще кто безпомощный добьется сюда, ему мѣстечко будетъ.

— А кого теперь еще понесетъ чортъ?—молвила шуба.

— А ты слушай,—отозвался хозяинъ:—ты не болтай пустыхъ словъ. Развѣ суностать можетъ сюда кого-нибудь

прислать, гдѣ такая святица? Развѣ ты не видишь, что тутъ и Спасова икона, и Богородичный ликъ.

— Это вѣрно,—поддержалъ рыженькій человѣкъ. — Всякаго снасеннаго человѣка не Юіонъ ведетъ, а ангелъ руководствуетъ.

— А вотъ я этого не видалъ, и какъ мнѣ здѣсь очень скверно, то и не хочу вѣрить, что меня сюда завелъ мой ангелъ,—отвѣчала словоохотливая шуба.

Хозяинъ только сердито сплюнулъ, а рыжачокъ добродушно молвилъ, что ангельскій путь не всякому зримъ и объ этомъ только настоящій практикъ можетъ получить понятіе.

— Вы объ этомъ говорите такъ, какъ будто сами вы имѣли такую практику,—проговорила шуба.

— Да-съ, се и имѣлъ.

— Что же это: вы видѣли, что ли, ангела, и онъ васъ водилъ?

— Да-съ, я его и видѣлъ, и онъ меня руководствовалъ.

— Что вы шутите или смѣтаетесь?

— Боже мени сохрани такимъ дѣломъ шутить?

— Такъ что же вы такое именно видѣли: какъ вамъ ангелъ являлся?

— Это, милостивый государь, цѣлая большая исторія.

— А знаете ли, что тутъ уснуть рѣшительно невозможно, и вы бы отлично сдѣлали, если бы теперь рассказали намъ эту исторію.

— Извольте-съ.

— Такъ рассказывайте, пожалуйста: мы васъ слушаемъ. Но только что же вамъ тамъ на колѣняхъ стоять, вы идите сюда къ намъ, авось какъ-нибудь потѣсимся и усядемся вмѣстѣ.

— Нѣтъ-съ, на этомъ благодарю-съ! Залѣмъ васъ стѣснять, да и къ тому же повѣсть, которую я предъ вами поведу, пристойнѣе на колѣняхъ стоя сказывать, потому что это дѣло весьма священное и даже страшное.

— Ну, какъ хотите, только скорѣе сказывайте, какъ вы могли видѣть ангела и что онъ вамъ сдѣлалъ.

— Извольте-съ, я начинаю.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

— Я, какъ несомнѣнно можете по мнѣ видѣть, человѣкъ совсѣмъ незначительный, я болѣе ничего какъ мужикъ, и

воспитаніе свое получилъ по состоянію, самое деревенское. Я не здѣшній, а дальній, ремесломъ я каменщикъ, а рожденъ въ старой русской вѣрѣ. По сиротству моему и сызмальства пошелъ со своими земляками въ отходныя работы и работалъ въ разныхъ мѣстахъ, но все при одной артели, у нашего же крестьянина, Луки Кирилова. Этотъ Лука Кириловъ живъ по сіи дни: онъ у насъ самый первый рядчикъ. Хозяйство у него было стародавнее, еще отъ отцовъ заведено, и онъ его не расточилъ, а преумножилъ и создалъ себѣ житницу велику и обильну, но былъ и есть человекъ прекрасный и не обидчикъ. И ужъ зато куда-куда мы съ нимъ ни ходили? Кажется, всю Россію изошли, и нигдѣ я лучше и степеннѣе его, хозяина, не видалъ. И жили мы при немъ въ самой тихой патриархин, онъ у насъ былъ и рядчикъ, и по промыслу и по вѣрѣ наставникъ. Путь свой на работахъ мы проходили съ нимъ точно іудей въ своихъ странствіяхъ пустынныхъ съ Моисеемъ, даже скинью свою при себѣ имѣли и никогда съ нею не разставались: то-есть имѣли при себѣ свое «Божіе благословеніе». Лука Кириловъ страстно любилъ иконостасную святыню, и были у него, милостивые государи, иконы все самыя пречудныя, письма самаго искуснаго, древняго, либо настоящаго греческаго, либо первыхъ новгородскихъ или строгановскихъ изографовъ. Икона противъ иконы лучше сіяли не столько окладами, какъ острою и плавностью предивнаго художества. Такой возвышенности я уже послѣ нигдѣ не видѣлъ!

И что были за во-иня разныя и Деисусы, и Нерукотворенный Спасъ съ омоченными власы, и преподобные, и мученики, и апостолы, а всего дивнѣе многоличныя иконы съ дѣянїями, каковыя, наиримѣръ, Индиктъ: праздники, Страшный Судъ, Святцы, Соборы, Отечество, Шестодневъ, Цѣлебникъ, Седмица съ предстоящими; Троица съ Авраамѣимъ поклоненіемъ у дуба Мамврїйскаго, и, однимъ словомъ, всего этого благолѣбія не изрещи, и такихъ иконъ нынче уже нигдѣ не нашпугъ, ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, ни въ Палиховѣ; а о Греціи и говорить нечего, такъ какъ тамъ эта наука давно затеряна. Любили мы всѣ эту свою святыню страшною любовью и сообща предъ нею святой слей теплили, и на артельный счетъ лошадь содержали и особую повозку, на которой везли это Божіе благословеніе

въ двухъ большихъ коробьяхъ всюду, куда сами шли. Особенно же были при насъ двѣ иконы, одна съ греческихъ переводовъ старыхъ московскихъ царскихъ мастеровъ: Пресвятая Владычица въ саду молится, а передъ Нею всѣ дерева кипарисы и олифы до земли преклоняются; а другая Ангелъ Хранитель, Строганова дѣла. Изрещи нельзя, что это было за искусство въ сихъ обѣихъ святыняхъ! Глянешь на Владычицу, какъ предъ ея чистотою бездушныя деревья преклонились, сердце таетъ и тремещетъ; глянешь на Ангела... радость! Сей Ангелъ воистину былъ что-то неопи- суемое. Лицо у него, какъ сейчасъ вижу, самый свѣтлобо- жественный и этакій скоропомощный: взоръ умиленъ; ушки съ тороцами, въ знакъ повсемѣстнаго отсюду слышанія; одѣянье горитъ, рясы златыми пренепещрено; доспѣхъ пернатъ, рамена преноясны; на персяхъ младенческой лики Эмануэлевъ; въ правой рукѣ крестъ, въ лѣвой огнепалющій мечъ. Дивно! дивно!.. Власы на головкѣ кудреваты и русы, съ ушей повились и проведены волосокъ къ волоску игло- чкой. Крылья же пространны и бѣлы какъ снѣгъ, а исподъ лазурь свѣтлая, перо къ перу, и въ каждой бородкѣ пера усикъ къ усикъ. Глянешь на эти крылья, и гдѣ твой весь страхъ дѣнется; молишься: «осѣни», и сейчасъ весь стинаешь, и въ души станеть миръ. Вотъ эта была какаа икона! И были-съ эти два образа для насъ все равно, что для жидовъ ихъ Святая Святыхъ, чуднымъ Веселила худо- жествомъ изукрашенная. Всѣ тѣ иконы, о которыхъ я впе- редъ сказалъ, мы въ особой коробѣ на конѣ возили, а эти двѣ даже и на возъ не поставляли, а носили: Владычицу завсегда при себѣ Луки Кирилова хозяйка Михайлица, а Ангелово изображеніе самъ Лука на своей груди сохранялъ. Былъ у него такой для сей иконы сдѣланъ парчевой ко- шель на темной нестриди и съ пуговицей, а на передней сторонѣ алый крестъ изъ настоящаго штофу, а вверху при- шить толстый зеленый шелковый шнуръ, чтобы вокругъ шеи обвести. И такъ икона въ семь содержаніи у Луки на груди всюду, куда мы шли, впереди насъ предходила, точно самъ Ангелъ намъ предшествовалъ. Идемъ, бывало, съ мѣ- ста на мѣсто, на новую работу стенами, Лука Кириловъ впереди всѣхъ нарѣзнымъ сажнемъ вмѣсто палочки пома- хиваесть, за нимъ на возу Михайлица съ Богородичною ико- ной, а за ними мы всѣ артелью выступаемъ, а тутъ въ

полѣ травы, цвѣты по лугамъ, индѣ стада насутся и свирѣць на свирѣли играетъ... то-есть просто сердцу и уму восхищеніе! Все шло намъ прекрасно и дивнамъ была намъ въ каждомъ дѣлѣ удача: работы всегда находились хорошія; промежду собою у насъ было согласіе; отъ домашнихъ приходили все вѣсти спокойныя: и за все это благословаяли мы предходящаго намъ Ангела, и съ пречудною его иконою, кажется, труднѣе бы чѣмъ съ жизнію своею не могли разстаться.

Да и можно ли было думать, что мы какъ-нибудь, по какому ни есть случаю, сей нашей драгоценнѣйшей самой святыни лишимся? А между тѣмъ, такое горе насъ ожидало и устроилось намъ, какъ мы послѣ только уразумѣли, но людскимъ коварствомъ, а самого онаго Путеводителя нашего смотрѣниемъ. Самъ онъ возжелалъ себѣ оскорбленія, дабы дать намъ свято постичь скорбь и тою указать намъ истинный путь, предъ которымъ всѣ до сего часа исхоженныя нами пути были, что дѣбрь темная и безслѣдная. Но позвольте узнать, занята ли моя повѣсть и не напрасно ли я ею ваше вниманіе утруждаю?

— Пѣтъ: какъ же, какъ же: сдѣлайте милость продолжайте! — воскликнули мы, заинтересованные этимъ разсказомъ.

— Извольте-сь, послушествую вамъ и, какъ сумѣю, начну излагать бывшія съ нами дивныя дивеса отъ Ангела.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Пришли мы для большихъ работъ подѣ большой городъ, на большой текучей водѣ, на Днѣпрѣ рѣкѣ, чтобы тутъ большой и пынѣ весьма славный каменный мостъ строить. Городъ стоитъ на правомъ крутомъ берегу, а мы стали на лѣвомъ, на луговомъ, на отложистомъ, и объявился предъ нами весь чудный пейзажъ: древніе храмы, монастыри святые со многими святыхъ мощами: сады густые и деревья таковыя какъ по старымъ книгамъ въ заставкахъ пишутся, то-есть островерхіе тополи. Глядишь на все это, а самого за сердце словно кто щипать станеть, такъ прекрасно! Знаете, конечно, мы люди простые, но преизящество богозданной природы все же ощущаемъ.

И вотъ-сь это мѣсто намъ такъ жестоко полюбилось, что мы въ тотъ же самый въ первый день начали тутъ по-

стройку себѣ временнаго жилища, сначала забили высокенькія сваечки, потому что мѣсто тутъ было низменное; возлѣ самой воды, потомъ на тѣхъ сваяхъ стали собирать горницу и при ней чуланъ. Въ горницѣ поставили всю свою святыню, какъ надо, по отеческому закону: въ протяженіе одной стѣны складной иконостасъ раскинули въ три пояса, первый поклонный для большихъ иконъ, а выше два тябла для меньшеникихъ, и такъ возвели какъ должно лѣстницу до самаго распятія, а Ангела на аналогіи положили, на которомъ Лука Кириловъ Писаніе читалъ. Самъ же Лука Кириловъ съ Михайлицей стали въ чуланчикѣ жить, а мы себѣ рядомъ казаромку сгородили. На насъ гляючи, то же самое начали себѣ строить и другіе, которые пришли надолго работать, и вотъ сталъ у насъ противъ великаго основательнаго города свой легкій городокъ на сваяхъ. Занялись мы работой, и пошло все какъ надо! деньги за расчетъ у англичанъ въ конторѣ вѣрныя; здоровье Богъ посылалъ такое, что во все лѣто ни одного больного не было, а Лукина Михайлица даже стала жаловаться, что сама, говорить, я не рада, какая у меня по всѣмъ частямъ полнота пошла. Особенно же намъ, старовѣрамъ, тутъ нравилось, что мы въ тогдашнее время повсюду за свой обрядъ гоненію подвергались, а тутъ намъ была льгота: нѣтъ здѣсь ни городского начальства, ни уѣзднаго, ни цоца; никого не зримъ, и никто нашей религіи не касается и не препятствуетъ... Вволю молились: отработаемъ свои часы и соберемъ въ горницу, а тутъ уже вся святыня отъ многихъ лампадъ такъ сіяетъ, что даже сердце разгорается. Лука Кириловъ положилъ бѣгословящій началъ; а мы всѣ подхватимъ, да такъ и славимъ, что даже иной разъ при тихой погодѣ далеко за слободою слышно. И никому наша вѣра не мѣшала, а даже какъ будто еще многимъ по обычаю приходила и нравилась не только однимъ простымъ людямъ, которые къ богочтительству по русскому образцу склонны, но и иновѣрамъ. Много изъ церковныхъ, которые благочестиваго нрава, а въ церковь за рѣку ѣздить некогда, бывало стануть у насъ подъ окнами и слушаютъ и молятся начнутъ. Мы имъ этого снаружи не возбраняли: всѣхъ отогпать нельзя, потому даже и иностранцы, которые старымъ русскимъ обрядомъ интересовались, не разъ приходили наше ивѣніе слушать и одобряли. Главный строитель изъ англи-

часть, Яковъ Яковлевичъ, тотъ, бывало, даже съ бумажкой подъ окномъ стоять приходилъ и все поровиль, чтобы на ноту наше гласованіе замѣчать и потомъ, бывало, ходитъ по работамъ, а самъ все про себя въ нашемъ родѣ гудеть: «Бо-Господь и явился намъ», но только все это у него, разумѣется, выходило на другой штыль, потому что этого пѣнія, расположеннаго по крюкамъ, повою западную нотою въ совершенствѣ уловить невозможно. Англичане, чести имъ приписать, сами люди обстоятельные и набожные, и они насъ очень любили и за хорошихъ людей почитали и хвалили. Однимъ словомъ, привелъ насъ Господень Ангель въ доброе мѣсто и открылъ намъ всѣ сердца людей и весь пейзажъ природы.

И сему-то подобнымъ мирственнымъ духомъ, какъ я вамъ представилъ, жили мы безъ малаго яко три года. Спорилось намъ все, изливались на насъ всѣ успѣхи точно изъ Амалфеева рога, какъ вдругъ узрѣли мы, что есть посреди насъ два сосуда избранія Божія къ нашему наказанію. Одинъ изъ таковыхъ былъ ковачь Марой, а другой — счетчикъ Пимень Ивановъ. Марой былъ совсѣмъ простецъ, даже неграмотный, что по старообрядчеству даже рѣдкость, но онъ былъ человѣкъ особенный: видомъ неуклюжь, на подобіе верблюда, и гнѣдистъ какъ кабанъ — одна пазуха въ полтора обхвата, а лобъ весь заросшій крутою космой и точно мраволевъ старій, а середь головы на маковкѣ гумеицо простригаль. Рѣчь онъ имѣлъ тупую и невразумительную, все шавкалъ губами, и умъ у него былъ тугой и для всего столь нескладный, что онъ даже заучить на память молитвъ не умѣлъ, а только все, бывало, одно какое-нибудь слово твердисловить, но былъ на предбудущее прозорливъ и имѣлъ даръ вѣщевать и могъ сбывчивые намеки подавать. Пимень же, напротивъ того, былъ человѣкъ щоповатый: любилъ держать себя очень форсисто и говорилъ съ такимъ хитрымъ извитіемъ словъ, что удивиться надо было его рѣчи; но зато характеръ имѣлъ легкій и увлекательный. Марой былъ пожилой человѣкъ, за семьдесятъ лѣтъ, а Пимень средовѣкъ и изящень: имѣлъ волосы курчавые, посредній проборъ; брови кохловатыя, лицо съ подрумянкой, словомъ, веліарь. Вотъ въ сихъ двухъ сосудахъ и забродила вдругъ оцетность терикаго питія, которое надлежало намъ испить.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Мостъ, который мы строили на восьми гранитныхъ быкахъ, уже высоко надъ водою возросъ, и въ лѣто четвертаго года мы стали на тѣ столбы желѣзныя цѣпи закладывать. Только тутъ было вышла маленькая задержка: стали мы разбирать эти звенья и пригонять по мѣркамъ къ каждой дункѣ стальные заклепы, какъ оказалось, что многіе болты длинны, и отсѣгать ихъ надо, а каждый тотъ болтъ, — по-англицки питанга стальная, и дѣланы они все въ Англии, — отлить изъ крѣпчайшей стали и толщины въ руку рослаго человѣка. Нагрѣвать этихъ болтовъ было нельзя, потому что тѣмъ сталь отпускается, а пилить ее никакой инструментъ не бралъ: но на все на это нашъ Марой ковачъ изымѣлъ вдругъ такое средство, что облѣпить это мѣсто, гдѣ надо отсѣчь, густою колоникой изъ телѣжнаго колеса съ несковымъ жвиромъ, да и сунуть всю эту штуку въ снѣгъ, и еще вокругъ солью осыпать, и вертить и крутить; а потомъ оттуда ее сразу выхватить, да на горячее ковало, и какъ треснетъ балдой, такъ какъ восковую свѣчу будто ножницами и отстрижетъ. Англичане все и нѣмцы приходили на это хитрое Мароево умудрѣнье смотрѣли, и глядеть, глядеть, да вдругъ разсмѣются и заговорятъ сначала промежь себя по-своему, а потомъ на нашемъ языкѣ скажутъ:

— Такъ, русскъ! Твой молодецъ; твой короншъ физикъ понимамай!

А какой тамъ «физикъ» могъ понимать Марой: онъ о наукѣ никакого и понятія не имѣлъ, а произвелъ просто какъ его Господь умудрилъ. А нашъ Пимень Ивановъ и пошелъ объ этомъ бахвалить. Значить и пошло въ обѣ стороны худо: одни все причитали къ наукѣ, о которой тотъ нашъ Марой и помыслу не зналъ, а другіе заговорили, что надъ нами-де видимаа Божія благодать творитъ дивеса, какихъ мы никогда и не зрѣли. И эта послѣдняя вещь была для насъ горше первыя. Я вамъ докладывалъ, что Пимень Ивановъ былъ слабый человѣкъ и любосластецъ, а теперь объясню, зачѣмъ мы его, однако, въ своей артели содержали; онъ у насъ ѣздилъ въ городъ за провизіей, закупалъ какія надо покупки; мы его посылали на почту паспорта и деньги ко дворамъ отправлять и назадъ новые паспорта онъ отбиралъ. Вообще, вотъ всю этукую справу чинилъ и, по

правдѣ сказать, былъ онъ намъ человѣкъ въ этомъ родѣ пужный и даже очень полезный. Настоящій степенный старовѣръ, разумѣется, всегда подобной суеты чуждается и отъ общенія съ чиновниками бѣжитъ, ибо отъ нихъ мы, кромѣ досажденія, ничего не видѣли, но Пименъ радъ суетѣ, и у него на томъ берегу въ городѣ завелось самое изобильное знакомство: и торговцы, и господа, до которыхъ ему по артельнымъ дѣламъ бывали касательства, всѣ его знали и почитали его за перваго у насъ человѣка. Мы этому случаю, разумѣется, посмѣивались, а онъ страсть какъ былъ охочъ съ господами чай пить да велерѣчить: тѣ его нашимъ старшиною величаютъ, а онъ только улыбается, да по нутру свою бороду разстилаетъ. Однимъ словомъ сказать, пустоша! И занесло этого нашего Пимена къ одному немаловажному лицу, у котораго была жена изъ нашихъ мѣстъ родомъ, такая была тоже словесница, и начиталась она про насъ какихъ-то новыхъ книгъ, въ которыхъ неизвѣстно намъ, что про насъ писано, и вдругъ не знаю, съ чего-то ей пришло на умъ, что она очень старовѣровъ любить. Вотъ вѣдь удивительное дѣло: къ чему она избралась сосудомъ! Шу, любить насъ и любить, и всегда, какъ нашъ Пименъ зачѣмъ къ ея мужу придетъ, она его сейчасъ непременно сажаетъ чай пить, а тотъ тому и радъ, и разовѣсть предъ ней свои свитки.

Та своимъ бабьимъ языкомъ суерѣчить, что вы-де, старовѣрцы, и такіе-то и вотъ этакіе-то, святые, праведные, присноблаженные, а нашъ веліаръ очи разоцѣ раскосить, головушку на-бокъ, бороду маслитъ, а голосомъ сластитъ:

— Какъ же, государыня. Мы-де отеческій законъ блюдемъ, мы и такія-то, мы и вотъ этакія-то правила содержимъ и другъ друга за чистотою обычая смотримъ, и словомъ, говорить ей все такое, что совсѣмъ къ разговору съ мірскою женщиной не принадлежащее. А межъ тѣмъ та, представьте, интересуется.

— Я слыхала, говорить, что къ вамъ Божіе благословіе видимо, говорить, проявляется.

А тотъ сейчасъ и подхватываетъ:

— Какъ же, отвѣчаетъ, матушка, проявляется; весьма зримо проявляется.

— Видимо?

— Видимо, говорить, государыня, видимо. Вотъ еще

на сихъ дняхъ нашъ одинъ человѣкъ могучую сталь какъ паутину щипаль.

Барынька такъ и всплеснула ручонками.

— Ахъ, говоритъ,—какъ интересно! ахъ, я ужасно люблю чудеса и вѣрю въ нихъ! Знаете, говоритъ, прикажите вы, пожалуйста, своимъ старовѣрамъ, чтобъ они помолились, чтобъ мнѣ Богъ дочь далъ. У меня есть два сына, но мнѣ непременно хочется одну дочь. Можно это?

— Можно-съ,—отвѣчаетъ Пиментъ;—отчего же-съ; очень можно! Только, говоритъ, въ таковыхъ случаяхъ надо всегда, чтобъ отъ васъ жертвенный елей теплился.

Та съ великимъ своимъ удовольствіемъ дастъ ему на масло десять рублей, а онъ деньги въ карманъ и говоритъ:

— Хорошо-съ, будьте благонадежны, я повелю.

Намъ объ этомъ Пиментъ, разумѣется, ничего не рассказываетъ, а у барыни родится дочь.

Фу! та такъ и занумѣла, еще послѣ родовъ обмогнуться не успѣла, какъ зоветъ нашего пустошу и чувствуетъ его, словно бы онъ самъ былъ тотъ чудотворецъ, а онъ и это пріемлетъ. Вотъ вѣдь до чего осуетится человѣкъ и омрачить умъ его, и оледенѣютъ чувства. Черезъ годъ у госпожи опять до нашего Бога просьба, чтобъ мужъ ей дачу на лѣто нанялъ, — и опять все ей, по ея желанію, дѣлается, а Пимену все на свѣщи да на елей жертвы, а онъ эти жертвы куда надо, на нашъ бокъ не перенавливая, пристраиваетъ. И дивеса, дѣйствительно, дѣялись непонятныя: былъ у этой госпожи старшій сынъ въ училищѣ и былъ онъ первый потаскунъ и лѣнивый нетягъ, и ничему не учился, но какъ пришло дѣло къ экзамену, она шлетъ за Пименомъ и даетъ ему заказъ помолиться, чтобъ ея сына въ другой классъ перевели. Пиментъ говоритъ:

— Дѣло трудное; надо мнѣ будетъ всѣхъ своихъ на всю ночь на молитву согнать и до утра со свѣщами воиять.

А та ни за что не стоитъ; тридцать рублей ему вручила, только молитесь! И что же вы думаете? Выходитъ такое счастье этому ея блудягѣ сыну, что переводятъ его въ высшій классъ. Барыня мало отъ радости съ ума не сошла, что за ласки такія нашъ Богъ ей дѣлаетъ! Заказъ за заказомъ стала давать Пимену, и онъ ей уже выхлопоталъ у Бога и здоровья, и наслѣдство, и мужу чинъ большой, и орденовъ столько, что всѣ на груди не вмѣщались, такъ

одинъ онъ въ карманѣ, говорятъ, носилъ. Диво да и только, а мы все ничего не знаемъ. Но настала часъ всему этому обличиться и премѣниться однимъ девисамъ на другія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Замутилось что-то въ одномъ жидовскомъ городѣ той губерніи по торговой части у жидовъ. Не скажу вамъ навѣрное, деньги ли они неправильныя имѣли, или какой безошляинный торгъ производили, но только надо было это начальству раскрыть, а тутъ награда предвидѣлась велемошная. Вотъ барынька и шлетъ за нашимъ Пименомъ и говоритъ:

— Пименъ Ивановичъ, вотъ вамъ двадцать рублей на свѣчи и на масло; велите своимъ какъ можно усерднѣе молиться, чтобы въ эту командировку моего мужа послали.

Тому какое горе! Онъ уже разохотился эту елейную подать-то собирать, и отвѣчаетъ:

— Хорошо, государыня, я повелю.

— Да, чтобъ они хорошенько, говорятъ, молились, потому мнѣ это очень пужно!

— Смѣютъ ли же они, государыня, у меня плохо молиться, когда я приказываю, — заспокоилъ ее Пименъ: — я ихъ голодомъ запошу, пока не вымолятъ, — взялъ деньги да и былъ таковъ, а барину въ ту же ночь желанное его супругою назначеніе сдѣлало.

Ну, уже тутъ ей такъ отъ этой благодати въ лобъ вступило, что она недовольна сдѣлалась нашей молитвой, а возжелала непременно сама нашей святыни пославословить.

Говоритъ она объ этомъ Пимену, а онъ струсиль, потому зналъ, что наши ее до своей святыни не допустятъ; но барыня не отстаетъ.

— Я, говоритъ, какъ вы хотите, сегодня же предъ вечеромъ возьму лодку и къ вамъ съ сыномъ приѣду.

Пименъ ее уговаривалъ, что лучше, говоритъ, мы сами помолитвимъ; у насъ есть такой Ангелъ-Хранитель, вы ему на елей пожертвуйте, а мы ему супруга вашего и доверимъ сохранять.

— Ахъ, прекрасно, — отвѣчаетъ: — прекрасно; я очень рада, что есть такой Ангелъ; вотъ ему на масло, и зажгите предъ нимъ непременно три лампы, а я приѣду посмотреть.

Пимену плохо пристигло, онъ и пришелъ, да и ну намъ виноватиться, что такъ-де и такъ, я, говорить,—ей, едланкѣ гадостной, не перечилъ, когда она желала, потому какъ мужъ ея намъ человѣкъ нужный, и наказыль намъ съ три короба, а всего, что онъ дѣлалъ, все-таки не высловилъ. Пу, сколь намъ было это ни неприятно, но дѣлать было нечего; мы поскорѣе свои иконы со стѣнъ снимали, да попрятали въ коробки, а изъ коробей кое-какія замѣнные заставки, что содержали страха ради чиновничьяго нашествия, въ тѣблы поставили и ждемъ гостейку. Она и пріѣхала; такая-то раздуфыренная, что страхъ; широкими да долгими своими ометами такъ и мететь и все на тѣ наши замѣнные образа въ лорнетку смотреть и спрашиваетъ: «скажите, пожалуйста, который же тутъ чудотворный Ангелъ?» Мы уже не знаемъ, какъ ее и отбить отъ такого разговора:

— У насъ, говоримъ, такового Ангела нѣтъ.

И какъ она ни добивалась, и Пимену выговаривала, но мы ей Ангела не показали, и скорѣе ее чаемъ повели поить и какими имѣли закусками угощать.

Страшно она намъ не понравилась, и Богъ знаетъ почему: видъ у нея былъ какой-то оттолкновенный, даромъ, что она будто красивою почиталась. Высокая, знаете, этакая цыбастая, тоненькая, какъ сойга, и бровеносная.

— Вамъ этакая красота не нравится? — перебила рассказчика медвѣжья шуба.

— Помилуйте, да что же въ змѣевидности можетъ нравиться?—отвѣчалъ онъ.

— У васъ что же почитается красотою, чтобы женщина на кочку была похожа?

— Кочку!—повторилъ, улыбнувшись и не обижаясь, рассказчикъ. — Для чего же вы такъ полагаете? У насъ въ русскомъ настоящемъ понятіи насчетъ женскаго сложенія соблюдается свой типъ, который по нашему гораздо нынѣшняго легкомыслія соотвѣтственнѣе, а совсѣмъ не то, что кочка. Мы длинныхъ цыбовъ точно не уважаемъ, а любимъ, чтобы женщина стояла не на долгихъ ножкахъ, да на крѣпкихъ, чтобы она не путалась, а какъ шарокъ всюду каталась и поспѣвала, а цыбастенькая побѣжитъ да спотыкнется. Змѣевидная тонина у насъ тоже не уважається, а требуется, чтобы женщина была изъ себя понѣдристѣе

и съ пазушкой, потому оно хотя это и не такъ фигурно, да зато материнство въ ней обозначается, лобочки въ нашей настоящей чисто-русской женской породѣ хоть потѣльнѣе, помясистѣе, а зато въ этомъ мягкомъ лобочкѣ веселости и привѣта больше. То же и насчетъ носика: у нашихъ носики не горбылемъ, а все будто шишочкой, но этакая шишочка, она, какъ вамъ угодно, въ семейномъ быту гораздо благоувѣтливѣе, чѣмъ сухой гордый носъ. А особливо бровь; бровь въ лицѣ видъ отърываетъ, и потому надо, чтобы бровочки у женщины не супились, а были пооткрытнѣе, дужкою, ибо къ таковой женщинѣ и заговорить человѣку повадливѣе и совсѣмъ она иное на всякаго, къ дому располагающее впечатлѣніе имѣеть. Но нынѣшній вкусъ, разумѣется, отъ этого добраго типа отсталъ и одобряетъ въ женскомъ полѣ воздушную эфемерность, но только это совершенно напрасно. Однако, позвольте, я вижу, мы уже не про то заговорили. Я лучше продолжать буду:

Нашъ Пименъ, какъ суетившійся человѣкъ, видитъ, что мы, проводивъ гостью, стали на нее критику произносить, и говорить:

— Чего вы? она добрая.

А мы отвѣчаемъ: какая, молъ, она добрая? когда у нея добра въ обличьи нѣтъ, но Богъ тамъ съ нею: какая она есть, такая и будь, мы уже рады были, что ее выпроводили и взяли скорѣй ладаномъ курить, чтобъ ея и духомъ у насъ не пахло.

Послѣ сего мы вывели отъ гостюшкиныхъ слѣдковъ горенку; замѣнные образа опять на ихъ мѣсто за перегородку въ коробья уклали, а оттуда достали свои настоящія иконы; размѣстили ихъ по тябламъ, какъ было по старому, покровили ихъ святой водой; положили началъ и пошли каждый куда ему слѣдовало на ночной покой, но только Богъ вѣсть, отчего и зачѣмъ всѣмъ что-то въ ту ночь не спалось и было какъ будто жутко и неспокойно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Утромъ пошли мы всѣ на работу и дѣлаемъ свое дѣло, а Луки Кирилова нѣтъ. Это, судя по его аккуратности, было удивительно, но еще удивительнѣе мнѣ показалось, что приходитъ онъ часу въ восьмомъ весь блѣдный и разстроенный.

Зная, что онъ человѣкъ съ обладаніемъ и пустымъ скорбямъ не любилъ поддаваться, я и обратилъ на это вниманіе и спрашиваю: «Что такое съ тобою, Лука Кириловъ?» А онъ говоритъ: «Послѣ скажу».

По я тогда, по молодости моей, страсть какъ былъ любопытенъ и къ тому же у меня вдругъ откуда-то взялось предчувствіе, что это что-нибудь недоброе по вѣрѣ; а я вѣру чтилъ и невѣромъ никогда не былъ.

А потому не могъ я этого долго терпѣть и подъ какимъ ни есть предлогомъ покинулъ работу и поѣхалъ домой; думаю: пока никого дома нѣтъ, распытаю я что-нибудь у Михайлицы. Хоша ей Лука Кириловъ и не открывался, но она его, при всей своей простотѣ, все-таки какъ-то пронюхала, а таиться отъ меня она не станетъ, потому что я былъ съ дѣтства сиротою и у нихъ вмѣсто сына возросъ, и она мнѣ была все равно какъ второродительница.

Вотъ-съ я ударяюсь къ ней, а она, гляжу, сидитъ на крылечкѣ въ старомъ шушунѣ на опашку, а сама вся какъ больная, печальная и этакая зеленоватая.

— Что вы, говорю, второродительница, на такомъ мѣстѣ усѣвшись?

А она отвѣчаетъ:

— А гдѣ же мнѣ, Марочка, притулиться?

Меня зовутъ Маркъ Александровъ; но она, по своимъ материнскимъ чувствамъ ко мнѣ, Марочкой меня звала.

— Что это, думаю себѣ, она за пустяки такіе мнѣ говорить, что ей негдѣ притулиться?

— А зачѣмъ же, говорю, вы въ чуланчикѣ у себя не ляжете?

— Нельзя, говоритъ, Марочка, тамъ въ большой горницѣ дѣдъ Марой молится.

«Ага! вотъ, думаю, такъ и есть, что что-нибудь по вѣрѣ случилось», а тетка Михайлица и начинается:

— Ты вѣдь, Марочка, небось ничего, дитя, не знаешь, что у насъ тутъ въ ночи случилось?

— Нѣтъ, молъ, второродительница, не знаю.

— Ахъ, страсти!

— Разкажите же скорѣе, второродительница.

— Ахъ, не знаю какъ, можно ли это рассказать?

— Отчего же, говорю, не скажете: развѣ я вамъ какой чужой, а не вмѣсто сына?

— Знаю, родной мой,—отвѣчаетъ:—что ты мнѣ вмѣсто сына, ну, только я на себя не надѣюсь, чтобъ я могла тебѣ это какъ надо высловить, потому что глупа я и без-таланна, а вотъ погоди—дядя послѣ шабаша придетъ, онъ тебѣ небось все расскажетъ.

Но я никакъ не могъ, чтобы дожидаться, и присталъ къ ней: «скажи да скажи мнѣ сейчасъ, въ чемъ все происшествіе».

А она, гляжу, все моргаетъ, моргаетъ глазами и всѣ у нея глаза дѣлаются полны слезъ и она ихъ вдругъ груднымъ платкомъ обмахнула и тихо мнѣ шепчетъ:

— У насъ, дитя, сею ночью Ангелъ-Хранитель сошелъ.

Меня отъ всего этого открытія въ трепетъ бросило.

— Говорите, прошу, скорѣе: какъ это диво сталося и кто были онаго дивозрители?

А она отвѣчаетъ:

— Дивеса, дитя, были непостижныя, а дивозрителей никого, кромѣ меня, не было, потому что случилось все это въ самый глухой полунощный часъ, и одна я не спала.

И рассказала она мнѣ, милостивые государи, такую повѣсть:

— Уснувъ, говоритъ, помолвившись, не помню я сколько спала, но только вдругъ вижу во снѣ пожаръ, большой пожаръ: будто у насъ все погорѣло, и рѣка золу несетъ, да въ завертахъ около быковъ крутить и въ глубь глотаешь, сосеть. А самой насчетъ себя Михайлицѣ кажется, будто она, выскочивъ въ одной ветхой срачицѣ, вся въ дырьяхъ, и стоитъ у самой воды, а противъ нея, на томъ берегу стремить высокій красный столбъ, а на томъ столбѣ небольшой бѣлый пѣтухъ и все крыльями машетъ. Михайлица будто и говоритъ: «Кто ты такой?» потому что чувствіями ей далось знать, что эта птица что-то предвозвѣщаетъ. А пѣтелокъ этотъ вдругъ будто человѣческимъ голосомъ возгласилъ: «Аминь», и спикъ, и его уже нѣтъ, а стала вокругъ Михайлицы тишь, и такое въ воздухѣ тощеніе, что Михайлицѣ страшно дѣлалось и продохнуть нечѣмъ, и она проснулась и лежитъ, а сама слышитъ, что подъ дверями у нихъ барашекъ заблеялъ. И слышно ей по голосу, что это самый молодой барашекъ, съ котораго еще родимое руно не тронута. Прозвенѣлъ онъ чистымъ серебрянымъ голосочкомъ «бя-я-я», и вдругъ уже чуетъ Михайлица, что онъ по молебной горницѣ ходитъ, копытками-то этакъ по

половицамъ чокъ-чокъ-чокъ частенько перебираетъ и все будто кого ищетъ. Михайлица и разсуждаетъ: «Господи Иисусе Христе! что это такое: овецъ у насъ во всей нашей пришлои слободѣ нѣтъ и ягниться нечему, а откуда же это молозиво къ намъ забѣжало?» И въ ту пору стренулася: «Да и какъ, молъ, онъ въ избу попалъ? Вѣдь это, значить, мы во вчерашней суетѣ забыли со двора двери запереть: слава Богу, думаетъ, что это еще агнецъ вскочилъ, а не песь со двора къ святыни забрался». Да и ну съ этимъ Луку будить; «Кирилычъ, кличетъ, Кирилычъ! Прокинсья, голубчикъ, скорѣе, у насъ дверь отворена и какое-съ молозиво въ избу вскочило», а Лука Кириловъ какъ на сей грѣхъ, мертвымъ сномъ объять спить. Какъ его Михайлица ни будить, никакъ не добудится: мычить онъ, а ничего не высловить. Что Михайлица еще жоще трясеть и двизаетъ, то онъ только громче мычить. Михайлица его и стала просить, что «ты, молъ, имя-то Иисусово вспомяни», но только-что она сама это имя выговорила, какъ въ горницѣ кто-то завизжить, а Лука въ ту же минуту сорвался съ кровати и бросился-было впередъ, но его вдругъ посреди горницы какъ будто мѣдяна стѣна отшибла. «Дуй, баба, огонь! Дуй скорѣе огонь!» — кричитъ онъ Михайлицѣ, а самъ ни съ мѣста. Та запалила свѣчку и выбѣгаетъ, а онъ блѣднолицъ, какъ осужденный насмертникъ, и дрожить такъ, что не только гапликъ на шеѣ ходитъ, а даже остегны на ногахъ трясутся. Баба опять до него: «Кормилецъ, говоритъ, что это съ тобой?» А онъ ей только показываетъ перстомъ, что тамъ, гдѣ Ангелъ былъ, пустое мѣсто, а самъ Ангелъ у Луки вскрай ногъ на полу лежить.

Лука Кириловъ сейчасъ къ дѣду Марою и говоритъ: такъ и такъ, вотъ что моя баба видѣла и что у насъ сдѣлалось, поди посмотри. Марой пришелъ и сталъ на колѣняхъ передъ лежащимъ на полу Ангеломъ и долго стоялъ надъ нимъ недвижимо, какъ измрамранъ нагробникъ, а потомъ, поднявъ руку, почесалъ остриженное гүменцо на маковкѣ и тихо молвилъ:

— Принесите сюда двѣнадцать чистыхъ плинфъ новаго обожженнаго кирпича.

Лука Кириловъ сейчасъ это принесъ, а Марой осмотрѣлъ плинфы и видитъ, что всѣ они чисты, прямо изъ огненнаго

горна, и велѣлъ Лукѣ класть ихъ одна на другую, и возвели они такимъ способомъ столбъ, накрыли его чистою пиринкой, вознесли на него икону, и потомъ Марой, положивъ земной поклонъ, возгласилъ:

— Ангель Госиодень, да проліются стопы твоя аможе хочещи!

И только что онъ эти слова проговорилъ, какъ вдругъ въ двери стукъ-стукъ-стукъ и незнакомый голосъ зоветъ:

— Эй вы, раскольники: кто у васъ тутъ набольшій?

Лука Кириловъ отворяетъ дверь и видитъ стоитъ солдатъ съ медалью.

Лука спрашиваетъ: какого ему надо набольшаго? А онъ отвѣчаетъ:

— Того самаго, говорить, что къ барынѣ ходилъ, котораго Пименомъ звать.

Ну, Лука сейчасъ бабу за Пименомъ послалъ, а самъ спрашиваетъ: что такое за дѣло? на что его въ ночи по Пимена послали?

Солдатъ говоритъ:

— Доподлинно не знаю, а слышно что-то тамъ съ баринномъ жиды неловкое дѣло устроили.

А что такое именно, рассказать не можетъ.

— Слыхалъ-де, говорить, какъ будто баринъ ихъ запечаталъ, а они его запечатлѣли.

Но какъ это они другъ друга запечатали — ничего вразумительно рассказать не можетъ.

Тѣмъ временемъ подошелъ и Пимень, и самъ, какъ жидъ, то туда, то сюда вертитъ глазами: видно самъ не знаетъ, что сказать. А Лука говоритъ:

— Что же ты, шпилманъ ты этакій, сталъ, ступай теперь производи свое шпилманство въ окончаніе!

Они вдвоемъ съ солдатомъ сѣли въ лодку и поѣхали.

Черезъ часъ ворочается нашъ Пимень и ботвить будто бодръ, а видно, что ему жесточе не по себѣ.

Лука его и допрашиваетъ:

— Говори, говорить, — говори лучше, вѣтрогонъ, все по откровенности, что ты тамъ такое надѣлалъ?

А онъ говоритъ:

— Ничего.

Ну, такъ и осталось будто ничего, а совсѣмъ было не ничего.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Съ бариномъ, за котораго нашъ Пименъ молился, преудивительная штука совершилась. Онъ, какъ я вамъ докладывалъ, поѣхалъ въ жидовскій городъ и пріѣхалъ туда поздно ночью, когда никто о немъ не думалъ, да прямо всѣ до одной лавки и опечатавъ, и далъ знать полиціи, что завтра утромъ съ ревизіей пойдетъ. Жиды это, разумѣется, сейчасъ узнали и сейчасъ же ночью къ нему, просить его, чтобы на сдѣлку, знать того незаконнаго товара у нихъ пропасть было. Пришли они и суютъ этому барину сразу десять тысячъ рублей. Онъ говоритъ: я не могу, я большой чиновникъ, довѣріемъ облеченъ и взятокъ не беру; а жиды промежь себя гыр-гыр-гыр, да ему пятнадцать. Онъ опять «не могу»; они двадцать. Онъ, что же вы, говоритъ, не понимаете, что ли, что я не могу, я уже полиціи далъ знать, чтобы завтра вмѣстѣ идти ревизовать. А они опять гыр-гыр, да и говорятъ:

— Ази-язи, васе сіятельство, то зи ничего зи, что вы дали знать въ полицію, мы вамъ вотъ даемъ зи двадцать пять тысячъ, а вы зи только дайте намъ до утра вашу печатку и лозитесь себѣ спокойно подивать: намъ ничего больше не нужно.

Баринъ подумалъ - подумалъ: хотя онъ и большимъ лицомъ себя почиталъ, а видно и у большихъ лицъ сердце не камень, взялъ двадцать пять тысячъ, а имъ далъ свою печать, которою печатывалъ, и самъ легъ спать. Жидки, разумѣется, ночью все что надо было изъ своихъ склеповъ повытаскали и опять ихъ тою же самою печатью запечатали, и баринъ еще спитъ, а они уже у него въ передней горгочатъ. Ну, онъ ихъ впустилъ; они благодарятъ и говорятъ:

— А зи теперъ зи, васе высокоблагородіе, пожалуйста съ ревизіей.

Ну, а онъ этого какъ будто не слышитъ, а говоритъ:

— Давайте же скорѣе мою печать.

А жиды говорятъ:

— А давайте зи наши деньги.

Баринъ: «что? какъ?» А тѣ на своемъ стали:

— Мы зи, говорятъ, деньги подъ залогъ оставляли.

Тотъ опять:

— Какъ подь залогъ?

— А какъ зи, говорятъ, мы подь залогъ.

— Врете, говорить, вы подлецы этакіе, христопродавцы, вы мнѣ совсѣмъ тѣ деньги отдали.

А они другъ друга поталкиваютъ и смѣются.

— Гёршь-ту, говорятъ, слышь, мы будто совсѣмъ дали... Гм, гм! Ай вай: рази мы моземъ быть такіе глупые и совсѣмъ какъ мужики безъ политику, чтобы такому большому лицу хабара давать? («Хабаръ» по-ихнему взятка).

Ну-сь, чего лучше этой исторіи можете себѣ вообразить? Господину бы этому, разумѣется, отдать деньги, да и дѣло съ концомъ, а онъ еще покапризначалъ, потому что жаль разстаться. Настушило утро; вся торговля въ городѣ заперта; люди ходять, дивуются; полиція требуетъ печати, а жидки орутъ: «Ай вай, ну, что это такое за государственное правленіе! Это высокое начальство насъ разорить желаютъ». Гвалтъ ужасный! Баринъ запершись сидитъ и до обѣда чуть ума не рѣшился, а къ вечеру зоветъ тѣхъ хитрыхъ жидковъ и говоритъ: «Ну, берите, проклятые, свои деньги, только отдайте мнѣ мою печать!» А тѣ уже не хотятъ, говорятъ: «А зи какъ же это можно! Мы весь городъ цѣлый день не торговали: теперь намъ съ вашего благородія надо пятьдесятъ тысячъ». Видите, что пошло! А жидки грозятъ: «Если нынче, говорятъ, пятьдесятъ тысячъ не дадите, завтра еще двадцатью пятью тысячами больше будетъ стоить!» Баринъ всю ночь не спалъ, а къ утру опять шлетъ за жидками, и всѣ имъ деньги, которыя съ нихъ взялъ, назадъ имъ отдалъ и еще на двадцать пять тысячъ вексель написалъ, и прошелъ кое-какъ съ ревизіей: ничего, разумѣется, не нашелъ, да поскорѣе назадъ, да къ женѣ и предъ нею и рветъ и мечетъ: гдѣ двадцать пять тысячъ взять, чтобы у жидовъ вексель выкупить? «Нужно, говорить, твою приданую деревнишку продать», а та говоритъ: «Ни за что на свѣтѣ: я къ ней привязана». Онъ говоритъ: «это ты виновата, ты мнѣ эту посылку съ какими-то раскольниками вымолила и увѣряла, что ихъ Ангелъ мнѣ поможетъ, а онъ между тѣмъ вотъ какъ мнѣ славно помогъ.» А она отвѣчаетъ: «что ты, говорить, самъ виноватъ, зачѣмъ былъ глупъ и тѣхъ жидовъ не арестовалъ, да не объявилъ, что они у тебя печать украли, а между прочимъ, говорить, это ничего: ты только

докорайся мнѣ, а ужъ я дѣло поправлю, и за твою неразумительность другіе заплатятъ.» И вдругъ, на кого тамъ случилось, крикнула-гаркнула: «сейчасъ, живо, говоритъ, съѣздить за Днѣпръ и привезть мнѣ раскольниковскаго старосту.» Ну, посоль, разумѣется, пошелъ и привезъ нашего Пимена, а барыня ему прямо безъ обинячки: «Послушайте, говоритъ, я знаю, что вы умный человекъ и поймете, что мнѣ нужно: съ моимъ мужемъ случилась маленькая неприятность, его одни мерзавцы ограбили... жиды... понимаете, и намъ теперь непременно на сихъ же дняхъ надо имѣть двадцать пять тысячъ и мнѣ ихъ такъ скоро достать ровно бы негдѣ; но я пригласила васъ и спокойна, потому что старовѣры люди умные и богатые, и вамъ, какъ я сама увѣрилась, во всемъ самъ Богъ помогаетъ, то вы мнѣ, пожалуйста, дайте двадцать пять тысячъ, а я съ своей стороны зато всѣмъ дамамъ буду говорить о вашихъ чудотворныхъ иконахъ, и вы увидите, сколько вы станете получать на воскъ и масло». Безъ труда, чай, можете себѣ, милостивые государи, представить, что нашъ шилманъ при такомъ оборотѣ восчувствовалъ? Не знаю ужъ какими словами, но только, вѣрю я ему, онъ началъ горячо ретиться и клягтися, завѣряя наше противъ такой суммы убожество, но она, эта обновленная Иродіада, и знать того не хотѣла. «Нѣтъ, да мнѣ, говоритъ, хорошо извѣстно, что раскольники богачи, и для васъ двадцать пять тысячъ это вздоръ. Моему отцу, когда онъ въ Москвѣ служилъ, старовѣры не одинъ разъ и не такія одолженія дѣлали; а двадцать пять тысячъ это пустяки». Пимень, разумѣется, и тутъ попытался ей разъяснить, что то, молъ, московскіе старовѣры, люди капитальные, а мы простые нивари-чернорабочіе, гдѣ же намъ противъ москвичей отмогуществовать. Но она имѣла въ себѣ вѣрно хорошее московское наученіе и вдругъ его осадила: «Что вы, что вы, говоритъ, мнѣ это рассказываете! Развѣ я не знаю, сколько у васъ чудотворныхъ иконъ, и вы же мнѣ сами вѣдь говорили, сколько вамъ со всей Россіи на воскъ и на масло присылаютъ? Нѣтъ, я и слышать не хочу; чтобы сейчасъ мнѣ были деньги, а то мой мужъ нынче же къ губернатору поѣдетъ и все расскажетъ, какъ вы молитесь и соблазняете, и вамъ скверно будетъ». Бѣдный Пимень какъ съ крыльца не свалился; пришелъ до-

мой, какъ я вамъ докладывалъ, и только одно слово твердить: «ничего», а самъ весь красный точно изъ бани и все по угламъ ходилъ, носъ сморкалъ. Ну, Лука Кириловъ сего, наконецъ, малое дѣло немножечко допросился, только, разумѣется, не все онъ ему открылъ, а самую лишь ничтожность сущности обнаружилъ, какъ-то говоритъ: «Съ меня эта барыня требуетъ, чтобъ я у васъ ей пять тысячъ займа досталъ». Ну, Лука, разумѣется, и за это на него расходился: «Ахъ, ты шпилманъ этакій, говоритъ, шпилманъ; нужно было тебѣ съ ними знаться, да еще сюда ихъ водить! Что мы богачи, что ли, какіе, чтобъ у насъ такія деньги могли въ сборѣ быть? Да и за что мы должны ихъ дать? Да и гдѣ онѣ?... Какъ это задѣлывалъ, такъ и раздѣлывайся, а намъ пять тысячъ взять негдѣ». Съ этимъ Лука Кириловъ пошелъ въ свою сторону на работу и пришелъ, какъ я вамъ доложилъ, блѣдный, въ родѣ осужденнаго на-смертника, потому что онъ, ночнымъ событіемъ искушенный, предвкусалъ, что это повліяетъ на насъ непріятностью; а Пиментъ себѣ пошелъ въ другую сторону. Всѣ мы видѣли, какъ онъ изъ камышей въ лодочкѣ выплылъ и на ту сторону въ городъ переправился, и теперь, когда Михайлица все это мнѣ по порядку рассказала, какъ онъ о пяти тысячахъ кучился, я и домекнулъ такъ, что вѣрно онъ ударился ту барыню умилюстивлять. Въ такомъ размышленіи я стою возлѣ Михайлицы да думаю, не можетъ ли для насъ изъ этого чего вреднаго воспослѣдовать и не надо ли противъ сего могущаго произойти зла какія-либо мѣры принять, какъ вдругъ вижу, что все это предпріятіе уже поздно, потому что къ берегу привалила большая ладья и я за самими плечами у себя услыхалъ шумъ многихъ голосовъ и, обернувшись, увидать нѣсколько челоуѣкъ разныхъ чиновниковъ, примундиренныхъ всякимъ подобіемъ, и съ ними не малое число жандармовъ и солдатъ. И не успѣли мы съ Михайлицей, милостивые государи, глазомъ моргнуть, какъ всѣ они мимо насъ прямо въ Лукину горницу повалили, а у двери двухъ часовыхъ поставили съ обнаженными саблями. Михайлица стала на тѣхъ часовыхъ метаться, не столько для того, чтобъ ее пропустили, а чтобы постраждовать; они ее, разумѣется, стали отталкивать, а она еще ярѣе кидается, и дондо у нихъ сраженіе до того, что одинъ жандармъ ее, наконецъ, больно зашибъ, такъ что она съ

крыльца кубаремъ скатилась. А я ударился—было за Лукою на мостъ, но гляжу, самъ Лука уже навстрѣчу мнѣ бѣжить, а за нимъ вся наша артель, всѣ вскрамолились и кто съ чѣмъ на работѣ былъ, кто съ ломомъ, кто съ мотыкою, всѣ бѣгутъ свою святыню оберегать... Кои не всѣ въ лодку попали и не на чемъ имъ до бережка достигнуть, во всемъ платьѣ, какъ стояли на работѣ, прямо съ мосту въ воду побросались и другъ за дружкой въ холодной волнѣ плывутъ... Даже, не повѣрите, ужасно стало чѣмъ это кончится. Стражбы той пріѣхало двадцать человекъ, и хотя всѣ они въ разныхъ храбрыхъ уборахъ, но на нашихъ болѣе полусотъ и всѣ выпреннею горячею вѣрой одушевленные, и всѣ они плывутъ по водѣ какъ тюленьки, и хоть ихъ колотушкой по башкамъ бей, а они на берегъ къ своей святынѣ достигаютъ, и вдругъ какъ были всѣ мокренкые и пошли впередъ, что твое каменіе живо и несокрушимое.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Теперь же вы извольте вспомнить, что когда мы съ Михайлицей на крыльцѣ разговаривали, въ горницѣ находился на молитвѣ дѣдъ Марой и господа чиновники со сборю своей тамъ его застали. Онъ послѣ и рассказывалъ, что какъ они вошли, сейчасъ дверь на захлопку и прямо кинулись къ образамъ. Одни лампы гасятъ, а другіе со стѣнъ рвутъ иконы да на полу накладываютъ, а на него кричатъ: «Ты попь?» Онъ говоритъ: «Нѣтъ, не попь». Онѣ: «Кто же у васъ попь?» А онъ отвѣчаетъ: «У насъ нѣтъ попа». А они: «Какъ нѣтъ попа! Какъ ты смѣешь это говорить, что нѣтъ попа!» Тутъ Марой сталъ имъ было объяснять, что мы попа не имѣемъ, да какъ онъ говорилъ-то скверно, шавкавилъ, такъ они, не разобравши въ чемъ дѣло, да «связать, говорятъ, его, подь арестъ!» Марой дался себя связать: хоша то ему ничего не стоило, что десятскій солдатъ ему обрывочкомъ руки опуталъ, но онъ стоитъ и, все это за вѣру пріемля, смотритъ, что далѣе будетъ. А чиновники тѣмъ временемъ зажгли свѣчи и ну иконы печатать: одинъ печати накладываетъ, другіе въ описи пишутъ, а третьи буравами дыры сверлятъ, да на желѣзный пруть иконы какъ котелки нализываютъ, Марой на все на это святотатственное безчиніе смотритъ и плечами не тряхнетъ, потому что разсуждаетъ, что такъ, вѣроятно, это

Богу изволися попустить такую дикость. Но въ это-то время слышитъ дядя Марой: одинъ жандармъ вскрикнулъ, и за нимъ другой; дверь разлетѣлася и тюленьки-то наши какъ выльзали изъ воды мокрые, такъ и пруть въ горницу. Да по счастію ихъ впереди ихъ очутился Лука Кириловъ. Онъ сразу крикнулъ:

— Стой, Христовъ народушко, не дерзничайте!—а самъ къ чиновникамъ и, указывая на эти пронзенныя прутомъ иконы, молвитъ:—Для чего же это вы, господа начальство, такъ святыню повреждаете? Если вы право имѣете ее у насъ отобрать, то мы власти не сопротивники—отбирайте; но для чего же рѣдкое отеческое художество повреждать?

А этой Пименовой знакомой барыньки мужъ, онъ тутъ главнѣе всѣхъ былъ, какъ крикнетъ на дядю Луку:

— Цыть, мерзавецъ! еще разсуждать смѣешь!

А Лука хоть и гордый былъ мужикъ, но смирилъ себя и тихо отвѣчаетъ:

— Позвольте, ваше высокоблагородіе, мы этого порядокъ знаемъ, у насъ здѣсь въ горницѣ есть полтораста иконъ, извольте вамъ по три рубля отъ иконы, и берите ихъ, только предковскаго художества не повреждайте.

Баринъ окомъ сверкнулъ и громко крикнулъ:

— Прочь!—а шолотомъ шепнулъ:—Давай по сту рублей со штуки, иначе всѣ выпеку.

Лука такой силы денегъ дать и сообразить не могъ и говорить:

— Богъ съ вами, если такъ: губите все какъ хотите, а у насъ такихъ денегъ нѣтъ.

А баринъ какъ завопіетъ излиха:

— Ахъ ты козелъ бородатый, да какъ ты смѣлъ при насъ о деньгахъ говорить?—и тутъ вдругъ заметался, и все, что видѣлъ изъ божественныхъ изображеній,—въ скибы собралъ, и на концы прутьевъ гайки навернули и припечатывали, чтобы, значить, ни снять, ни обмѣнить было невозможно. И все уже это было собрано и готово, они стали совсѣмъ выходить: солдаты взяли набранныя на болты скибы иконъ на плечи и понесли къ лодкамъ, а Михайлица, которая тоже за народомъ въ горницу пробралась, тѣмъ часомъ тихонько скрала съ аналогія ангельскую икону и тащить ее подъ платкомъ въ чуланъ, да какъ руки-то у нея дрожать, она ее и выронила. Батюшки мон, какъ баринъ

расходился и звалъ насъ и ворами-то, и мошенниками и говорить:

— Ага! вы, мошенники, хотѣли ее скрасть, чтобъ она на болтъ не попала; ну, такъ она же на него не попадетъ, а я ее вотъ какъ!—да, накопивши сургучную палку, прямо какъ ткнуть кипящую смолой съ огнемъ въ самый ангельскій ликъ!

Милостивые государи, вы на меня не поспѣвайте, что я и пробовать не могу описать вамъ, чтò тутъ произошло, когда баринъ излилъ кипящую смоляную струю на ликъ Ангела и еще, жестокий человекъ, поднялъ икону, чтобы похвастать какъ нашелъ досадить намъ. Помню только, что пресвѣтлый ликъ этотъ божественный былъ красенъ и запечатлѣнъ, а изъ-подъ печати олифа, которая подъ огневою смолой самую малость сверху растаяла, струила внизъ двумя потеками, какъ кровь, въ слезѣ растворенная...

Всѣ мы ахнули и, закрывъ руками глаза свои, пали ницъ и застонали какъ на пыткѣ. И такъ мы развопились, что и темная ночь застала насъ воющихъ и голосащихъ по своему запечатлѣнному Ангелѣ, и тутъ-то въ сей тьмѣ и тишинѣ на разрушенной отчей святынѣ пришла намъ мысль: услѣдить, куда нашего хранителя дѣнуть, и поклялись мы скрасть его, хотя бы съ опасностью жизни, и запечатлѣть, а къ исполненію сей рѣшимости избрали меня, да молодого паренька Левонтія. Этотъ Левонтій годами былъ еще сущій отрокъ, не болѣе какъ семнадцати лѣтъ, но великотьлесенъ, добръ сердцемъ, богочтителъ съ дѣтства своего и послушливъ и благонравенъ, что твой ретивъ бѣлъ конь среброуздень.

Лучшаго сомудренника и содѣятеля и желать нельзя было на такое опасное дѣло, какъ прослѣдить и исхитить запечатлѣннаго Ангела, ослѣвленное видѣніе котораго намъ до немощи было непереносно.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Не стану утруждать васъ подробностями какъ мы съ моимъ сомудренникомъ и содѣйствителемъ, сквозь иглины уши лазучи, во все вникали, а буду прямо рассказывать о горести, которая овладѣла нами, когда мы узнали, что пробуравленныя чиновниками иконы наши, какъ онѣ были сгибами на болты нанизаны, такъ ихъ въ консисторію въ под-

валъ и свалили, это уже дѣло пропащее и какъ въ гробъ погребенное, о нихъ и думать было нечего. Пріятно, однако, было то, что говорили, будто самъ архіерей такой дикости сообразованія не одобрилъ, а, напротивъ, сказалъ: «Къ чему это?» и даже за старое художество заступился и сказалъ: «Это древнее, это надо беречь!» Но вотъ что худо было, что не прошла бѣда отъ непочтенія, какъ новая, еще большая отъ сего почитателя возросла: самъ этотъ архіерей, надо полагать, съ нехудымъ, а именно съ добрымъ вниманіемъ взялъ нашего запечатлѣннаго Ангела и долго его разсматривалъ, а потомъ отвелъ въ сторону взглядъ и говорить: «Смятенный видъ! Какъ ужасно его изнеявствовали! Не кладите, говорить, сей иконы въ подвалъ, а поставьте ее у меня въ алтарѣ на окнѣ за жертвенникомъ». Такъ слуги архіереевы, по его приказанію, и исполнили, и я долженъ вамъ сказать, что такое вниманіе со стороны церковнаго іерарха намъ было, съ одной стороны, очень пріятно, но съ другой—мы видѣли, что всякое намѣреніе наше украсть своего Ангела стало невозможно. Оставалось другое средство: подкупить слугъ архіереевыхъ и съ ихъ помощію подмѣнить икону инымъ въ соотвѣтствіе сей хитро написаннымъ подобіемъ. Въ этомъ тоже наши старовѣры не разъ усиљвали, но для сего прежде всего нуженъ искусный и опытной руки изографъ, который бы могъ сдѣлать на подмѣнъ икону въ точности, а такового изографа мы въ тѣхъ мѣстахъ не предвидѣли. И напала на насъ на всѣхъ съ этихъ поръ сугубая тоска, и пошла она по насъ какъ водный трудъ по закою: въ горницѣ, гдѣ одни словословія слышались, стали раздаваться одни вопленія, и въ недолгомъ же времени всѣ мы развоплились даже до немощи и земли подъ собой отъ полныхъ слезами очей не видимъ, а чрезъ то или не черезъ это, только пошла у насъ болѣзнь глазъ и стала она весь народъ перебирать. Просто чего никогда не было, то теперь сдѣлалось: нѣтъ мѣры что больныхъ! Во всемъ рабочемъ народѣ пошелъ толкъ, что все это не сирота, а за старовѣрскаго Ангела: «его, баятъ, запечатлѣніемъ ослѣпили, а теперь всѣ мы слѣпнемъ», и такимъ толкованіемъ не мы одни, а всѣ и церковные люди вскрамолились, и сколько хозяева-англичане ни привозили докторовъ, никто къ нимъ не идетъ и лѣкарства не беретъ, а вонять одно:

— Принесите намъ сюда запечатлѣннаго Ангела, мы ему молебствовать хотимъ, и одинъ онъ насъ исцѣлитъ.

Англичанинъ Яковъ Яковлевичъ, въ это дѣло вникнувъ, самъ поѣхалъ къ архіерею и говорить:

— Такъ и такъ, ваше преосвященство, вѣра дѣло великое, и кто какъ вѣритъ, тому такъ по вѣрѣ дается: отпустите къ намъ на тотъ берегъ запечатлѣннаго Ангела.

Но владыко сего не послушалъ и сказалъ:

— Сему не должно потворствовать.

Тогда намъ это слово казалось быть жестокое, и мы архипастыря много суесловно осуждали, но впоследствии открылось намъ, что все это велось не жестокостью, а Божиимъ смотрѣніемъ.

Между тѣмъ знаменія какъ бы не прекращались, и персть наказующій взыскалъ на томъ берегу самаго главнаго всему этому дѣлу виновника, самого Пимена, который послѣ этой напасти отъ насъ сбѣжалъ и вцерковился. Встрѣчаю я его тамъ одинъ разъ въ городѣ, онъ мнѣ и кланяется, ну, и я ему поклонился. А онъ и говорить:

— Согрѣшилъ я, братъ Маркъ, приди съ вами въ разнобытіе по вѣрѣ.

А я отвѣчаю:

— Кому въ какой вѣрѣ быть — это дѣло Божіе, а что ты бѣднаго за сапоги продалъ, это, разумѣется, нехорошо и, прости меня, а я тебя въ томъ, какъ Аммосъ пророкъ велитъ, братски обличаю.

Онъ при имени пророка такъ и задрожалъ.

— Не говори, говорить, мнѣ про пророковъ: я самъ помню Писаніе и чувствую, что «пророки мучатъ живущихъ на землѣ» и даже въ томъ знаменіе имѣю, — и жалуется мнѣ, что на-дняхъ онъ выкупался въ рѣкѣ и у него послѣ того по всему тѣлу пѣгота пошла, и разстегнуль грудь да показываетъ, а на немъ точно пѣжинныя пятна какъ на пѣгомъ конѣ, съ груди вверхъ на шею лѣзутъ.

Грѣшный человекъ, было у меня па умѣ сказать ему, что «Богъ шельму мѣтитъ», но только сдавилъ я это слово въ устахъ и молвилъ:

— Чтѣ же, молись, говорю, и радуйся, что еще на сей землѣ такъ отитлованъ, авось на другомъ предстояніи чистъ будешь.

Онъ мнѣ сталъ плакаться, сколь этимъ несчастенъ и чего лишается, если пѣгота на лицо пойдетъ, потому что

самъ губернаторъ, видя Пимена, когда его къ церкви присоединяли, будто много на его красоту радовался и сказалъ городскому головѣ, чтобы когда будутъ черезъ городъ важныя особы проѣзжать, то чтобы Пимена непременно впередъ всѣхъ съ серебрянымъ блюдомъ выставлять. Ну, а пѣгаго ужъ куда же выставить? Но, однако, что мнѣ было эту его велиарскую суету и пустошество слушать, я завернулся да и ушелъ.

И съ тѣмъ мы съ нимъ разстались. На немъ его титла все яснѣе обозначались, а у насъ не умолкали другія знаменія, въ заключеніе коихъ, по осени, только что сталъ ледъ, какъ вдругъ сдѣлалась оттепель, весь этотъ ледъ разметало и пошло наши постройки коверкать, и до того шли вреда за вредами, что вдругъ одинъ гранитный быкъ подмыло, и пучина поглотила все возведеніе многихъ лѣтъ, стоившее многихъ тысячъ...

Поразило это самихъ нашихъ хозяевъ англичанъ, и было тутъ къ ихъ старшему Якову Яковлевичу отъ кого-то слово, что дабы ото всего этого избавиться, надо насъ, старовѣровъ, прогнать, но какъ онъ былъ человѣкъ благой души, то онъ этого слова не послушалъ, а, напротивъ, призвалъ меня и Луку Кирилова и говорить:

— Дайте мнѣ, ребята, сами совѣтъ: не могу ли я чѣмъ-нибудь вамъ помочь и васъ утѣшить?

Но мы отвѣчали, что доколѣ священный для насъ ликъ Ангела, вездѣ намъ предходившаго, находится въ огнесмольномъ запечатлѣніи, мы ничѣмъ не можемъ утѣшиться и истаеваемъ отъ жалости.

— Что же,—говорить:—вы думаете дѣлать?

— Думасмъ, молъ, его современемъ подмѣнить и распечатлѣть его чистый ликъ, безбожною чиновническою рукою опаленный.

— Да чѣмъ,—говорить:—онъ вамъ такъ дорогъ, и неужели другого такого же нельзя достать?

— Дорогъ онъ,—отвѣчаемъ:—намъ потому, что онъ насъ хранилъ, а другого достать нельзя, потому что онъ писанъ въ твердыя времена благочестивою рукою и освященъ древнимъ іереемъ по полному требнику Петра Могилы, а нынѣ у насъ ни іереевъ, ни того требника нѣтъ.

— А какъ,—говорить:—вы его распечатлѣете, когда у него все лицо сургучомъ выжжено?

— Ну, ужъ на этотъ счетъ,—отвѣчаемъ:—ваша милость не безпокойтесь: намъ только бы его въ свои руки достичь, а то онъ, нашъ хранитель, за себя построить: онъ не торговыхъ мастеровъ, а настоящаго Строганова дѣла, а что строгановская, что костромская олифа такъ варены, что и огневого клейма не боятся и до нѣжныхъ вапъ смолы не допустятъ.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Увѣрены-съ: эта олифа крѣпка какъ сама старая русская вѣра.

Онъ тутъ ругнулъ кого зналъ, что этакого художества беречь не умѣютъ, и руки намъ подаль и еще разъ сказали:

— Ну, такъ не горюйте же: я вашъ помощникъ, и мы вашего Ангела достанемъ. Надолго ли онъ вамъ нуженъ?

— Нѣтъ, говоримъ,—на небольшое время.

— Ну, такъ я скажу, что хочу на вашего запечатлѣннаго Ангела богатую золотую ризу сдѣлать, и какъ мнѣ его дадутъ, мы его тутъ и подмѣнимъ. Я завтра же за это возьмусь.

Мы благодаримъ, но говоримъ:

— Только ни завтра, ни послѣзавтра за это, сударь, не беритесь.

Онъ говорить:

— Это почему такъ?

А мы отвѣчаемъ:

— Потому, моль, сударь, что намъ прежде всего надо имѣть на подмѣнъ икону такую, чтобъ она какъ двѣ капли воды на настоящую походила, а таковыхъ мастеровъ здѣсь нѣтъ, да и нигдѣ вблизи не отыщется.

— Пустяки,—говорить:—я самъ изъ города художника привезу; онъ не только кони, а и портреты великолѣпно пишетъ.

— Нѣтъ-съ,—отвѣчаемъ:—вы этого не извольте дѣлать, потому что, во-первыхъ, черезъ этого свѣтскаго художника можетъ ненадлежащая молва пойти, а во-вторыхъ, живописецъ такого дѣла исполнить не можетъ.

Англичанинъ не вѣритъ, а я выступилъ и разъясняю ему всю разницу: что нонѣ, моль, у свѣтскихъ художниковъ не то искусство: у нихъ краски масляныя, а тамъ вапы на яйцѣ растворенныя и нѣжныя, въ живописи писью

мазаное, чтобы только на даль натурально показывало, а тутъ письмо плавкое, и на самую близъ явственно; да и свѣтскому художнику, говорю, и въ переводѣ самаго рисунка не пографить, потому что они изучены представлять то, что въ тѣлѣ земного, животолубиваго человѣка содержится, а въ священной русской иконописи изображается типъ лица небожительный, насчетъ коего матеріальный человѣкъ даже истоваго воображенія имѣть не можетъ.

Онъ этимъ заинтересовался и спрашиваетъ:

— А гдѣ же, — говорить, — есть такіе мастера, что еще этотъ особенный типъ понимаютъ?

— Очень, докладываю, — они нынче рѣдки (да и въ то время они совсѣмъ жили подъ строгимъ сокрытіемъ). Есть, говорю, — въ слободѣ Мстерѣ одинъ мастеръ Хохловъ, да уже онъ человѣкъ очень древнихъ лѣтъ, его въ дальній путь везти нельзя: а въ Палиховѣ есть два человѣка, такъ тѣ тоже врядъ ли поѣдутъ, да и къ тому же, говорю, — намъ ни мстерскіе, ни палиховскіе мастера и не годятся.

— Это опять почему? — пытается.

— А потому, отвѣтствую, — что у нихъ пониоѣ не тотъ: у мстерскихъ рисуночекъ головастинокъ и письмо мутно, а у палиховскихъ тонъ бирюзистъ, все голубинкой отдасть.

— Такъ какъ же, — говорить, — быть?

— Самъ, говорю, — не знаю. Наслышанъ я, что есть еще въ Москвѣ хорошій мастеръ Силачевъ: и онъ по всей Россіи между нашими именитъ, но онъ больше къ новгородскимъ и къ царскимъ московскимъ письмамъ потрафляетъ, а наша икона строгановскаго рисунка, самыхъ свѣтлыхъ и рясныхъ вагъ, такъ намъ потрафить можетъ одинъ мастеръ Севастьянъ, съ понизовья, но онъ страстный странствователь: по всей Россіи ходитъ, старовѣрамъ починку работаетъ, и гдѣ его искать — неизвѣстно.

Англичанинъ съ удовольствіемъ всѣ эти мои доклады выслушалъ и улыбнулся, а потомъ отвѣчаетъ:

— Довольно дивные, — говорить: — вы люди, а какъ послушаешь васъ, такъ даже пріятно дѣлается, какъ вы это все, что до вашей части касается, хорошо знаете и даже искусства можете постигать.

— Отчего же, говорю, — сударь, искусства не постигать: это дѣло художество божественное, и у насъ есть таковыя любители изъ самыхъ простыхъ мужичковъ, что не только

всѣ школы, въ чемъ, на примѣръ, одна отъ другой отличаются въ письмахъ: устюжскія или новгородскія, московскія или вологодскія, сибирскія, либо строгановскія, а даже въ одной и той же школѣ извѣстныхъ старыхъ мастеровъ русскихъ рукоеслю одно отъ другого безъ ошибки отличаютъ.

— Можетъ ли, говорить,—это быть?

— Все равно, отвѣчаю, — какъ вы одного человѣка отъ другого письменный почеркъ пера распознаете, такъ и они: сейчасъ взглянуть и видятъ, кто изображалъ: Кузьма, Андрей или Прокофій.

— Но какимъ примѣтамъ?

— А есть, говорю, — разница въ приемѣ какъ перевода рисунка, такъ и въ плавии, въ пробѣлахъ, лицевыхъ движенияхъ и въ оживкѣ.

Онъ все слушаетъ; а я ему рассказываю, что зналъ про ушаковское писаніе и про рублевское, и про древнѣйшаго русскаго художника Парамшина, коего рукоесла иконы наши благочестивые цари и князья въ благословеніе дѣтямъ дарствовали и въ духовныхъ своихъ наказывали имъ тѣ иконы блюсти паче зѣницы ока.

Англичанинъ сейчасъ выхватилъ свою записную книжку и спрашиваетъ: повторить какъ художника имя, и гдѣ его работы можно видѣть? А я отвѣчаю:

— Напрасно, сударь, станете отыскивать: нигдѣ ихъ памяти не осталось.

— Гдѣ же они дѣлись?

— А не знаю, говорю: — на чубуки ли повертели или нѣмцамъ на табакъ промѣняли.

— Это, говорить,—быть не можетъ.

— Напротивъ, отвѣчаю, — вполне статочно и примѣры тому есть: въ Римѣ у папы въ Ватиканѣ створы стоятъ, что наши русскіе изографы, Андрей, Сергій да Никита, въ тринадцатомъ вѣкѣ писали. Многоличная миниатюра сія, моль, столь удивительна, что даже, говорятъ, величайшіе иностранные художники, глядя на нее, въ восторгъ приходили отъ чуднаго дѣла.

— А какъ она въ Римъ попала?

— Петръ Первый иностранному монаху подарилъ, а тотъ продалъ.

Англичанинъ улыбулся и задумался, и потомъ тихо молвить, что у нихъ будто въ Англии всякая картинка изъ рода

въ родъ сохраняется и тѣмъ сама явствуетъ, кто отъ ка-кого родословія происходитъ.

— Ну, а у насъ, говорю, — вѣрно другое образованіе, и съ предковскими преданіями связь разсыпана, дабы все казалось обновленіе, какъ будто и весь родъ русскій только вчера насѣдка подъ крапивою вывела.

— А если таковая, говоритъ, — ваша образованная невѣ-жественность, такъ отчего же, въ которыхъ любовь къ род-ному сохранилась, не позаботитесь поддержать своего при-роднаго художества?

— Некѣмъ, отвѣчаю, — намъ его, милостивый государь, поддерживать, потому что въ новыхъ школахъ художества повсемѣстное растленіе чувства развито и суетѣ умъ повинуется. Высокаго вдохновенія типъ утраченъ, а все съ земного возьмется и земною страстію дышитъ. Наши новѣйшіе художники начали съ того, что архистратига Ми-хаила съ князя Потемкина Таврическаго стали изображать, а теперь уже того достигаютъ, что Христа Спаса жидови-номъ пишутъ. Чего же еще отъ такихъ людей ожидать? Ихъ необрѣзанныя сердца, можетъ-быть, еще и не то изоб-разить и велятъ за божество почитать: въ Египтѣ же и быка и лукъ красноперый богомъ чтили; но только уже мы богамъ чуждымъ не поклонимся и жидово лицо за Спасовъ ликъ не примемъ, а даже изображенія эти, сколь бы они ни были искусны, за студодѣйное невѣжество почитаемъ и отвращаемся отъ него, поелику есть отчее преданіе, «что развлеченіе очесъ разоряетъ чистоту разума, яко водометъ поврежденный погубляетъ воду».

Я симъ кончилъ и замолчалъ, а англичанинъ говоритъ:

— Продолжай: мнѣ нравится, какъ ты разсуждаешь.

Я отвѣчаю:

— Я уже все кончилъ; а онъ говоритъ:

— Итъ, ты раскази мнѣ еще, что вы по своему понятію за вдохновенное изображеніе понимаете?

Вопросъ, милостивые государи, для простого человѣка довольно затруднительный, но я, нечего дѣлать, началъ и расказалъ какъ писано въ Новгородѣ Звѣздное Небо, а потомъ сталъ излагать про кіевское изображеніе въ Софій-скомъ храмѣ, гдѣ по сторонамъ Бога Саваоаа стоятъ семь крылатыхъ архистратиговъ, на Потемкина, разумѣется, непохожихъ; а на порогахъ сѣни пророки и протцы; ниже

ступеню Моисей со скрижалю; еще ниже Ааронъ въ митрѣ и съ жезломъ прозябшимъ; на другихъ ступеняхъ царь Давидъ въ вѣнцѣ, Исаія пророкъ съ хартіей, Іезекіиль съ затворенными вратами, Даніилъ съ камнемъ, и вокругъ сихъ предстоятелей, указующихъ путь на небо, изображены дарованія, коими сего славнаго пути человѣкъ достигать можетъ, какъ-то: книга съ семью печатями — даръ премудрости; седьмисвѣщный подсвѣчникъ — даръ разума; семь очесъ — даръ совѣта; семь трубныхъ роговъ — даръ крѣпости; десная рука посреди седми звѣздъ — даръ видѣнія; семь курильницъ — даръ благочестія; семь молній — даръ страха Божія. — Вотъ, говорю, — таковое изображеніе гореносно!

А англичанинъ отвѣчаетъ:

— Прости меня, любезный: я тебя не понимаю, почему ты это считаешь гореноснымъ?

— А потому, молъ, что таковое изображеніе явственно душѣ говоритъ, чего христіанину надлежитъ молить и жаждать, дабы отъ земли къ неизреченной славѣ Бога вознестись.

— Да вѣдь это же, говоритъ, — всякій изъ Писанія и изъ молитвъ можетъ уразумѣть.

— Ну, никакъ нѣтъ, отвѣтствую: — Писаніе не всякому дано разумѣть, а неразумѣвающему и въ молитвѣ бываетъ затменіе: иной слышитъ глашеніе о «великія и богатыя милости» и сейчасъ полагаетъ, что это о деньгахъ, и съ алчностью кланяется. А когда онъ зреть предъ собою изображенную небесную славу, то онъ помышляетъ вышній проспектъ жизненности и понимаетъ, какъ надо этой цѣли достигать, потому что тутъ оно все просто и вразумительно: вымоли человѣкъ первѣе всего душѣ своей даръ страха Божія, она сейчасъ и пойдетъ облегченная со ступени на ступень, съ каждымъ шагомъ усвоая себѣ преизбытки вышнихъ даровъ, и въ тѣ поры человѣку и деньги, и вся слава земная при молитвѣ кажутся не иначе какъ мерзость предъ Господомъ.

Тутъ англичанинъ встаетъ съ мѣста и весело говоритъ:

— А вы же, чудачи, чего себѣ молитесь?

— Мы, отвѣчаю, — молимъ христіанскія кончины живота и добраго отвѣта на страшномъ судилищѣ.

Онъ улыбнулся и вдругъ дернулъ за золотистый шнурокъ

зеленую занавѣсь, а за тою занавѣсью у него сидитъ въ креслѣ его жена англичанка и предъ свѣчою на длинныхъ свѣщахъ вязанье дѣлаетъ. Она была прекрасная барыня, благоувѣтливая, и хотя не много по-нашему говорила, но все понимала и вѣрно хотѣлось ей нашъ разговоръ съ ея мужемъ о религіи слышать.

И что же вы думаете? Какъ отдернулась эта занавѣса, что ее скрывала, она сейчасъ встаетъ, будто содрогаясь, и идетъ, милунка, ко мнѣ съ Лукою, обѣ ручки намъ, мужикамъ, протягиваетъ, а въ глазахъ у нея блещутъ слезки, и жметъ намъ руки, а сама говоритъ:

— Добри люди, добри русски люди!

Мы съ Лукою за это ея доброе слово у нея обѣ ручки поцѣловали, а она къ нашимъ мужичьимъ головамъ свои губки приложила.

Разсказчикъ остановился и, закрывъ рукавомъ глаза, тихонько отеръ ихъ и молвилъ шопотомъ: «Трогательная женщина!» и затѣмъ, оправясь, продолжалъ снова:

— По такимъ своимъ ласковымъ поступкамъ и начала она, эта англичанка, говорить что-то такое своему мужу, по-ихнему, намъ непонятно, но только слышно по голосу, что вѣрно за насъ просить. И англичанинъ—знать пріятна ему эта доброта въ женѣ—глядитъ на нее ажно весь гордостію сіяетъ и все жену по головкѣ гладитъ, да этакъ какъ голубъ гурчитъ по-своему: «гутъ, гутъ», или какъ тамъ по-ихнему иначе говорится, но только видно, что онъ ее хвалитъ и въ чемъ-то утверждаетъ и потомъ подошелъ къ бюру, вынулъ двѣ сотенныхъ бумажки и говоритъ:

— Вотъ тебѣ, Лука, деньги: ступай ищи гдѣ знаешь какого вамъ нужно по вашей части искуснаго изографа, пусть онъ и вамъ что нужно сдѣлаетъ, и женѣ моей въ вашемъ родѣ нашьетъ, — она хочъ такую икону сыну дать, а на всѣ хлопоты и расходы вотъ это вамъ моя жена деньги даетъ.

А она сквозь слезы улыбается и частитъ:

— Ни, ни, ни: это онъ, а я особая, да съ этимъ словомъ порхъ за дверь и несетъ оттуда въ рукахъ третью сотенную.

— Мужъ, говоритъ,—мнѣ на платьѣ дарилъ, а я платья не хочу, а вамъ жертвую.

Мы, разумѣется, стали отказываться, но она о томъ и слышать не хочетъ, и сама убѣждала, а онъ и говоритъ:

— Нѣтъ, говоритъ,— не смѣйте ей отказывать и берите, что она дастъ, и самъ отвернулся и говоритъ:— и ступайте, кудаки, вонъ!

Но мы этимъ изгнаніемъ, разумѣется, нимало не обидѣлись, потому что хоть онъ, этотъ англичанинъ, отъ насъ отвернулся, но видѣли мы, что онъ это сдѣлалъ ради того, дабы скрыть, что онъ самъ растрогался.

Такъ-то насъ, милостивые государи, свои притоманные люди обезсудили, а аглицкая національность утѣшила и дала въ душу рвеніе, какъ бы точно мы баню паки бытія воспріяли!

Теперь далѣе отсюда, милостивые государи, начинается преполовеніе моей повѣсти, и я вамъ вкратцѣ изложу: какъ я, взявъ своего среброуздаго Левонтія, пошелъ по изографа, и какія мы мѣста исходили, какихъ людей видѣли, какія новыя двеса намъ объявились, и что, наконецъ, мы нашли, и что потеряли, и съ чѣмъ возвратились.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ путь шествующему человѣку первое дѣло спутникъ, съ умнымъ и добрымъ товарищемъ и холодъ, и голодъ легче, а мнѣ это благо было даровано въ томъ чудномъ отрогѣ Левонтія. Мы съ нимъ отправились пѣшкомъ, имѣя при себѣ котомочки и достаточную сумму, а для охраны оной и своей жизни имѣли при себѣ старую короткую саблю съ широкимъ обушкомъ, коя у насъ всегда береглась для опаснаго случая. Совершали мы путь свой въ родѣ торговыхъ людей, гдѣ какъ попало вымышляя надобности, для коихъ будто бы слѣдуемъ, а сами все, разумѣется, высматривали свое дѣло. Съ самага первоначала мы побывали въ Клипахъ и въ Злынкѣ, потомъ навѣдались кое къ кому изъ своихъ въ Орлѣ, но полезнаго результата себѣ никакого не получили: нигдѣ хорошихъ изографовъ не находили, и такъ достигли Москвы. Но что скажу: оле тебѣ, Москва! оле тебѣ, древяго русскаго общества преславная царица! не были мы, старые вѣрители, и тобою утѣшены.

Не охота бы говорить, а нельзя премолчать, не тотъ мы духъ на Москвѣ встрѣтили, котораго жаждали. Обрѣли мы, что старина тутъ стоитъ уже не на добролюбіи и бла-

гочестіи, а на единомъ упрямствѣ, и съ каждымъ днемъ, въ семь все болѣе и болѣе убѣждаясь, начали мы съ Левонтиемъ другъ друга стыдиться, ибо видѣли оба то, что мирному послѣдователю вѣры видѣть оскорбительно; но, однако, сами себя стыдяся, мы о всемъ томъ другъ другу молчали.

Изографы, разумѣется, въ Москвѣ отыскались и весьма искусные, но что въ томъ пользы, когда все это люди не того духа, о каковомъ отеческія преданія повѣствуютъ? Встарь благочестивые художники, принимаясь за священное художество, постились и молились и производили одинаково, что за большія деньги, что за малыя, какъ того честь возвышеннаго дѣла требуетъ. А эти каждый одному пишутъ рефтью, а другому нефтью, на краткое время, а не въ долготу дней, грунтъ кладутъ мѣловые, слабые, а не лебастровые, и плавь лѣнностно сразу наводятъ, не какъ встарь наводили до четырехъ и даже до пяти плавей жидкой какъ вода краскою, отчего получалась та дивная нѣжность, нынѣ недостижимая. И помимо неаккуратности въ художествѣ, всѣ они сами разслабѣвши, всѣ другъ предъ другомъ величаются, а другого чтобъ унизить ни во что вмѣняють; или еще того хуже, шайками совокупясь, сообща хитрѣйшіе обманы дѣлають, собираются по трактирамъ и тутъ вино пьютъ и свое художество хвалятъ съ кичливою надменностію, а другого рукомесло богохульно называютъ «адописнымъ», а вокругъ ихъ всегда какъ воробыи за совами старьевщики, что разную иконописную старину изъ рукъ въ руки перепушаютъ, мѣняють, подмѣниваютъ, поддѣлываютъ доски, въ трубахъ коптятъ, утлизну въ нихъ дѣлають и червоточину: изъ мѣди разные створы по старому чеканному образцу отливаютъ, амаль въ ветхозавѣтномъ родѣ наводятъ; купели изъ тазовъ куютъ и на нихъ старинные щипаные орлы, какіе за Грознаго времена были, выставляютъ и продають неопытнымъ вѣрителямъ за настоящую грозновскую купель, хотя тѣхъ купелей не счесть сколько по Руси ходить, и все это обманъ и ложь безсовѣстные. Словомъ сказать, всѣ эти люди, какъ черные цыгане лошадыми другъ друга обманываютъ, такъ и они святынею, и все это при такомъ съ оною обращеніи, что становится за нихъ стыдно и видишь во всемъ этомъ одинъ грѣхъ да соблазнъ и вѣрѣ поношеніе. Кто привычку къ

сему безстыдству усвоилъ, тому еще ничего, и изъ московскихъ охотниковъ многіе этою нечестною мѣною даже интересуются и хвалятся: что-де тотъ-то того-то такъ вотъ Деисусомъ надулъ, а этотъ этого вонъ какъ Николою огрѣлъ, или какимъ подлымъ манеромъ поддѣльную Владычицу еще подсунулъ: и все это имъ заростно, и другъ предъ другимъ одинъ противъ другого лучше нароятся какъ Божьимъ благословеніемъ неопытныхъ вѣрителей морочить, но намъ съ Левой, какъ мы были простые деревенскіе богочтители, все это въ той степени непереносно показалось, что мы оба даже заскучали и напалъ на насъ страхъ:

«Неужто же, думаемъ, такова она къ этому времени стала наша злосчастная старая вѣра?» Но и я это думаю, и онъ, вижу, то же самое въ скорбномъ сердцѣ содержитъ, а другъ другу того не открываемъ, а только замѣчаю я, что мой отрокъ все ищетъ уединеннаго мѣста.

Вотъ я разъ гляжу на него, а самъ думаю: какъ бы онъ въ смущеніи чего недолжнаго не надумалъ? да и говорю:

— Что ты, Левонтій, будто чѣмъ закручинился?

А онъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ,—говорить,—дядя, ничего; это я такъ.

— Пойдемъ же, молъ, на Боженинову улицу въ Эриванскій трактиръ изографовъ подговаривать. Нонѣ туда два обѣщали придти и древнихъ иконъ принести. Я уже одну вымѣнялъ, хочу нонѣ еще одну достать.

А Левонтій отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, сходи ты, дядюшка, одинъ, а я не пойду.

— Отчего же, говорю,—ты не пойдешь?

— А такъ, отвѣчаетъ:—мнѣ нонѣ что-то не по себѣ.

Ну, я его разъ не нужу и два не нужу, а на третій онять зову:

— Пойдемъ, Левонтьюшка, пойдемъ, молодчикъ.

А онъ умильно кланяется и проситъ:

— Нѣту, дядюшка, голубчикъ бѣлый: позволь мнѣ дома остаться.

— Да что же, молъ, Лева, пошелъ ты мнѣ въ содѣатели, а все дома да дома сидишь. Этакъ не велика мнѣ, голубчикъ, отъ тебя помощь.

А онъ:

— Ну, родненькій, ну, батечка, ну, Маркъ Александрычъ, государь, не зови меня туда, гдѣ ѣдятъ да пьютъ и не-

складныя рѣчи о святинѣ говорятъ, а то меня соблазнъ обдержатъ можетъ.

Это его было первое сознательное слово о своихъ чувствахъ и оно меня въ самое сердце поразило, но я съ нимъ не сталъ спорить, а пошелъ одинъ, и имѣлъ я въ этотъ вечеръ большой разговоръ съ двумя изографами и получилъ отъ нихъ ужасное огорченіе. Сказать страшно, что они со мною сдѣлали! Одинъ мнѣ икону промѣнялъ за сорокъ рублей и ушелъ, а другой говоритъ:

— Ты гляди, человѣче, этой иконѣ не поклоняйся.

Я говорю:

— Почему?

А онъ отвѣчаетъ:

— Потому что она адописная,—да съ этимъ колупнулъ ногтемъ, а съ уголка слой письма такъ и отскочилъ и подъ нимъ на грунту чортикъ съ хвостомъ нарисованъ! Онъ въ другомъ мѣстѣ скovyрнулъ письмо, а тамъ подъ низомъ опять чортикъ.

— Господи!—заплакалъ я:—да что же это такое?

— А то,—говоритъ:—что ты не ему, а мнѣ закажи.

И увидалъ уже я тутъ ясно, что они одна шайка и норовятъ со мною нехорошо поступить, не по чести, и, покинувъ имъ икону, ушелъ отъ нихъ съ полными слезъ глазами, славя Бога, что не видалъ того мой Левонтій, вѣра котораго находилась въ бореніи. Но только подхожу домой и вижу въ окнахъ нашей горенки, которую мы нанмали, свѣту нѣтъ, а между тѣмъ, оттуда тонкое нѣжное пѣніе льется. Я сейчасъ узналъ, что это поетъ пріятный Левонтиевъ голосъ и поетъ съ такимъ чувствомъ, что всякое слово будто въ слезахъ кѣпаетъ. Вошелъ я тихонько, чтобъ онъ не слыхалъ, сталъ у дверей и слушаю, какъ онъ Іосифовъ плачъ выводитъ:

«Кому повѣмъ печаль мою,
Кого призову ко рыданію».

Стихъ этотъ, если его изволите знать, и безъ того столь жалостный, что его спокойно слушать невозможно, а Левонтій его поетъ да самъ плачетъ и рыдаетъ, что

«Продаша мя мои братія!»

И плачетъ, и плачетъ онъ, воспѣвая, какъ видитъ гробъ своей матери, и зоветъ землю къ вопленію за братскій грѣхъ!..

Слова эти всегда могут человека взволновать, а особенно меня в ту пору, какъ я только бѣжалъ отъ братогрызцевъ, они меня такъ растрогали, что я и самъ захлипалъ, а Левонтій, услыжавъ это, смолкъ и зоветъ меня:

— Дядя! а дядя!

— Что,—говорю:—добрый молодецъ?

— А знаешь ли ты,—говоритъ:—кто это наша мать, про которую тутъ поется?

— Рахиль,—отвѣчаю.

— Нѣтъ,—говоритъ:—это въ древности была Рахиль, а теперь это таинственно надо понимать.

— Какъ же,—спрашиваю,—таинственно?

— А такъ,—отвѣчаетъ:—что это слово съ преобразова-
ніемъ сказано.

— Ты, — говорю: — смотри, дитя: не опасно ли ты умствуешь?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ:—я это въ сердцѣ моемъ чувствую, что крестуетъ-бо-ся Спасъ насъ ради того, что мы Его едиными усты и единымъ сердцемъ не ищемъ.

Я еще пуще испугался, къ чему онъ стремится, и говорю:

— Знаешь что, Левонтьюшко: пойдемъ-ко мы отсюда скорѣе изъ Москвы въ нижегородскія земли, изографа Севастьяна поищемъ, онъ нонѣ, я слышалъ, тамъ ходитъ.

— Что же: пойдемъ,—отвѣчаетъ:—здѣсь на Москвѣ меня какой-то нужный духъ больно нудитъ, а тамъ лѣса, повѣтріе чище и тамъ, говоритъ, я слышалъ, есть старецъ Памва, анахоритъ совсѣмъ беззавистный и безгнѣвный, я бы его узрѣть хотѣлъ.

— Старецъ Памва, — отвѣчаю со строгостію: — господствующей церкви слуга, что намъ на него смотрѣть?

— А что же,—говоритъ:—за бѣда, я для того и хотѣлъ бы его видѣть, дабы внять, какова господствующей церкви благодать.

Я его пощупалъ, «какая тамъ, говорю, благодать», а самъ чувствую, что онъ меня правѣе, потому что онъ жаждетъ испытывать, а я чего не вѣдаю, то отвергаю, но упорствую на своемъ противленіи и говорю ему самыя пустяки.

— Церковные,—говорю:—и на небо смотреть не съ вѣрою, а въ Аристотилевы врата глядятъ и путь въ морѣ по звѣздѣ языческаго бога Ремфана опредѣляютъ; а ты съ ними въ одну точку смотрѣть захотѣлъ?

А Левонтій отвѣчаетъ:

— Ты, дядя, баснишь: никакого бога Ремфана не было и нѣтъ, а вся единою Премудростію создано.

Я отъ этого словно еще глуше сталъ и говорю:

— Церковные кофій пьютъ!

— А что за бѣда, — отвѣчаетъ Левонтій: — кофій бобъ, онъ былъ Давиду царю въ дарахъ принесенъ.

— Откуда, — говорю: — ты это все знаешь?

— Въ книгахъ, — говоритъ: — читалъ.

— Ну, такъ знай же, что въ книгахъ не все писано.

— А чтò, — говоритъ: — тамъ еще не написано?

— Чтò? чтò не написано? — А самъ вовсе уже не знаю, что сказать, да брякнулъ ему:

— Церковное, — говорю: — зайцевъ ѣдятъ, а заяцъ поганый.

— Не погань, — говоритъ: — Богомъ созданнаго, это грѣхъ.

— Какъ, — говорю: — не поганить зайца, когда онъ поганый, когда у него ослий складъ и мужеженское естество и онъ рождаетъ въ человѣкѣ густую и меланхолическую кровь?

Но Левонтій засмѣялся и говоритъ:

— Спи, дядя, ты невѣгласы глаголешь!

Я, признаюсь вамъ, тогда еще ясно не разгадалъ, чтò такое въ душѣ сего благодатнаго юноши дѣлалось, но самъ очень обрадовался, что онъ больше говорить не хочетъ, ибо я и самъ понималъ, что я въ сердцахъ не вѣсть что говорю, и умолкъ я и лежу да только думаю:

«Нѣтъ; это въ немъ такое сомнѣніе отъ тоски стало, а вотъ завтра поднимемся и пойдемъ, такъ оно все въ немъ разсѣется»; но про всякій же случай я себѣ на умъ положилъ, что буду съ нимъ нѣкое время идти молча, дабы показать ему, что я какъ будто очень на него сержусь.

Но только въ волеверращномъ характерѣ моемъ нѣтъ совсѣмъ этой крѣпости, чтобы притворяться сердитымъ, и мы скоро же опять начали съ Левонтіемъ говорить, но только не о Божествѣ, потому что онъ былъ сильно противъ меня начитавшись, а объ окрестности, къ чему ежечасный предлогъ подавали виды огромныхъ темныхъ лѣсовъ, которыми шелъ путь нашъ. Обо всемъ этомъ своемъ московскомъ разговорѣ съ Левонтіемъ я старался позабыть и рѣшилъ наблюдать только одну осторожность, чтобы намъ съ нимъ

какъ-нибудь не набѣжать на этого старца Памву анахорита, которымъ Левонтій прельщался и о которомъ я самъ слыхалъ отъ церковныхъ людей непостижимыя чудеса про его высокую жизнь.

«Но, думаю себѣ, чего тутъ много печалиться, ужь если я отъ него бѣжать стану, такъ онъ же самъ насъ не обрѣтетъ!»

И идемъ мы опять мирно и благополучно, и, наконецъ, достигши извѣстныхъ предѣловъ, добыли слухъ, что изографъ Севастьянъ точно въ здѣшнихъ мѣстахъ ходитъ, и пошли его искать изъ города въ городъ, изъ села въ село, и вотъ-вотъ совсѣмъ по его свѣжему слѣду идемъ, совсѣмъ его достигаемъ, а никакъ не достигнемъ. Просто какъ сворные псы бѣжимъ, по двадцати, по тридцати верстъ переходы безъ отдыха дѣлаемъ, а придемъ, говорятъ:

— Былъ онъ здѣсь, былъ, да вотъ-вотъ всего съ часъ назадъ ушелъ!

Бросимся вслѣдъ, не настагаемъ!

И вотъ вдругъ на одномъ такомъ переходѣ мы съ Левонтиемъ и заспорили: я говорю «намъ надо идти направо», а онъ спорить: «налѣво», и, наконецъ, чуть было меня не переспорилъ, но я на своемъ пути настоялъ. Но только шли мы, шли, и, наконецъ, вижу, не знаю куда зашли и нѣтъ дальше ни трошны, ни слѣду.

Я говорю отроку:

— Пойдемъ, Лева, назадъ!

А онъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, не могу я, дядя, больше идти, — силъ моихъ нѣтъ.

Я всхлопотался и говорю:

— Чтò тебѣ, дитятко?

А онъ отвѣчаетъ:

— Развѣ,—говорить:—ты не видишь, меня отрясовица бьегъ?

И вижу точно, весь онъ трясется и глаза блуждаютъ. И какъ все это, милостивые государи, случилось вдругъ! Ни на что не жаловался, шелъ бодро и вдругъ сѣлъ въ лѣску на траву, а головку положилъ на избутъмый пенъ и говоритъ:

— Ой, голова моя, голова! ай, горитъ моя голова огнемъ-пламенемъ! Не могу я идти: не могу больше шагу

стушить!—а самъ, бѣдняга, даже къ землѣ клонится, падаетъ.

А дѣло подѣ вечеръ.

Ужасно я испугался, а пока мы тутъ подождали, не облегчить ли ему недугъ, стала ночь; время осеннее, темное, мѣсто незнакомое, вокругъ однѣ сосны и ели могучія, какъ аркефовы деревья, а отрокъ просто помираетъ. Что тутъ дѣлать! Я ему со слезами говорю:

— Левушка, батюшка, поневоляся, авось до ночлежка дойдемъ.

А онъ клонитъ головушку, какъ скошенный цвѣтокъ, и словно во снѣ бредитъ:

— Не тронь меня, дядя Марко; не тронь и самъ не бойся.

Я говорю:

— Помилуй, Лева, какъ не бояться въ такой глуши непробудной.

А онъ говоритъ:

— Не спяй и бдѣй сохранить.

Я думаю: «Господи! что это съ нимъ такое?» А самъ въ страхѣ все-таки сталъ прислушиваться, и слышу по лѣсу вдаль что-то словно потрескиваетъ... Владыко многомилостиве! думаю, это вѣрно звѣрь, и сейчасъ онъ насъ растерзаетъ! И уже Левонтія не зову, потому что вижу, что онъ точно самъ изъ себя куда-то излетѣлъ и витаетъ, а только молю: Ангеле Христовъ, соблюди насъ въ сей страшный часъ! А трескъ-отъ ближе и ближе слышится, и вотъ-вотъ уже совсѣмъ подходитъ... Здѣсь я долженъ вамъ, господа, признаться въ великой своей низости: такъ я оробѣлъ, что покинулъ больного Левонтія на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ, да самъ бѣлки проворише на дерево вскочилъ, вынулъ сабельку и сижу на суку да гляжу, что будетъ, а зубами, какъ пуганый волкъ, такъ и лясаю... И вдругъ-съ замѣчаю я во тьмѣ, къ которой глазъ мой приглядѣлся, что изъ лѣсу выходитъ что-то по началу совсѣмъ безвидное,—не разобрать, звѣрь или разбойникъ, но сталъ приглядываться и различаю, что и не звѣрь, и не разбойникъ, а очень небольшой старичокъ въ колпачкѣ, и видно мнѣ даже, что въ поясу у него топоръ заткнутъ, а на спинѣ большая вязанка дровъ, и вышелъ онъ на поляночку; подышалъ, подышалъ часто воздухомъ, точно со всѣхъ сторонъ повѣтріе собиралъ, и вдругъ сбросилъ на землю вязанку и, точно почувавъ чловѣка, идетъ прямо къ моему

товарищу. Подошелъ, нагнулся, посмотрѣлъ въ лицо и взялъ его за руку, да и говорить:

— Встань, брате!

И что же вы изволите думать? вижу я, поднялъ онъ Левонтія и ведетъ прямо къ своей вязаночкѣ и взвалилъ ее ему на плечи и говорить:

— Понеси-ко за мною!

А Левонтій и понесъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Можете себѣ, милостивые государи, представить, какъ я такого дива долженъ былъ испугаться! Откуда этотъ повелительный тихій старичокъ взялся и какъ это мой Лева сейчасъ точно смерти былъ приверженъ и головы не могъ поднять, и опять сейчасъ уже вязанку дровъ нести!

Я скорѣе соскочилъ съ дерева, сабельку на бечевѣ за спину забросилъ, а сломалъ про всякій случай здоровую лѣторосль понадежнѣе, да за ними, и скоро ихъ настигъ и вижу: старичокъ впереди идетъ и какъ разъ онъ точно такой же какъ мнѣ съ перваго взгляда показался: маленький и горбатенькій; а бородка по сторонамъ клочечками, какъ мыльная пѣна бѣлая, а за нимъ мой Левонтій идетъ, слѣдомъ въ слѣдъ его ноги бодро попадаютъ и на меня смотритъ. Сколько я къ нему ни заговаривалъ и рукою его ни трогалъ, онъ и вниманія на меня не обратилъ, а все будто во снѣ идетъ.

Тогда я подбѣжалъ сбоку къ старичку и говорю:

— Доброчестный человѣкъ!

А онъ отзывается:

— Что тебѣ?

— Куда ты насъ ведешь?

— Я,—говорить:—никого никуда не веду, всѣхъ Господь ведетъ!

И съ этимъ словомъ вдругъ остановился: и я вижу, что предъ нами низенькая стѣнка и ворота, а въ воротахъ продѣлана малая дверка, и въ эту дверку старичокъ началъ стучаться и зоветь:

— Брате Миронъ! а брате Миронъ!

А оттуда дерзый голосъ грубо отвѣчаетъ:

— Опять ночью притащился. Ночуй въ лѣсу! Не пущу!

Но старичокъ опять давай проситься, молить ласково:

— Впусти, брате!

Тотъ дерзый вдругъ отчинилъ дверь, и вижу я это человѣкъ тоже въ такомъ же колпакѣ, какъ и старичокъ, но только суровый-пресуровый грубитель, и не успѣлъ старичокъ ноги перенести черезъ порогъ, какъ онъ его такъ толкнулъ, что тотъ мало не обрушился, и говоритъ:

— Спаси тебя Богъ, брате мой, за твою услугу.

«Господи! помышляю, куда это мы попали», и вдругъ какъ молонья меня освѣтила и поразила.

«Спасе премилосердый!» взгадалъ я, «да ужъ это не Памва ли безгнѣвный! Такъ лучше же бы, думаю, я въ дебри лѣсной погибъ или къ звѣрю, или къ разбойнику въ берлогу зашелъ, чѣмъ къ нему подъ кровъ».

И чуть онъ ввелъ насъ въ маленькую какую-то хибарочку и зажегъ воску желтаго свѣчу, я сейчасъ догадался, что мы, дѣйствительно, въ лѣсномъ скитѣ, и, не стерпѣвъ дальше, говорю:

— Прости, благочестивый человѣкъ, спрошу я тебя: гдѣ же ли намъ съ товарищемъ оставаться здѣсь, куда ты привелъ насъ?

А онъ отвѣчаетъ:

— Вся Господня земля и благословенны вси живущіе,— ложись, спи!

— Нѣтъ, позволь,—говорю:—тебѣ объявиться, вѣдь мы по старой вѣрѣ.

— Всѣ,—говоритъ:—уды одинаго тѣла Христова! Онъ всѣхъ собереть!

И съ этимъ подвелъ насъ къ уголку, гдѣ у него на полу сдѣлана скудная рогозина постелька, а въ возглавіи древесный круглякъ соломкой прикрытъ, и опять уже обонмъ намъ молвить:

— Спите!

И что же? Левонтій мой, какъ послушенствующій отрокъ, сейчасъ и повалялся, а я, свое опасеніе наблюдая, говорю:

— Прости, Божій человѣкъ, еще одно вопрошеніе...

Онъ отвѣчаетъ:

— Что вопрошать: Богъ все знаетъ.

— Нѣтъ, скажи,—говорю:—мнѣ: какъ твое имя?

А онъ, какъ совсѣмъ бы ему не соответствовало, бабственною погудкою говорить:

— Зовутъ меня зовуткою, а величаютъ уткою, и съ этими пустыми словами попользъ было со свѣчечкою въ какой-то малый чуланъ, тѣсный какъ дощатый гробикъ, но изъ-за стѣны на него тотъ дерзый вдругъ опять закричалъ:

— Не смѣй огня жечь: келью сожжешь, по книжкѣ днемъ намолишься, а теперъ впотѣмахъ молись!

— Не буду,—отвѣчаетъ:—брате Миронъ, не буду. Спаси тебя Богъ!

И задуть свѣчку.

Я шепчу:

— Отче! кто это на тебя такъ грубительно грозится?

А онъ отвѣчаетъ:

— Это служка мой, Миронъ... добрый человекъ, онъ блюдетъ меня.

«Ну, шабашъ! думаю, это анахоритъ Памва! Никто это другой, какъ онъ, и беззавистный, и безгнѣвный. Вотъ когда бѣда! обрящель онъ насъ и теперъ ислитъ насъ какъ гангрена жиръ; одно только оставалось, чтобы завтра рано на зарѣ восхитить отсюда Левонтія и бѣжать отсюда такъ, чтобъ онъ не зналъ, гдѣ мы были». Держа этотъ планъ, я положилъ не спать и блюсти первый просвѣтъ, чтобы возбудить отрока и бѣжать.

А чтобы не заснуть и не проспаться, лежу да твержу: «Вѣрую» какъ должно по-старому, и какъ протвержу разъ, сейчасъ причитаю «сія вѣра апостольская, сія вѣра каеолическая, сія вѣра вселенную утверди» и опять начинаю. Не знаю, сколько разъ я эту «Вѣрую» прочелъ, чтобы не заснуть, но только много; а старичокъ все въ своемъ гробѣ молится, и мнѣ оттуда сквозь пазы тесинъ точно свѣтъ кажетъ и видно какъ онъ кладется, а потомъ вдругъ будто началъ слышаться разговоръ, и какой... самый необъяснимый, будто вошелъ къ старцу Левонтій, и они говорятъ о вѣрѣ, но безъ словъ, а такъ смотря другъ на друга и понимаятъ. И это долго мнѣ такъ представлялось, я уже «Вѣрую» позабылъ твердить, а слушаю, какъ будто старецъ говорить отроку: «поди, очистись», а тотъ отвѣчаетъ «и очистусь». И теперъ вамъ не скажу, все это было во снѣ, или не во снѣ, но только я потомъ еще долго спалъ и, наконецъ, просыпаюсь и вижу: утро, совѣтъ свѣтло, и оный старецъ, хозяинъ нашъ, анахоритъ сидитъ и свайкою лы-

ковый лаптокъ на колѣняхъ ковыряеть. Я сталъ въ него всматриваться.

Ахъ, сколь хорошъ! ахъ, сколь духовенъ! Точно ангель предо мною сидитъ и лаптокъ плететь, для простаго себя міру явленія.

Гляжу я на него и вижу, что и онъ на меня смотритъ и улыбается, и говоритъ:

— Полно, Маркъ, спать, пора дѣло дѣлать.

Я отзываюсь:

— Какое же, боготечный мужъ, мое дѣло? Или ты все знаешь?

— Знаю,—говоритъ:—знаю. Когда же человекъ далекій путь безъ дѣла творитъ? Всѣ, брате, всѣ пути Господняго ищутъ. Помогай Господь твоему смиренію, помогай!

— Какое же,—говорю:—святой человекъ, мое смиреніе?—ты смиренъ, а мое что за смиреніе въ суетѣ!

А онъ отвѣчаетъ:

— Ахъ, нѣтъ, брате, нѣтъ, я не смиренъ: я великій дерзостникъ, я себѣ въ небесномъ царствѣ части желаю.

И вдругъ, сознавъ сіе преступленіе, сложилъ ручки и, какъ малое дитя, заплакалъ.

— Господи!—молится,—не прогнѣвайся на меня за сію волеувораченность: пошли меня въ преисподнѣйшій адъ и повели демонамъ меня мучить, какъ я того достоинъ!

«Ну, думаю, нѣтъ: слава Богу, это не Памва прозорливый анахоритъ, а это просто какой-то умоповрежденный старецъ». Разсудилъ я такъ потому, что кто же въ здоровомъ умѣ небеснаго царства можетъ отрицаться и молить, дабы послалъ его Господь на мученіе демонамъ? Я этакого хотѣнія во всю жизнь ни отъ кого не слыхалъ и, считая оное за безуміе, отвратился отъ старцева плача, считая оный за скорбь демоноговѣйную. Но, наконецъ, разсуждаю: что же это я лежу, пора вставать, но только вдругъ гляжу, отворяется дверь и входитъ мой Левонтій, про котораго я точно совсѣмъ позабылъ. И какъ онъ вошелъ, сейчасъ старцу въ ноги и говоритъ:

— Я, отче, все совершилъ: теперь благослови!

А старецъ посмотрѣлъ на него и отвѣчаетъ:

— Миръ ти: почій!

И мой отрокъ, гляжу, опять ему въ землю поклонился и вышелъ, а анахоритъ опять сталъ свой лаптокъ плести.

Тутъ я сразу вскочилъ и думаю:

«Нѣтъ: пойду скорѣе возьму Лева и утечемъ отсюда безъ оглядки!» и съ тѣмъ выхожу въ малыя сѣннички и вижу, что мой отрокъ лежитъ тутъ на дощаной скамьѣ безъ главія, навзничъ и ручки на груди сложилъ.

Я, чтобы не подать ему виду тревоги, гласно спрашиваю:

— Не знаешь ли ты, гдѣ я зачерпну себѣ воды, чтобы лицо умыть?—а шопотомъ шепчу ему:—Богомъ живымъ тебя заклиная, скорѣе отсюда пойдѣмъ!

Но всматриваюсь въ него и вижу, что Лева не дышитъ... Отошелъ!.. Умеръ!..

Взвывая я не своимъ голосомъ:

— Памва! отецъ Памва, ты убилъ моего отрока!

А Памва вышелъ потихоньку на порогъ и говорить съ радостію:

— Улетѣлъ нашъ Лева!

Меня даже зло взяло.

— Да,—отвѣчаю сквозь слезы:—онъ улетѣлъ. Ты изъ него душу, какъ голубя изъ клѣтки, выпустилъ!—и повергшись къ ногамъ усопшаго, стеналъ я и плакалъ надъ нимъ даже до вечера, когда пришли изъ монастырька иноки, опрятали его мощи, положили въ гробъ и понесли, такъ какъ онъ симъ утромъ, пока я не тягъ спать, къ церкви присоединился.

Ни одного слова я болѣе отцу Памвѣ не сказала, да и что бы я могъ ему сказать: согрubi ему—онъ благословить, прибей его—онъ въ землю поклонится, неодолимъ сей человѣкъ съ такимъ смиреніемъ! Чего онъ устрашится, когда даже въ адъ самъ просится? Нѣтъ; недаромъ я его трепеталъ и опасался, что истлитъ онъ насъ, какъ гангрена жиръ. Онъ и демоновъ-то всѣхъ своимъ смиреніемъ изъ ада разгонитъ, или къ Богу обратитъ! Они его станутъ мучить, а онъ будетъ просить: «жоще терзайте, ибо я того достоинъ». Нѣтъ, нѣтъ! Этого смиренія и сатанѣ не выдержатъ! онъ всѣ руки о него обколотитъ, всѣ когти обдеретъ и самъ свое безсиліе постигнетъ предъ Содѣтелемъ, такую любовь создавшимъ, и устыдится Его.

Такъ я себѣ и порѣшилъ, что сей старецъ съ лапѣткомъ аду на погибель созданъ! и всю ночь по лѣсу бродючи, не знаю отчего вдаль не иду, а все думаю:

«Какъ же онъ молится, какимъ образомъ и по какимъ книгамъ?»

И вспоминаю, что я не видалъ у него ни одного образа, окромѣ креста изъ палочекъ, лычкомъ связаннаго, да не видалъ и толстыхъ книгъ...

«Господи! дерзаю разсуждать: если только въ церкви два такіе человѣка есть, то мы пропали, ибо сей весь любовью одушевленъ».

И все я о немъ думалъ и думалъ и вдругъ передъ утромъ началъ жадать хоть на минуту его предъ отходомъ отсюда видѣнія.

И только что я это помыслилъ, вдругъ опять слышу, опять такой самый трескотъ, и отецъ Памва опять выходитъ съ топоромъ и съ визанкою дровъ и говорить:

— Что долго медлишь? Посиѣшай Вавилонъ строить?

Мнѣ это слово показалось очень горько и я сказалъ:

— За что же ты меня, старче, такимъ словомъ упречаешь: я никакого Вавилона не строю и отъ вавилонской мерзости особлюсь.

А онъ отвѣчаетъ:

— Что есть Вавилонъ? столпъ киченія; не кичись правдою, а то Ангель отступится.

— Я говорю: отче, знаешь ли, зачѣмъ я хожу? И разсказалъ ему все наше горе. А онъ все слушалъ, слушалъ и отвѣчаетъ:

— Ангель тихъ, Ангель кротокъ, во что ему повелитъ Господь, онъ въ то и одѣтся; что ему укажетъ, то онъ сотворитъ. Вотъ Ангель! Онъ въ душѣ человѣчей живетъ, семуудріемъ запечатлѣнъ, но любовь сокрушитъ печать...

И съ тѣмъ вижу онъ удаляется отъ меня, а я отвратить глазъ отъ него не могу и, преодолѣть себя будучи не въ состояніи, палъ и вслѣдъ ему въ землю поклонился, а поднимаю лицо и вижу, его уже нѣтъ, или за древа зашелъ, или... Господь знаетъ куда дѣлся.

Тутъ я сталъ перебирать въ умѣ его слова, что такое: Ангель въ душѣ живетъ, но запечатлѣнъ, а любовь освободитъ его, да вдругъ думаю: «А что если онъ самъ Ангель, и Богъ повелитъ ему въ иномъ видѣ явиться мнѣ: я умру какъ Левонтій!» Взгадавъ это, я, самъ не помню, на какомъ-то пенькѣ переилюль черезъ рѣчонку и ударился бѣжать: шестьдесятъ верстъ безъ остановки ушелъ, все въ страхъ, думая не Ангела ли я это видѣлъ, и вдругъ захожу въ одно село и нахожу здѣсь изографа Севастьяна. Сразу

мы съ нимъ обо всемъ переговорили и положили, чтобы завтра же ѣхать, но поладили мы холодно и ѣхали еще холоднеѣе. А почему? Разъ потому, что изографъ Севастьянъ былъ человѣкъ задумчивый, а еще того болѣе потому, что самъ я не тотъ сталъ: виталь въ душѣ моей анахоритъ Памва, и уста шептали слова пророка Исаи, что «духъ Божій въ ноздрѣхъ человѣка сего».

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Обратное подорожіе мы съ изографомъ Севастьяномъ отбыли скоро и, прибывъ къ себѣ на постройку ночью, застали здѣсь все благополучно. Повидавшись съ своими, мы сейчасъ же появились и англичанину Якову Яковлевичу. Тотъ, любознательный этакой, сейчасъ же поинтересовался изографа видѣть и все ему на руки его смотрѣлъ да плечью пожималъ, потому что руки у Севастьяна были большущія какъ грабли и черныя, поелику и самъ онъ былъ видомъ какъ цыганъ черенъ. Яковъ Яковлевичъ и говорить:

— Удивляюсь я, братецъ, какъ ты такими ручищами можешь рисовать?

А Севастьянъ отвѣчаетъ:

— Отчего же? Чѣмъ мои руки несоотвѣтственны?

— Да тебѣ,—говоритъ:—что-нибудь мелкое ими не вывести.

Тотъ спрашиваетъ:

— Почему?

— А потому, что гибкость состава перстовъ не позволить.

А Севастьянъ говоритъ:

— Это пустяки! Развѣ персты мои могутъ мнѣ на что-нибудь позволять или не позволять? Я имъ господинъ, а они мнѣ слуги и мнѣ повинуются.

Англичанинъ улыбается.

— Значитъ ты,—говоритъ:—намъ запечатлѣннаго Ангела подведешь?

— Отчего же,—отвѣчаетъ:—я не изъ тѣхъ мастеровъ, которые дѣла боятся, а меня самого дѣло бонится; такъ подведу, что и не отличите отъ настоящей.

— Хорошо,—молвилъ Яковъ Яковлевичъ:—мы немедля же станемъ стараться настоящую икону достать, а ты тѣмъ

часомъ, чтобъ увѣрить меня, докажи мнѣ свое искусство: напиши ты моеѣ женѣ икону въ древне-русскомъ родѣ и такую, чтобъ ей нравилась.

— Какое же во-имя?

— А ужъ этого я,—говорить:—не знаю; чтѣ знаешь, то и напиши, это ей все равно, только чтобы нравилась.

Севастьянъ подумалъ и вопрошаетъ:

— А о чемъ ваша супруга болѣе Богу молится?

— Не знаю, — говоритъ: — другъ мой; не знаю о чемъ, но, я думаю, вѣрнѣе всего о дѣтяхъ, чтобъ изъ дѣтей честные люди вышли.

Севастьянъ опять подумалъ и отвѣчаетъ:

— Хорошо-съ, я и подѣ этотъ вкусъ потрафлю.

— Какъ же ты потрафишь?

— Такъ изображу, что будетъ созерцательно и усугубленію молитвеннаго духа супруги вашей благопріятно.

Англичанинъ велѣлъ ему дать всѣ удобства у себя на вышкѣ, но только Севастьянъ не сталъ тамъ работать, а сѣлъ у окошечка на чердачкѣ надъ Луки Кириллова горенкой и началъ свою акцію.

И что же онъ, государи мои, сдѣлалъ, чего мы и вообразить не могли. Какъ шло дѣло о дѣтяхъ, то мы думали, что онъ изобразить Романа чудотворца, коему молятся отъ неплодія, или избіеніе младенцевъ въ Іерусалимѣ, что всегда матерямъ, потерявшимъ чадъ, бываетъ пріятно, ибо тамъ Рахиль съ ними плачетъ о дѣтяхъ и не хочетъ утѣшиться; но сей мудрый пзографъ, сообразивъ, что у англичанки дѣти есть и она льетъ молитву не о дарованіи ихъ, а объ оправданіи ихъ нравственности, взялъ и совсѣмъ иное написалъ, къ цѣлямъ ея еще болѣе соотвѣтственное. Избралъ онъ для сего старенькую самую небольшую досточку пядницу, то-есть въ одну ручную пядь величины, и началъ на ней таланствовать. Прежде всего онъ се, разумѣется, добре вылепкасилъ крѣпкимъ казанскимъ алебастромъ, такъ что сталъ этотъ левкасъ гладокъ и крѣпокъ какъ слоновья кость, а потомъ разбилъ на ней четыре ровныя мѣста и въ каждомъ мѣстѣ обозначилъ особливую малую икону, да еще ихъ стѣснилъ тѣмъ, что промежду нихъ на олифѣ золотомъ каймы положилъ, и сталъ писать: въ первомъ мѣстѣ написалъ рождество Іоанна Предтечи, восемь фигуръ и новорожденное дитя, и палаты;

во второмъ — рождество Пресвятыя Владычицы Богородицы, шесть фигуръ и новорожденное дитя, и палаты; въ третьемъ — Спасово пречистое рождество, и хлѣвъ, и ясли, и предстояще Владычица и Иосифъ, и припадшіе боготечныя волхвы, и Соломія баба, и скоть всякимъ подобіемъ: волы, овцы, козы и осли, и сухолапль птица, жидамъ запрещенная, коя пишется въ означеніе, что идетъ сіе не отъ жидовства, а отъ Божества, все создаваго. А въ четвертомъ отдѣленіи рожденіе Николая Угодника, и опять тутъ и святой угодникъ въ младенчествѣ, и палаты, и многіе предстоящіе. И что тутъ былъ за смыслъ, чтобы видѣть предъ собою воспитателей столь добрыхъ чадъ, и что за художество, всѣ фигурки ростомъ въ булавочку, а вся ихъ одушевленность видна и движеніе. Въ богородничномъ рождествѣ, напримѣръ, святая Анна, какъ по греческому подлиннику назначено, на одрѣ лежитъ, предъ нею дѣвицы тимпанницы стоятъ, и однѣ держатъ дары, а иныя солнечникъ, иныя же свѣщи. Едина жена держитъ святую Анну подъ плечи; Іоакимъ зреть въ верхнія палаты; баба святую Богородицу омываетъ въ купели до пояса: посторонъ дѣвица льетъ изъ сосуда воду въ купель. Палаты всѣ разведены по циркулю, верхняя призелень, а нижняя боканъ, и въ этой нижней палатѣ сидитъ Іоакимъ и Анна на престолѣ, и Анна держитъ Пресвятую Богородицу, а вокругъ между палатъ столбы каменные, запоны червленныя, а ограда бѣла и вохряна... Дивно, дивно все это Севастьянъ изобразилъ, и въ премельчайшемъ каждомъ личикѣ все богозрительство выразилъ и надписалъ образъ «Доброчадіе» и принесъ англичанамъ. Тѣ глянули, стали разбирать, да и руки врозь: никогда, говорятъ, такой фантази не ожидали и такой тонкости мелкоскопическаго письма не слыхивали, даже въ мелкоскопъ смотрятъ, и то никакой ошибки не находятъ, и дали они Севастьяну за икону двѣсти рублей и говорятъ:

— Можешь ли ты еще мельче выразить?

Севастьянъ отвѣчаетъ:

— Могу.

— Такъ скопируй мнѣ, — говоритъ: — въ перстень женинъ портретъ.

Но Севастьянъ говоритъ:

— Нѣтъ, вотъ ужъ этого я не могу.

— А почему?

— А потому,—говорить:—что, во-первыхъ, я этого искусства не пробовать, а повторительно, я не могу для него своего художества унизить, дабы отеческому осужденію не подпасть.

— Что за вздоръ такой!

— Никакъ нѣтъ,—отвѣчаетъ:—это не вздоръ, а у насъ есть отеческое постановленіе отъ благихъ временъ, и въ патріаршей грамотѣ подтверждается: «аще убо кто на таковое святое дѣло, еже есть иконное воображеніе, сподобится, то тому изряднаго жительства изографу ничего, кромѣ святыхъ иконъ, не писать!»

Яковъ Яковлевичъ говоритъ:

— А если я тебѣ пятьсотъ рублей дамъ за это?

— Хоть и пятьсотъ тысячъ обѣщайте, все равно, при васъ онѣ останутся.

Англичанинъ просіялъ и шутя говорить женѣ:

— Какъ это тебѣ нравится, что онъ твое лицо писать считаетъ для себя за униженіе?

А самъ ей по-аглички прибавляетъ: «охъ, молъ, гуть карахтеръ». Но только молвилъ въ концѣ:

— Смотрите же, братцы, теперъ мы беремъ все дѣло шабашить, а у васъ, я вижу, на все свои правила, такъ чтобы не было упущено или позабыто чего-нибудь такого, что всему помѣнать можетъ.

Мы отвѣчаемъ, что ничего такого не предвидимъ.

— Шу, такъ смотрите,—говорить:—я начинаю,—и онъ поѣхалъ ко владыкѣ съ просьбою, что хочеть-де онъ поусердствовать, на запечатлѣнномъ Ангелѣ ризу позолотить и вѣнецъ украсить. Владыко на это ему ни то, ни се: ни отказываетъ, ни приказываетъ; а Яковъ Яковлевичъ не отстаетъ и домогаетъ; а мы уже ждемъ, что порохъ огня.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

При семъ позвольте вамъ, господа, напомнить, что съ тѣхъ поръ, какъ это дѣло началось, время прошло не мало, и на дворѣ стояло Спасово Рождество. Но вы не числите тамошнее Рождество наравнѣ со здѣшнимъ: тамъ время бываетъ съ калприземъ, и одинъ разъ справляетъ этотъ праздникъ по зимнему, а въ другой разъ не вѣсть по какому: дождитъ, мокнетъ; одинъ день слегка морозцемъ постынетъ,

а на другой опять растворить; рѣку то ледкомъ засалить, то вспучить и нестеть крыги какъ будто въ весеннюю половодь... Однимъ словомъ, самое непостоянное время, и какъ по тамошнему мѣсту зовется уже не погода, а просто *халепна*, такъ оно ей и пристало халепой быть.

Въ тотъ годъ, къ коему разсказъ мой клонить, непостоянство это было самое досадительное. Пока я вернулся съ изографомъ, я не могу вамъ и перечислить, какое число разъ наши то на зимнемъ, то на лѣтнемъ положеніи себя поставляли. А время было, по работѣ глядя, самое горячее, потому что уже у насъ всѣ семь быковъ были готовы и съ одного берега на другой цѣпи переносились. Хозяевамъ, разумѣется, какъ можно скорѣе хотѣлось эти цѣпи соединить, чтобы на нихъ къ половодью хоть какой-нибудь временной мостикъ подвѣсить для доставки матеріала, но это не удалось: только цѣпи перетянули, жамкнулъ такой морознице, что мостить нельзя. Такъ и осталось; цѣпи однѣ висятъ, а моста нѣтъ. Зато создалъ Богъ другой мостъ: рѣка стала, и нашъ англичанинъ поѣхалъ по льду за Днѣпръ хлопотать о нашей иконѣ и оттуда возвращается и говорить мнѣ съ Лукою:

— Завтра,—говорить:—ребята, ждите, я вамъ ваше сокровище привезу.

Господи, что только мы въ эту пору почувствовали! Хотѣли было сначала тайнствовать и одному изографу сказать, но утерпѣть ли сердцу человѣчу! Въмѣсто соблюденія тайности, обѣгли мы всѣхъ своихъ, во всѣ окна постучали и все другъ къ другу шепчемъ, да не знать чего бѣгаемъ отъ избы къ избѣ, благо ночь свѣтлая, превосходная, морозъ по снѣгу самоцвѣтнымъ камнемъ сыпится, а въ чистомъ небѣ Есперъ звѣзда горитъ.

Проведя въ такой радостной бѣготнѣ ночь, день мы встрѣтили въ томъ же восхищенномъ ожиданіи, и съ утра уже отъ своего изографа не отходимъ и не знаемъ, куда за нимъ его сапоги понести, потому что пришелъ часъ, когда все зависитъ отъ его художества. Что только онъ скажетъ подать или принести, мы во всякій слѣдъ въдесятеромъ летимъ и такъ усердствуемъ, что одинъ другого съ ногъ валимъ. Даже дѣдъ Марой до той поры бѣгалъ, что, зацѣпившись, каблукъ оторвалъ. Одинъ только самъ изографъ спокоенъ, потому что ему эти дѣла было уже не впервые дѣлать, и

потому онъ несуетно себѣ все приготовлялъ: яйцо кваскомъ развелъ, олифу осмотрѣлъ, приготовилъ левкасный холстикъ, старенькія досточки, какія подходія къ величинѣ иконы, разложили, настроили острую пилку, какъ струну, въ излучинѣ изъ крѣпкого обода, и сидитъ подъ оконечкомъ, да какіе предвидитъ нужными ваши пальцами въ долони перетираетъ. А мы все вымылись въ печи, понадѣвали чистыя рубашки и стоимъ на бережку, смотримъ на градъ убѣжища, откуда долженъ къ намъ свѣтопосный гость пожаловать; а сердца такъ то затрепещутъ, то падаютъ...

Ахъ, какія были мгновенія, и длились они съ ранней зари даже до вечера, и вдругъ видимъ мы, что по льду отъ города англичаниновъ сами несутся и прямо къ намъ... По всемъ трепетъ пронеслъ, шапку все подъ ноги бросили и молимся.

— Боже Отецъ духовомъ и ангеломъ: пощади рабы Твои!

И съ этимъ моленьемъ упали ницъ на снѣгъ и впередъ жадно руки простираемъ, и вдругъ слышимъ надъ собою англичаниновъ голосъ:

— Эй, вы! Старовѣры! Вотъ вамъ привезъ!—и подаетъ узелокъ въ бѣломъ платочкѣ.

Лука принялъ узелокъ и замеръ: чувствуетъ, что это что-то малое и легковѣсное! Раскрылъ уголокъ платочка и видитъ: это одна басма съ нашего Ангела сорвана, а самой иконы нѣтъ.

Кинулись мы къ англичанину и говоримъ ему съ плачемъ:

— Обманули вашу милость, тутъ иконы нѣтъ, а одна басма серебряная съ нея прислана.

Но англичанинъ уже не тотъ, что былъ къ намъ до сего времени: вѣрно досадило ему это долгое дѣло, и онъ крикнулъ на насъ:

— Да что же вы все путаете! Вы же сами мнѣ говорили, что надо ризу выпросить, я ее и выпросилъ: а вы, вѣрно, просто не знаете, что вамъ нужно!

Мы ему, видя, что онъ возклокоталъ, съ осторожностью было начали объяснять, что намъ икона нужна, чтобы подѣлокъ сдѣлать, но онъ не сталъ насъ болѣе слушать, выгналъ вонъ и одну милость показалъ, что велѣлъ изографа къ нему послать.

Пошелъ къ нему изографъ Севастьянъ, а онъ точно такимъ же манеромъ и на него съ клокотаніемъ.

— Твой,—говорить:—мужики сами не знаютъ, чего хотятъ: то просили ризу, говорили, что тебѣ только надо размѣры, да абрисъ снять, а теперь ревутъ, что это имъ ни къ чему не нужно; но я болѣе вамъ ничего сдѣлать не могу, потому что архіерей образа не даетъ. Поддѣлывай скорѣе образъ, обложимъ его ризой и отдадимъ, а старшій мнѣ секретарь выкрадетъ.

Но Севастьянъ изографъ, какъ человѣкъ разсудительный, обаялъ его мягкою рѣчью и отвѣтствуетъ:

— Нѣтъ,—говорить:—ваша милость; наши мужички свое дѣло знаютъ, и намъ, дѣйствительно, подлинная икона впередъ нужна. Это, говоритъ, — только въ обиду намъ выдуманно, что мы будто по переводамъ, точно по трафаретамъ пишемъ. А у насъ въ подлинникѣ постановленъ законъ, но исполненіе его дано свободному художеству. По подлиннику, напримѣръ, повелѣно писать Святого Зосиму или Герасима со львомъ, а не стѣснена фантазія изографа какъ при шихъ того льва изобразить? Святого Неофита указано съ птицею голубемъ писать; Конона Градаря съ цвѣткомъ, Тимофея съ ковчезцемъ, Георгія и Савву Стратилата съ копыями, Фотія съ корнавкой, а Кондрата съ облаками, ибо онъ облака воспитывалъ, но всякій изографъ воленъ это изобразить какъ ему фантазія его художества позволить, и потому опять не могу я знать, какъ тотъ Ангелъ писанъ, котораго надо подмѣнить.

Англичанинъ все это выслушалъ и выгналъ Севастьяна какъ и насъ, и нѣтъ отъ него никакого дальшаго рѣшенія, и сидимъ мы, милостивые государи, надъ рѣкою, яко враны на нырищѣ, и не знаемъ, выполнѣ ли отчаиваться или еще чего ожидать, но идти къ англичанину уже не смѣемъ, а къ тому же, и погода стала опять единохарактерна намъ: спустилась ужасная оттепель и засѣялъ дождь, небо среди дня все яко дымъ копильный, а ночи темнѣющія, даже Есперь звѣзда, которая въ декабрѣ съ тверди небесной не сходитъ, и та скрылась и ни разу не выгянетъ... Тюрьма душевная, да и только! И таково наступило Спасово Рождество, а въ самый сочельникъ ударилъ громъ, полилъ ливень, и леть, и леть безъ уставу два дни и три дни: сибѣгъ весь смыло и въ рѣку снесло, а на рѣкѣ ледъ началъ

снѣтъ да пучиться, и вдругъ его въ предпоследній день года всперло и понесло... Мчитъ его сверху и швыряетъ крыга на крыгу по мутной волнѣ, у нашихъ построекъ всю рѣку затерло: горой содитъ льдина на льдину и прядаютъ онѣ и сами звенять, прости Господи, точно демоны... Какъ стоятъ постройки и этакое несподиванное тѣсеніе терпятъ, даже удивительно. Страшные миллионы могло разрушить, но намъ не до того; потому что у насъ изографъ Севастьянъ, видя, что дѣла ему никакого нѣтъ, вскромолился, — складаетъ пожитки и хочетъ въ инья страны идти, и никакъ его удержать не можемъ.

Да не до того было и англичанину, потому что съ нимъ за эту непогодъ что-то такое подѣлалось, что онъ мало съ ума не сошелъ: все, говорятъ, ходилъ да у всѣхъ спрашивалъ: «Куда дѣться? Куда дѣваться?» И потомъ вдругъ преодолѣлъ себя какъ-то, призываетъ Луку и говоритъ:

— Знаешь, что, мужикъ: пойдѣмъ вашего Ангеля красть?

Лука отвѣчаетъ:

— Согласенъ.

Но Луки замѣчанію было такъ, что англичанинъ точно будто жаждалъ испытать опасныхъ дѣяній и положилъ такъ, что поѣдетъ онъ завтра въ монастырь къ епископу, возьметъ съ собою изографа подъ видомъ злоторя и попроситъ ему икону Ангела показать, дабы онъ могъ съ нея обстоятельный переводъ снять будто для ризы; а между тѣмъ какъ можно лучше въ нее взглядится и дома напишетъ съ нея поддѣлокъ. Затѣмъ, когда у настоящаго злоторя риза будетъ готова, ее привезутъ къ намъ за рѣку, а Яковъ Яковлевичъ поѣдетъ опять въ монастырь и скажетъ, что хочетъ архіерейское праздничное служеніе видѣть и войдетъ въ алтарь и станетъ въ шинели въ темномъ алтарѣ у жертвенника, гдѣ наша икона на окнѣ бережется, и скрадетъ ее подъ полу, и, отдавъ челоуѣку шинель, якобы отъ жары, велитъ ее вынести. А на дворѣ за церковью нашъ челоуѣкъ, чтобы сейчасъ пзъ той шинели икону взять п летѣлъ съ нею сюда на сей бокъ, и здѣсь изографъ долженъ въ продолженіе времени, пока идетъ всенощная, старую икону со старой доски снять, а поддѣлокъ вставить, ризой одѣтъ и назадъ прислать, такимъ манеромъ, чтобы Яковъ Яковлевичъ могъ ее опять на окно поставить, какъ будто ничего не бывало.

— Что же-съ? Мы, говоримъ, на все согласны!

— Только смотрите же,—говорить:—помните, что я стану на мѣстѣ вора и хочу вамъ вѣрить, что вы меня не выдадите.

Лука Кириловъ отвѣчаетъ:

— Мы, Яковъ Яковлевичъ, не того духа люди, чтобъ обманывать благодѣтелей.—Я возьму икону и вамъ обѣ назадъ принесу, и настоящую, и поддѣлокъ.

— Ну, а если тебѣ что-нибудь помѣшаетъ?

— Что же такое мнѣ можетъ помѣшать?

— Ну, вдругъ ты умрешь или утонешь.

Лука думаетъ: отчего бы, кажется, быть такому препятствію, а, впрочемъ, соображаетъ, что, дѣйствительно, трафляется иногда и кладязь копающему обрѣтать сокровище, а идущему на торгъ встрѣчать пса бѣснуема, и отвѣчаетъ:

— На такой случай я, сударь, при васъ такого своего человѣка оставлю, который, въ случаѣ моей неустойки, всю вину на себя приметъ и смерть претерпитъ, а не выдастъ васъ.

— А кто это такой человѣкъ, на котораго ты такъ полагаешься?

— Ковачъ Марой,—отвѣчаетъ Лука.

— Это старикъ?

— Да, онъ не молодъ.

— Но онъ, кажется, глупъ?

— Намъ, молъ, его умъ не надобенъ, но зато сей человѣкъ достойный духъ имѣетъ.

— Какой же,—говорить:—можетъ быть духъ у глупаго человѣка?

— Духъ, сударь, — отвѣтствуетъ Лука:—бываетъ не по разуму; духъ идѣ же хочетъ дышать, и все равно, что волосъ растеть у одного долгій и роскошный, а у другого скудный.

Англичанинъ подумалъ и говоритъ:

— Хорошо, хорошо: это все интересныя ощущенія. Ну, а какъ же онъ меня выручить, если я попадусь?

— А вотъ какъ,—отвѣчаетъ Лука:—вы будете въ церкви у окна стоять, а Марой станетъ подъ окномъ снаружи, и если я къ концу службы съ иконами не явлюсь, то онъ стекло разобьетъ и въ окно полѣзетъ и всю вину на себя приметъ.

Это англичанину очень понравилось.

— Любопытно,—говорить:—любопытно! А почему я дол-

жечь этому вашему глупому человѣку съ духомъ вѣрить, что онъ самъ не убѣжить?

— Ну, ужъ это, молъ, дѣло взаимовѣрія.

— Взаимовѣрія, повторяетъ...—Гм, гм, взаимовѣрія! Я за глупаго мужика въ каторгу, или онъ за меня подъ кнутъ? Гм, гм! Если онъ сдержитъ слово... подъ кнутъ... Это интересно.

Послали за Мароемъ и объяснили ему въ чемъ дѣло, а онъ говоритъ:

— Ну такъ что же?

— А ты не убѣжишь?—говоритъ англичанинъ.

А Марой отвѣчаетъ:

— Зачѣмъ?

— А чтобы тебя плетью не били, да въ Сибирь не сослали.

А Марой говоритъ:

— Экося!—да больше и разговаривать не сталь.

Англичанинъ такъ и радуется: весь ожилъ.

— Прелесть,—говоритъ:—какъ интересно.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Сейчасъ же за этимъ переговоромъ началась и акція. Навеслили мы на утро большой хозяйскій баркасъ и перевезли англичанина на городской берегъ: онъ тамъ сѣлъ съ изографомъ Севастьяномъ въ коляску и покатылъ въ монастырь, а черезъ часъ съ небольшимъ смотримъ, бѣжитъ нашъ изографъ и въ рукахъ у него листокъ съ переводомъ иконы.

Спрашиваемъ:

— Видѣлъ ли, родной нашъ, и можешь ли теперь поддѣлокъ потрафить?

— Видѣлъ,—отвѣчаетъ:—и потрафлю, только развѣ какъ бы малость чѣмъ живѣе не сдѣлалъ, но это не бѣда, когда икона сюда придетъ, я тогда въ одну минуту яркость цвѣта усмирю.

— Батюшка,—молимъ его:—порадѣй!

— Ничего,—отвѣчаетъ:—порадѣю!

И какъ мы его привезли, онъ сейчасъ сѣлъ за работу и къ сумеркамъ у него на холстикѣ поспѣлъ Ангель, двѣ капли воды какъ нашъ запечатѣнный, только красками какъ будто немножко свѣжѣе.

Къ вечеру и злотарь новый окладъ прислалъ, потому онъ еще прежде былъ по басмѣ заказанъ.

Наступалъ самый опасный часъ нашего воровства.

Мы, разумѣется, во всемъ изготовились и предъ вече-

ромъ помолились и ждемъ должнаго мгновенія, и только что на томъ берегу въ монастырѣ въ первый колоколь ко всенощной ударили, мы сѣли три человѣка въ небольшую ладью: я, дѣдъ Марой, да дядя Лука. Дѣдъ Марой захватилъ съ собою топоръ, долото, ломъ и веревку, чтобы больше на вора походить, и поплыли прямо подъ монастырскую ограду.

А сумерки въ эту пору, разумѣется, раннія, и ночь, несмотря на вселуніе, стояла претемная, настоящая воровская.

Переѣхавши, Марой и Лука оставили меня подъ бережкомъ въ лодкѣ, а сами покрались въ монастырь. Я же весла въ лодку забралъ, а самъ концомъ веревки зацѣпился и нетерпѣливо жду, чтобы чуть Лука ногой въ лодку ступить, сейчасъ плыть. Время мнѣ ужасно долго казалось отъ томленія, какъ все это выйдетъ и успѣемъ ли мы все свое воровство покрыть, пока вечерня и всенощная пройдетъ? И кажется мнѣ, что уже времени и не вѣсть сколь много ушло; а темень страшная, вѣтеръ рветъ, и вмѣсто дождя, мокрый снѣгъ повалилъ, и лодку вѣтромъ стало поколыхивать, и я, лукавый рабъ, все мало-по-малу угрѣваясь въ свитенкѣ, началъ дремать. Только вдругъ въ лодку толкъ и закачало. Я встрепенулся и вижу въ ней стоитъ дядя Лука и не своимъ подавленнымъ голосомъ говорить:

— Гребни!

Я беру весла, да никакъ со страха въ ключины не попаду. Насилу справился и отвалилъ отъ берега, да и спрашиваю:

— Добыли, дядя, Ангела?

— Со мной онъ, гребни мощнѣй!

— Расскажи же, — пытаю: — какъ вы его достали?

— Непорушно достали какъ было сказано.

— А успѣемъ ли назадъ взворотить?

— Должны успѣть: еще только великій прокимень вскричали. Гребни! Куда ты гребешь?

Я оглянулся: ахъ ты Господи! и точно я не туда гребу: все кажись какъ надлежить, впоперекъ теченія держу, а нашей слободы нѣтъ, — это потому что снѣгъ и вѣтеръ такой что страхъ, и въ глаза дѣлать, и вокругъ реветъ и качаетъ, а сверху рѣки точно какъ льдомъ дышать.

Ну, однако, милостію Божіею мы доставились; соскочили оба съ лодки и бѣгомъ побѣжали. Изографъ уже готовъ: дѣйствуетъ хладнокровно, но твердо: взялъ прежде икону въ руки, а какъ народъ передъ нею упалъ и поклонился,

то онъ подпустилъ всѣхъ познаменоваться съ запечатлѣннымъ ликомъ, а самъ смотритъ и на нее, и на свою поддѣлку, и говорить:

— Хороша! только надо ее маленько грязной съ шафраномъ усмирить! А потомъ взялъ икону съ реберъ въ тиски и налячилъ свою шилку что приправилъ въ крутой обручъ и... пошла эта шилка порхать. Мы всѣ стоимъ и того и смотримъ, что повредитъ! Страсть-съ! Можете себѣ вообразить, что вѣдь спиливалъ онъ ее этими своими махиными ручищами съ доски тониною не толще какъ листокъ самой тонкой писчей бумаги... Долго ли тутъ до грѣха: то-есть вотъ на волосъ покриви шила, такъ ликъ и раздеретъ и насквозь выскочитъ! Но изографъ Севастьянъ всю эту акцію совершалъ съ такою холодною и искусствомъ, что, гляди на него, съ каждой минутой дѣлалось мирнѣй на душѣ. И точно спилилъ онъ изображеніе на тончайшемъ самомъ слоѣ, потомъ въ одну минуту этотъ спилокъ изъ краевъ вырѣзалъ, а край опять на ту же доску наклеилъ, а самъ взялъ свою поддѣлку скомкалъ, скомкалъ ее въ кулакъ и ну ее трепать объ край стола, и терхать въ долоняхъ, какъ будто рвалъ и погубить ее хотѣлъ, и, наконецъ, глянулъ сквозъ холстъ на свѣтъ, а весь этотъ новенькій списочекъ какъ сито сдѣлался въ трещинкахъ... Тутъ Севастьянъ сейчасъ взялъ его и вклеилъ на старую доску въ средину краевъ, а на долонь набралъ какой зналъ темной красочной грязи, замѣсилъ ее пальцами со старою олифою и шафраномъ въ родѣ замазки и ну все это долонью въ тотъ потерханый списочекъ крѣпко-накрѣпко втирать... Живо онъ все это свершалъ и вновь писанная иконка стала совсѣмъ старая и какъ разъ такая, какъ настоящая. Тутъ этотъ поддѣлокъ въ минуту проолифилъ и другіе наши люди стали окладомъ ее одѣвать, а изографъ вправилъ въ приготовленную досточку настоящей вышилокъ и требуетъ себѣ скорѣе лохмотъ старой поярковой шляпы.

Это начиналась самая трудная акція распечатлѣнія.

Подали изографу шляпу, а онъ ее сейчасъ перервалъ пополамъ на колѣнѣхъ и, покрывъ ею запечатлѣнную икону, кричить:

— Давай каленый утюгъ!

Въ печи, по его приказу, лежалъ въ жару раскаленъ тяжелый портняжій утюгъ.

Михайлица зацѣпила его и подаетъ на ухватѣ, а Севастьянъ обернулъ ручку тряпкою, поплевалъ на утюгъ, да какъ дернетъ имъ по шляпному обрывку!.. Отъ разу съ этого войлока злой смрадъ повалилъ, а изографъ еще разъ, да еще имъ третъ и вразъ отхватываетъ. Рука у него просто какъ молонья летаетъ и дымъ отъ поярка уже столбомъ валить, а Севастьянъ знай печетъ: одной рукой поярочекъ по-малу поворачиваетъ, а другою — утюгомъ дѣйствуетъ, и все разъ отъ разу неспѣшнѣе да сильнѣе налегаетъ, и вдругъ отбросилъ и утюгъ, и поярокъ, и поднялъ къ свѣту икону, а печати какъ не бывало: крѣпкая строгановская олифа выдержала, и сургучъ весь свелся, только чуть какъ будто красноогненная роса осталась на ликѣ, но зато свѣтлобожественный ликъ весь виденъ...

Тутъ кто молится, кто плачетъ, кто руки изографу лѣзетъ цѣловать, а Лука Кириловъ своего дѣла не забываетъ и, минутою дорожа, подаетъ изографу его поддѣльную икону и говоритъ:

— Ну, кончай же скорѣй!

А тотъ отвѣчаетъ:

— Моя акція кончена, я все сдѣлалъ, за что брался.

— А печать наложить.

— Куда?

— А вотъ сюда этому новому Ангелу на ликъ, какъ у того было.

А Севастьянъ покачалъ головою и отвѣчаетъ:

— Ну, нѣтъ, я не чиновникъ, чтобъ этакое дѣло дерзнуть сдѣлать.

— Такъ какъ же намъ теперь быть?

— А уже я,—говоритъ:—этого не знаю. Надо было вамъ на это чиновника или нѣмца припаста, а упустили сихъ дѣятелей получить, такъ теперь сами дѣлайте.

Лука говоритъ:

— Что ты это! да мы ни за что не дерзнемъ!

А изографъ отвѣчаетъ:

— И я не дерзну.

И идетъ у насъ въ эти краткія минуты такая сумятица, какъ вдругъ влетаетъ въ избу Якова Яковлевича жена, вся блѣдная какъ смерть, и говоритъ:

— Неужели вы еще не готовы?

Говоримъ: и готовы, и не готовы: важнѣйшее сдѣлали, но ничтожнаго не можемъ.

А она нѣмуетъ по-своему:

— Что же вы ждете? Развѣ вы не слышите, что на дворѣ?

Мы прислушались и сами еще хуже ее поблѣднѣли: въ своихъ заботахъ мы на погоду вниманія не обращали, а теперь слышимъ гуль: ледъ идетъ!

Выскочилъ я и вижу, онъ уже сплошной во всю рѣку претъ, какъ звѣрье какое бѣшеное, крыга на крыгу скачетъ, другъ на дружку такъ и прядають, и шумятъ, и ломаются.

Я, себя не помня, кинулся къ лодкамъ, ихъ ни одной нѣтъ: всѣ унесло... У меня во рту языкъ осметкомъ сталъ, такъ что никакъ его не сомну, и ребро за ребро опустилось, точно я въ землю ухожу... Стою и не двигаюсь, и голоса не даю.

А пока мы тутъ во тьмѣ мечемся, англичанка, оставшись тамъ въ избѣ одна съ Михайлицей и узнавъ, въ чемъ задержка, схватила икону и... выскакиваетъ съ нею черезъ минуту на крыльцо съ фонаремъ и кричитъ:

— Натѣ, готово!

Мы глянули: у новаго Ангела на лицѣ печать!

Лука сейчасъ обѣ иконы за пазуху и кричитъ:

— Лодку!

Я открываюсь, что нѣтъ лодокъ, унесло.

А ледъ, я вамъ говорю, такъ табуномъ и валить, ломится обѣ ледорѣзы и трясетъ мостъ такъ, что пидо слышно, какъ эти цѣпи, на что толсты, въ добрую половицу, а и то погромыхиваютъ.

Англичанка, какъ поняла это, всилеснула руками, да какъ взвизгнетъ пещеловѣческимъ голосомъ: «Джемсъ!» и пала не живая.

А мы стоимъ и одно чувствуемъ:

— Гдѣ же наше слово? что теперь будетъ съ англичаниномъ? что будетъ съ дѣдомъ Мароемъ?

А въ это время въ монастырѣ на колокольнѣ зазвонили третій звонъ.

Дядя Лука вдругъ встрепенулся и воскликнулъ къ англичанкѣ:

— Очнись, государыня, мужъ твой цѣль будетъ, а развѣ только стараго дѣда нашего Мароя ветхую кожу станеть палачъ терзать и добротное лицо его клеймомъ обезчестить, но быть тому только развѣ послѣ моей смерти!—и съ этимъ словомъ перекрестился, выступилъ и пошелъ.

Я вскрикнулъ:

— Дядя Лука, куда ты? Левонтій погибъ и ты погиб-

нень!—да и кинулся за нимъ, чтобъ удержать, но онъ под-
нять изъ-подъ ногъ весло, которое я, прїѣхавши, на-земь
бросилъ, и, замахнувшись на меня, крикнулъ:

— Прочь! или на смерть ушибу!

Господа, довольно я предъ вами въ своемъ разсказѣ от-
крыто себя малодушникомъ признавалъ, какъ въ то время,
когда покойнаго отрока Левонтія на землѣ бросилъ, а самъ
на древо вскочилъ, по ей, право, говорю вамъ, что я бы
тутъ не испугался весла и отъ дяди Лука бы не отсту-
пилъ, но... угодно вамъ вѣрять, не угодно нѣтъ, а только
въ это мгновеніе не успѣлъ я имя Левонтія вспомнить,
какъ промежду имъ и мною во тьмѣ обрисовался отрокъ
Левонтій и рукой погрозилъ. Этого страха я не выдержалъ
и возринулся назадъ, а Лука стоитъ уже на концѣ цѣпи,
и вдругъ, утвердившись на ней ногою, молвитъ сквозь бурю:

— Заводи катавасію!

Головщикъ нашъ Арѳа тутъ же стоялъ и сразу его по-
слушалъ и ударилъ: «Отверзу уста», а другіе подхватили,
и мы катавасію кричимъ, бури-вою сопротивляясь, а Лука
смертнаго страха не боится и по мостовой цѣпи идетъ.
Въ одну минуту онъ одинъ первый пролетъ перешелъ и на
другой спускается... А далѣе? далѣе объяла его тьма, и не
видно: идетъ онъ или уже ушалъ и крыгами проклятыми его въ
пучину забуровило, и не знаемъ мы: молить ли о его спасеніи
или рыдать за упокой его твердой и любочестивой души?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Теперь что же-съ происходило на томъ берегу? Пре-
освященный владыко архіерей своимъ правиломъ въ глав-
ной церкви всеобщую совершалъ, ничего не зная, что у
него въ это время въ придѣлѣ крали; нашъ англичанинъ,
Яковъ Яковлевичъ, съ его соизволенія, стоялъ въ сосѣд-
немъ придѣлѣ въ алтарѣ и, скравъ нашего Ангела, выслалъ
его, какъ намѣревался, изъ церкви въ шинели, и Лука съ
нимъ помчался; а дѣдъ же Марой, свое слово наблюдая,
остался подъ тѣмъ самымъ окномъ на дворѣ и ждетъ по-
слѣдней минуты, чтобы какъ Лука не возвратится, сейчасъ
англичанинъ отступить, а Марой разобьетъ окно и полѣ-
зетъ въ церковь съ ломомъ и съ долотомъ, какъ настоящій
злодѣй. Англичанинъ глазъ съ него не спускаетъ и видитъ,
что дѣдъ Марой исправень, стоитъ на своемъ послушаніи,

и чуть замѣтить, что англичанинъ лицомъ къ окну прилегалъ, чтобы его видѣть, онъ сейчасъ киваетъ, что здѣсь, моль, я — отвѣтнй воръ, здѣсь!

И оба такимъ образомъ другъ другу свое благородство являютъ и не позволяютъ одинъ другому себя во взаимовѣрїи превозвысить, а къ этимъ двумъ вѣрамъ третїя, еще сильнѣйшая двизаетъ, но только не знаютъ они, что та третья вѣра творитъ. Но вотъ какъ ударили въ послѣднїй звонъ всенощной, англичанинъ и прїотворилъ тихонько оконную форточку, чтобы Марой дѣзъ, а самъ уже готовъ отступать, но вдругъ видитъ, что дѣдъ Марой отъ него отворотился и не смотритъ, а напряженно за рѣку глядитъ и твердисловитъ:

— Перенеси Богъ! перенеси Богъ, перенеси Богъ! — а потомъ вдругъ какъ вспрыгнетъ и самъ словно пьяный пляшетъ, а самъ кричитъ: — Перенесъ Богъ, перенесъ Богъ!

Яковъ Яковлевичъ въ величайшее отчаяніе пришелъ, думаетъ:

— Ну, конецъ: глухой старикъ помѣшался, и я погибъ, анъ смотритъ, Марой съ Лукою уже обнимаются.

Дѣдъ Марой шавчить:

— Я тебя назиралъ, какъ ты съ фонарями по цѣши шелъ.

А дядя Лука говоритъ:

— Со мною не было фонарей.

— Откуда же свѣтеніе?

Лука отвѣчаетъ:

— Я не знаю: я не видалъ свѣтенія, я только бѣгомъ бѣжалъ и не знаю, какъ перебѣгъ и не упалъ... точно меня кто подъ обѣ руки несъ.

Марой говоритъ:

— Это Ангелы, — я ихъ видѣлъ и зато я теперь не преполовлю дня и умру сегодня.

А Лукъ какъ некогда было много говорить, то дѣду онъ не отвѣчаетъ, а скорѣе англичанину въ форточку обѣ иконы подаетъ. Но тотъ взялъ и кажетъ ихъ назадъ.

— Что же, говорить, — печати нѣтъ?

Лука говоритъ:

— Какъ нѣтъ?

— Да нѣтъ.

Ну, тутъ Лука перекрестился и говоритъ:

— Ну, конечно! Теперь некогда поправлять. Это чудо церковный Ангелъ совершилъ, и я знаю, къ чему оно.

И сразу бросился Лука въ церковь, протѣснился въ алтарь, гдѣ владыку разоблачали, и, павъ ему въ ноги, говорить:

— Такъ и такъ, я святотатецъ, и вотъ что сейчасъ совершилъ: велите меня оковать и въ тюрьму посадить.

А владыка въ мѣру чести своея все то выслушалъ и отвѣтствуетъ:

— Это тебѣ, должно быть, внушительно теперь, гдѣ вѣра дѣйственнѣе: вы, говорить, — плутовствомъ съ своего Ангела печать свели, а нашъ самъ съ себя ее снялъ и тебя сюда привелъ.

Дядя говорить:

— Вижу, владыко, и трепещу. Повели же отдать меня скорѣе на казнь.

А архіерей отвѣтствуетъ разрѣшительнымъ словомъ:

— Властію, мнѣ данною отъ Бога, прощаю и разрѣшаю тебя, чадо. Приготовься за утро принять пречистое тѣло Христова.

Ну, а дальше, господа, я думаю, нечего вамъ и разсказывать: Лука Кириловъ и дѣдъ Марой утромъ ворочаются и говорятъ:

— Отцы и братіе, мы видѣли славу Ангела господствующей церкви, и все божественное о ней смотрѣніе въ добротолубіе ея іерарха, и сами къ оной освященнымъ елеемъ примазались и тѣла, и крови Спаса сегодня за обѣднею пріобщались.

А я какъ давно, еще съ гостинокъ у старца Памвы, имѣлъ влеченіе воедино одушевиться со всею Русью, воскликнулъ за всѣхъ:

— И мы за тобой, дядя Лука! да такъ всѣ въ одно стадо, подъ одного пастыря, какъ ягнятки, и подобались, и едва лишь тутъ только поняли, къ чему и куда всѣхъ насъ нашъ запечатлѣнный Ангель велъ, пролія сначала свои стопы и потомъ распечатлѣвшись ради любви людей къ людямъ, явленной въ сію страшную ночь.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Разсказчикъ кончилъ. Слушатели еще молчали, но, наконецъ, одинъ изъ нихъ откашлянувшись и замѣтилъ, что въ исторіи этой все объяснимо, и сны Михайлицы, и видѣніе, которое ей примерещилось въ просоньѣ, и паденіе Ангела, котораго забѣгая конка или собака на полъ столкнула, и смерть Левонтія, который болѣлъ еще ранѣе встрѣчи съ Памвою, объяснимы и всѣ случайныя совпаденія словъ горящаго какимп-то загадками Памвы.

— Понятно и то,—добавилъ слушатель: — что Лука по цѣпи перешелъ съ весломъ: каменщики извѣстные мастера гдѣ угодно ходить и лазить, а весло тотъ же балансиръ; понятно, пожалуй, и то, что Марой могъ видѣть около Луки свѣтленіе, которое принялъ за ангеловъ. Отъ большой напряженности сильно перезябшему человѣку мало ли что могло зарябить въ глазахъ? Я нашелъ бы понятнымъ даже и то, если бы, напримѣръ, Марой, по своему предсказанію не преполовя дня умеръ...

— Да онъ и умеръ-съ,—отозвался Маркъ.

— Прекрасно! И здѣсь ничего нѣтъ удивительнаго восьмидесятилѣтнему старику умереть послѣ такихъ волненій и простуды; но вотъ, что для меня, дѣйствительно, совершенно необъяснимо: какъ могла исчезнуть печать съ новаго Ангела, котораго англичанка запечатала?

— Ну, а это уже самое простое-съ,—весело отозвался Маркъ и разсказалъ, что они послѣ этого вскорѣ же нашли эту печать между образомъ и ризою.

— Какъ же это могло случиться?

— А такъ: англичанка тоже не дерзнула ангельскій ликъ портить, а сдѣлала печать на бумажкѣ и подвела ее подъ края оклада... Оно это было очень умно и искусно ею устроено, но Лука какъ несъ иконы, такъ онѣ у него за пазухой шевелились и оттого печать и спала.

— Ну теперь, значить, и все дѣло просто и естественно.

— Да такъ и многіе располагаютъ, что все это случилось самымъ обыкновеннымъ манеромъ, и даже не только образованные господа, которымъ объ этомъ извѣстно, но и наша братія, въ раздорѣ остающіеся, надъ нами смѣются, что будто насъ англичанка на бумажкѣ подъ церковь подсунула. Но мы противъ таковыхъ доводовъ не споримъ: всякъ какъ вѣрится, такъ и да судить, а для насъ все равно, какими путями Господь человѣка възыщеть и изъ какого сосуда напоить, лишь бы възскалъ и жажду единоклюсія его съ отечествомъ утолилъ. А вонъ, мужички-вахлачки, уже выльзаютъ изъ-подъ снѣгу. Отдохнули, видно, сердечные, и сейчасъ поѣдутъ. Авось они и меня подвезутъ. Васильева ночка прошла. Утрудилъ я васъ и много кое-гдѣ съ собою выводилъ. Съ новымъ годомъ зато имѣю честь поздравить, и простите, Христа ради, меня невѣжу.

ПРАВЕДНИКИ.

«Безъ трехъ праведныхъ
нѣсть граду стоянiя».

При мнѣ въ сорокъ восьмой разъ умиралъ одинъ большой русскiй писатель. Онъ и теперь живетъ, какъ жилъ послѣ сорока семи своихъ прежнихъ кончинъ, наблюдавшихся другими людьми и при другой обстановкѣ.

При мнѣ онъ лежалъ одиноко во всю ширь необъятнаго дивана и приготовлялся диктовать мнѣ свое завѣщанiе, но вмѣсто того началъ браниться.

Я могу безъ застѣчивости рассказать, какъ это было и къ какимъ повело послѣдствiямъ.

Смерть писателю угрожала по винѣ театрално-литературнаго комитета, который въ эту пору безтрепетною рукою убивалъ его пьесу. Ни въ одной аптекѣ не могло быть никакого лѣкарства противъ мучительныхъ болѣй, причиненныхъ этимъ авторскому здоровью.

— Душа уязвлена и всѣ кишки попутались въ утробѣ,— говорилъ страдалецъ, глядя на потолокъ гостиничнаго номера, и потомъ, переводя ихъ на меня, онъ неожиданно прикрикнулъ:

— Что же ты молчишь, будто чертъ знаетъ чѣмъ ротъ набилъ. Гадость какая у васъ, питерцевъ, на сердцѣ: никогда вы человѣку утѣшенiя не скажете; хоть сейчасъ на вашихъ глазахъ испуцай духъ.

Я былъ первый разъ при кончинѣ этого замѣчательнаго человѣка и, не понявъ его предсмертной истомы, сказалъ ему:

— Чѣмъ мнѣ васъ утѣшить? Скажу развѣ одно, что всѣмъ будетъ чрезвычайно прискорбно, если театрално-литератур-

ный комитетъ своимъ суровымъ опредѣленіемъ прекратить драгоцѣнную жизнь вашу, но...

— Ты недурно началъ,—перебилъ писатель:—продолжай, пожалуйста, говорить, а я, можетъ-быть, усну.

— Извольте,—отвѣчалъ я:—итакъ, увѣрены ли вы, что вы теперь умираете?

— Увѣренъ ли? Говорю тебѣ, что помираю!

— Прекрасно,—отвѣчаю:—но обдумали ли вы хорошенько: стоитъ ли это огорченіе того, чтобы вы кончились?

— Разумѣется, стоитъ; это стоитъ тысячу рублей,—простоналъ умирающій.

— Да; къ сожалѣнію,—отвѣчалъ я:—пьеса едва ли принесла бы вамъ болѣе тысячи рублей, и потому...

Но умирающій не далъ мнѣ окончить: онъ быстро поднялся съ дивана и вскричалъ:

— Это еще что за гнусное разсужденіе! Подари мнѣ, пожалуйста, тысячу рублей и тогда разсуждай какъ знаешь.

— Да я, говорю,—почему же обязанъ платить за чужой грѣхъ?

— А я за что долженъ терять?

— За то, что вы, зная наши театральные порядки, описали въ своей пьесѣ все титулованныхъ лицъ и всѣхъ ихъ представили одно другого хуже и пошлѣе.

— Да-а; такъ вотъ каково ваше утѣшеніе. По-вашему, небось, все надо хорошихъ писать, а я братъ, что вижу, то и пишу, а вижу я однѣ гадости.

— Это у васъ болѣзнь зрѣнія.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ, совсѣмъ обозлясь, умирающій:—но только что же мнѣ дѣлать, когда я ни въ своей, ни въ твоей душѣ ничего, кромѣ мерзости, не вижу, и за то суще мнѣ Господь Богъ и поможетъ теперь отъ тебя отворотиться къ стѣнѣ и заснуть съ спокойной совѣстью, а завтра уѣхать, презирая всю мою родину и твои утѣшенія.

И молитва страдальца была услышана: онъ «суще» прекрасно выспался и на другой день я проводилъ его на станцію; но зато самымъ мною овладѣло отъ его словъ лютое безпокойство.

«Какъ,—думалъ я,—неужто въ самомъ дѣлѣ ни въ моей, ни въ его и ни въ чьей иной русской душѣ не видать ничего, кромѣ дряни? Неужто все доброе и хорошее, что

когда-либо замѣтилъ художественный глазъ другихъ писателей, — одна выдумка и вздоръ? Это не только грустно, это страшно. Если безъ трехъ праведныхъ, по народному вѣрованію, не стоитъ ни одинъ городъ, то какъ же устоять цѣлой землѣ съ одною дрянью, которая живетъ въ моей и въ твоей душѣ, мой читатель?»

Мнѣ это было и ужасно, и несносно, и пошелъ я искать праведныхъ, пошелъ съ обѣтомъ не успокоиться, доколѣ не найду хотя то небольшое число трехъ праведныхъ, безъ которыхъ «нѣсть граду стоянія»; но куда я ни обращался, кого ни спрашивалъ—всѣ отвѣчали мнѣ въ томъ родѣ, что праведныхъ людей не видывали, потому что всѣ люди грѣшныя, а такъ, кое-какихъ хорошихъ людей и тотъ, и другой знавали. Я и сталъ это записывать. Праведны они, думаю, себѣ, или неправедны,—все это надо собрать и потомъ разобратъ: что тутъ возвышается надъ чертою простой правственности и потому «свято Господу».

И вотъ кое-что изъ моихъ записей.

ОДНОДУМЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ царствованіе Екатерины II, у нѣкоторыхъ приказнаго рода супруговъ, по фамиліи Рыжовыхъ, родился сынъ по имени Алексашка. Жило это семейство въ Солигаличѣ, уѣздномъ городкѣ костромской губерніи, расположенномъ при рѣкахъ Костромѣ и Свѣтицѣ. Тамъ, по словарю кн. Гагарина, значится семь каменныхъ церквей, два духовныя и одно свѣтское училище, семь фабрикъ и заводовъ, тридцать семь лавокъ, три трактира, два питейныхъ дома и 3,665 жителей обоюга пола. Въ городѣ бывають двѣ годовыя ярмарки и еженедѣльные базары; кромѣ того, значится «довольно дѣятельная торговля извѣстью и дегтемъ». Въ то время, когда жилъ нашъ герой, здѣсь были еще солянныя варшны.

Все это надо знать, чтобы составить понятіе о томъ, какъ могъ жить и какъ, дѣйствительно, жилъ мелкотравчатый герой нашего разсказа Алексашка или, впоследствии, Александръ Аванасьевичъ Рыжовъ, по уличному прозванію «Однодумъ».

Родители Алексашки имѣли собственный домъ, — одинъ изъ тѣхъ домиковъ, которые въ здѣшней лѣсной мѣстности *ничего не стоятъ*, но, однако, даютъ кровъ. Другихъ дѣтей, кромѣ Алексашки, у приказнаго Рыжова не было, или, по крайней мѣрѣ, о нихъ мнѣ ничего не сказано.

Приказный умеръ вскорѣ послѣ рожденія этого сына и оставилъ жену и сына ни съ чѣмъ, кромѣ того домика, который, какъ сказано, «ничего не стоилъ». Но вдова-при-

казничица сама дорого стоила: она была изъ тѣхъ русскихъ женщинъ, которая «въ бѣдѣ не сробѣетъ, спасетъ; коня на скаку остановить,—въ горящую избу взойдетъ»,—простая, здравая, трезвомысленная русская женщина, съ силою въ тѣлѣ, съ отвагой въ душѣ и съ нѣжною способностью любить горячо и вѣрно.

Когда она овдовѣла, въ ней еще были пріятности; пригодныя для неприхотливаго обихода, и къ ней кое-кто засылала свахъ, но она отклонила новое супружество и стала заниматься печеньемъ пироговъ. Пироги изготовлялись по скоромнымъ днямъ съ творогомъ и печенкою, а по постнымъ— съ кашею и горохомъ; вдова выносила ихъ въ ночвахъ на площадь и продавала по мѣдному цытаку за штуку. Отъ прибыли своего пирожнаго производства она питала себя и сына, котораго отдала въ науку «мастерицѣ»; мастерица научила Алексашу тому, что сама знала. Дальнѣйшую же, болѣе серьезную науку преподалъ ему дякъ съ косою и съ кожанымъ карманомъ, въ коемъ у него безъ всякой табакерки содержался нюхательный порошокъ для извѣстнаго употребленія.

Дякъ, «отучивъ» Алексашку, взялъ горшокъ каши за выучку; и съ этимъ вдовицѣ сынъ пошелъ въ люди добывать себѣ хлѣбъ-соль и всѣ опредѣленные для него блага міра.

Алексашкѣ тогда было четырнадцать лѣтъ и въ этомъ возрастѣ его можно откомендовать читателю.

Молодой Рыжовъ пороною удался въ мать: онъ былъ рослый, плечистый, — почти атлетъ, необъятной силы и несокрушимаго здоровья. Въ свои отроческіе годы онъ былъ уже первый силачъ и такъ удачно предводительствовалъ *стпною* на кулачныхъ бояхъ, что на которой сторонѣ былъ Алексашка Рыжовъ,—та считалась непобѣдимую. Онъ былъ досужъ и трудолюбивъ. Дякова школа дала ему превосходный, круглый, четкій, красивый почеркъ, которымъ онъ написалъ старухамъ множество зауспокойныхъ поминаній и тѣмъ положилъ начало самопитанія. Но важнѣе этого были тѣ свойства, которыя дала ему его мать, сообщившая живымъ примѣромъ строгое и трезвое настроеніе его здоровой душѣ, жившей въ здоровомъ и сильномъ тѣлѣ. Онъ былъ, какъ мать, умѣренъ во всемъ и никогда не прибѣгалъ ни къ чьей посторонней помощи.

Въ четырнадцать лѣтъ онъ уже считалъ грѣхомъ ѣсть материнъ хлѣбъ; поминанія приносили немного и притомъ заработокъ этотъ, зависящій отъ случайностей, былъ непостояненъ; къ торговлѣ Рыжовъ питалъ врожденное отвращеніе, а оставить Солигаличъ не хотѣлъ, чтобы не разлучаться съ матерью, которую очень любилъ. А потому надо было здѣсь же промыслить себѣ занятіе, и онъ его промыслилъ.

Въ то время у насъ только образовывались постоянныя почтовые сообщенія: между ближайшими городами учреждались разъ въ недѣлю гонцы, которые *носили* суму съ пакетами. Это называлась пѣшая почта. Плата за эту службу назначалась не великая: рубля полтора въ мѣсяцъ «на своихъ харчахъ и при своей обуви». Но для кого и такое содержаніе было заманчиво, тѣ колебались взяться носить почту, потому что для чуткой христіанской совѣсти русскаго благочестія представлялось сомнительнымъ: не заключается ли въ такой пустой затѣѣ, какъ разноска бумаги, чего-нибудь еретическаго и противнаго истинному христіанству?

Всякій, кому довелось о томъ слышать,—раздумывалъ, какъ бы не истравить этимъ душу, и за мзду временную не потерять жизнь вѣчную. И тутъ-то вотъ общее сердоболіе устроило Рыжовкина Алексашку.

— Онъ, говорили, сирота: ему больше Господь проститъ,—особенно по ребячеству. Ему, если его на поноска дорогою медвѣдь или волкъ задеретъ, и онъ на судъ предстанетъ, одно отвѣчать: «не разумѣлъ, Господи», да и только. И въ ту пору взять съ него нечего. А если да онъ уцѣлѣетъ и современемъ въ лѣта взойдетъ, то можетъ въ монастырь пойти и все преотлично отмолить, да еще не за своей свѣчой и при чужомъ ладанѣ. Чего ему еще по сиротству его ожидать лучшаго?

Самъ Алексашка, котораго это касалось всѣхъ болѣе, былъ отъ міра не прочь и на міръ не челобитчикъ: онъ смѣлою рукою взялъ почтовую суму, взвалилъ ее на плечи и сталъ таскать изъ Солигалича въ Чухлому и обратно. Служба въ пѣшей почтѣ пришла ему совершенно по вкусу и по натурѣ: онъ шелъ одинъ черезъ лѣса, поля и болота и думалъ про себя свои сиротскія думы, какія слагались въ немъ подъ живымъ впечатлѣніемъ всего, что встрѣчалъ,

что видѣлъ и слышалъ. При такихъ условіяхъ изъ него могъ бы выйти поэтъ въ родѣ Борнса или Кольцова, но у Алексашки Рыжова была другая складка,—не поэтическая, а философская, и изъ него вышелъ только замѣчательный чудакъ «Однодумъ». Ни даль утомительнаго пути, ни зной, ни стужа, ни вѣтры и дождь его не пугали: почтовая сума до такой степени была нипочемъ его могучей спинѣ, что онъ, кромѣ этой сумы, всегда носилъ съ собою еще другую, сѣрую, холицовую сумку, въ которой у него лежала толстая книга, имѣвшая на него неодолимое вліяніе.

Книга эта была «Библія».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Мнѣ не извѣстно, сколько лѣтъ онъ несъ службу въ пѣшей почтѣ, безпрестанно таская суму и Библію, но, кажется, это было долго и кончилось тѣмъ, что пѣшая почта замѣнилась конною, а Рыжову «вышелъ чинъ». Послѣ этихъ двухъ важныхъ въ жизни нашего героя событій, въ судьбѣ его произошелъ большой переломъ: охочій ходокъ съ почтою, онъ уже не захотѣлъ ѣздить съ почтаремъ и сталъ искать себѣ другого мѣста, — опять непременно тамъ же, въ Солигаличѣ, чтобы не разстаться съ матерью, которая въ то время уже остарѣла и, притупивъ зрѣніемъ, стала хуже печь свои пироги.

Судя по тому, что чины на низшихъ почтовыхъ должностяхъ получались очень не скоро, на примѣръ, лѣтъ за двѣнадцать, — надо думать, что Рыжовъ имѣлъ объ эту пору лѣтъ двадцать шесть или даже немножко болѣе и во все это время онъ только ходилъ взадъ и впередъ изъ Солигалича въ Чухлому и на ходу, и на отдыхъ читалъ одну только свою Библію въ затрапезномъ переплетѣ. Онъ читался ея вволю и приобрѣлъ въ ней большія и твердыя познанія, легшія въ основу всей его послѣдующей оригинальной жизни, когда онъ сталъ уметь и прилагать къ дѣлу свои библейскія воззрѣнія.

Конечно, во всемъ этомъ было много оригинальнаго. Рыжовъ, на примѣръ, зналъ наизусть всѣ писанія многихъ пророковъ и особенно любилъ Исаію, широкое боговѣдѣніе котораго отвѣчало его душевной настроенности и составляло весь его катехизисъ и все богословіе.

Старый человекъ, знавшій во время своей юности восьми-

десятилетиями Рыкова, когда онъ уже прославился и заслужилъ имя «Однодума», говорилъ мнѣ, какъ этотъ старикъ вспоминалъ какой-то «дубъ на болотѣ», гдѣ онъ особенно любилъ отдыхать и «кричать вѣтру».

— Стану,—говорить,—бывало, и воплю встрѣчь воздуху: «Позна волю стяжавшаго и осель ясли господина своего, а людие мои неразумѣша. Сѣмя лукавое; сыны беззаконія! Что еще узвляетесь прилагая неправды! Всякая глава въ болѣзнь,—всякое сердце въ плачь.—Что ми множество жертвъ вашихъ: тука агнцовъ и крови юницъ и козловъ не хочу. Не приходите явиться ми. И аще принесете ми семидалъ—всуе; кадило мерзости ми есть. Новомѣсячій вашихъ и субботъ, и две великаго не потерплю: поста и праздникоу, и новомѣсячій вашихъ, и праздникоу ненавидитъ душа моя.—Егда прострете руки ваши ко мнѣ, отвращу очи мои отъ васъ, и аще умножите моленія,—не услышу васъ. Измыйтесь, отымите лукавство отъ душъ вашихъ. Научитесь добро творити, и приидите истяземяся, и аще будутъ грѣхи ваши яко багряное—убѣлю ихъ яко снѣгъ. Но князи не покоряются, — общницы татемъ любяще дары, гоняще воздаяніе — сего ради глаголетъ Саваоѣ: горе крѣпкимъ, — не престанетъ бо ярость моя на противныя».

И выкрикивалъ сирота-мальчуганъ это «горе, горе крѣпкимъ» надъ пустыннымъ болотомъ и мнилось ему, что вѣтеръ возьметъ и понесетъ слова Исаи и отнесетъ туда, гдѣ видѣнныя Іезекілемъ «сухія кости» лежатъ, не шевелятся; не нарастаетъ на нихъ живая плоть и не оживаетъ въ груди истлѣвшее сердце.

Его слушалъ дубъ и гады болотныя, а онъ самъ дѣлался полу-мистикомъ, полу-агитаторомъ въ библейскомъ духѣ,—по его словамъ: «дышалъ любовью и дерзновеніемъ».

Все это созрѣло въ немъ давно, но обнаружилось въ ту пору, когда онъ получилъ чинъ и сталъ искать другого мѣста, не надъ болотомъ. Развитіе Рыкова было уже совершенно закончено и наступало время дѣятельности, въ которой онъ могъ приложить правила, созданныя имъ себѣ на библейскомъ грунтѣ.

Подъ тѣмъ же дубомъ, надъ тѣмъ же болотомъ, гдѣ Рыжовъ выкрикивалъ словами Исаи «горе крѣпкимъ», онъ дождался духа, давшего ему мысль самому сдѣлаться крѣп-

кимъ, дабы устыдить крѣчайшихъ. И онъ принялъ это посвященіе и пронесъ его во весь почти столѣтній путь до могилы, ни разу не споткнувшись, никогда не захромавъ ни на правое колѣно, ни на лѣвое.

Впереди насъ ожидаетъ довольно образцовъ его задѣхнувшейся въ тѣснотѣ удивительной силы и въ концѣ сказанія неожиданный актъ дерзновеннаго безстрашія, увѣщавшій его, какъ рыцаря, рыцарскою наградою.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ ту отдаленную пору, къ которой восходитъ передаваемый мною рассказъ о Рыковѣ, самое главное лицо въ каждомъ русскомъ городничкѣ былъ городничій. Не разъ было сказано и никѣмъ не оспорено, что, по понятію многихъ русскихъ людей, каждый городничій былъ «третье лицо въ государствѣ». Государственная власть въ народномъ представленіи отъ первоисточника своего — монарха развѣтвлялась такъ: первое лицо въ государствѣ — государь, правящій всѣмъ государствомъ; за нимъ второе — губернаторъ, который правитъ губерніею, и потомъ прямо за губернаторомъ непосредственно слѣдуетъ третье — городничій, «сидящій на городу». Исправниковъ тогда еще не было и потому о нихъ въ раздѣленіи власти сужденія не полагали. Такъ это оставалось, впрочемъ, и впоследствии: исправникъ былъ человекъ развѣздной и онъ сѣкъ только сельскихъ людей, которые тогда еще не имѣли самостоятельнаго понятія объ іерархіи, и кто ихъ ни сѣкъ — одинаково ногами перебирали.

Введеніе новыхъ судебныхъ учрежденій, ограничившее прежнюю теократическую полноправность сельскихъ администраторовъ, испортило это, особенно въ городахъ, гдѣ оно значительно содѣйствовало паденію не только городническаго, а даже губернаторскаго престижа, поднять который на прежнюю высоту уже невозможно, — по крайней мѣрѣ, для городничихъ, высокой урядъ которыхъ замѣненъ повѣществомъ.

Но тогда, когда обдумывалъ и рѣшалъ свою судьбу «Однодумъ», — все это было еще въ своемъ благоустроенномъ порядкѣ. Губернаторы сидѣли въ своихъ центрахъ какъ царьки: доступъ къ нимъ былъ грудень и предстоаніе имъ «сопряжено со страхомъ»; они всѣмъ норовили гово-

ригъ «ты», всѣ имъ кланялись въ поясъ, а иные, по усердію, даже земно; протопопы ихъ «срѣтали» съ крестами и святою водою у входа во храмы, а подрукавѣная знать чествовала ихъ выраженіемъ низменнаго искательства и едва дерзала, въ лицѣ немногихъ избранныхъ своихъ представителей, просить ихъ «въ воспріемники къ куполи». И они, даже когда соглашались спизойти до такой милости, держали себя царственно: они не ѣздили крестить сами, а посылали вмѣсто себя чиновниковъ особыхъ порученій или адъютантовъ, которые отвозили «ризки» и принимали почетъ «въ лицѣ посланнаго». Все тогда было величественно, степенно и серьезно, подѣ-стать тому доброму и серьезному времени, часто противопоставляемому пышному времени, не доброму и не серьезному.

Рыжову выпала прекрасная линія приблизиться къ началу градской власти и, не разставаясь съ роднымъ Солигаличемъ, стать на четвертую ступень въ государствѣ: въ Солигаличѣ умеръ старый квартальный, и Рыжовъ задумалъ проситься на его мѣсто.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Квартальническое мѣсто, хотя и не очень высокое, несмотря на то, что составляло первую ступень ниже городничаго, было, однако, довольно выгодно, если только человѣкъ, его занимающій, хорошо умѣлъ сталчить съ каждаго воза полѣно дровъ, пару бураковъ, или кочанъ капусты; но если онъ не умѣлъ этого, то ему было бы плохо, такъ какъ казеннаго жалованья по этой четвертой въ государствѣ должности полагалось всего десять рублей ассигнаціями въ мѣсяць, т. е. около двухъ рублей восьмидесяти пяти копеекъ по нынѣшнему счету. На это четвертая особа въ государствѣ должна была прилично содержать себя и свою семью, а какъ это невозможно, то каждый квартальный «донималъ» съ тѣхъ, которые обращались къ нему за чѣмъ-нибудь «по касающемуся дѣлу». Везъ этого «дониманія» невозможно было обходиться и даже сами вольтеріанцы противъ этого не возставали. О «неберущемъ» квартальномъ никто и не думалъ, и потому если всѣ квартальные брали, то долженъ былъ брать и Рыжовъ. Само начальство не могло желать и терпѣть, чтобы онъ портилъ служебную линію. Въ этомъ не могло

быть никакого сомнѣнія и не могло быть о томъ никакой рѣчи.

Городничій, къ которому Рыжовъ обратился за кварталничьимъ мѣстомъ, разумѣется, не задавалъ себѣ никакого вопроса о его способности къ взяткѣ. Вѣроятно, онъ думалъ, что на этотъ счетъ Рыжовъ будетъ какъ всѣ другіе, и потому у нихъ особаго договора на этотъ счетъ не было. Городничій принялъ въ соображеніе только его громадный ростъ, осанистую фигуру и пользовавшуюся большою извѣстностью силу и неутомимость въ ходьбѣ, которую Рыжовъ доказалъ своимъ гнѣшимъ ношеніемъ почты. Все это были качества, очень подходящія для полицейской службы, которой добивался Рыжовъ,—и онъ былъ сдѣланъ солигаличскимъ кварталничьимъ, а мать его продолжала печь и продавать свои пироги на томъ самомъ базарѣ, гдѣ сынъ ея долженъ былъ установить и держать добрые порядки: блюсти вѣсь вѣрный и мѣру полную и утрисенную.

Городничій сдѣлалъ ему только одно внушеніе:

— Вей безъ поврежденія и не касающему моего не захватывай.

Рыжовъ обязался это исполнять и пошелъ дѣйствовать, но вскорѣ же началъ подавать о себѣ странныя сомнѣнія, которые стали тревожить третью особу въ государствѣ, а самого бывшего Алексаику, а пинѣ Александра Аонасьевича, доводить до весьма тягостныхъ испытаній.

Рыжовъ съ перваго же дня службы оказался по должности ретивъ и исправенъ: придя на базаръ, онъ размѣстилъ тамъ возы; разсадилъ иначе бабъ съ пирогами, помѣстя притомъ свою мать не на лучшее мѣсто. Пьяныхъ мужиковъ частію урезонилъ, а частію поучилъ рукою властною, но съ пріятностью, такъ хорошо, какъ будто имъ этимъ большое одолженіе сдѣлалъ и ничего не взялъ за науку. Въ тотъ же день онъ отвергъ и приношеніе калустныхъ бабъ, пришедшихъ къ нему на поклонъ по касающему, и еще объявлялъ, что ему по касающему ни отъ кого ничего и не слѣдуетъ, потому что за все его касающее ему «царь жалуетъ, а мзду брать Богъ запрещаетъ».

День провелъ Рыжовъ хорошо, а ночь провелъ еще лучше: обошелъ весь городъ, и кого засталъ на ходу въ поздній часъ, разспросилъ: откуда, куда и по какой надобности? Съ добрымъ человѣкомъ поговорилъ, самъ его даже

проводить и посоветовать, а одному-другому пьяному уху падрать, да будошникову жену, которая подь коровь колдовать ходила, въ кутузку заперь, а на утро явился къ городничему съ докладомъ, что видитъ себѣ въ дѣлѣ одну помѣху въ будошникахъ.

— Проводятъ, говорятъ, опи время въ праздности и сиросошня ходятъ безъ надобности,—людямъ по касающемуся надоѣдаютъ и сами портятся. Лучше ихъ отъ лѣнивой пустоты отрушить и послать къ вашему высокоблагородію въ огородъ гряды полоть, а я одинъ все управлю.

Городничему это было не вопреки, а домовитой городничихѣ совсѣмъ по сердцу: однимъ будошникамъ могло не нравиться, да закону не соответствовало; по будошниковъ кто думалъ спрашивать, а законъ... городничій судилъ о немъ русскимъ судомъ: «законъ — что конь: куда надо—туда и вороти его». Александръ же Аонасѣвичъ выше всего ставилъ законъ: «въ потѣ лица твоего ѣшь хлѣбъ твой» и по тому закону выходило, что всякіе лишніе «приставники» — бремя ненужное, которое надо отставить и приставить къ какому бы то ни было другому настоящему дѣлу,—«потному».

И учредилось это дѣло, какъ указалъ Рыжовъ, и было оно приятно въ очахъ правителя и народа и обратило къ Рыжову сердца людей благодарныхъ. А Рыжовъ самъ ходить по городу днемъ, ходитъ одинъ ночью и мало-помалу вездѣ сталъ чувствоваться его добрый хозяйскій дозоръ, и опять было это приятно въ очахъ всѣхъ. Словомъ, все шло хорошо и обѣщало покой невозмутимый, по тутъ-то и бѣда: не сварился народъ,—не кормилъ воеводъ—ни откуда ни что не касалось и, кромѣ уборки огорода, не было правителю прибылей ни большихъ, ни среднихъ, ни малыхъ.

Городничій возмутился духомъ, вникъ въ дѣло, увидалъ, что такъ невозможно, и воздвигъ на Рыжова ѣдкое гоненіе.

Онъ попросилъ протопопа разузнать, цѣтъ ли въ безкасательномъ Рыжовѣ какого неправославія, но протопопъ отвѣчалъ, что явнаго неправославія въ Рыжовѣ онъ не усматриваетъ, а замѣчаетъ въ немъ нѣкую гордыню, происходящую, конечно, отъ того, что его мать широги печать и ему отдѣляетъ.

— Пресѣчь совѣтую оный торгъ, ей нынѣ по сыну не-

подобающей, и уничтожится тогда ему оная его непомерная гордыня и онъ прикоснется.

— Пресѣку,—отвѣчалъ городничій, и сказалъ Рыжову:— своей матери на торгу сидѣть не годится.

— Хорошо,—отвѣчалъ Рыжовъ и взялъ мать съ ножами съ базара, а въ укоризненномъ поведеніи остался попрежнему,—не прикасался.

Тогда протопопъ указалъ, что Рыжовъ не справлялъ себѣ форменнаго платья и въ пасхальный день, скупо похристовавшись съ одними ближними, не явился съ поздравленіемъ ни къ кому изъ именитыхъ гражданъ, на что тѣ, впрочемъ, претензій не изъявляли.

Это находилось въ зависимости одно отъ другого. Рыжовъ не ходилъ за праздничными и потому ему не на что было обмундироваться, но обмундировка требовалась и она была у прежняго квартальнаго. Всѣ видѣли у него и мундиръ съ воротомъ, и рейтузы, и сапоги съ кисточкой, а этотъ какъ ходилъ съ почтою, такъ и оставался въ полосатомъ тиковомъ бешметѣ съ крючками, въ желтыхъ напковыхъ штанахъ и въ простой крестьянской шапкѣ, а на зиму имѣлъ овчиный нагольный тулупъ, и ничего иного не заводилъ, да и не могъ завести на 2 руб. 87 коп. мѣсячнаго жалованья, на которое жилъ, служба вѣрою и правдою.

Къ тому же, произошелъ случай, потребовавшій денегъ: умерла мать Рыжова, которой нечего было дѣлать на землѣ послѣ того, какъ она не могла на ней продавать широги.

Александръ Аванасьевичъ схоронилъ ее, по общему отзыву, «скаречно», чѣмъ и доказалъ свою нелюбовь. Онъ заплатилъ за нее причту по-малости, но по самой-то ирожницѣ даже пирога не съелъ и сорокоуста не заказалъ.

Бретякъ! и это было тѣмъ достовѣрнѣе, что хотя городничій ему не довѣрялъ и протопопъ въ немъ сомнѣвался, но и городничиха и протопопица за него горой стояли, — первая за пригонъ на ея огородъ бударей, а вторая по какой-то тайной причинѣ, лежавшей въ ея «характерѣ сопротивленія».

Въ этихъ особахъ Александръ Аванасьевичъ имѣлъ запитницъ. Городничиха сама ему послала отъ урожая земного двѣ мѣры картофеля, но онъ, не развязывая мѣшковъ,

принесъ картофель назадъ на своихъ плечахъ и коротко сказалъ:

— За усердіе благодарю, а даровъ не пріемлю.

Тогда протопоица, дама мнительная, поднесла ему двѣ коленкоровыя манишки своего древняго рукодѣля отъ тѣхъ поръ, когда еще протопоицъ былъ ставленникомъ, но чудакомъ и этого не взялъ:

— Нельзя, говорить, дары брать, да и, одѣваясь по простотѣ, я никакой въ семь щегольствъ пользы не нахожу.

Тутъ и сказала протопоица мужу въ злости задорное слово:

— Вотъ бы, говорить, кому пристало у алтаря стоять, а не вамъ, обираламъ духовнымъ.

Протопоицъ осердился, — велѣлъ женѣ молчать, а самъ все лежалъ да думалъ:

«Это новость массонская, и если я ее услѣжу и открою, то могу быть въ больномъ отячии, и даже могу въ Петербургъ переѣхать.»

Такъ онъ этимъ забредилъ и съ бреду составилъ планъ, какъ обнажить совѣсть Рыжова до раздѣленія дуни съ тѣломъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Подходилъ Великій постъ и протопоицъ, какъ на ладонѣ, видѣлъ, какимъ образомъ онъ обнажить душу Рыжова до раздѣленія, и тогда будетъ знать, какъ поступить съ нимъ по злобѣ его уклоненія отъ истинъ православія.

Съ этою цѣлью онъ прямо присовѣтовалъ городничему прислать къ нему на духъ полосатаго квартальнаго на первой же недѣлѣ. А на духу онъ обѣщалъ его хорошенько пронять и, гнѣвомъ Божиимъ припугнувъ, все отъ него выведать, что въ немъ есть тайнаго и сокровеннаго, и за что онъ всего касающаго чуждается и даровъ не пріемлетъ. А затѣмъ сказалъ: увидимъ по открытому страхомъ виду его совѣсти, чему онъ подлежать будетъ, и тому его и подвергнемъ, да спасется духъ.

Домянувъ слова Павла, протопоицъ сталъ ждать покойно, зная, что въ нихъ кійждо своя отыскать можетъ.

Городничій тоже сдѣлалъ свое дѣло.

— Намъ съ тобой, Александръ Аонасьевичъ, какъ виднымъ лицамъ въ городѣ, — сказалъ онъ: — надо въ народѣ религіи примѣръ показать и къ церкви сдѣлать почтеніе.

Рыжовъ отвѣчалъ, что онъ согласенъ.

— Изволь же, братецъ, говѣть и исповѣдаться.

— Согласенъ,—отвѣчалъ Рыжовъ.

— И какъ оба мы люди на виду у всѣхъ, то и на виду все это должны сдѣлать, а не какъ-нибудь, прятучись. И къ протопопу на духъ хожу,—онъ всѣхъ въ духовенствѣ опытитъ,—и ты къ нему иди.

— Пойду къ протопопу.

— Да; и иди ты на первой недѣлѣ, а я на послѣдней пойду,—такъ и раздѣлимся.

— И на это согласенъ.

Протопопъ выисповѣдалъ Рыжова и даже похвалился, что на всѣ корки его пробралъ, но не нашелъ въ немъ грѣха къ смерти.

— Какался, говоритъ, въ одномъ, другомъ, въ третьемъ,—во всемъ не святъ по-малости, но грѣхи все простыя, человѣческіе, а противъ пачальства особаго зла не мыслить и ни на васъ, ни на меня «по касающему» допустить не думаетъ. А что «даровъ не пріемлетъ»,—то это по одной вредной фантазіи.

— Все же, значитъ, есть въ немъ вредная фантазія. А въ чемъ она заключается?

— Библии начитался.

— Ишь его, дурака, угораздило!

— Да; начитался отъ скуки и позабыть не можетъ.

— Экій дуракъ! что же теперь съ нимъ сдѣлать?

— Ничего не сдѣлаемъ: онъ уже очень далеко начиталъ.

— Неужели до самого до «Христа» дошелъ?

— Всю, всю прочиталъ.

— Ну, значитъ, набангъ.

Пожалѣли и стали къ Рыжову милостивѣе. На Руси всѣ православные знаютъ, что кто Библию прочиталъ и «до Христа дочитался», съ того резонныхъ поступковъ строго спрашивать нельзя; но зато этакіе люди, что породивые,—они чудесятъ, а никому не вредны и ихъ не боится. Впрочемъ, чтобы быть еще обезпечнѣе насчетъ страннаго исправленія Рыжова «по касающему», отецъ протопопъ передалъ городничему мудрый, но жестокій совѣтъ,—чтобы женить Александра Аонасьевича.

— Женатый человѣкъ,—развивалъ протопопъ:—хотя и «до Христа дочитается», но ему свою честность соблюсти

трудно: жена его начнет нажигать, и не тѣмъ, такъ другимъ манеромъ такъ доймаешь, что онъ ей уступить и всю Библию изъ головы выпустить, а станетъ къ дарамъ примчивъ и начальству предашь.

Городничему совѣтъ пришелъ по мыслямъ, и онъ заказалъ Александру Аонасьевичу, чтобы тотъ какъ знаетъ, а непременно жевился, потому что холостые люди на политическихъ должностяхъ не надежны.

— Какъ хочешь, говорить, братъ, а ты мнѣ въ разсужденіи всего хороши, но въ разсужденіи одного не годишься.

— Почему?

— Холостой.

— Что же въ томъ за укоризна?

— Въ томъ укоризна, что можешь что-нибудь върломное сдѣлать и сбѣжать въ чужую губернію. Тебѣ, вѣдь, теперь что?—схватилъ свою Бибель да и весь тутъ.

— Весь тутъ.

— Вотъ это и неблагонадежно.

— А развѣ женатый благонадежныѣе?

— И сравненія нѣтъ; изъ женатаго я, говоритъ, хоть веревку вей, онъ все стерпитъ, потому что онъ штенцовъ заведетъ, да и бабу пожалѣетъ, а холостой самъ что птица, — ему довѣрить нельзя. Такъ вотъ — либо уходи, либо женись.

Загадочный чудакъ, выслушавъ такое разсужденіе, нимало не смутился и отвѣчалъ:

— Что же,—и женитьба вещь добрая, она отъ Бога показана: если требуется—я женюсь.

— Но только ты руби дерево по себѣ.

— По себѣ вырублю.

— И выбирай поскорѣе.

— Да у меня уже выбрана: надо только сходить посмотрѣть, не взяли ли ее другіе.

Городничій надъ нимъ посмѣялся:

— Ишь ты, говоритъ, грѣховодникъ,—будто за нимъ и грѣха никогда не водится, а онъ себѣ уже и жену высмотрѣлъ.

— Гдѣ грѣхамъ не водиться!—отвѣчалъ Александръ Аонасьевичъ: — полонъ сосудъ мерзости, а только невѣсту я еще не сваталъ, но, дѣйствительно, на примѣтъ имѣю и прошу позволенія сходить на нее взглянуть.

— А гдѣ она у тебя,—не здѣшняя, вѣрно,—дальняя?

— Да, такъ, и не здѣшняя, и не дальняя,—у ручья при болотцѣ живетъ.

Городничій еще посмѣялся, отпустилъ Рыжова и, заинтересованный, ждетъ: когда его чудакъ вернется и что скажетъ?

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Рыжовъ, дѣйствительно, срубилъ дерево по себѣ: черезъ недѣлю онъ привелъ въ городъ жену — ражую, бѣлую, румяную, съ добрыми карими глазами и съ покорностью въ каждомъ шагѣ и движеніи. Одѣта она была по-крестьянски, и шли оба супруга другъ за другомъ, неся на плечахъ коромысло, на которомъ висѣла подвизанная холщевымъ концомъ расписная лубочная коробья съ приданымъ.

Бывалые торговые люди сразу узнали въ этой особѣ дочь старой бабы Козлихи, что жила въ одинокой избушкѣ у ручья надъ болотомъ и слыла злою колдуньей. Всѣ думали, что Рыжовъ взялъ себѣ колдуньину дѣвку въ работницы.

Это отчасти такъ и было, но только Рыжовъ, прежде чѣмъ привести эту работницу домой, — перевѣнчался съ нею. Супружеская жизнь обходилась ему ничуть не дороже холостой; напротивъ, теперь ему стало даже выгоднѣе, потому что онъ, приведя въ домъ жену, тотчасъ же отпустилъ батрачку, которой много ли, мало ли, а все-таки платилъ рубль мѣдью въ мѣсяцъ. Съ этихъ поръ мѣдный рубль былъ у него въ карманѣ, а хозяйство пошло лучше; здоровыя руки его жены никогда не были праздны: она себѣ и пряла, и ткала, да еще оказалось мастерицею валять чулки и огородничать. Словомъ, жена его была простая, досужая крестьянская женщина, вѣрная и покорная, съ которою библейскій чудакъ могъ жить по-библейски, и рассказать о ней, кромѣ сказаннаго, нечего.

Обращеніе съ женою у Александра Аванасьевича было самое простое, но своеобразное: онъ ей говорилъ «ты», а она ему «вы»; онъ звалъ ее «баба», а она его Александръ Аванасьевичъ; она ему служила, а онъ былъ ея господинъ; когда онъ съ нею заговаривалъ, она отвѣчала, — когда онъ молчалъ, она не смѣла спрашивать. За столомъ онъ сидѣлъ, а она подавала, но ложе у нихъ было общее и, вѣроятно, это было причиною, что у нихъ появился плодъ супружества. Плодъ былъ одинъ—единственный сынъ,

котораго «баба» выкормила, а въ воспитаніе его не вмѣшивалась.

Любила ли «баба» своего библейскаго мужа, или не любила—это въ ихъ отношеніяхъ ничѣмъ не проявилось, но что она была вѣрна своему мужу — это было несомнѣнно. Кромѣ того, она его боялась какъ лица, поставленнаго надъ нею закономъ Божескимъ и имѣющаго на нее божественное право. Мирному житію ея это не мѣшало. Грамотѣ она не знала и Александръ Аванасьевичъ не желалъ поподнять этого пробѣла въ ея воспитаніи. Жили они, разумѣется, спартански, въ самой строжайшей умѣренности, но не считали это несчастіемъ; этому, можетъ-быть, много помогало, что и многіе другіе жили вокругъ не въ болѣешемъ довольствѣ. Чаю они не пили и не содержали его въ заводѣ, а мясо ѣли только по большимъ праздникамъ — въ остальное же время питались хлѣбомъ и овощами, квасными или свѣжими съ своего огорода, а всего болѣе грибами, которыхъ росло въ изобиліи въ ихъ лѣсной сторожѣ. Грибы эти «баба» лѣтнею порою сама собирала по лѣсамъ и сама готовила въ прокъ, но, къ сожалѣнію ея, заготовляла ихъ только однимъ способомъ сушенія. Солить было нечѣмъ. Расходъ на соль въ потребномъ количествѣ для всего запаса не входилъ въ расчетъ Рыжова, а когда «баба» однажды насолела кадочку груздей солью, которую ей подарилъ въ мѣшечкѣ откупщикъ, то Александръ Аванасьевичъ, дознавшись объ этомъ, «бабу» патриархально побилъ и свелъ къ протопопу для наложенія на нее эпитиміи за ослушаніе противъ завѣтовъ мужа, а грибы цѣлою кадкою собственноручно прикатилъ къ откупщику двору и велѣлъ взять «куда хотятъ», а откупщику сдѣлать выговоръ.

Таковъ былъ этотъ чудакъ, про котораго изъ долготы его дней тоже рассказывать много нечего; сидѣлъ онъ на своемъ мѣстѣ, дѣлалъ свое маленькое дѣло, не пользуясь ничѣмъ особеннымъ сочувствіемъ и ничьего особеннаго сочувствія не искалъ; солигаллическіе верховоды считали его «поврежденнымъ отъ Библии», а простецы судили о немъ просто, что онъ «такой-нѣкій-этакой».

Довольно неясное опредѣленіе это для нихъ имѣло значеніе ясное и понятное.

Рыжовъ нимало не заботился, что о немъ думаютъ: онъ

честно служилъ всѣмъ и особенно не угождалъ никому; въ мысляхъ же своихъ отчитывался Единому, въ Кого неизмѣнно и крѣпко вѣрилъ, именуя Его учредителемъ и хозяиномъ всего сущаго. Удовольствіе Рыжова состояло въ исполненіи своего долга, а высшій духовный комфортъ — философствованіе о высшихъ вопросахъ міра духовнаго и объ отраженіи законовъ того міра въ явленіяхъ и въ судьбахъ отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ царствъ и народовъ. Не имѣлъ ли Рыжовъ общей многимъ самоучкамъ слабости считать себя всѣхъ умнѣе — это не извѣстно: но онъ не былъ гордъ и своихъ вѣрованій и взглядовъ онъ никому никогда не навязывалъ и даже не сообщалъ, а только вписывалъ въ большія тетради синей бумаги, которыя подшивалъ въ одну обложку съ многозначительною надписью: «Однодумъ».

Что было написано во всей этой громаднѣйшей рукописи полицейскаго философа—осталось сокрытымъ, потому что со смертью Александра Аванасьевича его «Однодумъ» пропалъ, да и по памяти о немъ много никто рассказать не можетъ. Едва только два-три мѣста изъ всего «Однодума» были показаны Рыжовымъ одному важному лицу при одномъ необыкновенномъ случаѣ его жизни, къ которому мы теперь приближаемся. Остальные же листы «Однодума», о существованіи котораго зналъ почти весь Солигаличъ, изведены на оклейку стѣнъ или, можетъ-быть, и сожжены, во избѣжаніе непріятностей, такъ какъ это сочиненіе заключало въ себѣ много несообразнаго бреда и религіозныхъ фантазій, за которыя тогда и автора, и чтецовъ посылали молиться въ Соловецкій монастырь.

Духъ же этой рукописи сталъ извѣстенъ съ наступающаго достопамятнаго въ хроникахъ Солигалича происшествія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Не могу съ точностью вспомнить и не знаю, гдѣ справить: въ которомъ именно году въ Кострому былъ назначенъ губернаторомъ Сергѣй Степановичъ Ланской, впоследствии графъ и извѣстный министръ внутреннихъ дѣлъ. Сановникъ этотъ, по мѣткому замѣчанію одного его современника, «имѣлъ сильный умъ и надменную фигуру», и такая краткая характеристика вѣрна и вполне достаточна

для представленія, какое нужно имѣть о немъ нашему читателю.

Можно, кажется, добавить только, что Ланской уважалъ въ людяхъ честность и справедливость и самъ былъ добръ, а также любилъ Россію и русскаго человѣка, но понималъ его барственно, какъ аристократъ, имѣвшій на все чужеземный взглядъ и западную мѣрку.

Назначеніе Ланского губернаторомъ въ Кострому случилось во время чудаческаго служенія Александра Аонасьевича Рыжова солигаличскимъ кварталнымъ, и притомъ еще при нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ.

По вступленіи Сергѣя Степановича въ должность губернатора, онъ, по примѣру многихъ дѣятелей, прежде всего «размелъ губернію», т.-е. выгналъ со службы великое множество нерадивыхъ и злоупотреблявшихъ своею должностью чиновниковъ, въ числѣ коихъ былъ и солигаличскій городничій, при которомъ состоялъ кварталнымъ Рыжовъ.

По изгнавіи со службы негодныхъ лицъ, новый губернаторъ не снѣмилъ замѣщать ихъ другими, чтобы не попасть на такихъ же, а можетъ-быть еще и на худшихъ. Чтобы избрать людей достойныхъ, онъ хотѣлъ оглядѣться или, какъ нынче по-русски говорятъ, «ориентироваться».

Съ этою цѣлью должности удаленныхъ лицъ были поручены временнымъ замѣстителямъ изъ младшихъ чиновниковъ,—а губернаторъ вскорѣ же предпринималъ объѣздъ всей губерніи, затренивавшей страннымъ тренетомъ отъ однихъ словъ о его «надменной фигурѣ».

Александръ Аонасьевичъ исправлялъ должность городничаго. Чтò онъ дѣлалъ на этомъ замѣстительствѣ отпѣннаго отъ прежнихъ «сталыхъ» порядковъ,—этого не знаю; но, разумѣется, онъ не бралъ взятокъ на городничествѣ, какъ не бралъ ихъ на своемъ кварталничествѣ. Образа жизни своей и отношеній къ людямъ Рыжовъ тоже не мѣнялъ,—даже не садился на городническій стулъ передъ зеркало, а подписывался «за городничаго», сидя за своимъ извѣднымъ чернилами столикомъ у входной двери. Этому послѣднему упорству Рыжовъ имѣлъ объясненіе, находящееся въ связи съ апопеезою его жизни. У Александра Аонасьевича и послѣ многихъ лѣтъ его службы точно такъ же, какъ и въ первые дни его кварталничества,—*не было форменнаго платья*, и онъ правилъ «за городничаго» все въ томъ же

просаленномъ и перепитанномъ бешметѣ. А потому на представленіи письмоводителя пересѣсть на мѣсто онъ отвѣчалъ:

— Не могу: хитонъ обличаетъ мя, яко нѣсть браченъ.

Все это такъ и было записано имъ собственною рукою въ его «Однодумѣ», съ добавленіемъ, что письмоводитель предлагалъ ему «пересѣсть въ бешметѣ, но снять орла на зеркалѣ», однако, Александръ Аѳанасьевичъ «оставилъ сію непристойность» и продолжалъ сидѣть на прежнемъ мѣстѣ въ бешметѣ.

Дѣлу полицейской расправы въ городѣ эта неформенность не мѣшала, но вопросъ становился совершенно инымъ, когда пришла вѣсть о пріѣздѣ «надменной фигуры». Александръ Аѳанасьевичъ, въ качествѣ градоначальника, долженъ былъ встрѣтить губернатора, принять и рапортовать ему о благосостояніи Солигалича, а также отвѣчать на всѣ вопросы, какіе Ланской ему предложить, и репрезентовать ему всѣ достопримѣчательности города, начиная отъ собора, до тюрьмы, пустырей, овраговъ, съ которыми никто не зналъ что дѣлать.

Рыжовъ, дѣйствительно, имѣлъ задачу: какъ ему отбыть все это въ своемъ бешметѣ? Но онъ объ этомъ нисколько не заботился, зато много заботъ причиняло это всѣмъ другимъ, потому что Рыжовъ своимъ безобразіемъ могъ на первомъ же шагу прогнѣвить «надменную фигуру». Никому и въ голову не приходило, что именно Александру-то Аѳанасьевичу и предстояло удивить и даже *обрадовать* всѣхъ пугавшую «надменную фигуру», и даже напорочить ему повышение.

Вообще заботливый Александръ Аѳанасьевичъ нисколько не смущался, какъ онъ явится, и совсѣмъ не раздѣлялъ общей чиновничьей робости, черезъ что подвергся осужденію и даже ненависти и палъ во мнѣніи своихъ согражданъ, но палъ съ тѣмъ, чтобы потомъ встать всѣхъ выше и оставить по себѣ память героическую и почти баснословную.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Не излишне еще разъ напомнить, что въ тѣ недавнія, но глубоко провалившіяся времена, къ которымъ относится рассказъ о Рыжовѣ, губернаторы были совсѣмъ не то, что въ нынѣшніе лукавые дни, когда величіе этихъ сановни-

ковъ значительно мало, или, по выраженію нѣкаго духовнаго лѣтописца, «жестоко подвалишася». Тогда губернаторы ѣздили «страшно», а встрѣчали ихъ «притренино». Теченіе ихъ совершалось въ грандіозной суетѣ, которой работали не только всѣ младшія начальства и власти, но даже и чернь, и четвероногіе скоты. Города къ пріѣзду губернаторовъ воспринимали помазаніе мѣломъ, сажей и охрою; на плагбаумы заново наводилась національная нестрядъ казенной трехцвѣтки; бударямъ и инвалидамъ внушали «головы и усы наваксить», — изъ больницъ шла усиленная выписка въ «оздоровку». Во всеобщемъ оживленіи участвовало все до конецъ земли; изъ деревень на тракты сгоняли бабъ и мужиковъ, которые по мѣсяцамъ кочевали, чиня дорожныя топи, гати и мосты; на станціяхъ замедляли даже оглашенные курьеры и разные поручики, спѣшно ѣдущіе по безчисленнымъ казеннымъ надобностямъ. Станціонныя смотрители въ эту пору отменчивали неспокойному люду свои нестерпимыя обиды и съ непоколебимою душевною твердостью заставляли плестись на какихъ попало клячахъ, потому что хорошія лошади «выставались» подѣ губернатора. Словомъ, не было никому ни проходу, ни проѣзду безъ того, чтобы онъ не осязалъ какимъ-нибудь изъ своихъ чувствъ, что въ природѣ всѣхъ вещей происходитъ нѣчто чрезвычайное. Благодаря этому, тогда безъ всякаго пустозвонства болтливой прессы всякъ, старъ и младъ, знали, что ѣдетъ тотъ, кого итѣть на всю губернію больше, и всѣ, кто какъ умѣлъ, выражали по этому случаю искреннему своему разнообразныя свои чувства. Но самая возвышенная дѣятельность происходила въ центральныхъ гнѣздахъ уѣзднаго властелинства—въ судебныхъ канцеляріяхъ, гдѣ дѣло начиналось съ утомительной и скучной отмѣтки регистровъ, а кончалось веселою операціею обметанія стѣнъ и мытья половъ. Подомойство — это было что-то въ родѣ классическихъ оргій въ дни сбиранія винограда, когда все напряженно ликовало, имѣя одну заботу: пожить, пока наступитъ часъ смертный. Въ канцеляріи за небольшимъ количествомъ кривыхъ инвалидовъ доставляли изъ острога смертною скукою соскучившихся арестантокъ, которыя, ловя краткій мигъ счастья, пользовались здѣсь илѣнительными правами своего пола—усполаждать долю смертныхъ. Доколыте и маншкуртъ, съ которыми онѣ приступали къ работѣ,

столь возбуждительно дѣйствовали на дежурившихъ при бумагахъ молодыхъ приказныхъ, что послѣдствіемъ этого, какъ извѣстно, въ острогахъ нерѣдко появлялись на свѣтъ такъ-называемыя «поломойныя дѣти», — непризнаннаго, но несомнѣнно благороднаго происхожденія.

Въ эти же дни въ домахъ чернили парадные сапоги, бѣлили рейтузы и приготовляли слежавшіеся и поточенныя молью мундиры. Это тоже оживляло городъ. Мундиры сначала *протыкали* въ жаркій день на солнышкѣ, раскидывая ихъ на протянутыхъ черезъ дворъ веревкахъ, что ко всякимъ воротамъ привлекало множество любопытныхъ; потомъ мундиры *выбивали* прутьями, растянувъ на подушкѣ, или на войлочкѣ; затѣмъ ихъ *трясли*, еще позже ихъ *чистопали*, *утюжили* и, наконецъ, *раскидывали* на креслѣ въ затѣ или другой парадной комнатѣ, и въ заключеніе всего—въ концѣ концовъ ихъ втихомолку кропили изъ священныхъ бутылочекъ богоявленскою водою, которая, если ее держать у образа въ заткнутой воскомъ посудинѣ, не портится отъ одного Крещеньева дня до другого и нимало не утрачиваетъ чудотворной силы, сообщаемой ей въ моментъ погруженія креста съ илїемъ «Спаси, Госноди, люди Твоя и благослови достояніе Твое».

Исходя въ срѣтеніе особъ, чиновники облакались въ окропленные мундиры и въ качествѣ прочаго Божія достоянія бывали спасаемы. Объ этомъ есть много достовѣрныхъ сказаній, но при пылѣшемъ всеобщемъ маловѣрїи и особенно при оффенбаховскомъ настроенїи, царящемъ въ чиновномъ мїрѣ, все это уже уронено въ общемъ мнѣніи и въ числѣ многихъ другихъ освященныхъ временемъ вещей легкомысленно подвергается сомнѣнію; отцамъ же нашимъ, имѣвшимъ настоящую, крѣпкую вѣру, давалось по ихъ вѣрѣ.

Ожиданіе губернатора въ тѣ времена длилось долго и мучительно. Желѣзныхъ дорогъ тогда еще не было, и поѣзда не подходили въ урочный часъ по росписанію, подвозя губернатора вмѣстѣ со всеми прочими смертными, а особо заготовлялся трактъ и затѣмъ никто не зналъ съ точностью ни дня, ни часа, когда сановникъ пожалуетъ. Поэтому истома ожиданія была продолжительна и полна особенной торжественной тревожности, на самомъ зенитѣ которой находился очередной будочникъ, обязанный наблюдать трактъ съ самой высшей въ городѣ колокольні. Онъ

долженъ былъ не задремать, охраняя городъ отъ внезапнаго наѣзда; но, конечно, случалось, что онъ дремалъ и даже спалъ, и тогда въ такихъ несчастныхъ случаяхъ бывали разныя непріятности. Иногда перадивый стражъ ударялъ въ малый колоколь, подпустивъ губернатора уже на слишкомъ близкую дистанцію, такъ что не всѣ чиновники успѣвали примундириться и выскочить, протопопъ облачиться и стать со крестомъ на сходахъ, а иногда даже городничій не успѣвалъ выѣхать, стоя въ телѣгѣ, къ заставѣ. Во избѣжаніе этого, сторожа заставляли ходить вокругъ колокольни и у каждаго промета дѣлать поклонъ въ соотвѣтственную сторону.

Это служило сторожу развлеченіемъ, а обществу ручательствомъ, что бдящій надъ нимъ не спитъ и не дремлетъ. Но и эта предосторожность не всегда помогала; случалось, что сторожъ обладалъ способностью альбатроса: онъ спалъ, ходя и кланаясь, а спросонья билъ ложный всполохъ, принявъ за губернатора помѣщичью карету, и тогда въ городѣ поднималось напрасное смятеніе, оканчивавшееся тѣмъ, что чиновники снова размундировались и городническая тройка откладывалась, а неосмотрительнаго стража слегка или не слегка сѣкли.

Подобныя трудности встрѣчались часто и преодолювались нелегко, и притомъ всею своею тягостью главнымъ образомъ лежали на городничемъ, который впередъ всѣхъ выносился вскачь навстрѣчу, первый принималъ на себя начальственные взоры и взрывы и, потомъ, опять, стоя же, скакалъ впереди губернаторской кареты къ собору, гдѣ у крыльца ожидалъ протопопъ во всемъ облаченіи съ крестомъ и кроиломъ въ чашѣ священной воды. Здѣсь городничій непремѣнно собственноручно откидывалъ губернаторскую подножку и этимъ приемомъ, такъ сказать, собственноручно выпускалъ прибывшую высокую особу на родимую землю изъ путешественнаго ковчега. Теперь все это уже не такъ, все это попорчено и притомъ едва ли даже безъ участія самихъ губернаторовъ, въ числѣ конхъ были охотники «играть на пониженіе». Нынче они, можетъ-быть, и каются, но чтѣ уплыло, того не воротятъ: подножекъ имъ никто не откидываетъ, кромѣ лакеевъ и жандармовъ.

Но исправлявшій эту обязанность прежній городничій этимъ не стѣснялся и служилъ для всѣхъ первымъ проб-

нымъ камнемъ; онъ первый извѣдывалъ: лютъ или благостенъ прибывшій губернаторъ. И, надо правду сказать, отъ городничаго многое зависѣло: онъ могъ испортить дѣло вначалѣ, потому что одною какою-нибудь своею неловкостью могъ разгнѣвать губернатора и заставить его рвать и метать; а могъ также однимъ ловкимъ прыжкомъ, оборотомъ или инымъ соотвѣтственнымъ вывертомъ привести его пресходительство въ благорасположеніе.

Теперь каждый, даже не знавшій этихъ патріархальныхъ порядковъ читатель, можетъ судить, какъ естественна была тревога солигаличской чиновной знати, которой пришлось имѣть своимъ представителемъ такого свособычнаго, неуклюжаго и упрямаго городничаго, какъ Рыжовъ, у котораго, вдобавокъ ко всѣмъ его личнымъ неудобнымъ качествамъ, весь уборъ состоялъ въ полосатомъ тиковомъ бешметѣ и кофлатой мужичьей шапкѣ.

Вотъ что первое должно было ударить прямо въ очи «надменной фигурѣ», о которой уже досужіе языки довели до Солигалича самыя страшныя вѣсти... Чего было ожидать добраго?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Александръ Аоапасьевичъ, дѣйствительно, могъ привести кого хотите въ отчаяніе; онъ ни о чемъ не безнокоился и въ ожиданіи губернатора держалъ себя такъ, какъ будто предстоявшее страшное событіе его совсѣмъ не касалось. Онъ не сломалъ ни у одного жителя ни одного забора, ничего не перемазалъ ни мѣломъ, ни охрою и вообще не предпринималъ никакихъ средствъ не только къ украшенію города, но и къ измѣненію своего несообразнаго костюма, а продолжалъ прохаживаться въ бешметѣ. На всѣ предлагаемыя ему прожекты онъ отвѣчалъ:

— Не должно вводить народъ въ убытки: развѣ губернаторъ изнуритель края? онъ пусть проѣдетъ, а заборъ пусть останется. Требованія же насчетъ мундира Рыжовъ отражалъ тѣмъ, что у него на то нѣтъ достатковъ и что, говорить, имѣю,—въ томъ и являюсь: Богу совсѣмъ пагиномъ предстану. Дѣло не въ платьѣ, а въ разсудкѣ и въ совѣсти,—по платью встрѣчаютъ—по уму провожаютъ.

Переупрямить Рыжова никто не надѣялся, а между тѣмъ это было очень важно не столько для упрямаца Рыжова, ко-

тому, можетъ-быть, и ничего съ его библейской точки зрѣнія, если его второе лицо въ государствѣ сгонитъ съ глазъ долой въ его бешметѣ; но это было важно для всѣхъ другихъ, потому что губернаторъ, конечно, разгнѣвается, увидя такую невидаль, какъ городничій въ бешметѣ.

Дорожа первымъ впечатлѣніемъ ожидаемаго гостя, солигаличскіе чины добивались только двухъ вещей: 1) чтобы быть перекрашенъ шлагбаумъ, у котораго Александръ Аонасьевичъ долженъ встрѣтить губернатора, и 2) чтобы самъ Александръ Аонасьевичъ былъ на этотъ случай не въ полосатомъ бешметѣ, а въ приличной его званію формѣ. Но какъ этого достигнуть?

Мнѣнія были различныя и болѣе склонялись все къ тому, чтобы и шлагбаумъ перекрасить, и городничаго одѣть складчину. Въ отношеніи шлагбаума это было, конечно, удобно, но по отношенію къ обмундировкѣ Рыжова никуда не годилось.

Онъ сказалъ: «это даръ, а я даровъ не пріемлю». Тогда восторжествовало надъ всѣми предложеніе, которое подалъ зрѣлый въ сужденіи отецъ протопопъ. Онъ не видалъ нужды ни въ какой складчинѣ ни на окраску заставы, ни на форму градоправителя, а сказалъ, что все должно лечь на того, кто всѣхъ провинитъ, а всѣхъ провинитъ, по его мнѣнію, былъ откушникъ. На него все должно и пасть. Онъ одинъ обязанъ на свой собственный счетъ не по неволѣ какой, а изъ усердія, окрасить заставу, за что протопопъ обѣщаль, срѣтая губернатора, упомянуть объ этомъ въ краткомъ словѣ и, кромѣ того, помолиться о жертвователѣ въ тайноглаголемой запрестольной молитвѣ. Кромѣ того, отецъ протопопъ разсудилъ, что откушникъ долженъ дать засѣдателю, сверхъ ординаріи, тройную порцію рому, французской водки и кизилрки, до которыхъ засѣдатель охочъ. И пусть засѣдатель зато отранпортуется больнымъ и пить себѣ дома эту добавочную ординарію и на улицу не выходитъ, а свой мундиръ, одной съ полицейскимъ формы, отпустить Рыжову, — отчего сей послѣдній, вѣроятно, не найдетъ причины отказаться, и будутъ тогда и овцы цѣлы, и волки сыты.

Планъ этотъ тѣмъ болѣе былъ удаченъ, что непремѣнный засѣдатель ростомъ-дородствомъ нѣсколько походилъ на Рыжова и притомъ, женись недавно на купеческой дочери,

имѣлъ мундирную пару въ полномъ порядкѣ. Слѣдовательно, оставалось только упростиь его, чтобы онъ для общаго блага къ прїѣзду начальства слегъ въ постель подъ видомъ тяжелой болѣзни и сдать свою амуницію на этотъ случай Рыжову, котораго отецъ протопопъ, надѣясь на свой духовный авторитетъ, тоже взялся убѣдить—и убѣдилъ. Не видя въ этомъ ни даровъ, ни мзды, справедливый Александръ Аоанасьевичъ, для общаго счастья, согласился надѣть мундиръ. Произведена была примѣрка и притонка форменной пары засѣдателя на Рыжова, и послѣ нѣкотораго выпуска со всѣхъ сторонъ всѣхъ запасовъ въ мундиръ и въ рейтузахъ, дѣло было приведено къ удовлетворительному результату. Александръ Аоанасьевичъ хотя чувствовалъ въ мундирѣ весьма стѣснительную связанность, но могъ, однако, двигаться и все-таки былъ теперь споснымъ представителемъ власти. Небольшой же бѣлый карнизъ между мундиромъ и канифасовыми рейтузами положено было закрыть соотвѣтственно же канифасовою надшивкою, которою этотъ карнизъ былъ удачно замаскированъ. Словомъ, Александръ Аоанасьевичъ былъ снаряженъ такъ, что губернаторъ могъ повернуть его на всѣ стороны и полюбоваться имъ такъ и иначе. Но злему року угодно было все это осмѣять и оставить Александру Аоанасьевичу подлежащую представительность только съ одной стороны, а другую совсѣмъ испортить, и притомъ такимъ двусмысленнымъ образомъ, что могло дать поводъ къ самымъ произвольнымъ толкованіямъ его и безъ того загадочнаго политическаго образа мыслей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Шлагбаумъ былъ окрашенъ во всѣ цвѣта національной пестряди, состоящей изъ черныхъ и бѣлыхъ полосъ съ красными отводами, и еще не успѣлъ запылиться, какъ пронеслась вѣсть, что губернаторъ уже выѣхалъ изъ сосѣдняго города и держитъ путь прямо на Солигаличъ. Тотчасъ же вездѣ были поставлены махальные солдаты, а у забора бѣдной хибары Рыжова глодала землю рѣзвая почтовая тройка съ телѣгою, въ которую Александръ Аоанасьевичъ долженъ былъ вспрыгнуть при первомъ сигналѣ и скакать навстрѣчу «надменной фигурѣ».

Въ послѣднемъ условіи было чрезвычайно много неудоб-

ной сложности, исполнявшей все вокруг беспокойной тревогой, которую очень не любилъ самообладающій Рыжовъ. Онъ рѣшился «быть всегда на своемъ мѣстѣ»: перевелъ тройку отъ своего забора къ заставѣ и самъ въ полномъ парадѣ, — въ мундирѣ и бѣлыхъ рейтузахъ, съ рапортомъ за бортомъ, сѣлъ тутъ же на раскрашенную перекладину шлагбаума и водворился здѣсь, какъ столбикъ, а вокругъ него собрались любопытные, которыхъ онъ не прогонялъ, а, напротивъ, велъ съ ними бесѣду и среди этой бесѣды сподобился увидать, какъ на трактѣ закрубилось пыльное облако, изъ котораго стала вырѣзаться пара выносныхъ съ форейторомъ, украшеннымъ мѣдными бляхами. Это катиль губернаторъ.

Рыжовъ быстро спрыгнулъ въ телѣгу и хотѣлъ скакать, какъ вдругъ былъ пораженъ общимъ стономъ и вздохомъ толпы, крикнувшей ему:

— Батюшка, сбрось штанцы!

— Что такое? — переспросилъ Рыжовъ.

— Штанцы сбрось, батюшка, штанцы, — отвѣчали люди. — Погляди-ка, на коемъ мѣстѣ сидѣлъ, такъ къ бѣлому весь шланбовъ причечалъ.

Рыжовъ оглянулся черезъ плечо и увидѣлъ, что всѣ невысохшія полосы національныхъ цвѣтовъ шлагбаума, дѣйствительно, съ удивительною отчетливостью отнецагались на его рейтузахъ.

Онъ поморщился, но сейчасъ же вздохнулъ и сказалъ: «Сюда начальству глядѣть нечего» и пустилъ вскачь тройку навстрѣчу «надменной особѣ».

Люди только руками махнули:

— Отчаянный! что-то ему теперь будетъ?

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Скороходы изъ этой же толпы быстро успѣли дать знать въ соборъ духовенству и набольшимъ, въ какомъ двусмысленномъ видѣ встрѣтитъ губернатора Рыжовъ, — но теперь уже всѣмъ было самому до себя.

Всѣхъ страшнѣе было протопопу, потому что чиновники притаились въ церкви, а онъ съ крестомъ въ рукахъ стоялъ на сходахъ. Его окружалъ очень небольшой причтъ, изъ коего вырѣзались двѣ фигуры: приземистый дяконъ съ большой головой и длинноногій дячокъ въ стихарѣ съ

священною водою въ «апликовой» чапѣ, которая ходуномъ ходила въ его оробѣвшихъ рукахъ. Но вотъ трепеть страха смѣнился окаменѣніемъ: на площади показалась борзо скачущая тройкою почтовая телѣга, въ которой съ замѣчательнымъ достоинствомъ возвышалась гигантская фигура Рыжова. Онъ былъ въ пиджакѣ, въ мундирѣ съ краснымъ воротомъ и въ бѣлыхъ рейтузахъ съ надшитымъ канифасовымъ карнизомъ, — что издали рѣшительно ничего не портило. Напротивъ, онъ всемъ казался чѣмъ-то величественнымъ и, дѣйствительно, такимъ и долженъ былъ казаться. Твердо стоя на скачущей телѣгѣ, на облучкѣ которой подирывивалъ ямщикъ, Александръ Аванасьевичъ не колебался ни направо, ни налево, а плылъ точно на колесницѣ какъ триумфаторъ, сложивъ на груди свои богатырскія руки и обдавая цѣлымъ облакомъ пыли слѣдовавшую за нимъ постерникомъ коляску и легкій тарантасикъ. Въ этомъ тарантасѣ ѣхали чиновники. Ланской помѣщался одинъ въ каретѣ и, несмотря на отягчившую его солидную важность, былъ, повидимому, сильно заинтересованъ Рыжовымъ, который летѣлъ впереди его, стоя, въ кургузомъ мундирѣ, нимало не закрывавшемъ разводы національныхъ цвѣтовъ на его бѣлыхъ рейтузахъ. Очень возможно, что значительная доля губернаторскаго вниманія была привлечена именно этою странностію, значеніе которой не такъ легко было понять и опредѣлить.

Телѣга въ свое время своротила въ сторону, и Александръ Аванасьевичъ въ свое время соскочилъ и открылъ дверцу у губернаторской кареты.

Ланской вышелъ, имѣя, какъ всегда, неизмѣнно «надменную фигуру», въ которой, впрочемъ, содержалось довольно доброе сердце. Протопопъ, осѣнивъ его крестомъ, сказалъ: «Благословенъ грядый во имя Господне» и затѣмъ покропилъ его легонько священной водою.

Сановникъ приложился ко кресту, оторъ батистовымъ платкомъ понавнѣя ему на надменное чело капли и вступилъ *первый* въ церковь. Все это происходило на самомъ виду у Александра Аванасьевича и чрезвычайно ему не понравилось, — все было «надменно». Неблагопріятное впечатлѣніе еще болѣе усилилось тѣмъ, что, вступивъ въ храмъ, губернаторъ не положилъ на себя креста и никому не поклонился, — ни алтарю, ни народу, и шелъ какъ шестъ, не сгибая головы, къ амвону.

Это было противъ всѣхъ правилъ Рыкова по отношенію къ богопочитанію и къ обязанностямъ высшаго быть при-мѣромъ для низшихъ, — и благочестивый духъ его всколебался и поднялся на высоту невѣроятную.

Рыковъ все шель слѣдомъ за губернаторомъ и, по мѣрѣ того, какъ Ланской приближался къ солеѣ, Рыковъ все больше и больше сокращалъ разстояніе между нимъ и собою, и вдругъ неожиданно схватилъ его за руку и громко произнесъ:

— Рабъ Божій Сергій! входи во храмъ Господень не надменно, а смиренно, представляя себя самымъ большимъ грѣшникомъ—вотъ какъ!

Съ этимъ онъ положилъ Губернатору руку на спину и, степенно нагнувъ его въ полный поклонъ, снова отпустилъ и сталъ на вытяжку.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Очевидецъ, передававшій эту анекдотическую исторію о солигаличскомъ антикѣ, ничего не говорилъ: какъ принялъ это бывшій въ храмѣ народъ и начальство. Известно только, что никто не имѣлъ отваги, чтобы заступиться за нагну-таго губернатора и остановить безтрепетную руку Рыкова, но о Ланскомъ сообщаютъ нѣчто подробнѣе. Сергій Степановичъ не подалъ ни малѣйшаго повода къ продолженію беспорядка, а, напротивъ, «смирилъ свою горделивую надменность умнымъ самообладаніемъ». Онъ не оборвалъ Александра Лоопасевича, и даже не сказалъ ему ни слова, но перекрестился и, оборотясь, поклонился всему народу, а затѣмъ скоро вышелъ и отправился на притовленную ему квартиру.

Здѣсь Ланской принялъ чиновниковъ—коронныхъ и выборныхъ, и тѣхъ изъ нихъ, которые ему показались достойными большаго довѣрія, разспросилъ о Рыковѣ: что это за человекъ и какимъ образомъ онъ терпится въ обществѣ.

— Это нашъ квартальный Рыковъ, — отвѣчалъ ему голова.

— Что же онъ... вѣроятно, въ номѣнательствѣ?

— Никакъ нѣтъ: просто всегда *такой*.

— Такъ зачѣмъ же держать *такого* на службѣ?

— Онъ по службѣ хорошъ.

— Дерзокъ.

— Самый смиренный: на шею ему старшій сядь, — рассу-

днѣ: «потому везть надо» — и повезетъ, но только онъ много въ Библии начитавшись и черезъ то разстроень.

— Вы говорите несообразное: Библия книга божественная.

— Это точно такъ, только ее не всякому честь пристойно: въ иночествѣ отъ нея страсть мечется, а у мірскихъ людей умъ мѣшается.

— Какіе пустяки! — возразилъ Ланской и продолжалъ разспрашивать:

— А какъ онъ насчетъ взятокъ: умѣренъ ли?

— Помилуйте, — говоритъ голова: — онъ совсѣмъ ничего не беретъ...

Губернаторъ еще больше не повѣрилъ.

— Этому, — говоритъ: — я уже ни за что не повѣрю.

— Нѣтъ; дѣйствительно, не беретъ.

— А какъ же, говоритъ, онъ какими средствами живетъ?

— Живетъ на жалованье.

— Вы вздоръ мнѣ рассказываете: такого человѣка во всей Россіи нѣтъ.

— Точно, — отвѣчаетъ, нѣтъ; но у насъ такой обывался.

— А сколько ему жалованья положено?

— Въ мѣсяць десять рублей.

— Въдь на это, говоритъ, овцу прокормить нельзя.

— Дѣйствительно, говоритъ, мудрено жить — только онъ живетъ.

— Отчего же такъ всѣмъ нельзя, а онъ обходится?

— Библии начитался.

— Хорошо, — «Библии начитался», а что же онъ ѣсть?

— Хлѣбъ да воду.

И тутъ голова и рассказать о Рыжовѣ, каковъ онъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ.

— Такъ это совсѣмъ удивительный человѣкъ! — воскликнулъ Ланской и велѣлъ позвать къ себѣ Рыжова.

Александръ Лоанасьевичъ явился и сталъ у притолки, вже по подчиненію.

— Откуда вы родомъ? — спросилъ его Ланской.

— Здѣсь, на Нижней улицѣ родился, — отвѣчалъ Рыжовъ.

— А гдѣ воспитывались?

— Не имѣлъ воспитанія... у матери росъ, а матушка ни роги пекла.

— Учились гдѣ-нибудь?

— У дьячка.

— Исповѣданія какого?

— Христіанинъ.

— У васъ очень странныя поступки.

— Не замѣчаю: всякому то кажется странно, что самому несвойственно.

Ланской подумаль, что это вызывающій, дерзкій намекъ и, строго взглянувъ на Рыжова, рѣзко спросилъ:

— Не держитесь ли вы какой-нибудь секты?

— Здѣсь нѣтъ секты: я въ соборъ хожу.

— Исповѣдуетесь?

— Богу при протопопѣ каюсь.

— Семья у васъ есть?

— Есть жена съ сыномъ.

— Жалованье малое получаете?

Никогда не смѣявшійся Рыжовъ улыбнулся.

— Беру, говорить, въ мѣсяць десять рублей, а не знаю: какъ это,—много или мало.

— Это немного.

— Доложите государю, что для лукаваго раба это мало.

— А для вѣрнаго?

— Достаточно.

— Вы, говорятъ, никакими статьями не пользуетесь?

Рыжовъ посмотрѣлъ и промолчалъ.

— Скажите по совѣсти: быть ли это можетъ такъ?

— А отчего же не можетъ быть?

— Очень малыя средства.

— Если имѣть великое обузданіе, то и съ малыми средствами обойтись можно.

— Но зачѣмъ вы не проситесь на другую должность?

— А кто же эту занимать станетъ?

— Кто-нибудь другой.

— Развѣ онъ лучше меня справить?

Теперь Ланской улыбнулся: квартальный совѣмъ заинтересовалъ его нечуждую теплоту души.

— Послушайте,—сказалъ онъ:—вы чудакъ; я васъ прощу сѣсть.

Рыжовъ сѣлъ vis-à-vis съ «надменнымъ».

— Вы, говорятъ, знатокъ Библии?

— Читаю, сколько время позволяетъ, и вамъ совѣтую.

— Хорошо; но... могу ли я васъ увѣрить, что вы можете со мною говорить совѣмъ откровенно и по справедливости.

— Ложь заповѣдью запрещена,—я лгать не стапу.

— Хорошо. Уважаете ли вы власти?

— Не уважаю.

— За что?

— Лѣнны, алчны и предъ престоломъ криводушны, — отвѣчалъ Рыжовъ.

— Да, вы откровенны. Благодарю. Вы тоже пророчествуете?

— Нѣтъ; а по Библии вывожу, что ясно слѣдуетъ.

— Можете ли вы мнѣ показать хоть одинъ вашъ выводъ?

Рыжовъ отвѣчалъ, что можетъ, — и сейчасъ же принесъ цѣлый обертокъ бумаги съ надписью «Однодумъ».

— Что тутъ есть пророчественнаго о прошломъ и сбывшемся?—спросилъ Ланской.

Квартальный перемахнулъ знакомыя страницы и прочиталъ: «Государыня въ перепискѣ съ Вольтеромъ назвала его вторымъ Златоустомъ. За сіе несообразное сравненіе жизнь нашей монархини не будетъ имѣть спокойнаго конца».

На отлинеенномъ полѣ противъ этого мѣста отмѣчено: «исполнилось при огорчительномъ сватовствѣ Павла Петровича».

— Покажите еще что-нибудь.

Рыжовъ опять заметалъ страницы и указалъ новое мѣсто, которое все заключалось въ слѣдующемъ: «Изданъ указъ о попенномъ сборѣ. Отнынѣ хладъ бѣдныхъ хижинъ усилится. Надо ожидать особеннаго наказанія». И на полѣ опять отмѣтка: «Исполнилось,—зри страницу такую-то», а на той страницѣ запись о кончинѣ юной дочери императора Александра Перваго съ отмѣткою: «сіе послѣдовало за назначеніе налога на лѣсъ».

— Но позвольте, однако,—спросилъ Ланской:—вѣдь лѣса составляютъ собственность?

— Да; а грѣтъ воздухъ въ жильѣ составляетъ потребность.

— Вы противъ собственности?

— Нѣтъ; я только, чтобы всѣмъ тепло было въ стужу. Не надо давать лѣсовъ тѣмъ, кому и безъ того тепло.

— А какъ вы судите о податяхъ: слѣдуетъ ли облагать людей податью?

— Надо наложить и еще прибавить на всякую вещь роскошную, чтобы богатый платилъ казнѣ за бѣднаго.

— Гм, гм! вы ни откуда это учение не почерпаете?

— Изъ священнаго писанія и моей совѣсти.

— Не руководятъ ли васъ къ сему иные источники того времени?

— Всѣ другіе источники не чисты и полны суетумудрія.

— Теперь скажите внослѣднее: какъ вы не боитесь ни того, что пишете, ни того, что со мною въ церкви сдѣлали?

— Что пишу, то про себя пишу, а что въ храмѣ сдѣлалъ, то долженъ былъ учинить, цареву власть оберегаячи.

— Почему цареву?

— Дабы видѣли всѣ его слугъ къ вѣрѣ народной почтительными.

— Но вѣдь я могъ съ вами обойтись совсѣмъ не такъ, какъ обхожусь.

Рыковъ посмотрѣлъ на него «съ сожалѣніемъ» и отвѣчалъ:

— А какое же зло можно сдѣлать тому, кто на десять рублей въ мѣсяцъ умѣетъ съ семьей жить?

— Я могъ велѣть васъ арестовать.

— Въ острогѣ сытѣй ѣдятъ.

— Васъ сослали бы за эту дерзость.

— Куда меня можно сослать, гдѣ бы мнѣ было хуже и гдѣ бы Богъ мой оставилъ меня? Онъ вездѣ со мною, а кромѣ Его никого не страшно.

Надменная шея склонилась и лѣвая рука Манского простерлась къ Рыкову.

— Характеръ вашъ почтененъ, — сказалъ онъ и велѣлъ ему выйти.

Но, повидимому, онъ еще не совсѣмъ довѣрялъ этому библейскому социалисту и спросилъ о немъ лично самъ нѣсколько простолюдиновъ.

Тѣ, покрути рукой въ воздухѣ, въ одно слово отвѣчали:

— Онъ у насъ такой-нѣкій-этакой.

Болѣе положительнаго изъ нихъ о немъ никто не зналъ.

Прощаясь, Манской сказалъ Рыкову:

— Я о васъ не забуду и совѣтъ вашъ исполню, — прочту Библию.

— Да только этого мало, а вы и на десять рублей въ мѣсяцъ жить поучитесь, — добавилъ Рыковъ.

Но этого совѣта Манской уже не обѣщалъ исполнить, а только засмѣялся, опять подаль ему руку и сказалъ:

— Чудакъ, чудакъ!

Сергій Степановичъ уѣхалъ, а Рыковъ унесъ къ себѣ домой своего «Однодума» и продолжалъ писать въ немъ, что изливали его наблюдательность и пророческое вдохновеніе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Со времени проѣзда Ланского прошло довольно времени, и событія, сопровождавшія этотъ проѣздъ черезъ Солигаличъ, уже значительно позабылись и затерлись ежедневною сутолокою, какъ вдругъ, неожиданно-негаданно, на дивное-диво не только Солигаличу, а всей просвѣщенной Россіи, въ обревизованный городъ пришло извѣстіе совершенно невѣроятное и даже въ стройномъ порядкѣ правленія невозможное: квартальному Рыкову былъ присланъ дарующій дворянство владимірскій крестъ, — первый владимірскій крестъ, пожалованный квартальному.

Самый орденъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ предписаніемъ возложить его и носить по установленію. И крестъ, и грамота были вручены Александру Аѳанасьевичу съ объявленіемъ, что удостоенъ онъ сея чести и сего пожалованія по предписанію Сергѣя Степановича Ланского.

Рыковъ принялъ орденъ, посмотрѣлъ на него и проговорилъ вслухъ:

— Чудакъ, чудакъ! А въ «Однодумѣ» противъ имени Ланского отмѣтилъ: «быть ему графомъ», — что, какъ извѣстно, и исполнилось. Носить же ордена Рыкову было *не на чемъ*.

Кавалеръ Рыковъ жилъ почти девяносто лѣтъ, аккуратно и своеобразно отмѣчая все въ своемъ «Однодумѣ», который, вѣроятно, издержанъ при какой-нибудь уѣздной реставраціи на оклейку стѣны. Умеръ онъ, исполнивъ все христіанскія требы по установленію православной церкви, хотя православіе его, по общимъ замѣчаніямъ, было «сомнительно». Рыковъ и въ вѣрѣ былъ человѣкъ такой-нѣкій-этакой, по при всемъ томъ, мнѣ кажется, въ немъ можно видѣть кое-что кромѣ «одной дряни», — чѣмъ и да будетъ онъ помянутъ въ самомъ началѣ розыска о «трехъ праведникахъ».

ПИГМЕИ.

Разскажу вамъ одно истинное событіе, о которомъ недавно вспомнили въ одномъ скромномъ кружкѣ, по поводу замѣчаемаго нынче чрезмѣрнаго усиленія въ нашемъ обществѣ холоднаго и безстрастнаго эгоизма и безучастія. Нѣкоторымъ изъ собесѣдниковъ казалось, что будто прежде такъ не было, — имъ сдавалось, будто еще и въ недавнее время сердца были немножко потеплѣе и души поучастливѣе, и одинъ изъ собесѣдниковъ, мой землякъ, пожилой и весьма почтенный человѣкъ, сказалъ намъ:

— Да вотъ какъ, господа: я сейчасъ еще знаю у насъ въ губерніи одного старичка, самаго мелкопомѣстнаго дворянина, настоящаго пигмея, который никогда въ жизни не игралъ никакой значительной роли, а между тѣмъ онъ, живучи здѣсь въ Петербургѣ, по одному благородному побужденію, сдѣлалъ разъ такое дѣло, что этому даже, пожалуй, и повѣрить трудно. И если я вамъ это разскажу, такъ вы увидите, что можетъ сдѣлать для ближняго самый маленькій человѣкъ, когда онъ серьезно *захочетъ* помочь ему; — наше нынѣшнее горе въ томъ, что никто ничего не хочетъ сдѣлать для человѣка, если не чаесть отъ этого себѣ выгоды.

И разсказчикъ сообщилъ намъ слѣдующее:

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мелкопомѣстный дворянинъ, о которомъ я говорю, назывался С***, онъ еще здравствуетъ и доживаетъ свой вѣкъ въ своемъ маленькомъ хуторчкѣ въ К. уѣздѣ. Прежде чѣмъ

состарѣтся, онъ служилъ здѣсь въ Петербургѣ въ вѣдомствѣ с.-петербургской полиціи и на самомъ ничтожномъ мѣстѣ: на обязанности его лежало распорядиться исполненіемъ публичныхъ тѣлесныхъ наказаній. Въ то сравнительно весьма недавнее время у насъ на святой Руси людей непривилегированнаго класса сѣкли плетями и клеймили. За свою долговременную службу нынѣшній старичокъ С., разумѣется, «привелъ въ исполненіе» этихъ наказаній такое безчисленное множество, что совершенно привыкъ къ такому непріятному занятію и распорядился этимъ холодно и безтрепетно, какъ самымъ обыкновеннымъ служебнымъ дѣломъ. Но вотъ разъ съ нимъ случилось такое событіе, что онъ самъ себя измѣнилъ и, по собственнымъ его словамъ, «вмѣсто того, чтобы благоразумно долгъ свой исполнить—надѣлалъ глушостей».

Событіе это произошло въ 1853 г., когда русскія отношенія къ Франціи были очень натянуты, и въ столицѣ сильно уже поговаривали о возможности рѣшительнаго разрыва. Въ это время разъ чиновнику С. передаютъ «для исполненія» бумагу о наказаніи плетями, черезъ палача, молодого француза Н, осужденнаго къ этому за самый гадкій поступокъ надъ малолѣтней дѣвочкой. Я не назову вамъ этого француза, потому что онъ живъ и довольно извѣстенъ; а какъ его имя берегла отъ оглашенія скромность «пигмея», то и я не великанъ, чтобы его выдать.

— Прочелъ, — говоритъ С.:—я эту бумагу, помѣтилъ, и что же еще тутъ долго думать: отиленасмъ молодца яко старца, да и дѣло съ концомъ; и я далъ въ порядкѣ приказъ подрядчику, чтобы завтра эшафотъ на площади сладить, а самъ велѣлъ привести арестанта, чтобы посмотрѣть на него: здоровъ ли онъ и можно ли его безопасно подвергнуть этой процедурѣ.

Приводить человѣка такого тцедушнаго, дохлаго; блѣдный, плачетъ, дрожить и руки ломаетъ, а самъ все жалостно ленечетъ.

— Ахъ ты, думаю, Господи Боже мой: падо же было ему, этакому французскому поганцу, сюда заѣхать и этакое пакостное дѣло здѣсь учинить, чтобы мы его тутъ на свой фасонъ какъ сидорову козу лунили.

И вдругъ жаль мнѣ его стало.

— Что, говорю, ты это себѣ надѣлалъ! Какъ ты дерзнуть на бѣдное дитя покуситься...

А онъ падаетъ въ ноги, ручки въ кандалахъ къ небу поднимаетъ, гремитъ цѣпами и плачетъ.

— Мусье, мусье! Небо видитъ...

— Что, говорю: «Небо»! нечего теперь, братецъ, землю обезчестивши, на небо топыриться,—готовься: завтра экзекуція,—что заслужилъ, то и примешь.

— Я, говоригъ, занапрасно (онъ, три года въ острогѣ сиди, таки подучился немножко по-русски).

— Ну, уже это, говорю, монъ ами, врешь,—занапрасно бы у насъ тебя не присудили: судъ знаетъ, за что караетъ.

— Ей-Богу, говоритъ, занапрасно... вотъ Богъ, Дье, Дье меня убей... и тому подобное, и такъ горько, такъ горько бѣдный плачетъ, что всего меня встревожилъ. Много я въ своей жизни всякихъ слезъ передъ казнью видѣлъ, но а этакихъ жаркихъ, горячихъ да drobныхъ слезъ, право, не видалъ. Такъ вотъ и видно, что ихъ напраслина жметъ...

— Ну, а мнѣ-то, скажите,—что же я, пигмей, могу ему сдѣлать?—мое дѣло одно, что надо его отпороть, заклеить, да сослать «во исполненіе рѣшенія», вотъ и все, и толковать тутъ не о чемъ. И я кивнулъ часовымъ, чтобы взяли его, потому что для чего же мнѣ его держать,—и самому тревожиться, и его напрасно волновать раньше времени.

— Ведите, говорю, его назадъ въ тюрьму.

Но онъ, какъ услышалъ это, такъ обхватилъ мою ногу руками и замеръ: а слезы или лицо это у него такое горячее, что даже сквозь сапогъ мою ногу жжетъ.

— Тыфу, провались ты совсѣмъ, думаю, вотъ на горе свое я съ нимъ разговорился: и никакъ его съ ноги стряхнуть не могу; а самому мнѣ въ ухо вдругъ что-то шептать начало: «разспроси его, разспроси, послушай, да заступись».

— Ну, чего тутъ, помилуйте, заступаться мнѣ, ничтожному исполнительному чиновнику, когда дѣло уголовнымъ судомъ рѣшено и уже и подрядчику, и смотрителю насчетъ палача приказъ данъ. Какія тутъ заступничества? А оно, это что-то незримое, знай все свое въ ухо шепчетъ: «разспроси, заступись».

И и соблазнился: заступаться, думаю, я хоть и не буду, а разспросить, пожалуй, разсирошу.

— Валяй, говорю, рассказывай по всей истинѣ, какъ дѣло было! Да только смотри—не ври.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Онъ мнѣ, сколько ему позволяли слезы и рыданія, рассказалъ, что жилъ онъ на Морской у парикмахера; туда ходила къ нимъ, къ стригачамъ, отъ прачки дѣвочка, двѣнадцати—не то тринадцати лѣтъ,—очень хорошенькая. И говоритъ, что она не то на его сестренку или, какъ тамъ по-ихнему, на кузинку его какую, что ли, очень похожа была. Ну, а онъ, это, знаете, какъ французъ... ну, разумѣется, со вкусомъ тоже и фантазіей: нравится ему дитя, — онъ ей нынче бантикъ, завтра ашельсинчикъ, послѣ рубль, или полтинничекъ, бомбочки—все баловаль ее. Говоритъ, безъ всякой будто пѣли; а мать-то ея пройдоха была: заввала его къ себѣ да съ дѣвчонкою ихъ и заперла, а дѣвчонку научила ему рожу расцарапавъ, да кричать, будто ее странно обидѣть хотѣлъ. Сбѣжался народъ, актъ составили, въ тюрьму,—въ тюрьмѣ три года продержали и къ плетямъ, да къ ссылкѣ присудили.

Выслушалъ я все это и все мнѣ показалось это такъ, какъ онъ рассказалъ, и обратилъ я вниманіе на его рубецъ, что эта дѣвочка ему на носу сдѣлала: глубокій рубецъ,—заклилъ, но поблѣлый шрамъ такъ и остался. Престранный шрамъ: точно парочно рассчитано, на какомъ мѣстѣ его отмѣтить. Но большей части это никогда такъ не бываетъ: по большей части женщина въ такихъ случаяхъ прямо въ глаза, а еще больше въ щеки цапаетъ,—потому она, когда ее одолѣваютъ, руками со сторонъ къ лицу взмахиваетъ; а это какъ-то по-кошачьи, прямо въ середину, какъ разъ по носу и къ губѣ пущено...

Думаю: чего добраго, Богъ знаетъ, вѣдь есть такія проходимки; въ полиціи какъ послужинъ, такъ вѣдь на какихъ негодяевъ не насмотришься, и говорю ему,—это вамъ даже смѣшно должно показаться,—говорю:

— Ну, хорошо, мусье: если все это такъ, какъ ты мнѣ сказалъ,—то, можетъ-быть, Богъ напраслины не допуститъ:—молись и надѣйся.

Онъ руки у меня расцѣловалъ и забрякалъ цѣпями, пошелъ, а я остался на своемъ мѣстѣ и думаю себѣ: вотъ и два дурака вмѣстѣ собрались. Первый онъ, что меня за

пророка почель, а другой я, что ему напрасную надежду подалъ.

А во лбу такъ-таки вотъ и стоитъ, что это напраслина и ужасная напраслина, и между тѣмъ вотъ мы завтра его бить будетъ и это его шустрое французское тѣльце будетъ на деревянной кобылѣ ежиться, кровью обливаться и будетъ онъ визжать, какъ живой поросенокъ на вертелѣ... Ахъ, ты, лихо бы тебя било, да не я бы на это смотрѣлъ! Не могу; просто такъ за него растревожился, что не могу самой пустой бумажонки на столѣ распредѣлить.

Подозвалъ младшаго чиновника и говорю:

— Сдѣлайте тутъ, что нужно, а у меня очень голова разболѣлась,—и домой пойду.

Пришелъ домой, ходилъ-ходилъ, ругался-ругался со всѣми, и съ женою, и съ прислугою — не могу успокоиться да и баста! Стоитъ у меня французъ иередъ глазами и никакъ его не выникнешь.

Жена уговариваетъ, «что ты, да что съ тобою»?—потому что я никогда такой не былъ, а я еще хуже томлюсь.

Подали обѣдать; я сѣлъ, но сейчасъ же опять вскочилъ, не могу да и только. Жаль француза, да и конецъ.

Не выдержишь и, чтобы не видали домашніе какъ я мучусь, схватилъ шляпу и побѣжалъ изъ дома, и вотъ съ этихъ-то поръ я уже словно не самъ собою управляю, а начало мною орудовать какое-то вдохновеніе: *я задумалъ измѣну.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вышелъ я и прямо къ приставу, у котораго это происшествіе было; спрашиваю: какъ это все тогда, три года назадъ, происходило и что за баба мать этой дѣвочки.

Приставъ говоритъ:

— Чортъ ихъ знаетъ,—это дѣло еще не при мнѣ было, а баба, мать этой дѣвочки—большая негодяйка, и она, говоритъ, съ своею дочкою еще послѣ того не разъ этакую же исторію подводила. А впрочемъ, говоритъ, кто ихъ разберетъ: кто правъ, кто виноватъ.

Ну, довольно, думаю, съ меня: мы съ тобою, братъ, этого не разберемъ, а Богъ разберетъ, да съ этимъ прямо въ Конюшенную, на каретную биржу: договорилъ себѣ карету глубокою, четверомѣстною, въ какихъ больныхъ возать, и

велѣлъ какъ можно скорѣе гнать въ Измайловскій полкъ, къ одному пріятелю, который былъ семейный и при дѣтяхъ держалъ гувернера француза. Этотъ французъ давно въ Россіи жилъ и по-русски понималъ все, какъ надо.

Прикатилъ я къ пріятелю и говорю:

— Дай, говорю, голубчикъ, мнѣ на поддержаніе своего французишку, что у тебя служить: онъ мнѣ нуженъ.

— Зачѣмъ тебѣ?—спрашиваетъ.

— Такъ, говорю, нуженъ онъ мнѣ, — на самое короткое время,— всего часа на два.

И говорю это, знаете, такъ, что пріятель мой легко могъ замѣтить, что я не спокоенъ, потому что задыхаюсь, тороплюсь и волнуясь, и чѣмъ это больше скрыть хочу, тѣмъ больше себя, къ досадѣ своей, высказываю и ввожу его насчетъ себя въ сомнѣніе, а тѣмъ у него, разумѣется, еще больше вопросы вызываю: «что ты, да на что тебѣ?»

Насилу нашелся увернуться отъ его долгихъ разспросовъ, сказавши, что будто бы встревоженъ оттого, что получилъ извѣстіе о болѣзни брата, и не могу удержаться, хочу сѣздить къ французенкѣ гадалкѣ на ленорманскихъ картахъ погадать: выздоровѣетъ ли мой братъ или умретъ? Ну, а какъ самъ я по-французски не маракую, то... и прочее, и прочее, и прочее.

Не знаю: повѣрилъ ли мнѣ пріятель или не повѣрилъ, но только разспрашивать больше не сталъ и француза мнѣ отпустилъ; а я, взявши того, сейчасъ же опять съ нимъ въ карету и говорю:

— Ну, слушай, мусье: знаешь ли ты, по какому дѣлу я тебя взялъ?

А тотъ, смотрю, глядитъ на меня и блѣднѣетъ, потому, знаете: наша полицейская служба къ намъ вольнолюбивыхъ людей не располагаетъ. Особенно въ тогдашнее время, для француза я могъ быть очень непріятенъ, такъ какъ, напоминаю вамъ, тогда наши русскія отношенія съ Франціею сильно уже портились и у насъ по полиціи часто секретныя распоряженія были за разными людьми ихъ націи по-строже присматривать.

— Что ты это, кажется,—говорю:—сробишь?

А уже его и лихорадка колотить.

— Помилуйте,—отвѣчаетъ:—я ни въ чемъ не виноватъ!

— Да, дуй тебя горою: кто тебѣ говорить, что ты въ

чемъ-нибудь виновать! Тутъ я, братецъ, во всемъ виновать, потому что я *измѣнникъ*: я въ такое время вмѣшиваюсь въ дѣло, куда мнѣ совѣмъ и поса совать не слѣдуетъ; ну, да некуда податься, видно Богу такъ угодно, чтобы я сюда сунулся. И, вообразите себѣ, я, дѣйствительно, въ то время такъ чувствовалъ, что *это Богу угодно* совершить то, что я дѣлаю. Разумѣется, самоиѣніе.

— Слушай же, — говорю: — такъ и такъ, вотъ въ чемъ дѣло: вотъ что съ однимъ твоимъ компанріотомъ случилось и что ему завтра неотразимо угрожаетъ — плети, а я его отъ этого намѣрень избавить.

Спутникъ мой и ротъ разинулъ: онъ хотъ и иностранецъ былъ, но давно, какъ я вамъ сказалъ, у насъ въ Россіи живши, имѣлъ о нашихъ порядкахъ понятіе и потому, конечно, могъ развѣ за сумасшествіе принять, что маленькій полицейскій исполнительный чиновникъ вызывается отмѣнить судебное уголовное рѣшеніе, утвержденное высшею властью. Но я ему говорю:

— Я тебя прощу, любезный другъ, на меня открытымъ ртомъ не зѣвать и не ахать, а послужить Богу въ этомъ дѣлѣ, для чего я тебя и взялъ: знаешь ли ты, куда я тебя теиерь везу?

— Не знаю, — говоритъ.

— Ну, такъ вотъ знай, вотъ сейчасъ мы остановимся у вашего посольства; мнѣ туда заходить никакъ нельзя, потому что я полицейскій чиновникъ и намъ закопомъ запрещено въ посольскіе дома вступать, а ты войди, и какъ ваши послы столь просты, что своихъ соотечественниковъ во всякое время принимаютъ, то добейся, чтобы тебя герцогъ сейчасъ принялъ *), и все ему расскажи. А я, тѣмъ временемъ, здѣсь въ каретѣ сидѣть буду — тебя дожидаться, и если посолъ скажетъ, чтобы меня позвать, ну, ты тогда примили за мной, и я явлюсь, и все подтвержу; но, можетъ-быть, онъ и такъ повѣритъ и самъ узнаетъ, что ему надо сдѣлать.

Подѣхали мы къ посольскому дому, остановились; французъ мой вылѣзъ и за зеркальными двери въ подѣздъ

*) Въ Петербургѣ въ это время французскимъ посломъ и полномочнымъ министромъ находился, кажется, *герцогъ де-Гини*, который заступилъ съ 10-го (22-го) августа 1853 г. барона Бюриньо де-Варенъ, бывшаго повѣреннаго по дѣламъ.

ушелъ, а я велѣлъ извозчику подальше помпожко отъѣхать и забился въ уголокъ кареты — и жду. И тутъ вдругъ я сообразилъ всю свою измѣну и меня начала лихорадка бить...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вдругъ, знаете, сразу мнѣ все ясно представилось: за какое я неносильное дѣло взялся, и это... полицейскій-то я чиновникъ, и какъ будто на свое правительство... жалуюсь... да еще иностранному послу, да еще французскому, и въ такое политическое время... Эхъ, скверно! измѣнникъ я, чистый измѣнникъ! И что больше думаю, то все хуже выходитъ... Эхъ, какъ скверно! А французика моего все нѣтъ, какъ нѣтъ, изъ-за этихъ зеркальныхъ дверей, а мнѣ видно, какъ по той сторонѣ улицы, по противоположному тротуару, все кварталный ходитъ... Думаю себѣ: подаромъ же онъ тутъ прогуливается... И, вѣдь поди, на мой грѣхъ, можетъ-быть, еще этакій... изъ внимательныхъ, орденокъ, гляди, хочеть выслужить и стоитъ, теперь, пожалуй, да соображаетъ, что, молъ, это за карета къ посольскому дому подѣхала? нѣтъ ли тутъ чего? да возьметъ, воръ, и взглянетъ въ окно; а я вотъ тутъ и есть! Узнать, бездѣльникъ, потому что меня по полици все знали, и скажетъ: «А-а, милостивый государь, такъ вы измѣняты!» да сейчасъ донесетъ по начальству; и поминай какъ звали... И дома не побываешь, а прямо черезъ Троицкій мостъ, да въ Петропавловскую крѣпость, а тамъ для насъ, измѣнниковъ, обитатели многи суть... Страхъ такой обиялъ, что лежу въ углу кареты, какъ мокрый пестъ колечкомъ свернувшись, а самъ такъ же, какъ пестъ на холоду, и дрожу, и уже ругательски себя ругаю, что заварилъ этакую крутую кашу... И все, знаете, однимъ глазкомъ поглядываю изъ окошечка на кварталнаго, который насупротивъ гуляетъ, а самъ все книзу, да книзу съ сидѣнья на полъ кареты спускаюсь, и норовлю, чтобы шпками дверцу оттолкнуть, да по низку стрекача дать, благо — я тутъ вблизи пролетный дворъ зналъ — и нескать бы меня пегдѣ было.

Такъ я и устроилъ: въ каретѣ на сидѣнья положилъ два цѣлковыхъ, что за экипажъ слѣдовало, а самъ открылъ дверцу — и только задомъ-то выползъ и ступилъ на мостовую, какъ вдругъ слышу: «б-гисы!» и мимо самой моей

снины пролетѣла пара вороныхъ лошадей въ коляскѣ и прямо къ подъѣзду, и я вижу французскій посолъ въ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ скоро сѣлъ и поскакалъ, а возлѣ меня какъ изъ земли выросъ этотъ мой посолъ-французъ, тоже очень взволнованъ, и говорить:

— Зачѣмъ,—говорить:—вы вылѣзли?

А я отъ нечистой совѣсти такъ перепугался, что одурѣлъ, и давай врать:

— Что такое,—говорю:—вамъ нужно? Я васъ вовсе не знаю и ни откуда я не вылѣзалъ.

— А видѣли вы?

— Да что такое,—говорю:—видѣть?—отстаньте вы отъ меня: ничего я не видалъ.

— Герцогъ-то нашъ,—говорить:—уже поѣхалъ.

— Да какое мнѣ дѣло до вашего герцога... что вы ко мнѣ приклеились?

— Какъ,—говорить:—какое дѣло: да вы знаете ли, куда онъ отправился?

— Ничего, ровно ничего я не знаю, и знать мнѣ незачѣмъ, а вы если отъ меня не уйдете, такъ я сейчасъ полицейскаго кликну.

Онъ смотритъ на меня, что я такъ страненъ, должно-быть, ему въ своихъ рѣчахъ показался, и шепчетъ:

— Герцогъ въ Зимній дворецъ поѣхалъ.

— Да отойдите же,—говорю:—вы отъ меня:—я вамъ сказалъ, что я ничего не знаю; и съ этимъ отпихнулъ его, да скорѣе черезъ знакомый пролетный дворъ, да домой къ итенцамъ, чтобы, пока еще время есть, хоть разъ ихъ къ своему сердцу прижать. И не успѣлъ этимъ распорядиться, какъ вдругъ нарочный, съ запиской отъ генерала, чтобы завтра наказаніе такого-то француза отмѣнить.

Батюшки мои, думаю, какъ заиграю.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Я только языкъ прикусилъ, да поскорѣе написалъ всѣмъ кому надо отмѣну церемоніи и всю ночь потомъ не ложился, а все ходилъ въ такомъ въ самомъ странномъ какомъ-то состояніи. Ище самъ себѣ не отдавалъ отчета: какъ это я сдѣлалъ и что изъ этого дальнѣе выйдетъ? А и страшно, и словно благодать какая въ душѣ. Думаю, конечно, и о томъ: не попадусь ли я тутъ самъ какимъ-ни-

бѣдъ манеромъ и чего буду за мою измѣну удостоенъ, но и за бѣднугу французинку нарадоваться не могу. И только насилу передъ самымъ утромъ, съ этими нелегкими мыслями, у себя въ кабинетѣ въ креслѣ задремалъ, какъ вдругъ слышу въ передней возлѣ двери шумъ и пререканіе, жена кого-то упрощиваетъ повременить, говоритъ, что я только сейчасъ заснулъ; а тотъ, чужой голосъ, настаиваетъ, чтобы тотчасъ разбудить и точно какъ будто имя государя мнѣ послышалось. Сейчасъ мнѣ припомнилась моя измѣна, и сразу вся моя дрема прошла.

Бросился я, какъ былъ, въ халатѣ къ двери, смотрю — курьеръ стоитъ съ такою солидною рожею, какихъ нарочно по осторожнымъ дѣламъ посылаютъ, и подаетъ мнѣ молча пакетъ.

А, знаете, и пакетъ беру, и руки-то ходенемъ ходятъ, насилу разломилъ печать и вижу бѣлый листъ, а на немъ посрединѣ всего одно слово выведено «*благодарю*», а въ срединѣ деньги... Сосчиталъ — какъ разъ полторы тысячи рублей денегъ.

Вѣдь не поймень этого ничего какъ-то въ первую минуту: что это и отъ кого, и потому не знаешь, къ кому въ такомъ затрудненіи готовъ за объясненіями обратиться. Такъ и я курьера-то этого хочу спросить, а его уже слѣдъ простылъ... Ну, тутъ я на пакетъ-то этотъ глянуть, чьей рукою имя-то мое написано и «*благодарю-то*» это священное для меня выведено, и вспомнилъ, чей это почеркъ... да ужъ зато тутъ-то уже я себѣ и далъ волю: то-есть, этакъ, я вамъ говорю, я дурачки ревелъ, этакъ я сладко вырыдался, что мое вамъ почтеніе... Два раза во всю мою жизнь потомъ только этакъ и плакалъ: во второй это было, какъ императоръ Николай Павловичъ умеръ, и я ему къ его гробу ночью *свое* «*благодарю*» ходилъ сказывать за то, про что мы *съ нимъ двое* только изъ всѣхъ русскихъ знали: онъ, мой царь, да я, — его измѣнникъ. И еще послѣ я въ третій разъ такъ же плакалъ, но иному случаю, изъ этой же, впрочемъ, исторіи вытекшему.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Этого французика мы такъ совсѣмъ плетями и не сѣкли, а вѣрно было его просто выслать вонъ изъ Россіи съ подпискою, чтобы никогда въ предѣлы оной возвращаться не

смѣль. Ну, да гдѣ уже ему, дураку, было желать сюда возвращаться, да и незачѣмъ: — онъ дивнымъ образомъ очень богатъ сдѣлался въ Парижѣ. А я эти полторы тысячи-то, которыя мнѣ какъ съ неба упали, припряталъ собѣ на леченіе и изъ нихъ въ нѣсколько лѣтъ къ отставкѣ моей изъ полторы двѣ или даже немножко болѣе стало, я и поѣхалъ въ Виши водами отъ своего сидѣнья полѣчиться... Наполеонъ тамъ еще императорствовалъ, ну, и все это еще у нихъ тогда по-старому было; а на обратномъ пути, облегчался, я въ Парижъ завернулъ: посмотрѣть тамъ, что поинтереснѣе, да домой своимъ дамкамъ, знаете, какой-нибудь галантерейщинки и парфюмеріи прихватить. У насъ, я слышалъ, въ Петербургѣ все Пино, парижскаго парфюмера, предпочитаютъ, и говорю своему проводнику:

— Сведите-ка меня, батюшка, къ Пино, душковъ да помадки у него какіе лучше набрать.

А проводникъ мнѣ возражаетъ:

— Зачѣмъ же, — говоритъ: — вамъ къ Пино ѣхать?

— Да вѣдь онъ, — говорю: — самый лучший.

— Помилуйте, — отвѣчаетъ: — это Богъ знаетъ, какъ давно было, что онъ лучшимъ считался, а теперь не Пино, а другой парфюмеръ здѣсь всѣхъ лучше, и назвалъ мнѣ, знаете, фамилію, которая такъ меня сразу чѣмъ-то знакомымъ по уху и шелкнула.

— Какъ, — говорю: — вы его называете?

Тотъ повторилъ.

— Ахъ, батюшки мои, — вспомнилъ я себѣ: — да вѣдь это чуть ли и мой давнишній крестникъ тоже такъ назывался! и спрашиваю:

— Не былъ ли этотъ вашъ знаменитый парфюмеръ когда-нибудь въ Россіи!

— Какъ же, — говоритъ: — былъ, только онъ въ 1853 г. — передъ крымскою кампаніею, за политическія вмѣшательства оттуда высланъ изъ Петербурга.

— Гмъ, знаю, молъ, я эту политику.

— Ну, а все-таки, — говорю, — мы уже батюшка лучше къ Пино покупать-то поѣдемъ, а къ этому не поѣдемъ.

Проводникъ мой меня отговаривать, но я, однако, на своемъ уперся.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, — говорю, — мнѣ это не идетъ... Богъ его еще знаетъ тамъ, какъ онъ, хорошо ли дѣлаетъ; мало ли

кто у васъ тутъ на короткое время въ моду входитъ, а Пино, говорю,—это фирма старая, и онъ у насъ славится: такъ уже вы меня, пожалуйста, къ Пино свезите.

Избѣгалъ, разумѣется, чтобы не встрѣтиться, знаете... Ну, что хорошаго этакое скверное, что уже прошло, опять человѣку напоминать?

Но тутъ, долженъ вамъ сознаться въ своей маленькой слабости: проводникъ мнѣ началъ рассказывать, какъ этотъ господинъ очень богатъ; какая у него богатая фабрика и какой щегольской магазинъ и живетъ въ собственномъ домѣ,—не знаю уже, какъ эта улица у нихъ называется, а только, близъ самой Вандомской колонны... И домъ-то и захотѣлъ посмотреть.

— Что же, думаю: хоть не на него, такъ, по крайней мѣрѣ, на его имущество взгляну: отчего же не взглянуть? вѣдь это ему ничего,—онъ и знать не будетъ. Разумѣется, не хорошо, и этого не слѣдовало, потому что суетно. Но, какъ хотите, вѣдь интересно, потому что хоть небольшое дѣло я ему сдѣлалъ, а все же онъ съ моихъ рукъ жить пошелъ.

Вотъ мы и поѣхали: проѣзжаемъ мимо, нарочно тихо—въ колясочкѣ, и вижу: домъ какъ дворецъ; вывѣска фабрики на три улицы; окна въ магазинѣ—хоть шестерикомъ въ нихъ поворачивай.

— Быть,—говорю, не можетъ, чтобы это тотъ самый человѣкъ!

— Идти, тотъ самый, что у васъ изъ Россіи за политику высланъ.

— Да что ты, думаю, дурачокъ, толкуешь, много ты понимаешь меня, о чемъ я думаю? По-твоему это тотъ, а по-моему это не тотъ политикъ, про котораго я разумѣю.

Ну, а впрочемъ, что я ему стану рассказывать, какіе гамъ у моего крестника кондуиты: я только не вѣрю, чтобы могла судьба этакъ играть человѣкомъ и дать вдругъ, послѣ такого униженія, такое большое богатство.

— Когда бы мнѣ можно было на него какъ-нибудь взглянуть,—говорю:—вотъ бы это мнѣ было очень интересно!

— Отчего же,—говорить:—это очень можно.

— Только я къ нему въ магазинъ не пойду, а нельзя ли такъ... гдѣ-нибудь въ щелочку, чтобы онъ меня не видалъ, а я бы его видѣлъ?

— Очень можно,—говорить:—да онъ самъ въ магазинъ и рѣдко приходитъ, и въ домѣ-то этомъ теперь лѣтомъ не живетъ.

— А гдѣ же онъ живетъ?

— У себя на дачѣ, въ Пасси.

— У него и дача,—говорю,—есть?

— Не одна,—говорить,—а двѣ: одна этакая полулѣтняя, по-ихнему «демисезонъ», тутъ недалеко надъ Трокадеро, а другая, настоящая, въ Пасси,—такой, говоритъ, загородный домъ, что рѣдко можно другой встрѣтить, и онъ, говоритъ, всегда въ семь часовъ у себя надъ открытымъ цвѣтникомъ, на верандѣ, кофе съ гостями пьетъ, а иногда съ женою и дѣтьми въ серсо играетъ: вотъ мы можемъ потихоньку разъ или два мимо пройти, вы его и увидите.

— Что же, и отлично!

На дворѣ было какъ разъ часовъ шесть, и я уже по-своему, по-русски, былъ пообѣдавши и проводникъ мой тоже накормленъ, и я говорю ему:

— Да что, батюшка, далеко-то откладывать: велите-ка извозчику сейчасъ прямо туда ѣхать. Эй, ты, братецъ, говорю:—конне, пошель-ка, братъ, въ Пасси, да порѣзвѣе, на водку хорошо получишь.

Проводникъ перевелъ,—мы и поѣхали.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Поѣхали, и какъ путь лежалъ чрезъ Трокадеро, то мой проводникъ и домикъ мнѣ этого моего старо~~го~~ знакомаго показалъ,—важный домикъ, хоть бы принцу жить не стыдно; ну, а въ Пасси такъ просто замокъ этакій маленький, стѣны каменные, высокія, всеъ плющемъ заросли, и подъездъ изъ узенькаго переулочка, а за рѣшеткою виденъ цвѣтникъ, а за цвѣтникомъ домъ и веранда... И что же вы изволите думать: застали мы здѣсь все, будто по писанному, какъ мой проводникъ мнѣ предсказать: въ цвѣтникѣ дѣтки рѣзвятся, на верандѣ гости сидятъ и хозяинъ... Я спрятался за уголь стѣнки, вынулъ изъ кармана бинокль, навелъ на него и вижу, нѣтъ сомнѣнія,—это *онъ*, мой крестникъ! Возмужалъ и постарѣлъ, да и отѣлся, разумеется, хорошо въ благополучной жизни; а у носика-то бѣлый рубчикъ все-таки остался.

— Не знаете ли, батюшка,—говорю я своему проводнику:—хорошій ли онъ мужъ?

— Превосходный, — говорить, человекъ; отлично они живутъ, — и жена у него чудесная, и дѣти добрыя, и самъ онъ добрый, и бѣдныхъ людей очень помнитъ.

— Вотъ за это, — говорю, — молодецъ, что бѣдныхъ помнитъ.

А въ это самое время, какъ мы, такимъ образомъ, за угломъ перешептываемся, онъ насъ, должно быть, замѣтилъ — и кричитъ дочкѣ:

— Алина!

И вдругъ рѣшетчатая калиточка хлопнула и ко мнѣ подпорхнула милая, какъ ангелокъ, дѣвочка, въ розовомъ платьицѣ, и не успѣвъ опомниться, какъ она мнѣ сунула въ руку франкъ, проговорила: «о номъ де Жезю», или какъ тамъ по-ихнему въ родѣ нашего: «прими, Христа ради» и скрылась.

И это, знаете, въ пальто въ своемъ, въ русскомъ, быть и шляпа на мнѣ мягкая пуховая и, дѣйствительно, я на бульварнаго воюка былъ похожъ, ну, она мнѣ и подала за отца «Христа ради». Что же такое: я этотъ франкъ ей принялъ и о сю пору берегу: говорятъ, будто нищенское хорошо для счастья, но я не для суевѣрія, а такъ... для памяти дорожу.

Ну-съ, вотъ тутъ-то вотъ, я, какъ назадъ въ свой номеришка ѣхалъ, уже самъ себѣ измѣнилъ: опять въ третій разъ всю дорогу сладко-пресладко плакалъ. Проводникъ-то, я думаю, какимъ дуракомъ меня считалъ, да и стоило. Только вѣдь, знаете, не удержались, потому что, какъ въ старинныхъ стихахъ говорится:

Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

Какъ же за эти незаслуженныя ощущенія Бога хоть слеюю не поблагодарить!

КАДЕТСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

У насъ не переводились, да и не переведутся праведные. Ихъ только не замѣчаютъ, а если стать присматриваться — они есть. Я сейчасъ вспоминаю цѣлую обитель праведныхъ, да еще изъ такихъ временъ, въ которыхъ свѣтое и доброе больше чѣмъ когда-нибудь пряталось отъ свѣта. И замѣтите, все не изъ чернородья и не изъ знати, а изъ людей служилыхъ, зависимыхъ, коимъ съ соблюсти правоту труднѣе, но тогда были... Вѣрно и теперь есть; только, разумѣется, искать надо.

Я хочу вамъ рассказать нѣчто весьма простое, но не лишнее занимательности — сразу о четырехъ праведныхъ людяхъ такъ называемой «глухой поры», хотя я увѣренъ, что тогда подобныхъ было очень много.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Воспоминанія мои касаются Перваго петербургскаго кадетскаго корпуса и именно одной его поры, когда я тамъ жилъ, учился и сразу въявь видѣлъ всѣхъ четырехъ праведниковъ, о которыхъ буду рассказывать. Но прежде позвольте мнѣ сказать о самомъ корпусѣ, какъ мнѣ представляется его заключительная исторія.

До воцаренія императора Павла корпусъ былъ раздѣленъ на возрасты, а каждый возрастъ на камеры. Въ каждой камерѣ было по двадцати человѣкъ и при нихъ были гувернеры изъ иностранцевъ, такъ называемые «аббаты» — французы и нѣмцы. Бывали, кажется, и англичане. Какъ

дому аббату давали по пяти тысячъ рублей въ годъ жалованья и они жили вмѣстѣ съ кадетами и даже вмѣстѣ и снали, дежуря по двѣ недѣли. Подъ ихъ надзоромъ кадеты готовили уроки, и какой національности былъ дежурный аббатъ, на томъ языкѣ должны были все говорить. Отъ этого знаніе иностранныхъ языковъ между кадетами было очень значительно и этимъ, конечно, объясняется, почему Первый кадетскій корпусъ далъ такъ много пословъ и высшихъ офицеровъ, употребившихся для дипломатическихъ посылокъ и сношеній.

Императоръ Павелъ Петровичъ, какъ пріѣхалъ въ корпусъ, въ первый разъ по своему воцареніи, сейчасъ же приказалъ: «аббатовъ прогнать, а корпусъ раздѣлить на роты и назначить въ каждую роту офицеровъ, какъ обыкновенно въ ротяхъ полковыхъ» *).

Съ этого времени образованіе во всехъ своихъ частяхъ пало, а языкознаніе — вовсе уничтожилось. Объ этомъ въ корпусѣ жили преданія, не позабытыя до той сравнительно поздней поры, съ которой начинаются мои личныя воспоминанія о здѣшнихъ людяхъ и порядкахъ.

Я прощу вѣрить, а лично слышавшихъ меня — засвидѣтельствовать, что моя память совершенно свѣжа и умъ мой не находится въ разстройствѣ, а также я понимаю слегка и нынѣшнее время. Я не чуждъ направленій нашей литературы: я читалъ и до сихъ поръ читаю не только что мнѣ нравится, но часто и то, что не нравится, и знаю, что люди, о которыхъ буду говорить, не въ фаворѣ обрѣтаются. Время то обыкновенно называютъ «глухое», что и справедливо, а людей, особенно военныхъ, любятъ представлять сплошь «скалозубами», что, можетъ-быть, нельзя признать вполне вѣрнымъ. Были люди высокіе, люди такого ума, сердца, честности и характеровъ, что лучшихъ, кажется, и искать незачѣмъ.

Всемъ теперешнимъ взрослымъ людямъ извѣстно, какъ воспитывали у насъ юношество въ постѣдующее, менѣе глухое время; видимъ теперь на глазахъ у себя, какъ сей часъ воспитываютъ. Всякой вѣщи свое время подъ солнцемъ. Кому что нравится. Можетъ быть хорошо и то, и

*) Изъ краткой исторіи Перваго кадетскаго корпуса, составленной Висковатовымъ, видно, что это произошло 16 января 1797 г.

другое, а я коротенько расскажу, кто насъ воспитывалъ и *какъ* воспитывалъ, т. е. какими чертами своего примѣра эти люди отразились въ нашихъ душахъ и отпечатались на сердцахъ, потому что—грубннй челоѵкъ—внѣ этого, т. е. безъ живого возвышающаго чувства примѣра никакого воспитанія не понимаю. Да, впрочемъ, теперь и большіе ученые съ этимъ согласны.

Итакъ, вотъ мои воспитатели, которыми я на старости лѣтъ задумалъ хвалиться. Иду по нумерамъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

№ 1. *Директоръ, генералъ-маіоръ Перскій* (изъ воспитанниковъ лучшаго времени Перваго же корпуса). Я опредѣлился въ корпусъ въ 1822 году вмѣстѣ съ моимъ старшимъ братомъ. Оба мы были еще маленькіе. Отецъ привезъ насъ на своихъ лошадяхъ изъ херсонской губерніи, гдѣ у него было имѣніе, жалованное «матушкою Екатериною». Аракчеевъ хотѣлъ отобрать у него это имѣніе подъ военное поселеніе, но намъ старикъ поднялъ такой шумъ и сопротивленіе, что на него махнули рукою и подаренное ему «матушкою» имѣніе оставили въ его владѣніи.

Представляя насъ съ братомъ генералу Перскому, который въ одномъ своемъ лицѣ сосредоточивалъ должности директора и инспектора корпуса, отецъ былъ растроганъ, такъ какъ онъ оставлялъ насъ въ столицѣ, гдѣ у насъ не было ни одной души ни родныхъ, ни знакомыхъ. Онъ сказалъ объ этомъ Перскому и просилъ у него «вниманія и покровительства».

Перскій выслушалъ отца терпѣливо и спокойно, но не отвѣчалъ ему ничего, вѣроятно, потому, что разговоръ шелъ при насъ, а прямо обратился къ намъ и сказалъ:

— Ведите себя хорошо и исполняйте то, что приказываетъ вамъ начальство. Главное, вы знайте только самихъ себя и никогда не пересказывайте начальству о какихъ-либо шалостяхъ своихъ товарищей. Въ этомъ случаѣ васъ никто уже не спасетъ отъ бѣды.

На кадетскомъ языкѣ того времени для занимавшихся такимъ недостойнымъ дѣломъ, какъ пересказъ чего-нибудь и вообще искательство передъ начальствомъ, было особенное выраженіе «подъезозчикъ», и этого преступленія кадеты *никогда не прощали*. Съ виновнымъ въ этомъ обращались

презрительно, грубо и даже жестоко, и начальство этого не уничтожало. Такой самосудъ, можетъ-быть, былъ и хорошъ, и худъ, но онъ несомнѣнно воспитывалъ въ дѣтяхъ понятія чести, которыми кадеты бывшихъ временъ недаромъ славились и не измѣняли имъ на всѣхъ ступеняхъ служенія до гроба.

Михаилъ Степановичъ Церскій былъ замѣчательная личность: онъ имѣлъ въ высшей степени представительную наружность и одѣвался щеголемъ. Не знаю, было ли это щегольство у него въ натурѣ, или онъ считалъ обязанностью служить имъ для насъ примѣромъ опрятности и военной аккуратности. Онъ до такой степени былъ постоянно занятъ нами и все, что ни дѣлалъ, то дѣлалъ для насъ, что мы были въ этомъ увѣрены и тщательно старались подражать ему. Онъ всегда былъ одѣтъ самымъ форменнымъ, по самымъ изящнымъ образомъ: всегда носилъ тогдашнюю треугольную шляпу «по формѣ», держался прямо и молодцовато и имѣлъ важную, величавую походку, въ которой какъ бы выражалось настроеніе его души, пропикнутой служебнымъ долгомъ, но не знавшей служебнаго страха.

Онъ былъ съ нами въ корпусѣ безотлучно. Никто не помнилъ такого случая, чтобы Церскій оставилъ зданіе, и одинъ разъ, когда его увидали съ сопровождавшимъ его вѣстовымъ на тротуарѣ, — весь корпусъ пришелъ въ движеніе, и отъ одного кадета другому передавалось невѣроятное извѣстіе: «Михаилъ Степановичъ прошелъ по улицѣ!»

Ему, впрочемъ, и некогда было разгуливать: будучи въ одно и то же время директоромъ и инспекторомъ, онъ по этой послѣдней обязанности четыре раза въ день *непрерывно* обходилъ всѣ классы. У насъ было четыре переменны уроковъ, и Церскій *непрерывно* побывалъ на *каждомъ урокъ*. Придетъ, посидитъ или постоитъ, послушаетъ и идетъ въ другой классъ. Рѣшительно ни одинъ урокъ безъ него не обходился. Обходъ свой онъ дѣлалъ въ сопровожденіи вѣстового, такого же какъ онъ рослаго унтеръ-офицера, музыканта Анапьева. Анапьевъ всюду его сопровождалъ и открывалъ передъ нимъ двери.

Церскій *исключительно* занимался по научной части и отстранилъ отъ себя фронтную часть и наказанія за дисциплину, которыхъ терпѣть не могъ и не переносилъ. Отъ

него мы видѣли только одно наказаніе: когда лѣниваго или нерадиваго онъ, бывало, слегка коснется въ лобъ кончикомъ безымяннаго пальца, какъ бы оттолкнуть отъ себя, и скажетъ своимъ чистымъ, отчетливымъ голосомъ:

— Ду-ур-ной кадетъ!

И это служило горькимъ и памятнымъ урокомъ, отъ котораго заслужившій такое порицаніе часто не шель и не вѣлъ и всячески старался исправиться и тѣмъ «угнѣнить Михаила Степановича».

Надо замѣтить, что Перскій былъ холостъ, и у насъ существовало такое убѣжденіе, что онъ и не женится тоже *для насъ*.—Говорили, что онъ боится, обязавшись семействомъ, уменьшить свою о насъ заботливость. И здѣсь же у мѣста будетъ сказать, что это, кажется, совершенно справедливо. По крайней мѣрѣ знавшіе Михаила Степановича говорили, что на шуточные или нешуточные разговоры съ нимъ о женитьбѣ онъ отвѣчалъ:

— Мнѣ Провидѣніе ввѣрило такъ много чужихъ дѣтей, что некогда думать о собственныхъ,—и это въ его правдивыхъ устахъ, конечно, была не фраза.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Жилъ онъ совершенно монахомъ. Болѣе строгой аскетической жизни въ міру нельзя себѣ и представить. Не говори о томъ, что самъ Перскій не ѣздилъ ни въ гости, ни въ театры, ни въ собранія,—онъ и у себя на дому никогда никого не принималъ. Объясняться съ нимъ по дѣлу всякому было очень легко и свободно, но только въ пріемной комнатѣ, а не въ его квартирѣ. Тамъ никто посторонній не бывалъ, да и, по слухамъ, разошедшимся, вѣроятно, отъ Ананьева, квартира его была неудобна для пріемовъ; комнаты Перскаго представляли видъ самой крайней простоты.

Вся прислуга директора состояла изъ одного вышеупомянутаго вѣстового, музыканта Ананьева, который не отлучался отъ своего генерала. Онъ, какъ сказано, сопровождалъ его при ежедневныхъ обходахъ классовъ, дортуаровъ, столовыхъ и малолѣтняго отдѣленія, гдѣ были дѣти отъ четырехъ-лѣтняго возраста, за которыми наблюдали уже не офицеры; а приставленныя къ тому дамы. Этотъ Ананьевъ и служилъ Перскому, т. е. тщательно и превосходно чи-

стиль его сапоги и платье, на которомъ никогда не было пылинки, и ходилъ для него съ судками за обѣдомъ, не куда-нибудь въ избранный ресторанъ, а на общую кадетскую кухню. Тамъ кадетскими жестряпунами готовился обѣдъ для безсемейныхъ офицеровъ, которыхъ въ нашемъ монастырѣ, какъ бы по примѣру начальника, завелось много, и Перскій купалъ этотъ самый обѣдъ, платя за него эконому такую же точно скромную плату, какъ и всѣ другіе.

Понятно, что, находившись весь день по корпусу, особенно по классамъ, гдѣ онъ былъ не для формы, а, имѣя хороши свѣдѣнія во всѣхъ наукахъ, внимательно вникалъ въ преподаваніе, Перскій приходилъ къ себѣ усталый, свѣдалъ свой офицерскій обѣдъ, отличавшійся отъ общаго кадетскаго обѣда однимъ лишнимъ блюдомъ, но не отдыхалъ, а тотчасъ же садился просматривать всѣ журнальныя отмѣтки всѣхъ классовъ за день. Это давало ему средство знать всѣхъ учениковъ ввѣреннаго ему обширнаго заведенія и не допускать случайной оплошности перейти въ привычную лѣность. Всякій, получившій сегодня неудовлетворительный балъ, мучился ожиданіемъ, что завтра Перскій непременно его подзоветъ, тронетъ своимъ античнымъ, бѣлымъ пальцемъ въ лобъ и скажетъ:

— Дурной кадетъ.

И это было такъ странно, что казалось страннѣе свѣченія, которое у насъ практиковалось, но не за науки, а только за фронтъ и дисциплину, отъ завѣдыванія конми Перскій, какъ сказано, устранился, вѣроятно потому, что нельзя было по тогдашнему обычаю обходиться безъ тѣлесныхъ наказаній, а они ему несомнѣнно были противны.

Сѣкли ротные командиры, изъ которыхъ большой охотникъ до этого дѣла былъ командиръ первой роты Ореусъ.

Вечеръ свой Перскій проводилъ за инспекторскими работами, составляя и провѣряя росписанія и соображая успѣхи учениковъ съ непройденными частями программы. Потомъ онъ много читалъ, находя въ этомъ большую помощь въ знаніи языковъ. Онъ основательно зналъ языки французскій, нѣмецкій, англійскій и постоянно упражнялся въ нихъ чтеніемъ. Затѣмъ онъ ложился немного попозже насъ для того, чтобы завтра опять встать немного насъ пораньше.

Такъ проводилъ изо дня въ день много лѣтъ кряду

этотъ достойный человѣкъ, котораго я рекомендую не исключить со счета при смѣтѣ о трехъ русскихъ праведникахъ. Онъ и жилъ, и умеръ честнымъ человѣкомъ безъ пятна и упрека; но этого мало: это все еще идетъ подъ чертою простой,—хотя, правда, весьма высокой честности, которой достигаютъ немногіе,—однако, все это, *только честность*. А у Перскаго была и доблесть, которую мы, дѣти, считали *своею*, т. е. нашею, кадетскою, потому что Михайло Степановичъ Перскій былъ воспитанникъ нашего кадетскаго корпуса и въ лицѣ своемъ олицетворялъ для насъ духъ и преданія кадетства.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

По нѣкоторому стеченію обстоятельствъ мы, ребята, сдѣлались причастны къ одному событію декабристскаго бунта. Фасъ нашего корпуса, какъ извѣстно, выходилъ на Неву, прямо противъ нынѣшней Исаакіевской площади. Всѣ роты были размѣщены по линіи, а *резервная* рота выходила на фасъ. Я былъ тогда именно въ этой резервной ротѣ и намъ, изъ нашихъ оконъ, было все видно.

Кто знаетъ графически это положеніе, тотъ его пойметъ, а кто не знаетъ—тому нечего рассказывать. Было такъ, какъ я говорю.

Тогда съ острова прямо къ этой площади былъ мостъ, который такъ и назывался Исаакіевскимъ мостомъ. Изъ оконъ фаса намъ видно было на Исаакіевской площади огромное стеченіе народа и бунтовавшихъ войскъ, которыя состояли изъ баталіона московскаго полка и двухъ ротъ экипажа-гвардіи. Когда послѣ шести часовъ вечера открыли огонь изъ шести орудій, стоявшихъ противъ адмиралтейства и направленныхъ на сенатъ, и въ числѣ бунтовавшихъ появились раненыя, то изъ нихъ нѣсколько человѣкъ бросились бѣжать по льду черезъ Неву. Одни изъ нихъ шли, а другіе ползли по льду и, перебравшись на нашъ берегъ, человѣкъ шестнадцать вопли въ ворота корпуса, и тутъ, который гдѣ привалились,—кто подъ стѣнкой, кто на сходахъ къ служительскимъ помѣщеніямъ.

Помнится, будто все это были солдаты бунтовавшаго баталіона московскаго полка.

Кадеты, услыжавъ объ этомъ или увидавъ раненыхъ, безъ удержа, но и безъ уговора, никого не слушая, бросились

къ нимъ, подняли ихъ на руки и уложили каждаго какъ могли лучше. Имъ собственно хотѣлось уложить ихъ на свои койки, но, не помню, почему - то это такъ не сдѣлалось, хотя другіе говорятъ, что будто и такъ было. Однако, я объ этомъ не спорю и этого не утверждаю. Можетъ-быть, что кадеты размѣстили раненыхъ по солдатскимъ койкамъ въ служительской казармѣ и тутъ принялись около нихъ фельдшерить и имъ прислуживать. Не видя въ этомъ ничего предосудительнаго и дурнаго, кадеты не скрывались съ своимъ поступкомъ, котораго, къ тому же, и невозможно было скрыть. Сейчас же они дали знать объ этомъ директору Перскому, а сами межъ тѣмъ уже сдѣлали, какъ умѣли, раненымъ перевязку. А какъ бунтовщики стояли цѣлый день не ѣвши, то кадеты распорядились также ихъ накормить, для чего, построившись къ ужину, сдѣлали такъ-называемую «передачу», т. е. по всему фронту передали шопотомъ слова:

— «Пироговъ не ѣсть,—раненымъ». «Пироговъ не ѣсть,—раненымъ»...

Эта «передача» *) была приемъ обыкновенный, къ которому мы всегда обращались, когда въ корпусѣ были кадеты, арестованные въ карцерѣ и оставленные «на хлѣбъ и на воду».

Дѣлалось это такимъ образомъ: когда мы выстраивались всѣмъ корпусомъ передъ обѣдомъ или передъ ужиномъ, то отъ старшихъ кадетъ - гренадеровъ, которые всегда больше знали домашнія тайны корпуса и имѣли авторитетъ на младшихъ, — «шло приказаніе», передаваемое отъ одного сосѣда къ другому шопотомъ и всегда въ самой короткой, лаконической формѣ. Напримѣръ:

— Есть арестанты—пирогі не ѣсть.

Если по росписанію въ этотъ день не было пироговъ, то точно такой же приказъ отдавался насчетъ котлетъ, и несмотря на то, что утаить и вынести изъ - за стола котлеты было гораздо труднѣе, чѣмъ пирогі, но мы умѣли это дѣлать очень легко и незамѣтно. Да, впрочемъ, начальство, зная нашъ въ этомъ случаѣ непреклонный ребячій духъ и

*) Воспитанники корпуса позднѣйшихъ выпусковъ говорятъ, что у нихъ не было слова «передача», но я оставляю такъ, какъ мнѣ сказала кадетомъ-старцемъ.

обычай, совсѣмъ къ этому не придиралось. «Не ѣдятъ, упо-
сать,—ну, и пускай уносятъ». Худа въ этомъ не полагали,
да его, можетъ-быть, и не было. Это маленькое правонару-
шеніе служило къ созиданію великаго дѣла: оно воспиты-
вало духъ товарищества, духъ взаимомощи и сострада-
нія, который придаетъ всякой средѣ теплоту и жизненность,
съ утратой конхъ люди перестаютъ быть людьми и стано-
вятся холодными эгоистами, неспособными ни къ какому
дѣлу, требующему самоотверженія и доблести.

Такъ было и въ этотъ, для нѣкоторыхъ изъ насъ, очень
многослѣдственный день, когда мы уложили и перевязали
своими платками раненыхъ буштовщиковъ. Гренадеры дали
передачу:

— «Широговъ не ѣсть,—раненымъ».

И всѣ этотъ приказъ исполнили по всей точности, какъ
было принято: широговъ никто не ѣлъ и всѣ они были
отнесены раненымъ, которые вслѣдъ за тѣмъ были куда-то
убраны.

День кончился, по обыкновенію, и мы уснули, нимало
не помышляя о томъ, какое мы сдѣлали непозволительное
и вредное для нашихъ товарищей дѣло.

Мы могли быть тѣмъ спокойнѣе, что Перскій, который
всѣхъ болѣе отвѣчалъ за наши поступки, не сказалъ намъ
ни одного слова охуденія, а, напротивъ, простился съ
нами такъ, какъ будто мы не сдѣлали ничего дурного. Онъ
даже былъ ласковъ и тѣмъ далъ намъ поводъ думать, какъ
будто онъ одобрилъ наше ребячье состраданіе.

Однимъ словомъ, мы считали себя ни въ чемъ повинно-
ватыми и не ждали ни малѣйшей непріятности, а она была
на чеку и двигалась на насъ какъ будто нарочно затѣмъ,
чтобы показать намъ Михаила Стенановича въ такомъ ве-
личіи души, ума и характера, о которыхъ мы не могли со-
ставить и понятія, но о которыхъ, конечно, ни одинъ изъ
насъ не сумѣлъ забыть до гроба.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Пятнадцатаго декабря въ корпусъ *несожиданно* пріѣхалъ
государь Николай Павловичъ. Онъ былъ очень гнѣвенъ.

Перскому дали знать, и онъ тотчасъ же явился изъ своей
квартиры и, по обыкновенію, отралпортовалъ его величеству
о числѣ кадетъ и о состояніи корпуса.

Государь выслушалъ его въ суровомъ молчаніи и изволилъ громко сказать:

— Здѣсь духъ нехорошій!

— Военный, ваше величество, — отвѣчали полнымъ и спокойнымъ голосомъ Перскій.

— Отсюда Рыльцевъ и Востужевъ! — попрежнему съ неудовольствіемъ сказалъ императоръ.

— Отсюда Румянцевъ, Прозоровскій, Каменскій, Кульневъ, — всѣ главнокомандующіе, и отсюда Толь, — съ тѣмъ же неизмѣннымъ спокойствіемъ возразилъ, глядя открыто въ лицо государя, Перскій.

— Они бунтовщиковъ кормили! — сказали, показавъ на насъ рукою, государь.

— Они такъ воспитаны, ваше величество, — дратся съ непріятелемъ, но послѣ побѣды призрѣвать раненыхъ, какъ своихъ.

Негодованіе, выразившееся на лицѣ государя, не измѣнилось, но онъ ничего болѣе не сказалъ и уѣхалъ.

Перскій своими откровенными и благородными вѣрно-подданническими отвѣтами отклонилъ отъ насъ бѣду, и мы продолжали жить и учиться, какъ было до сихъ поръ. Обращеніе съ нами все шло мягкое, человѣчное, но уже недолго: близился крутой и жесткій переломъ, совершенно измѣнившій весь характеръ этого прекрасно учрежденнаго заведенія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Ровно черезъ годъ послѣ декабрьскаго булта, именно 14-го декабря 1826 года, главнымъ директоромъ всѣхъ кадетскихъ корпусовъ вмѣсто генераль-адъютанта Павла Васильевича Голеницева-Кутузова былъ назначенъ генераль-адъютантъ отъ - инфантеріи Николай Ивановичъ Демидовъ, человѣкъ чрезвычайно набожный и совершенно безжалостный. Его и безъ того тренетали въ войскахъ, гдѣ имя его произносилось съ ужасомъ, а для насъ онъ получилъ особенное приказаніе «подтянуть».

Демидовъ велѣлъ собрать совѣтъ и пріѣхалъ въ корпусъ. Совѣтъ состоялъ изъ директора Перскаго, баталіоннаго командира, полковника Шмидта (человѣка превосходной честности) и ротныхъ командировъ: Ореуса (сѣкуна), Шмидта 2-го, Эллермана и Черкасова, который передъ тѣмъ долгое время

преподавалъ фортификацію, такъ что пожалованный въ графы Толь въ 1822 году былъ его ученикомъ.

Демидовъ началъ съ того, что сказалъ:

— Я желаю знать имена кадетъ, которые дурно себя ведутъ. Пропшу сдѣлать имъ особый списокъ.

— У насъ нѣтъ худыхъ кадетъ, — отвѣчалъ Перскій.

— Однакоже, конечно, непремѣнно одни ведутъ себя лучше, другіе хуже.

— Да, это такъ; но если отобрать тѣхъ, которые хуже, то въ числѣ остальныхъ опять будутъ лучшіе и худшіе.

— Должны быть внесены въ списокъ самыя худшіе, и они, въ примѣръ прочимъ, будутъ посланы въ полки унтеръ-офицерами.

Перскій никакъ этого не ожидалъ и, выразивъ непри-творное удивленіе, возразилъ со всегдашнимъ своимъ само-обладаніемъ и спокойствіемъ:

— Какъ въ унтеръ-офицеры! — за что?

— За дурное поведеніе.

— Намъ ввѣрили ихъ родители съ четырехлѣтняго воз-раста, какъ вамъ извѣстно. Слѣдовательно, если они дурны, то въ этомъ мы виноваты, что они дурно воспитаны. Что же мы скажемъ родителямъ? то, что мы довоспитали ихъ дѣтей до того, что ихъ пришлось сдать въ полки нижними чинами. Не лучше ли предупредить родителей, чтобы они взяли ихъ, чѣмъ ссылать ихъ безъ вины въ унтеръ-офицеры.

— Намъ объ этомъ не слѣдуетъ разсуждать, а должно только исполнить.

— А! въ такомъ случаѣ не для чего было собирать со-вѣтъ, — отвѣчалъ Перскій: — вы бы изволили такъ сказать спачала, и что приказано, то должно быть исполнено.

Результатъ былъ тотъ, что на другой день, когда мы си-дѣли за учебными занятіями, классы обходилъ адъютантъ Демидова Багговуть и, держа въ рукахъ списокъ, вызывалъ по именамъ тѣхъ кадетъ, у которыхъ были наихудшія от-мѣтки за поведеніе.

Вызваннымъ Багговуть приказалъ идти въ фехтовальную залу, которая была такъ расположена, что мы изъ классовъ могли видѣть все тамъ происходившее. И мы видѣли, что солдаты внесли туда кучу сѣрыхъ шинелей и наннихъ то-варищей одѣли въ эти шинели. Затѣмъ ихъ вывели на

дворъ, разсадили тамъ съ жандармами въ заготовленные сани и отправили по полкамъ.

Само собою разумѣется, что паника была ужасная. Намъ объявили, что если еще найдутся между нами кадеты, которые будутъ вести себя неудовлетворительно, то такіа высылки станутъ повторяться. Для оцѣнки поведенія была назначена отмѣтка *сто балловъ*, и сказано, что если кто будетъ имѣть менѣе семидесяти пяти балловъ, то такой будетъ немедленно отдалъ въ унтеръ-офицеры.

Само начальство было въ немаломъ затрудненіи: какъ располагать оцѣнку поведенія по этой новой, сто-балльной системѣ, и мы слышали объ этомъ недоумѣніи переговоры, которые окончились тѣмъ, что начальство стало насъ щадить и оберегать, милостиво относясь къ нашимъ ребячьимъ грѣшкамъ, за которые надъ нами была утверждена такая страшная кара. Мы же такъ скоро съ этимъ освоились, что чувство минутнаго паническаго страха вдругъ замѣнилось у насъ еще большею отвагою: скорбя за исключенныхъ товарищей, мы иначе не звали между собою Демидова, какъ «варваръ», и вмѣсто того, чтобы робѣть и трястись его образцоваго жестокосердія, рѣшились идти съ нимъ въ открытую борьбу, въ которой хотя всемъ пропасть, но показать ему «наше презрѣніе къ нему и ко всемъ опасностямъ».

Случай представился къ этому немедленно же, и очень трудно сказать, до чего бы дошло дѣло, если бы оиять не подоспѣли намъ на помощь находчивый умъ и большой тактъ никогда не ходившаго за словомъ въ карманъ Перскаго.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Ровно черезъ недѣлю послѣ того, какъ отъ насъ были отлучены и сосланы въ унтеръ-офицеры наши товарищи, намъ было приказано идти въ ту же фехтовальную залу и построиться тамъ въ колонны. Мы исполнили приказаніе и ждали, что будетъ, а на дунѣ у всехъ жутко. Вспомнили, что стоимъ на тѣхъ самыхъ половицахъ, на которыхъ стояли наши несчастные товарищи передъ грудами приготовленныхъ для нихъ солдатскихъ шинелей, и такъ вотъ варомъ и закишитъ на дунѣ... Какъ они, сердечные, должно быть были изумлены и поражены этою неожиданностью, и гдѣ-то

и какъ они стали приходять въ себя и проч., проч... Словомъ сказать: душевная мука, — и стоимъ мы всё, понуривъ головочки уныло, и вспоминаемъ Демидова, «варвара», по ни капли его не боимся. Пропадать, такъ всёмъ заодно пропадать,—знаете, ступень такая... освоились. И въ это-то время вдругъ отворяются двери и является самъ Демидовъ вмѣстѣ съ Перскимъ и говорить:

— Здравствуйте, дѣточки!

Всѣ молчали. Ни уговора, ни моментальной «передачи» при его появленіи не было, а такъ просто отъ чувства негодования ни у одного уста не раскрылись отвѣчать. Демидовъ повторилъ:

— Здравствуйте, дѣточки!

Мы опять молчали. Дѣло переходило въ сознательное упорство и моментъ принималъ самый острый характеръ. Тогда Перскій, видя, что изъ этого произойдетъ большая неприятность, сказалъ Демидову громко такъ, что всѣ мы слышали:

— Они не отвѣчаютъ, потому что не привыкли къ выраженію вашему «дѣточки». Если вы поздороуетесь съ ними и скажете: «здравствуйте, *кадеты*», они непременно вамъ отвѣтятъ.

Мы очень уважали Перскаго и поняли, что, говоря эти слова такъ громко и такъ увѣренно Демидову, онъ въ то же время, главнымъ образомъ, адресуетъ ихъ намъ, доверяя себя самого нашей совѣстливости и нашему разсудку. Опять, безъ всякаго уговора всѣ сразу поняли его едиными сердцами и поддержали его единими устами. Когда Демидовъ сказалъ: «здравствуйте, кадеты!» мы единогласно отвѣтили извѣстнымъ возгласомъ: «здравія желаемъ!»

Но это не былъ конецъ исторіи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Послѣ того, какъ мы прокричали свое «здравія желаемъ», Демидовъ спустилъ съ себя строгость, которою началъ-было набираться, когда мы не отвѣчали на его противную ласку, но сдѣлалъ нѣчто еще болѣе для насъ неприятное.

— Вотъ,—сказалъ онъ голосомъ, который хотѣлъ сдѣлать ласковымъ и дѣлалъ только приторнымъ:—вотъ я хочу вамъ сейчасъ показать, какъ мы васъ любимъ.

Онъ кивнулъ вѣстовому Ананьеву, который скорыми ша-

гами вышелъ за двери и тотчасъ же возвратился въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, несшихъ большія корзины съ дорогими кондитерскими конфетами въ изукрашенныхъ бумажкахъ.

Демидовъ остановилъ корзины и, обратясь къ намъ, сказалъ:

— Вотъ тутъ цѣлые пять пудовъ конфетъ (кажется, пять, а можетъ-быть, было и болѣе) — это все для васъ, берите и кушайте.

Мы не трогались.

— Берите же, — это для васъ.

А мы тоже ни съ мѣста, но Перскій, видя это, далъ знакъ солдатамъ, державшимъ демидовское угощеніе, и тѣ стали носить корзины по рядамъ.

Мы опять поняли, чего хочетъ нашъ директоръ, и не позволили себѣ противъ него никакой неумѣстности, но демидовское угощеніе мы все-таки ѣсть не стали и нашли ему особое опредѣленіе. Въ то самое мгновеніе, какъ первый фланговый изъ нашихъ старшихъ гренадеровъ протянулъ руку къ корзинамъ и взялъ горсть конфетъ, онъ усилъ шепнуть сосѣду:

--- Конфеты не ѣсть — въ яму.

И въ одну минуту «передача» эта пробѣжала по всему фронту съ быстротою и съ незамѣтностью электрической искры и ни одна конфета не была съѣдена. Какъ только начальство ушло и насъ пустили порѣзвиться, мы всѣ, другъ за другомъ, веревочкою, пришли въ извѣстное мѣсто, держа въ рукахъ конфеты, и всѣ бросили ихъ туда, куда было указано.

Такъ и кончилось это демидовское угощеніе. Ни одинъ мальшъ не слюкавилъ и не соблазнился конфетою: всѣ бросили. Да иначе и нельзя было: духъ дружества и товарищества былъ удивительный, и самый маленькій новичокъ проникался имъ быстро и подчинялся ему съ какимъ-то священнымъ восторгомъ. Насъ нельзя было подкупить и заласкать никакими лакомствами: мы такъ были преданы начальству, но не за ласки и подарки, а за его справедливость и честность, которыя видѣли въ такихъ людяхъ какъ Михайль Степановичъ Перскій — главный командиръ, или, лучше сказать, игуменъ нашего кадетскаго монастыря,

гдѣ онъ подѣ-стать себѣ умѣлъ подобрать такихъ же и старцевъ.

Впрочемъ,—опѣ ли ихъ умѣлъ подбирать, или они сами къ нему подѣ-стать подбиралнсь, дабы жить въ отрадномъ согласіи, — этого я не знаю, потому что мы малы были, чтобы вникать въ такія вещи; но что знаю о сподвижникахъ Михаила Степановича, то тоже расскажу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Второй номеръ за игуменомъ въ монастыряхъ принадлежнть *эконому*. Такъ было и у насъ, въ нашемъ монастырѣ. За Михаиломъ Степановичемъ Перскимъ, по важности значенія, слѣдоваль воспитый Рылѣвымъ экономъ, въ чинѣ бригадира, Андрей Петровичъ *Бобровъ*.

Я ставлю его *вторымъ* только по подчиненности и потому, что нельзя всѣхъ поставить вмѣстѣ въ первыхъ, но по достоинствамъ души, сердца и характера этотъ Андрей Петровичъ былъ такой же высоко-замѣчательный человекъ, какъ самъ Перскій, и ни въ чемъ не уступаль ему, развѣ только въ одной умственной находчивости на отвѣты. Зато сердцемъ Бобровъ былъ еще теплѣе.

Онъ, разумѣется, былъ *холостъ*, какъ и надо по монастырскому уставу, и дѣтей любиль чрезвычайно. Только не такъ любиль, какъ иные любятъ,—теоретически, въ разсужденіяхъ, что, молъ, «это будущность Россіи», или «наша надежда»—или же еще что-нибудь подобное, вымышленное и пустяковое, за чѣмъ часто нѣтъ ничего, кромѣ эгоизма и безсерденія. А у нашего бригадира эта любовь была простая и настоящая, которую не нужно было намъ изъяснять и растолковывать. Мы всѣ знали, что онъ насъ любить, и о насъ печется, и никто бы насъ въ этомъ не могъ разубѣдить.

Бобровъ былъ низенькаго роста, толстый, ходиль съ косоцею и, по опрятности, составляль самый рѣзкій контрастъ съ Перскимъ, а былъ похожъ въ этомъ отношеніи на дѣдушку Крылова. Сколько мы его знали, онъ всегда носиль одинъ и тотъ же мундиръ,—засаленный-презасаленный,—и другого у него не было. Цвѣтъ воротника этого мундира опредѣлить было невозможно, но Андрей Петровичъ нимало этимъ не стѣснялся. Въ этомъ самомъ мундирѣ онъ былъ при дѣлѣ и въ немъ же, когда случалось, предстояль передъ

старшими военными лицами, великими князьями и самим государемъ. Говорили, будто бы императоръ Николай Павловичъ зналъ, куда Бобровъ дѣваетъ свое жалованье и изъ уваженія къ нему не хотѣлъ замѣчать его неряшество.

У Боброва была Анна съ брильянтами на шеѣ, которую онъ носилъ постоянно, а ужъ на какой лентѣ висѣла эта Анна,—про то не спрашивайте. Лента была такъ же нераспознаваема, какъ цвѣтъ его воротника на мундирѣ.

Онъ завѣдывалъ всей экономической частью корпуса совершенно самостоятельно. Безпрестанно занятый научною частью, директоръ Церскій совсѣмъ не вмѣшивался въ хозяйство, да это было и не нужно при такомъ экономѣ, какъ бригадиръ Бобровъ. Къ тому же, оба они были друзья и вѣрили другъ другу безгранично.

Въ вѣдѣніи Боброва было какъ продовольствіе, такъ и одежда всѣхъ кадетъ и всей прислуги безъ исключенія. Сумма расходовъ простиралась до 600,000 руб. ежегодно, а за сорокъ лѣтъ его экономскаго служенія у него, значить, обратилось до 24 милліоновъ, но къ рукамъ ничего не пришло. Напротивъ, даже 3 т. р. положеннаго ему жалованья онъ не получалъ, а только въ немъ расписывался, и когда этотъ денежный челоуѣкъ на сороковомъ году своего экономства умеръ, то у него не оказалось своихъ денегъ ни гроша и его хоронили на казенный счетъ.

Я скажу въ концѣ, куда онъ дѣвалъ свое жалованье, на какую проматывалъ его необходимую страстишку, о которой, какъ выше замѣчено, будто бы и зналъ покойный императоръ Николай Павловичъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

По обычаю своему, Бобровъ былъ такой же домосѣдъ, какъ и Церскій. Сорокъ къ ряду лѣтъ онъ буквально не выходилъ изъ корпуса, но зато постоянно ходилъ по корпусу и все учреждалъ свое дѣло, все хлопоталъ, «чтобы мошенники были сыты, теплы и чисты». *Мошенники* это были мы, — такъ онъ называлъ кадетъ, разумѣется, употребляя это слово какъ ласку, какъ шутку. Мы это знали.

Всякій день онъ вставалъ въ пять часовъ утра и являлся къ намъ въ шесть часовъ, когда мы шли сбить; послѣ этого мы шли въ классы, а онъ по хозяйству. Затѣмъ обѣдъ и всякую другую пищу мы получали непременно при

немъ. Онъ любилъ «кормить» и кормилъ насъ прекрасно и очень сытно. Нашъ нынѣшній государь, въ отрочествѣ своемъ, не разъ кушивалъ съ нами за общимъ кадетскимъ столомъ, и, вѣроятно, еще изволилъ помнить нашего «старого Бобра» *). Порцій, какъ это водится во всѣхъ заведенияхъ, у насъ при Бобровѣ не было, — всѣ ѣли сколько кто хотѣлъ. Одѣвалъ онъ насъ всегда хорошо; бѣлье заставлялъ перемѣнять три раза въ недѣлю. Былъ очень жалостливъ и даже баловникъ, что отчасти было, вѣроятно, извѣстно Перскому и другимъ, но не все: водились и такіе вещи, которыя Андрей Петровичъ, по добросердечію своему, не могъ не сдѣлать, но зналъ, что онѣ незаконны, и онъ, бригадиръ, скрывался съ ними какъ школьникъ. Это больше всего касалось кадетъ, подвергнутыхъ наказанію. Тутъ онъ весь впѣ себя былъ, сдерживался, но внутренно ужасно болѣлъ, — кипятился, какъ самоварчикъ, и, наконецъ, не выдерживалъ, чтобы чѣмъ-нибудь не «утѣнить мошенника». Всякаго наказаннаго онъ какъ-нибудь подзоветъ, насунится, будто какой-то выговоръ хочетъ сказать, но вмѣсто того погладитъ, что-нибудь дастъ и отпихнетъ:

— Пошелъ, мошенникъ, впередъ себя не доводи!

Особенная же забота у него шла о кадетахъ-арестантахъ, которыхъ сажали на хлѣбъ на воду, въ такіе устроенные при Демидовѣ особенные карцеры, куда товарищи не могли доставить арестантамъ подаваніе. Андрей Петровичъ всегда зналъ, по счету пустыхъ столовыхъ приборовъ, сколько арестованныхъ, но кадеты не опускали случая съ своей стороны еще ему особенно объ этомъ напомнить. Бывало, проходи мимо его изъ столовой, подъ ритмической топотъ шаговъ, какъ бы безотносительно произносятся:

— Пять арестантовъ, пять арестантовъ, пять арестантовъ.

А онъ или стоитъ только вынуча свои глазки, какъ будто ничего не слышитъ, или, если нѣтъ вблизи офицеровъ, дразнится, т. е. отвѣчаетъ намъ тѣмъ же тономъ:

— Миѣ что за дѣло, миѣ что за дѣло, миѣ что за дѣло.

Но когда посаженныхъ на хлѣбъ на воду выводили изъ арестантскихъ на ночлегъ въ роту, Андрей Петровичъ

*) Въ «Исторіи I Кадетскаго Корпуса» (1832 г.) есть упоминаніе о томъ, что государь императоръ Александръ Николаевичъ въ отрочествѣ посѣщалъ корпусъ и тамъ кушалъ съ кадетами.

подстерегаль эту процессію, отнималь ихъ у провожатыхъ, забираль къ себѣ въ кухню и тутъ ихъ кормилъ; а по коридорамъ во все это время разставляль солдатъ, чтобы никто не подошелъ.

Самъ имъ, бывало, кашу маслитъ и торопится тарелки подставлять, а самъ твердить:

— Скорѣе, мошенникъ, скорѣе глотай!

Всѣ при этомъ часто плакали,—и арестанты, и опъ, ихъ кормилецъ, и сторожевые солдаты, участвовавшіе въ продѣлкахъ своего добраго бригадира.

Кадеты его любили до той надоѣдливости, что ему буквально нельзя было показаться въ такое время, когда мы были свободны. Если, бывало, случится ему, по неосторожности, попасть въ это время на плацъ, то сейчасъ же раздавался крикъ:

— Андрей Петровичъ на плацу!

Больше ничего не нужно было, и всѣ знали, что дѣлать: всѣ бросались къ нему, ловили его, брали на руки и на рукахъ несли, куда ему было нужно.

Это ему было тяжело, потому что онъ былъ толстенькій кубикъ, ворочается, бывало, у насъ на рукахъ,—кричить:

— Мошенники! вы меня уроните, убьете... Это мнѣ нездорово,—но это не помогало.

Теперь скажу о страстишкѣ, по милости которой Андрею Петровичу никогда почти не приходилось получать своего жалованья, а только расписываться.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

У насъ очень много было людей бѣдныхъ и когда насъ выпускали, то выпускали на бѣдное же офицерское жалованье. А мы вѣдь были младенцы, о доходныхъ мѣстахъ и должностяхъ, о чемъ нынче грудные младенцы знаютъ, у насъ и мыслей не было. Разставались не съ тѣмъ, что я такъ-то устроюсь или разживусь—а говорили:

— Слѣдите за газетами, если только нашъ полкъ будетъ въ дѣлѣ,—на приступѣ первымъ я.

Всѣ такъ собирались, а многіе и исполнили. Идеалисты были ужасные! Андрей Петровичъ сожалѣль о бѣднякахъ и безродныхъ и хотѣль, чтобы и изъ нихъ каждый имѣль что-нибудь приличное, въ чемъ оно ему представлялось. Онъ даваль всѣмъ бѣднымъ приданое,—серебряныя ложки

и бѣлье. Каждый выпущенный прапорщикъ получалъ стѣ него по три перемѣны бѣлья, двѣ столовыя серебряныя ложки, по четыре чайныхъ восемьдесятъ четвертой пробы. Бѣлье давалось для себя, а серебро—для «общегитія».

— Когда товарищъ зайдетъ, чтобы было у тебя, чѣмъ дать щей хлебнуть, а къ чаю могутъ зайти двое и трое,— такъ вотъ чтобы было, чѣмъ...

Такъ это и соразмѣрялось — накормить хоть одного, а чайкомъ напоить до четырехъ собратьевъ. Все до мелочей и вдаль — на всю жизнь, внушалось о товариществѣ, и диво ли, что оно было?

Ужасно трогательный былъ человекъ и самъ растрогивался сильно и глубоко. Поэтически могъ вдохновлять, и Рытѣевъ, какъ я сказалъ, написалъ ему оду, которая начиналась словами:

«О ты, почтенный экономя Бобровъ!»

Вообще любили его поистинѣ, можно сказать, до чрезвычайности, и любовь эта въ насъ не ослабѣвала ни съ лѣтами, ни съ перемѣною положенія. Пока онъ жилъ, всѣ наши, когда случалось быть въ Петербургѣ, непременно прѣзжали въ корпусъ «явиться Андрею Петровичу» — «старому Бобру». И тутъ происходили иногда сцены, которыхъ словами просто даже передать нельзя. Увидитъ, бывало, человекъ незнакомаго съ знаками заслугъ, а иногда и въ большомъ чинѣ и встрѣтитъ офиціально вопросомъ: «что вамъ угодно?» А потомъ, какъ тотъ назоветъ себя, онъ сейчасъ сдѣлаетъ шагъ назадъ и одной рукой начнетъ лобъ чесывать, чтобы лучше вспоминать, а другою—отстраняетъ гостя:

— Позвольте, позвольте, говорить, — позвольте!

И если тотъ не снѣшилъ вполне открыться, то онъ ворчалъ:

— У насъ былъ... мошенникъ... не изъ нашихъ ли?..

— Вашъ, вашъ, Андрей Петровичъ! — отвѣчалъ гость, или же, порываясь къ хозяину, показывать ему его «благословеніе» — серебряную ложечку.

Но тутъ вся сцена становилась какою-то дрожащею. Бобровъ топалъ ногами, кричалъ: «прочь, прочь, мошенникъ!» и съ этимъ самъ быстро прятался въ уголокъ дивана за столъ, закрывая оба глаза своими пухленькими кулачками

или синимъ бумажнымъ платкомъ и не плакалъ, а рыдалъ, рыдалъ звонко, визгливо и неудержимо, какъ нервическая женщина, такъ что вся его внутренность и полная мясистая грудь его дрожала и лицо наливалось кровью.

Удержать его было невозможно, а такъ какъ это не разъ бывало съ нимъ при такихъ крайне волнованныхъ его встрѣчахъ, то денщикъ его это зналъ и сейчасъ ставилъ передъ нимъ на подносикъ стаканъ воды. Болѣе никто ничего не предпринималъ. Истерика восторга кончилась, старикъ самъ вышивалъ воду и, вставая, говорилъ ослабѣвшимъ голосомъ:

— Ну... теперь поцѣлуй, мошенникъ!

И они цѣловались долго-долго, причемъ многіе, конечно, безъ всякаго униженія или ласкательства цѣловали у него руки, а онъ уже только съ блаженствомъ вторялъ:

— Вспомнилъ, мошенникъ, старика,—вспомнилъ!—и сейчасъ же усаживалъ гости и самъ принимался доставать изъ шкапа какой-то графинчикъ, а денщика посылалъ на кухню за кушаньемъ.

Отказаться отъ этого никто не могъ. Иной, бывало, отираивается:

— Андрей Петровичъ! я,—говорить,—званъ и общался къ такому-то, или къ такому-то, какому-нибудь важному лицу.

Ни за что не отпустить.

— Знать ничего не хочу,—говорить,—важныя лица тебя не знали, когда я тебя на кухнѣ кормилъ. Пришелъ сюда, такъ ты *мой*,—и долженъ изъ стараго корыта почавкать. Безъ того не выпущу.

И не выпустить.

Рацей опъ никогда не читалъ, а только *жилъ* передъ нами и остался жить послѣ того, какъ его въ концѣ сорокового года службы за недостаточностію на казенный счетъ похорошили.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Теперь третій постоянный иннокъ нашего монастыря — налъ корушенный докторъ *Зеленскій*. Онъ тоже былъ холостъ, тоже былъ домосѣдъ. Этотъ даже превзошелъ двухъ первыхъ тѣмъ, что жилъ въ лазаретѣ, въ послѣдней комнатѣ. Ни фельдшеръ, ни прислуга—никто никогда не могли

себя предостеречь отъ внезапнаго его появленія у больныхъ: онъ былъ тутъ какъ днемъ, такъ и ночью. Числа визитацій у него не полагалось, а онъ всегда былъ при больныхъ. Въ день нѣсколько разъ обойдетъ, а, кромѣ того, еще навернется иногда невзначай и ночью. Если же случался трудно-больной кадетъ, такъ Зеленскій и вовсе его не оставлялъ, — тутъ и отдыхалъ возлѣ больного на сосѣдней койкѣ.

Этотъ докторъ, по опрятности, былъ противоположность Перскому и родной братъ эконому Боброву. Онъ ходилъ въ сюртукѣ, рѣдко вычищенномъ, часто очень изношенномъ и всегда разстегнутомъ, и цвѣтъ воротника у него былъ такой же, какъ у Андрея Петровича, т. е. нераспознаваемый.

Онъ былъ тѣломъ и душою нашъ человекъ, какъ и два первые. Изъ корпуса онъ не выходилъ. Это, можетъ-быть, покажется невѣроятнымъ, но это такъ. Никакими деньгами нельзя было его заставить выѣхать съ визитомъ на сторону. Былъ одинъ примѣръ, что онъ измѣнилъ своему правилу, когда пріѣхалъ въ Петербургъ великій князь Константинъ Павловичъ изъ Варшавы. Его высочество посетилъ одну статсъ-даму, которую засталъ въ странномъ горѣ: у нея былъ очень боленъ маленькій сынъ, которому не могли помочь тогдашніе лучшіе доктора столицы. Она послала за Зеленскимъ, который славился отличнымъ знатокомъ дѣтскихъ болѣзней, въ коихъ имѣлъ, разумѣется, огромный навыкъ, но онъ далъ свой обыкновенный отвѣтъ:

— У меня на рукахъ тысяча триста дѣтей, за жизнь и здоровье которыхъ я отвѣчаю, и на стороны разбрасываться не могу.

Огорченная его отказомъ, статсъ-дама сказала объ этомъ великому князю, и Константинъ Павловичъ, будучи шефомъ Перваго кадетскаго корпуса, изволилъ *приказать* Зеленскому поѣхать въ домъ этой дамы и *вылѣчить* ее ребенка.

Докторъ повиновался, — поѣхалъ и скоро вылѣчилъ больное дитя, но платы за свой трудъ не взялъ.

Одобрять ли кто или не одобряетъ этотъ его поступокъ, по'я говорю какъ происходило.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Зеленскій былъ докторъ отличный, и сколько я могу теперь понимать, вѣроятно, относился къ новой медицинскѣй

школъ: онъ былъ гнѣенствъ и къ лѣкарствамъ прибѣгалъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Но тогда насчетъ медикаментовъ и другихъ нужныхъ врачебныхъ пособій былъ требователенъ и чрезвычайно настойчивъ. Что онъ назначалъ и потребовалъ,—это уже чтобъ было, да, впрочемъ, и сопротивленія-то некому было оказывать. О нищѣ ужъ и говорить нечего: разумѣется, какую порцію ни потребуй — Бобровъ не откажетъ. Онъ и здоровыхъ «мошениковъ» любилъ кормить до-сыта, а про больныхъ уже и говорить нечего. Но я помню разъ такой случай, что докторъ Зеленскій для какого-то больного потребовалъ вина и назначилъ его на рецептъ словами: «такой-то номеръ по прейсъ-куранту англійскаго магазина».

Солдатъ понесъ требованіе эконому и чрезъ нѣсколько минутъ идетъ самъ Андрей Петровичъ.

— Батенька, — говоритъ: — вы знаете ли, сколько этотъ номеръ вина за бутылку стоитъ? Онъ, вѣдь, стоитъ восемнадцать рублей.

А Зеленскій ему отвѣчалъ:

— Я и знать,—говоритъ:—этого не хочу: это вино для ребенка нужно.

— Ну, а если нужно, такъ и толковать не о чемъ,— отвѣчалъ Бобровъ, и сейчасъ же выпуль деньги и послалъ въ англійскій магазинъ за указаннымъ виномъ.

Привожу это, между прочимъ, въ примѣръ, какъ они всѣ были между собою согласны въ томъ, что нужно для нашей выгоды, и приписываю это именно той ихъ крѣпкой другъ въ другъ увѣренности, что ни у кого изъ нихъ нѣтъ болѣе драгоценной цѣли, какъ *наше* благо.

Имѣя на рукахъ, въ числѣ 1,300 человекъ, двѣсти пятьдесятъ малолѣтнихъ отъ четырехъ до восьми лѣтъ, Зеленскій тщательнѣйше наблюдалъ, чтобы не допускать повальныхъ и заразительныхъ болѣзней, и заболѣвавшихъ скарлатиною сейчасъ же отдѣлялъ и лѣчилъ въ темныхъ комнатахъ, куда не допускалъ капли свѣта. Надъ этой системой позже смѣялись, но онъ считалъ ее дѣломъ серьезнымъ и всегда ее держался, и оттого ли, или не оттого, но результатъ былъ чудесный. Не было случая, чтобы у насъ не выздоровѣлъ мальчикъ, заболѣвшій скарлатиною. Зеленскій па этотъ счетъ немножко бравировалъ. У него была поговорка:

— Если ребенокъ умретъ отъ горячки, доктора надо повѣсить за шею, а если отъ scarlatины—то за ноги.

Мелкихъ чиновныхъ лицъ у насъ въ корпусѣ было очень мало. Напримѣръ, *вся* канцелярія такого громаднаго учрежденія состояла изъ одного бухгалтера Паутова—человѣка, имѣвшаго феноменальную память, да трехъ писарей. Только и всего, и всегда все, что нужно—было сдѣлано; но при больницѣ Зеленскій держалъ большой комплектъ фельдшеро-въ и ему въ этомъ не отказывали. Къ каждому серьезному больному приставлялся отдѣльный фельдшеръ, который такъ возлѣ него и сидѣлъ, — поправлялъ его, одѣвалъ, если раскидывается, и подавалъ лѣкарство. Отойти онъ, разумѣется, не смѣлъ и подумать, потому что Зеленскій былъ тутъ же за дверью и каждую минуту могъ выйти; а тогда, по старинѣ, много не говоря, сейчасъ же короткая расправа: зуботычина—и опять сиди на мѣстѣ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Вѣруя и постоянно говоря, что «главное дѣло не въ лѣченіи, а въ недопущеніи, въ предупрежденіи болѣзней», Зеленскій былъ чрезвычайно строгъ къ прислугѣ и зуботычины у него летѣли за малѣйшее неисполненіе его гигиеническихъ приказаній, къ которымъ, какъ извѣстно, наши русскіе люди относятся какъ къ какой-то неосновательной прихоти. Зналъ это, Зеленскій держался съ ними морали крыловской басни «Котъ и поваръ». Не исполнено или не точно исполнено его приказаніе, — не станеть разсуждать, а сейчасъ же щелкъ по зубамъ и пошелъ мимо.

Мнѣ немножко жаль сказывать объ этой привычкѣ скорого на руку доктора Зеленскаго, чтобы скорые на осужденіе современные люди не сказали: «вогъ какой драчунъ или Держиморда»; но чтобы воспоминанія были вѣрны и полны — изъ пѣсни слова не выкинешь. Скажу только, что онъ не былъ Держиморда, а былъ даже добрякъ и наисправедливѣйшій и великодушнѣйшій человѣкъ, но былъ, разумѣется, человѣкъ *своего времени*, а время его было такое, что зуботычина за великое не считалась. Тогда была другая мѣрка: отъ человѣка требовали, чтобы «никого не сдѣлать несчастнымъ», и этого держались всѣ хорошіе люди, а въ томъ числѣ и докторъ Зеленскій.

Въ видахъ *недопущенія болѣзней*, прежде чѣмъ кадетъ

вводили въ классы, Зеленскій проходилъ всѣ классныя комнаты, гдѣ въ каждой былъ термометръ. Онъ требовалъ, чтобы въ классахъ было не меньше 13° и не больше 15°. Источники и сторожа должны были находиться тутъ же, и если температура не выдержана—сейчасъ врачебная зубочистка. Какъ мы сѣли за классныя занятія, онъ точно такъ же обходилъ роты и тамъ опять происходило то же самое.

Пищу нашу онъ зналъ хорошо, потому что самъ другой пищи не ѣлъ: онъ *всегда* обѣдалъ или съ больными въ лазаретѣ, или съ здоровыми, но не за особымъ, а за общимъ кадетскимъ столомъ, и притомъ не позволялъ ставить себѣ избраннаго прибора, а садился гдѣ пошло и ѣлъ то самое, чѣмъ питались мы.

Осматривалъ онъ насъ каждую баню въ предбанникѣ, но, кромѣ того, производилъ еще внезапныя ревизіи: вдругъ остановитъ кадета и прикажетъ раздѣться до-нага; осмотритъ все тѣло, все бѣлье, даже ногти на ногахъ оглядитъ, выстрижены ли.

Рѣдкое и преполозное вниманіе!

Но теперь, оканчивая и съ нимъ, я скажу, что у этого третьяго извѣстнаго мнѣ истиннаго друга дѣтей составляло его удовольствіе.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Удовольствіе доктора Зеленскаго заключалось въ томъ, что когда назначенные изъ кадетъ къ выпуску въ офицеры ожидали Высочайшаго приказа о производствѣ, онъ выбиралъ изъ нихъ пять-шесть человекъ, которыхъ зналъ, отличалъ за способности и любилъ. Онъ записывалъ ихъ больными и помѣщалъ въ лазаретѣ, рядомъ съ своей комнатой, давалъ имъ читать книги хорошихъ авторовъ и велъ съ ними долгія бесѣды о самыхъ разнообразныхъ предметахъ.

Это, конечно, составляло нѣкоторое злоупотребленіе, но если вникнуть въ дѣло, то какъ это злоупотребленіе покажется простительно!

Надо только вспомнить, что было надѣлано съ корпусами съ тѣхъ поръ, какъ они попали въ руки Демидова, который, какъ выше было сказано, получилъ приказаніе ихъ «подтянуть» и, кажется, слишкомъ переусердствовалъ

въ исполненіи. Думаю такъ потому, что графы Строгановъ и Уваровъ, дѣйствуя въ то же время, ничего того не надѣлали, что надѣлалъ Демидовъ съ корпусами. Подъ словомъ «подтянуть» Демидовъ понялъ *остановить образованіе*. Теперь уже, разумѣется, не было никакого мѣста прежней задачѣ—чтобы корпусъ могъ выпускать такихъ образованныхъ людей, изъ коихъ при прежнихъ порядкахъ безъ нужды выбирали лицъ, способныхъ ко всякой служебной карьерѣ, не исключая и дипломатической. Наоборотъ, все дѣло шло о томъ, чтобы сузить нашъ умственный кругозоръ и всячески понизить значеніе науки. Въ корпусѣ существовала богатая бібліотека и музеумъ. Библіотеку приказали *запереть*, въ музеумъ не водить и наблюдать, чтобы никто не смѣлъ приносить съ собою никакой книги изъ отпуска. Если же откроется, что, несмотря на запрещеніе, кто-нибудь принесъ изъ отпуска книгу, хотя бы и самую невинную, или, еще хуже, самъ написалъ что-либо, то за это вѣрно было подвергать строгому тѣлесному наказанію розгами. При чемъ въ опредѣленіи мѣры наказанія была установлена оригинальная постепенность: если кадетъ изобличался въ прозаическомъ авторствѣ (конечно, смирнаго содержанія), то ему давали двадцать пять ударовъ, а если онъ согрѣшилъ стихомъ, то вдвое. Это было за то, что Рыльевъ, который писалъ стихи, вышелъ изъ нашего корпуса. Книжечка всеобщей исторіи, не знаю кѣмъ составленная, была у насъ едва ли не въ двадцать страничекъ и на оберткѣ ея было обозначено: «для воиновъ и для жителей». Прежде она была надписана: «для воиновъ и для гражданъ»,—такъ надписалъ ее ея искусный составитель,—но это было кѣмъ-то признано за неудобное и вмѣсто «для гражданъ», было поставлено «для жителей». Даже географическіе глобусы вѣрно было вынести, чтобы не наводили на какія-нибудь мысли, а стѣну, на которой въ старину были сдѣланы крупныя подписи важныхъ историческихъ датъ,—закрасить... Было принято правиломъ, которое потомъ и выражено въ инструкціи, что «никакія учебныя заведенія въ Европѣ не могутъ для заведеній нашихъ служить образцомъ—они «уединоображиваются» *).

*) См. не дѣйствующее болѣе «Наставленіе къ образованію воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній». 24 декабря 1848 года. Спб., типографія Военно-учебныхъ заведеній.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Можно представить, какъ мы при такомъ ученіи выходили учены... А впереди стояла цѣлая жизнь. Добрый и просвѣщенный человѣкъ, какимъ, несомнѣнно, былъ нашъ докторъ Зеленскій, не могъ не чувствовать, какъ это ужасно, и не могъ не позаботиться, если не пополнить ужасающій пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ (потому что это было невозможно), то, по крайней мѣрѣ, хотъ возбудить въ насъ какую-нибудь любознательность, дать хотъ какое-нибудь направление нашимъ мыслямъ.

Правда, что это не составляетъ предмета заботливости врача казеннаго заведенія, но онъ же былъ человѣкъ, онъ любилъ насъ, онъ желалъ намъ счастья и добра, а какое же счастье при кругломъ невѣжествѣ? Мы годились къ чему-нибудь въ корпусъ, но выходили въ жизнь въ полномъ смыслѣ ребятами, правда, съ задатками чести и хорошихъ правилъ, но совершенно ничего не понимая. Первый случай, первый хитрецъ при новой обстановкѣ могъ насъ сбивать и вести по пути недоброму, котораго мы не сумѣли бы ни понять, ни оцѣнить. Какъ къ этому быть равнодушнымъ!

И вотъ Зеленскій забиралъ насъ къ себѣ въ лазаретъ и подшпиговывалъ насъ то чтеніемъ, то бесѣдами.

Извѣстно ли объ этомъ было Перскому — я не знаю, но можетъ-быть, что и было извѣстно, только онъ не любилъ знать о томъ, о чемъ не считалъ нужнымъ знать. Тогда было строго, но формалистики меньше.

Читали мы у Зеленскаго, опять повторяю, книги самыя позволительныя, а изъ бесѣдъ я помню только одну и то потому, что она имѣла анекдотическое основаніе и черезъ то особенно прочно засѣла въ голову. Но, говорятъ, человѣкъ ни въ чемъ такъ легко не намѣчается, какъ въ своемъ любимомъ анекдотѣ, а потому я его здѣсь и приведу.

Зеленскій говорилъ, что въ жизнь надо внести съ собою какъ можно болѣе добрыхъ *чувствъ*, способныхъ порождать добрыя *настроєнія*, изъ которыхъ въ свою очередь непременно должно вытечь доброе же *поведеніе*. А потому будутъ цѣлесообразнѣе и всѣ *поступки* въ каждомъ столкновеніи и при всѣхъ случайностяхъ. Всего предвидѣть и распредѣлитель, гдѣ какъ поступить, — невозможно, а надо все

съ добрымъ настроеніемъ и разсмотрѣніемъ, и безъ упрямства; приложить одно, а если не дѣйствуетъ и раздражаетъ, обратиться благоразумно къ другому. Онъ все это изъ медицины бралъ и къ пей приравнивалъ и говорилъ, что у него, въ молодой порѣ, былъ упрямый главный докторъ.

Подходить, говорить, къ больному и спрашиваетъ:

— Что у него?

— Такъ и такъ,—отвѣчаетъ Зеленскій:—весь аппаратъ бездѣйствуетъ, что-то въ родѣ *miserere*.

— *Oleum ricini* давали?

— Давали.

И еще тамъ что-то спросилъ: давали?

— Давали.

— А *oleum crotoni*?

— Давали.

— Сколько?

— Двѣ капли.

— Дать двадцать!

Зеленскій только было ротъ раскрылъ, чтобы возразить, а тотъ остановилъ:

— Дать двадцать!

— Слушаю-съ.

На другой день спрашиваетъ:

— А что больной съ *miserere*: дали ему двадцать капель?

— Дали.

— Ну, и что онъ?

— Умеръ.

— Однако, проняло?

— Да, проняло.

— То-то и есть.

И довольный, что по его сдѣлано, старшій докторъ начиналъ преспокойно бумаги подписывать. А что больной умеръ, до этого дѣла нѣтъ: лишь бы *проняло*.

Но сколько къ чему этотъ медицинскій анекдотъ могъ быть приложимъ,—онъ намъ нравился и казался понятенъ, а ужъ насколько онъ кого-нибудь изъ насъ воздерживалъ отъ вреднаго упрямства въ выборѣ сильныхъ, но вредно дѣйствующихъ средствъ,—этого не знаю.

Зеленскій служилъ въ корпусѣ тридцать лѣтъ и оставилъ послѣ себя всего богатства пятьдесятъ рублей.

Таковы были эти три коренные старца нашего кадет-

скаго скита, но надо помянуть еще четвертаго, пришлого въ нашъ монастырь съ своимъ уставомъ, но также попавшаго нашему духу подѣ-стать и оставившаго по себѣ превосходную память.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Тогда былъ такой обычай, что для преподаванія религиозныхъ предметовъ кадетамъ высшихъ классовъ въ корпусъ присылался архимандритъ, изъ назначавшихся къ архіерейству. Разумѣется, это большую частію были люди очень умные и хорошіе, по особенно дорогъ и памятенъ намъ остался *послѣдній*, который былъ у насъ на этомъ назначеніи, и съ нимъ оно кончилось. Рѣшительно не могу вспомнить его имени, потому что мы звали ихъ просто «отецъ архимандритъ», а справиться о его имени теперь трудно. Пусть этотъ будетъ такъ, безъ имени. Онъ былъ среднего возраста, небольшого роста, сухощавъ и брюнетъ, энергическій, живой, съ звучнымъ голосомъ и весьма пріятными манерами, любилъ цвѣты и занимался для удовольствія астрономіей. Изъ окна его комнаты, выходящей въ садъ, торчала мѣдная труба телескопа, въ который онъ вечерами наблюдалъ звѣздное небо. Онъ былъ очень уважаемъ Перскимъ и всѣмъ офицерствомъ, а кадетами былъ любимъ удивительно. Мнѣ теперь думается, да и прежде въ жизни, когда приходилось слышать легкомысленный отзывъ о религіи, что она будто скучна и бесполезна, — я всегда думалъ: «вздоръ мелете, миланки: это вы говорите только оттого, что на мастера не попали, который бы васъ заинтересовалъ и раскрылъ вамъ эту поэзію вѣчной правды и не умирающей жизни». А самъ сейчасъ думаю о томъ послѣднемъ архимандритѣ нашего корпуса, который навѣки меня облагодѣтельствовалъ, образовавъ мое религиозное чувство. Да и для многихъ онъ былъ такимъ благодѣтелемъ. Онъ училъ въ классѣ и проповѣдывалъ въ церкви, но мы никогда не могли его вволю послушаться, и онъ это видѣлъ: всякій день, когда насъ выпускали въ садъ, онъ тоже приходилъ туда, чтобы съ нами разговаривать. Всѣ игры и смѣхи тотчасъ прекращались и онъ ходилъ, окруженный цѣлою толпою кадетъ, которые такъ тѣснились вокругъ него со всѣхъ сторонъ, что ему очень трудно было подвигаться. Каждое слово его ловили. Право, мнѣ это напоминаетъ

что-то древнее, апостольское. Мы передъ нимъ всѣ были открыты; выбалтывали ему всѣ наши горести, преимущественно заключавшіяся въ докучныхъ преслѣдованіяхъ Демидова и особенно въ томъ, что онъ не позволялъ намъ ничего читать.

Архимандритъ насъ выслушивалъ терпѣливо и утѣшалъ, что для чтенія впереди будетъ еще много времени въ жизни, но такъ же, какъ Зеленскій, онъ всегда внушалъ намъ, что наше корпусное образованіе очень недостаточно и что мы должны это помнить и, по выходѣ, стараться приобрѣтать познанія. О Демидовѣ онъ отъ себя ничего не говорилъ, но мы по едва замѣтному движенію его губъ замѣчали, что онъ его презираетъ. Это потомъ скоро и высказалось въ одномъ оригинальномъ и очень памятномъ событіи.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Я выше сказалъ, что Демидовъ былъ большой ханжа, онъ постоянно крестился, ставилъ свѣчи и прикладывался ко всѣмъ иконамъ, но въ религіи былъ суевѣръ и невѣжда. Онъ считалъ за преступленіе разсуждать о религіи, можетъ-быть, потому, что не могъ разсуждать о ней. Намъ онъ ужасно надоѣдалъ, кстати и некстати приставая: «молитесь, дѣточки, молитесь, вы ангелы, ваши молитвы Богъ слышитъ». Точно ему сообщено, чьи молитвы доходятъ до Бога и чьи не доходятъ. А потомъ этихъ же «ангеловъ» растягивали и драли какъ сидоровыхъ козъ. Самъ же себя онъ, какъ большинство ханжей, считалъ полнымъ, совершеннымъ христіаниномъ и ревнителемъ вѣры. Архимандритъ же былъ христіанинъ въ другомъ родѣ и, притомъ, какъ я сказалъ, онъ былъ уменъ и образованъ. Проповѣди его были не подготовленныя, очень простыя, теплыя, всегда направленные къ подъему нашихъ чувствъ въ христіанскомъ духѣ, и онъ произносилъ ихъ прекраснымъ, звучнымъ голосомъ, который долеталъ во всѣ углы церкви. Уроки же или лекціи его отличались необыкновенною простотою и тѣмъ, что мы могли его обо всемъ спрашивать и прямо, ничего не боясь, высказывать ему всѣ наши сомнѣнія и бесѣдовать. Эти уроки были нашь бенефисъ, —нашь праздникъ. Какъ образецъ, приведу одну лекцію, которую очень хорошо помню.

«Подумаемъ, — такъ говорилъ архимандритъ, — не лучше ли было бы, если бы для устранения всякаго недоумѣнія и сомнѣнія, которые длятся такъ много лѣтъ, Иисусъ Христосъ пришелъ не скромно въ образѣ человѣческомъ, а сошелъ бы съ неба въ торжественномъ величїи, какъ божество, окруженное сонмомъ свѣтлыхъ, служебныхъ духовъ. Тогда, конечно, никакого сомнѣнія не было бы, что это, дѣйствительно, божество, въ чемъ теперь очень многіе сомнѣваются. Какъ вы объ этомъ думаете?»

Кадеты, разумѣется, молчали. Чтò тутъ кто-нибудь изъ насъ могъ бы сказать, да мы бы на такого говоруна и разсердились, чтобы не лѣзъ не въ свое дѣло. Мы ждали егò разъясненія и ждали страстно, жадно и затаивъ дыханіе. А онъ прошелся передъ нами и, остановясь, продолжалъ такъ:

«Когда я, сытый, чтò по моему лицу видно, и одѣтый въ шелкъ, говорю въ церкви проповѣдь и объясняю, что нужно терпѣливо сносить холодъ и голодъ, то я въ это время читаю на лицахъ слушателей: «хорошо тебѣ, монахъ, разсуждать, когда ты въ шелку да сытъ. А посмотрѣли бы мы, какъ бы ты заговорилъ о терпѣніи, если бы тебѣ отъ голода животъ къ спинѣ подвело, а отъ стужи все тѣло посинѣло». И я думаю, что, если бы Господь нашъ пришелъ въ славѣ, то и Ему отвѣчали бы что-нибудь въ этомъ родѣ. Сказали бы, пожалуй: «Тамъ Тебѣ на небѣ отлично, пришелъ къ намъ на-время и учишь. Нѣтъ, вотъ, если бы Ты промежъ насъ родился, да отъ колыбели до гроба претерпѣлъ, чтò намъ терпѣть здѣсь приходится, тогда бы другое дѣло». И это очень важно и основательно, и для этого Онъ и сошелъ босой и пробрелъ по землѣ безъ прїюта».

Демидовъ, я говорю, ничего не понималъ, но чувствовалъ, что это человѣкъ не въ его духѣ, чувствовалъ, что это заправскїй, настоящїй христїанинъ, а такіе ханжамъ хуже и противнѣе самаго крайняго невѣра. Но подымать онъ съ нимъ ничего не могъ, потому что не смѣлъ открыто порицать доброе боговѣданіе и разсужденіе архимандрита, пока этотъ не далъ на себя иного оружія. Архимандритъ вышелъ изъ терпѣнія и опять не за себя, а за насъ, потому что Демидовъ съ своимъ пустосвятствомъ разрушалъ его работу, портивъ наше религіозное настроеніе и дово-

дивъ насъ до шалостей, въ которыхъ обнаруживалась обыкновенная противоположность ханжества, легкомысленное отношеніе къ священнымъ предметамъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Демидовъ былъ чрезвычайно суевѣренъ: у него были счастливые и несчастные дни; онъ боялся трехъ свѣчей, креста, встрѣчи съ духовными и имѣлъ многіе другіе глупые предразсудки. Мы, со свойственною дѣтямъ наблюдательностью, очень скоро подмѣтили эти странности главнаго директора и обратили ихъ въ свою пользу. Мы отлично знали, что Демидовъ ни за что не пріѣдетъ ни въ попятный, ни въ пятницу, ни въ другой тяжелый день или тринадцатаго числа; но главнѣе всего насъ выручали кресты... Одинъ разъ, замѣтивъ, что Демидовъ, гдѣ ни зайдетъ крестъ, сейчасъ крестится и обходитъ, мы начали ему всюду подготавливать эти сюрпризы; въ тѣ дни, когда можно было ожидать, что онъ пріѣдетъ въ корпусъ, у насъ уже были приготовлены кресты изъ палочекъ, изъ цвѣтныхъ шерстяныхъ или даже изъ соломинныхъ. Они дѣлались разной величины и разнаго фасона, но особенно хорошо дѣйствовали кресты въ родѣ надмогильныхъ—съ покрывечками. Ихъ особенно боялся Демидовъ, вѣроятно, имѣвшій какую-нибудь скрытую надежду на безсмертіе. Кресты эти мы разбрасывали на полу, а всего больше помѣщали ихъ подъ карнизы лѣстничныхъ ступеней. Какъ, бывало, начальство за этимъ ни смотритъ, чтобы этого не было, а уже мы ухитримся — крестикъ подбросимъ. Бывало, всѣ идутъ и никто не замѣтитъ, а Демидовъ непременно увидитъ и сейчасъ же отпрыгнетъ, закрестится, закрестится и вернется назадъ. Ни за что рѣшительно онъ не могъ наступить на ступеньку, на которой былъ брошенъ крестикъ. То же самое было, если крестикъ оказывался на полу посреди проходной комнаты, чрезъ которую лежалъ его путь. Онъ сейчасъ отскочитъ, закрестится и уйдетъ, и намъ въ этотъ разъ полегчаетъ, но потомъ начнется дознаніе и окончится или карцеромъ для многихъ, или даже наказаніемъ на тѣлѣ для нѣкоторыхъ.

Архимандрита это возмущало, и хотя онъ намъ ничего не говорилъ на Демидова, но одинъ разъ, когда подобная

шалость окончилась обширной раздѣлкой на тѣлѣ многихъ, онъ поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Я запрещаю вамъ это дѣлать, и кто меня хоть немножко любитъ, тотъ послушается.

И мы дали слово не метать больше крестиковъ, и не метали, а рядомъ съ тѣмъ, въ слѣдующее же воскресенье, архимандритъ, по окончаніи обѣдни, сказалъ въ присутствіи Демидова проповѣдь «о предразсудкахъ и пустосвятствѣ», гдѣ только не называлъ Демидова по имени, а перечислялъ всѣ его ханжескія глупости и даже упомянулъ о крестикахъ.

Демидовъ стоялъ полотно бѣлѣе, весь трясся и вышелъ, не подойдя къ кресту, но архимандритъ на это не обратилъ никакого вниманія. Надо было, чтобы у нихъ сочинился особенный духовно-военный турниръ, въ которомъ я не знаю, кому приписать побѣду.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Черезъ недѣлю, въ воскресенье, слѣдовавшее за знаменитою проповѣдью «о предразсудкахъ», Демидовъ не сманкировалъ, а пріѣхалъ въ церковь, но, опоздавъ, вошелъ въ половинѣ обѣдни. Онъ до конца отстоялъ службу и проповѣдь, которая на этотъ разъ касалась вещей обыкновенныхъ и ничего остраго въ себѣ для него не заключала; но тутъ онъ выкинулъ удивительную штуку, на которую архимандритъ отвѣтилъ еще болѣе удивительною.

Когда архимандритъ, возгласивъ «благословеніе Господне на васъ», закрылъ царскія двери, Демидовъ вдругъ тутъ же въ церкви гласно съ нами поздоровался.

Мы, разумѣется, какъ привыкли отвѣчать, громко отвѣчали ему:

— Здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство!—и хотѣли уже поворачиваться и выходить, какъ вдругъ завѣса, гремя колечками по рубчатой проволоцѣ, неожиданно распахнулась, и въ открытыхъ царскихъ дверяхъ появился еще не успѣвшій разоблачиться архимандритъ.

— Дѣти! я *вамъ* говорю, — воскликнулъ онъ скоро, но спокойно: — въ храмъ Божіемъ умѣстны только одни возгласы, — возгласы въ честь и славу Живаго Бога и никакіе другіе. Здѣсь я имѣю право и долгъ запрещать и при-

казывать, и я вамъ *запрещаю* дѣлать возгласы начальству. Аминь.

Онъ повернулся и закрылъ двери. Демидовъ поскакалъ жаловаться, и архимандритъ отъ насъ выѣхалъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ было сдѣлано распоряженіе, чтобы архимандритовъ впредь въ корпуса вовсе не назначали. Это былъ послѣдній.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Я кончилъ, больше мнѣ сказать объ этихъ людяхъ нечего, да, кажется, ничего и не нужно. Ихъ время прошло, нынче дѣйствуютъ другіе люди и ко всему другія требованія, особенно къ воспитанію, которое уже не «уединоображивается». Можетъ-быть, тѣ, про которыхъ я рассказаль, теперь были бы недостаточно учены или, какъ говорятъ, «не педагогичны» и не могли бы быть допущены къ дѣлу воспитанія, но позабыть ихъ не слѣдуетъ. То время, когда все жалось и тряслось, мы, цѣлыя тысячи русскихъ дѣтей, какъ рыбки рѣзвились въ водѣ, по которой масломъ плыла ихъ, защищавшая насъ отъ всѣхъ бурь, елейность. Такіе люди, стоя въ сторонѣ отъ главнаго историческаго движенія, какъ правильно думалъ незабвенный Сергій Михайловичъ Соловьевъ, *сильнѣе другихъ дѣлаютъ исторію*. И если ихъ «педагогичность» даже не выдержитъ критики, то все-таки ихъ память почтенна и души ихъ во благихъ водворятся.

Прибавленіе къ разсказу о кадетскомъ монастырѣ.

Въ долготѣнную бытность покойнаго Андрея Петровича экономомъ 1-го кадетскаго корпуса, тамъ состоялъ «старшимъ поваромъ» нѣкій Кулаковъ.

Поварь этотъ умеръ скоропостижно на своемъ поварскомъ посту — у плиты, и смерть его была очень замѣтнымъ событіемъ въ корпусѣ. Кулаковъ—честный человекъ, не воръ, и потому честный экономъ Бобровъ уважалъ Кулакова при жизни и скорбѣлъ о его трагической кончинѣ. Послѣ того, какъ Кулаковъ умеръ, «стоя у плиты», на смѣну ему долго не было мужа съ такою же нравственною доблестью. Со смертью Кулакова, при всей строгости досмотра

со стороны бригадира Боброва, «просьба кисель» и «тертый картофель потерять свою густоту». Особенно повредился картофель, составлявший важный элемент при кадетском столѣ. Послѣ Кулакова картофель не ползъ меланхолично, сходя съ ложки на тарелки кадетъ, но лился и «лопоталъ». Бобровъ видѣлъ это и огорчился, — даже, случалось, дрался съ поварами, но никакъ не могъ добиться секрета стирать картофель такъ, чтобы онъ былъ «какъ масло». Секретъ этотъ, быть-можетъ, навсегда утраченъ вмѣстѣ съ Кулаковымъ, и потому понятно, что Кулакова въ корпусѣ сильно вспоминали и вспоминали добромъ. Находившійся тогда въ числѣ кадетъ Кондратій Фёдоровичъ Рыльевъ († 14-го іюля 1826 г.), видя скорбь Боброва и цѣня утрату Кулакова для всего заведенія, написалъ по этому случаю комическую поэму, въ двухъ ильсняхъ, подъ заглавіемъ «Кулакіада». Поэма, исчисливъ заслуги и доблести Кулакова, описываетъ его смерть у плиты и его погребеніе, а затѣмъ она оканчивалась слѣдующимъ воззваніемъ къ Андрею Петровичу Боброву:

«Я знаю то, что не достоинъ
Вѣщать о всѣхъ дѣлахъ твоихъ;
Я не поэтъ, я просто воинъ,—
Въ моихъ устахъ не складенъ стихъ,
Но ты, о мудрый, знаменитый
Царь кухни, мрачныхъ погребовъ,
Топленнымъ жиромъ весь облитый,
Единственный герой Бобровъ!
Не осердися на поэта,
Тебя который воспѣвать,
И знай—у каждаго кадета
Ты тѣмъ навѣкъ безсмертенъ сталъ
Прочтя стихи сіи, потомки,
Бобровъ, вспомнеть о тебѣ *),
Твои дѣла вспомнеть громки
И вспомнеть, можетъ-быть, о мнѣ.»

Таковъ и есть Бобровъ на его единственномъ карандашевомъ портретѣ «царь кухни, мрачныхъ погребовъ», «топленнымъ жиромъ весь облитый, единственный герой Бобровъ».

И еще одинъ анекдотъ.

Бобровъ ежедневно являлся къ директору корпуса Михаилу Степановичу Перскому рапортовать «о благополучіи».

*) Вариантъ: «Вспомнеть, мудрый, о тебѣ».

Рапорты эти, разумеется, чисто формальные, писались всегда на листъ обыкновенной бумаги и затѣмъ складывались вчетверо и клались Боброву за кокарду треуголки. Бригадиръ бралъ шляпу и шелъ къ Перскому, но такъ какъ въ корпусѣ всеѣмъ было до Боброва дѣло, то онъ по дорогѣ часто останавливался для какихъ-нибудь распоряженій, а имѣя слабость горячиться и пылить, Бобровъ часто бросалъ свою шляпу или забывалъ ее, а потомъ снова ее бралъ и шелъ далѣе.

Зная такую привычку Боброва, кадеты подшутили надъ своимъ «дѣдушкой» шутку: они переписали «Кулакладу» на такой самѣй листъ бумаги, на какомъ у Андрея Петровича писались рапорты по начальству, и, сложивъ листъ тѣмъ же форматомъ, какъ складывалъ Бобровъ свои рапорты, кадеты всунули рылѣвское стихотвореніе въ треуголку Боброва, а рапортъ о «благополучіи» вынули и спрятали.

Бобровъ не замѣтилъ подмѣна и явился къ Перскому, который Андрея Петровича очень уважалъ, но все-таки былъ ему начальникъ и держалъ свой тонъ.

Михаилъ Степановичъ развернулъ листъ и, увидавъ стихотвореніе вмѣсто рапорта, разсмѣялся и спросилъ:

— Что это, Андрей Петровичъ, — съ какихъ поръ вы сдѣлались поэтомъ?

Бобровъ не могъ понять, въ чемъ дѣло, но только видѣлъ, что что-то неладно.

— Какъ, что изволите... какой поэтъ? — спросилъ онъ вмѣсто отвѣта у Перскаго.

— Да какъ же: кто пишетъ стихи, вѣдь тѣхъ называютъ поэтами. Ну, такъ и вы поэтъ, если стали сочинять стихи.

Андрей Петровичъ совсѣмъ сбился съ толку.

— Что такое... стихи...

Но онъ взглянулъ на бумагу, которую подаль въ сложенномъ видѣ, и увидаль въ ней, дѣйствительно, какія-то незаконно неровныя строчки.

— Что же это такое?!

— Не знаю, — отвѣчалъ Перскій и сталъ вслухъ читать Андрею Петровичу его рапортъ.

Бобровъ чрезвычайно сконфузился и взволновался до

слезь, такъ что Перскій, окончивъ чтеніе, долженъ былъ-его успокоивать.

Послѣ этого былъ найденъ авторъ стихотворенія, — это былъ кадетъ Рылѣевъ, на котораго добрый Бобровъ тутъ же сгоряча излилъ все свое негодованіе, по скольку онъ былъ способенъ къ гнѣву. А Бобровъ, при всемъ своемъ безконечномъ незлобін, былъ вспыльчивъ, и «попасть въ стихи» ему показалось за ужасную обиду. Онъ не столько сердился на Рылѣева, какъ вопіялъ:

— Нѣтъ, за чтѣ! Я только желаю знать—за чтѣ ты меня, разбойникъ, осрамилъ!

Рылѣевъ былъ тронуть непредвидимою имъ горестью всѣми любимаго старика и просилъ у Боброва прощенія съ глубокимъ раскаяніемъ. Андрей Петровичъ плакалъ и всхлипывалъ, вздрагивая всѣмъ своимъ тучнымъ тѣломъ. Онъ былъ слезливъ или, по-кадетски говоря, былъ «плакса» и «слезомойка». Чуть бы чтѣ ни случилось въ немножко торжественномъ или въ немножко печальномъ родѣ, бригадиръ сейчасъ же готовъ былъ расплакаться.

Корпусные солдаты говорили о немъ, что у него «глаза на мокромъ мѣстѣ вставлены».

Но какъ ни была ужасна вся исторія съ «Кулакиадою», Бобровъ, конечно, все-таки помирился съ совершившимся фактомъ, и простилъ его, но сказалъ при томъ Рылѣеву назидательную рѣчь, что литература вещь дрянная, и что занятія ею никого не приводятъ къ счастью.

Собственно же для Рылѣева, говорятъ, будто старикъ высказалъ это въ такой формѣ, что она имѣла соотношеніе съ послѣднею судьбою покойнаго поэта, котораго добрый Бобровъ ласкалъ и особенно любилъ какъ умнаго и бойкаго кадета.

«Послѣдній архимандритъ», который не ладилъ съ генераломъ Муравьевымъ и однажды заставилъ его замолчать, былъ архимандритъ Ириней, впоследствии епископъ, архіерействовавшій въ Сибири и перессорившійся тамъ съ гражданскими властями, а потомъ скончавшійся въ помраченіи разсудка.

РУССКІЙ ДЕМОКРАТЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.

Это—маленькая исторійка, но я думаю, что ее тоже, пожалуй, можно примкнуть къ рассказамъ «о трехъ праведникахъ». Такъ говорилъ мнѣ почтенный старецъ, со словъ котораго я записалъ рассказъ объ инокахъ кадетскаго монастыря, а теперь въ видѣ *post-scriptum* записываю еще одно послѣднее сказаніе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Я поступилъ на службу прямо по выходѣ изъ корпуса въ канцелярію главнокомандующаго дѣйствующею арміею генераль-фельдмаршала князя Паскевича. Это было въ тридцать второмъ году, въ январѣ мѣсяцѣ, — значитъ, вскорѣ послѣ покоренія Варшавы, которая взята въ августѣ тридцать перваго года. Директоромъ этой канцеляріи былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ѳомичъ Самбурскій, про котораго и пойдетъ моя рѣчь. Его позабыли, и исторія о немъ умалчивается, а онъ былъ человекъ замѣчательный и, по моему мнѣнію, даже историческій.

Самбурскій былъ малороссъ и имѣлъ репутацію человека необыкновеннаго ума и способностей, а также отличался честностью и непреклонностью убѣжденій. Тогда еще на службѣ такими людьми иногда дорожили, и если не всегда, то хоть изрѣдка о нихъ вспоминали и думали, что безъ нихъ не хорошо, — что они нужны. Притомъ же Иванъ Ѳомичъ былъ невообразимо дѣловитъ: буквально — не было

занятія, къ которому онъ былъ бы неспособенъ и, взявшись за которое, оказался бы не на своемъ мѣстѣ. О честности же, разумѣется, и говорить нечего — на однихъ коммиссіонерахъ и интендантахъ миллионъ могъ нажить, а онъ ничего не наживалъ и для всѣхъ воровъ былъ неодолимъ. Всякую хитрость провидитъ и *округлитъ*. Это было извѣстно, и потому при назначеніи Ивана Ѳомича въ директора канцеляріи при Дибичѣ ему было положено двойное жалованье.

Обязанности директора канцеляріи были очень большія и чрезвычайно разностороннія. По взятіи Варшавы, тутъ сосредоточивалась и военная, и гражданская переписка по всему Царству Польскому; онъ долженъ былъ возстановить русское правленіе вмѣсто революціоннаго; привести въ извѣстность статьи доходовъ и образовать правильный приходъ и обращеніе финансовъ. Вообще, требовалось организовать дѣло, которое послѣ военнаго разгрома представляло обыкновенный въ такихъ случаяхъ хаосъ.

Это трудъ огромный и почтенный, но неблагодарный. Онъ требуетъ человѣка выше обыкновенныхъ способностей и поглощаетъ его всего; а между тѣмъ дѣятельность его не видна и остается почти незамѣчаемою, такъ сказать, черною работою, въ родѣ уборки чего-то въ тылу.

Нынче, можетъ-быть, это еще лучше, потому что теперь о тылѣ располагають совсѣмъ иначе, но тогда вся слава и честь почиталась быть на виду — впереди, въ опасности. Въ тылу тогда, бывало, остаются не иначе какъ плачущи. Ну, а уже что при такомъ взглядѣ могла значить канцелярская крыса, — это понять не трудно. Штатскіе, впрочемъ, тогда и повсемѣстно мало гдѣ и за людей были почитаемы. Такое время было, и за это нечего сердиться. У всякаго времени свои странности, а одна изъ тогдашнихъ странностей была — пренебреженіе ко всѣмъ невоеннымъ занятіямъ. Исключеніе дѣлали для одного графа Сперанскаго, но и то ставили это себѣ за неприятную необходимость. Удивительно вспомнить, какъ люди, бывало, съ особенною серьезностью внушали, что «Россія государство не торговое и не земледѣльческое, а военное и призваніе его быть грозою свѣта»... Хомяковъ сказалъ: «мы долго вѣрили среди восточной дѣлн и грязной суеты» и проч., — и дѣйствительно, вѣрили. Такъ часто тогда повторялось это мудрое

изреченіе, что, бывало, наслушаешься и начнешь вѣрить. Крымъ это поисправиль, а то мѣры не было вздорамъ. Разсказывали, напримѣръ, какіе-то полудикіе анекдоты, какъ пришли два офицера въ трактиръ и, видя двухъ штатскихъ, говорить лакею: «подай намъ двухъ титулярныхъ совѣтниковъ!» Тотъ недоумѣваетъ, а они ему объясняютъ вслухъ, что титулярные совѣтники—это рябчики. Въ отвѣтъ на это одинъ изъ штатскихъ говоритъ: «а намъ, братецъ, дай двухъ поручиковъ подь хрѣномъ». Лакей опять недоумѣваетъ, а штатскій изъясняетъ ему гласно, что поручики—это поросята. Этотъ глухой анекдотъ выражалъ настроеніе.

Я самъ помню, какъ разъ вечеркомъ, на томъ мѣстѣ Казанской площади, у садика, гдѣ теперь часто стоитъ тележка чухонца съ выборгскими кренделями, иду я домой, а передо мною идутъ два офицера и говорятъ:

— Видишь штафирку?

Другой отвѣчаетъ: вижу.

И указываютъ другъ другу на чиновника, который покупаетъ крендельки и завязываетъ ихъ въ платочекъ. Вѣрно, человекъ бѣдный былъ, потому что шляпенка на немъ рыженькая, и самъ онъ тощій, заморенненькій, а на немъ шинелька суконная, ветхая, подолъ подтрепанъ и разрѣзъ сзади,—какъ это дѣлалось.

Одинъ офицеръ говоритъ: давай, разорвемъ его.

Другой отвѣчаетъ: давай.

И тутъ же, на моихъ глазахъ, взяли его за край шинельнаго разрѣза, потянули въ разныя стороны и расположили пополамъ до самаго воротника. Только пыль изъ стараго суконца посыпалась, и крендельки онъ свои, бѣднякъ, разронялъ. А все это совершенно ни за что, да и безъ злобы, а такъ, можно сказать, по глупой манерѣ носились сами съ собою въ какомъ-то священномъ восторгѣ и какъ зыкливые телята брыкались. Я же вамъ объ этомъ упоминаю для того, чтобы показать, какой былъ духъ времени и какое царствовало неблагоприятное для гражданской дѣятельности настроеніе—особенно въ кругу тѣснаго соприкосновенія съ людьми военными.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Самбургскій, съ его правильнымъ умомъ, конечно, отлично понималъ свое время и потому, идучи въ директоры кан-

целярии, зналъ какъ устроиться. Онъ позаботился не только о деньгахъ, которыхъ у него не было и на которыя онъ естественно имѣлъ право, принимая на себя трудъ большой и чрезвычайно отвѣтственный, но онъ выговорилъ себѣ и такое положеніе, чтобы ему не быть пѣшкой. Онъ не хотѣлъ быть слѣпымъ исполнителемъ чьихъ-либо случайныхъ фантазій, а желалъ имѣть необходимую для пользы службы свободу выбора людей и плана дѣйствій, равно какъ и средствъ къ ихъ исполненію. Съ княземъ Иваномъ Ѳедоровичемъ это было еще необходимѣе, чѣмъ съ Дибичемъ, который былъ очень толковый администраторъ. Съ Паскевичемъ было труднѣе, въ виду очень многихъ свойствъ его характера и манеры распорядиться: инья изъ его распоряженій, бывало, не только неудобно исполнить, но даже иногда нельзя и понять.

Я не знаю, какъ понималъ Паскевичъ въ точности огромныя способности Самбурскаго, на мой взглядъ представляющіяся необычайными; но знаю, что онъ въ душѣ цѣнилъ его превосходную честность. Мнѣ извѣстно также, что онъ былъ прельщенъ однимъ анекдотомъ, который относился къ юношескимъ годамъ Ивана Ѳомича и заключался въ слѣдующемъ.

Самбурскій былъ бѣдный человекъ и нуждался въ работѣ. Работать онъ могъ, разумѣется, только перомъ, къ чему имѣлъ счастливый даръ прекраснаго изложенія мыслей спокойно, плавно и вразумительно. Когда хотѣлъ тронуть или обличить и доказать справедливость,—былъ неподражаемъ. Съ этой стороны онъ сдѣлался извѣстенъ по поводу прошенія, написаннаго имъ для одной бѣдной мелкопомѣстной дворянки, тяжело оскорбленной богатымъ сосѣдомъ. Прошеніе это, поданное императору Александру Павловичу въ четвергъ на Страстной недѣлѣ, растрогало его величество до слезъ, и государь спросилъ: «Кто писалъ?» Вдова назвала Самбурскаго. И это обратило на него вниманіе многихъ. Что же касается самого предмета просьбы, то императоръ велѣлъ переслѣдовать неправильно рѣшенное дѣло, и вдова послѣ многихъ лѣтъ обидъ и страданія была восстановлена въ своемъ правѣ. Самбурскій писалъ мастерски, можетъ-быть, отчасти потому, что онъ превосходно чувствовалъ, вдохновенно проникалъ справедливость и любилъ постоять за нее безъ страха.

Все это у него шло свободно, вольно, натурально, съ какою-то поэтическою отвагою типичнаго хохла. Глядя на него, бывало, не разъ вспоминаешь чье-то вѣрное замѣчаніе о малороссахъ, что между ними очень рѣдко встрѣчается середина въ нравственности. Нигдѣ природы не бываютъ цѣльиѣе и даже отчасти прямолинейнѣе, какъ въ Малороссіи. Тамъ, если честный человѣкъ, такъ ничѣмъ его не своротишь, и негодяи, если задаются, такъ тоже бываютъ ничѣмъ неисправимые. Самбурскій, разумѣется, былъ изъ хохловъ перваго сорта.

Но я отбиваюсь отъ анекдота, который располагалъ къ Самбурскому Паскевича, и едва ли не былъ, быть-можетъ, главнымъ поводомъ, почему фельдмаршалъ уважалъ его.

Былъ какой-то ученый, какой-то трудной специальности, говорили, будто астрономъ. Ему надо было написать ученое сочиненіе на какую-то степень по этому предмету, который онъ хорошо зналъ, но былъ совершенно бездаренъ. Сидѣль-сидѣль этотъ ученый, мучился, и пришелъ въ отчаяніе, а Самбурскій былъ къ нимъ вхожъ и въ домѣ друженъ. Видитъ онъ это горе, день, два, мѣсяць, давалъ совѣты, обѣщаль помощь и, наконецъ, разсердясь, говоритъ:

— Да расскажи ты мнѣ все, что тебѣ надо написать.

Тотъ отвѣчаетъ:

— Это нельзя,—это цѣлый предметъ.

— Ну, и рассказывай цѣлый предметъ.

Принудить рассказать, выслушать, а черезъ недѣлю принести написанную диссертацию.

Можетъ-быть, тутъ что-нибудь раздуто и преувеличено,— я не знаю, но дословно такой анекдотъ ходилъ о Самбурскомъ, и многіе передавали его даже едва ли не такъ, что Иванъ Ѳомичъ не зналъ астрономіи, но всю ее проникъ одною силою своего остраго ума.

Вообще по всему можно было видѣть, что фельдмаршалъ считалъ своего директора за человѣка необыкновеннаго, котораго надо было уважать; но, тѣмъ не менѣе, это не помѣшало имъ разойтись довольно смѣшно и, такъ сказать, анекдотически. Поводомъ къ этому послужило ихъ несогласіе въ оригинальномъ вопросѣ о самоварахъ, которымъ Иванъ Ѳомичъ Самбурскій надумалъ дать государственную роль въ исторіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

По благородной простотѣ характера Ивана Ѳомича, у насъ канцелярія была будто его семья. Она вся была небольшая, кажется, человекъ изъ десяти, но какъ въ ней составлялись бумаги самаго секретнаго содержанія, то въ ней люди были собраны съ большою осторожностію и по самымъ надежнымъ рекомендаціямъ. Но разъ какъ человекъ быть принятъ, Иванъ Ѳомичъ терпѣть не могъ показывать, что онъ его остерегается или имѣть къ нему не полное довѣріе. Эта дрянная, хотя весьма распространенная, манера душъ мелкихъ и подозрительныхъ была чужда его благородному и дальновидному уму. Самбурскій зналъ, что единодушіе ничѣмъ такъ не достигается, какъ любовью, и имѣлъ благоразуміе дорожить сердечными чувствами своихъ младшихъ сотрудниковъ. Молодыхъ людей онъ старался знать со стороны ихъ способностей и въ минуты своего небольшого отдыха всегда съ ними бесѣдовалъ, о чемъ приходило ему въ голову. Этимъ способомъ онъ всегда зналъ настроеніе нашихъ мыслей и силу сообразительности. Бывало, поговорить-поговорить, да смотришь и дасть работу, изъ назначенія которой видишь, что онъ тебя уже совѣмъ и смѣрилъ. Такого начальника, разумѣется, мудрено не любить и не цѣнить, и мы всѣ были къ нему очень привязаны.

Правая рука его у насъ былъ начальникъ отдѣленія Лахтинъ, очень образованный человекъ, съ которымъ Самбурскій любилъ посовѣтоваться. Но и совѣты совѣщаль онъ не по-официальному, а по-семейному, т. е. не наединѣ, «при закрытыхъ дверяхъ», въ насмѣлку надъ которыми тайны, за ними сказанныя, очень быстро разносятся, а Самбурскій говорилъ прямо при насъ, молодыхъ людяхъ, какъ бы пріучая тѣмъ насъ къ скромности на всякъ часъ, безъ особыхъ предупрежденій.

Однажды, когда мы такимъ образомъ всѣ были въ сборѣ за своимъ дѣломъ, Самбурскій поднялъ голову отъ бумагъ, назвалъ Лахтина по имени и отечеству и спросилъ его: очень ли онъ занятъ,—что онъ хотѣлъ бы съ нимъ поговорить.

Лахтинъ отвѣчалъ, что у него въ эту минуту особенныхъ занятій нѣтъ и онъ готовъ къ его услугамъ.

Самбурскій и говорить:

— Давно я думалъ объ одномъ предметѣ, а пынче безсонною ночью, ворочая его со стороны на сторону, кажется, додумался до чего-то похожаго на дѣло. Не знаю, каковы будутъ объ этомъ вашъ судъ, но мнѣнїе ваше знать очень желаю.

Лахтинъ отвѣчалъ, что онъ слушаетъ со вниманїемъ. Мы же оставались, какъ всегда бывало, при своихъ мѣстахъ.

Не смотря на милую доброту Ивана Ѳомича, всѣ мы держали себя съ нимъ крайне почтительно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

— Каждое царствованїе,—началъ Самбурскій:—мы ведемъ здѣсь побойща съ поляками, но самое огромное побоище было теперь; оно стоило денегъ двѣсти милліоновъ, а челоувѣческихъ жертвъ шестьдесятъ тысячъ. Это меня приводитъ въ ужасъ. Сколько вдовъ, сиротъ и стариковъ, которыхъ кормить некому послѣ такой побѣды? За это надо отвѣтъ дать Богу, а между тѣмъ мы отъ своей роли здѣсь отказаться не можемъ, пока не устроимъ своихъ единовѣрныхъ въ Литвѣ и въ юго-западномъ краѣ. Польша—Богъ съ ней; но своихъ мы никакъ не можемъ оставить на произволь судьбы.

Самбурскій,—ошибался онъ или нѣтъ,—былъ того мнѣнїя, что Польша намъ *не нужна* и составляетъ для насъ вопросъ только, пока не упрочены какъ надо юго-западный край и Литва. Поэтому онъ и проектировалъ всѣ свои мѣры для этой окраины и былъ увѣренъ, что если тѣ мѣры выполнить, т. е. если Литва, Волынь и Подолия сдѣлаются совершенно русскими, то о Польшѣ и говорить не стоить и беречь ее при себѣ не для чего. Тогда она лѣзть къ намъ подъ бокъ не можетъ чрезъ сплошное единовѣрное намъ населенїе съ русскимъ дворянствомъ и беспокоить насъ не будетъ. А что касается собственнаго ея значенїя для Россїи, то Самбурскій сводилъ его къ нулю и говорилъ:

— Надо желать, чтобы она сдѣлалась самостоятельною, надо ее сдѣлать таковою и бросить. Тогда ее сейчасъ же сожрутъ нѣмцы и запаху ея не останется.

Онъ даже думалъ, что Польша намъ вредъ и болѣзнь.

— Наполеонъ,—говорить:—ошибался, называя Кавказъ нашимъ вѣчнымъ чирьемъ,—настоящій вѣчный чирій нашъ— Польша, и мы ее будемъ таскать, пока не загородимся полосою западнаго края, а саму Польшу бросимъ. Иначе она намъ нагадитъ, напуститъ внутренняго разлада (что, кажется, и сбывается). Но я возвращаюсь къ прерванному разговору Самбурскаго съ Лахтинымъ.

— Непремѣнно,—сказалъ Самбурскій:—надо на будущее время сдѣлать невозможными такія кровопролитія; а если вести дѣла такъ, какъ они ведутся, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что это когда-нибудь кончится. Усмиримъ мятежь, подсеѣчемъ старые корни, а молодые побѣги опять отрыгнуть, и черезъ нѣсколько лѣтъ снова готова такая же исторія.

Лахтинъ качнулъ въ знакъ согласія головою и сказалъ:

— Это иначе и быть не можетъ.

— Да; это очень естественно,—согласился Самбурскій:—если прилагать къ нашимъ расправамъ съ Польшей одинъ узкій масштабъ военныхъ занятій западнаго края, то это не можетъ быть иначе. Пушки и ружья, по моему мнѣнію, не имѣютъ того вліянія, какое нужно, чтобы разъ навсегда отучить поляковъ отъ неумѣстныхъ претензій на Литву и на юго-западный край, населенный народомъ, который поляковъ не любитъ. Нужно еще особое орудіе.

— Какое же?

— А вотъ отгадайте.

— Не могу,—отвѣчалъ Лахтинъ.

Самбурскій улыбнулся и сказалъ:

— Это оружіе—самоваръ.

— Что-о такое?!

— Самоваръ-съ, самоваръ, Николай Андреевичъ, — простой русскій самоваръ.

Тутъ уже и мы, «молодшіе люди», слыша, что наши наибольшіе договорились до такихъ странностей, перестали работать и подняли головы съ недоумѣніемъ, чѣмъ это разъяснится: серьезнымъ дѣломъ или шуткою.

— Приходило ли вамъ когда-нибудь на мысль положеніе престарѣлаго офицера?—продолжалъ Самбурскій.

— Очень много разъ приходило,—отвѣчалъ Лахтинъ.

— Вотъ видите! Значить, у кого есть нѣкоторый жаръ въ сердцѣ и любовь къ человѣчеству, то ко всякому такому человѣку этотъ вопросъ бьется. Это не даромъ: въ чье-нибудь сердце онъ хочетъ достучаться. Теперь посмотрите дальше, сколько у насъ въ арміи изъ офицеровъ людей женатыхъ, особенно вверхъ отъ капитанскаго чина... Это уже настоящіе страстотерицы: служатъ они, и на службѣ имъ нѣтъ никакой радости, а подъ старость и угла нѣтъ, гдѣ приклонить голову. Хорошо, который куда-нибудь городничимъ попадетъ, да будетъ морковью или потрохами на базарѣ взятки брать, или у арестантовъ изъ трехкопеечнаго содержанія половину воровать станеть. Но, вѣдь, очень немного такихъ счастливицевъ, которымъ такая карьера выпадеть, а то жаль смотрѣть чѣмъ занимаются...

Лахтинъ отозвался:

— Это правда!

— Да какъ же не правда! — продолжалъ Самбурскій. — Пока молодъ да легкомысленъ, онъ и въ восторгѣ: его занимаетъ, что и шныры звенять, и эполеты блестятъ, а какъ съ лѣтами въ разумъ начнетъ приходить, такъ, вѣдь, — сдѣлайте вашу милость... мишура-то слетитъ и очень горько станеть.

— Ропщутъ, — молвилъ Лахтинъ.

— Да; ропщутъ, но очень мало ропщутъ, — отвѣчалъ, продолжая матерію, Самбурскій. — Удивительные люди, — праведники. Иной бы, поди, какого шума надѣлалъ и цѣлый бы вѣкъ все визжалъ, а нашъ съ сердцовъ за чаркой зелена вина гдѣ-нибудь выругается, а потомъ завьетъ горе веревочкой, да такъ всю жизнь съ обрывкомъ и ходитъ. Только не дергай его за этотъ узелокъ, потому что у него тутъ больное мѣсто завязано. Все, все простить ему надо, и даже свѣчку поставить. Служилъ какъ слѣдуетъ, сколько разъ его могли убить и изувѣчить, а другой, можетъ-быть, и изувѣченъ, а между тѣмъ, война кончится, составъ войскъ введется на мирное положеніе, и тысячи этихъ отставныхъ слугъ отечества идутъ въ запштатъ. Разумѣется, это въ порядкѣ вещей, да смотрѣть-то на нихъ жалко въ этомъ положеніи. Хорошо, который куда-нибудь на частную должность примкнетъ къ откупу, или къ какой конторѣ... Разумѣется, не особенно высокоблагородно, но, по крайней

мѣрѣ, спрятанъ отъ когтей нужды и питается; а то на выдумки идутъ: янтарьки продають, просьбы по постояннымъ дворамъ пишутъ, въ трактирахъ фокусы показываютъ,— всего и не перечтешь.

— И не дай Богъ,—вставилъ Лахтинъ.

— Именно, не дай Богъ, а между тѣмъ, въ такомъ печальномъ исходѣ совсѣмъ нѣтъ никакой необходимости. Если объ этомъ хорошенько подумать, то есть даже средство не только оказать оторваннымъ отъ мирныхъ занятій военнымъ людямъ справедливость, но выставить прямо отечество благодарнымъ къ своимъ слугамъ, — и въ то же время за одинъ пріемъ достигнуть высшаго государственнаго плана — пресѣчь возможность повторенія безпокойной аристократической крамолы. Вотъ въ чемъ дѣло: вамъ, какъ и мнѣ, извѣстно количество казенныхъ и конфискованныхъ магнатскихъ земель на Литвѣ и въ юго-западномъ краѣ. Казнѣ онѣ не принесутъ дохода,—все съѣсть администрація. По-моему, выгоднѣе будетъ отдать ихъ въ частныя руки. Я сообразилъ и расчелъ, что изъ нихъ можно накрошить двадцать пять тысячъ небольшихъ помѣщичьихъ имѣній, изъ которыхъ каждое можетъ приносить отъ пяти до шести тысячъ годового дохода.

— Я думаю, вы не ошиблись,—сказалъ Лахтинъ.

— Расчетъ мною сдѣланъ вѣрно. Необходимо только, чтобы всѣ эти земли явились въ трудолюбивыхъ рукахъ, и именно въ рукахъ воиновъ, поработавшихъ для водворенія здѣсь русскаго владычества. Офицеры въ правахъ и въ исторіи малосвѣдуши, но они хорошо знаютъ, чего имъ стоило усмирить разыгравшійся здѣсь мятежь, и потому оцѣнить все настоящимъ образомъ, безъ фантазіи. При томъ же это будетъ имъ справедливымъ вознагражденіемъ, за которое они будутъ благодарны правительству и усугубятъ свою преданность. А чтобы и казна своего не теряла—даромъ ничего давать не нужно, даровое всегда слабо цѣнится. А надо благоразумно перевести эти земли изъ непронизводительнаго казеннаго управленія въ частныя руки, и для этого есть средства. Стоитъ только образовать банкъ или другое какое кредитное учрежденіе съ специальною цѣлью помочь пріобрѣтенію этихъ земель русскими воинами на льготныхъ для выплаты условіяхъ, и цѣль эта будетъ вполне достигнута. А когда на двадцати пяти тысячахъ

мѣсть стануть двадцать пять тысячъ русскихъ помѣщичьихъ домиковъ, да въ нихъ передъ окнами на балкончикахъ задымятся двадцать пять тысячъ самоваровъ и поѣдетъ со съѣдъ къ сосѣду съ семействомъ на тройкахъ, заложенныхъ по-русски, съ валдайскимъ колокольчикомъ подъ дугою, да съ бубенцами, а на козлахъ отставной денщикъ въ тверскомъ шлыкѣ съ навливыми перьями заведетъ: «Не одну во полѣ дороженьку», такъ это будетъ уже не Литва и не Велико-Польша, а Россія. Единовѣрное намъ крестьянское населеніе какъ слышитъ пыхтѣнье нашихъ веселыхъ тульскихъ толстоузииковъ и разстилающійся отъ нихъ дымъ отечества, — сразу пойметъ, кто здѣсь настояще хозяева, да и поляки увидятъ, что это не шутка и не «збуйство да здрайство», какъ они называютъ наши нынѣшнія военныя нашествія и стоянки, а это тихое, хозяйственное заселеніе на всегдашнія времена, и дѣло съ возстаніями будетъ цокончено.

Лахтинъ вскричалъ:

— Это великолѣпно!

— Вы одобряете?

— Великолѣпно, Иванъ Ѳомичъ, великолѣпно!

А мы, — хотя насъ не спрашивали, — подъ вліяніемъ проникшаго насъ горячаго чувства, всѣ встали, поклонились Ивану Ѳомичу и безъ уговора сказали ему:

— Богъ въ помощь! Богъ въ помощь!

Онъ откланялся намъ жестомъ руки и сказалъ:

— Отъ души благодарю, господа, — ваме сочувствіе мнѣ дорого и дай Богъ, чтобы наше — какъ вижу — общее желаніе исполнилось ко благу нашей родины. А чтобы не оставаться долго на этотъ счетъ въ томительной нерѣшимости, — я сейчасъ отправлюсь къ фельдмаршалу и сейчасъ же представлю ему мою мысль.

Онъ всталъ, перекрестился, сказалъ: «Господи благослови!» — и вышелъ.

Мы, провожая его глазами, желали ему удачи. И хотя все это происходило въ канцеляріи, гдѣ торжественныхъ минутъ сердечнаго восхищенія по штатамъ не полагается, но тутъ оно было. Мы чувствовали, какъ сердца наши въ насъ горѣли, при мысли, что цѣлыя двадцать пять тысячъ семействъ нашихъ военныхъ трудниковъ разведутъ себѣ по домамъ и на полянкахъ свои самовары и стануть по-

паривать своимъ чайкомъ свои косточки, подь своею же кровлею, которую дало имъ за ихъ кровную службу отечество.

Конечно, можетъ-быть, теперь за это кто-нибудь и осудить, но надо было быть ближе къ тому времени, котораго это касается, и видѣть во-очію мужественныхъ людей, судьбу которыхъ по оставкѣ просто и трогательно намъ вспомнать Иванъ Ѳомичъ. Тогда станетъ понятно то чувство, какое мы испытывали, и оно было, дѣйствительно, патріотическое чувство, хотя и родилось въ канцеляріи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вечеромъ мы въ своихъ кружкахъ думали и гадали: каковы могутъ быть послѣдствія смѣлаго и, какъ намъ казалось, гениальнаго по своей простотѣ предложенія Ивана Ѳомича? Намъ казалось невозможнымъ, чтобы фельдмаршалъ не внялъ его представленіямъ и не позволилъ изыскать средства къ ихъ осуществленію.

Одинъ только, — былъ у насъ другой начальникъ отдѣленія, Ивашинъ, съ русской фамиліею, но хохоль, онъ былъ грубоватъ и выражался не изысканно, — такъ онъ не то что сомнѣвался, но не отрицалъ возможности сомнѣнія, и тѣмъ насъ огорчалъ. Онъ, лѣниво цѣдя слова сквозь зубы, сказалъ:

— Перестаньте угадывать и ждите утра: не угадаете; можетъ случиться и то, чего не можетъ быть. Совершенно невозможно на свѣтѣ только одно, — козырнаго туза покрыть, этого уже никакой чудотворецъ не сдѣлаеть.

Добрѣйшій Яковъ Ѳомичъ (такъ звали Ивашина) былъ и умникъ, и дѣлецъ, и характера самаго достойнаго, но любилъ, къ своему наслѣдственному гадяцкому или кролевецкому остроумію, подпустить благопріобрѣтеннаго волтеріанства. Особенно онъ лихъ былъ насчетъ чудесъ, которыя имѣлъ слабость считать личною для себя обидою, и всегда имѣлъ при себѣ наготовѣ этого козырнаго туза, котораго, по его словамъ, «никакой чудотворецъ не покроеть».

Но ночь прошла въ мирномъ снѣ, или, кому спать не хотѣлось, — въ другихъ какихъ-либо занятіяхъ, а на утро приходитъ въ канцелярію Лахтинъ и говоритъ:

— Свиданіе Ивана Ѳомича съ фельдмаршаломъ было

какъ нельзя больше благопріятно. Больше ничего вамъ сказать не могу, но Иванъ Ѳомичъ самъ все расскажетъ.

Самбурскій, какъ пришелъ, подписалъ заготовленные къ этому дню бумаги и потомъ говоритъ:

— Поздравляю всѣхъ васъ, господа, съ радостною работою. Фельдмаршалъ, выслушавъ мои соображенія, о которыхъ здѣсь вчера было говорено, изволилъ выразить этому дѣлу свое сочувствіе и желаетъ, чтобы были составлены самыя точныя и полныя свѣдѣнія съ возможно подробнымъ кадастровымъ описаніемъ, по которому можно было бы судить о достоинствѣ и стоимости имѣній. Это работа сложная и трудная, потому что мало данныхъ, но тѣмъ болѣе чести ее исполнить, и я надѣюсь, что тутъ мы себя покажемъ достойными его довѣрія и исполнимъ все какъ только возможно и съ большою радостію.

Дѣйствительно, работали съ радостію. Откуда только что возможно было выбрать — все собрали. А самъ Иванъ Ѳомичъ въ это время изготовилъ свой проектъ, который, какъ все имъ писанное, былъ изложенъ мастерски и пошелъ въ ходъ. Прежде чѣмъ готовы были наши кадастры и смѣты, потребныя уже къ заключительному дѣлежу и разсадкѣ двадцати пяти тысячъ нашихъ воиновъ, которые должны были поставить свои самовары и напустить здѣсь пріятнаго намъ отечественнаго дымку, князь былъ введенъ Самбурскимъ во всѣ его соображенія.

Все остальное дѣлалось скоро, мы спѣшили изготовить дѣло къ поѣздкѣ фельдмаршала въ Петербургъ, и изготовили такъ благовременно, что онъ могъ до отъѣзда изучить и детали дѣла. Это было необходимо для обстоятельнаго объясненія на каждый могущій возникнуть въ Петербургѣ вопросъ. Самбурскій былъ очень доволенъ, что князь вникаетъ въ дѣло внимательно и даже дѣлаетъ себѣ отмѣтки о земляхъ.

Послѣднее было тѣмъ радостнѣе, что Иванъ Ѳомичъ, имѣвшій на рукахъ кучу дѣлъ, не могъ оставить Варшавы и не сопровождалъ фельдмаршала. Стало-быть очень важно было, чтобы онъ все зналъ и могъ все совершить, не требуя какихъ-нибудь частныхъ разъясненій.

Самбурскій не ошибся: фельдмаршалъ, дѣйствительно, вполне овладѣлъ предметомъ и сочинилъ собственный планъ, какъ этимъ дѣломъ распорядиться.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Паскевичъ уѣхалъ, а мы въ это время въ своей канцеляріи все возились съ эмеритурою и вообще уравненіемъ русскихъ чиновниковъ въ выгодахъ службы съ чиновниками изъ поляковъ, которые имѣли многія преимущества. У насъ это дѣло поднималъ и горячо, но безуспѣшно разработывалъ Ивашинъ, а мы всѣ ему помогали, только безъ пользы. Это отсрочилось до новыхъ исторій, когда насъ тамъ уже не было. При насъ, какъ ни горячился Ивашинъ, русскіе чиновники военнаго министерства все получали за выслугу 35 лѣтъ 150—200 р. пенсіи, а чиновники Царства Польскаго изъ поляковъ по той же должности получали за выслугу 25 лѣтъ по 6,000 злотыхъ эмеритальнаго пенсіона. Ивашинъ представилъ это Паскевичу, и тотъ нашелъ это неправильнымъ и позволилъ открыть переписку съ разными вѣдомствами. Всѣмъ намъ хотѣлось упорядочить это такъ, — чтобы русскимъ не обидно было противъ поляковъ, но не вышло по нашему. Свѣдѣнія о штатахъ доставлялись плохо, и это намъ причиняло много хлопотъ, за которыми мы и не замѣтили, какъ прошло время отъѣзда свѣтлѣйшаго и онъ снова вернулся въ Варшаву.

Передъ возвращеніемъ князя ни сновъ никто не видалъ, ни мыши изъ норъ не выходили, ни невидимая нежить тяжелою ступнею по полу не расхаживала и не трещала половицами, словомъ, ничто никого не выживало, а между тѣмъ для всѣхъ насъ былъ готовъ ударъ, самый неожиданный и очень вредный для дѣла, но отчасти и нелишennyй комизма, или, лучше сказать, горькой ироніи.

Самбурскій видѣлся съ фельдмаршаломъ по его возвращеніи не изъ первыхъ, и притомъ не съ-глазу-на-глазъ, а на официальномъ выходѣ.

Иванъ Ѳомичъ не былъ самолюбивъ въ дурномъ смыслѣ этого слова, да и укола въ этомъ его самолюбію не было, но было другое, чего онъ имѣлъ причины не желать и опасаться. Было замѣтно, что свѣтлѣйшему какъ будто неловко или, по крайней мѣрѣ, непріятно что-то сообщить своему директору, котораго умомъ и соображеніями онъ самъ гордился, а честность его уважалъ.

Но, конечно, игры нельзя было тянуть долго: при пер-

вомъ же докладъ, будетъ или не будетъ рѣчь о томъ, что фельдмаршалу неприятно, — Самбурскій съ его прозорливостью прочтетъ князя; да и самому князю, который никого не боялся — нескладно же такъ институтски конфузиться лица ему подчиненнаго, какимъ былъ Самбурскій.

Паскевичъ, конечно, все это зналъ и не могъ поступить иначе, какъ поступилъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Самбурскій возвратился съ доклада князю не скоро, но вошелъ въ канцелярію сильными шагами, былъ красенъ и разстроены.

Онъ роздалъ начальникамъ отдѣленія Иващину и Ляхтину принесенныя съ собою бумаги и, послабивъ пальцемъ галстукъ, сказалъ:

— Господа! я съ вами прощаюсь.

Услыхавъ это, мы всѣ вскочили съ мѣсть и, забывъ всякую дисциплину, бросились къ нему и осыпали его вопросами: что, какъ и для чего?

— Я подаю въ отставку.

Всѣ опять заговорили:

— Для чего, Иванъ Ѳомичъ, для чего?

Онъ отвѣчалъ: представленіе мое рѣшено иначе, — князь имѣетъ маіоратъ, который долженъ приносить 200,000 злотыхъ, нѣсколько другихъ лицъ получили меньшіе участки съ доходами тысячъ до 60, и т. д. Въмѣсто многихъ маленькихъ русскихъ осѣдлыхъ помѣщиковъ будетъ только очень немного крупныхъ, и притомъ такихъ, которые никогда въ своихъ деревняхъ не сидятъ, — самоваровъ на столъ не ставятъ и за чаемъ по-русски не говорятъ. Такого оборота я не ожидалъ и не могъ придвидѣть, но эта игра не стоитъ свѣчъ. Если бы я зналъ, что это случится, то я задушилъ бы въ себѣ эту мысль, которую столько времени носилъ и въ значеніи которой для Россіи и для Польши не сомнѣваюсь. Но теперь она совершенно испорчена и, чтобы ее поправить, надо ожидать новаго возстанія и новыхъ конфискацій... Безъ этого и не обойдется, но одно воображеніе объ этомъ меня угнетаетъ. Я этого снести не могу.

Мы заговорили: ну, что Иванъ Ѳомичъ, — все можетъ измѣниться: фельдмаршалъ васъ уважаетъ и любитъ...

— Да; благодарю его, — перебилъ Самбурскій: — онъ меня не забылъ, — мнѣ тоже предложено выбрать себѣ майоратъ, но я этимъ не воспользуюсь, — я отъ него отказался. Передо мною была открыта возможность полнѣйшей оцѣнки всѣхъ земель и угодій вовсе не за тѣмъ, чтобы я могъ выбрать себѣ лучшее. Служить каждому правительству нужно честно, а тѣмъ болѣе правленію монархическому, гдѣ государь одинъ править, и потому кому онъ вѣритъ, тому грѣхъ и стыдъ не хранить и не беречь его довѣрія, а думать о себѣ. Отъ этого падаетъ уваженіе ко всему правительству. Въ разговорѣ со мною было употреблено слово «демократъ». Оно шло, очевидно, по моему адресу... Что же, — я принимаю и не обижаюсь; демократъ — не демагогъ. Быть демократомъ, между прочимъ, значитъ желать счастья возможно большому числу людей. Я этого желаю, и, по-моему, въ этомъ нѣтъ ничего дурного. Аристократія желаетъ противоположнаго: господства своего меньшинства. «Нельзя безъ аристократіи». Есть такой взглядъ, но только я его не раздѣляю. Аристократіи есть мѣсто въ Англии и тамъ я ее понимаю, хотя и тамъ считаю несправедливою и недолговѣчною; — роль аристократизма въ польской исторіи вижу только губительную, а въ русской исторіи никакого мѣста аристократизму вовсе не нахожу, ибо строй нашей монархіи демократическій. Въ другія начала я не вѣрю и служить имъ не могу. У меня есть хлѣбъ, — пенсіонъ, который я выслужилъ, а у жены моей въ Петербургѣ, на Воскресенской набережной, есть домикъ, въ которомъ мы и можемъ дожить нашу старость. Прощайте: служите честно, а меня не уговаривайте остаться. — При этомъ онъ горько улыбнулся и, обратясь съ шутливою иронію къ Ивашину, — добавилъ:

— Ваше взяло, Яковъ Ѳомичъ, — козырнаго туза, дѣйствительно, ничѣмъ не покроешь, а мои самоварчики заглохли и съ тѣмъ роль моя кончена.

Такъ оно и было для него кончено. Онъ выѣхалъ изъ Варшавы, имѣя тѣ же ограниченныя достатки, съ какими пріѣхалъ. Поляки, считавшіе Самбурскаго человѣкомъ спра-

ведливымъ и весьма его уважавшіе, были, однако, чрезвычайно рады его паденію. Его планъ о двадцати пяти тысячахъ самоваровъ сдѣлался имъ извѣстенъ черезъ закрытыя двери Петербурга или Варшавы и наугадъ ихъ хуже самыхъ большихъ пушекъ. Они ужаснулись этого плана, вредоносность котораго для всѣхъ ихъ затѣй была такъ очевидна по его необыкновенной простотѣ и органической прочности. Отдача казенныхъ и конфискованныхъ земель большими маіоратами, въ сравненіи со страшнымъ планомъ о самоварахъ, казалась легкою и сравнительно совсѣмъ неопасною для польскаго патріотизма,—что и оправдалось.

Самбурскій выѣхалъ скоро; съ фельдмаршаломъ они прощались въ палаткѣ, которая стояла у Паскевича въ комнатѣ. Разлука, вѣроятно, была теплая, потому что Самбурскій, выйдя, казался растроганнымъ. На виду предъ всѣми они еще поцѣловались, а когда Иванъ Ѳомичъ возвратился домой, прислуга, убиравшая его плащъ, нашла въ его карманѣ и подала Самбурскому пакетикъ, въ которомъ оказалась записочка на польскомъ языкѣ. Это было нѣчто въ родѣ диплома, выданнаго «дѣйствительному русскому демократу Самбурскому» на званіе «государственнаго самовара» (*samowara panstwa*).

Надъ этой польской шуткой, которую немудрено было устроить въ многолюдной лакейской, конечно, только и оставалось посмѣяться.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Вмѣсто Самбурскаго директоромъ канцеляріи былъ назначенъ Я—чъ, человекъ совсѣмъ другого сорта и другихъ правилъ. Онъ на первыхъ же порахъ столкнулся съ Ивашинымъ, который все еще продолжалъ хлопотать объ эмеритурѣ для русскихъ чиновниковъ. Повздоривъ съ начальникомъ отдѣленія, новый директоръ сказалъ ему:

— Я не могу съ вами служить.

— И мнѣ тоже это очень неприятно, — отвѣчалъ Ивашинъ: — просите себѣ перемѣненія или выходите въ отставку.

Того это ужасно обидѣло и онъ пожаловался Паскевичу.

— Ты ничего не понимаешь, и долженъ цѣнить людей, которыхъ тебѣ оставилъ Самбурскій, — отвѣчалъ фельдмар-

шаль.—А докучное дѣло объ уравненіи служебныхъ выгодъ, приносившее много хлопотъ по сношеніямъ, приказалъ «бросить».

Всему этому надо было долежаться до позднѣйшаго времени и до другихъ русскихъ дѣятелей, которымъ удалось сдѣлать въ этихъ вопросахъ болѣе того, что могъ сдѣлать Самбурскій. Чести ихъ это, разумѣется, нимало не уменьшаетъ, но для исторической вѣрности и справедливой оцѣнки событій, можетъ - быть, не лишнее знать, что идеи князя Владиміра Александровича Черкаскаго гораздо прежде его трудовъ въ Польшѣ имѣли перваго дальнозоркаго, дѣятельнаго и притомъ самоотверженнаго и безкорыстнѣйшаго представителя въ лицѣ Ивана Ѳомича Самбурскаго. Такихъ людей достойно знать и въ извѣстныхъ случаяхъ жизни подражать имъ, если есть сила вмѣстить благородный патриотическій духъ, который согрѣвалъ ихъ сердце, окрылялъ слово и руководилъ поступками.

Оглавленіе

III ТОМА.

	стр.
Запечатлѣнный Ангелъ	5
Праведники:	
Предисловіе	73
Однодумъ	76
Пигмей	108
Кадетскій монастырь	122
Прибавленіе къ разсказу о кадетскомъ монастырь	154
Русскій демократъ въ Польшѣ	158

